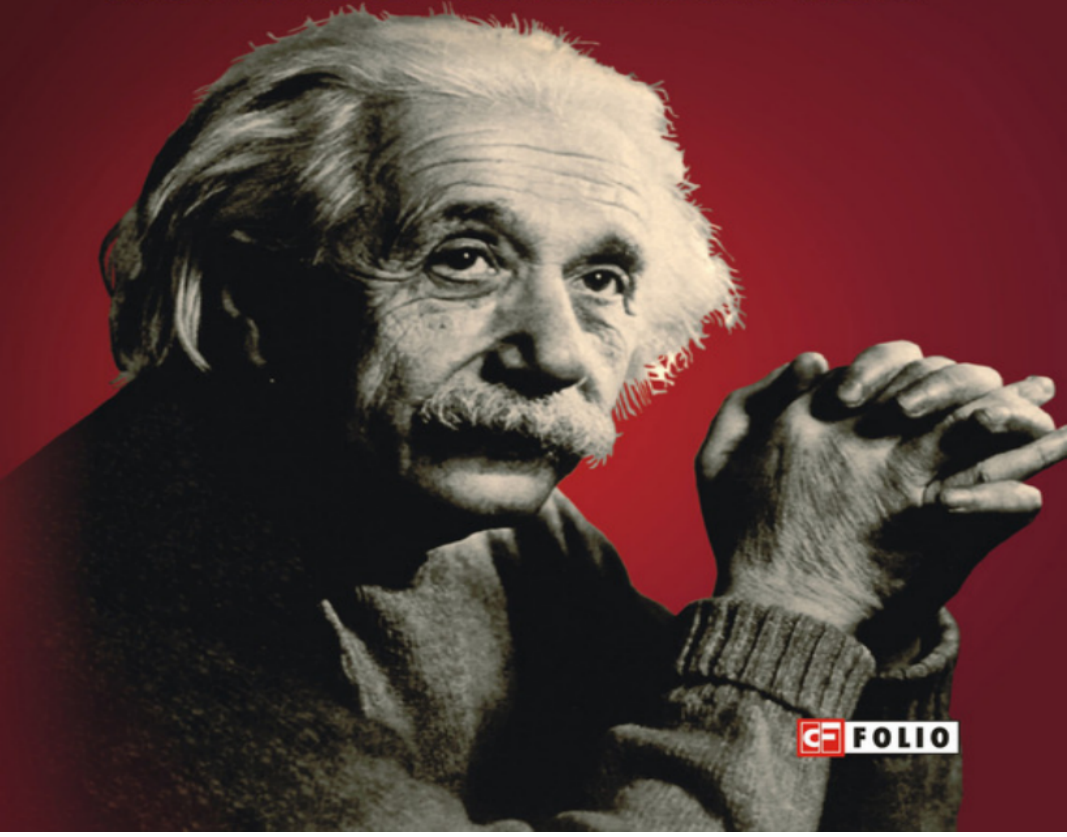
50 ГЕНИЕВ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ МИР



FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои этой книги – гениальные личности, оказавшие огромное влияние на судьбы мира и человечества. Многие достижения цивилизации стали возможны лишь благодаря их творческому озарению, уникальному научному предвидению, силе воли, трудолюбию и одержимости. От Аристотеля и Ньютона до Эйнштейна и Чаплина – эти имена гениев навсегда останутся в нашей памяти.

- Оксана Очкурова, Геннадий Щербак, Татьяна Иовлева
  - От авторов
  - Аристотель
  - Архимед
  - Барнард Кристиан Нитлинг
  - Бах Себастьян
  - Белл Александер
  - Бетховен Людвиг ван
  - Вавилов Николай Иванович
  - Вернадский Владимир Иванович
  - Винер Норберт
  - Винчи Леонардо да
  - Галилей Галилео
  - Гейтс Билл
  - Гутенберг Гензфляйш Иоганн
  - Декарт Рене
  - Достоевский Федор Михайлович
  - Кант Иммануил
  - Конфуций (Кун-Цзы)
  - Королев Сергей Павлович
  - Курчатов Игорь Васильевич
  - Лао-цзы
  - Ленин Владимир Ильич
  - Люмьер Луи, Люмьер Огюст
  - Магеллан Фернан
  - Макиавелли (Макьявелли) Никколо
  - Мао Цзэдун
  - Маркс Карл
  - Менделеев Дмитрий Иванович
  - Микеланджело
  - Моцарт Вольфганг Амадей
  - Наполеон I
  - Нобель Альфред

- Ньютон Исаак
- Павлов Иван Петрович
- Паскаль Блез
- Пастер Луи
- Платон
- Райт Уилбер, Райт Орвилл
- Склодовская-Кюри Мария
- Сталин Иосиф Виссарионович
- Фарадей Майкл
- Фрейд (Фройд) Зигмунд
- Хомейни Рухолла Мусави
- Цезарь Гай Юлий
- Чаплин Чарли
- Черчилль Уинстон
- Чингисхан
- Шекспир Уильям
- Эдисон Томас Алва
- Эйнштейн Альберт
- Янг Джерри

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Оксана Очкурова, Геннадий Щербак, Татьяна Иовлева
50 гениев, которые изменили мир

От авторов

Сколько бы столетий ни отделяло нас от жизни и деятельности гениальных людей, интерес к их личностям и творениям остается неизменным. Он продиктован желанием узнать как можно больше о том, как проявилось их могучее дарование, какие черты характера способствовали достижению ими столь значительных успехов в науке, технике, общественной мысли, литературе, искусстве и других областях человеческой деятельности. С неменьшим вниманием вглядываемся мы и в черты гениальности в наших современниках. Поэтому в этой книге читатель найдет жизнеописания великих людей различных эпох.

Знакомство с жизнью и деятельностью гениев лишний раз убеждает в том, что единого рецепта гениальности не существует. Большинство великих людей считало, что своими открытиями и достижениями они обязаны прежде всего трудолюбию и прилежанию. Так, Томас Эдисон, наиболее плодовитый изобретатель XX в., совершивший более 1000 открытий, утверждал, что «секрет гения – это работа, настойчивость и здравый смысл», а «успех – это 10 % везения и 90 % потения». А выдающийся российский физиолог И. П. Павлов уверял: «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Гений – это высшая способность концентрировать внимание… Неотступно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с ним же вставать! Только думай, только думай все время – и все трудное станет легким. Всякий на моем месте, поступая так же, стал бы гениальным». Но если бы все было так просто – мир состоял бы из одних гениев. А их по-прежнему рождаются единицы в столетие.

Совершенно иной была точка зрения немецкого философа Иммануила Канта. Он считал, что гениальность – это дар, который не может быть благоприобретенным и потому не зависит от обучения, воспитания и прилежания. И действительно, о многих героях этой книги – Архимеде и Ньютоне, Леонардо да Винчи и Микеланджело, Бахе и Моцарте, Фарадее и Винере – можно с уверенностью сказать, что они родились гениями.

Главной отличительной особенностью гениальной личности во все времена была способность видеть глубже и дальше других, отбирать из огромного числа фактов и явлений самые важные, создавая на этой основе стройную систему мироздания. Недаром, когда один из учеников Конфуция назвал его многоученым, философ возразил: «Нет, я всего лишь связываю все воедино, не более того». Так в результате творческого переосмысления гением

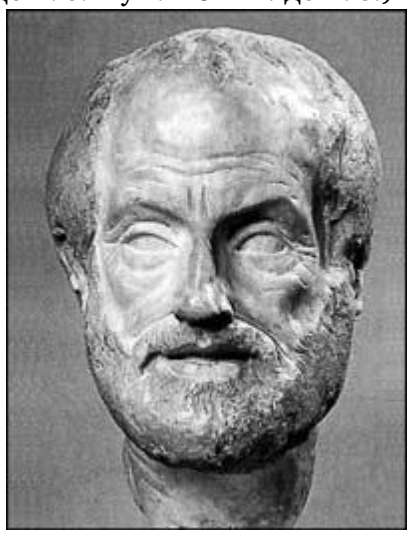
существующего мира рождается нечто новое и небывалое. Говоря об этом гигантском труде, итальянский мыслитель Никколо Макиавелли подчеркивал, что «нет ничего более трудного, чем браться за новое, ничего более рискованного, чем направлять, или более неопределенного, чем возглавить создание нового порядка вещей».

Сосредоточиваясь на решении глобальных проблем, увлеченные творчеством, гении нередко живут в своем, особом, далеком от окружающих мире. Вот почему их биографии зачастую изобилуют фактами, свидетельствующими о присущих им в обыденной жизни непрактичности, рассеянности, исключительной чувствительности и невосприятии самых простых вещей. Отсюда так много легенд, окружающих каждую гениальную личность, и попытки психологов, начиная с XVII в., провести параллель между гениальностью и помешательством. Кстати, одним из аргументов, используемых ими, служили высказывания… самих гениев, в частности, слова Аристотеля о том, что «не было еще ни одного великого ума без примеси безумия». Современная психологическая наука убедительно опровергла такого рода теории. Однако в тех случаях, когда психическая неуравновешенность гениального человека сочетается с такими чертами натуры, как фанатизм, жестокость, непомерное самолюбие, человеческие судьбы оказываются в руках великих злодеев, какими были, к примеру, Сталин, Мао Цзедун или Хомейни. Как ни парадоксально, но горе, принесенное ими человечеству, порою помнится людьми больше, нежели многие блага, дарованные гениями добра.

Но какими бы ни были результаты влияния гениальных личностей, все они так или иначе изменяли мир, в котором мы живем. «Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов» – так говорил о своих великих предшественниках Исаак Ньютон. Он и сам был из числа этих гигантов – гениев, которые пролагают дорогу в будущее для всего человечества.

Аристотель

(род. в 384 г. до н. э. – ум. в 322 г. до н. э.)



Древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, основоположник формальной логики, силлогистики и психологии. Автор философского учения и создатель философской школы – Ликея. Воспитатель наследника македонского престола Александра Македонского. Автор многочисленных трудов, охватывающих все отрасли знания, известные его современникам.

Удел высшего духа, который обычно именуют гением, – избирать темой своих исследований жизнь и сущность предметов, стремясь выразить их глубокое понимание. Аристотель считал, что «жизнь философа – самая счастливая», и находил «счастье в том, чтобы без помех упражнять свои способности, каковы бы они ни были». В анналы мировой истории он вошел как первый ученый-энциклопедист, поражающий обширностью своих знаний и размахом исследований. Древние источники приписывают ему более ста книг, из которых до наших времен дошла лишь половина. Аристотель оставил след во всех областях науки, известных древним грекам, – астрономии, географии, геологии, физике, анатомии, зоологии, политике, экономике, теологии, психологии и риторике. Он писал также об образовании и поэзии, обычаях варваров и конституции государства. Но, несмотря на такой спектр научных интересов, философы всегда подчеркивают главный вклад Аристотеля в историю мировой мысли – это труды по логике и психологии, основателем которых он и считается.

Достоверных данных о жизни Аристотеля сохранилось не так

много, однако по ним можно составить определенное представление о характере, привычках, нравственных и политических убеждениях величайшего философа античности. Родился будущий ученый в 384 г. до н. э. в г. Стагире, расположенном невдалеке от Афонской горы. Его отец Никомах был придворным лекарем при македонском царе Аминте. Для Никомахова рода эта профессия являлась традиционной. Знаменитый врач древности Гален даже упоминает о некоем открытии, которое якобы сделал отец Аристотеля в области медицины. Познания Никомаха, который стал для сына первым наставником и учителем в естествознании и медицине, сыграли немаловажную роль в жизни Аристотеля. А она складывалась непросто. В пятнадцать лет юноша остался сиротой, и опеку над ним взял родственник отца Проксен, также живший в Стагире. Он оказался прекрасным опекуном, который ни в чем не отказывал своему воспитаннику и всячески поддерживал его желание познавать науки. Приличное наследство, доставшееся Аристотелю от отца, позволяло ему жить безбедно. Это в первую очередь касалось книг, которые в те времена были очень дороги и мало кому доступны. Таким образом, еще с юности Аристотель привык много читать. Кроме того, многие исследователи утверждают, что он унаследовал от отца еще и его сочинения, в которых были скрупулезно описаны наблюдения над органической и неорганической природой. Поэтому, прежде чем заняться отвлеченными науками, Аристотель постарался обобщить опыт, накопленный Никомахом.

Следует отметить, что отношения между опекуном и воспитанником были настолько близкими и доверительными, что позже, после смерти Проксена, Аристотель усыновит его сына Никанора и выдаст за того свою дочь Пифиаду.

Большое влияние на юношу оказал македонский двор, где он провел раннее детство. Там он познакомился и с Филиппом Македонским, с которым его связывали не только общие интеллектуальные интересы, но и широко распространенное тогда враждебное отношение к Персии.

Хотя по своему происхождению Аристотель был греком, он оставался подданным македонского государя. Это обстоятельство имело в дальнейшем немаловажное значение для философской и научной деятельности, и даже для личной жизни Аристотеля. И в Македонии, и в Стагире он часто слышал рассказы об афинских мудрецах Сократе и Платоне – греки со свойственной им живостью передавали подробности жизни и деятельности своих знаменитых соотечественников. Аристотель страстно мечтал стать учеником Платона, для чего в 367 г. до н. э. отправился в

Афины. Правда, Платона он не застал: тот находился тогда на Сицилии. Аристотель, не теряя времени, принялся за изучение греческой философии и к приезду Платона уже был хорошо знаком с основными положениями его учения. Кто знает, как могла развиться мысль Аристотеля, если бы он познакомился с учением знаменитого философа от него самого и поддался огромному обаянию его личности. Платон был старше Аристотеля на сорок пять лет. Он привык иметь дело с учениками, которые безоговорочно принимали его идеи. Пытливый и в высшей степени живой ум Аристотеля приводил Платона в восторг, но ему очень не нравилось, что он направлен на изучение действительности, а не подчинен отвлеченным наукам.

В целом же в отношениях Платона и Аристотеля было много драматичного. Платон называл Аристотеля душой школы, признавал его самым талантливым своим учеником, и в то же время философа раздражал его щегольской вид. Учителю казалось, что дерзкий, независимый юноша недостаточно презирает все то житейское, к чему Платон всегда относился с горделивым равнодушием. В сущности, так это и было. Аристотель был убежден, что в жизни человека все заслуживает внимания и изучения. Он с детства не был приучен к лишениям, никогда не знал бедности, имел привычки и нравы, нередко расходившиеся с кодексом греческого философа. Аристотель не терпел наставлений о том, как есть, пить, какую носить одежду и как вести себя с окружающими. Одевался он изысканно и даже несколько экстравагантно: волосы были всегда тщательно подстрижены, пальцы украшены множеством колец. Молодой философ любил женщин и оказывал им всяческие знаки внимания, хотя и был о них невысокого мнения.

Свободный образ жизни и вызывающее поведение Аристотеля дали повод для всевозможных слухов, выставлявших его в неприглядном свете. Одна из легенд гласила, что якобы он в кутежах промотал свое состояние и ради заработка избрал себе ремесло торговца аптечным товаром. На самом же деле Аристотель, хотя и жил на широкую ногу, никогда не был мотом. Он, еще с юности изучавший медицину, в Афинах многим оказывал медицинскую помощь, а в те времена каждый медик сам изготавливал и продавал лекарства своим больным. Отсюда и корни этой легенды.

Да и в изложении философских взглядов Аристотель, склонный к анализу и исследованию действительности, резко отличался от своего учителя. Греки были восторженными поклонниками цветистого красноречия, и стиль Платона вполне

отвечал их представлениям об ораторском искусстве. Скупого на слова Аристотеля они долгое время почти не замечали.

Критики нередко обвиняли Аристотеля в неблагодарности по отношению к Платону. Однако сам философ, вспоминая своего учителя в одной из элегий, писал: «Ему не решился бы сделать вреда даже самый злейший человек». В одном из своих трудов – «Никомаховой этике» – он, как всегда, кратко, но емко высказал мысль о том, насколько ему тяжело опровергать учение Платона. Но в полемике со своим учителем Аристотель всегда говорил о нем в сдержанном и глубоко почтительном тоне. До самой смерти Платона Аристотель не открывал собственной школы, хотя свои философские идеи уже давно разработал во всех подробностях.

Афины Аристотель покинул в 348 г., сразу после смерти Платона, произнеся при этом, по преданию, знаменитые слова: «Платон мне друг, но истина дороже». Он отправился в Среднюю Азию. В г. Атарнее молодой философ женился на Пифиаде, младшей сестре тирана Атарнеи Гермия, своего друга и любимого ученика. Когда Гермий погиб в результате заговора, Аристотелю с молодой женой стало небезопасно находиться в городе, и они поселились на острове Лесбос. Пифиада была счастлива с Аристотелем. Позже у них родилась дочь, которую назвали в честь матери.

Во время пребывания на Лесбосе Аристотель получил приглашение от македонского царя Филиппа вернуться в Македонию и стать воспитателем его сына Александра. В послании говорилось: «Царь македонский приветствует Аристотеля. Извещаю тебя, что у меня родился сын. Но я благодарю богов не столько за то, что они даровали мне сына, сколько за рождение его во времена Аристотеля; потому что я надеюсь, что твои наставления сделают его достойным наследовать мне и повелевать македонянами».

Три года посвятил Аристотель воспитанию Александра, занимаясь с ним всеми образовательными предметами. Он дал своему царственному ученику энциклопедическое образование, передал ему свои медицинские познания, привил вкус к научным исследованиям природы. Большую часть времени учитель и ученик жили в Стагире, где для них был построен роскошный дворец Нимфеум, окруженный тенистыми садами. Филипп, а затем и Александр не жалели ничего, чтобы обеспечить Аристотелю возможность заниматься науками. Александр выделил ему для этих целей огромную сумму денег. Кроме того, около тысячи человек постоянно доставляли для научных опытов Аристотеля редких животных, растения и минералы.

С Александром Македонским Аристотель расстался накануне

его первого похода в Азию. 50-летний философ вместе с женой Пифиадой, дочерью и воспитанником Никанором (сыном своего опекуна) уехал в Афины, оставив вместо себя своего племянника и ученика, философа Каллистена. Платоновской Академией в то время руководил Ксенократ, Аристотель же основал в Ликии (священной роще Аполлона Ликейского) свою школу. По имени рощи эта школа стала называться Ликеем, а ее ученики – перипатетиками. Название это происходит от греческого слова «перипатос» (крытая галерея для прогулок, где проходили занятия). Перипатетиков было не так уж много, поскольку философия Аристотеля включала в себя чуждые для афинян естественнонаучные взгляды.

Творчество Аристотеля поражает своей энциклопедической разносторонностью. Согласно традиции его сочинения делятся обычно на семь групп:

– логические сочинения, которые позже перипатетики назвали Органон (organon – инструмент), ибо логику отделил от философии еще сам Аристотель и признал необходимым инструментом и основой всякой науки;

– сочинения из области физики, то есть науки о природе (от греческого слова *physis* — природа);

– биологические сочинения;

– сочинения из области психологии;

– произведения, касающиеся так называемой первичной философии;

– практические сочинения по вопросам этики, политики, экономики, теории государства и права;

– сочинения из области риторики и поэтики.

Однако центральную часть его научного наследия составляет философия, которой он, как и Платон, отводил самое возвышенное место. В первых книгах своей «Метафизики» Аристотель писал: «Философия есть наука, имеющая предметом исследование первых начал и причин вещей или сущности явлений. Она выше всех наук и чужда всякой корысти. Источник философии – это наше стремление постигнуть все непонятное и поразительное силой мысли». Рассмотренные им вопросы о материи, форме, причинах охватывают область так называемой первичной философии как учения о неизменных и неподвижных сущностях, хотя и в их связи с движением. Эти вопросы рассматриваются Аристотелем в «Метафизике», получившей свое название совершенно случайно, в силу того что в собрании Андроника Родосского, составившего список произведений Аристотеля, эта работа находилась «после физики». Однако слово «метафизика» получило в дальнейшем свой особый смысл – как

учение о принципах бытия, не раскрываемых физикой, т. е. умозрительных, онтологических положениях, из которых выводятся другие философские положения.

Аристотель первым определил задачу философии – исходить из общих начал для объяснения частных явлений. Указал он и средства для достижения этой цели, которые исходили из науки логики. В «Первой аналитике» Аристотель подробно объяснил, как образуются понятия, суждения, умозаключения, перечислил их разные виды. Свойства предметов он назвал категориями. Их десять – категории бытия, количества, качества, отношения, времени, места, положения, владения, действия и страдания. Во «Второй аналитике» было изложено учение о доказательствах, или выведениях. Наука есть знание о доказательствах, в которых «подлежащему» приписывается известное «сказуемое» на основании причины, почерпнутой из наблюдений.

В целом Аристотель посвятил логике несколько трудов, в том числе книги «Категории», «Об истолковании», две книги «Аналитики», две книги «Второй аналитики, или Трактата о доказательстве», «Трактат о диалектике» и работу «О софистических опровержениях». В своих трактатах Аристотель обстоятельно исследовал терминологию логики, подробно разобрал теорию умозаключений и доказательств, описал ряд логических операций, сформулировал основные законы мышления, в том числе законы противоречия, тождества и исключения третьего. Он также заметил, что между созданной им наукой и математикой (тогда она именовалась арифметикой) много общего. Ученый пытался соединить эти две науки, а именно свести размышление, вернее, умозаключение, к вычислению на основании исходных положений. В одном из своих трактатов он вплотную приблизился к такому разделу математической логики, как теория доказательств.

Большой вклад философ внес в создание теории о категорическом силлогизме. В качестве примера он приводит такой силлогизм: «Из положения, что все люди смертны и Сократ – человек, вытекает, что Сократ смертен». Силлогизм представляет собой вывод от общего к частному, т. е. дедукцию. Но Аристотель признавал и индукцию – вывод от частного к общему. Индукцию Аристотель рассматривал как путь познания общего. В логике Аристотеля большое место занимала разработка вопроса об общих принципах доказательства.

Средневековые философы придавали особое значение учению Аристотеля «О душе» – первому трактату по психологии. Одушевленные тела он делит на растения, животных и людей. Растительная, или вегетативная, душа предназначена только для

питания и продолжения рода, животная душа наделена вдобавок способностью восприятия, желания (воли) и движения, а человеческая душа – привилегией разумного мышления. По его определению, душа есть не тело, а неотделимая от него сущность: это форма, функция и цель живого организма, потому и невозможно переселение и бессмертие душ. Что касается человеческой души, то от животной она отличается тем, что обладает разумом, и его философ ставил выше души.

Давая общую характеристику философского творчества Аристотеля, историк философии А. Швеглер тонко подметил: «В руках Аристотеля философия потеряла свой национальный эллинский характер и сделалась общечеловеческим достоянием… Философия Аристотеля – это царство наблюдения и трезвой мысли. Он оставил стремление Платона отыскать единство бытия и с любовью стал присматриваться к бесконечному разнообразию окружающих явлений. Его занимали не идеи, а все конкретное и в природе, и в истории, и в окружающем мире».

Аристотель собрал и систематизировал огромный естественнонаучный материал своих предшественников, критически его оценил, исходя из собственных философских воззрений, и сам осуществил ряд глубоких наблюдений. В трактатах «Физика», «О происхождении и уничтожении», «О небе», «О метеорологических вопросах», «Механика» и др. он изложил свои представления о природе и движении. Исследования Аристотеля относятся к механике, акустике и оптике. В частности, звук он объяснял «сотрясением» воздуха звучащим телом, эхо – отражением звука, выступая против точки зрения Евклида. Физика у него в основе своей умозрительная и основанная на принципе целесообразности природы. Она хотя и содержала отдельные правильные положения, но вместе с тем отбрасывала прогрессивные идеи гелиоцентризма. Так, в трактате «О небе» Аристотель выдвинул простую и понятную теорию: вещи, находящиеся ниже Луны, претерпевают зарождение и распад; а все находящееся выше – не рождено и неуничтожимо. Земля, которая является сферичной, находится в центре Вселенной. В подлунной сфере все состоит из четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня; но существует пятый элемент – эфир, из которого и состоят небесные тела. Он обладает свойством неизменности и совершенства. Природное движение земных элементов прямолинейно, а движение пятого – круговое. Небеса полностью сферичны, и верхние их части более божественны, чем нижние. Звезды и планеты составлены не из огня, а из эфира; их движение происходит благодаря движению сфер, к которым они прикреплены. Свои взгляды на мир философ изложил в

космологии, господствовавшей в науке до появления теории Н. Коперника.

Канонизированное церковью учение Аристотеля тормозило дальнейшее развитие науки, средневековые церковники выхолостили его учение, они «убили в Аристотеле живое и увековечили мертвое». После тысячелетнего застоя и бесплодности наука возродилась лишь в XV–XVI вв. в борьбе против геоцентрических взглядов Аристотеля.

Чрезвычайно велики заслуги Аристотеля в области биологии. Он был сведущим и способным зоологом, интересовался сравнительной морфологией животных и эмбриологией, опирался на экспериментальный материал, различал около 500 видов животных, а его классификация животного мира не утратила актуальности до времен Линнея. Самыми значительными работами Аристотеля по биологии представляются «Анатомия животных», «Размножение животных», «История животных» и др.

Следующая группа сочинений Аристотеля касается так называемой практической философии: этики, политики, теории государства и права. Среди этических учений Аристотеля наиболее известна «Никомахова этика», содержащая знаменитый принцип умеренности, где добродетель помещается в так называемой золотой середине между двумя крайностями, мужество, к примеру, находится между удальством и трусостью. Аристотель делит добродетели на практические и теоретические.

Аристотель изучил многие проблемы развития природы и общества, ввел терминологию, не утратившую своего значения и поныне. Он популяризировал философские вопросы в искусно стилизованных диалогах, которые, к сожалению, были утрачены. Согласно Аристотелю, многообразие наук соответствует формам бытия, которые иерархически упорядочены и образуют органически-функциональное единство мира. Гражданской, общественной этике Аристотель посвятил свою «Политику» в восьми книгах. Это сборник ряда трактатов, в которых на конкретном материале существующих законов Аристотель представляет теорию справедливого государства и наилучшего общественного строя. Каждое государственное устройство хорошо, если оно обеспечивает благо всех граждан, ибо «государство создается… для того, чтобы жить счастливо». Существуют главным образом три хорошие формы управления – монархия, аристократия и народовластие – и три плохие – тирания, олигархия и охлократия. Две последние книги «Политики» представляли образ идеального государства.

Аристотель внес значительный вклад в античную эстетику. Для него искусство имело познавательное значение, и в этом он

резко расходился с Платоном, который разделял и противопоставлял искусство и познание. Искусство, как считал Аристотель, воспроизводит действительность, используя при этом все возможности творчества.

Для гуманитарных наук базовое значение имели его «Поэтика» и «Риторика». Последняя состояла из трех книг и представляла собой систематизированное пособие, предназначенное обучать искусству доказательства при помощи искусных доводов. Третья книга была посвящена в основном вопросам стилистики, искусству правильно выражаться и грамотно строить речь. «Поэтика» первоначально состояла из двух книг. В первой Аристотель разбирал трагедию и эпопею, а во второй – дифирамбическую поэзию и комедию. Сохранилась только первая книга. Аристотель обозначал здесь искусство как подражание и приводил знаменитое определение трагедии: она является произведением, имитирующим действительность, в котором действуют люди, и об их делах мы узнаем прямо, а не из рассказов. Трагедия, пробуждая сострадание и страх, приводит к очищению (катарсису). Аристотелем были выделены шесть составляющих трагедии: сюжет, характеры, смысл, сценическое обрамление, язык и стиль (а также музыка); он говорит о так называемом правиле триединства места, времени и действия, соблюдаемом мировыми театрами и поныне.

Следует также отметить, что первую известную теорию метафоры предложил именно Аристотель в своей «Поэтике», признав, что она – не пустая игра слов, но живой процесс коммуникации и обучения.

Аристотель, считавший, что «всякая философия есть красота…», а «всякая наука есть кропотливо-точное исследование жизни», положил начало естественно-историческому изучению природы. Он оказал значительное влияние на все дальнейшее развитие научной и философской мысли средневековья и нового времени.

Вскоре после переезда Аристотеля из Македонии в Афины умерла Пифиада. Он горько оплакивал потерю любимой жены и воздвиг в память о ней мавзолей. Через два года после ее смерти Аристотель женился на своей рабыне, красавице Герпилис, которая родила ему сына Никомаха.

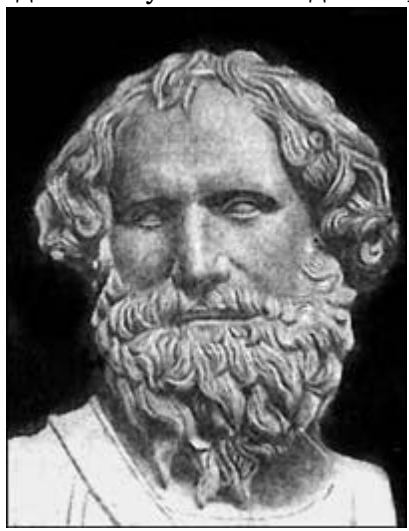
В беседах со своими учениками и со своим царственным воспитанником Александром Македонским Аристотель часто говорил о том, что после пятидесяти лет умственные силы слабеют и в это время наступает пора, когда человеку надо пожинать то, что он посеял раньше. Так поступил и сам философ. Он жил размеренной жизнью, писал одно за другим свои

сочинения, прогуливаясь по тропинкам Ликея, терпеливо объяснял ученикам особенности своей философии. И хотя Аристотель, как истинный мудрец, держался в стороне от политических событий, после смерти Александра Македонского находиться в Афинах ему стало небезопасно. Не имея никаких других причин для его изгнания, афиняне не придумали ничего лучшего, как обвинить его в непочтении к богам. Опасаясь повторить судьбу Сократа, Аристотель уехал в Халкиду, где умер в 322 г. до н. э. от наследственной болезни желудка.

Тело философа было перевезено в его родной город Стагиру, где сограждане воздвигли роскошный мавзолей, носивший его имя. Он просуществовал долгие годы, но все же не устоял перед безжалостным временем. А вот памятник нерукотворный оказался неподвластным не только векам, но и тысячелетиям, обессмертив имя великого мыслителя античности в памяти последующих поколений. Недаром же на здании Национальной академии наук в Вашингтоне выгравированы слова Аристотеля: «Искать истину – легко и трудно, ибо очевидно, что никто не может ни целиком ее постигнуть, ни полностью не заметить, но каждый добавляет понемногу к нашему познанию природы, и из совокупности всех этих факторов складывается величественная картина».

Архимед

(род. ок. 287 г. до н. э. – ум. в 212 г. до н. э.)



Знаменитый древнегреческий ученый: математик, механик, астроном, физик, инженер, конструктор, изобретатель. Основоположник математической физики, открывший многие из основных законов физики и математики, разработавший методы нахождения площадей, поверхностей и объемов различных фигур и тел, предвосхитившие интегральное исчисление. С его именем связываются введение понятия центра тяжести, открытие законов рычага и разработка основ гидростатики. Автор многих изобретений. Организатор инженерной обороны Сиракуз против римлян.

В век информационных технологий и ярких прорывов в узких областях науки мы привыкли гордиться своими достижениями, забывая при этом, что основы всех наших знаний были заложены учеными в глубокой древности. Именно они стояли у истоков истины и были первопроходцами. А гений Архимеда Сиракузского состоит еще и в том, что он подтвердил большинство своих идей на практике. Наши современники с успехом используют их, но при этом часто не знают, кому они принадлежат. О жизненном же и творческом пути самого ученого известно лишь из воспоминаний и легенд.

Архимед родился около 287 г. до н. э. в г. Сиракузы, на острове Сицилия. В годы, на которые пришлось его детство, эпирский царь Пирр вел здесь войну с римлянами и карфагенянами, пытаясь создать новое греческое государство. В

этой войне отличился один из родственников Архимеда – Гиерон, и в 270 г. до н. э. он стал правителем Сиракуз. Отец Архимеда, Фидий, был одним из приближенных Гиерона, что позволило ему дать сыну хорошее образование. Есть достаточно оснований считать, что Архимед начинал свою деятельность на поприще практической механики в качестве военного инженера, но тяга к углублению теоретических знаний привела его в Александрию, тогдашний научный центр. Здесь Птолемеи – правители Египта – собрали лучших греческих ученых и мыслителей того времени, а также основали самую большую в мире библиотеку, в которой Архимед проводил много времени, изучая математику и труды Демокрита, Евдокса и др. В эти годы у Архимеда сложились дружеские отношения с астрономом Кононом, математиком и географом Эратосфеном, с которыми он поддерживал в дальнейшем научную переписку, и вообще большинство его работ оформлено в виде посланий александрийским ученым.

После учебы Архимед вернулся в родной город и унаследовал должность своего отца, придворного астронома, по преданиям, определившего приблизительное расстояние от Земли до Луны и Солнца. Это было мирное время для Сиракуз. Правителю Гиерону ценой выплаты Риму большой контрибуции удалось выйти из 1-й Пунической войны в 241 г. до н. э. Полибий в своей «Всеобщей истории» так характеризовал его: «Гиерон сам приобрел власть, не имея ни богатства, ни славы, ни других даров судьбы. За всю свою власть он никого не убил, не изгнал, не обидел, а властвовал 54 года…» Гиерон уделял большое внимание укреплению города, как, впрочем, и его преемники, готовясь к грядущим военным схваткам. В оборонительных планах Сиракуз военная техника занимала видное место, и инженерный гений Архимеда сыграл в этом огромную роль. Он был крупнейшим инженером своего времени, конструктором машин и механических аппаратов.

Архимед вернулся на Сицилию зрелым математиком. В теоретическом отношении исследования этого великого ученого были ослепляюще многогранны. Его первые труды были посвящены механике. В своих математических работах он также нередко опирался на механику и являлся первым представителем математической физики, вернее, физической математики. Так, ученый использовал принцип рычага при решении ряда геометрических задач и формулировке математических выводов, которые были изложены им в сочинении «О равновесии плоских фигур», при вычислении площади параболического сегмента и объема шара. Эти работы ученого явились начальным этапом интегрального исчисления («Параболы квадратуры»), открытого

через две тысячи лет. А в труде «Об измерении круга» Архимед впервые вычислил число π – отношение длины окружности к диаметру – и доказал, что оно одинаково для любого круга (больше чем 3,1408, но меньше чем 3,1428). Кроме того, мы до сих пор пользуемся придуманной Архимедом системой наименования целых чисел.

В своих исследованиях в области физики Архимед в первую очередь занимался проблемами статики. Разработка строительной и военной техники была теснейшим образом связана с вопросами равновесия и подводила к выработке понятия центра тяжести. Сконструированные на основе действия рычага машины (или по-гречески «механе») помогли человеку «перехитрить» природу.

Важнейшими научными достижениями Архимеда в области механики являются принцип рычага и учение о центре тяжести. Им же были заложены основы гидростатики. Лишь в конце XVI в. и в первой половине XVII в. они были развиты Стевиным, Галилеем, Паскалем и другими учеными, опиравшимися на знаменитый закон Архимеда, изложенный им в сочинении «О плавающих телах». Этот труд был первой попыткой экспериментально проверить фундаментальное предположение о строении вещества путем создания его модели. Архимед не только подтвердил атомистические идеи Демокрита, но и доказал ряд важных положений о физических свойствах атомов жидкости. Научный гений ученого в этом труде проявляется с исключительной силой. Полученные им результаты приобрели современную формулировку и доказательство только в XIX в.

Так как Сиракузы были портовым и судостроительным городом, то вопросы плавания тел ежедневно решались практически, и выяснение их научной основы, несомненно, представлялось Архимеду актуальной задачей. Он изучал не только условия плавания тел, но и вопрос об устойчивости равновесия плавающих тел различной геометрической формы. Существует несколько легенд о том, как ученый пришел к своему закону, который гласит, что на тело, погруженное в жидкость, действует сила, равная весу вытесненной им жидкости. Вполне возможно, что, как гласит легенда, прозрение снизошло на Архимеда в бане, когда он вдруг обратил внимание, что при поднятии ноги из ванной уровень воды в ней становится ниже. И осененный идеей ученый голым выскочил из бани и с криком «Эврика!» понесся по людной улице. Так или иначе, но это открытие стало первым законом гидростатики. Аналогичный закон – определения удельного веса металлов Архимед вывел при решении задачи, поставленной перед ним Гиероном. Правитель

предложил ученому определить, сколько золота содержится в его короне и не содержит ли она посторонней примеси.

Кроме математики, физики и механики, Архимед занимался геометрической и метеорологической оптикой и сделал ряд интересных наблюдений по преломлению света. Имеются сведения о том, что ученым было написано не дошедшее до нас большое сочинение под названием «Катоптрика», отрывки из которого часто цитировались древними авторами. На основе этих цитат можно сделать вывод о том, что Архимед хорошо знал зажигательное действие вогнутых зеркал, проводил опыты по преломлению света в воздушной и водной средах, знал свойства изображений в плоских, выпуклых и вогнутых зеркалах. Вот как об этих работах говорил Апулей: «Почему в плоских зеркалах предметы сохраняют свою натуральную величину, в выпуклых – уменьшаются, а в вогнутых – увеличиваются; почему левые части предметов видны справа и наоборот; когда изображение в зеркале исчезает и когда появляется; почему вогнутые зеркала, будучи поставлены против Солнца, зажигают поднесенный к ним трут; почему в небе видна радуга; почему иногда кажется, что на небе два одинаковых Солнца, и много другого подобного же рода, о чем рассказывается в объемистом томе Архимеда».

Однако от самого труда, да и то в позднем пересказе, уцелела лишь единственная теорема, в которой доказывается, что при отражении света от зеркала угол падения луча равен углу отражения. С «Катоптрикой» связана и легенда о жгущих зеркалах – поджоге Архимедом римских кораблей во время осады Сиракуз. Но в трех сохранившихся описаниях штурма: Полибия (II в. до н. э.), Тита Ливия (I в. до н. э.) и Плутарха (I в. н. э.) – нет упоминаний не только о сожжении кораблей зеркалами, но и вообще о применении огня. Вопрос, что в этой истории вымысел, а что является отражением действительных событий, и по сей день вызывает бурные дискуссии современных ученых. Некоторые исследователи не исключают возможности, что гению Архимеда были по силе изобретение и постройка гелиоконцентратора, так как сама идея расчленения вогнутого зеркала на множество плоских элементов, связанная с заменой кривой вписанными и описанными многоугольниками, часто применялась им в геометрических доказательствах.

В последний период своей жизни Архимед в основном занимался вычислительно-астрономическими работами. Римский писатель Тит Ливий назвал ученого «единственным в своем роде наблюдателем неба и звезд». И хотя астрономические сочинения Архимеда до нас также не дошли, можно не сомневаться, что эта характеристика неслучайна. О его занятиях астрономией

свидетельствуют и рассказы о построенной им астрономической сфере, захваченной Марцеллом как военный трофей, и сочинение «Псаммит», в котором Архимед подсчитывает число песчинок во Вселенной. Сама постановка задачи представляет большой исторический интерес: точное естествознание впервые приступило к подсчетам космического масштаба, пользуясь еще не совершенной системой чисел.

В сочинении Архимеда впервые в истории науки сопоставляются две системы мира: геоцентрическая и гелиоцентрическая. Ученый указывал, что «большинство астрономов называют миром шар, заключающийся между центрами Солнца и Земли». Таким образом, он принимал мир хотя и очень большим, но конечным, что позволило ему довести свой расчет до конца.

Видевшие «небесный глобус» Архимеда – своеобразный планетарий, который был одним из замечательных произведений античной механики, – отзывались о нем с восхищением. Сам ученый, вероятно, высоко ценил это свое детище, так как написал о его устройстве специальную книгу, о которой упоминают его современники. Римский христианский писатель Лактанций так говорил о знаменитой архимедовской «сфере»: «Я вас спрашиваю, ведь мог же сицилиец Архимед воспроизвести облик и подобие мира в выпуклой округлости меди, где он так разместил и поставил Солнце и Луну, что они как будто совершали каждодневные неравные движения и воспроизводили небесные вращения; он мог не только показать восход и заход Солнца, рост и убывание Луны, но сделать так, чтобы при вращении этой сферической поверхности можно было видеть различные течения планет…»

Основой механического звездного глобуса Архимеда служил обычный глобус, на поверхность которого были нанесены звезды, фигуры созвездий, небесный экватор и эклиптика – линия пересечения плоскости земной орбиты с небесной сферой. Вдоль эклиптики располагались 12 зодиакальных созвездий, через которые движется Солнце, проходя одно созвездие в месяц. Не выходили за пределы зодиака и другие «блуждающие» небесные тела – Луна и планеты. Глобус закреплялся на оси, направленной на полюс мира (Полярную звезду), и погружался до половины в кольцо, изображающее горизонт. Созвездия были показаны на нем зеркально, и для того, чтобы представить себе, как они выглядят на небе, надо было мысленно перенестись в центр шара. Звездный глобус использовали как подвижную карту звездного неба. В данном случае Архимед предстает перед нами и как астроном-наблюдатель, и как теоретик, и как конструктор

астрономических приборов.

Архимед не был замкнутым человеком. Он стремился сделать свои достижения общеизвестными и полезными обществу. И благодаря его любви к эффектным демонстрациям люди считали его работу нужной, правители предоставляли ему средства для опытов, а сам он всегда имел заинтересованных в деле и толковых помощников. Тем своим согражданам, которые сочли бы его изобретения ничтожными, Архимед предоставлял решительные доказательства противного. Так, в один из дней он, хитроумно приладив рычаг, винт и лебедку, к удивлению зевак, «силой одного человека» спустил на воду тяжелую галеру, севшую на мель, со всем ее экипажем и грузом.

Цицерон, великий оратор древности, говорил об Архимеде: «Этот сицилиец обладал гением, которого, казалось бы, человеческая природа не может достигнуть». Великий ученый, страстно увлеченный механикой, создал и проверил теорию пяти механизмов, известных в его время и именуемых «простыми», – это рычаг, клин, блок, бесконечный винт (теперь используемый в мясорубке) и лебедка. На основе бесконечного винта Архимед изобрел машину для поливки полей, так называемую «улитку», машину для откачки воды из трюмов и шахт и, наконец, пришел к изобретению болта, сконструировав его из винта и гайки. Многие древние историки, ученые и писатели рассказывают еще об одном удивительном «открытии» Архимеда, которое заставило его радостно воскликнуть: «Дай мне место, где бы я мог стоять, и я подниму Землю!» («Математическая библиотека» Паппа). Сходный по содержанию текст имеется у Плутарха: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Ни в одном из рассказов это «открытие» не названо, но в настоящее время в нем усматривают не обыкновенный рычаг, а механизм, близкий к лебедке, состоявший из барабана для наматывания каната, нескольких зубчатых передач и червячной пары. Новым здесь был сам принцип построения многоступенчатой передачи.

Архимед был одержим наукой и изобретательством. Сконструированные им аппараты и машины воспринимались современниками как чудеса техники. Создавалось впечатление, что он не спал и не ел, а уделял все время лишь творческому поиску. Даже Плутарх, превозносивший его мудрость и дух, заметил, что «он жил как бы околдованный какою-то домашнею сиреною, постоянной его спутницей, заставляющей его забывать пищу, питье, всякие заботы о своем теле. Иногда, приведенный в баню, он чертил пальцем на золе очага геометрические фигуры или проводил линии на умащенном маслом своем теле. Таков был Архимед, который благодаря своим глубоким познаниям в

механике смог, насколько это от него зависело, сохранить от поражения и себя самого, и свой город».

Слава Архимеда-инженера была ошеломляющей, оставившей след в сознании всего эллинистического мира, перешагнувшей границы стран и столетий. Его инженерный гений особенно ярко проявился при драматических обстоятельствах осады Сиракуз весной 214 г. до н. э., когда Архимеду было уже за семьдесят. Это был величайший триумф, который когда-либо выпадал на долю ученых. Здесь проявился его талант не только изобретателя, но и незаурядного строителя. Как известно, античные фортификационные сооружения знали только сплошные стены. Архимед рассчитал на прочность и создал в крепостных укреплениях амбразуры и бойницы, предназначенные для так называемого «нижнего и среднего боя». О том, что ученый серьезно занимался строительным делом, свидетельствует и его не дошедшее до нас сочинение «Книга опор», которая, по-видимому, являлась единственной в античные времена работой, посвященной строительным расчетам.

Не меньшую славу принесли Архимеду созданные им военные машины. Так, греческий историк Полибий, описывая осаду Сиракуз, подробно рассказывает об архимедовых машинах, которые, по его свидетельству, были сооружены в мирное время, задолго до нападения римлян, и позволили горожанам отражать атаки превосходящего по силе противника в течение почти трех лет. В своей «Всемирной истории», написанной примерно через пятьдесят лет после осады, Полибий рассказывал, что нападающие «не приняли в расчет искусство Архимеда, не учли, что иногда один даровитый человек способен сделать больше, чем множество рук… Архимед заготовил внутри города… такие средства обороны, что защитникам не было необходимости утруждать себя непредусмотренными работами на случай неожиданных способов нападения; у них заранее было все готово к отражению врага…» Фактически ученый организовал оборону города.

Предводитель римлян Марцелл осуществил двойную атаку Сиракуз: с суши и с моря. Сухопутной армии Архимед противопоставил разнообразные военные машины для метания дротиков, копий и громадных камней, «бросаемых с великой стремительностью. Ничто не могло противостоять их удару, они все низвергали пред собой и вносили смятение в ряды». Подойти к городу с моря тоже оказалось невозможно. Как писал Плутарх: «…Вдруг с высоты стен бревна опускались, вследствие своего веса и приданной скорости, на суда и топили их. То железные когти и клювы захватывали суда, поднимали их в воздух носом вверх,

кормою вниз и потом погружали в воду. А то суда приводились во вращение и, кружась, попадали на подводные камни и утесы у подножия стен. Большая часть находящихся на судах погибала под ударом. Всякую минуту видели какое-нибудь судно поднятым в воздухе над морем. Страшное зрелище!..»

Попытка Марцелла противопоставить технике Архимеда римскую военную технику потерпела крах. Архимед разбил громадными камнями осадную машину «самбуку». Кроме того, по приказу изобретателя опускалась железная лапа, привязанная к цепи. Этой лапой машинист, управлявший клювом машины точно рулем корабля, захватывал нос корабля, а затем опускал вниз другой конец машины, находившейся внутри городских стен.

В описаниях военных машин постоянно фигурируют железные «лапы», «клювы» и «когти», в которых ученые усматривают предшественников самозатягивающихся клещей, современных манипуляторов и подъемных кранов. Причем машины были передвижными, имели стрелу, поворачивавшуюся вокруг вертикальной оси, и каждой управлял единственный машинист. Ни до ни после Архимеда никто таких уникальных военных машин не использовал. Психологический эффект их применения на нападавших был огромен. Ученый, создатель и организатор системы обороны наглядно показал, как может быть мала дистанция от идеи до возможности ее реального воплощения. Заслуга Архимеда как конструктора состоит в том, что он не довольствовался макетами, а доводил свои грандиозные замыслы до полного завершения.

Римляне оставались под Сиракузами в течение восьми месяцев, но им так и не удалось блокировать город. Между тем потери среди них были огромными, и Марцеллу пришлось увести флот в безопасное место, дать приказ об отходе сухопутной армии и перейти к длительной осаде. Не решаясь больше идти на приступ, римляне начали действовать хитростью. Выбрав ночь после праздника, когда потерявшие бдительность защитники заснули, отборный отряд легионеров бесшумно поднялся на стену, перебил стражу и открыл ворота Гексапилы. Защитники города упали духом, а среди наемников нашлись предатели, открывшие римлянам и его главные ворота. Начавшаяся в Сиракузах эпидемия чумы завершила дело.

«Немало примеров гнусной злобы и гнусной алчности можно было бы припомнить, – пишет Ливий о разграблении Сиракуз, – но самый знаменитый между ними – убийство Архимеда [212 г. до н. э.]. Среди дикого смятения, под крики и топот озверевших солдат, Архимед спокойно размышлял, рассматривая начерченные на песке фигуры, и какой-то грабитель заколол его

мечом…» Существует четыре версии его гибели, но все они указывают, что Архимед был убит в момент очередного научного поиска и вовсе не случайно – ведь его ум стоил в те времена целой армии. Таким образом, он вошел в историю как один из первых ученых, работавших на войну, и как первая жертва войны среди людей науки. На его могиле был установлен памятник с геометрическим чертежом цилиндра с вписанным в него конусом и шаром с указанием отношений их объемов (3:2:1).

Таким предстает перед нами Архимед – теоретик, исследователь, инженер, популяризатор науки. Сочетание математического таланта с практическим мышлением и организаторскими способностями встречается не так уж часто. В истории науки Архимед является ярким примером исследователя, соединившего воедино теорию и практику, и, несомненно, служит образцом для многих поколений исследователей. Предложенное Архимедом направление в науке – математическая физика, которую он провозгласил и в которой так много сделал, не была воспринята ни его ближайшими потомками, ни учеными средневековья. Если говорить об ученых, опередивших свое время, то Архимед, вероятно, может считаться своеобразным рекордсменом. Только в XVI–XVII вв. европейские математики смогли наконец осознать значение того, что было сделано Архимедом за две тысячи лет до них. На путь, открытый им, устремились его последователи-энтузиасты, которые горели желанием, как и учитель, доказать свои знания конкретными завоеваниями.

В память об этом гении древности ученые и сейчас, спустя два тысячелетия, повторяют его радостный возглас как боевой клич науки: «Эврика!» – «Я нашел!»

Барнард Кристиан Нитлинг

(род. в 1922 г. – ум. в 2001 г.)

Выдающийся южноафриканский кардиохирург, совершивший первую в мире трансплантацию сердца (1967 г.), с именем которого связаны значительные достижения в иммунологии, физиологии, реаниматологии, фармакологии, биохимии. Доктор медицинских и философских наук. Почетный гражданин многих стран, профессор различных университетов. Автор более 300 научных трудов, 15 книг и нескольких бестселлеров. Организатор и руководитель нескольких благотворительных фондов.

Среди 133 высших наград хирурга от 30 государств – Золотой скальпель, Золотая медаль им. Альберта Швейцера и орден Николая Чудотворца «За приумножение добра на Земле».

Биография гениального хирурга Кристиана Барнарда содержит все привычные составляющие, столь характерные для жизни многих великих людей: нищее детство, юность, проведенная в трудах и лишениях, яркие достижения в зрелые годы, принесшие мировую славу и богатство. Мечтал ли об этом сын священника из небольшого городка Бофорт-Уэста на юге Южно-Африканского Союза (ныне – ЮАР)? По его признанию – нет, он просто хотел хорошо зарабатывать. Его отец, Адам Барнард, возглавлявший религиозную миссию, и мать, учительница, как ни старались, с трудом могли прокормить пятерых детей. Вполне возможно, что старший из них, Кристиан, родившийся 8 ноября 1922 г., принял решение стать врачом подсознательно после смерти от порока сердца одного из своих

братьев. К тому же профессия эта хорошо оплачивалась.

Бедный, но добросовестный студент ежедневно проходил по десять миль пешком, чтобы изучать азы медицины в университете Кейптауна. Ему рано пришлось начать работать, чтобы оплачивать обучение.

В 1946 г. Барнард получил диплом врача и женился на очаровательной медсестре Алейте Лоув. Чтобы купить ей обручальное кольцо, жениху пришлось продать с таким трудом купленный старенький автомобиль. Молодой врач практиковал в Кейптауне, специализируясь в области хирургии, преподавал, писал научные работы и уже в 1953 г. получил степень доктора медицины в медицинской школе при Кейптаунском университете. Важным этапом в его жизни стала трехлетняя специализация в кардиохирургии в качестве аспиранта при университете Миннесоты (США). Здесь впервые Барнард стал проводить операции на открытом сердце.

По возвращении в Кейптаун он создал и возглавил хирургическое отделение больницы Гроте Схур, где были сделаны первые на африканском континенте кардиологические операции. В это же время кардиохирург разработал новые методы замены пораженных сердечных клапанов искусственными. Барнард оперировал не только взрослых, но и детей с врожденными пороками сердца в открытом им отделении в больнице Красного Креста. Его первый маленький пациент, перенесший подобное хирургическое вмешательство, жив до сих пор. Веселый жизнерадостный доктор был большим энтузиастом и не останавливался на достигнутом, а использовал в своей работе все накопленные знания. К тому времени в мире уже были выполнены пересадки почки и печени. Три месяца Барнард проходил специализацию по трансплантации в США, а потом, успешно пересадив почку, вновь стал первым хирургом в Африке, осуществившим подобную операцию.

Почти ежегодно Барнард отправлялся за рубеж изучать опыт коллег. Но, по его собственному признанию, путь к достижению своей цели он увидел после того, как побывал в Москве и ознакомился с уникальными результатами гениального хирурга, биолога и одержимого ученого-экспериментатора Владимира Демихова, который еще в 1951 г. пересаживал собакам донорские сердца, легкие, а одной даже смог подсадить вторую голову. Барнарду, преклонявшемуся перед его достижениями, называвшему Демихова своим учителем и отцом кардиотрансплантологии, наверное, было просто немыслимо предположить, что уникальный советский хирург скончался в нищете, почти всеми забытый. «Если вы почитаете его работы, –

говорил он в интервью, – то увидите, каких феноменальных результатов он достиг, проводя операции на животных. Только отсутствие специальной аппаратуры, которая бы позволяла поддерживать искусственное кровообращение, не позволило ему проводить операции на человеке. У нас такое оборудование было…» (Заметим, что в СССР первую успешную операцию осуществил кардиохирург Валерий Шумаков в 1987 г.)

Вернувшись из Москвы домой, Барнард практически забросил клиническую практику на долгие шесть лет, отрабатывая на животных технику трансплантации. Он был одержим одной целью – пересадить сердце от одного человеку к другому.

3 декабря 1967 г. доктор Барнард и бригада из 30 его коллег провели первую в мире трансплантацию сердца в больнице Гроте Схур от 25-летней Дениз Дарваль, получившей смертельные увечья в автомобильной катастрофе, безнадежно больному 54-летнему коммерсанту Луису Вашканскому. Вот как об этом вспоминал сам хирург: «Мы не считали, что делаем прорыв в науке, а просто создавали новую технику операции. Не придали особого значения событию и не сфотографировали ту операцию, не приглашали журналистов. Даже главный врач больницы не знал, что мы делаем в ту ночь».

А ведь Барнард со своими коллегами совершил тогда нечто абсолютно по тем временам недостижимое, на грани научной фантастики, и опроверг традиционные представления людей о неминуемом конце, сумев превратить смерть одного в рождение другого. Хотя операция была произведена виртуозно, пациент умер от пневмонии через 18 дней, поскольку лекарства, которые ему давали, чтобы новый орган не отторгался организмом, снизили иммунитет до нуля. Но уже следующий больной, Филипп Блайберг, прожил с пересаженным сердцем более 19 месяцев. К концу 1968 г. было сделано уже около 100 пересадок сердца в 23 странах мира.

С тех пор сотни тысяч людей во всем мире с неизлечимым пороком сердца получили надежду. В 1970-е гг. подобных операций проводилось не так много, поскольку обнаружилось, что пересаженное сердце отторгается иммунной системой организма. Однако в начале 1980-х гг., с открытием иммуносупрессоров, количество таких операций резко возросло, а число выживших больных сейчас увеличилось до 85–90 %.

Резонанс такого прорыва в кардиохирургии вызвал в мире неоднозначную реакцию. С одной стороны, Барнард был сразу назван человеком-легендой и гением XX века, с другой – многие восприняли это как кощунство. На хирурга обрушилась лавина моральных, этических, правовых вопросов и даже обвинений, ибо

сердце во все времена почиталось святыней. Хотя ни у кого не возникало аналогичных претензий к операциям по пересадке почек или печени. Барнард считал такие нападки обыкновенным суеверием: «Это, конечно, лишь полый мышечный орган, как желчный или мочевой пузырь. Хотя нет сомнений, что сердце связано и с эмоциями, – благодаря гормонам оно отвечает на любые переживания человека. И все же если душа действительно существует, то она, скорее всего, находится где-то в мозге. Но благодаря поэзии сердце, конечно, нельзя считать лишь насосом. Разве можно сказать: “Я люблю тебя всем своим насосом” или “Мой насос принадлежит тебе”?»

Но, несмотря на все нападки, профессор Барнард оставался верен своему делу, потому что осознал для себя самое главное: «Важна не столько продолжительность жизни пациента с пересаженным сердцем, сколько качество его жизни после операции. Наши больные возвращались к полноценной жизни, работе. В этом самое главное преимущество донорского сердца перед искусственным. В последнем случае человек постоянно зависит от своей “машинки” в груди, во многом себе отказывает». Нет, он не приравнивал себя к Богу, вдохнувшему жизнь в свое создание, хирург просто «запускал сердце», чтобы сохранить жизнь хотя бы одному человеку из двух. Да и вообще он совершенно не считал это каким-то особым прорывом в медицине. С присущим ему юмором Барнард через какое-то время «очень сожалел», что так легкомысленно отнесся к первой операции. Ему предложили 50 тыс. долларов за хирургические перчатки, которые были на нем в тот момент. Он же их привычно выбросил в корзину, а продать подделку не решился.

Всемирное признание заслуг Барнарда не изменило резко негативного отношения к хирургу со стороны правящей в те годы в стране Националистической партии. Ученый не разделял взглядов своих белых соотечественников, заявляя, что ему стыдно жить там, где царит расовое неравенство.

13 декабря 1972 г. они с женой стали жертвами умышленного автомобильного наезда. Перелом четырех ребер и ключицы у Барнарда, у жены – сломанная ключица, ушиб позвоночника, рана на ноге, повреждение плеча. Впоследствии выяснилось: это дело рук расистов из его родного города, решивших отомстить «за предательство».

Заслуги Кристиана Барнарда не ограничиваются только работами в области кардиохирургии. С его именем связаны значительные достижения в таких областях, как иммунология и физиология, реаниматология и фармакология, биохимия и философия. Он принадлежит к плеяде ученых, работы которых

оказали неоценимое влияние на формирование мировой культуры и общечеловеческих ценностей. Профессор воплотил в себе лучшие черты гениального хирурга, ученого, педагога, общественного деятеля. Он стал своеобразной энциклопедией трансплантологии.

Кристиан Барнард написал более трехсот научных работ, которые переведены на многие языки мира, а также несколько бестселлеров. Широко известны его антирасистский роман «Нежелательные элементы» (в соавторстве с З. Стандером), в котором он резко выступал против режима апартеида, и триллер «Донор». А научное сочинение «Хорошая жизнь и хорошая смерть» буквально потрясло весь мир, поскольку в нем Барнард отстаивал право безнадежно больных на достойный уход из жизни – эвтаназию. Он считал, что главная задача врача – облегчить жизнь больному, а если это не в его силах, то он должен хотя бы помочь пациенту «умереть хорошей смертью, не продолжая лечение, которое не имеет никакой ценности». «Настоящий враг – это не смерть, настоящий враг – негуманность», – считал хирург. А самой большой жестокостью он называл аборты, потому что именно они по-настоящему убивают жизнь.

Возможно, эта парадоксальность взглядов Кристиана Барнарда, избранного за исследования в области трансплантации членом академий и медицинских научных обществ многих стран, и стала причиной того, что ему – номинанту Нобелевской премии – так и не решились ее вручить. Умение Барнарда жить и наслаждаться жизнью как некая философская позиция также шло в разрез с общепринятыми взглядами на деятельность ученого. Но он не огорчался по этому поводу: «Такой чести обычно удостаиваются крупные ученые. Очень мало примеров, когда за отдельно взятую операцию давали Нобелевскую премию. Я вспоминаю только открытие сосудистого шва и пересадку почки. Что же касается меня… Во-первых, мы сами не придавали нашей операции какого-то особого значения, не были широко известны в мире. Во-вторых, я жил в расистском государстве. В-третьих, я вел себя как обычный человек – любил женщин, наслаждался жизнью и проводил время, как мне хотелось. Если бы мне предложили на выбор Нобелевскую премию или красивую женщину, я выбрал бы женщину». Профессор придерживался народной мудрости: «Хочешь быть счастливым – будь им».

Личная жизнь Барнарда всегда была предметом обсуждения на страницах желтой прессы. Профессор слыл ловеласом, можно сказать, сердцеедом, и молва приписывала ему связи с самыми красивыми женщинами планеты. Всемирно известный хирург был женат четыре раза, причем, как правило, все избранницы были

намного моложе его. Он этого не стеснялся и говорил, что лучший способ сохранить сердечно-сосудистую систему и укрепить сердечную мышцу – полноценный и регулярный секс. Внезапно обрушившаяся на Барнарда слава полностью изменила его жизнь. Выходца из небольшого южноафриканского городка стали принимать короли и шейхи, президенты и премьеры, с ним искали встречи звезды кино и прочие знаменитости, в том числе и Папа Римский. Красивый, веселый, общительный, богатый и потрясающе элегантный, весьма неравнодушный к женщинам доктор превратился в настоящего светского льва: стал завсегдатаем ночных клубов и элитных приемов, тратил массу времени на зарубежные поездки и церемонии награждения.

Его первая жена развелась с ним после того, как обнаружила любовные письма итальянской кинозвезды Джины Лоллобриджиды. От первого брака у него были сын и дочь. Через год он женился на 19-летней дочери южноафриканского миллионера Барбаре Золнер, которая родила ему двух сыновей. Брак длился 12 лет и был расторгнут в 1982 г., так как Барбара высказывала недовольство по поводу того, что ее муж подолгу не бывает дома, и чувствовала усталость от беспорядочной жизни, которую они вели. Барнард отчаянно пытался спасти семью, даже опубликовал в крупнейшей южноафриканской газете открытое письмо к жене, полное признаний и раскаяния.

В 66 лет профессор женился в третий раз. Ей было 24 года. В газете появилась фотография, где его невеста – фотомодель Карин Зетцкорн – в шестилетнем возрасте сидит у него на коленях. Теперь у Барнарда было шестеро детей, причем разница между старшей и младшей дочерьми составляла 44 года. И опять развод состоялся по инициативе жены: Карин не желала быть лишь супругой великого хирурга и мечтала о собственной карьере. К тому же ей не нравился их «уединенный отдых» на ферме-заповеднике в Киру, в 680 км от Кейптауна, среди диких животных, которых Барнард спасал от истребления.

«Я вообще люблю всех женщин… Поверьте, я не горжусь числом своих жен. Каждый развод – это трагедия. Расставание с человеком может вызвать больший стресс, чем его смерть. Особенно страдают дети, выросшие в неполных семьях. Но единственная истинная любовь – это любовь родителей к ребенку. Когда мужчина и женщина любят друг друга, он хочет от нее секса, она от него – денег. И лишь отец или мать ничего не хотят от своего ребенка взамен». Единственное, в чем Барнард обвинял себя, – самоубийство старшего сына. Тот очень просил отца помочь другу, которому была нужна пересадка сердца. Он сделал операцию, но сердце запустить не удалось… Эту трагедию юноша

перенести не смог, а отца в нужный момент рядом не оказалось.

Мало кто знал, что в своих зарубежных турне легендарный хирург не только получал награды и давал интервью, но и бесплатно оперировал сотни пациентов. Кстати, ни за одну из 165 операций по трансплантации сердца он не взял ни гроша. Он держал в руках тысячи сердец не ради денег и богатства, а ради продления полноценной жизни. В клинике Кристиана Барнарда в Кейптауне бесплатно лечились дети со всего мира.

В 1983 г. профессор Барнард неожиданно для всех прекратил хирургическую деятельность. От оперативной практики он отказался не только из-за артрита. «Мне не хватает задач, моя профессия не приносит мне больше удовлетворения. Считаю, если я это понял, то нужно прекращать свою работу». С той поры он все больше стал задумываться над тем, как сделать человека здоровым. Ученый занялся исследованием причин старения организма на генетическом уровне. Кристиан Барнард пришел к выводу, что все дело в артериях, а сохранить их можно только при отлаженной профилактике и здоровом образе жизни. В 1999 г. в содружестве с двумя журналистами профессор написал книгу «50 путей к здоровому сердцу», в которой высказал нетрадиционный взгляд на многие казалось бы, прописные истины: диеты, физкультуру, секс, стресс. Она вызвала очередной переполох в мире медицины. Обычно врачи говорят пациентам, как им нельзя жить. А книга Барнарда рассказывает о том, как жить можно! По его мнению, например, стресс вовсе не так плох, как принято считать: «он создает мотивацию и способствует самоутверждению человека. Хотя, конечно, нервничать по любому поводу не стоит». В качестве примера профессор приводит совет своей давней приятельницы Софи Лорен, однажды добровольно отдавшей грабителям все драгоценности: «Никогда не плачь о вещах, которые не могут плакать о тебе». Удивительно, но эта книга, как и многие другие, написанные Барнардом, имеет психотерапевтический эффект.

В том же 1999 г. Кристиан Барнард начал осуществлять еще одну благородную идею: он создал фонд, носящий его имя, который проводит благотворительные акции по всему миру. Деньги для фонда профессор зарабатывал сам, выпуская экологически чистые продукты и издавая свои книги. Одной из первых акций стала финансовая помощь детской клинике Института онкологии в Минске для пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Фонд финансировал строительство детской деревни в Зимбабве для детворы, чьи родители умерли от СПИДа. Но в первую очередь профессор, конечно, помогал детям с больным сердцем.

Он никогда не жалел на это ни времени, ни сил, тратя огромные гонорары от своих многочисленных публикаций и книг.

Незадолго до смерти Кристиан Барнард организовал фонд «Сердце мира», главная цель которого – помочь детям и матерям из стран с низким жизненным уровнем. Основная область его деятельности – Африка и Азия. А одно из отделений фонда «Дети в беде», в частности, оказывает помощь нуждающимся детям. «За преумножение добра на Земле» этот удивительный человек был награжден орденом Николая Чудотворца.

Барнард много раз бывал в Украине. Особенно полюбилась ему веселая Одесса, где он вел семинары с профессурой, читал лекции студентам. Его выступления вызывали огромный ажиотаж. «Если бы вы послушали хоть одну лекцию, которую нам довелось услышать, вы бы тоже бегали за ним, открыв рот», – сказал один из студентов. С годами Барнард не утратил ни своего обаяния, ни юмора, ни жизнелюбия, ни энергичности. Он работал по 15–18 часов в сутки. Его мечтой было реализовать на базе Одесского медицинского университета проект по строительству частного Центра трансплантации, где бы проводились пересадки сердца и других органов человека. Для этой цели Кристиан Барнард был готов выделить 200 млн долларов.

Однако этот, как и множество других проектов, так и остался незавершенным. 2 сентября 2001 г. 78-летний Кристиан Барнард тихо умер в шезлонге у бассейна в кипрском отеле, где он отдыхал после очередной благотворительной поездки. Смерть кардиохирурга № 1 в мире наступила в результате приступа бронхиальной астмы. Рядом с телом Барнарда нашли экземпляр его книги «Хорошая жизнь и хорошая смерть».

С именем Кристиана Барнарда связано начало новой эпохи в развитии не только кардиохирургии и трансплантологии, но и медицинской науки в целом. Выполненная им операция положила начало и новой философии, новому этапу в развитии человечества, открывшему возможность сохранения индивидуальности, сознания и интеллекта человека, заменяя в его организме изношенные или поврежденные жизненно важные органы. Благодаря гению доктора Барнарда спасены жизни тысячам больных, и эта благородная работа сегодня продолжается более чем в двухстах тридцати кардиохирургических центрах, где ежегодно выполняется свыше тысячи операций по пересадке сердца.

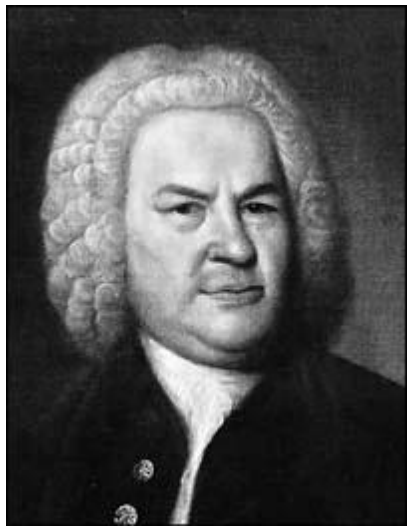
За прошедшие десятилетия в мире сделано около 58 тысяч пересадок сердца, средний срок жизни пациентов после них превысил 11 лет, а несколько человек живут с чужим сердцем уже по 20–23 года. И каждое из пересаженных сердец способно

любить так же сильно, как и прежнее. В это свято верил сам кардиохирург.

Во всех уголках планеты Кристиана Барнарда называют человеком-легендой, человеком тысячелетия. Правда, сам о себе он думал иначе: «Я не страдаю манией величия и никогда не заблуждался на свой счет. Хочу, чтобы люди вспоминали обо мне как о самом обыкновенном представителе человеческого рода». По отношению к этому гениальному хирургу, философу и человеку очень подходят слова древнекитайского мудреца Лао-цзы: «Кто умер, но не забыт, тот бессмертен».

Бах Себастьян

Полное имя – Иоганн Себастьян Бах (род. в 1685 г. – ум. в 1750 г.)



Один из величайших представителей мировой гуманистической культуры, творчество которого является вершиной философской мысли в музыке. Свободно соединяя черты не только разных жанров, но и национальных школ, Бах создал бессмертные шедевры, над которыми не властно время. Будучи последним великим композитором эпохи барокко, Бах вместе с тем пролагал пути музыке нового времени.

После смерти отца 10-летний Иоганн Себастьян Бах был отдан на воспитание старшему брату, Иоганну Кристофу, органисту города Ордруфа. У брата имелся сборник произведений знаменитых тогда композиторов: Фробергера, Пахельбеля, Букстехуде. Но Кристоф запирал его в зарешеченном шкафу, чтобы Себастьян раньше времени не увлекся «модной» музыкой и не потерял уважение к общепринятым музыкальным авторитетам. Однако юный Бах каким-то образом умудрялся доставать сборник из-за решетки. Целых шесть месяцев будущий композитор переписывал ноты ночами, пользуясь только лунным светом, но, увы… Когда титанический труд близился к завершению, Кристоф застал младшего брата на месте преступления и отобрал у него и оригинал, и копию. Горе Баха не знало пределов, в слезах он вскричал: «Раз так, я сам напишу такую же музыку, напишу еще лучше!» Брат рассмеялся в ответ: «Иди спать, болтун». Но Себастьян не бросал слов на ветер и свое

детское обещание выполнил…

Прошло уже более 250 лет со дня смерти великого немецкого композитора, а интерес к его музыке все возрастает. Надо сказать, что при жизни Иоганн Себастьян пользовался славой органиста, а вот его творчество как композитора тогда по достоинству оценено не было. Его биография, внешне типичная для рядового немецкого музыканта того времени, находится в очевидном противоречии с его гениальным творчеством, являющимся одной из вершин философской мысли в музыке.

Иоганн Себастьян Бах родился 21 марта 1685 г. в небольшом немецком городке Эйзенахе. Он принадлежал к роду Бахов из Тюрингии, который на протяжении двух веков дал миру такое количество органистов, скрипачей, флейтистов, трубачей, капельмейстеров и композиторов, что само имя Бах сделалось синонимом музыканта.

Первые уроки родового ремесла мальчику дал его отец Иоганн Амброзиус Бах. Однако Себастьян рано потерял родителей: в девять лет – мать, а в десять – отца. Его старший брат, о котором мы уже упоминали, определил мальчика в гимназию и продолжал обучать музыке. Под его руководством будущий великий композитор овладел игрой на скрипке, клавесине, но его любимым инструментом стал орган.

В 15-летнем возрасте Себастьян решил начать самостоятельную жизнь и переехал в Люнебург, где в течение трех лет обучался в школе при церкви Св. Михаила. В Люнебурге имелась прекрасная музыкальная библиотека, и Бах смог познакомиться здесь с произведениями крупных мастеров – Палестрина, Орландо ди Лассо, Шютца и др. В городе в это время служил Георг Бём, органист и композитор. Он также оказал большое влияние на юного Баха. В 1703 г. Себастьян окончил гимназию и получил право поступить в университет, но не воспользовался им, так как нужно было добывать средства к существованию.

В течение жизни Баху не раз приходилось переезжать из города в город в поисках работы. Сначала Себастьян получил место скрипача в частной капелле принца Эрнеста Саксонского в Веймаре. Но здесь он задержался ненадолго и вскоре пристроился на должность органиста в Арнштадте. Тут надо отметить, что какой бы неблагоприятной ни была окружающая его обстановка, юношу никогда не покидало стремление к новым знаниям, к совершенствованию. С неутомимой энергией он изучал музыку не только немецких, но также итальянских и французских композиторов. Не упускал Бах случая и лично познакомиться с выдающимися музыкантами, изучить манеру их исполнения.

Однажды, не имея на поездку денег, Себастьян отправился в Любек пешком. Он преодолел более 350 км, чтобы послушать игру прославленного органиста Дитриха Букстехуде. Тот искал себе преемника, готового не только получить место в церкви Св. Марии, но и жениться на его единственной дочери. Проведя в Любеке почти 3 месяца, Бах возвратился в Арнштадт, но общение с Букстехуде наложило отпечаток на все его дальнейшее творчество.

В 1704–1707 гг. Себастьян служил церковным органистом в Арнштадте и Мюльгаузене. В этот период он писал кантаты, хоральные обработки и другие сочинения для органа. К этому времени относится клавирное «Каприччио на отъезд возлюбленного брата», посвященное отъезду брата Иоганна Якоба в Швецию. Это сочинение – единственный пример «программной» музыки у Баха. А приуроченная к выборам в муниципальный совет Мюльгаузена кантата «Gott ist mein Konig», отгравированная и напечатанная на средства совета, оказалась единственной, изданной при жизни композитора. Там же, в Мюльгаузене, в 1707 г. Бах женился на своей кузине Марии Барбаре, младшей дочери Иоганна Микаэля Баха – муниципального органиста из Герене.

В 1708–1717 гг. Себастьян был придворным органистом и композитором в Веймаре, где написал множество органных и клавирных сочинений. Современников восхищала его непревзойденная игра на органе. Однако постоянно слыша в свой адрес восторженные отзывы, Бах неизменно отвечал: «Моя игра не заслуживает такого возвышенного внимания и похвал, господа мои! Ведь мне только и нужно-то всего-навсего попадать пальцами по надлежащим клавишам в определенное время – и тогда инструмент играет сам…»

К этому времени относится забавный случай, который ярко характеризует виртуозное мастерство Баха-органиста. В 1717 г. в Дрезден приехал прославленный французский клавесинист и органист Маршан, своей игрой вскруживший головы всем, даже королю-курфюрсту. По единодушному мнению двора, Маршан решительно затмил всех известных немецких исполнителей. Но королевский капельмейстер Волюмье шепнул курфюрсту, что в Веймаре проживает скромный органист Бах, искусство которого не допускает никакого соперничества. И тогда монарх решил устроить соревнование.

Для того чтобы дать музыкантам возможность присмотреться друг к другу, было устроено своеобразное предварительное прослушивание, на котором Маршан сыграл блестящую французскую арию, сопровождая мелодию многочисленными

украшениями и блистательными вариациями. Когда мировая знаменитость взяла последний аккорд, слушатели разразились громкими аплодисментами. Затем настал черед Баха.

Себастьян неожиданно заиграл ту же самую арию. Причем, несмотря на то что он услышал ее впервые в жизни, Бах безошибочно повторил все вариации, одну за другой, и играл, сохраняя все украшения французского виртуоза, а потом перешел к собственным вариациям, гораздо более изящным, трудным и блестящим… Когда он закончил и встал из-за инструмента, последовал оглушительный гром аплодисментов, который не оставлял сомнения, кто играл лучше – француз или немец. Однако было решено, что соперники сойдутся еще раз для музыкального состязания перед королем.

Но в назначенный день Маршан не явился. Позже выяснилось, что француз еще утром уехал из города, даже не нанеся прощальных визитов, т. е. попросту сбежал… А Бах, так и не добившись освободившегося места придворного капельмейстера в Веймаре, переехал в Кётен, где получил должность «директора камерной музыки» при дворе тамошнего герцога Леопольда Ангальт-Кётенского, страстного музыканта и меломана, который играл на клавесине, гамбе и обладал недурным голосом. В обязанности Баха входило сопровождать пение и игру герцога, а также руководить капеллой из 18 музыкантов.

Но герцог, поначалу проявлявший живой интерес к музыке, вскоре охладел к своей капелле, и музыкальная жизнь стала постепенно приходить в упадок. В Кётене к тому же отсутствовал приличный орган. В это время у Баха уже была большая семья (семеро детей), а летом 1720 г. его постигла тяжелая утрата: вернувшись из поездки в Карлсбад, он узнал о скоропостижной смерти жены, которую похоронили еще до его приезда. Все это заставило Себастьяна искать новое место службы, и он отправился в Гамбург, где был объявлен конкурс на место органиста при церкви Св. Якоба. Несмотря на бесспорное превосходство над другими претендентами, должность ему получить не удалось – она досталось некоему Гейтману, давшему работодателю большую взятку.

В 1721 г. Бах женился на Анне Магдалене Вильке, которая была моложе его на 16 лет. Это был на редкость гармоничный брак. Домашнее музицирование с подрастающими сыновьями и молодой женой, музыкально одаренной, занимало важное место в жизни композитора. В год своей второй свадьбы, по заказу маркграфа Людвига Бранденбургского, Себастьян написал шесть концертов, которые в наше время стали одними из самых

популярных его сочинений.

Громадное творческое наследие Баха включает более 1000 произведений разных жанров. Условно его можно разделить на три части. Первая, вокально-драматическая, связана главным образом с Лейпцигом и насчитывает около 300 духовных и 30 светских кантат. Вторая – органная – так называемый «веймарский период», именно тогда была создана «Хоральная прелюдия» – вершина трехвекового пути развития органной музыки. Третья часть – инструментальная, связанная с Кётеном. Здесь были впервые созданы концертные произведения для клавира (по образу скрипичных), концерты для скрипки в сопровождении оркестра, сонаты для скрипки и сонаты для виолончели, произведения для флейты, виолы да гамба, лютни и др.

Летом 1723 г. Иоганн Себастьян переехал в Лейпциг, где ему была предложена должность кантора церковного хора при школе Св. Фомы. Магистрат поставил целый ряд условий новому кантору, и среди них обязательство не выезжать из города без разрешения бургомистра и не занимать никакой должности при университете. Поражает необычайная творческая плодовитость Баха в этот период. В первые годы работы в Лейпциге он сочинял к каждому воскресенью новую кантату – новое высокохудожественное музыкальное произведение продолжительностью более четверти часа. Здесь же он создал ряд монументальных произведений ораториального характера: «Страсти по Матфею», «Страсти по Иоанну», «Величальная оратория», «Высокая месса» и др.

Но церковное начальство было недовольно музыкой Баха. Ее находили слишком яркой, красочной, человечной. И действительно, его музыка противоречила строгой церковной обстановке, настроению отрешенности от всего земного. Помимо огромной творческой работы и службы в церковной школе, Себастьян принимал активное участие в деятельности «Музыкальной коллегии» города. Это общество любителей музыки устраивало для городских жителей концерты светской, а не церковной музыки.

Никто не мог сравниться с Бахом в знании гармонии. Возможно, поэтому он совершенно не терпел незавершенных аккордов… Обрывки музыкальной фразы терзали слух гения, и, по свидетельству современников, это было самым верным средством вывести его из себя. Однажды Бах попал в какое-то общество, где музицировал очень посредственный любитель. Увидев великого композитора, тот настолько растерялся, что вскочил, прервав игру, и, на свою беду, остановился как раз на

диссонирующем аккорде. Ни с кем не здороваясь, не обращая ни малейшего внимания на испуганного исполнителя, разгневанный Бах бросился к инструменту… Разъяренный лев, атакующий гладиатора, и тот выглядел бы агнцем по сравнению с ним. Даже не присев, Себастьян довел проклятый аккорд до надлежащего каданса. А потом вздохнул, поправил парик и пошел здороваться с хозяином…

Однако основная работа Баха – руководителя школы певчих – приносила ему одни огорчения и неприятности. Средства, отпускавшиеся церковью на нужды школы, были ничтожны, учащиеся голодали и были плохо одеты. Невысок был и уровень их музыкальных способностей, поскольку певчих нередко набирали, не считаясь с мнением кантора. Оркестр школы был более чем скромен: четыре трубы и четыре скрипки! Все прошения о помощи, подаваемые Бахом городскому начальству, оставались без внимания.

В 1730 г. Бах сообщал в одном из писем, «что служба сия не так ценна, как мне ее описали», и жаловался на «странное и мало преданное музыке начальство». Поиски нового места работы успеха не имели, да они уже и не отличались особой настойчивостью, поскольку новый переезд все увеличивающейся семьи представлялся делом нереальным. В школе менялись ректоры, и отношения Баха с начальством то улучшались, то снова становились напряженными. Надо отметить, что некоторые нарекания в адрес композитора были, видимо, справедливы. Порой он был весьма непоследователен, изменяя свои решения и без объяснений отказываясь выполнять ранее взятые на себя обязательства.

Единственной отрадой для Баха по-прежнему оставались творчество и семья. От первого брака у него было 7, а от второго – 13 детей, всего 11 сыновей и 9 дочерей, правда, лишь девять из них пережили отца. Все его дети обладали великолепными музыкальными данными. Подросшие сыновья – Вильгельм Фридеман, Карл Филипп Эмануэль, Иоганн Кристиан – оказались талантливыми музыкантами и еще при жизни Баха стали известными композиторами. Большой музыкальностью отличалась и Анна Магдалена, его вторая жена. Она обладала прекрасным слухом и красивым, сильным сопрано. Хорошо пела и их старшая дочь.

Бах использовал малейшую возможность для поездок в другие города – Гамбург, Дрезден, Берлин, стараясь таким образом напоминать о себе высокопоставленным особам. Курфюрсту саксонскому Фридриху-Августу он послал в 1733 г. две первые части своей большой мессы, рассчитывая получить

звание придворного композитора. Спустя три года это звание было ему наконец пожаловано, что несколько улучшило материальное положение семьи. А однажды Себастьян был даже приглашен в Потсдам, где при прусском дворе служил клавесинистом его сын Карл Филипп Эмануэль.

Молва о непревзойденном мастерстве лейпцигского кантора распространилась к тому времени очень широко. Дошла она и до короля Фридриха Великого, который пожелал лично познакомиться со столь знаменитым музыкантом. Поначалу он лишь намекнул сыну Баха, что неплохо было бы, если б его отец приехал в Потсдам. Сын сообщил о желании короля отцу, однако тот в то время и думать не мог о поездке – уж очень много у него было всяких дел. Между тем король все настойчивее стал спрашивать: «Что же это Бах никак не едет?» Карл Филипп Эмануэль в каждом письме напоминал отцу о приглашении короля, и 62-летний Бах в конце концов решился совершить поездку вместе со своим старшим сыном, Вильгельмом Фридеманом.

Дело было в 1747 г. Король каждый вечер устраивал у себя камерные музыкальные собрания, на которых он большей частью сам играл на флейте различные концертные сочинения. В один из таких вечеров, когда он как раз приводил в порядок свою флейту и музыканты уже сидели на своих местах, офицер доставил ему письменное сообщение о прибытии гостя. Король пробежал глазами бумагу, тотчас отложил флейту и, повернувшись к музыкантам, сказал с некоторым волнением в голосе: «Господа, старик Бах приехал!» Он велел Баху, остановившемуся на квартире сына, немедленно явиться во дворец.

В этот вечер король отменил свой концерт и заставил композитора опробовать все зильбермановские фортепиано во дворце, а их было немало. Музыканты капеллы тоже переходили вместе с Бахом и королем из комнаты в комнату, и композитор импровизировал на каждом инструменте. Затем Себастьян попросил короля дать ему тему, чтобы тотчас же, без всякой подготовки, сыграть на нее фугу. Фридрих пришел в восхищение от блестящей импровизации, а затем – скорее всего чтобы узнать, каковы же пределы мастерства такого рода, – выразил желание послушать фугу на шесть облигатных голосов. Но поскольку не всякая тема пригодна для подобного полногласия, на сей раз Бах сам сделал выбор. К величайшему изумлению всех присутствующих, он тотчас же исполнил фугу на свою тему, и притом в такой же великолепной манере, какую он только что продемонстрировал в произведении на тему короля.

Фридрих пожелал также познакомиться с его искусством

игры на органе и в последующие дни водил Баха от органа к органу по всему Потсдаму, подобно тому как в первый вечер водил его от одного зильбермановского фортепиано к другому.

По возвращении в Лейпциг Бах развил полученную от короля тему в виде фуг на три и на шесть голосов, добавив к ним различные канонические ухищрения, основывающиеся на той же теме, и гравировал свою работу на меди, посвятив ее автору темы и снабдив заголовком «Музыкальное приношение».

Это было последнее путешествие Баха. Огромное прилежание, с которым он, особенно в юные годы, отдавался изучению искусства, посвящая этому дни и ночи, ослабило его зрение. В последние годы недуг все усиливался и по совету друзей, возлагавших большие надежды на искусность заезжего английского врача, Себастьян решился подвергнуть себя операции по удалению катаракты. Но она, к сожалению, оказалась неудачной и композитор окончательно потерял зрение. Мало того, из-за приема многочисленных лекарств все его здоровье, до сих пор столь крепкое, полностью разладилось. Он проболел после этого еще полгода. Однажды утром, за десять дней до смерти, композитор вдруг прозрел и снова мог хорошо переносить свет. Но несколько часов спустя его хватил апоплексический удар, вызвавший сильный жар. Его изможденное тело уже не в состоянии было сопротивляться, хотя врачи и делали все, что в их силах. Вечером 28 июля 1750 г. на 66-м году жизни Иоганн Себастьян Бах скончался.

Смерть великого Баха осталась почти не замеченной музыкальной общественностью. О нем скоро забыли. Печально сложились судьбы жены и младшей дочери Баха: Анна Магдалена умерла десять лет спустя в доме призрения для бедных, Регина влачила нищенское существование (в последние годы жизни ей помогал Бетховен).

При жизни Баха его гениальное творчество музыканта-универсала не было по-настоящему оценено. Подлинный масштаб гения, оказавшего огромнейшее влияние на последующее развитие европейской музыкальной культуры, начал осознаваться лишь спустя полвека после его смерти. Среди первых ценителей его творчества были родоначальник баховедения И. Форкель (опубликовавший в 1802 г. «Очерк жизни и творчества Баха») и К. Цельтер, чья деятельность по сохранению и пропаганде баховского наследия привела к исполнению Ф. Мендельсоном «Страстей по Матфею» в 1829 г. Этот концерт имел историческое значение, послужив импульсом к возрождению творчества великого композитора.

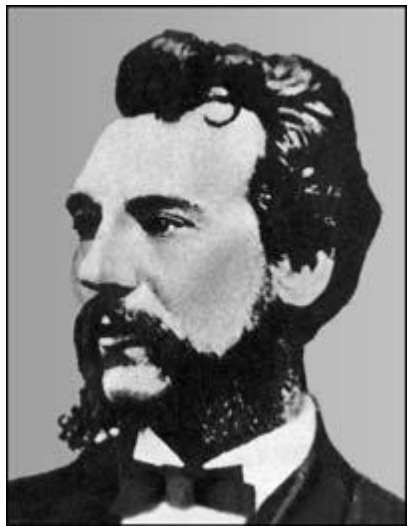
Непростой оказалась судьба оркестрово-инструментальных

произведений Баха. В наше время они звучат на концертных площадках всех стран. А долгие десятилетия эти партитуры и ноты оставались молчащей музыкой даже на родине композитора. Изменчивы вкусы и непостоянны репутации в искусстве… Да, когда Альбрехтсбергер, Моцарт, Бетховен, Шопен, Шуман вслушивались в музыку Баха, большая часть его произведений была еще незнакома музыкальному миру, рукописи его томились в архивах. Иные концертирующие музыканты и меломаны относили творения немецкого гения к области ученой скуки. Великие же творцы музыки, мыслящие музыканты и педагоги баховскую полифонию почитали за идеал прекрасного.

Ныне эти прелюдии и фуги слышатся в классах каждой музыкальной школы, в каждой семье, где кто-либо обучается игре на фортепьяно. Слышатся и в робком, а то и надоедливом упражнении новичка, назубок заучивающего заданный урок, и в игре репетирующего мастера. Отдельные органные прелюдии и фуги входят в репертуар многих пианистов. Но вот исполнение целиком этих циклов на концертной эстраде – редчайшее событие. Только немногим одаренным музыкантам по силам удержать зал в напряженном внимании своей интерпретацией строгих полифонических созданий гения. К их числу принадлежал русский композитор и пианист-виртуоз XIX в. А. Рубинштейн. Однажды, играя прелюдию Пятой фуги – ре мажор Баха, он на секунду отвлекся от клавишей и воскликнул: «Ничего подобного в мире нет. Это верх совершенства. В ней выразилось все величие, которого человек может достигнуть…»

Белл Александер

Полное имя – Александер Грейам (Грэхем) Белл (род. в 1847 г. – ум. в 1922 г.)



Американский изобретатель, шотландец по происхождению, создавший и внедривший в жизнь телефон, фотофон и многие другие приборы, которые быстро и повсеместно вошли в жизнь современного общества.

За последние сто лет наша планета превратилась из огромного, беспредельного Мира в совсем небольшой шарик. Земля вовсе не уменьшилась в размерах – но расстояния более не имеют значения. Каждому из нас достаточно протянуть руку, чтобы «дотянуться» до любого собрата по цивилизации. Благодарить за это следует создателей телефона, телеграфа, телевизора, телефакса, телетайпа и других замечательных вещей, которые сейчас называют средствами телекоммуникации и часто сравнивают с нервной системой человечества. Действительно, в современном мире стоит чихнуть – и ваш собеседник на другом континенте, который не только слышит вас, но уже и видит (при Интернет-телефонии), немедленно готов пожелать вам доброго здоровья. Знали бы об этом Морзе и Белл – в то время, когда они работали над своими изобретениями, на пересечение, например, Атлантики требовалось более 10 дней, да и то при попутном ветре…

В 1860 г. Филипп Рейс, учитель школы для глухонемых города Фридрихсдорфа, создал прибор для демонстрации принципа действия человеческого уха. Свой аппарат,

сконструированный из подручных средств (пробки от бочонка, вязальной спицы, старой разбитой скрипки, мотка изолированной проволоки и гальванического элемента), он назвал «музыкальным телефоном» и продемонстрировал перед членами Физического общества Франкфурта. Справедливости ради следует заметить, что прообраз его аппарата, так называемую «ворчащую проволоку», за 24 года до Рейса создал американский ученый из Салема Ч. Пейдж.

Изобретение Рейса особого успеха не имело. В печати появилось несколько ироничных и полусерьезных статей, а немецкий семейный журнал «Гартенлаубе» дал в 1863 г. его описание как игрушки. Умелый механик Альберт изготовил в разном оформлении пару десятков «музыкальных телефонов» Рейса, и несколько из них даже были проданы. Один из экземпляров очутился в шотландском университете в Эдинбурге, в котором в то время учился Александер Грейам Белл.

Ознакомившись с телефоном Рейса, Белл решил создать аппарат, превращающий звуки в световые сигналы. С его помощью он надеялся научить говорить глухих детей. Отказавшись от «принципа Рейса», Александер вернулся к основам науки об электричестве – трудам датского физика Х. Эрстеда и английского профессора М. Фарадея. Правда, будучи уже знаменитым и богатым, несколько утрируя, Белл как-то сказал: «Люди считают меня электриком, в действительности же я изобрел телефон именно благодаря моему неведению в электротехнике. Ни одному электрику и во сне не снились произведенные мною опыты». Такое же мнение не без доли злости высказал и один из его конкурентов, известный электрик-изобретатель Мозес Г. Фармер: «Если бы Белл был чуть-чуть более сведущ в электричестве, он никогда бы не изобрел телефона». И нужно признать, что зерно истины в этих высказываниях есть, так как аппарат Белла был необыкновенно прост, а если бы он следовал всем законам электротехники, конструкция была бы намного сложнее…

14 февраля 1876 г. в Вашингтонское патентное бюро была подана заявка на «Телеграфное устройство, при помощи которого можно передавать человеческую речь». Автором был 29-летний житель Бостона, шотландец Александер Белл. Двумя часами позже заявку на «Устройство для передачи и приема вокальных звуков телеграфным способом» подал 40-летний американский электротехник из Чикаго Элайша Грей. Эти злополучные «два часа» стали сенсационной находкой не только для журналистов, но и для авторов серьезных научных и научно-популярных произведений.

Эффектная версия о «счастливой случайности», принесшей всемирную славу и богатство одному и оставившей в тени другого изобретателя телефона, варьируется на все лады: «Все решили два часа», «Два часа – а благодаря им весь мир знает имя Белла», «Поспешность эта была более чем уместной» и т. д. и т. п. Но придавать решающее значение только разнице во времени при подаче документов – значит не вникнуть в главное: в юридические и технические аспекты этого эпохального события. В то время как заявка Белла была подана на готовое устройство, заявка Грея являлась всего лишь предварительным уведомлением о намерении изобрести устройство с указанием возможного принципа его действия.

Грей, будучи американским гражданином, имел право на подобное уведомление; Белл, в то время подданный Великобритании, такого права не имел. Заявка Грея по сути была упреждающим ходатайством о невыдаче патента на «телефон» всем другим конкурентам в течение года. Тем самым заблаговременно обеспечивался его возможный приоритет. В результате 7 марта 1876 г. Патентное бюро США выдало Александеру Беллу патент за номером 174465 на его изобретение. Грей попытался опротестовать решение арбитров, но дело проиграл. Это было первое судебное разбирательство для Белла, но далеко не последнее. Всего ему было предъявлено рекордное число исков – более 600. Но все это позднее, когда запахло деньгами, а первоначально техническая новинка была встречена без особого энтузиазма.

Большинство эпохальных изобретений окружено спорами о приоритете. В действительности же все великие открытия делаются не на пустом месте и не вдруг, а в результате мучительных раздумий и многочисленных опытов многих людей. Каждый изобретатель в большей или меньшей степени содействует приведению процесса к конечной цели. Недаром говорится, что «идея носится в воздухе», – важно, кто ее поймает. Беллу удалось это сделать первому…

Он действительно был незаурядной личностью и к своему изобретению шел долгие годы. Достигнутому успеху способствовали два фактора – личные качества изобретателя и его воспитание.

Александер Грейам Белл родился 3 марта 1847 г. в Эдинбурге. Дед Алекса содержал в Лондоне специализированную школу, где наряду с преподаванием обычных предметов учеников лечили от заикания. Отец, Мелвилл Белл, тоже был учителем этой школы, написавшим книгу об исправлении дефектов речи, а также придумавшим специальную

«фонетическую» письменность. Неудивительно поэтому, что юный Алекс нередко отправлялся в поля посидеть и послушать, как «разговаривают» колосья. К тому моменту, когда он подрос, мать Белла практически оглохла. Однако он обнаружил, что, если во время разговора приложить губы к голове, кости черепа начинают резонировать и оглохший человек начинает «слышать». Вернув матери радость «разговорного» общения, Белл на этом не остановился.

В течение 10 лет он занимался вопросами акустики и особенностями функционирования голосового аппарата, окончил Эдинбургский и Лондонский университеты и готовился к педагогической карьере. Но из-за его слабых легких (оба брата Белла умерли от туберкулеза) родители решили сменить место жительства. Когда семья переехала в Канаду, 24-летний Алекс отправился в Бостон и устроился там учителем в школу для глухих. Довольно скоро он стал профессором местного университета, преподавал физиологию речи и в течение четырех лет был деканом факультета. К изобретению телефона его привела целая серия изысканий и экспериментов, которыми он занимался на досуге. Собственно, он (как и многие другие) искал способ заставить телеграф передавать более чем два сигнала одновременно. Полученное устройство он назвал «гармоническим телеграфом», но на этом не остановился и продолжил свои исследования.

В то время крупнейшая американская компания «Вестерн Юнион» искала способ одновременной передачи нескольких телеграмм по одной паре проводов, чтобы избавиться от необходимости прокладки дополнительных телеграфных линий. Она объявила о большой денежной премии за решение этой проблемы. Белл, хорошо знавший законы акустики, заинтересовался этой работой. С помощью нескольких состоятельных бостонцев, в числе которых был и будущий тесть Алекса, адвокат Гардинер Хаббард, Беллу удалось собрать небольшие средства для организации скромной лаборатории. Он снял две маленькие комнаты и нанял единственного помощника – 20-летнего электромонтера Томаса Ватсона, который, впрочем, оказался пытливым исследователем и талантливым изобретателем.

Первоначально Белл и Ватсон безуспешно экспериментировали с «гармоническим телеграфом». Зато одним погожим летним днем 1875 г., после очередного опыта с вибрирующими пластинками, у Белла появилась смутная догадка о возможности передачи речи. Алексу пришла в голову мысль сконструировать аппарат, посредством которого речь можно

сделать видимой для глухонемых. Но как преобразовать звуки человеческого голоса в электрический сигнал, передать его по линии связи и снова преобразовать в звук? Начались опыты с имитаторами человеческого уха. Белл целый год проработал в Массачусетском отоларингологическом госпитале, присутствуя при многих хирургических операциях и проводя эксперименты в прозекторской. Неудачи следовали одна за другой, кредиторы прекратили финансирование…

Алекс и Томас работали в разных комнатах, где были установлены передающий и принимающий аппараты «гармонического телеграфа». Камертонами служили стальные пластинки разной длины, жестко закрепленные одним концом, а другим замыкавшие электрическую цепь. Однажды конец одной пластинки в передающем аппарате застрял в зазоре контакта и стал задевать другие пластинки, отчего те задребезжали. Белл уловил слабое дребезжание в приемном устройстве и понял, что произошло: застрявшая пластинка действовала как примитивная диафрагма. Во всех прежних опытах Белла и Ватсона свободный конец просто замыкал и размыкал электрическую цепь. Теперь же звуковые колебания пластинки индуцировали электромагнитные колебания в магните, расположенном рядом с ней. В этом заключалась принципиальная разница между полученным телефоном и всеми ранее существовавшими телеграфными устройствами.

Будущий тесть хотя и не дал Алексу денег на разработку телефона (он не усматривал в нем никакой практической ценности), но в силу профессиональных убеждений искренне считал необходимым скорее закрепить юридически права на изобретение. К лету 1875 г. устройство, передававшее звуковые сигналы по проводу, было практически готово. И хотя речь пока передать не удавалось, Гардинер Хаббард, чувствуя затылком дыхание конкурентов, 14 февраля 1876 г. самовольно подал заготовленную Беллом заявку в патентное ведомство. Эту дату и принято считать днем рождения одного из видов электросвязи – телефонии.

Тем временем Белл наконец устранил все мелкие недоделки, и в ночь на 10 марта 1876 г., спустя три дня после регистрации устройства, был проведен первый сеанс телефонной связи. Алекс с передатчиком находился на одном этаже дома, Томас с приемником – двумя этажами выше, комнаты соединял 12-метровый провод. Помощник ясно различил сказанные изобретателем слова: «Мистер Ватсон, идите сюда. Вы мне нужны!» Такова была первая произнесенная по телефону фраза. Так как линия была одностороннего действия, Томас сбежал вниз

и закричал: «Мистер Белл, я отчетливо слышал каждое произнесенное вами слово…»

Уже весной следующего года в Бостоне была открыта первая телефонная линия, соединившая два банка, а летом была зарегистрирована Bell Telephone Company – родоначальница телефонных империй США, Канады, Европы, Японии и других стран.

Поначалу Белл использовал свой аппарат и как передатчик, и как приемник. К тому же потребительские качества первого телефона оказались весьма низкими, поскольку мембрана трубки была кожаная – из бычьего пузыря. Дальность действия также была незначительна – порядка 100 метров. Сегодня это воспринимается как курьез, но дальность действия телефона с кожаной мембраной зависела от погоды, а точнее – от влажности воздуха. Можно вспомнить и то, что абоненты соединялись напрямую, то есть использовался принцип «сколько друзей – столько и телефонов» (соответственно и провода занимали значительную часть ландшафта). Кроме того, вызывать абонента первоначально приходилось громким свистом, для чего использовались специальные свистки.

Как ни старался Белл рекламировать свое изобретение, первое время спроса на него не было. Не помогла даже демонстрация устройства на Всемирной выставке в Филадельфии, посвященной столетию США, где, к всеобщему изумлению жюри, из рупора неизвестного агрегата послышался монолог Принца Датского «Быть или не быть?», который исполнял в это же самое время в другой комнате сам изобретатель. Хотя телефон и стал сенсацией этой выставки, но работал он с чудовищными искажениями звука и разговаривать с его помощью можно было на расстоянии не более 250 метров. Не был принят во внимание и лестный отзыв лорда Кельвина (знаменитого английского физика В. Томсона), заявившего: «Это самое удивительное изобретение, виденное мной в Америке». Акции компании Белла пока никого не интересовали…

Впереди было еще немало трудностей, как технических, так и психологических. Телефон действовал на очень короткие расстояния, и перспектива увеличения дальности связи представлялась весьма туманной. Скептики расценивали изобретение Белла как научную безделицу. Люди не верили в возможность передачи человеческой речи по проводам и даже когда они присутствовали при демонстрации телефонного разговора, как правило, подозревали какое-то трюкачество. Одно время Алекс был так удручен этим, что предлагал «Вестерн Юнион» купить у него изобретение за 100 тыс. долларов. К

счастью для него, сделка не состоялась, а уже через несколько лет компания была готова выложить за патент 25 млн долларов.

В 1877 г. Белл подал дополнительную заявку – патентовалась металлическая мембрана с магнитными свойствами и постоянный магнит с обмоткой. Тогда же он женился на 18-летней абсолютно глухой дочери Хаббарда, Мейбл. Их свадебное путешествие в Великобританию сопровождалось массированной, специально организованной компаньонами Белла рекламой.

Реклама помогла, но значительно больше пользы принесла дополнительная заявка. По сравнению с первым образцом качество звука и чувствительность улучшились во много раз. Но все же первый промышленный телефон обладал многими (и весьма существенными) недостатками. Во-первых, приходилось и говорить, и слушать в один и тот же аппарат. Это, конечно, было очень неудобно. Сказал что-нибудь и скорее приставляй трубку к уху, чтобы не пропустить ответ. Чтобы люди не забывали об этом, рядом с аппаратами такой системы подчас крепилось довольно оригинальное объявление: «Не слушайте ртом, не говорите ухом». Во-вторых, телефонный передатчик давал слишком маленькую мощность, чтобы ее могло хватить на сколько-нибудь значительное расстояние. Возникла необходимость придумать какой-то новый прибор для превращения звуковых колебаний в электрические.

Запахло деньгами. Компания «Вестерн Юнион» тут же выдала заказ на создание телефона профессиональному изобретателю Т. Эдисону, располагавшему штатом талантливых сотрудников и хорошей технической базой. Тот быстренько изобрел никуда не годный микрофон, соединил его с телефоном Белла и отправился в суд отстаивать свои права. Ничего не вышло. Однако упорства Эдисону было не занимать. Изготовив несколько неудачных образцов, он в 1878 г. усовершенствовал конструкцию микрофона, предложенного Д. Юзом. В результате появился порошковый угольный микрофон, о приоритете создания которого тоже было очень много споров.

В конце следующего года конкуренты пришли к компромиссному решению: они поделили прибыль и сферы деятельности, но объединили принадлежавшие им изобретения. После заключения соглашения с Эдисоном Белл разбогател. К этому времени в США уже было установлено более 150 тыс. телефонных аппаратов, в Великобритании их было около 26 тыс., во Франции – 9 тыс. и 7 тыс. в России. Интересно, что в одном из писем своим компаньонам Белл впервые в истории изложил план создания городской телефонной сети, базирующейся на центральном коммутаторе. Он настаивал на том, что в целях

рекламы надо бесплатно установить аппараты в центральных магазинах города. Это письмо стало первоисточником телефонной лексики, в том числе фразы «Алло, центральная», которая исчезла лишь после появления АТС.

В том же 1879 г. Белл предложил молодому изобретателю Чарльзу Тайнтеру создать лабораторию в Вашингтоне для совместных экспериментов в области телефонии. Уже через год компаньоны, используя для связи световые волны и селеновые фотоприемники, разработали беспроводной телефон – фотофон. За это изобретение они получили Золотую медаль Парижской электротехнической выставки и стали членами Лабораторной Ассоциации Вольта. В 1881–1885 гг. на деньги, полученные от Ассоциации за изобретение беспроводного телефона (10 тыс. долларов), они занялись разработкой улучшенной модели фонографа, названной графофоном, и получили несколько патентов, которые положили начало будущей индустрии звукозаписи.

Уйдя от работ по телефонии, Белл продолжал заниматься научными исследованиями. Спектр его научных интересов, как и у других подобных ему гениальных изобретателей, был весьма широк. Его интересовали, например, проблемы воздухоплавания на аппаратах тяжелее воздуха, способы конденсации питьевой воды из тумана для людей, терпящих бедствие в море, проблемы геронтологии, факсимильная передача данных, обнаружение пули в теле раненого методом индукции, статистические исследования проблем наследственной глухоты и многое другое.

Своеобразное объяснение этому дала впоследствии жена изобретателя Мейбл: «Муж прекратил работу над фотофоном потому, что я, оставаясь глухой, не могла оценить прелести передачи человеческой речи, но зато смогла бы увидеть летающую машину». Эту трогательную версию подтвердил очевидец события генерал Д. Карти: «Я помню тот день, когда Белл осуществил телефонный разговор через весь континент, и когда восхищенные отцы нации поздравляли его, он, показав в сторону находившейся здесь же миссис Белл, с горечью сказал мне: “Вы понимаете, что она никогда не сможет пользоваться телефоном”».

Изобретатель много и увлеченно работал, порою доходя до изнеможения. Его рабочий день заканчивался около 4-х часов утра. В своем дневнике Мейбл писала: «Самые серьезные ссоры между нами были только из-за этого». Супруги прожили долгую (45 лет) и счастливую жизнь. У них было четверо детей – две дочери и два сына. К сожалению, оба мальчика умерли в раннем детстве и их смерть была большим ударом для родителей.

Научная деятельность Белла с каждым годом приносила все новые и новые резельтаты в различных областях. В 1882 г. вышла его книга «Аппарат искусственного дыхания», спустя три года он опубликовал статью об обнаружении айсбергов посредством эха (тогда же, кстати, шотландский изобретатель принял американское гражданство). В 1901 г. Белл высказал общую идею измерения морских глубин методом звуковой локации. Позже он занимался проблемами обогрева и вентиляции помещений (даже соорудил в своем доме прообраз кондиционера). И во всех своих научных изысканиях изобретатель проявлял глубочайшие знания и оригинальность мышления.

В 1898 г. Белла избрали президентом Национального географического общества. Он возглавлял его в течение пяти лет и одновременно был председателем Попечительского совета Смитсоновского института в Вашингтоне – одного из старейших научно-исследовательских и культурных центров США. Заслуги Белла были высоко оценены еще при его жизни. Двенадцать университетов мира удостоили его почетных степеней доктора различных наук (права, философии, медицины и др.). В 1881 г. Франция наградила его орденом Почетного легиона, а Лондонское королевское общество в 1913 г. – золотой медалью Хьюгса. Другие научные общества и ассоциации присудили ему 11 золотых и 5 серебряных медалей, главным образом за изобретение телефона, фотофон и «видимую речь».

В последние годы жизни Александер Белл, страдавший от тяжелой болезни, был прикован к постели. 2 августа 1922 г. стало последним днем жизни талантливого изобретателя. Ненадолго придя в себя, он увидел у постели жену и улыбнулся ей. «Не покидай меня», – попросила она. «Никогда», – ответил ей Белл легкими пожатиями пальцев. Это было последним безмолвным посланием создателя телефона.

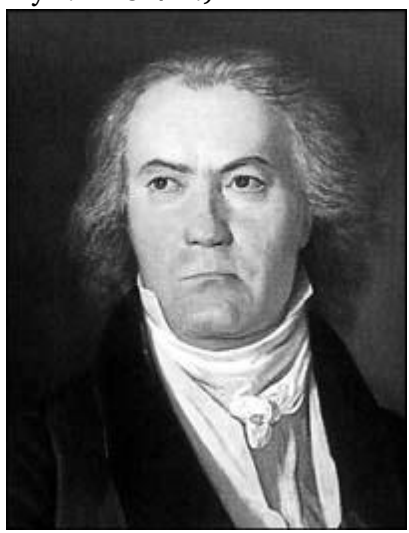
…Утром 4 августа 1922 г. вся система телефонной связи североамериканского континента была выключена на одну минуту. В момент предания земле гроба с телом Александера Белла прощальный салют был заменен минутой молчания. Замечательный ученый, инженер, медик и педагог был похоронен на мысе Бретон полуострова Новая Шотландия в Канаде.

Немногие изобретения, вызвавшие переворот в науке и технике, внедрились в человеческом обществе так быстро и, главное, широко и надолго, как телефон. Он и по сей день остается основным средством взаимного общения или, как теперь принято говорить, информационного обмена между людьми. С 1924 г. имя гениального изобретателя увековечено в единице измерения абсолютного уровня интенсивности звука. Бел –

единица довольно крупная, поэтому на практике чаще пользуются ее десятыми долями – децибелами (дБ). Символично, что «bell» в переводе с английского языка означает «звоночек» или «колокольчик», который своими трелями всегда будет напоминать людям о человеке, подарившем миру такую простую и полезную «игрушку» – телефон.

Бетховен Людвиг ван

(род. в 1770 г. – ум. в 1827 г.)



Величайший немецкий пианист, органист, дирижер, которого по праву считают самым выдающимся композитором за всю историю человечества. Его творчество относят как к классицизму, так и к романтизму, но на самом деле оно выходит за рамки подобных определений: сочинения Бетховена – прежде всего выражение его гениальной личности.

Каждое поколение выбирает своих героев. В 1986 г. Клаус Каммерихс поставил на обширном газоне перед Beethovenhalle в Бонне бетонную скульптуру «Голова Бетховена». Волею скульптора композитор смотрит на мир насмешливо и грустно, как смотрел он на все и при жизни. Рассказывают, что однажды Бетховен был приглашен с концертом в Берлин и исполнил там перед аристократической публикой несколько своих фортепьянных произведений. Он был блистательным пианистом, и зрители, слушая его, так растрогались, что все без исключения прослезились. Это настолько вывело из себя композитора, что он прервал выступление, повернулся к публике и воскликнул: «Дураки! Я жду от вас аплодисментов, а не слез!»

Однако скульптура «Голова» перед Beethovenhalle – двусторонняя. С противоположной стороны – тоже Бетховен, но уже пораженный глухотой, отягченный личными невзгодами, но борющийся и несгибаемый. И на ту и на другую стороны нужно смотреть издалека, и тогда ясно проступают черты его лица и характера. Чем ближе подходишь к «Голове», тем более эти черты

размываются, неожиданно превращаясь в груду бетонных рулонов, и становится невозможно понять, как из этого хаоса может возникнуть знакомое нам лицо. Но оно обязательно возникает, если отступить подальше. Большое видится на расстоянии. Действительно, только со временем становятся яснее характеры гениев, объяснимее их поступки, понятнее их произведения…

Людвиг ван Бетховен родился в Бонне (на Рейне) и был крещен 17 декабря 1770 г.; точный день рождения его неизвестен. Его дед по отцу, тоже Людвиг, был родом из Фландрии, служил певчим в Генте и Лувене, а в 1733 г. перебрался в Бонн, где стал придворным музыкантом в капелле курфюрста – архиепископа Кельнского. Здесь он открыл еще и винную лавку, где поставил торговать «рейнским» свою жену. И пока дед руководил певцами и музыкантами капеллы, бабка потихоньку спивалась, расстраивая коммерцию и семейную жизнь. Бетховен отправил жену в монастырь лечиться от пагубной страсти, но ничего не мог поделать с сыном Иоганном, который имел буйный нрав и тоже был не дурак выпить. Правда, имея приятный тенор, Иоганн также служил в капелле, но трудолюбие и усидчивость не были отличительными чертами его характера. Со временем он женился на дочери придворного повара Марии-Магдалене Кеверих и произвел на свет семерых детей, из которых Людвиг, будущий композитор, был старшим.

Мальчик рос в нищете. Однажды, заметив, с каким вниманием и наслаждением четырехлетний Людвиг слушает музыку, отец стал учить его игре на фортепиано, а затем и на скрипке. К занятиям сына он относился не только строго, но даже жестоко, заставляя его работать по целым дням и «воодушевляя» пощечинами и пинками. Иоганн не позволял сыну даже играть со сверстниками. Многие из них не раз наблюдали, как маленький Людвиг с горькими слезами простаивал целые часы перед фортепиано (он был еще слишком мал, чтобы сидеть), исполняя заданную отцом музыкальную работу. Так как Иоганн стремился поскорее развить талант ребенка, чтобы сделать из него источник дохода, то общее образование было самое поверхностное. Оно ограничилось посещением в продолжение нескольких лет начальной школы, где юный музыкант учился читать, писать, считать и немного изучал латынь. Этот недостаток образования, несмотря на выдающийся ум и способности Бетховена, наглядно проступает во всех его письмах. В продолжение всей жизни он был очень слаб как в орфографии, так и в счете.

С 1781 г. занятиями Бетховена руководил К. Г. Нефе – композитор, органист и видный эстетик. Тогда же 11-летний

мальчик стал концертмейстером придворного театра и помощником органиста капеллы. Его обязанности как придворного музыканта значительно расширились, когда эрцгерцог Максимилиан стал курфюрстом Кельнским и начал проявлять заботу о музыкальной жизни Бонна, где располагалась его резиденция. В 1787 г. Бетховену удалось впервые посетить Вену – в то время музыкальную столицу Европы. По преданиям, Моцарт, послушав игру юноши, высоко оценил его импровизации и предсказал ему большое будущее, сказав: «Берегите его, однажды он заставит говорить о себе мир».

Но вскоре Бетховен должен был вернуться домой – его мать лежала при смерти. Он остался единственным кормильцем семьи, состоявшей к тому времени из беспутного отца и двух младших братьев. Пылкая и восприимчивая натура одаренного юноши привлекла внимание некоторых просвещенных боннских семейств, а блестящие фортепианные импровизации обеспечили ему свободный вход в любые музыкальные собрания.

В 1792 г. Бетховен во второй раз приехал в Вену. Понимая недостаточность своего образования, он отправился к Гайдну, признанному авторитету в области инструментальной музыки (Моцарт умер годом ранее), и некоторое время приносил ему для проверки упражнения в контрапункте. Маэстро, впрочем, вскоре охладел к строптивому ученику, и Людвиг втайне от него стал брать уроки у И. Шенка, а затем у более основательного И. Г. Альбрехтсбергера, автора отличного учебника по композиции. Помимо этого, желая усовершенствоваться в вокальном письме, он посещал в течение нескольких лет знаменитого Сальери. Вскоре молодой композитор вошел в кружок, объединявший титулованных любителей и профессиональных музыкантов.

Однако страстная сила и смелость бетховенской музыкальной речи представлялась благодушным венцам чем-то чудовищным и непонятным. Это, конечно, сильно раздражало и волновало Бетховена; он жаловался на изнеженность, инертность австрийцев, на отсутствие в Вене настоящей жизни, как он ее понимал: «Сила есть мораль человека, который хочет отличаться от других; и это моя мораль». Поэтому он решил посмотреть, не найдет ли отклик его «мораль» в том государстве, которое недавно так доблестно проявило свою силу. И он отправился в Берлин.

Но композитор обманулся в своих ожиданиях. В Германии он не только не нашел той «силы», которую искал, но встретился там с испорченностью нравов, прикрывавшейся лицемерным благочестием. Тем не менее Людвиг играл при дворе, имел огромный успех и получил от Фридриха II предложение остаться

в Берлине и поступить к нему на службу, однако не принял его. Современник вспоминал по этому поводу: «В каком бы обществе Бетховен ни находился, он всегда своей импровизацией производил громадное впечатление на слушателей. Было что-то чудесное в выражении его игры, не говоря о прелести и самобытности его музыкальных мыслей и поразительной их разработке. Когда он заканчивал такие импровизации, то часто разражался громким смехом и издевался над состоянием, в которое привел своих слушателей. Иногда он чувствовал себя оскорбленным таким отношением. “Ну можно ли жить среди таких избалованных детей?” – говорил он и, как он сам рассказывал, единственно по этой причине отказался от королевского приглашения, последовавшего после подобной импровизации».

В 1800 г. Бетховен вернулся в Вену совершенно разочарованный в своих ожиданиях и никогда более не покидал надолго своего второго отечества. Здесь, вдали от политических событий того времени, он всецело отдался тому, что составляло для него жизнь, «как он ее понимал», – своему искусству. Он жил эти годы только музыкой, ни одно внешнее происшествие не отвлекало его от сосредоточенного напряжения: «Я живу только в моих нотах, и чуть готово одно – принимаюсь за другое. При моей теперешней работе я пишу три-четыре вещи сразу».

Нам остается только гадать, до какой степени бетховенская глухота повлияла на его творчество. Недуг развивался постепенно. Уже в 1798 г. он жаловался на шум в ушах, ему бывало трудно различать высокие тоны, понимать беседу, ведущуюся шепотом. В ужасе от перспективы стать объектом жалости, он рассказал о своей болезни близкому другу – К. Аменде, а также докторам, которые посоветовали ему по возможности беречь слух. Бетховен продолжал вращаться в кругу своих венских друзей, принимал участие в музыкальных вечерах, много сочинял. Ему так хорошо удавалось скрывать глухоту, что до 1812 г. даже часто встречавшиеся с ним люди не подозревали, насколько серьезна его болезнь. То, что при беседе он часто отвечал невпопад, приписывали его плохому настроению или рассеянности.

Летом 1802 г. Людвиг удалился в тихий пригород Вены – Хайлигенштадт. Там появился потрясающий документ – «Хайлигенштадтское завещание», мучительная исповедь терзаемого недугом музыканта. Завещание было адресовано братьям Бетховена (с указанием прочитать и исполнить после его смерти). В нем он говорил о своих душевных страданиях: мучительно, когда «человек, стоящий рядом со мной, слышит

доносящийся издали наигрыш флейты, не слышный для меня; или когда кто-нибудь слышит пение пастуха, а я не могу различить ни звука». Это документальное свидетельство того, в каком сложном положении находился в тот момент музыкант, однако совсем скоро, во всяком случае внешне, от этого взрыва отчаяния не осталось и следа.

Уже спустя несколько месяцев композитор продемонстрировал публике свои новые произведения, о которых современник вспоминал: «Во время исполнения своего концерта с оркестром Бетховен попросил меня переворачивать ему страницы; но – праведное небо! – это было легче сказать, чем исполнить; я увидал почти совершенно пустые листы нотной бумаги; только там и сям было нацарапано несколько долженствующих служить ему путеводною нитью иероглифов. Он играл всю партию наизусть, ибо, как это у него почти всегда бывало, она была еще не написана. Таким образом, он должен был делать мне незаметный кивок всякий раз, когда кончал какой-нибудь из таких невидимых пассажей, и мой нескрываемый ужас пропустить этот решительный момент доставлял ему неописуемое удовольствие; после концерта, во время скромного ужина, он все еще продолжал покатываться со смеху».

Первый решительный прорыв к тому, что сам Бетховен называл «новым путем», произошел в Третьей симфонии (Героической), работа над которой относится к 1803–1804 гг. Известно, что изначально в авторской партитуре произведение называлось «Буонопарте». Однако после того как Наполеон провозгласил себя императором, Бетховен впал в ярость: «И он тоже не что иное, как обыкновенный человек!.. Он станет тираном!» Композитор разорвал заглавный лист и переписал страницу заново: «Героическая симфония (в знак воспоминания об одном великом человеке)».

К этому периоду относятся наивысшие достижения Бетховена в жанрах скрипичного и фортепианного концерта, скрипичной и виолончельной сонаты, симфонии; жанр фортепианной сонаты был представлен такими шедеврами, как «Аппассионата» и «Вальдштейновская». Но даже музыканты не всегда были способны воспринять новизну этих сочинений. Однажды скрипач Ф. Радикати, ознакомившись в рукописи с квартетами Бетховена, сказал с усмешкой композитору: «Маэстро, я надеюсь, вы не считаете всерьез эти свои произведения музыкой?» Бетховен, снисходительно улыбаясь, ответил: «О, напротив! Просто они написаны не для вас, а для позднейших времен…»

В это время Бетховен охотно принял заказ на сочинение оперы «Фиделио», поскольку в Вене успех на оперной сцене

означал славу и деньги. Конечно, у него не было опыта сочинения для театра. Кульминационные моменты мелодрамы были отмечены превосходной музыкой, но в других местах отсутствие драматического чутья не позволило композитору подняться над оперной рутиной. Все же опера постепенно завоевала слушателей (при жизни композитора состоялось три ее постановки в разных редакциях – в 1805, 1806 и 1814 гг.). Можно смело утверждать, что ни в одно другое сочинение композитор не вложил столько труда.

Источником вдохновения для ряда сочинений стали романтические чувства, которые Бетховен испытывал к некоторым из своих великосветских учениц. Это относится к посвященной графине Джульетте Гвиччарди сонате «quasi una Fantasia», позже получившей название «Лунной». Композитор даже думал сделать Джульетте предложение, но вовремя понял, что глухой музыкант – неподходящая пара для кокетливой светской красавицы. Другие знакомые дамы отвергли его, а одна из них даже назвала его «уродом» и «полусумасшедшим». Иначе обстояло дело с семейством Брунсвик, в котором Бетховен давал уроки музыки двум старшим сестрам – Терезе и Жозефине. Уже давно опровергнуто предположение, что адресатом посланий к «бессмертной возлюбленной», найденных в бумагах Бетховена после его смерти, была Тереза, но современные исследователи не исключают, что этим адресатом могла являться ее сестра. В любом случае идиллическая Четвертая симфония своим замыслом обязана пребыванию Бетховена в венгерском имении Брунсвиков летом 1806 г.

Он был одинок. Неказистый, чудаковатый, чрезвычайно вспыльчивый, способный обозвать последними словами музыкантов оркестра так, что порой они отказывались играть в его присутствии, – такому человеку трудно было рассчитывать на взаимопонимание. «Его талант, – писал Гете, – привел меня в изумление; однако это совершенно необузданная личность…»

Одна из немногих женщин, заслуживших его расположение, Беттина Бретано, сделала интересную запись размышлений Бетховена: «Когда я открываю глаза, я вынужден вздыхать, потому что то, что я вижу, противно моим верованиям, и я вынужден презирать мир, который и не подозревает, что музыка – это более высокое откровение, чем вся мудрость и философия… Музыка – это средство превращения духовной жизни в чувственную. Я хотел бы говорить об этом с Гете, поймет ли он меня?.. Скажите ему, чтобы он прослушал мои симфонии, тогда он согласится со мной, что музыка есть единственный бесплатный вход в высший мир познания…»

По воспоминаниям современников, Бетховен был небольшого роста, с некрасивым красным лицом, изрытым оспой. Его темные волосы вихрами падали на лоб, а одежда была не изысканна и даже неряшлива. Композитор говорил на местном наречии, иногда употребляя простонародные выражения. Вообще он не обладал внешним лоском и скорее был грубоват в движениях и обхождении. Прежде чем войти в комнату, он обыкновенно сперва просовывал голову в дверь, чтоб убедиться, нет ли в ней кого-нибудь, кто ему не по душе.

Обыкновенно серьезный, Бетховен иногда становился неудержимо веселым, насмешливым и даже язвительным. Однако он был искренен, как дитя, и до того правдив, что нередко заходил слишком далеко. Он никогда не льстил и этим нажил себе много врагов. В своих движениях он был неловок и неповоротлив. Часто ему случалось ронять чернильницу с конторки, на которой он писал, на стоящее рядом фортепиано; все было у него опрокинуто и запачкано. В его комнате царствовал неописуемый беспорядок: «Книги и ноты бывали разбросаны по углам, здесь стояла холодная закуска, там – бутылки, на пульте были наброски нового квартета, на столе – остатки завтрака, на фортепиано – только что намеченная новая симфония, на полу – письма. И несмотря на это Людвиг любил с красноречием Цицерона прославлять при всяком удобном случае свою аккуратность и любовь к порядку».

Время с рассвета и до полудня композитор проводил с пером в руке, остаток же дня уходил на размышления и приведение в порядок задуманного. После обеда он срывался с места и совершал свою обычную прогулку, т. е. «как одержимый обегал раза два вокруг всего города». Бетховен никогда не выходил на улицу без нотной записной книжки – это было его правилом.

Вообще же Бетховен не придавал никакого значения своим рукописям, которые валялись вместе с другими нотами на полу или в соседней комнате: «Их легко было и украсть, и выпросить у него – он не задумываясь отдал бы». Маэстро не имел никакого понятия о деньгах, отчего, при его врожденной подозрительности, происходили частые недоразумения и он, не задумываясь, называл людей обманщиками; с прислугой, впрочем, это кончалось благополучно – после того как он давал «на водку». Его странности и рассеянность были известны во всех посещаемых им трактирах, и его не тревожили, даже если он забывал расплачиваться. Кроме того, он был до крайности вспыльчив. Раз во время обеда в трактире ему по ошибке подали не то кушанье. Композитор сделал кельнеру замечание, а тот позволил себе грубо ответить, и в ту же секунду тарелка с едой оказалась у него

на голове. Они стали кричать друг на друга, между тем как окружающие не могли удержаться от смеха. Наконец сам Бетховен не выдержал и разразился громким хохотом, указывая на кельнера, который облизывал струившийся по лицу соус и строил уморительные гримасы.

Материальное положение композитора в это время заметно улучшилось. Издатели охотились за его партитурами и заказывали новые сочинения. Его заботливые друзья, особенно глубоко преданный Бетховену А. Шиндлер, наблюдая беспорядочный и полный лишений образ жизни музыканта и слыша его жалобы на то, что его «обобрали», не могли понять, куда он девает деньги. Они не знали, что композитор откладывает их, но делает это не для себя. Когда в 1815 г. умер его брат Каспар, композитор стал одним из опекунов своего 10-летнего племянника Карла. Любовь Бетховена к мальчику, стремление обеспечить его будущее вступили в противоречие с недоверием, которое композитор испытывал к матери Карла. В результате он постоянно ссорился с обоими, и эта ситуация отложила трагический отпечаток на последний период его жизни. В эти годы, когда Бетховен добивался полного опекунства, сочинял он мало.

Глухота Бетховена стала практически абсолютной. К 1819 г. ему пришлось целиком перейти на общение с собеседниками с помощью грифельной доски или бумаги и карандаша (сохранились так называемые «разговорные тетради» композитора). Полностью погруженный в работу над Торжественной мессой ре мажор и Девятой симфонией, он вел себя странно, внушая тревогу посторонним людям: «Бетховен пел, завывал, топал ногами, и вообще казалось, что он ведет смертельную борьбу с невидимым противником». Гениальные последние творения мастера – грандиозные по масштабам, необычные по форме и стилю – казались многим современникам произведениями сумасшедшего. И все-таки венские слушатели признавали величие бетховенской музыки, они чувствовали, что имеют дело с гением: в 1824 г. во время исполнения Девятой симфонии зал был покорен мощной кульминацией в конце произведения, публика неистовствовала, но автор, стоявший рядом с дирижером, не оборачивался. Пришлось одному из певцов взять его за руку и повернуть лицом к слушателям.

Судьба других поздних произведений была более сложной. Прошло много лет после смерти Бетховена, прежде чем наиболее восприимчивые музыканты начали исполнять его последние квартеты (в том числе Большую фугу, ор. 33) и фортепианные сонаты, открывая людям эти высшие, прекраснейшие достижения

гения. Иногда поздний стиль Бетховена характеризуют как созерцательный, абстрактный, в ряде случаев пренебрегающий законами благозвучия; на самом деле эта музыка – неоскудевающий источник мощной и созидательной духовной энергии.

В декабре 1826 г. Бетховен тяжело заболел воспалением легких, осложненным желтухой и водянкой. Три месяца его организм боролся со смертью, но 26 марта 1827 г. в 5 часов пополудни великий композитор навеки закрыл глаза. Природа позаботилась о необычных проводах композитора. Когда он лежал в предсмертной агонии, на улице валил снег, а потом вдруг разразился мощный удар грома. Очевидец этого события рассказывал: «…молния со страшным громом ярко осветила комнату умирающего. Бетховен открыл глаза, поднял правую руку и, вытянув вверх сжатый кулак, посмотрел со строгим, угрожающим лицом. Больше он не дышал, и сердце его не билось». Проведенное вскрытие выявило у него резко выраженный цирроз печени и хронический панкреатит.

Похороны гениального музыканта происходили в чудное весеннее утро. Двадцатитысячная толпа собралась проводить бренные останки того, кто был забыт ею при жизни. Гроб с телом великого человека при глубоком молчании опустили в могилу, на которой через некоторое время был поставлен памятник в виде пирамиды. На нем изображены солнце, лира и написано только одно слово: «Бетховен».

Вавилов Николай Иванович

(род. в 1887 г. – ум. в 1943 г.)

Выдающийся биолог, растениевод, агроном, систематик, биогеограф, путешественник и педагог. Основоположник советской школы генетики. Действительный академик АН СССР, академик и первый президент ВАСХНИЛ, член многих зарубежных академий и биологических обществ, основатель саратовской школы генетики, организатор Всесоюзного института растениеводства. Лауреат премии им. Ленина (1926 г.).

Автор около 300 научных работ.

История знает немного примеров, когда творческий путь ученого был бы так целенаправлен, как путь Н. И. Вавилова. И еще меньше примеров такой многосторонности исканий, особенно у ученых XX в., с их все более усиливающейся узкой специализацией. Николай Иванович любил повторять, что жизнь коротка и нужно спешить. Можно с уверенностью сказать, что он не потерял напрасно ни одного дня, а сделанного им хватило бы на несколько жизней.

Просто удивительно, откуда у городского мальчишки, родившегося 26 ноября 1887 г. в Москве, могла появиться такая тяга к растительному миру. Его отец, Иван Ильич Вавилов, сирота-самоучка из певчих, выбился в люди и работал одним из директоров «Трехгорной мануфактуры». Он мечтал, что его сыновья пойдут по коммерческой линии. Правда, он замечал, что и старший Николай, и младший Сергей вечно возятся в сарае. Там мальчишки соорудили настоящую лабораторию, засушивали

разные цветочки-лепесточки, накалывали на иголки букашек. Им вечно были нужны гривенники, но не для баловства, а для покупки различных аптечных препаратов. Однако Иван Ильич был так уверен, что Николай станет коммерсантом, что даже отдал его не в гимназию или реальное училище, а в коммерческое. Того, впрочем, это вполне устраивало: здесь больше внимания уделяли преподаванию естественных наук, чем закону Божьему и латыни. Мать же, Александра Михайловна, в жизнь детей особо не вмешивалась, не стояла над душой с нравоучениями. Она видела, что Николай всегда сумеет постоять за себя и младших, и этого ей было достаточно.

Но, когда стал вопрос, куда идти учиться после училища, Николай, отказавшись от денежного и почетного поприща коммерсанта, которое ему уготовил отец, решительно отстоял свое право быть биологом. Не порадовали родителей своим жизненным выбором и остальные дети. Александра стала врачом и ученым. Лидия избрала профессию микробиолога (она умерла молодой во время ликвидации эпидемии оспы). Сергей тоже ушел в науку и основал советскую школу физической оптики.

Но самым известным в семье Вавиловых стал Николай. Поступить на медицинский факультет университета без знания латыни оказалось невозможным, и, чтобы не терять год на самостоятельное изучение языка, юноша продолжил образование в Московском сельскохозяйственном институте. Своей специализацией Николай избрал физиологию растений. У него на курсе читали лекции такие известные профессора, как Н. Худяков, С. Ростовцев и Д. Прянишников. Под их руководством он изучил самый трудный и надежный язык в науке – язык точного опыта.

Тогда же, в студенческие годы, началась и научная жизнь Вавилова. Он возглавил студенческий кружок любителей естествознания, готовил и читал доклады («Дарвинизм и экспериментальная морфология»), вел самостоятельные научные исследования и при этом никогда не отставал от учебного плана. В 1908 г. Вавилов совершил свое первое путешествие. Вместе с кружковцами он прошел караванным путем по Северному Кавказу и Закавказью, собрав во время экспедиции обширную коллекцию растений. Однако его научные интересы еще не устоялись. Николай с жадностью хватался за все. Так, на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей (1909 г.) Вавилов участвовал в работе сразу нескольких секций – химии, ботаники, агрономии, географии, этнографии и энтомологии. Его коллекция паразитирующих грибов была представлена на Пятой выставке садоводов (1910 г.), где удостоилась серебряной награды. На старших курсах Николай работал над проблемой

невосприимчивости растений к разным заболеваниям. Несколько позже он обосновал свое учение об иммунитете растений в отдельной статье.

Наблюдавшие за его деятельностью профессора в один голос заявляли: «Впервые видим, чтобы науку делали с пеной у рта». Внешне мягкий и сговорчивый, рассеянный и вечно поглощенный очередными научными проблемами, Вавилов охотно признавал свои ошибки, если его в этом убеждали, но становился абсолютно непреклонным, когда оппонент не приводил серьезных доказательств. «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся», – заявил он, выступая на одной из дискуссий. Этими словами Вавилов словно предопределил свою судьбу.

В 1911 г. Николай окончил институт. Его лабораторная работа «Голые слизни (улитки), повреждающие поля и огороды Московской губернии» была засчитана как дипломная и после публикации удостоена премии Московского политехнического музея. Желаний и целей у Вавилова было так много, что он просто стоял на распутье. Талантливому выпускнику предложили остаться в институте на кафедре частного земледелия для подготовки к профессорскому званию (он получил его в 1914 г. в 27 лет) и прикомандировали к селекционной станции, где он сразу окунулся в опыты по исследованию иммунитета растений. В том же году Николай устроился на работу в Бюро прикладной ботаники в Санкт-Петербурге и начал преподавать на Высших Голицинских сельскохозяйственных курсах. А по ночам работал в лаборатории Бюро микологии и фитопатологии, стремясь объять необъятное и совместить несовместимое.

Общительный, веселый, красивый, вездесущий Николай был совершенной противоположностью своей молодой жене. По нему тайно вздыхала половина институток, а он выбрал некрасивую, замкнутую, однако очень решительную Екатерину Николаевну Сахарову. Она была прекрасно образована, но не по-женски расчетлива и холодна. Однако в ней было то, чего так не хватало Вавилову на первых порах, – умение сделать выбор и идти к единственной цели, а посему Катя стала ему надежной опорой. Его занятия в это время были расписаны по «получасам», запредельные нагрузки Николай переносил с азартной неистовостью, работая по 18 часов в сутки. И это не осталось незамеченным. Талантливому ученому было поручено выступить с актовой речью на Голицынских курсах (1912 г.). Он поразил высокую аудиторию не только редкостной по тем временам темой «Генетика и ее отношение к агрохимии», но и глубиной охвата материала. Несколько позже эта речь была издана отдельной

брошюрой.

Вавилов был увлечен проблемой влияния условий среды на восприимчивость растений к заболеваниям. Для более глубокого изучения этой темы в 1913 г. его командировали в Англию к «первому апостолу нового учения», одному из основателей генетики Уильяму Бэтсону. Для молодого ученого это стало «Меккой и Мединой», хотя он и не принял слепо теорию «развертывающегося клубка». В течение года Вавилов завершил работу над статьей об иммунитете растений к грибковым заболеваниям и опубликовал ее в журнале, основанном Бэтсоном. На следующий год Николай Иванович познакомился с работами крупнейшей семеноводческой фирмы Вильморенов во Франции, затем отправился в Германию к известному биологу-эволюционисту Эрнсту Геккелю. Здесь его и застала Первая мировая война, и он с трудом добрался в Россию, где продолжил изучение проблем иммунитета. При этом Вавилов стремился охватить все разнообразие растений: от злаков он перешел к бобовым, плодовым и огородным культурам, наблюдал за виноградом, льном и розами.

Рутинная исследовательская работа никогда не казалась ему скучным и изнурительным делом. Он успел изучить «только» 350 сортов овса и 650 – пшеницы, а также пережил «роман с персидской пшеницей», когда в 1916 г. военное ведомство отправило его в Иран для выяснения причин массового отравления русских солдат хлебом. Вопрос этот Вавилов разрешил моментально, установив, что пшеница сильно засорена ядовитым плевелом. На этом официальная миссия ученого завершилась, и оставшееся время он использовал для исследования Ирана, Памира и Персии, пытаясь найти родину персидской пшеницы. Одновременно ученый искал формы и сорта с полезными для человека свойствами – рожь с крупными колосьями и зерном, пшеницу, которую не поражают болезни. Из поездки Вавилов привез множество растений, пополнивших его и без того уже большую коллекцию, и абсолютное убеждение в «поразительной концентрации богатств разновидностей пшеницы по мере приближения к древним очагам земледельческой культуры». Это стало первым шагом к исследованиям растительных ресурсов планеты. Здесь Вавилов был первооткрывателем, потому что до него никто целенаправленно этим вопросом не занимался. Ему хотелось продолжить свои исследования в Афганистане, Африке, Абиссинии, Судане, но война, а вслед за ней революция надолго отодвинули задуманные экспедиции.

В 1917 г. профессор Вавилов переехал в Саратов на

должность рядового преподавателя сельскохозяйственных курсов (спустя год преобразованных в институт). На его лекции ломились не только студенты, но и научные работники смежных кафедр, агрономы, сотрудники селекционной станции. Именно здесь на кафедре частного земледелия и генетики зародилась школа, повернувшая в новое русло растениеводческую науку. И когда Вавилову предложили место помощника заведующего Отделом прикладной ботаники в Петрограде, он далеко не сразу решился оторваться от научных исследований. «У меня тьма своих дел: иммунитет, гибриды и некоторые ботанико-географические работы… Боюсь, я слишком свободолюбив в распределении своего времени». О его режиме работы ходили легенды, и вавиловская фраза, произносимая чаще всего после полуночи: «Жизнь коротка… Завтра в четыре утра…» – никогда не вызывала у подчиненных недовольства. Ведь профессор на опытном поле пахал, сеял, жал и вязал снопы наравне с лаборантами.

Но такой стиль жизни совершенно не устраивал его супругу. Брак не спасло даже рождение сына Олега. У Николая Ивановича появилась новая семья. Тихая, хрупкая, очень женственная студентка Леночка Барулина, которую профессор всегда именовал Еленой Ивановной, превратилась в преданного делу ученого и до конца дней стала для него верной женой, помощницей и подругой. У них подрастал сын Юра, но о своем первенце Вавилов никогда не забывал.

Годы, проведенные в Саратове, были невероятно плодотворными. Изучая иммунитет растений, ученый пришел к выводу, что в эволюционном развитии организмов нет хаоса и, несмотря на многообразие форм живого, изменчивость укладывается в определенные закономерности. Так появилась мысль о единстве многообразия – главная в вавиловском труде «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости». Это открытие по своему значению в биологии равно периодической системе Менделеева в химии. Ведь недаром доклад Николая Ивановича на эту тему на III Всероссийском селекционном съезде в Саратове 4 июля 1920 г. был признан крупнейшим событием в мировой биологической науке, а профессор В. Зелинский кричал, перекрывая шум аплодисментов: «Биологи приветствуют своего Менделеева!»

В США на Мировом конгрессе по сельскому хозяйству (1921 г.) даже на фоне обостренных дипломатических отношений авторитет Вавилова и приоритет советской науки был принят безоговорочно, а к середине 1930-х гг. закон Вавилова стал азбучной истиной для всякого грамотного биолога. К своему

удивлению, Николай Иванович понял, что большинство американских ученых вели разрозненные исследования вслепую. Единственным, кто целенаправленно шел вперед, был Т. Морган. Во время пребывания в США Вавилов не только закупал маленькими порциями семена, собранные в дальних экспедициях «охотниками за растениями», но и приобретал огромные партии сортовых семян для голодающего Поволжья.

Еще перед поездкой в США Вавилов с группой саратовских сотрудников, которых именовали попросту «Вавилоном», все-таки переехал в Петроград, где возглавил Отдел прикладной ботаники. С этого момента началась его работа по организации сельскохозяйственной науки в стране. В 1922 г. Николай Иванович (к этому времени уже член-корреспондент Академии наук, а с 1929 г. – академик) стал во главе только что образованного Государственного института опытной агрономии, два года спустя занял пост директора Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Он был и первым президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Под его руководством в стране возникли сотни селекционных станций и десятки крупных институтов зернового и картофельного хозяйства, овощеводства, кормов, хлопководства и др. За свой научный подвиг Вавилов в 1926 г. был в числе первых советских ученых удостоен премии им. В. И. Ленина. Со всех сторон к нему стекались лучшие специалисты – ботаники, физиологи, биохимики. Они сумели уловить закономерности в поведении одних и тех же сортов, попадающих в разные географические условия. За эти исследования Николай Иванович получил золотую медаль на Международном съезде в Италии, который постановил провести под его руководством географические опыты в мировом масштабе.

Еще заполняя пустующие клетки гомологических рядов, Вавилов пришел к мысли о существовании центров происхождения культурных растений. На основе своей все пополняющейся коллекции он определил, что на Земле существует пять таких центров: горные районы Юго-Западной и Юго-Восточной Азии, Средиземноморье, Горная Абиссиния (Эфиопия), Южная и Центральная Америка. В 1926 г. Вавилов изложил результаты исследований о происхождении культурных растений в различные эпохи древнейшего и древнего мира в своей второй важнейшей работе «Центры происхождения культурных растений». Впоследствии границы этих очагов расползания растений уточнялись, добавились три новых очага. Эти свои искания Николай Иванович называл «философией» и уверенно (и, как оказалось, абсолютно верно) заявлял, что

«ботаник может поправить историка и археолога». Входившие в кабинет директора сотрудники часто заставали своего начальника лежащим на полу на большой географической карте. Но путешествовал он не только мысленно. Вавилов снаряжал экспедиции во все доступные уголки (представителей СССР не везде пускали), да и сам стал знаменитым путешественником.

В 1924 г. Николай Иванович вновь посетил основные земледельческие районы Афганистана, откуда привез рукопись объемом в пятьсот страниц с приложением большого числа фотографий и рисунков, более семи тысяч образцов семян и колосьев культурных растений, около тысячи листов гербария. За это поистине героическое путешествие Вавилов получил золотую медаль им. Пржевальского «За географический подвиг», а в 1931 г. Всесоюзное географическое общество избрало его своим президентом. В путешествиях ему очень помогало знание около 20 иностранных языков, а также умение легко находить общий язык с разными людьми.

Так, когда в 1927 г. Вавилов приступил к изучению Средиземноморского очага и запланировал поездки в Алжир, Тунис, Марокко, Ливан, Сирию, Грецию, Палестину, Италию с островами, южную часть Франции, Португалию, Испанию, Эфиопию и Эритрею, то оказалось, что официальным путем получить визы невозможно. Однако маркиза де Вильморен лично посетила Пуанкаре и Бриана, а в своем прошении им написала: «Я ручаюсь за Вавилова, как за себя. Он сделал многое для Вильморенов. Исследования его имеют мировое значение. И Франция от них получит не менее других». Все намеченные районы Николай Иванович исследовал за полтора года и отовсюду отправлял в институт сотни посылок с семенным материалом. После прочитанной в Тель-Авиве лекции он писал жене: «Здесь теперь мне не стало житья после лекции. И надо удирать. Всем надо знать мнение проф. Вавилова. Из скромного туриста, никому не известного, тут меня сделали известным. 3 номера газет посвящены изложению наших работ… Единственный плюс известности: я начал получать очень хорошие презенты, нам нужные. Много изданий. Вот принесли 14 сортов миндаля, 40 сортов клещевины… Словом, и я эксплуатирую, кто кого больше – в этом вопрос».

В 1929 г. Вавилов обошел северо-западную часть Китая, Корею, Японию и Тайвань. Через год он поехал исследовать флору Северной и Центральной Америки. В 1932 г. Николай Иванович посетил Швецию и Данию, ряд провинций Канады, земледельческие районы Мексики, Перу, Боливии, Бразилии, Кубы… Всего он побывал более чем в 50 странах и, конечно,

объездил весь Советский Союз.

Вавилов собрал почти все, что было создано человечеством за многовековую историю земледелия, обнаружил диких предков многих культурных растений. Коллекция Всесоюзного института растениеводства к 1940 г. насчитывала 250 тысяч. На полях Всесоюзного института растениеводства под Ленинградом, на многих опытных станциях в разных областях страны эти семена высевали на делянках. Выросшие из них растения изучали, отбирали лучшие с ценными свойствами, например засухоустойчивую неполегающую пшеницу, сладкие крупные дыни, крахмалистый картофель, высокобелковую фасоль, хлопчатник с длинным и тонким волокном. На их основе создавались высокоурожайные сорта, которые постепенно внедрялись на колхозные и совхозные поля.

Но гомологические ряды и центры происхождения культурных растений – не единственные открытия Вавилова. Ученый разработал основы селекции растений – науки о выведении новых сортов. Он опубликовал около 300 научных работ по селекции, земледелию, географии, организации сельского хозяйства. Николай Иванович вырастил новое поколение селекционеров. Он постоянно продуцировал новые идеи. Благодаря ему появилась агроэкологическая классификация культурных растений, которая базировалась не на внешних признаках – остях и пленках, а на важнейших биологических и хозяйственных. Вавилов разработал систему циклических скрещиваний, которая позволяла вскрыть весь наследственный потенциал вида. Вместе с сотрудниками ВИРа подготовил фундаментальный труд «Теоретические основы селекции» (1935–1937 гг.), признанный крупнейшим и современнейшим в мире руководством. В 1930-е гг. Вавилов все больше внимания уделял развитию генетики – науки о законах наследственности и изменчивости организмов. В 1930 г. Николай Иванович возглавил первое в стране академическое учреждение, занимавшееся вопросами генетики, – лабораторию, через три года ставшую Институтом генетики АН СССР. Он избирался также иностранным членом Чехословацкой, Шотландской, Индийской, Германской академий наук, Линнеевского общества в Лондоне, Американского ботанического общества. Да и на родине обязанностей у Вавилова было предостаточно. Так, он писал своему сотруднику Н. Тулайкову: «Только что кончил ревизию 25 опытных учреждений Ср. Азии и Кавказа и еженедельно получаю задания от правительства и разных наркоматов…» Он был членом созданной В. Вернадским Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), членом комитета по

химизации и многих других комиссий, комитетов и научных обществ.

И только когда заканчивалась государственная и общественная деятельность, Вавилов приступал к настоящей – научной – работе. Величие ученого было очевидно, именно поэтому он стал объектом жестокой травли и недостойной критики со стороны Т. Д. Лысенко, И. И. Презента и их единомышленников. Полемизируя с Лысенко, Вавилов подчеркивал свое расположение к молодому, энергичному и увлеченному своими идеями новатору. Он надеялся, что малообразованный, но в общем-то талантливый Трофим Денисович с годами освободится от своих заблуждений и начнет отличать зерна от плевел. Николай Иванович пытался спасти подающего надежды ученого, но Лысенко, считавший себя мессией биологических наук, твердил, что его яровизацию «зажимают», а ведь он обещал завалить страну хлебом буквально за несколько лет. Единственно, что у него хорошо получилось, так это то, что он внес разлад в спаянный вавиловский коллектив. Вавилов убеждал и аргументировал, Лысенко и иже с ним голословно разоблачали, клеветали, требовали наказать несогласных с их «светлыми идеями».

Отвечать на личные выпады у Вавилова просто не было времени. Бесконечно терпимый к инакомыслию, он не обратил внимания на характеристику, данную Лысенко

В. Федоровичем: «Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли, – дай Бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой и лицом незначительный, – только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто по крайней мере собирался он кого-нибудь укокать». Да, этот человек оказался страшнее зубной боли, и «укокал» он не только Вавилова и его сторонников, но и всю советскую генетику.

Критики заявляли, что ВИР оторван от жизни, что теоретические работы Вавилова и его сподвижников бесплодны, противоречат дарвинизму и даже реакционны. К Лысенко примкнули ученые-неудачники, и травля приняла всесоюзный масштаб, выплеснувшись на страницы печати. И пока Николай Иванович решал вопросы о необходимости скорейшего развития частной генетики, т. е. генетики отдельных культурных растений и животных, лысенковцы обивали начальственные пороги в «поисках справедливости».

Всю серьезность своего положения Вавилов почувствовал только в 1935 г., когда было признано нежелательным празднование 25-летия его творческой деятельности и 10-летия

ВИРа. Пришлось даже отменять приглашения, отосланные зарубежным коллегам. Но в 1937 г. ученому все же удалось провести в СССР Международный конгресс генетиков, организованный на базе созданного им Института генетики. А вот поездки Николая Ивановича за границу прекратились по воле Сталина, который негласно поддерживал Лысенко. На встрече с группой научных работников Иосиф Виссарионович сказал, что русским ученым следует думать не о заграничных поездках, а об урожае.

Летом 1939 г. в Эдинбурге проходил VII Международный генетический конгресс. Президентом его был избран Вавилов, что еще раз подтвердило высокий авторитет ученого среди генетиков мира, однако в выездной визе ему было отказано. Поэтому президентом конгресса стал английский генетик Ф. Крю, который, принимая мантию, печально сказал: «Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека».

Работать Вавилову становилось все труднее и труднее: с 1939 г. начался планомерный разгром генетики, которая в СССР была названа лженаукой. Но Николай Иванович не сдавался. Он издал под своей редакцией труды Дарвина, Менделя, Моргана, продолжал работать над книгой «Этюды по истории генетики», писал статьи, которые, правда, так и не увидели свет при его жизни. А ведь было достаточно всего лишь сказать «за» и незаметно вести исследования, как это сделали сотни селекционеров, официально признавшие правоту Лысенко. Но Вавилов отличался «мягкой непреклонностью», он знал, за что «пойдет на костер и будет гореть». Он спешил. Работа, выполненная им за 1940–1941 гг., поражает своим объемом и насыщенностью. Десятки статей, в том числе несколько на английском языке, руководство институтами и селекционными станциями…

Все это оборвалось в один миг. По настоянию Лысенко Вавилов был снят со всех постов (однако АН отказалась исключить его из своих рядов), а 6 августа 1940 г. ученого арестовали во время его научной экспедиции по Западной Украине. Ему предъявили обвинение во вредительстве и шпионаже. Разбирая походный рюкзак своего руководителя, Ф. Бахтеев обнаружил наряду с другими находками образцы реликтовой пшеницы полбы, о существовании которой не подозревали местные ученые, но которую предполагал найти здесь Вавилов.

9 июля 1941 г. состоялся суд. На закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Николай Иванович был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

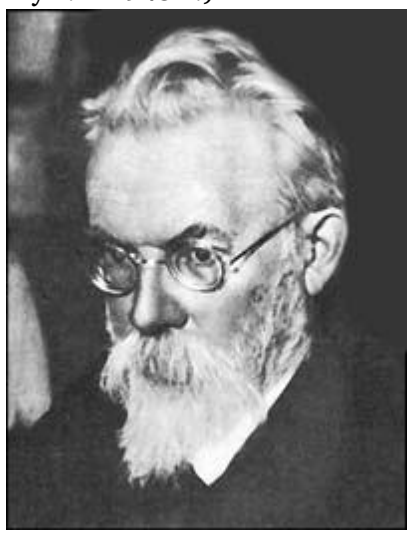
Об абсурдности предъявленных ему обвинений можно судить по одному из них: «Портил посадочные площадки Ленинградского военного округа, производя засев аэродрома семенами, зараженными карантинным сорняком». Однако в Бутырской тюрьме приговор в исполнение приведен не был. 29 октября, когда немецкие войска подошли к Москве, Вавилова вместе с другими заключенными перевели в Саратовскую тюрьму.

В 1942 г. ему «смягчили» приговор – теперь ученому грозило 20 лет каторги в исправительно-трудовом лагере НКВД ввиду того, что он мог быть использован на работах оборонного значения. В тюрьме Николай Иванович написал давно задуманную им книгу об истории мирового земледелия, рукопись которой, к сожалению, не сохранилась. Весной 1942 г. Вавилов заболел цингой, потом подхватил дизентерию. А тем временем в мае его избрали членом Лондонского королевского общества – Английской академии наук, но об этом ученый уже не узнал. В лагерь Николай Иванович так и не попал: опять заболел дизентерией. 26 января 1943 г. Вавилов, благодаря работам которого страна получила невиданные ранее урожаи зерна, скончался в тюрьме от голода и истощения. Похоронили великого ученого в братской могиле для заключенных на Воскресенском кладбище Саратова.

В течение многих лет его судьба была неизвестна ни родственникам, ни коллегам по работе. Честное имя Вавилова было восстановлено только в 1955 г., а спустя 15 лет на месте его предполагаемого захоронения появился скромный памятник. Руководимый им институт генетики АН СССР получил его имя, была учреждена золотая медаль имени Вавилова за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве. Живая коллекция Вавилова и его последователей, к счастью, сохранилась и все время пополняется. Селекционеры используют ее как исходный материал при выведении новых сортов. Двести лет изучали пшеницу до Вавилова, и всего чуть больше двадцати он. Но за эти годы число известных науке видов пшеницы удвоилось, а число ее разновидностей возросло вчетверо. Николая Ивановича с одинаковым основанием считают гениальным генетиком, растениеводом, селекционером, географом и ставят в один ряд с энциклопедистами М. Ломоносовым и Леонардо да Винчи.

Вернадский Владимир Иванович

(род. в 1863 г. – ум. в 1945 г.)



Выдающийся ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, минералог, кристаллограф, геолог, химик, историк и организатор науки, философ, общественный деятель. Основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель учения о биосфере и ее эволюции в ноосферу. Академик Петербургской АН (с 1912 г.), почетный член западноевропейских АН и различных обществ. Основатель и первый президент АН УССР (1918 г.), организатор и директор Радиевого института (1922–1939 гг.), Биогеохимической лаборатории (с 1928 г.). Лауреат Сталинской премии (1943 г.), награжден орденом Трудового Красного знамени (1943 г.). Автор более 700 научных трудов и статей.

«Какое наслаждение “вопрошать природу”, “пытать ее”! Какой рой вопросов, мыслей, соображений! Сколько причин для удивления, сколько ощущений приятного при попытке обнять своим умом, воспроизвести в себе ту работу, какая длилась века в бесконечных ее областях! И тут он [человек] поднимается из праха, из грязненьких животных отношений… Здесь он понимает, что он сделал и что может сделать. Моя цель – познание всего, что возможно человеку в настоящее время и сообразно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека». Эти слова из дневника, достойные умудренного опытом философа, принадлежат 19-летнему Владимиру Вернадскому. С юных лет и до последних дней жизни он жил

наукой, но не «сделался какой-нибудь ученой крысой», а оставался живым, эмоциональным, тонко чувствующим человеком. Деятельность этого крупнейшего ученого XX в. оказала огромное влияние на мировоззрение многих людей. Академик А. Е. Ферсман так писал о своем учителе и друге: «Десятилетиями, столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его – открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим исследователям придется учиться его острой, упорной, отчеканенной, всегда гениальной, но трудно понимаемой творческой мысли; молодым же поколениям он всегда будет служить учителем в науке и ярким образцом плодотворно прожитой жизни».

Родился Владимир 12 марта 1863 г. в Петербурге в либеральной семье Ивана Васильевича Вернадского, который после окончания философского факультета Киевского университета стал его профессором. Переехав затем в Москву, а позднее в Петербург, Иван Васильевич занимался анализом экономических проблем и изданием экономических журналов, преподавал политэкономию в Московском и Петербургском университетах. Владимир был сыном от его второго брака с Анной Петровной Константинович, дочерью украинского помещика, бывшей в молодости хоровой певицей и педагогом вокала. Вообще же родовые корни Вернадских уходят в середину XVII в., когда литовский шляхтич Верна боролся против Польши на стороне Богдана Хмельницкого; позже его потомки осели в Киеве.

Свое детство Владимир сначала провел в Петербурге, а затем в Харькове, где поступил в гимназию, а летом с семьей выезжал к многочисленным и гостеприимным полтавским родственникам. На всю жизнь он сохранил привязанность к языку, истории и культуре малороссийского края, специально ими занимался и в «Заметках по истории Украины» причислял себя к «родному племени украинскому». Культуру и общественные воззрения юного Владимира, естественно, формировало ближайшее семейное окружение. Особый след в его душе оставил старший сводный брат Николай, сын рано умершей от туберкулеза первой жены отца, замечательной русской публицистки М. Н. Шигаевой. Любимец семьи, необычайно одаренный юный художник и поэт, он был первым учителем Володи в чтении и письме, ввел его в сокровищницу мировой культуры.

Получив от Николая решающий толчок к научному познанию, Владимир с 13 лет начал вести подробный дневник, который обнаруживает неожиданные стороны его личности. Оказывается, с раннего детства он был наделен странными, пугавшими его

самого качествами. Наряду с наследственным лунатизмом в нем проявилась способность во сне и наяву вступать в контакт с образами дорогих ему людей, причем в яркой галлюцинаторной форме. Но «из-за страха» (его собственное объяснение в поздних дневниках) Владимир решительно заглушил в себе такого рода «мистические» рецепторы, сознательно закрыв для себя эту область: «Я что-то остановил в своей природе. Иногда жалею, что погасил, а не развил эту способность… Твердо и ясно сознаю, что какая-то сторона видения мною в моей личности остановлена». Но вытесненные способности возвращались к нему в экстремальных ситуациях. Сознательно же самоограничение и предельная дисциплинированность стали основой плодотворной целеустремленности всей его научной и личной жизни.

После переезда семьи в Петербург Владимир окончил гимназию и в 1881 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где под влиянием выдающегося ученого В. В. Докучаева занялся минералогией и кристаллографией. Но его интересы не замыкались на этих узких областях науки. Вернадский серьезно занимался почвоведением, физической географией, мерзловедением, природными водами, биологией, историей развития научной мысли, философией, историей и литературой. Для чтения художественной и научной литературы он изучил все славянские языки, а также английский, французский, немецкий и многие другие, что помогало ему в общении с иностранными учеными во время многочисленных научных командировок по Европе.

Не оставался Владимир в стороне и от общественной жизни. В 1883 г. он стал одним из основателей Студенческого научно-литературного общества и руководил его научным советом. Теплые отношения и схожесть взглядов (за исключением террора) связывали его с одним из членов общества – Александром Ульяновым. Но близкими друзьями Вернадского на всю жизнь стали члены «братства», объединенные исканиями смысла и цели в жизни: братья С. и Ф. Ольденбурги, А. Корнилов, И. Гревс, Д. Шаховский, Н. Ушинский, А. Краснов. А в созданную ими группу по изучению народной литературы вошла и Наталья Егоровна Старицкая, в 1886 г. ставшая его женой и давшая ему счастье и ту поддержку, которой Владимир Иванович после смерти отца не ощущал от матери и младших сестер, Ольги и Екатерины. Они прожили вместе 56 лет, воспитали двоих детей – Георгия (1887 г.) и Нину (1898 г.), а тысячи писем, написанные преданными супругами, стали свидетельствами их не угасших с годами чувств и полного взаимопонимания.

По окончании университета в 1885 г. Вернадский был оставлен при нем хранителем минералогического кабинета и вел активную научно-исследовательскую работу в области минералогии, кристаллографии и смежных наук. Покушение на жизнь царя Александра III и арест А. Ульянова (1887 г.) чуть не оборвали успешно начавшуюся карьеру ученого. Чтобы избежать его увольнения, Вольное экономическое общество отправило Владимира Ивановича исследовать залежи фосфоритов в Смоленской губернии. А ранней весной 1888 г. университет командировал его на стажировку к выдающимся специалистам в области кристаллографии: П. Гроту – в Мюнхен, Л. Ле Шателье и Ф. Фуке – в Париж. В течение двух лет молодой ученый побывал в Германии, Австрии, Италии и Франции, работал в различных научных учреждениях, где, кроме прочего, заинтересовался еще и органической и неорганической химией.

Сразу по возвращении Вернадский был назначен руководителем кафедры минералогии физико-математического факультета Московского университета и вместе с Докучаевым занимался почвоведческими исследованиями на Полтавщине. В 1891 г. он уже стал приват-доцентом, семь лет спустя защитил докторскую диссертацию «Явления скольжения кристаллического вещества» и был назначен профессором минералогии и кристаллографии Московского университета. К этому периоду относятся и его первые работы по геохимии – новой науке, которую Вернадский развил из генетической минералогии, а также геологические исследования на Левобережной Украине, Урале, в Польше, Крыму. Лекции, огромные научные изыскания, работа над фундаментальными проблемами не отдалили, однако, ученого от общественной жизни. С 1892 г. он неоднократно избирался земским гласным Моршанского уезда Тамбовской губернии, где располагалось его родовое имение Вернадовка. Во время голода 1895 г. ученый активно участвовал в кампании по сбору средств для крестьян и был одним из организаторов и деятельных членов так называемого «Приютинского братства». В течение семи месяцев вместе со своими друзьями и единомышленниками Вернадский не покладая рук спасал крестьян от голодной смерти. Эта же гражданская позиция заставила его в знак протеста против репрессивной анти-студенческой политики министерства просвещения и полицейского произвола выйти в отставку вместе с другими профессорами и преподавателями, оставив пост помощника ректора.

Для Вернадского 1911 г. был юбилейным – 25-летие научной, педагогической деятельности, а также семейной жизни. Ученики

подготовили и выпустили сборник своих статей с посвящением учителю, а палеонтолог А. Б. Миссуна назвала в его честь открытую ею диатомовую водоросль. К тому времени сын Георгий, историк по образованию, уже готовился стать профессором истории. И в том же году Вернадский переехал в Петербург, где вскоре был избран академиком и заведовал минералогическим отделением Геологического музея. Ему приходилось постоянно курсировать по делам между Петербургом и Москвой, но, несмотря на общественную загруженность, количество его научных работ стремительно возрастало: ежегодно в специальных журналах появлялось по 10–15 его статей. Разнообразными были и маршруты научных летних командировок Вернадского: Скандинавия, Франция, Ирландия, Англия, Италия, Греция, а для студентов он организовывал минералогические экскурсии на Урал.

Осознав значение радиоактивных веществ как источника энергии и средства создания новых химических элементов, Вернадский активно принялся за практическую работу по картированию месторождений радиоактивных минералов и сбору образцов. Владимира Ивановича считают создателем радиогеологии как самостоятельного научного направления. Проблемами радиоактивности он занимался с 1908 г. Уже в июне 1911 г. им была организована первая экспедиция за радием. Открытие месторождения радиоактивных руд в Фергане, поиски их на Урале и в Забайкалье позволили создать в России собственную сырьевую базу. Собранные в Ферганской долине образцы исследовали в лаборатории, и из минерала тюямунита впервые был получен русский радий. В 1909 г. стараниями Вернадского была учреждена Радиевая комиссия, в январе 1912 г. заработала первая в России радиохимическая лаборатория.

Первая мировая война выявила необходимость создания современной минерально-сырьевой базы. В 1915 г. Вернадский возглавил созданную по его инициативе Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая проработала до 1930 г. Она объединила крупнейших ученых из 16 институтов: геологов, химиков и экономистов. Впервые были открыты залежи бокситов (Тихвинское месторождение), дана оценка железных руд Урала, исследованы фосфориты Центральной России и т. д.

С 1912 г. Вернадские на лето переезжали в Украину, где они приобрели немного земли в Шишаках, под Полтавой, и на высоком левом берегу р. Псел построили двухэтажный дом. Именно здесь у ученого из очертаний биогеохимии возникло новое биосферное мировоззрение. Существеннейшая коррекция

утвердившейся научной картины мира, где до сих пор не было места жизни, явилась Вернадскому как озарение летом 1917 г. Собственно, все его учение о живом веществе, о биосфере, новые, введенные им понятия-термины, такие, как «всюдность» жизни, давление жизни, скорость и сгущения ее были разработаны им именно тогда в естественной лаборатории в Шишаках.

Удивительно, как при такой загруженности Владимир Иванович находил время активно участвовать в общественной жизни страны: входил в земское и конституционно-демократическое движения, был одним из организаторов либеральной партии конституционных демократов (кадетов) и бессменным членом ее Центрального комитета. В апреле 1906 г. его ввели в Государственный Совет от академической курии (вышел из Совета после роспуска Думы в июле 1906 г., вновь вошел в его состав в 1907 г.), в 1907 г. он работал в редакции кадетской газеты «Новь». Свою деятельность в Государственном Совете Владимир Иванович возобновил в 1915 г. и работал в нем до того момента, когда была отправлена телеграмма царю в Ставку с предложением отречься от престола. Вернадский также возглавлял ученый комитет при Министерстве земледелия, Комиссию по подготовке реформы высшей школы, а осенью 1917 г. вошел в состав Временного правительства как заместитель министра народного просвещения, которым был его друг С. Ф. Ольденбург. На этом посту он поднимал вопрос о создании Академий наук Украины и Сибири.

Октябрьскую революцию Владимир Иванович решительно не принял, ибо считал, что «социализм неизбежно является врагом свободы, культуры, духа, науки», и «всегда боялся, что социализм даст дисциплину казармы». После прихода к власти большевиков оставаться в Петрограде стало опасно, и Академия наук удовлетворила его просьбу о командировке в южные районы страны из-за состояния здоровья (туберкулез). Вернадский переехал в Украину для продолжения работ по живому веществу.

В мае 1918 г. при гетмане П. Скоропадском он начал работу по организации Украинской академии наук. Несмотря на мнение М. Грушевского и некоторых его коллег, что академия, которая создается русскими, не обеспечит чисто национальный украинский характер ее деятельности, Вернадский 27 ноября 1918 г. провел первое общее собрание академиков. На его сторону встали такие выдающиеся ученые, как С. Тимошенко, А. Крымский, Н. Петров, Д. Багалей, Н. Кащенко, М. Туган-Барановский, и Вернадский был единодушно избран президентом Академии. Он был уверен, что «дело роста украинской культуры есть не только дело украинцев, но и русских, что историческим

фактом является совместное сожитие и участие украинцев в создании русской культуры за последние два столетия». «И я так верю в будущее украинской культуры и украинского языка!.. С ходом времени в этих рамках, не враждебных русской культуре, украинский язык и украинская культура вырастут…» В то же время Вернадский не верил в то, что независимость украинскому народу могут принести немецкие, австрийские или прочие иностранные штыки: «Впечатление от украинской власти опять прежнее – бессилие и бездарность… Они играют печальную роль марионеток, приведших в свою страну иноземцев-поработителей».

Владимир Иванович занялся формированием академической библиотеки (ныне – Центральная научная библиотека им. В. Вернадского НАН Украины), пытаясь в начавшемся хаосе калейдоскопической смены властей спасти ценные коллекции книг и рукописей. В конце августа 1919 г. Киев заняли войска генерала Деникина, который и слышать ничего не хотел о чем-то украинском, и академия была закрыта. Когда же к городу подошла Красная Армия, Вернадский уехал в Ростов, а затем перебрался в Крым. Он был приглашен на должность профессора минералогии Таврического университета в Симферополе, где читал курс геохимии, а в сентябре 1920 г. стал его ректором. Вернадский встречался с П. Врангелем и просил его о содействии университету. Несмотря на скудость средств, ученый пытался наладить минералогические и геохимические исследования. Однако, видя тщетность своих попыток, собрался эмигрировать в Великобританию, но остался по настойчивой просьбе преподавателей. И все-таки Вернадский, скорее всего, уехал бы в Лондон, если бы не слег с сыпным тифом, который едва не стоил ему жизни. Интересна дневниковая запись, сделанная Владимиром Ивановичем в это время. В ней ученый рассказывает об удивительном состоянии, пережитом им в полубреду, когда он «почувствовал в себе демона Сократа», преисполнился сознанием поистине эпохального значения своего учения и, более того, перед ним, как кадры фильма, прошли его возможное будущее и главное дело жизни – организация Института живого вещества. Ему даже было дано знание предельного срока земного бытия.

После прихода большевиков в Крым в январе 1921 г. Вернадский был уволен из университета и чуть не стал жертвой красного террора. И лишь благодаря его ученику Н. Семашко, ставшему наркомом здравоохранения, Вернадского вместе с семьей Ольденбурга в отдельном вагоне, прицепленном к санитарному поезду, отправили в Петроград. Но избежать беды не удалось. В июле ученый был арестован ЧК по так называемому «делу Таганцева». Унижения, грязь, переполненная камера и

глупое обвинение в шпионаже… К удивлению охранников, Вернадский вскоре был освобожден. Чуть позднее выяснилось, что Карпинский и Ольденбург послали телеграммы Ленину и Луначарскому. Семашко и помощник Ленина Кузьмин распорядились освободить Вернадского из заключения. Не дожидаясь новых неприятностей, Владимир Иванович вместе с дочерью отправился на биостанцию близ Мурманска. Вернулся он в Петербург только осенью и сразу же окунулся в работу: занялся совместно с В. Хлопиным организацией Радиевого института при Наркомате просвещения, возглавил Комиссию по истории науки, философии и техники, свою радиохимическую лабораторию и КЕПС, а также метеоритный отдел Минералогического музея. Он всегда интересовался проблемами космоса и в конце 1930-х гг. возглавил Комитет по метеоритам и космической пыли. В результате ему удалось организовать экспедицию Н. Кулика в Сибирь, на место упавшего в 1908 г. Тунгусского метеорита.

Вернадский, избранный за свой вклад в науку профессором Парижского университета (как впрочем, и многих других), принял приглашение французских ученых и в начале лета 1922 г. уехал вместе с женой и дочерью через Прагу (где дочь осталась учиться) в Париж. Он читал лекции по геохимии и радиогеологии в Сорбонне, выпустил на французском языке книгу «Геохимия» (на русском языке книга вышла в 1927 г. под названием «Очерки геохимии»). Владимир Иванович работал в лаборатории М. Склодовской-Кюри, а получив грант от фонда Розенталя, подготовил отчет «Живое вещество в биосфере» и статью «Автотрофность человечества».

Хотя Вернадскому предлагали остаться во Франции, в 1926 г. он вернулся в Ленинград по настоянию своего ученика А. Ферсмана и президента Академии наук С. Ольденбурга, побуждаемый чувством долга «перекинуть мост между старой русской культурой и пореволюционной». Владимир Иванович, как и многие другие ученые, пошедшие на компромисс с советской властью, был убежден в скором ее крахе и считал своей обязанностью сохранить то, что еще осталось от русской науки и культуры после большевистского погрома. В конце 1926 г. вышел в свет его труд «Биосфера», и вслед за этим ученый углубился в создание новой науки – науки о живом веществе, которую он назвал биогеохимией. При КЕПСе им был организован отдел живого вещества, а затем, в 1928 г., Биогеохимическая лаборатория (БИОГЕЛ).

Тем временем против биогеохимии появились разгромные статьи. В вышедшей в 1934 г. Малой Советской энциклопедии о Вернадском писалось: «По своему мировоззрению – сторонник

идеалистической философии. В научных трудах проводит идеи “нейтрализма” науки, выступает в защиту религии, мистики, исконности жизни и “живой материи” и ряда виталистических и антиматериалистических концепций, отрицая материалистическую диалектику». Многие, видя Вернадского на свободе, недоумевали: как он уцелел в годы репрессий? Однако все дело в том, что ученый обладал колоссальным практическим и теоретическим опытом в геологии (в том числе радиогеологии), а недра – это валюта и оборона. Вот почему даже в те трагические времена у ученого находились заступники. Гонения Вернадский воспринимал как «насилие над человеческой личностью», «исключительный моральный и умственный гнет». Он пытался, насколько это было возможно, материально и морально помогать ссыльным коллегам, проявлял большую личную смелость, протестуя и ходатайствуя за них перед власть имущими.

Вернадский часто выезжал за границу – в Германию, Чехословакию, Францию, Англию и другие страны, – читал лекции и работал в научных центрах. Везде он встречал уважительный прием. Учение о биосфере мало кто понимал в полном объеме, но все чувствовали его перспективность. Начиная с 1930 г. выезды за границу требовали преодоления все больших препятствий, однако отказать ученому с мировым именем было невозможно. И наверное, этот «кочевой» образ жизни помог ему уцелеть. Последний раз он выехал за границу в 1936 г. на лечение. Это время Вернадский использовал для работы над книгой «Научная мысль как планетное явление» (издана только в 1977 г.), в которой, приняв идеи Э. Леруа, вплотную подошел к созданию учения о ноосфере как логическом продолжении генетической минералогии, биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере. Он считал, что биосфера под влиянием научных достижений и деятельности человека постепенно переходит в новое состояние – сферу разума, или ноосферу. Последним исследованием ученого стала работа «Несколько слов о ноосфере» (1944 г.).

Надежды на крах большевиков постепенно угасали, академия подверглась чистке и советизации. Шаг за шагом «старая русская культура» замещалась «новым варварством». Однако Вернадский и не пытался уехать за рубеж, хотя его приглашали сын (профессор кафедры истории Йельского университета) и дочь (врач-психиатр, вышедшая замуж за археолога Н. П. Толля), обосновавшиеся в США. Он продолжал научную работу, которая, согласно его взглядам, одна могла спасти Россию. Исследования ученого охватывали все более широкий круг проблем естествознания: история природных вод и значение тяжелой

воды, роль живых организмов в геохимических процессах, синтез алюмосиликатов, геологическое время.

В 1934 г. Вернадские, в связи с переездом Академии наук из Ленинграда в Москву, поселились в столице. В июне 1940 г. Владимир Иванович получил из США, от сына Георгия, вырезку из газеты, где сообщалось о работах над «новой ядерной энергией». Письмо очень взволновало ученого. Еще два десятилетия назад он поднимал этот вопрос, но не получил на эти работы ни копейки. Владимир Иванович одним из немногих понял смысл происшедшего. И уже в июле он инициировал создание Комиссии по проблемам урана при Президиуме АН СССР (в нее вошли И. Курчатов, С. Вавилов, П. Капица, Д. Щербаков и др.) и фактически положил начало ядерному проекту в СССР.

С началом войны Вернадский с женой эвакуировался вместе с Академией наук в Боровое (Казахстан). Здесь в течение двух лет он работал над своим самым большим, обобщающим трудом «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Замысел работы до сих пор поражает своим размахом. После смерти автора над этой рукописью работала А. Шаховская, а после ее смерти – К. Флоренский. С его предисловием и под его редакцией книга вышла в 1965 г.

Вернулся Владимир Иванович в Москву только в конце августа 1943 г. Здесь он занялся составлением хроники своей жизни, истории зарождения и развития своих идей и практических дел, словно сознательно готовясь к уходу из жизни. Но его еще ждало тяжкое личное испытание: 3 февраля 1944 г. внезапно скончалась Наталья Егоровна – его самый близкий друг и помощник.

Вернадский начинает работать над проектом института под Москвой, ведет борьбу с цензурой научных журналов, надеясь на большую свободу после войны. Ценного для страны специалиста власти не «обижают» и к 80-летию награждают Сталинской премией в 200 тысяч рублей, половину которой он сразу же передает на нужды обороны, и орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области науки и техники и за развитие геохимии и генетической минералогии.

Умер Владимир Иванович в Москве 6 января 1945 г. от кровоизлияния в мозг. В полном объеме работы ученого не публиковались вплоть до 1990-х гг. Но его фундаментальные труды и идеи не потеряли актуальности и практического значения и в наши дни. Из более чем 700 опубликованных сочинений 100 посвящено минералогии, 70 – биогеохимии, 50 – геохимии, 43 – истории наук, 37 – организационным вопросам, 29

– кристаллографии, 21 – радиогеологии, 14 – почвоведению, остальные – разным проблемам науки. Многие идеи Вернадского оказались пророческими, хотя не находили понимания у современников. Он предвидел глобальные экологические проблемы, о которых в начале XX в. никто не задумывался: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление».

В. И. Вернадского справедливо называют Ломоносовым XX в. за редкую синтезирующую способность, всеохватность его творческого гения. Великий естествоиспытатель-мыслитель создал не только целый комплекс наук о Земле, но и оставил в наследство потомкам целостное видение мира и задач человека разумного, предсказав будущие пути его развития. Недаром говорили, что Вернадский в одном лице может представлять целую академию. Поэтому вполне справедливо и естественно выглядит взрыв посмертной славы гениального ученого. Его имя носят: кратер на обратной стороне Луны, пик в бассейне р. Подкаменная Тунгуска, гора на о. Парамушир (Курильские острова), подледные горы в Восточной Антарктиде, подводный вулкан в Атлантическом океане, минерал вернадит, диатомовая водоросль, рудник в районе озера Байкал, научно-исследовательское судно НАНУ, украинская научная станция в Антарктиде. АН России и НАН Украины ежегодно присуждаются премии им. Вернадского за выдающиеся научные работы в области минералогии, геохимии и космохимии. Академией наук России учреждена золотая медаль. В 2000 г. на всеукраинском шоу «Человек года» ученого за его огромные заслуги перед Украиной и Россией, перед мировой наукой и человечеством назвали «Человеком века». И это справедливо, ведь поставленную перед собой в молодости задачу «приносить самую активную пользу тем, кто его окружает» Владимир Иванович выполнил полностью.

Винер Норберт

(род. в 1894 г. – ум. в 1964 г.)

Выдающийся американский ученый – основоположник кибернетики. Мировую известность Винеру принесли его труды в области математической логики и теоретической физики: работы по теории потенциала, гармоническим функциям, рядам и преобразованиям Фурье, тауберовым теоремам, общему гармоническому анализу, теории случайных процессов, электрических сетей и вычислительной техники.

Обычно профессор Винер приходил в аудиторию без каких-либо записей и конспектов лекций. Сначала он шумно и энергично сморкался, потом поворачивался к доске, даже не собираясь объявлять тему, и начинал что-то писать мелом. «Хотя я обычно сидел в первом ряду, мне было трудно разобрать, что он пишет, – рассказывал много лет спустя китайский физик К. Джен, обучавшийся у Винера в Массачусетском технологическом институте. – Большинство других студентов не видели вообще ничего».

В процессе письма мелом на доске лектор бормотал себе под нос какие-то слова, содержащие оценку написанного, например: «Ну, это определение совершенно неверно». А затем быстро-быстро стирал все, что успел написать, и начинал заново. Наконец студенты могли расслышать, как он говорит: «Пока это, похоже, правильно». Только все брались за ручки, чтобы что-нибудь записать, как вдруг профессор снова все стирал и начинал писать сначала. Это повторялось в продолжение всей лекции, а

когда звенел звонок, он, не прощаясь и даже не взглянув на своих слушателей, удалялся из аудитории.

При такой склонности к чудачествам Винер был достаточно тщеславен и высокомерен. Единственное, что спасало его от этих недостатков, – потрясающая ироничность. Легенда гласит, будто именно ему приписывают такие фразы: «Профессор – это человек, который может говорить на любую тему примерно минут пятьдесят». Или: «Лучшей материальной моделью кошки является другая, а желательно та же самая кошка»…

История научного поиска является одним из наиболее захватывающих и драматических сюжетов в литературе. Главное в ней не формулы, понятные узкому кругу специалистов, или технические параметры и характеристики, а общая динамическая картина исследования, взаимоотношения и чувства людей на историческом фоне, который неизбежно отображается в принципах мотивации и конкретной цели познания. Исследователь – не профессия, а скорее состояние ума и души. Можно быть физиком, оставаясь обывателем. А можно просто исследовать жизнь во всех ее многообразных проявлениях. Быть исследователем – значит участвовать в создании информационной оболочки земли – ноосферы, значит жить, осознавая свои цели, задачи и ценность приобретаемого опыта. Таким исследователем был Норберт Винер, который революционно изменил представления о роли информации и связал ее с философскими и психологическими концепциями.

Будущий «отец» кибернетики родился 26 ноября 1894 г. в городе Колумбия, штат Миссури, в семье еврейского иммигранта, выходца из России. По семейному преданию, корни рода Винеров уходят к Моисею Маймониду из Кордовы – лейб-медику султана Саладина Египетского, известному ученому и богослову. Отец Норберта, Лео Винер, уроженец Белостока, небольшого городка в Белоруссии, в молодости учился в Германии и провел достаточно бурную, полную приключений молодость. Он был убежденным последователем Льва Толстого и одним из первых его переводчиков на английский язык. К моменту рождения Норберта он уже стал профессором современных языков в Миссурийском университете.

Спустя несколько лет семья Винеров переехала в Кембридж, штат Массачусетс. Здесь Лео Винер преподавал славянские языки и литературу в Гарвардском университете. Его отличала широкая эрудиция и нестандартные взгляды. В частности, он выдвинул гипотезу африканского происхождения цивилизаций Перу и Мексики, которая, однако, не встретила поддержки в научных кругах. Но в наибольшей степени нестандартность взглядов Лео

Винера сказалась в воспитании собственного сына. Под руководством отца Норберт в семь лет цитировал по памяти Дарвина и Данте, в одиннадцать – окончил среднюю школу, в четырнадцать – высшее учебное заведение Тафтс-колледж и получил первую в своей жизни ученую степень – бакалавра искусств. Эти годы Винер подробно описал в своей автобиографической книге «Бывший вундеркинд».

Таким образом, мальчик был хорошо подготовлен к блестящей академической карьере. Уже в восемнадцать лет он стал доктором философии по специальности «математическая логика» в Корнельском и Гарвардском университетах. В 1913 г. молодой Винер предпринял путешествие по Европе, где посетил Кембридж в Великобритании и Геттинген в Германии, слушал лекции Бертрана Рассела, Дж. Х. Харди, Давида Гилберта, но в связи с началом Первой мировой войны ему пришлось вернуться в Америку.

С детства Норберт страдал чудовищной близорукостью. Временами ему казалось, что он просто родился в огромных очках. Они были предметом насмешек одноклассников и раздражения учителей в школе, ссор с родителями и в конце концов стали причиной появления у маленького Винера целой «коллекции клинических неврозов и душевных недугов». Очки были злорадным напоминанием о его физической неразвитости, о большой голове на непропорционально маленьких плечах, из-за которой сверстники прозвали его «яйцеголовым», и о неумении общаться с противоположным полом.

Норберт постоянно находился в замкнутом круговороте депрессий, повторявшихся каждые три недели. В 1915 г. он попытался попасть на фронт, но не прошел медкомиссию из-за плохого зрения, и в течение пяти лет после этого его преследовала непрерывная череда неудач. Юноша пытался преподавать в университете Мэн, писал статьи для энциклопедии, работал помощником инженера, занимался журналистикой, но всякий раз новый вид деятельности оканчивался провалом. Так продолжалось до 1919 г., когда он наконец получил, не без помощи отца, должность преподавателя математики в Массачусетском технологическом институте, где и прослужил «до последних дней своей малоприметной жизни», как сказано в его биографии.

Спустя несколько лет, в 1926 г., в жизни молодого ученого произошли большие изменения: после длительного периода ухаживания он женился на Маргарет Енгерман и вскоре в их семье одна за другой родились две дочери. Надо отдать должное Маргарет – она была надежным другом, сиделкой и хозяйкой для

своего очень непростого в повседневной жизни супруга. Они почти не расставались и даже во время многочисленных и продолжительных поездок в Европу и Китай семья сопровождала профессора. Общение с домашними происходило на странной смеси английского и немецкого языков, причем Норберт часто употреблял «детские» окончания, а свою жену уважительно называл полным именем Маргарита – тоже совсем не по-английски. Жизнь супругов была очень замкнутой, защищенной от внешних взглядов, но сохранились письма… Неврозы Винера стали проявляться в меньшей степени, но фраза из письма типа «дом начинает выглядеть пустым, и погода все больше становится осенней…» (Нью-Гемпшир, 7 сентября, 1931 г.) говорит о многом…

Отец кибернетики славился чрезвычайной забывчивостью. Когда однажды его семья переехала на новую квартиру, жена положила ему в бумажник листок, на котором записала их новый адрес, – Маргарет отлично понимала, что иначе муж не сможет найти дорогу домой. Однако в первый же день, когда ему на работе пришла в голову очередная замечательная идея, он полез в бумажник, достал оттуда листок с адресом, написал на его обороте несколько формул, понял, что идея неверна, и выбросил листок в мусорную корзину.

Вечером, как ни в чем не бывало, он поехал по своему прежнему адресу. Когда обнаружилось, что в старом доме уже никто не живет, он в полной растерянности вышел на улицу… Внезапно его осенило, он подошел к стоявшей неподалеку девочке и сказал: «Извините, возможно, вы помните меня. Я профессор Винер, и моя семья недавно переехала отсюда. Вы не могли бы мне сказать, куда именно?» Девочка выслушала его очень внимательно и ответила: «Да, папа, мама так и думала, что ты это забудешь…»

Подобных анекдотов о рассеянности гениального ученого существует великое множество. Вот лишь некоторые из них. Однажды Норберт Винер столкнулся со своим студентом около университетского кампуса. Они поздоровались и, слово за слово, увлеклись обсуждением одной интересной математической задачи. Когда Винер закончил объяснять способы ее решения, он вдруг виновато взглянул на студента и спросил: «Простите, а с какой стороны я пришел сюда?» Студент почтительно указал направление. «Ага. Значит, я еще не ел», – с грустью констатировал профессор…

Администратор факультета математики Массачусетского технологического института Филлис Блок вспоминал, как Винер любил навещать его в офисе и подолгу беседовать с ним о

всевозможных научных материях. Так продолжалось несколько лет, пока офис мистера Блока не переехал в другое помещение. И тогда Винер пришел к нему снова… представился и познакомился. «Он не помнил, что я – это тот самый человек, – смеялся Блок, – с которым он часто общался. Меня он помнил только по комнате, в которой я сидел…»

В некоторых же вопросах ученый был принципиален и даже упрям. Однажды утром один из его студентов ехал по дороге в Нью-Гемпшир и увидел старенький автомобиль с проколотой шиной, стоявший на обочине. Рядом сидел какой-то человек и беспомощно глядел на все это хозяйство. В незадачливом водителе студент узнал самого Винера. Когда молодой человек остановился и попытался помочь, профессор первым делом проверил у него зачетку и согласился принять помощь, так как зачет по математике уже был получен.

С возрастом неустойчивость психики Норберта частично прошла и, по свидетельству многих современников, трансформировалась в защитную реакцию, выражавшуюся в тщеславии и высокомерии. Справедливости ради надо заметить, что оснований для высокомерия было более чем достаточно. Профессор Винер ни много ни мало изобрел новую науку – кибернетику. Появление одноименной книги в 1948 г. мгновенно превратило его «из ученого-труженика, пользующегося определенным авторитетом в своей специальной области, в нечто вроде фигуры общественного значения». Потому что его кибернетика – в большей степени наука о живых организмах, человеке и обществе, чем о машинах.

В 20—30-х гг. Винер вновь колесил по Европе с целью повышения квалификации: логику он изучал под руководством Б. Рассела в Кембридже, математику – в Геттингене у Д. Гилберта, познакомился с Н. Бором, М. Борном, Ж. Адамаром и другими известными учеными XX века. Сам Норберт говорил о своей потребности к постоянному образованию так: «Когда я переставал учиться хотя бы на минуту, мне казалось, что я перестаю дышать. Это было сродни тупому инстинкту».

Окружающие относились к Винеру как к настоящему «сумасшедшему профессору» – вымирающему ныне типу, впервые блестяще описанному Жюлем Верном. Норберт преподавал, писал статьи и книги. Его имя все больше приобретало известность в науке. В теории радиационного равновесия звезд появилось уравнение Винера – Хопфа. Он читал курс лекций в пекинском университете Цинхуа и принимал участие в создании в Америке первых аналоговых вычислительных машин.

С началом Второй мировой войны в Пентагоне вспомнили о

Винере. Нет, его не послали стрелять по врагам из винтовки или управлять радаром – Норберт, не покидая родной институтской кафедры, занялся разработкой новой модели управления силами ПВО. В процессе работы над математическим аппаратом для систем наведения зенитного огня ученый первым предложил отказаться от практики ведения огня по отдельным целям, особенно воздушным, так как в условиях реального боя это было практически бесполезно. Можно сказать, что принятое в военной тактике понятие «массированный огонь» – довольно жуткое по своей сути, но, с математической точки зрения, абсолютно правильное изобретение – своим рождением обязано именно Винеру. Кстати, сам он не любил особо распространяться об этом периоде своей научно-исследовательской деятельности, поскольку всегда считал себя пацифистом.

В этой же напряженной военной обстановке возникли первые наброски того, что со временем стало новой наукой. Именно тогда Норберт впервые столкнулся с тем, что машина должна выполнять сложные действия по предсказанию поведения цели, заменяя наводчика, и обратил внимание на роль обратных связей в технике и живых организмах. Очень продуктивным оказалось его знакомство с мексиканским физиологом доктором Артуром Розенблютом, которое состоялось в 1945–1947 гг., когда Винер работал в кардиологическом институте в Мехико.

Сопоставление знаний из области медицины, физиологии и математики и позволило Норберту Винеру сформулировать проект нового научного направления. Идея заключалась в необходимости создания единой прикладной науки, изучающей процессы хранения и переработки информации, управления и контроля. Для этой науки Винер предложил название «кибернетика», получившее общее признание. Естественно, что конкретное содержание этой новой области знания не является созданием одного Винера. Не меньшую роль сыграли в формировании кибернетики, например, идеи Клода Шеннона. Но Винеру, несомненно, принадлежит ведущая роль в пропаганде значения кибернетики во всей системе человеческих знаний.

Сам термин «кибернетика» происходит от греческого «кормчий» и впервые был применен Винером в современном смысле в 1947 г. Этот же греческий корень, искаженный в латинском написании, образовал в английском языке слово «governor», а в русском «губернатор».

Важно отметить, что полное название главной книги Винера выглядит следующим образом – «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», а последующая программная работа вышла под названием «Человеческое использование человеческих

существ, или Кибернетика и общество». Таким образом, кибернетика – в большей степени наука о живых организмах, человеке и обществе, чем о машинах. Машина – скорее инструмент и модель в общей кибернетике, а не предмет изучения, правда, в последнее время акценты несколько сместились. Сама книга читается как захватывающий роман, хотя и насыщена терминологией и формулами. Винер мог бы стать хорошим писателем, но стал гениальным ученым.

По окончании Второй мировой войны Винер, независимо от советского математика А. Н. Колмогорова, развил теорию интерполяции и экстраполяции стационарных случайных процессов. Кроме того, он разработал для таких процессов теорию их «фильтрации», получившую широкое техническое применение.

К преподаванию и напряженной работе над книгами и статьями добавились многочисленные конгрессы, выступления и поездки. Винер сотрудничал с группами разработчиков первых американских цифровых вычислительных машин. В 1953 г. выступал с лекционным турне в Индии, а в 1960 г. даже приезжал в Советский Союз и выступал в Политехническом музее с лекцией о мозговых волнах. Вернувшись в США, ученый высоко оценил уровень развития советской науки: «Они отстают от нас в аппаратуре – не безнадежно, а немного. Они впереди нас в разработке теории автоматизации».

Для ученого наивысшим достижением является не очередное звание или премия, а создание нового научного направления. А если еще при жизни автора новая наука начинает приносить плоды и будоражит сознание современников, то это – наибольшее счастье. Винеру невероятно повезло. Хотя дело, конечно, не только в везении.

Концепция кибернетики родилась из синтеза многих научных направлений. Во-первых, как общий подход к описанию и анализу действий живых организмов и вычислительных машин или иных автоматов. Во-вторых, из наблюдения аналогий между поведением сообществ живых организмов и человеческого общества и возможностью описать их с помощью общей теории управления и информации. И наконец, из синтеза теории передачи информации и статистической физики, который и привел Винера к важнейшему открытию, связывающему количество информации и отрицательную энтропию в системе…

В январе 1964 г. Норберт Винер был удостоен высшей награды для американского ученого – национальной медали «За научные достижения». На торжественном обеде в Белом Доме, посвященном этому событию, президент США Линдон Джонсон обратился к профессору с такими словами: «Ваш вклад в науку на

удивление универсален, ваш взгляд всегда был абсолютно оригинальным, вы потрясающее воплощение симбиоза чистого математика и прикладного ученого». Надо сказать, что во время произнесения этой фразы Винер вдруг начал громко сморкаться, а потом долго переспрашивал у соседей, что сказал этот молодой джентльмен.

В толпе энергичных и жизнерадостных людей он выглядел потерянным, будто старающимся все время что-то вспомнить. Его вид мог бы вызывать жалость, если бы окружающие не понимали, что он по-настоящему велик. Впереди у ученого было еще несколько лет напряженной работы, но он уже прикоснулся к вечности и даже стал ее частью. Его по сути уже не было здесь, среди бодрых и здоровых мужчин, которым казалось, что в их жизни происходит важное событие. На самом деле самые важные события происходят не на официальных приемах, а в тишине и одиночестве бессонных ночей.

Дряхлая оболочка, несущая физические страдания, Винеру была уже больше не нужна. Сконцентрированный сгусток информации давно уже готов был оторваться от чувствительного, но ослабевшего и не вмещающего его физического носителя и раствориться в бесконечном океане идей. Он уже ждал своего освобождения, с которым должны были прийти неограниченные возможности познания и озарения. Через два месяца он растворится в информационных потоках Вселенной, оставив каждому из оставшихся на Земле послание: «Жизнь – это островок «здесь-сейчас» в умирающем мире. Процесс, благодаря которому мы противостоим потоку разрушения и упадка, называется гомеостазом. Мы продолжаем жить в очень специфической среде, которую несем с собой до тех пор, пока разрушение не станет преобладать над процессом нашего собственного восстановления. Тогда мы умираем».

Гениальный ученый, «отец» кибернетики Норберт Винер умер в Стокгольме 19 марта 1964 г. Ему было всего 69 лет. За свою жизнь он написал по крайней мере одну великую книгу – «Кибернетика», придумал более 10 компьютерных терминов, которые используются до сих пор, обучил тысячи студентов и опубликовал множество трудов по математическому анализу, теории вероятностей, электрическим сетям и вычислительной технике.

Винчи Леонардо да

(род. в 1452 г. – ум. в 1519 г.)

Гениальный итальянский художник, архитектор, инженер, изобретатель, ученый и философ, проявивший себя практически во всех областях естествознания: анатомии, физиологии, ботанике, палеонтологии, картографии, геологии, математике, химии, аэронавтике, астрономии, оптике, механике, гидравлике, акустике.

Автор более 7 тысяч листов записей, содержащих научные и архитектурные проекты, изобретения и зарисовки.

Эпоха Возрождения, словно мифическая плодородная Гея, породила немыслимое для небольшого промежутка времени число титанов духа, мысли, искусства. Но самым гениальным был ее первенец – Леонардо да Винчи, с именем которого связывают зарождение классического искусства Ренессанса и появление людей с поистине энциклопедическими знаниями. Поэтому 15 апреля 1452 г. является знаменательной датой в истории человеческой цивилизации. В этот день в селении Анкиано близ городка Винчи в тосканских Альбанских горах у незамужней крестьянки Катерины родился сын. Его отец, молодой нотариус Пьеро да Винчи, закончив обучение своему прибыльному потомственному ремеслу во Флоренции и вернувшись в родной городок, пылко увлекся молодой, здоровой, красивой девушкой. Вскоре она стала матерью его сына, который при крещении получил имя Леонардо ди Пьеро ди Антонио.

В том же году сер Пьеро женился на равной себе по происхождению Альбьере Амадори, а Катерину выдал замуж.

Сына же, признав в присутствии свидетелей своим, взял на воспитание. В те времена незаконнорожденные дети были явлением обычным и общество смотрело на них снисходительно, к тому же молодая жена Пьеро оказалась бездетной. И она сама, и дед с бабкой, мечтавшие о внуке, души не чаяли в очаровательном ребенке, таком красивом, разумном и спокойном. Рос мальчик физически крепким, здоровым, учился легко, мог часами бродить по окрестным горам, наслаждаясь одиночеством и великолепной тосканской природой.

Когда Леонардо было около 14 лет, умер его дед, заботливо воспитывавший и оберегавший внука, а вслед за ним и мачеха, окружавшая его лаской. Не привыкший терять времени даром Пьеро женился вторично и перебрался во Флоренцию в надежде на лучшие заработки. Надо сказать, надежды эти вполне оправдались.

Леонардо по-прежнему оставался единственным сыном своего отца, так как у новой жены Пьеро, Франчески Ланфредини, детей тоже не было[1]. Казалось, судьба специально создавала условия, наиболее благоприятные для развития юного гения. Он жил, окруженный любовью и заботой близких, получил обычное для детей из зажиточных буржуазных семей разностороннее образование – кроме чтения, письма и арифметики, в которой преуспел настолько, что, по словам историка и биографа Дж. Вазари, «своими вопросами ставил в затруднительное положение преподавателей». Леонардо был обучен начаткам латыни, прекрасно играл на лире и «божественно пел импровизации». Но более всего воображение мальчика волновали рисование и лепка. Обратив внимание на это увлечение сына, Пьеро отнес его работы своему давнишнему приятелю, одному из самых известных во Флоренции мастеров, Андреа дель Верроккьо (Верроккио). Тот пришел в восхищение от первых художественных опытов юноши и сказал, что Леонардо должен всецело посвятить себя искусству.

Так в 1466 г. юный да Винчи стал учеником Верроккьо. В его мастерской рука об руку трудились художники, скульпторы, кузнецы, которые помимо живописных, скульптурных и ювелирных произведений создавали великолепные механические поделки, музыкальные инструменты и даже ремонтировали всевозможные предметы. Элементарные инженерные навыки являлись составной частью работы художника. К Верроккьо стекались художники со всей Тосканы и соседних областей, чтобы поделиться своим умением и научиться чему-то новому друг у друга. Здесь Леонардо не просто обучился всем приемам изобразительного искусства, но и осознал его неразрывную связь с наукой. Всю дальнейшую жизнь да Винчи стремился

посредством живописи, которую считал наиболее интеллектуальным видом творчества, выразить красоту и гармонию окружающего мира, а чтобы сделать это наилучшим образом, брался за изучение всех его проявлений и закономерностей. Так, не обладая врожденным чувством перспективы, он компенсировал этот недостаток тщательным изучением ее законов, математическим расчетом и геометрическим построением. То же можно сказать и о пропорциях человеческой фигуры, постижение которых далось художнику ценой больших умственных, душевных и физических усилий. Известно, что он много времени провел в анатомическом театре, препарируя трупы, слой за слоем снимая плоть и оголяя кости. Он был одним из первых, кто сделал зарисовки частей тела в сечении, а также не только впервые описал ряд костей и нервов, но и дал им название.

Более того, да Винчи делал поперечные срезы органов, черепа и конечностей, предвосхищая тем самым современные методы топографической анатомии, изучал кровеносную и нервную системы, положение зародыша в матке. Казалось бы, зачем художнику, чтобы достоверно изобразить человеческое тело, углубляться в изучение подкожных мышц? Но таков был Леонардо: начав заниматься анатомией, чтобы совершенствовать свое искусство живописца, он, как всегда, увлекся, и результатом его исследований стали сотни листов подробнейших рисунков. Современник да Винчи итальянский историк Паоло Джовио свидетельствует, что мастер мечтал, «дабы этот многолетний труд, размноженный в бесчисленных гравюрах на меди, послужил искусству». Увы, как и многим другим проектам, сбыться этой мечте было не суждено.

Основы инженерных знаний, которые Леонардо получил в мастерской Верроккьо, он также позже использовал в своих многочисленных проектах и изобретениях. Да что там позже! Еще двадцатилетним юношей, уже будучи принятым во Флорентийскую гильдию художников, да Винчи выдвинул идею постройки судоходного канала от Пизы до Флоренции и создал чертежи механизмов, приводимых в движение силой воды.

Одной из самых ранних живописных работ Леонардо, не затерявшейся подобно многим другим, считается фигура коленопреклоненного ангела и часть пейзажа в картине его учителя «Крещение Христа» (ок. 1472–1475 гг.). По свидетельству Вазари, этот ангел «вышел много лучше, нежели фигуры самого Верроккьо». Здесь, как и в последующих работах Леонардо, эффект динамичности достигается расположением складок одежды, поворотом головы, «подвижностью» волос. Недаром

именно эти элементы бесчисленное количество раз варьируются в набросках мастера. А зарисовка пейзажа для «Крещения», известная как «Вид на долину Арно», выполненная быстрыми, беглыми штрихами пера, полна жизненной энергии колебаний воды и трепета листьев. Уже вполне самостоятельной работой молодого художника можно считать «Благовещение» (ок. 1473–1475 гг.). Далекая от совершенства, она все же передает характерные черты живописи Леонардо: плавную объемность форм, мягкую светотень. Такими же достоинствами отмечены и другие картины, написанные во Флоренции, среди них «Портрет Джиневры деи Бенчи», «Мадонна Бенуа», «Мадонна с гвоздикой».

В 1480 г. да Винчи уже имел собственную мастерскую. Возможно, в ней были написаны оставшиеся незаконченными «Святой Иероним» и алтарный образ «Поклонение волхвов» для монастыря Сан-Донато а Скопето. Интересно, что, сделав множество подготовительных рисунков, в числе которых и перспективные этюды с тщательной геометрической разметкой, и уже начав писать картины, Леонардо вдруг потерял к ним интерес и оставил работу.

Эта странная особенность его творческого гения всегда ставила в тупик и современников, и более поздних исследователей – ведь художника, способного в мельчайших подробностях выписывать каждый лепесток цветка, каждый волосок в прическе, никак нельзя было упрекнуть в отсутствии усидчивости. Итальянский искусствовед Карло Педретти считает, «что в этом и состоит драма Леонардо: постоянная неудовлетворенность, непрекращающееся стремление к совершенству, как страсть, доходящая до болезненности». А в записках живописца XVI в. Д.-П. Ломаццо читаем: «Он считал искусство настолько великим, что находил у себя ошибки в тех местах картины, которые другим представлялись чудом».

В живописи Леонардо да Винчи выделил десять «истинных начал»: свет, мрак, цвет, тело, фигура, место, удаленность, близость, движение, покой, посредством которых можно достичь совершенства в изображении всего природного мира «от земли до неба». А основные вопросы, которые он пытался разрешить, концентрировались вокруг четырех проблем: перспективного построения пространства, передачи свето-воздушной среды и светотеневых рефлексов, а также пластического рельефа и движения. С годами художник понял, что математика – основа знания, и каждая его живописная композиция стала плавно вписываться в геометрическую фигуру, а математический термин «золотое сечение» был выведен Леонардо при разметке картин. Работая над полотнами, он считал себя обязанным искать

научные решения возникающих вопросов. А это всегда заканчивалось одним: начиная заниматься проблемами с точки зрения нужд художественной техники, живописец превращал их в самостоятельные научные задачи, требовавшие разрешения других научных задач, и интересы искусства отступали на задний план. Думается, что именно это «нетерпение сердца», толкающее мастера не столько вперед, сколько вглубь и в стороны, и создало столь многогранную личность, каким был Леонардо да Винчи.

Не найдя достойного применения своим талантам во Флоренции, чей правитель Лоренцо Медичи Великолепный хоть и считался покровителем искусств, но к Леонардо явно не благоволил, вступивший в пору зрелости художник в 1482 г. отправился в Милан. Здесь на службе у правителя герцогства Миланского, умного и хитрого Лодовико Сфорца, прозванного Моро, он выступил в роли военного инженера, архитектора, скульптора, живописца и организатора придворных празднеств.

Надо сказать, что ко двору Моро мастер пришелся как нельзя лучше. Высокий, красивый, античного сложения, неизменный участник всех состязаний и турниров, прекрасный пловец, фехтовальщик, искусный наездник, острослов и блестящий рассказчик, любезнейший кавалер, танцор, певец, поэт и музыкант – он мог украсить самое изысканное общество. Но Леонардо использовал любую возможность, чтобы увильнуть от придворных обязанностей и в уединении обдумать свежую идею или сделать несколько набросков нового изобретения. И если до миланского периода он носил с собой повсюду только альбом для зарисовок, то теперь его неизменным спутником стал блокнот, куда он записывал все, что его интересовало.

Писал Леонардо не на латыни, в отличие от своих прославленных современников-гуманистов, которые в своем любовании классической древностью нередко теряли связь с действительностью. Он пользовался живым, образным, порой простонародным итальянским языком, при этом вел записи справа налево, располагая буквы так, что прочитать их можно было лишь при помощи зеркала. Многие считают, что этим, а также многочисленными сокращениями он хотел уберечь свои мысли от чужих глаз, потому как часто испытывал нападки со стороны недоброжелателей и церкви, считавшей его богохульником, еретиком и чернокнижником. Недаром Вазари отмечал, что «он создал в уме своем еретический взгляд на вещи, не согласный ни с какой религией, предпочитая, по-видимому, быть философом, а не христианином». Наиболее же логичным представляется другое объяснение: художник был левшой и, возможно, ему просто было удобнее так писать. Заметки он вел

до конца своей жизни, рассматривая их, а также свои рисунки и чертежи как подготовительные наброски к гигантской энциклопедии человеческих знаний, но так и не исполнил задуманного. Лишь после смерти великого мастера его любимый ученик Франческо Мельци, унаследовавший по завещанию все его рукописи, составил из отдельных листов так называемый «Трактат о живописи», среди прочего включающий в себя рассуждения Леонардо о перспективе, пропорциях, анатомии, геометрии и оптике.

Первым миланским заказом, полученным да Винчи в 1483 г., была икона для алтаря капеллы непорочного Зачатия церкви Сан-Франческо Гранде «Мадонна в гроте». Очертания фигур на ней смягчены знаменитой леонардовской дымкой – сфумато (дословно: «погруженный в туман, затуманенный»), которая отныне становится характерной чертой произведений мастера. Все детали пейзажа правдивы настолько, как если бы их изобразил самый искусный в живописи геолог и ботаник. Недаром именно Леонардо утвердил ботанику как самостоятельную дисциплину, дав классические описания листорасположения, гелио– и геотропизма, корневого давления и движения сока. До него лишь алхимики и фармацевты занимались растениями, но только да Винчи начал делать их детальные зарисовки и описывать свои наблюдения. Ученый явился и одним из основоположников палеонтологии, считая, что окаменелости, находимые на вершинах гор, опровергают утверждения церкви о «всемирном потопе». Он был первым, кто предположил, что ранее здесь находилось море, и поэтому нет ничего сверхъестественного в присутствии на такой высоте окаменелостей рыб и животных.

В начале 1480-х гг. Моро задумал увековечить память своего отца Франческо Сфорца, установив в Милане его бронзовую конную статую. Леонардо решил создать «коня», равного которому еще не было. От изображения животного, поднявшегося на дыбы, он отказался не столько по техническим, сколько по этическим соображениям: такое положение коня наверняка затмило бы героического всадника. Леонардо досконально изучил анатомию лошади, сделал множество подготовительных рисунков, уделяя особое внимание проблеме равновесия, и в конце концов изготовил полномасштабную модель из глины (1493 г.), которая принесла своему создателю известность. Дальнейшая судьба «коня» печальна: так и не дождавшись отливки в бронзе, статуя была разрушена в 1499 г., когда город захватили французские войска.

Созданная по заказу Лодовико Моро для трапезной

доминиканского монастыря Санта-Мария делле Грацие стенная роспись «Тайная вечеря» (1495–1497 гг.) ныне принадлежит к самым известным произведениям мировой живописи. Мастер долго вынашивал композиционную идею, провел ряд расчетов и измерений, выстраивая перспективу, мучительно искал натурщиков, решился на смелый эксперимент с красками. Желая добиться наибольшей цветовой выразительности, он применил для фрески масло в смеси с темперой, предварительно загрунтовав стену составом из смолы и мастики собственного изобретения. Увы, этим он положил начало одной из величайших трагедий в истории искусства. Еще при жизни Леонардо краски начали отслаиваться и осыпаться, а проступавшая из стены влага покрыла поверхность картины уродливыми белесыми пятнами. В XVII в. в стене трапезной пробили дверь, уничтожив тем самым часть композиции, а во время оккупации Милана армией генерала Бонапарта в 1796–1797 гг. здесь была устроена конюшня. Многочисленные неумелые реставрации лишь ухудшили положение, и только в 1946 г. удалось закрепить остатки оригинальной живописи и приостановить ее дальнейшее разрушение. Но даже в своем теперешнем состоянии «Тайная вечеря» производит неизгладимое впечатление, являясь примером блестящего изображения психологического конфликта. Художник сумел найти такие способы и приемы живописи, которые помогли ему отразить внутренний мир библейских героев. Говорят, что французский король Людовик XII был столь очарован «Тайной вечерей», что всерьез расспрашивал своих инженеров, нельзя ли картину вместе со стеной перевезти во Францию.

К миланским работам Леонардо относится и «Мадонна Литта», а также портреты придворных Лодовико Сфорца, известные как «Дама с горностаем», «Портрет музыканта», «Портрет девушки в профиль», «Дама с ферроньеркой». Когда в 1499 г. Милан был захвачен французской армией, художник уехал из города, взяв в попутчики одного из своих учеников Андреа Салаи и ближайшего на то время товарища, монаха-францисканца, великого математика Луку Пачоли. Так началась для Леонардо пора странствий. Посетив по дороге Мантую и Венецию, он весной 1500 г. вернулся во Флоренцию. Однако уже в 1502 г. да Винчи стал архитектором и генеральным инженером у Чезаре Борджиа, хитроумного политика, который при помощи своего отца, папы Александра VI, стремился добиться власти над всей Италией. Вместе с писателем и дипломатом Никколо Макиавелли, послом Флорентийской республики при Борджиа, Леонардо сопровождал завоевателя во время его военных

кампаний: рисовал карты, проектировал оборонительные сооружения, делал наброски каналов. Но, видимо, кочевая армейская жизнь пришлась ему не по вкусу, так как вскоре художник покинул службу у Чезаре и весной 1503 г. вернулся во Флоренцию, где работал над росписью в зале Большого совета дворца Синьории («Битва при Ангиари»).

В 1506 г. Леонардо вновь приехал в Милан, где его принял на службу французский наместник Шарль д'Амбуаз, герцог Шомон, давний поклонник создателя «Тайной вечери», а год спустя сам Людовик XII даровал художнику титул «королевского живописца и инженера». Оправдывая полученное звание, мастер пишет несколько картин, среди которых «Святая Анна с Марией и младенцем Христом», «Леда с лебедем», «Иоанн Креститель» и другие. Часть из них была создана при значительной помощи воспитанников, что позволило Леонардо больше времени уделять своим научным изысканиям.

Надо сказать, что, хотя рядом с мастером всегда было немало юношей, которых он стремился обучить живописи, ни один из них не стал выдающимся художником. Вазари, характеризуя Леонардо, писал: «В своем великодушии он готов был приютить любого друга, будь он беден или богат, лишь бы только он обладал талантом и доблестью». И в то же время да Винчи был очень скрытным человеком, и о его частной жизни почти ничего не известно. И как это обычно бывает, отсутствие достоверных фактов заменяется домыслами и слухами. Иногда на основе косвенных материалов делались попытки обосновать предположения о гомосексуальных наклонностях художника. Одна из них, самая существенная, была предпринята З. Фрейдом в его знаменитом эссе «Леонардо да Винчи и его воспоминания о детстве». Но если от теоретических рассуждений обратиться к фактам, то можно заключить, что рядом с художником всегда было немало красивых юношей – слуг, учеников, друзей (что само по себе еще ничего не доказывает). Прямым доказательством могло бы служить обвинение в совершении «безбожных поступков» с 17-летним натурщиком Джокобо Салтарелли, предъявленное Леонардо да Винчи и еще трем ученикам Верроккьо в 1476 г. Но суть происшедшего остается неясной. Доподлинно известно лишь то, что одного из своих учеников, молодого аристократа Франческо Мельци, да Винчи усыновил и сделал своим наследником. Ему он оставил все свои рукописи, насчитывающие около семи тысяч листов, которые юноша после смерти Леонардо оформил в виде трактата.

Жизнь в Милане вскоре осложнилась ввиду начавшейся войны, и, когда в 1513 г. имя папы Льва X принял Джованни

Медичи, сын Лоренцо Великолепного, да Винчи, потерявший своего покровителя герцога Шомона, счел для себя лучшим уехать в Рим.

Последним пристанищем художника стал замок Клу близ города Амбуаза во Франции, где в 1516 г. король Франциск I, сменивший на троне Людовика XII, предложил поселиться стареющему мастеру. Занимая почетную должность придворного мудреца и советника, он получал значительное содержание и мог наконец-то спокойно работать, систематизируя свои записи, доводя до совершенства последние картины, исследуя, экспериментируя, изобретая. Как ученый и инженер, Леонардо да Винчи обогатил проницательными наблюдениями и догадками почти все области знания того времени. Он был ярким представителем нового, основанного на эксперименте, естествознания. Особое внимание Леонардо уделял механике, называя ее «раем математических наук» и видя в ней ключ к тайнам мироздания; он попытался определить коэффициенты трения, скольжения, изучал сопротивление материалов, увлеченно занимался гидравликой. Многочисленные гидротехнические эксперименты нашли свое выражение в новаторских проектах каналов и ирригационных систем.

Страсть к моделированию приводила Леонардо к поразительным техническим предвидениям, намного опережавшим эпоху: таковы его наброски проектов и чертежи металлургических печей и прокатных станов, ткацких станков, печатных, деревообрабатывающих и прочих машин, танка, подводной лодки и вертолета, а также разработанные после тщательного изучения полета птиц конструкции летательных аппаратов и парашюта. В музее Клу представлены модели подвесного моста, монтаж которого занимает считанные минуты, многоствольной установки – предка пулеметов и «катюш»; механизма для забивания свай, прибора для измерения скорости ветра, гидравлической турбины, первого разводного ключа, редуктора, экскаватора, пожарной телескопической лестницы, механизма для выгрузки рыбы из рыбачьих шаланд, водолазного колокола.

Особое значение в своих исследованиях ученый придавал оптике. Наблюдения Леонардо за влиянием прозрачных и полупрозрачных тел на окраску предметов, отраженные в его живописи, привели к утверждению в искусстве принципов воздушной перспективы. Универсальность оптических законов была связана для него с представлением об однородности Вселенной, он был близок к созданию гелиоцентрической системы, считая Землю «точкой в мироздании». Изучал да Винчи

и устройство человеческого глаза, высказав догадки о природе бинокулярного зрения. Он правильно заметил, что образы обратны на сетчатке, и высказал мнение о свойстве преломления света, а также понял, что глаз является линзой, которая соединяется с мозгом при помощи нервов. Леонардо первым сделал попытку определить силу света в зависимости от расстояния. Его записи содержат догадки о волновой теории света.

Любопытство да Винчи было безграничным. Он доискивался причины всякого, даже незначительного явления. Его острый, во все проникающий глаз художника и мудреца открывал все новые просторы познания мира. Были и другие не менее одаренные художники, музыканты, ученые, архитекторы, математики, инженеры, изобретатели и философы, но только Леонардо да Винчи – единственный, кто объединил в себе все эти качества. У него было неиссякаемое воображение и «оригинальность мышления», он все хотел успеть. Но времени оставалось совсем мало.

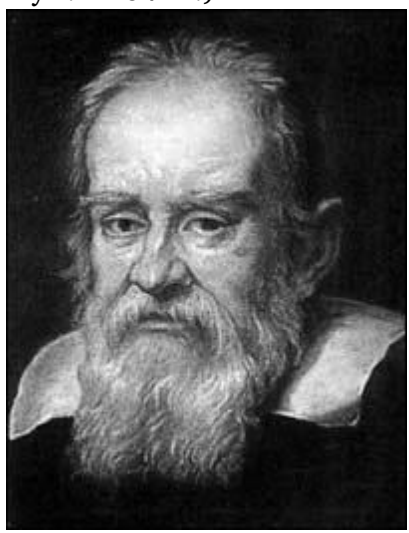
Чувствуя дыхание смерти, художник стал «усердно расспрашивать о вещах католических, о правильном пути и о христианской религии». Причастившись как добрый католик, 2 мая 1519 г. Великий Леонардо скончался. Вазари пишет, что перед смертью он каялся в том, что «был грешен перед Богом и перед людьми тем, что работал в искусстве не так, как подобало». Возможно, это признание было ответом на упреки многих современников, считавших, что он попусту распыляет себя, растрачивает свой дар на предметы, масштабность которых они не могли оценить. Им было не понять, что гений да Винчи «тянул за собой вперед всю эпоху».

Великий мастер не успел осуществить многих замыслов, но среди его картин осталась одна, которую без преувеличения можно назвать замечательнейшим в истории человечества творением живописи. В ней удивительно все, от замысла до воплощения, даже имени у нее два: «Мона Лиза» или «Джоконда». До сих пор не установлено, кто же изображен на картине. Традиционным считается мнение, что это жена флорентийского купца Франческо дель Джокондо, мона (сокращение от «мадонна») Лиза Герардини, новомодным – любовница Джулиано Медичи, сеньора Пачифика Брандано. Между ними – еще много версий: и юноша в женской одежде, и собирательный образ идеальной дамы, и даже автопортрет самого художника. Что же касается даты создания шедевра, то и здесь разброс составляет около десяти лет – с 1503 по 1513 гг. Но независимо от того, кого и когда писал Леонардо, в «Джоконде» сосредоточена

квинтэссенция достижений великого мастера. Используя в полном объеме свое знаменитое сфумато, мастер создал, без преувеличения, живое лицо живого человека. Смотрящая с портрета женщина предстает «во плоти и духе», она что-то думает и вспоминает, на губах ее играет едва уловимая, молчащая о многом улыбка, целомудренно скрывая вселенское знание истинной природы вещей. Говорят, что подобная улыбка была и у самого Леонардо. Может, действительно это автопортрет… Феномен гениального человека, имя которого – Леонардо да Винчи, так велик, что до конца не разгадан и в наши дни.

Галилей Галилео

(род. в 1564 г. – ум. в 1642 г.)



Великий итальянский ученый, физик, математик и астроном, философ, литератор, поэт, поначалу приверженец, а затем противник астрологии. Член Национальной Академии Линчеев (1611 г.). Один из основоположников современного экспериментально-теоретического естествознания, заложивший основы классической механики. Был первым ученым, начавшим наблюдения неба при помощи построенных им подзорных труб. Своими открытиями в области механики и астрономии перевернул существовавшую прежде систему научных взглядов.

Наряду с такими учеными, как Коперник и Кеплер, Галилей является одним из самых выдающихся мыслителей эпохи Возрождения. Влияние его на развитие механики, оптики и астрономии неоценимо. Первым среди естествоиспытателей он показал, что орудием познания природы является планомерно и целесообразно поставленный эксперимент. Основа науки – опыт, полагал Галилей. Именно посредством экспериментов им были установлены первые принципы механики, давшие впоследствии возможность вывести более общие ее законы. Если основные законы движения и не были сформулированы ученым с той четкостью, с какой это сделал Исаак Ньютон, то по существу закон инерции и закон сложения движений были им вполне осознаны и применены к решению практических задач. Можно сказать, что история статики начинается с Архимеда, а историю динамики открывает Галилей. Отвергая попытки схоластов

добыть истину из сопоставления текстов признанных авторитетов и путем отвлеченных рассуждений, он утверждал, что задача ученого – «…изучать великую книгу природы, которая и является настоящим предметом философии».

В годы детства и юности Галилея практически безраздельно господствовали представления, сформировавшиеся еще во времена античности. Некоторые из них, например геометрия Евклида и статика Архимеда, сохранили свое значение и в наши дни. Однако многие положения античной науки, обретшие со временем статус непреложных истин, не выдержали испытания временем и оказались отвергнутыми, когда главным арбитром в науке был признан опыт. В первую очередь это относится к естественнонаучным представлениям Аристотеля и Птолемея. Именно эти ошибочные положения, а также суждения богословов, искусно толкующих библейские тексты и творения отцов церкви, стали фундаментом «официального мировоззрения». Требовались не только способность к смелому и независимому мышлению, но и просто мужество, чтобы выступить против него. Одним из первых на это отважился Галилео Галилей.

Родился будущий ученый 15 февраля 1564 г. в городе Пизе. Его отец, Винченцо, принадлежащий к знатному флорентийскому роду, был отличным музыкантом и теоретиком музыки. Но искусство не давало средств к существованию, и, чтобы содержать семерых детей, он был вынужден прирабатывать торговлей сукном. Все свои надежды и чаяния Винченцо связывал со старшим сыном Галилео, которого мечтал видеть преуспевающим врачом. Он полагал, что профессия эта не только почетна, но и прибыльна и может гарантировать сыну обеспеченное будущее. До одиннадцати лет Галилей жил в Пизе, где учился в школе, а затем вместе с семьей переехал во Флоренцию. Здесь он продолжил образование в монастыре бенедиктинцев, после чего стал учиться дома под присмотром отца. Галилео много занимался языками, выучился игре на лютне, научился ценить и понимать живопись и поэзию. Одаренность Галилея не ограничивалась лишь областью науки: он был превосходным музыкантом, художником, любителем искусств и блестящим литератором. Его научные трактаты, большая часть которых написана на итальянском языке, хотя он в совершенстве владел латынью, могут быть отнесены также и к художественным произведениям по простоте и ясности изложения и блеску литературного стиля.

В 1581 г. 17-летний Галилео Галилей по настоянию отца поступил в Пизанский университет, чтобы посвятить себя изучению медицины. Однако эта наука совершенно не увлекала

юношу. Галилео стал пропускать лекции, предпочитая самостоятельно заниматься геометрией и практической механикой. В это время он впервые познакомился с физикой Аристотеля, с работами древних математиков – Евклида и Архимеда. Галилей был счастлив: в их сочинениях он нашел тот метод постижения мира, который был ему ближе всего. Физика должна говорить на языке математики! В основу изучения мира должно быть положено не толкование текстов, а на измерения, опыты.

Свои математические занятия Галилео держал в тайне и, чтобы не расстраивать отца, читая Евклида, обкладывался томами Галена и Гиппократа. Чем больше Галилео занимался математикой, тем ненавистней становилась ему медицина. Он убеждал отца, что и математикой сумеет зарабатывать на жизнь. Скрепя сердце Винченцо согласился, чтобы после четырех лет учебы сын оставил изучение медицины и, не окончив университет, вернулся во Флоренцию. Здесь Галилей начал давать частные уроки математики, а свободное время полностью посвятил изучению математических сочинений и философских трактатов. Уже тогда его очень интересовали вопросы, связанные со строением Вселенной. Наряду с изучением проблем движения Галилео продолжал заниматься и вопросами, непосредственно связанными с его увлечением идеями Архимеда. Умение наблюдать и делать выводы из увиденного с юных лет отличало Галилея. Он довольно рано понял, что «…явления природы, как бы незначительны, как бы во всех отношениях маловажны ни казались, не должны быть презираемы философом, но все должны быть в одинаковой мере почитаемы. Природа достигает большого малыми средствами, и все ее проявления одинаково удивительны».

Размышления и опыты по определению удельного веса различных веществ, особенно сложных смесей и сплавов, привели Галилео к созданию собственной конструкции гидростатических весов – прибора, позволяющего находить плотность тел. Об этом свидетельствует его первая научная работа «Маленькие гидростатические весы» (1586 г.). Кроме того, Галилей много времени работал над определением центра тяжести твердых тел и доказал несколько новых теорем. О нем стали говорить как о необыкновенно способном математике. Галилей вступил в переписку с рядом крупных ученых, в том числе с Гвидобальдо дель Монте. Высокую оценку первым галилеевским работам дал и знаменитый математик Молетти.

Не удовлетворенный частным преподаванием, Галилей начал поиски места в университете. Увы, его повсюду ждали неудачи:

ни в Пизе, ни в Риме он так и не смог получить вакантную должность. Не помогли ни хорошее знание предмета, ни предоставленные работы, ни отзывы знаменитых ученых. Положение изменилось, когда помочь молодому математику взялся Джованни Медичи, незаконный сын Козимо I, сводный брат великого герцога Тосканы. С тех пор Галилей на всю жизнь познал ни с чем не сравнимую власть протекции. Опыт этот был горьким, но поучительным.

В Пизанском университете, где Галилей занял должность преподавателя, его положение было незавидным. Платили ему тогда очень мало, и он постоянно нуждался в средствах. К тому же за «излишнюю» самостоятельность и независимость характера коллеги по университету невзлюбили Галилея и всячески давали ему это почувствовать. Нет, его не преследовали всевозможными пасквилями, не поносили на диспутах – просто ему, «поклоннику сомнительной новизны», платили молчаливой враждебностью и пренебрежением. Его дерзкий и неспокойный ум сеял сомнения, покушаясь на авторитет великих. Коллеги отзывались о нем недоброжелательно: «Он не дорожит традициями и издевается над обычаем носить тогу. Лектор, не имеющий ученой степени, выскочка, затесавшийся в научные ряды благодаря высокой и незаслуженной протекции!» Но, невзирая ни на что, Галилей много и активно трудился. Уже через год после начала работы в Пизе он написал трактат «О движении», в котором впервые привел доводы против аристотелевского учения о падении тел. Позже они были сформулированы им в виде закона о пропорциональности пути, пройденного телом, квадрату времени падения (по утверждению Аристотеля, «в безвоздушном пространстве все тела падают бесконечно быстро»). Все это вызвало еще более неодобрительное отношение к нему со стороны представителей казенной схоластической науки. Отношения с коллегами накалились до предела, и потому молодой ученый был рад переезду в Падую, где опять же не без помощи влиятельного покровителя ему удалось получить должность в местном университете.

С этого момента, а именно 26 сентября 1592 г., в жизни Галилея Галилео начался новый этап. Переход в Падуанский университет, где Галилей занял кафедру математики, ознаменовал собой начало плодотворнейшего периода в его научной деятельности. Здесь он вплотную подходит к изучению законов динамики, исследует механические свойства материалов; изобретает первый из физических приборов для исследования тепловых процессов – термоскоп; совершенствует подзорную трубу и первым догадывается использовать ее для

астрономических наблюдений; становится самым активным и авторитетным сторонником системы Коперника, обретя благодарность и уважение потомков и активную враждебность многочисленных современников. Однако поначалу научная работа Галилея оставалась скрытой от всех, за исключением друзей. Лекции он читал по традиционной программе, в которой излагалось учение Птолемея. Неудивительно, что преподавание в университете особой радости Галилею не доставляло.

«Отдохнуть сердцем» он часто ездил в Венецию. Там, в кругу близких друзей он находил ту духовную обстановку, в которой очень нуждался. Падуя была местом его службы, Венеция – праздником с долгими дружескими беседами, превосходной музыкой и тонкими винами. Этот город привлекал Галилео еще и тем, что в нем жила очаровательная Марина Гамба, пленившая его сердце. Через некоторое время любовное увлечение переросло в крепкую связь. У Галилео и Марины родилась дочь, через год – вторая, затем – сын. К сожалению, после долгих лет совместной жизни супруги расстались. В последующие годы Галилей жил один, изредка встречаясь со своими детьми. Повзрослев, его дочери постриглись в монахини, а сын не особенно радовал отца: учился кое-как, был упрям и думал лишь о развлечениях. Единственным по-настоящему близким и преданным Галилею человеком была старшая дочь Вирджиния, которая любила отца до самозабвения. Она всегда старалась ему помочь, сделать что-нибудь приятное, переживала, когда тот болел. С годами же давний недуг все чаще напоминал ему о себе. Галилео заболел внезапно, еще в 30-летнем возрасте. В один из жарких летних дней по приглашению друзей он приехал погостить на богатую виллу. Хозяева радушно приняли гостей и показали им необычную комнату – настоящее «восьмое чудо света»! Дело в том, что даже в мучительную жару в этом помещении всегда царила приятная прохлада. Секрет чуда был довольно прост: в полу комнаты находился люк шахты, которая соединялась с пещерами заброшенных каменоломен, где всегда держалась постоянная температура. Для гостей, которым было предложено отдохнуть в «покое вечной весны», все окончилось трагически. Возможно, гибельным оказался сквозняк, или воздушные испарения пещер были ядовиты, или была иная причина. Но как бы там ни было, один из гостей умер через несколько дней пребывания в комнате, другой потерял слух и тоже вскоре скончался, а Галилей тяжело заболел. Острейшее воспаление суставов оказалось неизлечимым, и ученый до конца жизни нес этот тяжелый крест. Периодически мучительные боли на несколько недель, а то и месяцев укладывали его в постель. Для

общительного и деятельного Галилея это было нелегким испытанием. Но главное, болезнь мешала ему работать. Едва недуг отступал, ученый возвращался к своим исследованиям, опытам, экспериментам.

Одним из важнейших научных достижений Галилея является открытие принципа относительности, ставшего основой современной теории относительности. Он включал в себя, прежде всего, изучение законов свободного падения тел и падения их по наклонной плоскости; законы движения тела, брошенного под углом к горизонту; установление сохранения механической энергии при колебании маятника. Галилей нанес удар аристотелевским догматическим представлениям об «абсолютно легких телах» (огонь, воздух); в ряде остроумных опытов он показал, что воздух имеет вес, и даже определил его плотность по отношению к воде.

Не забывая, что наблюдения и опыт – вернейшие средства познания природы, Галилей и в астрономии особенное значение придавал эксперименту. Коперник, Бруно и их современники могли увидеть на небе только то, что доступно невооруженному глазу. Галилео Галилей стал первым ученым, начавшим наблюдения неба при помощи построенных им «зрительных» труб. Первые подзорные трубы, которые также называли «новыми очками», были созданы в Нидерландах (название «телескоп» появилось примерно на два года позже, чем сам инструмент). Известия об этом изобретении дошли до Венеции уже в 1609 г. Заинтересовавшись этим открытием, Галилей стал проводить собственные опыты с оптическими стеклами, которые увенчались успехом.

Ученому удалось значительно усовершенствовать прибор. Сначала он изготовил зрительную трубу с трехкратным увеличением, затем с восьмикратным, а самая совершенная из его подзорных труб давала 32-кратное увеличение! Какими крохотными были эти трубы Галилея по сравнению с современными мощными телескопами, увеличивающими изображение в тысячи раз! Но какими удивительными, потрясающими были открытия, сделанные Галилеем при помощи этих самодельных инструментов! Навсегда запомнил ученый то волнение, которое охватило его, когда он впервые направил свою зрительную трубу на ночное небо. Луна выглядела иначе, чем обычно, а звезд на небе было гораздо больше, чем можно увидеть невооруженным глазом! Необычайный мир, открывшийся взору Галилея, наполнил его радостью и трепетом. Он, и так часто страдавший бессонницей, почти перестал спать. Его открытия опрокидывали важнейшие положения астрономии и философии.

Они возвещали о заре нового мировоззрения. Это было великое счастье – первым из людей увидеть Вселенную иной, чем она представлялась на протяжении веков.

Наблюдения ночного неба Галилей начал сразу, как только ему удалось сконструировать трубу, дающую трехкратное увеличение. Он обнаружил, что поверхность Луны очень напоминает земную – те же горы, равнины и глубокие впадины! Млечный Путь, до сих пор казавшийся сплошной белой полосой, при рассмотрении в зрительную трубу рассыпался на мириады звезд! Таким образом, смелая мысль Джордано Бруно о том, что звезд – солнц – бесконечное множество, а значит, просторы Вселенной безграничны и неисчерпаемы, нашла свое подтверждение. Но это было еще не все. 7 января 1610 г. произошло знаменательное событие: направив построенный телескоп (примерно с 30-кратным увеличением) на небо, Галилей заметил возле Юпитера три светлые точки – это были его спутники (позже Галилей обнаружил и четвертый). Повторяя наблюдения через определенные интервалы времени, он убедился, что спутники обращаются именно вокруг Юпитера. Галилей назвал их «светилами Медичи», «Медицейскими звездами» в честь герцога Тосканского Козимо II Медичи. Это открытие давало неопровержимое доказательство того, что не только Земля может быть центром обращения небесных светил. Еще одним из важнейших астрономических открытий Галилео Галилея является открытие фаз Венеры. Долгие наблюдения позволили ученому сделать вывод о том, что Венера вращается не вокруг Земли, как полагал Птолемей, а вокруг Солнца. Из открытия фаз Венеры следовал еще один важный вывод: Венера не светится собственным светом, а лишь отражает свет Солнца. Стало быть, планеты, как и Земля, по своей природе темны. Это открытие позволило решить величайший спор в истории астрономии. Помимо этого, наблюдая солнечные пятна, Галилей обнаружил, что они перемещаются по солнечной поверхности, и сделал вывод, что Солнце вращается вокруг своей оси. После этого легко было допустить, что вращение вокруг оси свойственно всем небесным телам, а не только Земле. Даже этот беглый перечень позволил бы причислить Галилея к величайшим астрономам, но его роль была исключительной уже потому, что он произвел поистине революционный переворот, положив начало инструментальной астрономии в целом.

Астрономические открытия Галилея были наглядным подтверждением учения гениального Коперника. Галилео прекрасно понимал их важность. Свои телескопические наблюдения он описал в небольшом сочинении, вышедшем в

марте 1610 г. под гордым названием «Звездный вестник». После того как цензоры клятвенно засвидетельствовали, что «в книге не содержится ничего противного католической вере, законам и добрым нравам», эта работа была издана очень большим по тем временам тиражом – 550 экземпляров, которые разошлись в течение нескольких дней.

Открытия «Звездного вестника» Галилея, а еще более слухи о его чудесной подзорной трубе возбуждали людское любопытство и вызывали всеобщий восторг. Ученого приглашали кардиналы, прелаты, князья. Он демонстрировал им свое изобретение, показывал горы и впадины на Луне, учил находить Медицейские звезды. 24 августа 1609 г. Галилей передал в дар Венеции свою подзорную трубу. Советом мудрых было решено присудить изобретателю пожизненное годовое жалованье в тысячу флоринов (что было вдвое больше, чем он получал прежде). Однако, к огорчению Галилея, «превосходительнейшие синьоры» постановили, что это решение вступит в силу лишь через год. В 1610 г. указом нового Тосканского герцога Козимо II Медичи Галилей был пожизненно утвержден в должности первого математика Пизанского университета с освобождением от чтения лекций, а также получил титул придворного математика и философа. Тогда же Галилей принял приглашение герцога вернуться во Флоренцию. Тому было множество причин: и его желание получить место при дворе герцога, и семейные проблемы, и напряженные отношения с некоторыми коллегами в университете, которым не давали покоя его научные успехи и высокое жалование. Так закончился 18-летний период пребывания Галилея в Падуе, по признанию его самого, – не только самый плодотворный, но и самый счастливый.

Уже будучи придворным математиком, 25 апреля 1611 г. Галилей стал пятым по счету членом Академии Линчеев («рысьеглазых»), основанной восемью годами раньше Федерико Чези, с которым Галилей подружился. Эта Академия ставила своей целью свободное, не связанное никакими ограничениями изучение природы. С этих пор Галилей подписывался на своих работах именем «Галилео Линчео».

Небесные открытия ученого становились все более известны не только в Италии, но и в других странах мира. Вслед за Галилеем астрономы всей Европы начали наблюдать небо в подзорные трубы и полностью подтвердили открытия дерзкого итальянца. Таким образом, для всех передовых людей становилось ясно, что правы Коперник и Бруно и мнение о какой-то исключительной роли Земли в мироздании не выдерживает никакой критики.

Нетрудно догадаться, какую неудержимую ярость «отцов церкви» должны были вызвать открытия Галилея, наносившие еще более сокрушительный удар по религиозным догмам, чем в свое время вдохновенные идеи Джордано Бруно. Передовая наука, подтвердившая правоту Коперника, была страшна для церкви. Злоба римских священнослужителей обрушилась на всех его последователей, и в первую очередь на Галилея. Хотя поначалу враждебные чувства церковников проявлялись не сильно, более того, когда в 1611 г. Галилей приехал в Рим, ему был оказан восторженный прием «первыми лицами» города и церкви. Ученый не знал, что за ним уже установлена секретная слежка. Со временем атаки его противников усилились. В 1613 г. Галилею сообщили, что поднят вопрос о несовместимости его открытий со Священным писанием. В 1616 г. одиннадцать ведущих богословов рассмотрели учение Коперника и пришли к выводу о его ложности. Галилею, как одному из наиболее последовательных приверженцев гелиоцентризма было запрещено «держаться и защищать» учение Коперника о движении Земли вокруг Солнца как противоречащее здравому смыслу и Библии. Галилея вызвали в Рим и потребовали прекратить пропаганду еретических представлений об устройстве мира. Но ученый не только не подчинился этому, а, наоборот, с еще большим рвением продолжал разрабатывать учение Коперника.

В 1632 г. ему с огромным трудом удалось издать свою основную работу «Диалог о двух главнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой». Много лет Галилей отдал написанию этой книги, в которой намеревался «шестьюстами аргументами доказать движение Земли». Книга написана в форме диалога между двумя сторонниками Коперника и одним приверженцем Аристотеля и Птолемея. Каждый из собеседников старается понять точку зрения другого, допустив ее справедливость. Обобщая свои открытия, Галилей убедительно показал безусловную правильность учения Коперника и полную несостоятельность системы Птолемея. Единомышленники ученого ликовали: «В изучении природы началась новая эра! Подобной книги в мире еще не было!» Письма, полные благодарности и восхищения, шли из Падуи и Венеции, из Болоньи и Генуи. Враги, напротив, пребывали в ярости. Долгие годы Галилей жил под знаком того принуждения к притворству, которым церковь ответила на его слишком страстную защиту Коперника. Но теперь, когда в его руках была готовая книга, «долженствующая переубедить и упрямцев, облаченных властью», Галилей не собирался скрывать своих истинных намерений. Изданием своего главного труда он как бы заявлял всему миру, что ему не

страшны угрозы церкви, что он полон решимости до конца бороться за торжество науки против суеверия и предрассудков.

В ответ на появление «Диалогов» римская церковь привлекла Галилея к суду инквизиции. Ученый был обвинен в безбожии и отлучен от церкви. Трудно представить себе что-либо более позорное, чем судилище, перед которым пришлось предстать Галилею. Допросы и угроза пыток сломили 70-летнего больного ученого, и 22 июня 1633 г. в церкви святой Марии-над-Минервой почти на том же самом месте, где Бруно выслушал смертный приговор, Галилей формально отрекся от своих взглядов и принес публичное покаяние. Существует предание, которое гласит, что после произнесения текста отречения Галилей поднялся и, топнув ногой, воскликнул: «А все-таки она вертится!» Да, в этом сражении Галилею пришлось встать на колени, но побежденным он не был. «Диалог»-то был напечатан, и его не уничтожат никакие запреты, а за это ученый согласился бы заплатить и более дорогую цену!

Галилей сознавал свою трагедию, которая состояла не в том, что он стал «жертвой произвола», а в том, что он жил в мире, где его «на законном основании могут преследовать и мучить за издание книги, которая составляет славу Италии, мучить за его всепоглощающее стремление к научной истине, которая для него столь желанна, что даже подавляет страх перед инквизицией».

Осудив Галилея, инквизиция сделала все, чтобы отравить и последние годы его жизни. Он, ученый с мировым именем, гордость Италии, жил под домашним арестом. Однако научную деятельность Галилей не прекратил – даже окончательно потеряв зрение, он продолжал работать. В это время ученый завершил труд «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки», в котором подвел итог своим исследованиям в области динамики. До конца жизни Галилей считался «узником инквизиции» и принужден был жить на своей вилле Арчетри близ Флоренции, где и умер 8 января 1642 г. В 1737 г. была исполнена последняя воля ученого – его прах перенесли во Флоренцию в церковь Санта-Кроче, где он был погребен рядом с Микеланджело.

После смерти Галилея, несмотря на официальный запрет, учение Коперника продолжало распространяться, а в начале XIX в., с ростом точности астрономических наблюдений, были получены прямые доказательства движения Земли. Это позволило Ватикану отменить свой декрет о запрете коперниковского учения. Галилей же при этом продолжал формально оставаться еретиком. И только 3 июля 1981 г. по указанию папы Иоанна Павла II была создана понтификальная комиссия, состоявшая из

видных ученых, юристов и богословов. После 11 лет работы члены этой комиссии пришли к выводу о том, что Галилей, предлагавший отказаться от буквального толкования Библии при обсуждении новых явлений и научных теорий, был прав. Тем самым 31 октября 1992 г. папа Иоанн Павел II объявил решение суда инквизиции ошибочным и реабилитировал Галилея. Он не только вернул ученому «право быть законным сыном церкви», но и публично принес ему извинения.

Выяснилось также, что в течение девяти лет, до самой своей кончины, Галилей направлял послания Римскому Папе, опровергая приписываемое ему безбожие. Галилео Галилей пробыл в опале 359 лет, 4 месяца и 10 дней. Замечательный физик, механик, продолжатель дела Коперника, мужественный борец за науку против религиозного суеверия и невежества – таков был этот великий ученый. Его бессмертное имя занесено на карту Луны и Марса.

Гейтс Билл

Полное имя – Уильям Генри Гейтс III (род. в 1955 г.)

Выдающийся американский бизнесмен в области разработки программного обеспечения для персональных компьютеров. Самый богатый человек планеты, вошедший в историю также и как самый молодой миллиардер, достигший этого положения в 25 лет.

Сегодня, вероятно, трудно найти на нашей планете человека, который бы не слышал имени Билла Гейтса. Одни знают, что он самый богатый человек в мире, другие – что он величайший программист и хозяин Microsoft, третьим он известен в связи со скандалом о нарушении антимонопольного законодательства его компанией. Большинство же знает и то, и другое, и третье. Так кто же все-таки этот человек – Билл Гейтс? И что представляет собой его любимое детище Microsoft, плодами которого пользуется сегодня практически все человечество? Один из его соратников как-то сказал: «Большинство людей хороши в чем-то одном… Билл отличается тем, что он хорош в нескольких областях. Это очень редкое сочетание… Билл большой мастак во многих вещах, таких, как он, – один на миллиард». А по мнению журнала People, «Гейтс в сфере программирования значит столько же, сколько Эдисон в отношении к электрической лампочке: отчасти инноватор, отчасти предприниматель, отчасти торговец, но неизменно гений».

Гений индустрии программного обеспечения родился в Сиэтле (штат Вашингтон) 28 октября 1955 г. и был вторым ребенком и единственным сыном в семье довольно обеспеченных

родителей. Дед Билла был крупным банкиром, его отец Уильям Генри Гейтс младший – преуспевающим юристом, мать Мэри – в прошлом школьная учительница, сейчас – член правления нескольких благотворительных организаций.

Семья Билла имела большой вес в Сиэтле. Родители часто вели дома оживленные деловые дискуссии, что также стимулировало развитие предпринимательских навыков их сына. Уже в детстве мальчик проявлял одаренность, особенно в области математики. Заполняя школьный тест, оценивающий способности, он набрал в математической части 800 баллов, показав лучший результат.

В 1968 г. в школе был открыт компьютерный класс, и Билл со своим другом Полом Алленом увлеклись вычислительной техникой. Они читали специальную литературу и проводили все время за терминалом в ущерб остальным занятиям. Юным программистам несколько раз удавалось взломать систему и получить доступ к закрытой информации. В конце концов компьютерный центр в Сиэтле оценил таланты малолетних хакеров и нанял их для проверки своих программ на просчеты и ошибки, в качестве вознаграждения предоставив школьникам свободный доступ к своему оборудованию.

Окончив школу, Билл долго колебался в своем дальнейшем выборе. С одной стороны, ему казалось соблазнительным немедленно организовать какую-нибудь коммерческую фирму, с другой стороны, его интересовали теоретические проблемы математики и экономики. А еще ему хотелось стать адвокатом. Подумав, он выбрал Гарвард и решил заняться изучением права. Но, оказавшись в университете, Гейтс проводил долгие часы за игрой в покер, или читал биографии великих людей, или сидел в своей комнате, впав в депрессию. Он все еще не мог решить, как распорядиться своей дальнейшей жизнью. Пол Аллен часто навещал Билла: по вечерам и в выходные дни они погружались в жаркие споры о перспективах открытия собственной фирмы.

Пол был дальновидным человеком. Когда компания Intel в 1974 г. выпустила микропроцессор 8080, он понял, что надвигается революция, которую нельзя пропустить. Но друзья все еще не знали, что же делать конкретно. К счастью, их замешательство было недолгим, так как однажды Полу случайно попался на глаза журнал с описанием комплекта для сборки компьютера Altair. Он помчался к другу, чтобы сообщить ему эту потрясающую новость. Позднее, в декабре 1990 г., Билл рассказывал журналистам: «Нас не так поразил сам набор, как то, что становилась явью невиданная вещь – персональный компьютер».

Гейтсом и Алленом овладела мысль о том, что Altair можно снабдить встроенным языком программирования. В качестве этого языка они выбрали Basic, потому что с ним было проще всего работать пользователю – он был намного понятнее машинного языка микропроцессора. Через неделю после прочтения статьи Билл и Пол позвонили создателю компьютера Эду Робертсу и заявили, что они адаптировали Basic для его детища.

В мае 1975 г. 22-летний Аллен стал заведовать отделом программного обеспечения в фирме Робертса, а 20-летний Гейтс продолжал совершенствовать свой Basic, готовя его к официальному выпуску в продажу. Спустя два месяца друзья основали компанию Microsoft, которая была им необходима для продажи лицензий на созданный MS-Basic. Она стала первой фирмой, ориентированной специально на производство программного обеспечения. Главной заботой Билла стало ее расширение, для чего требовалось заинтересовать в своей разработке других производителей микрокомпьютеров.

В свободное время, которого у Гейтса, надо сказать, было очень мало, он превращался в страстного проповедника новой компьютерной эры. Встречаясь с производителями микрокомпьютеров, он аргументированно убеждал их в том, что от использования его языка Basic они только выиграют. И тут оказалось, что Билл, несмотря на его молодость, потрясающе умеет показать товар лицом.

Осенью 1976 г. стало ясно, что Гейтс не мог одновременно продолжать учебу и управлять своей растущей компанией. Колебаний не было. В декабре он бросил университет, несмотря на возражения родителей, и полностью посвятил себя бизнесу. Весной следующего года Microsoft перебралась в приличный офис в Альбукерке. К этому времени сотрудниками компании были всего 6 человек. Билл и Пол обычно приходили в офис около полудня, но и оставались на работе далеко за полночь, а если встреча с клиентом назначалась на утро, то и вообще не уходили домой, чтобы не опоздать. На долгие годы они забыли, что такое выходные.

В середине 1977 г. Microsoft вела переговоры с несколькими компаниями о передаче лицензий на MS-Basic, но Робертс, считая себя единоличным собственником, отказался предоставлять лицензию на «свой» Basic другим производителям. Не уладив проблему мирным путем, Гейтс и Аллен были вынуждены обратиться в суд. Процесс длился шесть долгих месяцев, в течение которых Microsoft была вынуждена бороться с финансовыми трудностями. В конце года Билл выиграл дело:

компания Робертса получила право на использование MS-Basic, а Microsoft – на его продажу по своему усмотрению. После этого фирма Гейтса уже больше никогда не сталкивалась с финансовыми проблемами.

В это же время Microsoft, стремившаяся к тому, чтобы в ее ассортименте был не только Basic, выпустила собственный Fortran, а затем Cobol и Pascal. Удача улыбнулась юным коммерсантам, и уже к 1978 г. они безраздельно господствовали на рынке языков для микрокомпьютеров. В компании, по-прежнему находившейся в Альбукерке, уже работали 13 человек. Аллен и Гейтс занимались организационными вопросами: Пол следил за разработкой нового программного обеспечения, а Билл поддерживал отношения с производителями компьютеров и управлял повседневной деятельностью фирмы. К этому времени назрел вопрос о перемене ее места деятельности.

В 1979 г. компания Microsoft перенесла свою штаб-квартиру в Бельвью близ Сиэтла. Годом позже фирма IBM заказала Microsoft разработку языков программирования для ее нового персонального компьютера. Гейтс, со своей стороны, предложил также взять на себя и создание операционной системы к этому компьютеру – он знал, что писать «с нуля» ее не придется. Операционная система фирмы Microsoft (MS-DOS) базировалась на 86-DOS, которая была разработана Т. Патерсоном и впоследствии приобретена у него Биллом.

В своей книге «Дорога в будущее» Гейтс писал: «Люди часто просят меня объяснить причину нашего успеха. Простого ответа тут нет, сыграла свою роль и удача. Но ведущее место принадлежит нашему первоначальному видению. Мы смогли рассмотреть то, что скрывалось за чипом “Intel-8080” и действовали на основании сделанного нами вывода. Мы спросили себя: “А что, если компьютерные расчеты станут почти бесплатными?” Мы предположили, что компьютеры появятся везде благодаря дешевизне компьютерных расчетов и отличному матобеспечению, которое вследствие этого легче будет создавать. Мы создали свою фирму, сделав ставку на первое (дешевизну) и начав создавать второе (матобеспечение) тогда, когда этим еще никто не занимался. Наша проницательность на начальном этапе намного облегчила нам все остальное. Мы оказались в нужном месте в нужное время. Будучи первыми и преуспев вначале, мы смогли нанять многих талантливых людей».

В излишней скромности Гейтса обычно обвинить трудно, но в данном случае он явно скромничает. Если воспринять его слова буквально, то может сложиться впечатление, что все получилось само собой: повнимательнее присмотрелись, нашли нужное место

в нужное время, сели и поехали по гладкой дороге в светлое будущее, собирая по пути кучи денег. Если же вспомнить, что этого места не смогли найти многие признанные авторитеты того времени, включая IBM, то все начинает выглядеть в другом свете. Предположения Билла и Пола могли оказаться неверными, и тогда их фирма прогорела бы. Ее могли задавить мощные конкуренты, если бы они вдруг вовремя опомнились. Молодые ребята могли пожадничать и запросить за первый свой продукт столько, что на него не было бы достаточного спроса. Или, наоборот, ослепленные свалившимися на них деньгами, могли начать их безоглядно тратить… Но они сумели избежать всех этих возможных просчетов.

В августе 1981 г. было широко объявлено о выпуске нового компьютера, оснащенного MS-DOS. Лицензионное соглашение с IBM предусматривало выплаты фирме Microsoft за каждый проданный экземпляр их программных продуктов, что обеспечило Гейтсу немалые дивиденды благодаря успеху, выпавшему на долю этого компьютера в 80-х гг. Невероятная популярность обоих продуктов привела в дальнейшем к тому, что и архитектура Intel, и компьютеры IBM, и программы Microsoft фактически стали отраслевыми стандартами.

Именно в это время преуспевающий председатель компании сделал несколько удачных капиталовложений. В начале 1980-х гг. Гейтс рискнул 40 тыс. долларов, потратив их на акции промышленных предприятий, которые, по его мнению, оценивались ниже действительной стоимости. В последующие годы цена его фондового портфеля дошла до 1 млн долларов. Получив такой доход, Гейтс купил за 780 тыс. долларов дом с видом на озеро Вашингтон и закрытым 30-футовым плавательным бассейном. Впоследствии он значительно перестроил его, превратив в настоящее имение, которое обошлось ему в 10 млн долларов. Сейчас оно включает 45 800 кв. футов жилой площади, библиотеку с 14 тыс. книг, обеденный зал на 100 человек, театр, корты, подземный гараж на 20 автомобилей и водоем длиной 350 футов для его скоростных лодок.

Поскольку MS-DOS прочно утвердилась на рынке, Гейтс обратил свое внимание на продвижение собственных прикладных программ. Его идея была очень проста: имя Microsoft уже само по себе должно привлекать покупателей прикладного программного обеспечения.

Весной 1983 г. Microsoft выпустила свою прикладную программу – она стала первым текстовым процессором. Эта программа, названная в дальнейшем MS-Word, получила огромное распространение. Через два года была выпущена в свет

MS-Excel – электронный табличный процессор, и уже в начале 1987 г. на рынке финансовых электронных таблиц ей принадлежало около 90 % сбыта. Вскоре стало известно, что по результатам текущего финансового года Microsoft стала первой среди компаний по разработке программного обеспечения и впервые обогнала лидировавший до этого Lotus. Позднее, в 1991 г., его основатель скажет репортерам: «Революция закончена. Билл Гейтс победил. Нынешняя промышленность программного обеспечения – это Царство мертвых».

Помимо блестящего владения маркетинговыми технологиями, Гейтс обладал гениальным предвидением того, в каком направлении будет развиваться вычислительная техника. Он всегда считал, что компьютеры должны быть дружественнее к потребителям и приносить больше пользы в повседневной жизни людей. Поэтому он поставил перед собой задачу – создать операционную систему с графическим интерфейсом. Данный проект оказался самым трудным и долгим в истории Microsoft и завершился ошеломляющим успехом только благодаря настойчивости его автора.

В ноябре 1983 г. Гейтс официально заявил в Нью-Йорке о Windows, «графическом пользовательском интерфейсе для DOS». Однако, хотя сотрудники Microsoft и вспоминают теперь, что «над Windows мы работали как лошади», работа шла с большими задержками, связанными с организационными проблемами. Гейтс мог бы работать эффективнее, если бы ограничил круг своей деятельности. Во второй половине 1984 г. было принято решение реорганизовать деятельность компании, разделив ее на два основных направления: создание операционных систем и разработку коммерческих прикладных программ.

Задержки с выпуском Windows беспокоили Гейтса все больше и больше. На эту работу было брошено 30 специалистов. Они трудились круглые сутки, добиваясь того, чтобы программа была меньшей по размеру, но обладала большим быстродействием. В целом на создание первой версии Windows, появившейся в ноябре 1985 г., было затрачено 110 тыс. человеко-часов рабочего времени. Названная «Windows», что в переводе означает «Окна», она в прямом и переносном смысле открыла перед пользователями широкие окна в необъятный компьютерный мир, значительно расширив возможности для работы с различной информацией.

В этом же году Гейтс перевел Microsoft в Редмонд (штат Вашингтон). В сосновом лесу был построен целый городок, в котором работали уже более 700 сотрудников фирмы. Каждый из них имел отдельный кабинет и свободный график работы: можно

было прийти в 9 вечера, а уйти в 5 утра, а можно и наоборот. Люди вели себя раскованно, одевались по собственному усмотрению, но под этой кажущейся расслабленностью скрывалась колоссальная работоспособность. Гейтс понимал, что режим работы программистов нуждается в минимальных ограничениях. Он поощрял занятия сотрудников спортом, их различные хобби, поскольку это снимает напряжение от большой умственной нагрузки.

Спустя два года доходы и чистая прибыль Microsoft выросли на 80 %, достигнув 70 млн долларов, что сделало ее одной из крупнейших компаний по разработке программного обеспечения в мире. К 1993 г. в фирме уже работало 5200 служащих, а объем продукции Microsoft приблизился к 3 млрд долларов. В достижении этих высоких результатов огромная заслуга, несомненно, принадлежит самому основателю компании.

Билл Гейтс – настоящий трудоголик. Он по-прежнему работает в среднем по 65 часов в неделю. Возвращаясь домой к 9 вечера, он часто включает свой персональный компьютер и продолжает работать глубоко за полночь. Отпуск для него – роскошь. Он сам говорит, что порой засиживается за работой до 4 часов утра. За первые пять лет работы в Microsoft у Билла было всего лишь два трехдневных отпуска, и лишь потом он стал отдыхать по неделе в год. Однажды он даже позволил себе взять в аренду парусное судно с командой и в течение целых четырех дней путешествовал вокруг берегов Австралии.

Начиная с 1995 г. Гейтс занимает первое место в списке самых богатых людей планеты, публикуемых журналом Forbes. За следующий год акции его фирмы значительно поднялись в цене. Если в 1995 г. его состояние оценивалось в 12,9 млрд долларов, то в 1996 г. уже в 18 млрд.

В связи со столь стремительным ростом благосостояния у Билла появились некоторые личные проблемы. Пропорционально увеличению его банковского счета возрастало внимание к нему со стороны представительниц женского пола. И перспективный холостяк не мог определить, что движет его «поклонницами» – любовь или деньги, а потому он долгие годы откладывал женитьбу на будущее. Гейтс считал, что ему надо еще многое сделать, прежде чем думать о создании семьи. «Вот исполнится 35, тогда и женюсь», – шутил он. Однако женился он позднее намеченного срока.

Его избранница – Мелинда Френч стала компьютерной королевой 1 января 1994 г. В 1996 г. у них родилась дочь Дженнифер Кэтрин, а в 1999 г. – сын Роури Джон.

В последнее время на различных семинарах Гейтс выдвигает

идеи технологической революции, которая, по его мнению, должна привести к кибернетическому обновлению человечества: «Речь идет о коренном изменении способов общения, организации, воспитания, руководства предприятиями». Он обещает сокрушить диктатуру телевидения, которое ныне формирует информационные и культурные стереотипы в сознании многих миллионов людей, а также утверждает, что политика станет «намного более прозрачной».

Однако даже в самых благих намерениях, если они исходят от Билла Гейтса, конкуренты видят только его выгоду. Однажды Гейтс объявил о намерении истратить 200 млн долларов на то, чтобы соединить все библиотеки Америки с помощью сети Интернет. Тут же раздались голоса, что «никакого альтруизма в такой благотворительности нет» и что этот план Гейтса «крайне выгоден его компании, поскольку предполагает использование программного обеспечения Microsoft».

Программа Windows-95 была выпущена более чем в ста странах мира. На ее производство и маркетинг было затрачено около 400 млн долларов, а доходы она принесла миллиардные. Такого блестящего старта новой продукции история мировой торговли еще не знала. В первый же день продажи ее приобрели 25 млн человек. Не останавливаясь на достигнутом, Microsoft идет дальше: Windows-98, Windows-2000, Windows-XP…

Еще в 1991 г. Forbes поместил фотографию Гейтса на обложке и задал вопрос: «Может ли кто-нибудь остановить его?» В этом вопросе содержалось некое пророчество. Вскоре несколько самых рьяных конкурентов, в том числе IBM и Apple, решили объединить свои усилия для того, чтобы сбросить Microsoft с компьютерных рельсов. Но их попытка остановить Билла Гейтса не удалась.

Будущее подстегивает бизнесмена и его специалистов на неустанный поиск новых смелых идей. В 1999 г. в его компании работало уже 32 тыс. человек, а его личное состояние, по данным прессы, достигло 85 млрд долларов. Доминирующее положение Гейтса в своем секторе рынка настолько ярко выражено, что, комментируя его, Forbes писал: «Буквально бичуя своих конкурентов, Microsoft, похоже, вскоре приблизится к монополии в индустрии программных продуктов». Это, естественно, очень многих не устраивает.

Конкуренты выдвинули новое обвинение его компании: нарушение антимонопольного законодательства при создании Интернет-программ. Поэтому с 1999 г. соответствующие службы министерства юстиции США стали вести расследование с целью выяснения, не нарушил ли Microsoft закон, захватив львиную

долю рынка операционных систем. На эти обвинения Билл Гейтс отвечает: «Пусть рынок делает свое дело».

Комиссия по расследованию предложила разрушить монополию и разбить компанию на три независимые части: создание операционных систем, создание приложений и создание программ для Интернет. В деятельность комиссии даже вмешивался президент США Билл Клинтон. В связи с этими событиями фирму постоянно лихорадит, скачут цены на ее акции на фондовом рынке, но, несмотря на это, Гейтс уверен в необратимости процесса всеобщей компьютеризации и своем лидирующем положении в этом процессе.

Дар предвидения Билла Гейтса относительно развития персональных компьютеров стал ключевым фактором успеха Microsoft и индустрии программного обеспечения в целом. Билл активно занимается управлением и принятием стратегических решений в Microsoft и играет важную роль в технической разработке новых продуктов. Значительная часть его времени посвящена встречам с клиентами, а также общению по электронной почте с сотрудниками Microsoft во всем мире. Под руководством Гейтса компания постоянно развивает и совершенствует информационные технологии и программные продукты. Залог успеха Microsoft – стремление сделать работу с компьютером более простой, экономичной и приятной.

Сегодня более 200 млн человек используют программы Microsoft для персональных компьютеров. Но мечта Билла Гейтса состоит в том, чтобы компьютер был на каждом рабочем месте и в каждом доме: «В конечном итоге, компьютер станет окном ко всему, что интересует людей, – и ко всему, что мы должны знать».

«Мне нравится доводить все до предела. Именно при этом часто удается добиться максимальной эффективности», – любит повторять гениальный бизнесмен.

Гутенберг Гензфляйш Иоганн

(род. между 1394–1399 гг. или в 1406 г. – ум. в 1468 г.)

Великий немецкий изобретатель, разработавший технические основы книгопечатания (изобрел печать с наборных литер, инструмент для отливки литер, типографский сплав, сконструировал печатный станок и др.), основатель первой типографии. Ювелир, гравер, резчик по камню.

Одним из самых замечательных людей, когда-либо живших на Земле, можно по праву считать немецкого изобретателя Иоганна Гутенберга. Не так давно в США вышла в свет книга «Тысяча лет – тысяча людей», которая подводит итоги минувшего тысячелетия. Долгие годы ее авторы – два американских журналиста – вели беседы с выдающимися учеными и художниками, и в итоге решили представить список тех людей, кто, по их мнению, больше всех повлиял на развитие человечества как в позитивном, так и в негативном отношении. Возглавляет список из тысячи имен не кто иной, как первопечатник Иоганн Гутенберг! Человек, стоявший у истоков второй (после появления письменности) информационной революции – книгопечатания. Отдельные этапы полиграфического процесса были известны с давних времен, задолго до Гутенберга, но чтобы совершить революцию в мире информации, необходима была рациональная, оптимальная технология. И творцом этой технологии стал гениальный Иоганн Гутенберг.

Город, с которым связаны его первые годы жизни, лежал на

левом берегу Рейна, напротив места, где в него впадает Майн. По этой реке он и был назван – Майнцем. Жизнь города во многом определялась судоходством по Рейну – «главной улице» германских земель, которая вела из Швейцарии в Нидерланды. Здесь княжил курфюрст, здесь покупали и продавали, учили и учились, и не так уж много было городов, где накопилось столько же книг, сколько их было в Майнце. Его жителей считали горячими, вспыльчивыми и легкомысленными, а самый большой праздник христианской Европы с 1184 г. называли «Троицей на Майнце». Здесь, в Майнце, между 1394 и 1406 гг. в семье одного из почтенных горожан и родился будущий изобретатель книгопечатания Иоганн Гутенберг.

К сожалению, не сохранилось ни одного документа, в котором бы была зафиксирована точная дата его появления на свет. Для празднования юбилеев была принята круглая дата – 1400 г. 600-летие со дня рождения Иоганна Гутенберга отмечали в 2000 г. Гипотетически установили даже день его рождения – 24 июня, «Иванов день». В семье Гутенберг существовала давняя традиция называть первенца по отцу, а второго сына – по имени святого, память которого отмечалась церковью в день рождения.

Патрицианский род Гензфляйшей, из которого происходил Иоган Гутенберг, был древним и достаточно влиятельным. Предки первого книгопечатника были по преимуществу торговыми людьми, хотя встречались среди них и рыцари. Отец изобретателя Фриле Гензфляйш цур Ладен был первым в роду, носившим прославленную фамилию «Цум Гутенберг», что означает «Под хорошей горой». В браке с Эльзой Вирих, которая была его второй женой, у него родилось трое детей – дочь и двое сыновей, из которых Иоганн был самым младшим ребенком. Фриле Гензфляйш торговал сукном, а одно время даже исполнял обязанности городского казначея и следил за чеканкой монет. Гутенберги владели усадьбой под названием «Цум Гутенберг». В 1504 г. перед домом «Цум Гутенберг», в котором, вероятнее всего, и появился на свет будущий первооткрыватель книгопечатания, была установлена мемориальная плита. Сейчас, по прошествии веков, после многочисленных войн и пожаров, уже ничто не напоминает о месте рождения одного из величайших изобретателей человечества.

В 1411 г. семья Фриле Гензфляйша была вынуждена покинуть Майнц по политическим мотивам (в городе тогда происходило бурное противостояние патрицианских родов и ремесленных цехов) и обосновалась в Страсбурге.

О детстве и юности Иоганна Гутенберга известно немногое. В школе при монастыре или церковном братстве Страсбурга (или

Майнца) он получил начальные знания. Здесь же Иоганн овладел основами латинского языка. О том, где именно Гутенберг продолжил свое образование, достоверно неизвестно. Но тот факт, что это был чрезвычайно образованный человек, не вызывает сомнений. Одно лишь владение латынью – языком средневековой науки и богословия – говорило об определенной кастовости Гутенберга. Существует гипотеза, что образование он получил в стенах Эрфуртского университета, где изучал «семь свободных искусств» – грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Что же касается прикладных технических навыков, то, вероятнее всего, их Гутенберг приобрел благодаря отцу, который имел непосредственное отношение к монетному производству. Еще в юности будущий первопечатник умел гравировать по металлу и знал основы литейного дела. Все это в совокупности с практической жилкой, которой, бесспорно, Иоганн Гутенберг обладал, пригодилось ему в Страсбурге, где он занялся налаживанием книгопечатания.

Попытки заменить дорогие рукописи на дешевые оттиски предпринимались очень давно. Во II в. в Китае была изобретена бумага, впоследствии заменившая дорогой пергамент. В VII в. в Корее, Китае и Японии тексты начали печатать с деревянных гравированных досок. Позже, в XI в., китайские мастера изготавливали уже отдельные иероглифы из керамики и печатали сразу же довольно много экземпляров текста; в XIII в. в Корее буквенные знаки делались уже из металла. В Европе попытки печатания книг были предприняты значительно позднее – в конце XIV – начале XV в. Первый известный оттиск с деревянной доски датируется 1418 г., а в 1446 г. была выполнена первая печать с медных досок.

В 1444 г. разнесся слух, что в Авиньоне пражский ювелир Прокоп Вальдфогель изобрел «искусство искусственного письма» – вероятно, с помощью набора клейм. Иоганн Гутенберг пошел значительно дальше. Он решил гравировать не целую страницу, с которой можно сделать небольшое количество оттисков, а отдельные буквы. Из этих символов изобретатель предложил складывать слова и строки. Гутенберг первым применил разборный шрифт, хотя некоторые исследователи полагают, что в Европе у него все-таки были предшественники. Металлические буквы-литеры для шрифта отливали из сплава, в котором преобладал свинец. Их помещали в наборную кассу, откуда наборщик брал необходимые литеры и подбирал в особой рамке строку. Ее выкладывали на наборную доску. Набор для страницы обматывали суровой ниткой, чтобы он не разъезжался, и

смазывали типографской краской из сажи и льняного масла (олифы). На набор укладывали помещенный в рамку лист увлажненной бумаги. Просушив лист, на нем делали оттиск текста оборотной стороны. Готовые листы разглаживали под прессом, складывали в кипы, разравнивали и переплетали. Иными словами, Иоганн Гутенберг изобрел и осуществил полный цикл печатного производства, включающий в себя буквоотливной, наборный и печатный процессы: объединил в одно целое систему металлических литер; создал сплав из свинца, цинка и сурьмы, а также оборудование для отливки литер из этого сплава; придумал и изготовил наборную кассу и приспособление для набора строк из литер и столбцов из строк; изобрел типографскую краску, а также тампон для нанесения ее на готовый набор; изготовил пресс-печатную машину, которая позволяла получать прекрасные оттиски книжных страниц. Одно из важнейших изобретений Гуттенберга, заслуживающее особого внимания, – ручной печатный станок. Его конструкция оказалась настолько удачной, что сохранялась без принципиальных конструктивных изменений в течение почти 350 лет. Не так уж много в истории человечества событий, сопоставимых по масштабам воздействия с этим технически несложным изобретением.

Для печати страниц в два столбца с аккуратными ровными полями Иоганн Гутенберг заготовил 290 печатных знаков: 47 заглавных букв, 63 строчных, 92 знака с сокращениями (аббревиатурами), 83 комбинации букв (лигатуры) и пять запятых. Лигатуры (ff, fl, st, 11) экономили много места и позволяли сохранить один кегль (размер шрифта). Мастер имитировал лучшие образцы рукописных шрифтов, сохраняя архитектуру текста, чтобы зрительно страница воспринималась заполненной равномерно. Открытый Гутенбергом способ книгопечатания оставался фактически неизменным до конца XVIII в.

В истории изобретения книгопечатания еще досточно много неясностей. Например, и по сей день не установлена дата гениального изобретения Гутенберга. Одно из старейших известных нам свидетельств об изобретении книгопечатания дает итальянская «Хроника», вышедшая в свет 13 сентября 1483 г.: «Насколько все люди, занимающиеся наукой, должны благодарить немцев, можно сказать, не будучи мудрецом. Ибо Иоганн Гутенберг, рыцарь из Майнца на Рейне, прилежным умом своим в 1440 г. открыл искусство книгопечатания, которое ныне распространилось по всей земле. Это позволяет потомкам читать размноженные во многих томах произведения античных

писателей и покупать эти тома по дешевой цене». На 1440 г. как на время изобретения типографского станка указывают и другие сообщения. Поэтому именно к этой дате восходит традиция празднования юбилеев книгопечатания.

Известно, что уже в 1430-х гг. XV в. Гутенберг пользовался славой искусного и разностороннего мастера. Он занимался шлифовкой драгоценных камней, а также изготовлением зеркал, которые в XV в. делали из тщательно отполированных металлических пластин. Труд этот требовал большого искусства, и занимались им по преимуществу ювелиры, золотых дел мастера, к цеху которых Гутенберг был одно время приписан. В 1438 г. он стал компаньоном Андреа Дритцена и братьев Хейльманов, Андреа и Антония, согласившись обучить их неким «тайным искусствам». Все члены организованного товарищества, включая Гутенберга, вложили в предприятие немалые средства. Каждый из них рассчитывал на быструю и верную прибыль, которая не шла ни в какое сравнение с суммой их затрат. Обеспечить высокий доход должно было «новое, доселе неизвестное дело», техническую суть которого компаньоны держали в строжайшем секрете. Вероятно, речь идет о первых опытах книгопечатания, хотя и у этой гипотезы есть свои противники. По неизвестным для историков причинам смерть одного из компаньонов, Андреа Дритцена, в конце 1438 г. послужила причиной судебной тяжбы, в ходе которой два его брата требовали признать за ними имущественные права покойного. С великим трудом Иоганну Гутенбергу удалось выиграть процесс, и он остался работать в Страсбурге.

В страсбургских судебных актах 1439 г. можно усмотреть элементы типографского дела. Кроме того, сохранились фрагменты некоторых изданий того периода, так называемых донатов (пособий по грамматике), календарей, словарей и индульгенций (свидетельств об отпущении грехов), а также «Сивиллиной книги», которую можно датировать 1440 г. Все эти наборные издания отражали раннюю стадию первого гутенберговского шрифта.

В 1448 г. первопечатник вернулся в родной Майнц, где заключил соглашение об «изготовлении книг» с богатым горожанином Иоганном Фустом, золотых дел мастером, ссудившим ему 800 гульденов под залог некоего аппарата, который Гутенберг обязался для него изготовить. Согласно заключенному договору Фуст становился совладельцем типографии Гутенберга.

Примерно 1452–1455 гг. датируется первая из дошедших до нас целиком книга, напечатанная в Европе – знаменитая 42-

строчная Библия. Всего было напечатано 150–180 экземпляров издания, из которых сохранились лишь 49. Крупноформатная латинская Библия, вышедшая в Майнце, или, как ее еще называют, Библия Мазарини – наиболее известное и поистине замечательное творение ума и рук Иоганна Гутенберга. Исследователи-гутенберговеды, обычно столь разноречивые, в этом случае поразительно единодушны. Все они считают 42-строчную Библию «гутенберговским» шедевром, что в конечном счете определяет отношение человечества к изобретателю. Известный французский писатель Анатоль Франц писал: «Несмотря на то что в наших сведениях о жизни Иоганна Гутенберга много неясного и недостоверного, он остается для нас изобретателем книгопечатания до тех пор, пока не удастся оспорить издание им Мазариниевой Библии, ибо эта Библия является первым памятником сложившегося и сильного искусства…» Кроме Библии в типографии Иоганна Гутенберга печатались и другие издания, в том числе «Турецкий календарь» (1454 г.), призывавший христианский мир откликнуться на события в Константинополе, который в 1453 г. был взят штурмом султаном Мехмедом II. Всего известно более 50 изданий, напечатанных при жизни Гутенберга, которые приписывают его типографскому станку. Точно установить и доказать авторство книгопечатника не представляется возможным из-за отсутствия выходных данных на изданиях. Поэтому исследователи в качестве аргументов используют данные анализа шрифтов, бумаги и др. В некоторых случаях, как это было, к примеру, с 42-строчной Библией, дополнительным доказательством служат судебные документы.

Поздней осенью 1455 г. Фуст начал судебный процесс против Гутенберга, потребовав возврата не только своих капиталовложений, но и процентов. Тяжбу эту он выиграл, и хотя решение суда до нас не дошло, скорее всего, Иоганн Гутенберг был вынужден отдать бывшему партнеру и свой печатный станок, и весь подготовленный к печати набор 42-строчной Библии. Именно этим можно объяснить тот факт, что Библия, часто называемая также Библией Гутенберга, была на самом деле выпущена Иоганном Фустом совместно с Петером Шеффером с наборных досок, которые подготовил Гутенберг. К сожалению, выходных данных эта книга не имеет и потому неизвестно, когда именно она была выпущена. Древнейшей печатной книгой, на которой указаны дата и имена типографов, является роскошная крупноформатная Псалтырь, выпущенная в свет в Майнце Петером Шеффером и Иоганном Фустом 14 августа 1457 г. Имя действительного изобретателя книгопечатания Иоганна

Гутенберга здесь не упоминается. Петер Шеффер – один из первых и, вероятно, любимых учеников Гутенберга, ставший впоследствии одним из крупнейших типографов XV в., – в трудный час предал своего учителя.

Существуют различные, чаще всего исключающие друг друга версии относительно судьбы Иоганна Гутенберга после процесса 1455 г. По мнению одних исследователей, типограф оказался полностью разорен и уже до конца своих дней ничего не печатал. Сторонники традиционной версии о моральном и финансовом крахе Иоганна Гутенберга в качестве доказательства своей правоты приводят тот факт, что ни на одном из первопечатных изданий нет имени изобретателя. Другие исследователи полагают, что изобретатель, потеряв право на тираж 42-строчной Библии, а также на устроенное совместно с Иоганном Фустом предприятие, сумел при этом сохранить сравнительно небольшую собственную мастерскую, где и продолжал работать. Он сохранил свой первый шрифт, которым в 1456–1459 гг. печатал учебники и календари, а приблизительно в 1459–1461 гг. новой отливкой этого шрифта напечатал 36-строчную Библию. Типографская и издательская деятельность Гутенберга в этот период, видимо, не была такой активной, как раньше. Возможно, на ней сказывался возраст, по тем временам вполне солидный: мастеру было уже за шестьдесят. Старшина гильдии Конрад Гумери был одним из немногих, кто помог постаревшему книгопечатнику в это тяжелое для него время. Он не только оказал Гутенбергу духовную поддержку, но и предоставил ему необходимый инструмент для работы, а также сделал все возможное, чтобы книгопечатник смог добиться запрета на использование при его жизни изобретенного им шрифта другими типографами.

Полагают, что Иоганну Гутенбергу его изобретение так и не принесло достатка, хотя конкурирующая типография Фуста и Шеффера успешно развивалась вплоть до захвата Майнца Адольфом II в 1462 г. Последние годы жизни Иоганн Гутенберг провел либо в Майнце, либо в соседнем Эльтви-ле, и в 1465 г. стал придворным печатником курфюрста. В «Книге указов канцелярии майнских курфюрстов» существует запись, сделанная самим курфюрстом Адольфом фон Нассау: «…извещаем всех публично этим письмом, что, принимая во внимание преданную службу, оказанную нам и нашему двору нашим любимым и верным Иоганном Гутенбергом, заботясь о его будущем и желая оказать ему особую милость, мы решили сделать его членом нашей свиты и придворным… мы приказываем… ежегодно предоставлять ему двадцать мальтеров зерна и два фудера вина [около 2000 литров] для его собственных нужд, с условием,

чтобы он не продавал и не дарил это…» Гутенберг был пожизненно освобожден от всех городских повинностей.

История жизни и деятельности великого книгопечатника хранит в себе немало тайн. Недаром один из крупнейших исследователей-гутенберговедов Алоиз Руппель писал о «лабиринте противопоставленных одно другому мнений», в который попадает каждый, кто начинает подробно интересоваться судьбой прославленного мастера. Жизненный путь изобретателя «оброс» таким количеством легенд, что со временем некоторые из них стали восприниматься как реальные факты. К числу многочисленных загадок, связанных с судьбой типографа, принадлежит и вопрос о том, был ли женат Иоганн Гутенберг. По утверждениям некоторых исследователей, в 40-летнем возрасте изобретатель обещал жениться на дочери богатого страсбургского патриция Эннелин цу дер Изерин Тюр (Эннелин Железная Дверь). Но обещания своего книгопечатник не сдержал и якобы был принужден вступить в брак решением епископского суда. Так это или нет, но история с Эннелин оказалась счастливой находкой для беллетристов, которые и по сей день создают пьесы, романы и повести о первом книгопечатнике. Пожалуй, нет ни одного художественного произведения об Иоганне Гутенберге (а число их уже перевалило за сотню), в котором бы не фигурировала знатная патрицианка.

Что касается даты смерти Иоганна Гутенберга, то ее совершенно точно помог установить случай. В 1913 г. архивариус Фердинанд Рот на страницах «Конфессиала», напечатанного около 1475 г., обнаружил следующую запись: «В 1468 г., в день святого Власия[2] умер почтенный мастер Хенне Гинсфляйс милостью Божией». Место нахождения книги, в которой была сделана запись, с 1916 г. неизвестно. Однако Фердинанд Рот успел опубликовать факсимиле записи, сомнений в подлинности которой историки не выражают.

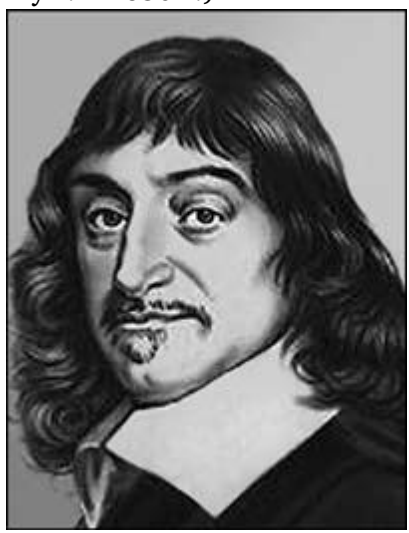
Похоронен изобретатель книгопечатания в церкви Св. Франциска в Майнце. В конце XV в. его родственник, гуманист Адам Гельтус, соорудил над могилой надгробие, которое, к сожалению, не сохранилось.

В течение 350 лет технология и оборудование, изобретенные Иоганном Гутенбергом, были вне конкуренции. В «Кельнской хронике», составленной Иоганном Кельхофом в 1499 г., под датой создания Гутенбергом своей Библии записано: «Год от Рождества Господа нашего, людьми записываемый MCCCCL – золотой год: появилась первая книга, печатным образом деланная, Библия по-латыни крупными буквами наконец-то напечатанная». Изобретение Гутенберга сделало книгу легкой в изготовлении и,

следовательно, доступной и дешевой. По словам академика В.И. Вернадского, до тех пор ученым приходилось предпринимать «необычайные усилия… для того, чтобы получить нужные сведения: далекие, нередко годами длящиеся путешествия, трудные отыскивания людей, имеющих рукописи или рецепты… Человеческая личность не имела никакой возможности предохранить, хотя бы несколько, свою мысль от исчезновения, распространить ее широко – городу и миру – переждать неблагоприятное время и сохранить ее до лучших времен. Вечно и постоянно все создавалось и вновь разрушалось тлетворным влиянием всеразрушающего времени». С появлением книгопечатания все изменилось. Началась своеобразная эпоха просвещения и искусства книжного дела – только за первые 50 лет книгопечатания человечество получило книг больше, чем за сотни лет до этого. Ныне мы не представляем себе жизнь современного общества без книг. Наша цивилизация основывается на печатном слове – детище Иоганна Гутенберга. Третья, информационная революция, современниками которой мы являемся, – закономерный результат многовекового развития книгопечатания, у истоков которого стоит гениальное изобретение мастера из Майнца.

Декарт Рене

(род. в 1596 г. – ум. в 1650 г.)



Французский философ, основоположник современной западной философии, математик, физик и физиолог. Автор ряда научных трудов, среди которых «Рассуждение о методе», «Мир», «Начала философии», «Правила для руководства ума» и др.

Вот уже три с половиной века человечество живет под сенью знаменитого утверждения французского философа Рене Декарта: cogito ergo sum – «мыслю, значит, существую». Эти три коротких латинских слова надолго определили путь «новой философии» – понятия, ставшего границей между античностью и системным научным мышлением средневековья. Оно звучало словно заклинание, замкнувшее философскую мысль на факте субъективного сознания.

В трех простых словах было заложено решение сомневаться во всем до той поры, пока разум не представит нечто определенно доказуемое. Такой взгляд на познание означал свержение любых авторитетов. С Декартом (латинизированное имя Картезий) была завоевана свобода, лишиться которой философия уже не могла.

Будущий знаменитый французский ученый родился 31 марта 1596 г. в городке Лайе (провинция Турень) в знатной дворянской семье. Мать мальчика умерла от болезни легких, когда ему исполнился год. Сам Рене здоровьем также не отличался, был подвержен простудам и часто болел, доставляя родственникам немало огорчений. Когда ему исполнилось десять лет, отец отдал

его в одно из лучших учебных заведений страны – коллегию Л а Флеш, основанную иезуитами с согласия короля Генриха IV. Маленький Декарт, словно опровергая правило, гласящее, что гении учатся плохо, был на редкость старательным, примерным учеником и никогда не стремился к свержению существовавших устоев и норм внутреннего распорядка.

Содержание программы обучения в коллегии было традиционным, «гуманитарным». Весь курс, разделенный на два периода, занимал восемь лет. В течение первых пяти ученики штудировали произведения древних писателей, правила риторики, изучали латынь, которая в те времена была языком европейской науки и международного общения ученых. Следует отметить, что латынью Декарт овладел в совершенстве и считал ее вторым родным языком. Три последних класса являлись «философскими» и включали в себя совокупность как собственно философских, так и научно-конкретных знаний: метафизики, логики, этики, физики и математики. Программа обучения предполагала еженедельные дискуссии, обычно на темы философии и теологии. Через определенные промежутки времени устраивались сложные диспуты, в которых принимали участие как ученики, так и преподаватели. Формулирование тезисов и подбор аргументов для их обоснования или опровержения развивали логические способности учащихся, прививали им навыки аргументации. Как отмечали биографы Декарта, он неизменно выходил победителем из любых споров, проявляя выдающееся искусство в умении обобщать свои умозаключения и выстраивать логические цепочки. Впоследствии оно пригодилось ученому в его научных исканиях.

Не менее увлекало Декарта и изучение математических дисциплин, к которым он проявил большие способности. Будучи от природы вдумчивым и проницательным, Рене обратил внимание на контраст между математикой и другими предметами, изучаемыми в коллегии. В его душе зародилась неудовлетворенность схоластикой. Все это привело к возникновению у Декарта одной из плодотворнейших идей новой математики – идеи аналитической геометрии. Ученый был первым, кто догадался, что число может быть изображено точкой, а геометрические задачи сведены к алгебраическим. Одновременно с этим у него появилось непреодолимое желание организовать все науки на основе эвристического метода, присущего математике. Его суть была достаточно проста. Декарт считал, что необходимо сосредоточиться на несомненном, а от него сделать логический шаг вперед, затем еще и еще шаг – в итоге начнет раскрываться истина.

Впоследствии Декарт высоко оценивал образование, полученное в школе иезуитов, и с неизменным уважением отзывался о своих преподавателях. Тем не менее по окончании коллегии он пришел к выводу, что знаний недостаточно, и в 1615 г. поступил в университет города Пуатье с целью более глубокого изучения права и медицины. Надо сказать, Декарт использовал любую возможность для обучения. Так, в 1629 г., находясь в Голландии, он записался в университет во Франекере как «студент-философ», а в 1630 г. – в Лейденский университет как «студент-математик». Однако, расширяя багаж знаний, Рене не мог получить того духовного развития, к которому стремился. В университетах того времени преобладали схоластические идеи, концепции и теории. Декарт понимал, что их содержание приходит во все более кричащее несоответствие с запросами жизни. Ученый убедился, что следует искать такую науку, которая постигает истину, погружаясь в «великую книгу мира». Вместе с тем он писал, что будет черпать истину и в самом себе. Тем самым Декарт высказал революционную мысль о том, что, хотя духовная мысль общества и невозможна без Священного писания, истина в деле познания природы, как и самого человека, может быть найдена лишь путем их исследования и самостоятельных размышлений.

«Великую книгу мира» Декарт изучал во время многочисленных путешествий по западноевропейским странам – Германии, Италии, Польше, Дании, Чехии. Везде ученый внимательно присматривался к жизни людей, их нравам и обычаям, служил в голландской, баварской и венгерской армиях.

В 1618 г. Декарт приехал в Голландию, где царила наибольшая по тем временам религиозная веротерпимость, атмосфера которой весьма благоприятствовала и развитию научных знаний. Здесь, например, издавались произведения, вписанные в католических странах в папский «Индекс запрещенных книг» (в частности, труды Коперника и Галилея). Совершенно закономерно, что в Голландии находили убежище невольные изгнанники из других стран, немало было здесь и французов.

В это же время Декарт познакомился с Исааком Бекманом, доктором медицины, весьма осведомленным в математике и других естественных науках. Поводом для знакомства послужило совместное решение трудной математической задачи, с которой ученые блестяще справились. В дальнейшем эта встреча переросла в плодотворную для обоих научную дружбу. И уже в конце того же 1618 г. Декарт написал свое первое произведение «Трактат о музыке», который посвятил Бекману.

Последующие десять лет ученый жил в разных местах Германии, Австрии, Богемии и Венгрии, путешествовал по Франции и Италии, побывал в Риме. Эти годы стали временем окончательного формирования его философских и научных взглядов. В немалой степени этому способствовали и связи Декарта с видными учеными того времени. Особую роль сыграла дружба с Мареном Мерсенном (1588–1668 гг.), завязавшаяся в конце 20-х гг. Мерсенн на два года раньше Декарта окончил Ла Флеш и стал монахом францисканского ордена. Вместе с тем он был преподавателем философии и теологии и написал множество трудов как по этим предметам, так и по математике, механике, физике и музыке. В дальнейшем, во время многолетнего пребывания Декарта в Голландии, Мерсенн стал его основным корреспондентом в Париже. Кружок ученых, образовавшихся вокруг него, спустя много лет превратился во Французскую академию наук.

За время путешествий Декарт окончательно убедился в том, что лучшим местом для развития и литературного оформления научных и философских мыслей, а также дальнейших поисков истины является Голландия, куда ученый и переселился осенью 1628 г. Средства позволяли ему многократно менять место проживания: он снимал квартиры и дома в различных городах и селах страны. Поскольку своей семьи у Декарта не было, он с головой ушел в научную работу. Ученый следовал девизу, почерпнутому у Овидия: «Хорошо прожил тот, кто хорошо утаился». Однако несправедливо было бы считать, что Декарта ни разу в жизни не посетила любовь. Хотя женщины и мало тревожили его воображение, уже будучи в зрелом возрасте Рене без памяти влюбился в некую Элен и даже собирался на ней жениться. Но, к сожалению, заключить официальный брак Декарт не смог: его избранница была простолюдинкой и кальвинисткой. Некоторое время они жили вместе, и от этого гражданского брака родилась дочь, к которой Рене очень привязался. К сожалению, девочка умерла еще маленькой, и эта потеря стала большим потрясением для Декарта. Радость жизни теперь означала для него прежде всего радость мысли в поисках истины.

Естественно, Декарт не стал бы великим новатором в области философской науки, если бы не подверг сомнению все, что было достигнуто античными мудрецами. «То, чему учили древние, так незначительно и по большей части так маловероятно, что я не надеюсь приблизиться к истине иначе, как удаляясь от путей, которым они следовали». Декарт и удалялся. Порою так далеко, что переставал быть понятным не только современникам, но и самому себе. В новой философии не было ни одного мыслителя,

который бы не «прошелся» критическим пером по картезианскому наследию. Спиноза, Лейбниц, Вольф, Кант, Шеллинг и другие выдающиеся умы подвергали суждения Декарта беспощадному анализу, указывая на их путаность и противоречия. Особенно доставалось французскому мыслителю за выведение идеи Бога.

Следует заметить, что еще со времен Платона каждый философ стремился по-своему определить неопределимое, ввести собственное понятие о Боге как о важнейшей трансцендентной величине. Декарт подошел к этому вопросу не по-богословски, а по-философски. Сначала он определил материю как протяженность, в которой нет пустот. Бог является первичной причиной движения тел в протяженности. Он же и создатель всей этой материи. Движение также происходит благодаря божественной силе. Таким образом,

Декарт был первым философом, допустившим существование движущегося первоначала, которое затем стало движущей силой материи.

Следующее по важности понятие, рассмотренное ученым, – соотношение души и тела. Душа, по Декарту, оказалась мыслящей, но не материальной. Сама по себе она недоступна материальным воздействиям, лишь при посредстве Бога в душе возникают представления о телесном.

По сути, Декарт ввел в философию идею абсолютной противоположности духа и тела, что затем было названо дуализмом. Как указывали критики, введя также понятие Бога, философ отказался от его познания, видя в нем нечто предполагаемое, но не понятое.

В Голландии Декарт прожил более 20 лет. Здесь были созданы и опубликованы все его основные произведения, среди которых знаменитые «Правила для руководства ума». В течение долгого времени ученый работал над большим конкретно-научным (и вместе с тем философским) трудом, который собирался назвать «Мир». На основе сложившихся у него принципов механики Декарт задумал нарисовать в своем произведении картину всего мироздания. Летом 1633 г., когда работа была почти завершена, Рене узнал о том, что инквизиция наказала Галилея за опубликованное в 1632 г. сочинение «Диалог о двух главнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой». Сдержанный и осторожный по натуре философ отказался от публикации своего произведения, написанного на основе тех же принципов, что и труд Галилея. Хотя конечно же у Декарта была возможность изменить «Мир», подкорректировав ряд принципиальных моментов, он предпочел не грешить против истины и отложил издание сочинения до лучших времен.

Оправившись от потрясения, Декарт продолжил разработку своей методологии, физики, философии. Итогом напряженной работы стало «Рассуждение о методе…», написанное по-французски и опубликованное в 1637 г. Это произведение представляет собой программный документ, в котором автор сформулировал как все основные вопросы своей философии, так и результаты своих естественнонаучных исследований. Труд разделен на несколько глав. В «философском» разделе Декарт высказал свои взгляды на государство и общество. Ученый выразил неприязнь к тем заносчивым, по его мнению, людям, которые видят смысл своей жизни в различных общественных преобразованиях и ниспровержении существующего государственного строя. Философ считал, что намного умнее учиться приспосабливаться к недостаткам государственного организма, чем стремиться его разрушить, ибо эти разрушения угрожают людям огромными бедствиями. Таким образом, ученый подчеркнул необходимость постепенных продуманных государственных преобразований без революций и гражданских войн. Огромное внимание уделял Декарт и положению науки в государстве, подчеркивая ее социальную природу и жизненную необходимость для общества. Он неоднократно высказывал мысль об обязанности правителей финансировать сложные эксперименты, без которых невозможны новые научные открытия (французское правительство в признание заслуг Декарта назначило ему пенсию, хотя ученый так ее и не получил).

В «Рассуждении о методе…» Декарт продолжил ту принципиальную линию, которая выражала едва ли не главное содержание социально-философской мысли гуманистов предшествующих веков: о природном равенстве всех людей, об одинаковости человеческой природы. Декарт не формулировал никаких социально-философских концепций, но он отлично понимал, что прогресс невозможен, если знаниями будут обладать только господствующие классы. Подтверждением сказанному служит тот факт, что некоторые свои произведения ученый писал по-французски, адресуя их широкой аудитории, стоявшей за пределами цеховой учености. Стараясь упростить изложение, Декарт создал тот прозрачный, кристально-ясный слог, которым позже по праву гордились французские писатели. Поиски истин повлекли за собой и стилистические достижения, мысль и стиль оказались неразрывными и в науке.

В «Рассуждении о методе…» Декарт уделяет внимание проблеме языка, подчеркивая, что язык сам по себе не свидетельствует о силе мыслей и человек, выражающийся проще, может формулировать их более тонко и точно, чем блестящий

специалист в области словесных ухищрений. В этом произведении, как и во многих других, философ превозносит здравый смысл – «естественный свет» человеческого ума.

В следующем разделе «Рассуждения о методе…» – «Геометрии» – ученый описал результаты своих исследований в области математики. Следует отметить, что в эпоху Возрождения появились начатки математического естествознания, без которого во времена Декарта наука была бы не способна стать производительной силой. В свою очередь математизация естествознания была бы невозможна без определенного прогресса в самой математике. Такой прогресс, в частности, невозможен без успехов формализации. И именно Декарт сыграл решающую роль в становлении современной алгебры: ввел буквенные символы и нынешние обозначения степеней, обозначил последними буквами латинского алфавита (x, y, z) переменные величины, заложил основы теории уравнения. Понятия числа и величины, ранее существовавшие раздельно, тем самым были объединены. Историческое значение декартовой «Геометрии» состоит также в том, что здесь была открыта связь между величиной и функцией, что преобразовало математику.

Применение алгебраических методов к геометрическим объектам, введение системы прямолинейных координат означало создание аналитической геометрии, объединяющей геометрические и арифметические величины, которые со времен древнегреческой математики существовали раздельно.

В разделе «Диоптрика» изложены результаты исследований Декарта и его наработки, необходимые для формирования столь важной науки, как оптика. Так, независимо от В. Снеллиуса Декарт открыл закон преломления светового луча на границе двух различных сред. Формулировка этого закона позволила усовершенствовать оптические приборы, которые играли огромную роль в астрономии и навигации, а вскоре стали активно применяться и в микроскопии. В главе «Метеоры» Декарт рассмотрел метрологические явления, а в IV части «Рассуждения о методе…» изложил основы своей метафизики (разумеется, в ее традиционном аристотелевском смысле – как учения о наиболее общих принципах бытия и знания). Углубленную их трактовку он дал в специальном сочинении «Размышление о первой философии» (как именовал метафизику сам Аристотель), написанном на латинском языке и изданном в Париже в 1641 г. Второе издание этой работы вышло в Амстердаме в 1642 г., а французский перевод, опубликованный в Париже в 1647 г., назывался «Метафизические размышления». В этом издании к основному тексту были приложены семь «Возражений» на него

(их собрал Мерсенн, разославший рукопись различным философам) и «Ответы» Декарта на возражения. Таким образом, предусмотрительный автор оставил последнее слово в споре за собой.

Философия Декарта проникла во многие университеты Европы и среди их профессоров появились ее убежденные и энергичные последователи. Со временем вся совокупность взглядов философа превратилась в целое направление в науке – картезианство (от Картезия – латинизированного имени Декарта).

Безусловно, у Декарта были и «идейные враги». Рост популярности и влияния картезианства в голландских университетах весьма беспокоил местных церковников, которые подвергали ученого бесконечным нападкам и обвинениям. При всей своей осторожности Декарт не имел возможности уклониться от борьбы и принял вызов. В годы этой полемики он издал в Амстердаме «Начала философии» – систематическое изложение своей философской доктрины, включавшей наряду с методологией и метафизикой все разделы физики – учение о телах, о мире и о земле.

В 1645–1648 гг. Декарт работал над сочинением «Описание человеческого тела. Об образовании животного», которое так и не было опубликовано при жизни автора. В этом труде ученый сделал попытку применить принципы своей физики к объяснению животного и человеческого организмов. Антропологическая проблематика, в ракурсе которой и было проведено исследование телесных качеств и духовных свойств человека, составила содержание трактата «Страсти души», вышедшего в свет в Голландии в конце 1649 г.

Среди последователей Декарта были не только известные ученые и мыслители того времени, но и некоторые богатые и знатные люди. Так, графиня Елизавета Пфальцская, племянница английского короля Якова I Стюарта, о которой сам Г. В. Лейбниц сказал, что она «столь же высока умом, сколь и рождением», стала ближайшей ученицей Декарта и первой насадила семена картезианской философии в Берлине и Гейдельберге.

К сожалению, внимание другой ученой дамы той эпохи, королевы Швеции Христины, оказалось для ученого гибельным. В 1645 г. он по приглашению августейшей особы прибыл в Стокгольм, чтобы основать Шведскую академию наук. Кроме того, Декарт помогал королеве овладевать основами картезианства. На редкость усердная ученица, Христина могла брать уроки только ранним утром. Ежедневно к пяти утра Декарт отправлялся во дворец. Зимы 1645–1650 гг. выдались суровыми, и философ, всю жизнь привыкший подолгу нежиться в постели и находиться в

тепле, простудился. После непродолжительной болезни он скончался от воспаления легких 11 февраля 1650 г.

Наследие Рене Декарта очень велико. У него и сегодня есть чему поучиться. Он был магом теорий и гипотез, философом, избравшим нехоженые дороги, больше похожие на тропинки. Его интуиция была поразительна, а мужество – достойно восхищения. Ибо как может не восхищать человек, однажды сказавший: «Дайте мне материю и движение, и я построю вам из этого Вселенную».

Достоевский Федор Михайлович

(род. в 1821 г. – ум. в 1881 г.)

Самый известный за рубежом русский писатель, творчество которого оказало огромное влияние на развитие мировой литературы.

Несмотря на ту известность, которую Достоевский приобрел в конце своей жизни, поистине непреходящая, всемирная слава пришла к нему после смерти. В частности, даже Фридрих Ницше признавал, что Достоевский единственный, кто сумел ему объяснить, что такое человеческая психология. Федор Михайлович Достоевский был одним из тех русских писателей, которые необыкновенно повлияли на умы не только своих современников, но и потомков. Как писателя его ставят рядом с Н. В. Гоголем, О. де Бальзаком, Ч. Диккенсом, Л. Н. Толстым, а как мыслителя – со всеми лучшими представителями мировой литературы XX в. Не случайно критик Н. Н. Страхов писал ему: «Очевидно, по содержанию, по обилию и разнообразию идей вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с вами однообразен. Этому не противоречит то, что на всем вашем творчестве лежит особенный и резкий колорит».

А жизнь Достоевского при всех поворотах его судьбы можно свести к трем понятиям – долг, обязанность и борьба. Говоря «о резком колорите» писателя, Страхов прежде всего имел в виду особенности его личности – неустойчивую психику, ревностное отношение к своему и чужому творчеству, обидчивость, необычайное самолюбие, резкую смену настроения. Все эти

качества сложились под влиянием многих жизненных обстоятельств, выпавших на долю писателя.

Будущий гений земли русской, Федор Достоевский родился 11 января 1821 г. в Москве. Его отец, Михаил Андреевич, сын сельского священника, еще в юности порвал с семейной традицией и навсегда оставил родительский дом. В Москве он получил медицинское образование, а в 1812 г. во время нашествия Наполеона служил в военных госпиталях, затем определился в Мариинскую больницу для бедных. В 1828 г. штаб-лекарь Достоевский получил право на потомственное дворянство. Мать будущего писателя, Мария Федоровна, происходила из московского купеческого рода Нечаевых, отличалась большой набожностью, с малого возраста познакомила детей с Евангелием и часто возила их на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Она умерла, когда Федору было 16 лет, и ее смерть дети пережили очень тяжело.

О своем детстве Достоевский вспоминал редко. По словам С. Д. Яновского, Федор Михайлович говорил ему «многое о тяжелой и безрадостной обстановке его детства, хотя благоговейно отзывался всегда о матери, о сестрах и брате Михаиле Михайловиче». Отношение Достоевского к отцу, человеку мнительному и болезненно подозрительному, было двойственным: «Он любил его особой страдальческой любовью, но память о нем хранила немало и тягостных отроческих впечатлений».

С 1832 г. братья Достоевские занимались с приходившими на дом учителями, а со следующего года обучались в пансионе Н. И. Драшусова (Сушара), затем в пансионе Л. И. Чермака. Гнетущая атмосфера этих учебных заведений и оторванность от семьи вызывали у Федора болезненную реакцию, хотя и пробудили страсть к чтению.

В 1837 г. отец решил отправить сыновей в Петербург для продолжения образования в Главном инженерном училище, одном из лучших учебных заведений того времени. Поступить удалось только Федору, что подействовало на него угнетающе: он должен был расстаться с любимым братом, самым близким ему человеком. А с товарищами по училищу Достоевский так и не сблизился. Один из его соучеников вспоминал: «Во всем училище не было воспитанника, который бы так мало подходил к военной выправке. Движения его были какие-то угловатые и вместе с тем порывистые. Мундир сидел неловко, а ранец, кивер, ружье – все это на нем казалось какими-то веригами, которые временно он был обязан носить и которые его тяготили. Нравственно он также резко отличался от всех своих – более или менее легкомысленных

– товарищей. Всегда сосредоточенный в себе, он в свободное время постоянно задумчиво ходил взад и вперед где-нибудь в стороне, не видя и не слыша, что происходило вокруг него».

В письме к брату Федор писал: «У меня есть проект: сделаться сумасшедшим… Брат, грустно жить без надежды. Смотрю вперед, и будущее меня ужасает… Я ношусь в какой-то холодной полярной атмосфере, куда не заползал луч солнечный; я давно не испытывал взрывов вдохновения… зато часто бываю в таком настроении, как шильонский узник после смерти братьев в темнице». Личная драма усугублялась и тяжелыми семейными обстоятельствами: в 1839 г. неожиданно скончался Михаил Андреевич (по официальным сведениям, он умер от апоплексического удара, а по семейным преданиям, был убит крепостными), и Федор вместе с Михаилом были взяты под опеку. Известие о смерти отца настолько потрясло 18-летнего юношу, что с ним случился тяжелый эпилептический припадок, первый из тех, которые будут впоследствии преследовать его всю жизнь. (По другим данным, первый приступ эпилепсии у Федора случился еще в 7-летнем возрасте.)

Одиночество, отвращение к будущей профессии и военной муштре привели к тому, что уже в 1814 г., через год после окончания училища, Достоевский «по домашним обстоятельствам» оставил службу в Инженерном департаменте, решив посвятить себя литературе, в основном переводам. Некоторый опыт у него уже был: в этом же году в печати появился его перевод романа Бальзака «Евгения Гранде».

Жизнь между тем складывалась у Федора сложно, прежде всего в материальном отношении. Нельзя сказать, что он был полностью лишен средств к существованию. Вместе с казенным жалованием и помощью опекунов юноша получал до 5 тыс. ассигнациями в год, но в житейском отношении он был крайне непрактичным. Деньги уходили от него с неимоверной быстротой, и почти все его расходы были тратами капризного и прихотливого человека: он любил играть в бильярд, в рулетку, и при этом почти всегда проигрывал. Постоянное безденежье мучило его самого, но справиться с собой он и не хотел, и не умел. После того так Достоевский оставил службу, нищета стала постоянным спутником его жизни.

Перелом в творческой судьбе писателя произошел в мае 1845 г. После нескольких месяцев упорной работы он закончил свое первое художественное произведение – повесть «Бедные люди», которая сразу же вызвала многочисленные восторги критиков и читателей. Успех повести ввел Достоевского в круг известных литераторов, среди которых были В. Г. Белинский, Д.

В. Григорович, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев.

Войдя в кружок Белинского, Достоевский, по его позднейшему признанию, «страстно принял все учение» знаменитого критика, включая его социалистические идеи. В конце 1845 г. на вечере у Белинского он читал главы повести «Двойник», в которой впервые дал глубокий анализ «расколотого сознания», получивший дальнейшее развитие в его великих романах. Повесть, сначала заинтересовавшая критика, в итоге его разочаровала, и вскоре наступило охлаждение в отношениях Достоевского с Белинским, как, впрочем, и со всем его окружением, включая Некрасова и Тургенева, высмеивавших болезненную мнительность Федора Михайловича. Угнетающе действовала на писателя необходимость соглашаться почти на любую литературную поденщину. Он стал «страдать раздражением всей нервной системы», а симптомы эпилепсии проявлялись все чаще и чаще.

Все это побудило молодого писателя отойти от литературного общества и примкнуть в 1847 г. к революционному кружку Петрашевского, объединявшего приверженцев французского утопического социализма – Ш. Фурье и Сен-Симона.

На одном из собраний Достоевский познакомил петрашевцев с распространявшимся нелегально письмом Белинского к Гоголю. Вместе с другими членами кружка, ставившими конечной целью «произвести переворот в России», Федор Михайлович попытался организовать тайную типографию для печатания противоправительственной литературы и прокламаций. В это же время им были написаны и опубликованы «Белые ночи» и «Неточка Незванова», в которых обнаружились черты «реализма Достоевского», выделявшие его из среды писателей «натуральной школы», – углубленный психологизм, исключительность характеров и ситуаций.

В апреле 1849 г. литератор Достоевский был арестован по делу петрашевцев и помещен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. На первом допросе «бунтовщик» заявил: «Я вольнодумец в том же смысле, в котором может быть назван вольнодумцем и каждый человек, который в глубине сердца своего чувствует себя вправе быть гражданином, чувствует себя вправе желать добра своему отечеству, потому что находит в сердце своем и любовь к отечеству, и сознание, что никогда ничем не повредил ему».

А спустя восемь месяцев, 22 декабря 1849 г. в числе других петрашевцев его вывели на Семеновский плац в Петербурге, где

осужденным был зачитан смертный приговор. Лишь после того как первой группе преступников завязали глаза и солдаты вскинули ружья для залпа, было объявлено, что казнь заменяется каторгой с последующей службой в армии рядовыми. Позднее Достоевский вспоминал: «Приговор смертной казни расстрелянием, прочитанный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас… может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих… но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись очищающим мученичеством, за которое нам многое простится!»

В конце января 1850 г. Достоевский был доставлен в Омский острог, где отбыл полный 4-летний срок каторжных работ. Вот что писал Достоевский о своем пребывании на каторге: «Жили мы в куче, все вместе в одной казарме… Нас как сельдей в бочонке… Спали мы на голых нарах, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками… Всю ночь дрогнешь… Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая… И на каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей… Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его».

Годы, проведенные среди уголовных преступников, серьезно повлияли на мировоззрение молодого писателя: «Это было страдание невыразимое, бесконечное… всякая минута тяготела как камень у меня на душе». Пережитые душевные потрясения, тоска и одиночество, «суд над собой», «строгий пересмотр прежней жизни», сложная гамма чувств от отчаяния до веры в скорое осуществление высокого призвания, весь этот душевный опыт острожных лет впоследствии стал биографической основой «Записок из Мертвого дома», трагической исповедальной книги, поразившей современников мужеством и силой духа писателя.

По окончании срока каторжных работ зимой 1854 г., выйдя из острога, Достоевский почти месяц прожил в семье дочери декабриста И. И. Анненкова О. И. Ивановой, а затем был доставлен по этапу в Семипалатинск и зачислен рядовым в 1-ю роту Сибирского 7-го линейного батальона. Той же весной он познакомился с чиновником А. И. Исаевым и его женой Марией Дмитриевной, в которую Достоевский, пожалуй, впервые в жизни по-настоящему влюбился. Это была обоюдная любовь со сценами

ревности, необузданной страстью, ссорами и примирениями. В 1857 г. Федор Михайлович женился на Марии, которая к тому времени уже овдовела.

После смерти Николая I и начала либерального царствования Александра II участь Достоевского, как и многих политических преступников, была смягчена. Ему вернули дворянские права, и в отставку в 1859 г. «по совершенно расстроенному на службе здоровью» он вышел уже в чине подпоручика (10 лет назад у эшафота ему был зачитан рескрипт: «…отставного поручика… в каторжную работу в крепостях на… 4 года, а потом рядовым»).

Семья Достоевских получила разрешение жить сначала в Твери, а затем и в Петербурге. Почти десять лет физических и моральных страданий обострили восприимчивость писателя к человеческим страданиям, усилив напряженные поиски социальной справедливости. Эти годы стали для него годами душевного перелома, краха социалистических иллюзий, нарастания противоречий в его мировоззрении. Он продолжал активно участвовать в общественной жизни России, выступая против революционно-демократической программы Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, отвергая теорию «искусства для искусства», утверждая социальную ценность искусства.

С этого момента происходит как бы второе рождение писателя Достоевского. В 1860-х гг. были написаны «Записки из Мертвого дома», романы «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Игрок», «Идиот». В это же время Федор вместе с братом Михаилом начал издавать журнал «Время», где одновременно был редактором и сотрудником. Журнал пользовался успехом в основном благодаря произведениям Достоевского, однако спустя три года неожиданно был закрыт: «Все шло прекрасно. Мой “Мертвый дом” сделал буквально фурор, и я возобновил свою литературную репутацию. Как вдруг в 1863 году, в мае, журнал был запрещен за одну самую горячую и патриотическую статью, которую ошибочно приняли за самую возмутительную…»

Это был период, когда Достоевский ездил за границу со своей возлюбленной Аполлинарией Сусловой (жестокий роман с которой, при еще живой жене, длился 3 года), постоянно и безуспешно играл в рулетку, надеясь раздобыть денег. В это время он открыл для себя Запад и одновременно возненавидел его. К неприятностям с журналом прибавились и трагические события в личной жизни. В апреле 1864 г. Федор Михайлович похоронил жену Марию Дмитриевну, которая умерла от чахотки. Как писал Достоевский своему другу Врангелю, «она любила меня беспредельно, я ее любил без меры, но мы не жили счастливо».

Через три месяца скончался самый близкий человек – брат Михаил. Смерть брата повлекла за собой новые заботы. Покойный оставил огромные долги, которые Федор Михайлович вынужден был взять на себя и которые тяготели над ним почти до конца жизни. Находясь в тяжелом материальном положении, Достоевский пишет главы «Преступления и наказания», посылая их прямо в журнальный набор, и они печатаются из номера в номер. В это же время по договору с книгоиздателем Ф. Т. Стелловским он обязан был написать новый роман, на что у него попросту не хватало физических сил.

Так в октябре 1866 г. Федор Михайлович оказался в критическом положении: он должен был представить новый роман к 1 ноября, в противном случае издатель имел право перепечатывать все его произведения без всякого вознаграждения. Достоевский воспользовался советом друзей и, чтобы ускорить работу, пригласил молодую стенографистку, которой в течение месяца продиктовал роман «Игрок». Стенографистку звали Анна Григорьевна Сниткина, в феврале 1867 г. она стала второй женой писателя и верной его помощницей.

Впервые в жизни Достоевскому действительно по-настоящему повезло. Эта женщина постепенно обустроила ему нормальный быт, взяла на свои плечи все экономические заботы, и с тех пор он навсегда забросил рулетку. После свадьбы Достоевские четыре года провели за границей, преимущественно в Германии и Швейцарии. Это были годы постоянной нужды и скитаний. Единственной радостью было рождение детей – Сони и Любы. Однако и здесь не обошлось без трагедии: Сонечка умерла в трехмесячном возрасте.

Лишь в июле 1871 г., после частичной уплаты долгов кредиторам, Достоевские смогли вернуться в Россию. Тогда же в семье родился сын, которого назвали Федором. Здесь, в Петербурге, Федор Михайлович закончил роман «Бесы», начатый еще за границей, а в 1873 г. вернулся к журнальной деятельности – стал редактировать журнал «Гражданин». В нем он регулярно печатал «Дневник писателя», которому отдал в последние годы много сил, превратив его в отчет о впечатлениях от важнейших явлений общественной и политической жизни и изложив на его страницах свои гражданские, религиозные и эстетические убеждения.

В 1874 г. он отказался от редактирования журнала из-за очередных столкновений с издателем и ухудшения здоровья (три года подряд он ездил лечиться в Эмс), но в конце 1875 г. возобновил работу над «Дневником», побудившим многих людей вступить в переписку с его автором. В обществе Достоевский

приобрел высокий нравственный авторитет, воспринимался как проповедник и учитель, а его «Дневник» пользовался огромным успехом у читающей публики. С восторгом был принят и последний его роман «Братья Карамазовы».

Романы зрелого Достоевского представляют собой целое мироздание, пронизанное катастрофическим мироощущением его творца. Обитатели этого мира, люди «расколотого сознания», теоретики, «придавленные» идеей и оторванные от «почвы», при всей их неотделимости от российского пространства с течением времени, в особенности в XX в., стали восприниматься как символы кризисного состояния мировой цивилизации.

Апогея своей славы писатель достиг после выступления на Пушкинском празднике в 1880 г. со своей знаменитой речью, которая была названа И. Аксаковым «гениальной, историческим событием». Общество любителей российской словесности единогласно избрало Достоевского своим почетным членом и увенчало его огромным лавровым венком (ночью писатель приехал к памятнику Пушкину и положил этот венок к его подножию). Ни одно произведение Достоевского при жизни автора не вызывало такого количества откликов, как эта речь. Она породила лавину комментариев, оценок, возражений и опровержений, которые на протяжении нескольких месяцев буквально захлестывали русскую прессу.

За два года до этого события Достоевский пережил еще одно страшное горе. Внезапно умер от приступа эпилепсии трехмесячный сын Алеша. «Он как-то особенно любил Алешу, почти болезненной любовью, точно предчувствуя, что скоро лишится его, – вспоминала позже жена писателя Анна Григорьевна. – Федор Михайлович был спокоен и мужественно выносил разразившийся над ним удар судьбы, но я сильно опасалась, что это сдерживание своей глубокой горести фатально отразится на его и без того пошатнувшемся здоровье».

Действительно, здоровье писателя внушало серьезные опасения его родным. Последние восемь лет жизни он страдал хроническим катаром верхних дыхательных путей. Его организм ослабляли и регулярно повторяющиеся эпилептические припадки, доставлявшие немало физических и душевных страданий. В ночь с 25 на 26 января 1881 г. у Достоевского произошел разрыв легочной артерии, после чего он потерял сознание. Когда Федор Михайлович пришел в себя, то первым его желанием было исповедоваться и причаститься, что и было исполнено.

В последний вечер перед смертью писатель попросил жену зажечь свечу и принести Евангелие. Наудачу открыл его. На на сей раз это было Евангелие от Матфея: «Иисус же сказал ему в

ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнять великую правду». «Ты слышишь, – “не удерживай”, – значит, я умру», – сказал Достоевский и закрыл книгу. 9 февраля в 20 часов 38 минут писателя не стало.

Один из его друзей впоследствии писал: «На вынос тела Достоевского стеклись десятки тысяч народа: его провожали с венками представители разных корпораций, ученых и учебных заведений, депутаты от городских обществ обеих столиц… Его хоронили не родные, не друзья – его хоронило русское общество. Все эти овации не были придуманы каким-нибудь кружком, а сложились под влиянием одного общего чувства утраты, с одной общей мыслью почтить память любимого писателя и гражданина».

1 февраля 1881 г. состоялось погребение Достоевского на кладбище Александре-Невской лавры. На его могиле с речами выступили Вл. Соловьев, А. И. Пальм, А. Н. Майков, О. Ф. Миллер и др. В своем выступлении Соловьев сказал, что Достоевский любил «прежде всего живую человеческую душу во всем и везде… верил в бесконечную божественную силу человеческой души, торжествующую над всяким насилием и над всяким внутренним падением… И мы, собравшиеся на могиле, чем лучшим можем выразить свою любовь к нему, чем лучшим помянуть его, как если согласимся и провозгласим, что любовь Достоевского есть наша любовь и вера Достоевского – наша вера. Соединенные любовью к нему, постараемся, чтобы такая любовь соединила нас друг с другом. Тогда только воздадим мы достойно духовному вождю русского народа за его великие труды и великие страдания».

Современники отмечали, что таких похорон Россия еще не знала. Тысячи людей собирались в огромные манифестации, чтобы проводить в последний путь писателя, чей дар уже давно воспринимался как пророческий. А две истины – «Страдание рождает любовь и веру» и «Красота спасет мир», выведенные писателем и выстраданные всей его нелегкой жизнью, – вписаны отныне золотыми буквами в историю творческой мысли всего человечества.

Кант Иммануил

(род. в 1724 г. – ум. в 1804 г.)

Немецкий мыслитель XVIII в., родоначальник немецкой классической философии, примиривший эмпиризм и рационализм, разграничивший области знания и веры. Профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской Академии наук. Автор космогонической гипотезы происхождения солнечной системы из первоначальной туманности, провозгласивший: «Дайте мне материю, и я построю из нее мир».

У Канта нет иной биографии, чем история его учения, ведь жизнь философа – это написанные им книги, а самые волнующие события в ней – его мысли. Почти весь свой век Иммануил Кант прожил в одном городе – Кенигсберге и никогда не покидал пределов Восточной Пруссии. Он не искал славы, не добивался власти, не знал ни деловых, ни любовных треволнений. Он даже не был женат. Его внешняя жизнь текла размеренно и однообразно, может быть, даже монотоннее, чем у людей такого рода занятий. Чего не скажешь о жизни внутренней, о жизни его духа. Здесь происходили удивительные свершения. Рождались дерзновенные идеи, крепли, вступали в единоборство с другими, гибли или мужали в борьбе. Мысль ученого скиталась по континентам, то устремляясь за пределы Земли, то проникая в глубь человеческой души.

Иммануил Кант в жизни и творчестве являет собой редкий пример счастливого человека. Обладая абсолютной свободой духа, он подчинил свое физическое существование одной цели,

одному идеалу – поискам бессмертной истины бытия. Да и разве мог считать себя несчастливым, мог ли пожаловаться на какие-то немилости судьбы мыслитель, вдохновенно открывший чудо небесного и земного мира: «Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и нравственный закон в человеке».

Почти все направления современной философии так или иначе восходят к Канту. Несмотря на то что его идеи подверглись трансформации, они продолжают жить и сегодня. Знакомство с учением Канта – хорошее начало для изучения философии вообще. Он приучает мыслить самостоятельно. Хотя читать его трудно, а понимать – еще труднее. Но понятая мысль радует и возвышает. Игра стоит свеч, затраченное интеллектуальное усилие вознаграждается сторицей. У иного автора «разденешь» фразу, освободишь от словесных хитросплетений, и перед тобой банальность, а то и вообще ничего нет. У Канта же трудность изложения всегда связана со сложностью проблемы, с тем, что ему первому пришлось к этой проблеме прикоснуться. А о простых вещах он говорит просто, порой блистательно…

Родился будущий философ 22 апреля 1724 г. в большой семье кенигсбергского шорника Иоганна Георга Канта. По старому прусскому календарю в этот день почитали святого Иммануила, и мальчика нарекли этим библейским именем, означающим «с нами Бог». Всю жизнь Кант считал, что его предки были родом из Шотландии, и очень гордился этим. Но недавно дотошные историки выяснили, что его прадед Рихарде Канте был выходцем из-под Приекуле в маленькой Латвии и, судя по документам, даже не владел немецким языком. А вот две его дочери действительно были замужем за шотландцами. Отсюда и пошло предание. Сын Рихардса перебрался в Мемель (Клайпеду), а его внук, отец философа, – в Кенигсберг (ныне Калининград), где женился на нюрнбергской девушке Анне Регине. Вот так постепенно онемечился славный род Кантсов, и в философе за всю его долгую жизнь ни разу не заговорила латышская кровь.

Детство Иммануила прошло на окраине Кенигсберга среди мелких торговцев и ремесленного люда. Мальчика воспитывали в обстановке уважения к труду, честности и пуританской строгости. Мать как могла старалась укрепить слабое здоровье сына, не забывая при этом и об образовании, и о правилах нравственного поведения.

В 1730 г. шестилетний Кант поступил в начальную школу, а спустя два года его отдали в государственную церковную гимназию – «коллегию Фридриха», на латинское отделение.

Основными предметами там были латынь и богословие, обязательно было также изучение греческого и древнееврейского языков, проводились факультативные занятия по математике, музыке, изучались французский и польский языки. Благодаря природным способностям и прилежанию Иммануил считался одним из лучших учеников коллегии.

Родители Канта и пастор Франц Альберт Шульц, исполняющий обязанности директора гимназии, хотели, чтоб мальчик стал священником. Но под влиянием преподавателя латинского языка Генденрейха Иммануил увлекся античной поэзией и филологией и осенью 1740 г. поступил в Кенигсбергский университет.

До сих пор точно неизвестно, на каком факультете он учился, так как в сохранившихся списках студентов на это нет указаний. В университете существовало четыре факультета, три из них – богословский, медицинский и юридический – относились к «высшим», а философский – к «низшим». Согласно приказу Фридриха Вильгельма I студенты могли числиться только на одном из высших факультетов, так как «солдатскому королю» нужны были прежде всего грамотные служащие, к философии же он относился достаточно скептически. Первые биографы Канта полагали, что он выбрал теологию, однако, проанализировав перечень предметов, которым будущий ученый уделял наибольшее внимание, можно сделать вывод, что он, вероятнее всего, учился на медицинском факультете.

Гимназическое увлечение филологией сменилось интересом к физике и философии. Сильное влияние на становление Канта в этот период оказал профессор Мартин Кнутцен. От него молодой человек впервые услышал имя Ньютона и под его руководством на четвертом году обучения принялся за первое самостоятельное сочинение по физике.

Работу «Мысли об истинной оценке живых сил» Иммануил писал три года. И хотя это сочинение не принесло ему известности и уступает по масштабу более поздним трудам, в нем уже проявилась характерная черта всей философской доктрины Канта – стремление к истине со склонностью к разумным компромиссам в случае, если имеются две крайние точки зрения.

В 1747 г., так и не защитив магистерской диссертации, студент покинул родной город и отправился на заработки. В провинции он служил домашним учителем последовательно в трех семьях: деревенского пастора, богатого помещика и графа. Здесь, в прусском захолустье, Кант приобрел педагогические навыки, прошел школу житейского опыта.

К этому периоду относится его статья по астрономии

«Космогония, или Попытка объяснить происхождение мироздания, образование небесных тел и причины их движения общими законами развития материи в соответствии с теорией Ньютона». Работа была написана на конкурсную тему, предложенную Прусской академией наук, но молодой ученый не решился принять участие в конкурсе, и она увидела свет только в 1754 г. после возвращения Канта в Кенигсберг. Несколько позднее Иммануил опубликовал вторую статью, посвященную тем же вопросам космогонии, – «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения». Эти две работы стали своего рода прелюдией к космогоническому трактату «Всеобщая естественная история и теория неба, или Попытка истолковать строение и механистическое происхождение всего мироздания, исходя из принципов Ньютона». Трактат вышел анонимно в 1755 г., и вскоре в одном из гамбургских изданий на него появилась положительная рецензия.

В это время Кант, уже имея некоторую известность в ученых кругах Пруссии, все еще числился студентом, прослушавшим курс лекций в высшем учебном заведении, но не завершившим должным образом свое образование. За годы работы домашним учителем он скопил небольшую сумму, необходимую для начала академической карьеры. В апреле 1755 г. Кант подал на философский факультет Кенигсбергского университета магистерскую диссертацию «Об огне», через месяц сдал устный экзамен, и 12 июня был возведен в ученую степень. Но для того чтобы получить право читать лекции, молодому философу предстояло пройти защиту специальной диссертации в публичном диспуте. Эта работа Канта называлась «Новое освещение первых принципов метафизического познания». Защитив ее, он получил звание приват-доцента, т. е. внештатного преподавателя, труд которого оплачивался самими студентами. В первую свою университетскую зиму Иммануил читал логику, математику, метафизику, естествознание. Затем к ним прибавились физическая география, этика и механика. Преподавание поглощало все время и силы философа, но безбедное существование теперь было обеспечено.

Значительное влияние на жизнь и творчество Канта оказала война Пруссии с Францией, Австрией и Россией. В этой войне пруссаки потерпели поражение, и Кенигсберг на некоторое время стал русской территорией. В январе 1758 г. город присягнул на верность императрице Елизавете Петровне, вместе с преподавателями университета принес присягу и Иммануил. Война практически не затронула мирное население, и учебный процесс в университете не прерывался. Просто к обычным

лекциям прибавились еще и занятия с русскими офицерами. Известно, что Кант читал для них фортификацию и пиротехнику. Некоторые биографы философа склонны считать, что его слушателями в то время могли быть такие известные в российской истории лица, как будущий екатерининский вельможа Г. Орлов и генералиссимус А. Суворов, тогда подполковник.

В декабре 1758 г. умер профессор философии Кенигсбергского университета Кипке. На освободившееся место претендовали пять человек. Среди них был и Кант, выставивший свою кандидатуру по настоянию его давнего покровителя – пастора Шульца, который стал к тому времени профессором богословия и ректором университета. Из пяти кандидатов академический совет выбрал двух – математика Бука и Канта. Однако окончательно вопрос о вакансии был решен не в пользу философа. Оплачиваемое место получил Бук, который был старше по возрасту и имел больший преподавательский опыт. Весьма вероятно, что на выбор совета повлияло и другое обстоятельство. Некий Андрей Болотов, занимавший в то время ответственное положение в губернской канцелярии, проявлял живой интерес к философии и был ревностным сторонником учения Крузия. Кант же слыл явным антикрузианцем. Вполне вероятно, что Болотов, имевший возможность повлиять на решение данного вопроса, предпочел передать кафедру философии равнодушному к острым мировоззренческим проблемам математику.

1762 г. стал переломным для философа. Принято считать, что важнейшую роль в новых исканиях Канта, которые в дальнейшем привели к созданию его критической философии, сыграло знакомство с творчеством Жан Жака Руссо. Французский мыслитель стал для Иммануила, по его собственному признанию, «вторым Ньютоном». Помимо Руссо, Кант впоследствии называл еще и Д. Юма в качестве мыслителя, который «помог ему пробудиться от догматического сна». Руссо повлиял на Канта как человека и моралиста, Юм подтолкнул его к новым теоретико-познавательным поискам, пересмотру метафизических догм, формированию новой теории познания.

В 1764 г. Канту исполнилось сорок лет. К этому времени он уже приобрел известность, уважение коллег и студентов. Хорошо расходились и его книги, а недавно написанные «Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного» принесли ему славу модного автора. Но Иммануил все еще оставался приват-доцентом, не получая от университета ни гроша. Пополнять бюджет приходилось, подрабатывая помощником библиотекаря в

королевском дворце, а также находя другие небольшие заработки. С годами его имя становилось все более известным, у него появилась возможность получить место в других университетах (Эрлангенском и Йенском), и только родной Кенигсбергский университет по-прежнему отказывал Канту в профессуре.

В Берлине понимали неестественность подобной ситуации, и наконец в марте 1770 г. сбылась главная мечта ученого: специальным указом короля он был назначен ординарным профессором логики и метафизики. В этом звании Кант оставался даже тогда, когда его работы принесли ему всемирную славу, а Кенигсберг стал Меккой для студентов-философов. Чтобы изменить свое положение, ученому необходимо было защитить профессорскую диссертацию.

Новая работа называлась «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира». После защиты этой диссертации Кант уже почти ничего не печатал, посвящая все свободное время книге «Критика чистого разума». Этот фундаментальный труд вышел в 1781 г. и стал вершиной не только немецкой, но и мировой философии.

Согласно теории Канта, ни один из источников познания – чувственность, рассудок и разум – не может быть свидетельством достоверного знания вещей. Рассудочные понятия, или категории, не применимы к сверхчувственным вещам. А если это так, то их «невозможно не только познать, но и помыслить». Так возникла «вещь в себе», недоступная нашему познанию.

Как же в таком случае все-таки воспринимается вещь? А суть в том, объяснял Кант, что между «вещью в себе» и разумом стоит понятие об этой вещи или явление. Оно-то и помогает связать воедино представления человека о мире. Знание ограничено, но зато имеется вера. Вещь непознаваема, но есть ее явление. Отсюда следовали далеко идущие выводы: человек одновременно и свободен (как субъект непознаваемого мира), и несвободен (как существо в мире явлений, от них зависящее). Бог недоказуем (для знания) и в то же время существует (как источник морального закона). Так великий диалектик создавал свою «философскую вселенную» со своими же законами. И с тех пор никто из философов не мог обойти эти законы, вне зависимости от того, соглашался ли он с ними или отрицал их.

Весной 1784 г. Кант отметил свое 60-летие, которое застало его в расцвете духовных сил. Одна за другой появлялись книги, статьи, рецензии. К ученому наконец-то пришла настоящая слава. Что касается личной жизни философа, то она протекала крайне однообразно. Долгие годы он наслаждался общением с близкими ему по духу людьми, встречавшимися в доме английского

коммерсанта Мотерби, однако при этом всегда следовал собственному строгому распорядку. В своих заметках о Канте немецкий поэт Генрих Гейне отмечал: «Он жил механически размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной улочке Кенигсберга… Не думаю, чтобы большие часы на тамошнем соборе бесстрастнее и равномернее исполняли свои ежедневные внешние обязанности, чем их земляк Иммануил Кант. Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние – все совершалось в определенный час, и соседи знали совершенно точно, что на часах половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке с камышовой тросточкой в руке выходил из дому и направлялся к маленькой липовой аллее, которая в память о нем до сих пор называется философской дорожкой».

Великий философ был человеком небольшого роста и тщедушного телосложения. Старый холостяк, определявший брак как «контракт о взаимной передаче в пользование соответственных частей тела», он так и не женился. Когда Канта спросили, какие женщины, по его мнению, склонны к большей верности – блондинки или брюнетки, он не задумываясь ответил: «Седые». И все же друзья философа отмечали, что он умел не только работать, но и развлекаться, отдыхать, сочетая глубокомысленную ученость со светским лоском. Иммануил вовсе не был затворником, отшельником, человеком «не от мира сего». По природе он был общителен, по воспитанию и образу жизни – галантен.

В 1787 г. «Критика чистого разума» была издана повторно. Тем временем Кант был избран ректором университета, а Берлинская академия наук пожизненно включила его в число своих членов. В эти годы философ уже не мог пожаловаться на невнимание к своему труду. Однако его идеи, как и прежде, далеко не всегда понимали. Одна за другой появлялись уже не статьи, а целые книги, направленные против него. Его обвиняли в скептицизме и субъективном идеализме. Сам Кант лишь в редких случаях отвечал оппонентам, тем более что перед ним открылась перспектива изучения этики – предмета, вокруг которого давно спорили великие философы и к которому он сам стремился много лет. В этой области заслуги Канта не менее велики, чем в гносеологии.

Первое систематическое изложение этики Кант предпринял в книге «Основы метафизики нравов», которая увидела свет в 1785 г. В ней он стремился показать единство нравственности и науки. Спустя три года вышла «Критика практического разума». В этих двух работах были изложены лишь начала кантовского

учения о нравственности. Только в преклонном возрасте философу удалось создать труд, где его этика предстала в завершенном виде, – «Метафизику нравов». Ученый утверждал принципиальную самостоятельность нравственных принципов: «добро есть добро, даже если никто не добр». Философский анализ нравственных понятий свидетельствовал о том, что они не выводятся из опыта, они изначально заложены в разуме человека.

В апреле 1794 г. Канту исполнилось семьдесят. Юбилейных торжеств не было, поскольку в этот период философ вступил на путь конфронтации с прусскими властями. Причиной послужило написание ряда статей, в которых автор иронизировал по поводу догматов церкви. Новый король Фридрих Вильгельм II не терпел вольнодумства. Прежний девиз «Рассуждайте, но повинуйтесь» уступил место более привычному – «Повинуйтесь, не рассуждая». Тем не менее накануне своего юбилея Кант опубликовал статью «Конец всего сущего», которая стала последней каплей, переполнившей чашу терпения властей. Поползли слухи о готовящейся расправе над философом. Несмотря на это, летом того же года Российская академия наук избрала его своим членом.

Рекомендовал Канта географ И. И. Георги, превозносивший не только «Критику чистого разума», но и «Физическую географию», тогда еще не опубликованную и известную лишь как лекционный курс. Вполне возможно, что философ получил одобрительные слова из Петербурга одновременно с окриком, последовавшим из Берлина. Прусское правительство долго ломало голову над тем, как наказать всемирно известного ученого и не угодить при этом в глупое положение. Наконец форма взыскания была найдена: в октябре 1794 г. Кант получил выговор от короля, но никто об этом не узнал, так как королевский указ не был обнародован, а пришел как частное письмо. Отказываться от своих взглядов было не в правилах Канта, оказывать сопротивление – было ему не по силам. На случайно подвернувшемся клочке бумаги он сформулировал единственно возможную тактику своего поведения: «Отречение от внутреннего убеждения низко, но молчание в случае, подобном настоящему, является долгом подданного; если все, что говоришь, должно быть истинным, то не обязательно гласно высказывать всю истину». К этому времени относится и знаменитое высказывание философа: «Дольше всего живут тогда, когда меньше всего заботятся о продлении жизни».

Достигнув 75-летнего возраста, он почувствовал упадок сил, значительно сократил количество лекций, последнюю из которых прочитал 23 июня 1796 г. В ноябре 1801 г. Кант окончательно

расстался с университетом. Его проводили на покой, полностью сохранив жалование. С этого момента ученый почти не выходил на улицу и не принимал посетителей. Вскоре ему стало трудно ходить без посторонней помощи. В октябре 1803 г. состояние философа резко ухудшилось, он практически полностью потерял слух. В начале февраля следующего года он перестал принимать пищу и 12 февраля умер.

Еще в 1799 г. Кант распорядился относительно собственных похорон. Просил, чтобы состоялись они на третий день после кончины и были по возможности скромными: «Пусть присутствуют только близкие и друзья, а тело предадут земле на обычном кладбище». Получилось иначе. С гениальным мыслителем прощался весь город. Доступ к покойному продолжался 16 дней; за гробом, который несли 24 студента, шел строем весь офицерский корпус гарнизона и тысячи сограждан. Похоронили Канта в профессорском склепе, примыкавшем к кафедральному собору Кенигсберга с северной стороны.

Иммануил Кант традиционно считается «родоначальником немецкой классической философии». Его труды положили начало знаменательной традиции в европейском духовном развитии, суть которой состоит в том, что каждый дальнейший шаг вперед рассматривается как переосмысление накопленного теоретического богатства, которое бережно хранится, но не превращается в предмет безоговорочного поклонения.

Канта принято сравнивать с Сократом, ибо философия его человечна. Эллинский мудрец впервые низвел философию с небес, утвердил на земле, отвлекся от космоса и занялся человеком. Для Канта также проблема человека всегда стояла на первом месте. Он не забывал и о Вселенной, но главное для него было – человек. Немецкий философ размышлял о законах бытия и сознания с одной только целью: «чтобы человек стал человечнее», чтобы жилось ему лучше, чтобы не лилась его кровь. Девиз Канта «Если ты не повелеваешь своей натурой, она повелевает тобой!» остается актуальным для всех поколений.

Конфуций (Кун-Цзы)

Настоящее имя – Кун Цю, литературный псевдоним – Чжун Ни (род. в 551 г. до н. э. – ум. в 479 г. до н. э.)

Древнекитайский философ, политолог, великий учитель, политический деятель, один из величайших умов Восточной Азии. Основоположник философского учения – конфуцианства, ставшего впоследствии религией целого государства. Автор книг «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), «Книга песен», «Книга перемен».

У каждого народа есть свой «золотой век» – период истории, которым гордятся все последующие поколения. В Египте это царствование первых Рамзесов, у шумеров – время героя Гильгамеша, в Вавилонии – царство Навуходоносора, а в Древней Греции – века расцвета афинского государства. В Китае «золотой век» принадлежит эпохе царства Чжоу (1027—256 гг. до н. э.). По представлению древних китайцев, это было время всеобщего благоденствия, порядка, справедливости, развития наук и культуры. Так, во всяком случае, виделось мудрецам VI–V вв. до н. э., т. е. того самого времени, когда жил и творил Конфуций, основатель классического китайского учения – конфуцианства.

Конфуцианство стало более чем просто философское течение. Это также и политика, и административная система, и главный регулятор экономических и социальных процессов – это основа всего китайского образа жизни, «квинтэссенция китайской цивилизации». В течение двух с лишним тысяч лет конфуцианство влияло на умы, чувства и уклад жизни китайцев, формировало их убеждения, психологию, поведение и мышление.

По заповедям китайского философа многие столетия живут обитатели Японии, Кореи, Вьетнама, а величайшим Учителем человечества его считали уже в средневековой Европе. Этическое учение Конфуция определило основы всего китайского менталитета, став главным фактором поразительной живучести китайской цивилизации.

Конфуций принадлежал к старинному аристократическому роду, начало которому было положено династией Инь (Шан), правившей в Китае до XI в. до н. э. Считается, что его дальним предком был сунский правитель по имени Кун, который претерпел немало жизненных испытаний и погиб в результате дворцовых интриг. Спасшиеся члены его клана бежали в царство Лу (современная провинция Шаньдун в Восточном Китае), где и родился мальчик, вошедший в историю как Кун Фу-цзы, что означало «Учитель Кун». На Западе это имя приобрело латинизированное звучание Конфуций и с тех пор стало общеупотребительным.

Отец Конфуция, Шу Лянхэ, был храбрым солдатом, ставшим позже комендантом крепости Цзоу. Легенда изображает его человеком огромного роста и необычайной силы, славным в боях и неутомимым в службе. К концу жизни у него было аж восемь дочерей, что делало его очень несчастным. Китайцы очень трепетно относятся к наследникам, и до сих пор случается, что в отдаленных деревнях новорожденных девочек потихоньку топят в колодцах, дабы высвободить «квоту» на мальчика. На восьмом десятке лет Шу Лянхэ нужен был достойный продолжатель древнего аристократического рода.

Девятым ребенком военачальника оказался долгожданный сын, но он был очень слаб от рождения, имел увечную ногу, и отец не решался оставить его своим наследником. Поэтому когда его новая (третья) жена забеременела, Шу Лянхэ поспешил совершить богослужение в священном глиняном гроте. В этом же гроте 28 сентября 551 г. до н. э. и родился будущий основатель одного из самых многочисленных философских течений. Счастливый отец назвал его Цю (в переводе с китайского – «холм») и дал прозвище Чжун Ни (Чжун – второй из братьев, Ни – глина). Ребенок унаследовал родовое имя Кун и был известен позднее как Кун Цю или Чжун Ни. Когда мальчику было чуть больше двух лет, скончался отец. Старшие жены Шу Лянхэ ненавидели молодую мать наследника и не скрывали этого, поэтому ей вместе с сыном пришлось вернуться в свой родной город.

Однако родители не согласились принять ее в дом, который она опозорила, выйдя замуж раньше двух старших сестер да еще

за человека намного старше ее. Мать с маленьким сыном была вынуждена поселиться отдельно от всех.

О детстве Цю документальных свидетельств почти не сохранилось. Из-за бедственного положения семьи ему «приходилось заниматься многими презираемыми делами», а потребность в учебе он удовлетворял главным образом путем самообразования. Так мальчик самостоятельно овладел письмом, а затем стал изучать литературу и философию.

Конфуций рос достойным преемником знаменитого отца, знал историю своего рода, насчитывавшую не одно столетие. Узнав об опыте своих предков, среди которых было немало талантливых людей, проявивших себя во многих областях человеческой деятельности, он сделал вывод, что для достижения желаемого в жизни одной военной доблести недостаточно, нужны и другие достоинства. Когда юноше было 17 лет, умерла его мать, которой в ту пору не было и сорока лет.

Спустя два года после смерти матери Конфуций женился на девушке из семьи Ци, а через год у молодых супругов родился сын, получивший имя Ли. И все же отнюдь не семейная жизнь была средоточием интересов и забот будущего философа. Большую часть своего времени он посвящал книгам и ученикам, предпочитая находиться в одиночестве или со своими последователями. Однако он не уклонялся и от общественных обязанностей. Конфуций служил хранителем амбаров, заведовал полями и фермами, осуществлял надзор за продовольственными поставками. Чиновником он был честным, добросовестным, но при этом службу не считал главным делом своей жизни. Изучив до тонкостей свод китайских церемониальных обрядов, правил и предписаний, Кун Цю к 30 годам уже имел широкий круг учеников. Плату с них брал он умеренную, хотя впоследствии жил на средства, предоставляемые состоятельными поклонниками его философской школы.

Конфуций преподавал обряды, музыку, каллиграфию, арифметику и искусство стрельбы из лука. Молва о молодом ученом – знатоке древних китайских традиций – распространялась все шире. Существует предание, что в период составления «Книги песен», в которую вошли стихи, песни и фольклор X–V вв. до н. э., он встречался с Лао-цзы, своим старшим современником. Во время этой знаменательной встречи престарелый философ якобы выразил сомнение относительно целесообразности занятий Конфуция, посчитав их пустыми мечтаниями. Кун Цю, тем не менее, такая оценка не смутила, как до этого не очень обеспокоила и критика аскетов-проповедников, считавших его популярность несостоятельной.

В эти годы Конфуций много ездил по стране, стремясь не столько распространять свои знания, сколько найти мудрого правителя, которому мог бы принести пользу. Наконец, в 497 г. до н. э., после долгих странствий, он прибыл в родное царство Лу, которым правил тогда достойный, по его мнению, государь. Кун Цю был назначен губернатором города Чжун-Ду, что позволяло на практике осуществлять идеи разумного управления подвластной ему территории. Однако при исполнении своих обязанностей новоиспеченный губернатор неожиданно столкнулся с политической оппозицией, не желавшей никаких перемен.

Убедившись в том, что князья, какие бы они ни были, не нуждаются в его наставлениях, Конфуций отказался от должности, решив служить своему народу иным способом. Наступили годы скитаний. Кочуя по городам и селениям вместе с учениками, Конфуций учил их старинным китайским обрядам, беседовал о литературе и древнекитайской мудрости. Именно в этих беседах сложился главный трактат Конфуция – «Лунь юй» («Беседы и суждения»), который, несомненно, опирался на древние памятники, рассказывавшие и о мифических царях Поднебесной Яо, Шуне, Юе, и об основателях царства Чжоу – Вэнь-ване, У-ване, Чжоу-гуне. В этом трактате Конфуций предпринял попытку восславить «золотой век» своей страны и призвать к восстановлению далеких традиций. Создавая картину наилучшего общественного строя и стремясь придать ей убедительность, философ постоянно ссылался на то, что такой строй уже когда-то был. Эпоха Чжоу, словно маяк, должна была освещать жизнь всего народа.

Говоря об истоках сочинения «Лунь юй», следует иметь в виду, что оно опиралось прежде всего на знаменитую древнекитайскую «Ицзин» («Книгу перемен»), о которой Конфуций говорил: «Если бы мне прибавились годы жизни, я еще лет пятьдесят изучал бы «Ицзин» и, возможно, избежал бы многих ошибок». Конфуций неслучайно так высоко оценивал древнейший поэтический и философский памятник. «Книга перемен» давала ключ к познанию основных начал бытия, причем самым оригинальным, с современной точки зрения, способом – с помощью гадательных триграмм (чертежей) – гуа.

Своеобразие системы заключалось в том, что она строилась на противоположных символах – положительного Ян и отрицательного Инь. Оба символа составляют образ горы: освещенная часть горы – Ян, теневая сторона – Инь. В этом образе заключался целый ряд противопоставлений: небо и земля; день и ночь; жар и холод; мужчина и женщина. В итоге триграммы стали символами перемен, сопровождающими не только человеческое,

но и вселенское бытие. К каждой триграмме прилагались словесные формулы, напоминавшие загадочные афоризмы, которые не так-то просто расшифровать. Для примера можно привести изречение, украшающее одну из триграмм: «Выйдешь, войдешь – не будет вреда. Друзья придут – хулы не будет. Вернешься обратно на свой путь. Через семь дней возврат. Благоприятно иметь куда выступать» и т. д.

Ученые позднего времени отмечали необычность и точность афоризмов «Ицзин», которые непосредственно воздействовали и на разум, и на чувство, мгновенно создавая определенный образ. Был здесь и особый свод «Правил» («ли»), которым Конфуций давал такую оценку: «С песен начинают, на Правилах утверждаются, музыкой завершают. На то, что не Правила, не смотри! Того, что не Правила, не слушай! Того, что не Правила, не говори!»

Правила представляли собой предписания, определявшие поведение людей, их общественные обязанности и законы управления государством. Их можно было назвать нормами обычного права и государственного закона, выработанными жизненным опытом. А основными правилами, которым, по мнению философа, подчиняется человеческая природа, были «чжи» и «вэнь». Под «чжи» понимались природные качества личности, а что такое «вэнь», Конфуций определил следующим образом: «Когда молодой человек почтителен к родителям, привязан к братьям; когда он скромен, правдив; когда он с любовью относится к людям – он этим всем приближается к человеческому началу в себе. И если у него еще останутся силы, он изучает вэнь». Следовательно, вэнь – не обычное свойство человеческой натуры, а приобретаемые моральные качества. Вэнь – то, что изучают, то, чем человек обогащает себя, свой внутренний мир. Первопричину зла Конфуций видел в несовершенстве человека. Улучшить его можно с помощью чжи, составляющего саму суть нашей природы, а средством для совершенствования служит вэнь – стремление к знанию, образованности, просвещению, интеллектуальной культуре и высокой морали. Такую задачу «улучшения человека» Конфуций определял как Дао (путь).

В целом главная тема «Бесед и суждений» – проповедь идеального общества, прославление совершенного человека и его гуманистической сущности. Пример у Конфуция всегда был перед глазами: «золотой век» с его героизированными правителями, когда людьми правил только достойный, каким бы ни было его происхождение. Поэтому престол древнего царства передавался не по наследству, а по достоинству. Такой порядок установил еще

первый правитель «золотого века», легендарный император Яо. Наставляя своего преемника, он говорил: «Судьба пала на тебя. Твердо придерживайся во всем середины. Когда страна страдает, блага неба кончаются навсегда».

Перечень обязанностей правителя был прост и понятен древнему китайцу так же, как он понятен и современному жителю земли: пища для людей; оплакивание для умерших; служение для живущих. Моральный кодекс правителя и любого благородного человека так же краток, как и вся китайская философия:

> Когда широки душою – приобретаются сердца людей;
> Когда искренни и правдивы – приобретается доверие людей;
> Когда усердны и сообразительны – дело делается;
> Когда беспристрастны и справедливы – все кругом довольны.

По всей вероятности, то течение, которое впоследствии стало школой Конфуция, возникло первоначально как свободное сообщество друзей, обсуждавших интересовавшие их вопросы. Но сила ума и масштабы личности Конфуция вскоре привели к тому, что он стал признанным главой школы, а его друзья – его учениками. В «Лунь-юй» упоминаются имена 22 учеников. Даже если эта цифра и не точна, она дает представление о размерах его школы. Философ принимал к себе в «кружок» всякого, кто интересовался его учением, вне зависимости от того, принадлежал ли он к аристократии или к простолюдинам, к богатым или бедным. Он говорил, что среди стремящихся к знанию он не признает никаких различий; это также было необычно для общества, где главным критерием отношения к человеку было его происхождение.

Конфуцианство служило этической основой школьного образования в Китае на протяжении столетий и привнесло в сознание народов Дальнего Востока незыблемые нравственные нормы, по силе воздействия на массовое сознание равные десяти библейским заповедям. Это прежде всего «пять постоянств», или пять добродетелей: человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность и правдивость. К ним следует добавить так называемые «пять связей»:

1) государя и подданного, господина и слуги. Эти отношения считались важнейшими в обществе и доминировали над всеми остальными. Безусловная преданность и верность господину была основой характера «благородного мужа» в конфуцианском понимании;

2) родителей и детей. В этих отношениях подчеркивались непререкаемые права родителей, в первую очередь отца, и священная обязанность детей – проявлять сыновнюю почтительность;

3) мужа и жены. Здесь права мужа были безграничны, а обязанности жены сводились к беспрекословной покорности, образцовому поведению и ведению хозяйства;

4) старшего и младшего. Обязательным считалось не только уважение к старшему по возрасту, но и к старшему по положению, чину, званию, мастерству;

5) между друзьями. Отношения между друзьями должны были носить характер искренней и бескорыстной взаимопомощи.

К сожалению, наиболее прогрессивные конфуцианские заповеди, адресованные «благородным мужам», соблюдались нерегулярно, однако именно они служили базой нравственного воспитания личности. Положительный герой конфуцианства так же «совершенно мудр», как и его даосский аналог, но воплощает он не тип святого отшельника-аскета, а тип ученого, чиновника, государственного деятеля, который объединяет в себе «пять добродетелей», скромен и умерен во всем. Конфуцианство предъявляло суровые требования к личности в морально-этическом плане, настаивая на непрерывном духовном и нравственном совершенствовании: «Благородный муж стремится вверх, низкий человек движется вниз».

Неудачное путешествие Учителя по близлежащим китайским княжествам наложило на его жизнь, в общем неяркую и небогатую событиями, отпечаток страдания. Позднее исследователи писали: «Конечно, сферой Конфуция была сфера идей… Он не способен был к компромиссам, необходимым для того, чтобы претворить эти идеи в жизнь. Но крайне важно было, чтобы он сделал такую попытку. Различие здесь такое же, как между офицером, дающим команду “За мной!”, и тем, кто командует “Вперед!”. Если бы Конфуций оставался в Лу, пользуясь синекурой и расхаживая со своими учениками, он был бы проповедником. Решившись на свои безнадежные поиски, он стал пророком. В некотором роде это смешная картина: почтенный, но все еще в известном смысле наивный джентльмен, которому уже за пятьдесят, отправляется в путешествие с целью спасти мир, убедив прошедших огонь, воду и медные трубы правителей, чтобы они не угнетали своих подданных. Но если есть в этом что-то смешное, то это самое смешное, что свойственно великим людям».

В конце жизненного пути Конфуций считал, что, несмотря на преданность учеников, его «суждения» все еще мало

распространены в стране. «Дни мои на исходе, – говорил он, – а я все еще неизвестен». И добавлял: «Но я не ропщу. Небо знает меня».

О неизбежности своей кончины философу напоминала и потеря близких людей. Сначала умерла жена, затем скончался сын, а за ним любимый ученик Янь-юань. Это повергло Конфуция в тягостные размышления о мимолетности жизни и неотвратимости конца. «Все преходяще, – замечал мыслитель, – подобно течению, жизнь не останавливается ни днем, ни ночью». Не раз Конфуцию грозила смертельная опасность. В смутные времена вражды и междоусобиц любой путник мог легко стать жертвой грабителей. Однажды дом, где пребывал философ с учениками, окружила злобная толпа фанатиков, и только чудом ему удалось избежать расправы.

Умер Конфуций в 479 г. до н. э., в возрасте 72 лет. На месте дома, где он жил, был построен храм, который затем неоднократно перестраивался и расширялся, а место погребения мудреца и его учеников превращено в пантеон, занимающий более 20 гектаров. Сейчас там можно увидеть много каменных и деревянных ворот с поучительными надписями такого рода: «Ворота, ведущие к святости», «Ворота высшего совершенства», «Ворота добродетели, равно служащей небу и Земле» и т. д. У ворот установлены каменные статуи львов и мифических чудовищ, охраняющих храм от злых духов. Рядом с храмом и усыпальницей было построено подворье потомков Конфуция, в котором много веков они жили в довольствии и полном благополучии.

В 555 г. был издан императорский указ о возведении в каждом китайском городе храма в честь Конфуция и об организации там регулярных жертвоприношений. Построенные храмы располагались в небольших двориках, которые окружала красная кирпичная стена с парадным входом. Главный зал предназначался для чествования самого Конфуция, а в пристройках находились поминальные таблички или статуи его учеников и последователей. На воротах висела стереотипная надпись: «Учитель и пример для 10 тысяч поколений, равный небу и земле». Здесь же, в городских храмах, совершали обязательные поклонения и жертвоприношения претенденты на получение ученых степеней и чиновничьих должностей.

Во время правления династии Тан Конфуцию был присвоен почетный титул – «первый святой». При династии Сун был установлен обряд поклонения на могиле мудреца. Позднее он даже был удостоен титула «наставник государя». При династии Мин его стали называть «совершеннейшим, мудрейшим,

прозорливейшим, доблестнейшим учителем», «великим учителем нации». Дважды в год, весной и осенью, императоры чествовали древнего мыслителя в пекинском храме Конфуция. В день церемонии они приходили в храм, совершали омовение, облачались в специальные одежды и затем приносили жертвы, произнося слова восхваления. Во время таких мероприятий играла музыка, исполнялись песни и ритуальные танцы.

Перед смертью основоположник конфуцианства с горечью сказал: «Кто после меня возьмет на себя труд продолжить мое учение?» Философ сомневался напрасно, очень скоро таких людей в Китае оказалось немало. И все же, несмотря на попытки ясно и последовательно изложить суть его идей, система выдающегося китайского мыслителя и его последователей так и осталась не до конца познанной европейцами. Древняя мудрость Китая оставила наследие великое и самобытное, каким был и сам народ, стоявший у истоков мировой цивилизации.

Но невзирая на это, любому современному человеку понятны и близки многие мысли Конфуция, которые дошли до нас из глубины веков: «Когда мы наблюдаем явления, мы можем достичь знания. Когда мы достигли знания, мы приобретаем доброе желание. Когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным. Когда человек делается культурным, порядок царит в его семье; порядок царит и в его стране. Когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда и мир воцарится во всем мире».

Королев Сергей Павлович

(род. в 1907 г. – ум. в 1966 г.)

Выдающийся советский конструктор и ученый, работавший в области покорения космического пространства. Создатель ракет средней и межконтинентальной дальности, искусственных спутников Земли, пилотируемых космических кораблей и основоположник практической космонавтики.

С именем академика С. П. Королева связаны эпохальные события человеческой цивилизации: запуск первого искусственного спутника Земли и беспримерный полет в космос первого космонавта. Много замечательного было сделано Сергеем Павловичем до этих свершений и после них. Все созданное им в жизни – результат огромного таланта, энергии, трудолюбия и единства цели в достижении все больших скоростей и высот. Это и освоение безмоторного полета на планерах своей конструкции, и конструирование оригинального легкого самолета. Разработки первых крылатых ракет с жидкостным двигателем, конструирование ракетоплана и установка реактивных ускорителей на военных самолетах. И вершина творчества – создание мощных баллистических ракет для обороны страны, космических автоматических станций и космических кораблей самых различных назначений.

Ракетно-космические системы Королева позволили впервые в мире осуществить запуск искусственного спутника Солнца, полеты автоматических межпланетных станций к Луне, Венере и Марсу, облет и фотографирование обратной стороны Луны и

мягкую посадку на нее, с передачей на Землю панорамы лунной поверхности. При создании этих систем ярко проявился талант Сергея Павловича как ученого и руководителя, умеющего принимать правильные решения даже в условиях недостаточной информированности и, самое главное, умеющего брать на себя всю ответственность за принятые решения. Примером тому может служить хотя бы такой эпизод.

Однажды на Ученом совете зашел спор о конструкции аппарата, который должен был спуститься на поверхность Луны. Многие сомневались в успехе дела, считая, что при посадке аппарат просто утонет в многометровом слое лунной пыли. Долгим спорам не было видно конца. Точку в них, как всегда, поставил Королев. Он внимательно выслушал всех и сказал: «Поверхность Луны считать твердой!», а всю ответственность в случае, если принятое решение окажется неправильным, взял на себя. Когда аппарат благополучно прилунился, все облегченно вздохнули: поверхность Луны действительно оказалась твердой. Что это, как не свидетельство дара научного предвидения, которым наделен был Главный конструктор?

Будущий создатель космических кораблей родился 12 января 1907 г. в Житомире в семье учителя русской словесности Павла Яковлевича Королева. Когда мальчику было около трех лет, семья перебралась в Киев и вскоре после этого родители разошлись. Сережу мама, Мария Николаевна, отвезла к бабушке и дедушке в Нежин, а сама исполнила свое давнее желание – поступила на Высшие женские курсы и стала учительницей. В 1916 г. она вновь вышла замуж и вместе с сыном и новым мужем – инженером-механиком Григорием Михайловичем Баланиным – переехала в Одессу.

В следующем году Сережа поступил в гимназию, однако началась революция, гимназию закрыли, и он стал заниматься самостоятельно под руководством матери и отчима.

В 1922–1924 гг. Королев учился в Одесской строительной профшколе, получив по ее окончании среднее образование и специальность каменщика-черепичника. С детских лет он отличался исключительными способностями и неукротимой тягой к новой тогда авиационной технике – однажды Сергей вблизи увидел гидросамолет и «заболел» воздухоплаванием, что впоследствии привело его в планерный кружок. В 17 лет он уже разработал проект летательного аппарата оригинальной конструкции – «безмоторный самолет “К-5”».

Поступив в 1924 г. в Киевский политехнический институт на механический факультет, Королев за два года освоил в нем общие инженерные дисциплины и стал спортсменом-планеристом.

Осенью 1926 г. стало ясно, что авиационное отделение при факультете открыто не будет, и руководство вуза рекомендовало желающим получить авиационное техническое образование перевестись в Москву. Так Сергей оказался на вечернем отделении МВТУ им. Баумана. Одновременно он работал разносчиком газет, столяром, а затем устроился на завод Всесоюзного авиационного объединения им. Менжинского. К этому времени юноша уже получил некоторую известность как способный авиаконструктор и опытный пилот, окончивший Московскую школу летчиков-планеристов.

Благодаря полученным в школе навыкам пилотирования Королев сам превосходно летал на планерах собственной конструкции. Некоторые из них уже тогда обращали на себя внимание знатоков, отличаясь повышенной прочностью и чуть ли не вдвое большей удельной нагрузкой на крыло. Недаром на планере «“СК-3” – Красная звезда» известный летчик В. А. Степанченок впервые в мире совершил мертвую петлю Нестерова, да не одну, а три подряд. Примечательно, что уже тогда Сергей сразу готовил свои планеры для установки на них реактивного двигателя и превращения в ракетопланы. Свой дипломный проект в МВТУ – разработку легкомоторного двухместного самолета «СК-4» – талантливый студент выполнил под руководством будущего академика А. Н. Туполева. Этот самолет был построен в единственном экземпляре и проходил в 1930 г. летные испытания, но из-за отказа списанного двигателя потерпел аварию и разбился. К счастью, пилот отделался незначительными ушибами, но для возрождения своего первенца у конструктора не было средств.

Спроектированные и построенные летательные аппараты Королева – планеры «Коктебель», «Красная звезда» и легкий самолет «СК-4», предназначенный для достижения рекордной дальности полета, – выявили его незаурядные способности как авиационного конструктора. Однако юношу больше увлекали полеты в стратосфере и принципы реактивного движения. В это время он перенес тиф и трепанацию черепа и на несколько месяцев вышел из строя – просидел дома по временной инвалидности. Именно тогда Сергей познакомился с работой К. Э. Циолковского «Реактивный аэроплан», а затем проштудировал все его книги, какие только смог достать.

Идеи Циолковского о полетах на другие планеты глубоко проникли в душу молодого инженера и овладели им на всю жизнь. Но при всем романтическом складе своего характера Сергей всегда трезво смотрел на вещи, ставил перед собой хотя и трудные, но выполнимые задачи. Он понимал, что к вопросам

реактивного движения важно привлечь общественность. В сентябре 1931 г. Королев вместе с талантливым энтузиастом в области ракетных двигателей Ф. А. Цандером добился создания в Москве общественной организации – Группы изучения реактивного движения (ГИРД) при Центральном совете Осоавиахима. Уже в апреле следующего года она стала по существу государственной научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов, в которой были созданы и опробованы первые советские жидкостно-баллистические ракеты «ГИРД-09» и «ГИРД-10».

В августе 1931 г. Сергей женился на своей школьной подруге Ксении Винцентини, которая после окончания Харьковского мединститута работала в Алчевске. Молодые стали жить в Москве, и спустя четыре года у них родилась дочь Наталка.

В это время Королев работал начальником отдела ракетных летательных аппаратов в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ), созданном на базе двух организаций – ГИРД и Ленинградской газодинамической лаборатории. Сергей Павлович руководил полетными испытаниями первых отечественных жидкостных ракет «09» (конструкции М. К. Тихонравова) и «ГИРД-Х» (конструкции Ф. А. Цандера), подготовил к печати книгу «Ракетный полет в стратосфере» и экспериментировал с крылатой ракетой «06/1», созданной под его руководством. В 1936 г. молодой ученый создал конструкцию ракетоплана «318-1», обосновав технические требования к самолету с ракетным двигателем.

После расстрела маршала Тухачевского и группы командиров Красной Армии летом 1937 г. некоторые сотрудники РНИИ, в котором работал Королев, были арестованы как «участники троцкистской вредительской организации». Сам Сергей Павлович более года находился под секретным надзором, затем был исключен из рядов ВКП(б) и понижен в должности, а 27 июля 1938 г., после аварии во время стендового испытания ракеты, – арестован. Через два месяца Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его на 10 лет лишения свободы, с ограничением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. Местом отбывания наказания была определена Колыма, золотодобывающий прииск Мальдяк.

Летом 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР отменило предыдущий приговор и осудило С. П. Королева на 8 лет исправительно-трудового лагеря, заменив ярлык «члена антисоветской контрреволюционной организации» на «вредителя в области военной техники». Спустя несколько месяцев мера наказания была пересмотрена, и на основании личного заявления

с просьбой использовать его по специальности заключенный Королев был переведен в Центральное конструкторское бюро – спецподразделение НКВД. Там, в стенах ЦКБ-29, под руководством заключенного А. Н. Туполева уже полным ходом велись серьезные разработки нового поколения летательных аппаратов с реактивными двигателями.

Четыре года находился Королев в закрытых конструкторских бюро, или «шарашках», как называли подобные заведения сами арестанты. «Шарашки», как и сам принцип использования дешевой, но весьма квалифицированной рабочей силы, были изобретением наркома Л. П. Берии. Сюда считали за счастье попасть разбросанные по тюрьмам и лагерям ГУЛАГа, измотанные морально и физически инженеры, технологи, конструкторы, ученые…

Под руководством А. Н. Туполева Сергей Павлович принимал активное участие в создании и производстве фронтового бомбардировщика «Ту-2» и одновременно стал инициатором разработки проекта управляемой жидкостной аэроторпеды и нового варианта истребителя-перехватчика. Это послужило поводом для перевода его в 1942 г. в другую организацию такого же лагерного типа – ОКБ НКВД СССР при Казанском авиазаводе № 16, где велись работы над созданием самолетных двигателей новых типов. В Казани Королев приступил к воплощению идеи использования ракетных двигателей в самолетостроении, которая в теории должна была привести к сокращению длины пробега самолета при взлете и повышению его скоростных и динамических характеристик во время воздушного боя.

В июле 1944 г. Королев был досрочно освобожден из заключения и по окончании войны командирован в Германию, где в составе Технической комиссии знакомился с немецкой трофейной ракетной техникой. В мае 1946 г. было принято секретное постановление правительства о создании в СССР отрасли по разработке и производству ракетного вооружения. Вскоре все советские специалисты были отозваны из Германии для работы во вновь созданных НИИ и ОКБ. Среди них был и Королев, который по возвращении в Москву приступил к исполнению обязанностей главного конструктора баллистических ракет дальнего действия и начальника отдела НИИ-88 по их разработке. К тому времени он уже развелся со своей женой, ведущим хирургом-травматологом Боткинской больницы, которая не захотела играть роль лишь домохозяйки при муже, отдававшем себя без остатка работе. В мае 1947 г. Сергей Павлович женился на 26-летней Нине Котенковой, работавшей в НИИ в бюро переводов, и счастливо прожил с ней до конца своих дней.

Первой задачей, поставленной правительством перед ним и всеми организациями, занимающимися ракетным вооружением, было создание копии немецкой ракеты «Фау-2» из отечественных материалов. Но уже в 1947 г. ученые получили задание на разработку новых баллистических ракет с большей, чем у немецкого прототипа, дальностью полета – до 3 тыс. км. В следующем году главный конструктор приступил к летным испытаниям баллистической ракеты «Р-1» (аналога «Фау-2») и в 1950 г. успешно сдал ее государственной комиссии. В те же годы Королевым были разработаны ракеты «Р-2», «Р-5» и «Р-11», впоследствии принятые на вооружение.

В 1956 г. под руководством Королева была создана первая отечественная стратегическая баллистическая ракета с ядерным боевым зарядом «Р-5М», ставшая основой ракетно-ядерного щита страны. В этот период ОКБ-1 было выведено из состава НИИ-88 и стало самостоятельной организацией, главным конструктором и директором которой был назначен С. П. Королев. В следующем году под его руководством были созданы первые мобильные баллистические ракеты наземного и морского базирования, что стало революционным событием в деле развития ракетной техники.

В 1960 г. на вооружение ракетных войск стратегического назначения была принята первая межконтинентальная ракета «Р-7», которая обеспечивала достижение первой космической скорости и возможность вывода на околоземную орбиту летательных аппаратов массой в несколько тонн. Именно с ее помощью были выведены на орбиту первые три искусственных спутника Земли – первый запустили 4 октября 1957 г., через месяц – второй, с собакой Лайкой на борту, а 15 мая 1958 г. – третий, с большим количеством научной аппаратуры.

Позднее Королев, избранный в 1958 г. действительным членом Академии наук СССР, говорил: «Он был мал, этот самый первый искусственный спутник нашей старой планеты, но его звонкие позывные разнеслись по всем материкам и среди всех народов как воплощение дерзновенной мечты человечества». Когда о первом запуске стало известно президенту США Эйзенхауэру, он воскликнул: «Если бы в России свершилась еще одна Октябрьская революция, я еще поверил бы, но в то, что русские запустили спутник, – никогда». Но самую глубокую оценку событию, по мнению Королева, дал Ф. Жолио-Кюри: «Это великая победа человека, которая является поворотным пунктом в истории цивилизации. Человек больше не прикован к своей планете…» Впоследствии ***«Р-7»*** была модифицирована и превращена в трехступенчатый носитель для вывода «лунников» и

корабля с человеком на борту. Это была блестящая победа Королева и его сотрудников.

В дальнейшем гениальный ученый разработал более совершенную компактную двухступенчатую межконтинентальную ракету «Р-9», которая была принята на вооружение в 1962 г. Позже, параллельно с работами над важными космическими системами, Сергей Павлович начал первым в СССР разрабатывать твердотопливную межконтинентальную ракету «РТ-2», которая была освоена военными уже после его смерти.

Все время, занимаясь боевыми баллистическими ракетами, Сергей Павлович мечтал о покорении космического пространства человеком. Поэтому он еще в 1949 г. начал регулярные эксперименты по изучению параметров ближнего космического пространства, солнечных и галактических излучений, магнитного поля Земли, поведению высокоразвитых животных в космических условиях (невесомости, перегрузок, больших вибраций и акустических нагрузок), а также отработки средств жизнеобеспечения и возвращения животных на Землю из космоса. С этой целью было произведено около 70 специальных пусков ракет. Этим Сергей Павлович заблаговременно заложил серьезные основы для штурма космоса человеком.

12 апреля 1961 г. люди Земли узнали о том, что в Советском Союзе осуществлен первый запуск ракеты с человеком на борту. Весь мир с восторгом произносил по-русски ставшие сразу знаменитыми слова: «Гагарин», «Восток», «космос». В редакционной статье «Нью-Йорк тайме» писала, что полет пилотируемого корабля-спутника – «величайший подвиг в истории извечного стремления человека покорить силы природы…»

Только в последнее время становятся известны подробности того исторического полета Ю. А. Гагарина, техническим руководителем которого был Королев. По свидетельству одного из военных, Гагарин проявил в космосе незаурядное мужество: «После выключения тормозного двигателя разделение приборного отсека и спускаемого аппарата должно было произойти через десять секунд. А оно произошло через десять минут. К тому же корабль беспорядочно вращался. И он, не зная, чем все кончится, четко докладывал на Землю: что видит, что чувствует, с какой скоростью вращается корабль». При жизни Королева на его космических кораблях в космосе побывало еще десять советских космонавтов, а 18 марта 1965 г. А. А. Леонов осуществил выход в открытый космос.

Продолжая развивать программу пилотируемых околоземных полетов, Королев приступил к реализации своих идей о

разработке долговременной орбитальной станции. Ее прообразом стал принципиально новый, более совершенный, чем предыдущие, космический корабль «Союз». В состав этого корабля входил бытовой отсек, где космонавты могли бы долгое время находиться без скафандров и проводить научные исследования. В ходе полета предусматривались также автоматическая стыковка на орбите двух кораблей «Союз» и переход космонавтов из одного корабля в другой через открытый космос. К сожалению, Сергей Павлович не дожил до первого старта «Союза», в котором реально воплотились его гениальные идеи.

Для реализации программы пилотируемых полетов и запусков автоматических космических станций Королев разработал на базе боевой ракеты семейство совершенных трехступенчатых и четырехступенчатых носителей. Таким образом, его вклад в развитие отечественной и мировой пилотируемой космонавтики является решающим.

Параллельно с бурным развитием пилотируемой космонавтики велись работы над спутниками научного, народнохозяйственного и оборонного назначения. В 1958 г. были разработаны и выведены в космос геофизический спутник, а затем и парные спутники «Электрон» для исследования радиационных поясов Земли. В следующем году были созданы и запущены к Луне три автоматических космических аппарата. Первый и второй должны были доставить на Луну вымпелы Советского Союза, третий – сфотографировать ее обратную (невидимую) сторону. В дальнейшем Королев приступил к разработке более совершенного лунного аппарата для его мягкой посадки на поверхность Луны, фотографирования и передачи на Землю лунной панорамы.

Сергей Павлович был генератором многих неординарных идей и создателем выдающихся конструкторских коллективов, работающих в области ракетно-космической техники. Можно только удивляться многогранности его таланта и неиссякаемой творческой энергии. Королев по праву считается первопроходцем многих основных направлений развития советского ракетного вооружения и ракетно-космической техники. Трудно себе даже представить, какого уровня достигла бы она, если бы преждевременная смерть Главного конструктора не прервала творческий полет его мыслей.

В конце 1965 г. Королев писал: «То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра – свершением. Нет преград человеческой мысли!» В тот момент Сергей Павлович уже дал согласие на операцию на

прямой кишке, не подозревая, что «кровоточащий полип» (таков был предварительный диагноз) на самом деле представляет собой запущенную саркому. Умер он через две недели, 14 января 1966 г., прямо на операционном столе – сердце не выдержало многочасовой нагрузки.

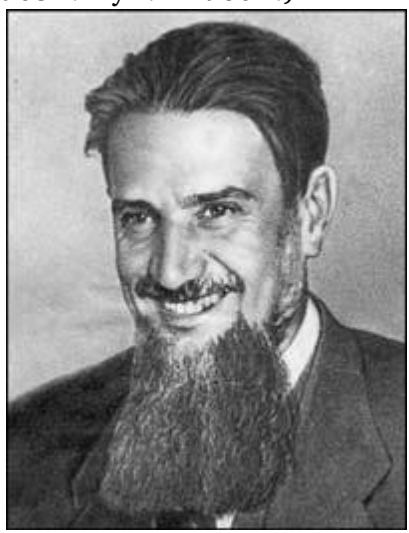
Легенда о безымянном Главном конструкторе советской ракетной техники была развеяна уже на следующий день. Из правительственного некролога весь мир узнал, что под именем таинственного «Главного» скрывался С. П. Королев. Все те добрые и прекрасные слова, которые за долгие годы накопились в сердцах людей к этому человеку, наконец были произнесены вслух: «Сергею Королеву больше, чем кому-либо другому, принадлежит заслуга в том, что космический век стал реальностью», «в истории науки нет более высокой оценки творчества ученого, чем признание его основоположником новой области человеческих знаний», «во главе великого дела должен был встать человек, глубоко понимающий задачу изучения космоса, беззаветно веривший в ее реальность, в то время как многие считали ее фантастической…»

«Самая характерная черта Королева – громадная энергия, которой он умел заражать окружающих. Он был человеком очень решительным, часто довольно суровым. Королев – это сплав холодного рационализма и мечтательности…» «Важность решенных под руководством Королева оборонных задач сама по себе могла обессмертить его имя как национального гения… Вершина его жизненного подвига – реальный штурм космоса во имя науки и мира…» «С именем Королева навсегда будет связано одно из величайших завоеваний науки и техники всех времен – открытие эры освоения человечеством космического пространства…»

Урна с прахом Главного конструктора была торжественно захоронена в Кремлевской стене. В 1966 г. Академия наук СССР учредила золотую медаль имени С. П. Королева «За выдающиеся заслуги в области ракетно-космической техники» и именные стипендии для студентов высших учебных заведений. В Житомире, в Москве, на Байконуре, в других городах были сооружены памятники ученому и созданы мемориальные дома-музеи. Его имя носят Московский авиационный институт, улицы многих городов, два научно-исследовательских судна, высокогорный пик на Памире, перевал на Тянь-Шане, астероид и горное образование на Луне.

Курчатов Игорь Васильевич

(род. в 1902/1903 г. – ум. в 1960 г.)



Выдающийся советский физик, организатор и руководитель работ по «использованию атомной энергии» в СССР, под руководством которого открыто спонтанное деление ядер урана, разработана противоминная защита кораблей, созданы первый в Евразии ядерньш реактор, первая в СССР атомная бомба и циклотрон, первые в мире термоядерная бомба и атомная электростанция.

Научный руководитель Института сверхпроводимости и физики твердого тела, член-корреспондент РАН Н. А. Черноплеков в своих воспоминаниях писал: «Первоначально каждая встреча с Игорем Васильевичем Курчатовым и все они в совокупности родили во мне представление о широко образованном, неординарном физике и доброжелательном человеке с необычной внешностью и острым взглядом. Только заметно позже, когда я смог глубже вникнуть в деятельность Курчатова и организованного им института, осознать его значение для постановки и реализации отечественного атомного проекта, я понял, что встречался с одним из великих физиков XX столетия. Усилия этого ученого, поддержанные усилиями отечественных и зарубежных коллег, сыграли ключевую роль во вступлении нашей цивилизации в новую, атомную эру, или эру овладения внутриядерной энергией. Это последнее определение, мне представляется, значительно шире и глубже, чем такие, как “эпоха создания атомного и водородного оружия” или “эпоха

рождения атомной энергетики”…»

Курчатов был не только выдающимся ученым, создавшим в советской ядерной физике школу экспериментаторов, но и крупнейшим организатором науки невиданного в довоенное время масштаба, возглавившим работы по решению атомной проблемы в СССР. Ни одному ученому до него не приходилось руководить такими огромными коллективами людей, и ни один ученый не пользовался таким доверием. Необыкновенное личное обаяние, целеустремленность и полная самоотдача делу буквально «заражали» всех работавших с ним. Под влиянием Курчатова сложился особый стиль работы ученых и инженеров-атомщиков, который позже был по праву назван «курчатовским».

Игорь Курчатов родился 12 января 1903 г. (по другим данным в 1902 г.) в поселке Сим Уфимской губернии. Отец его, Василий Алексеевич, был по роду занятий помощником лесничего, позже – землемером-землеустроителем, мать, Мария Васильевна (в девичестве Остроумова), до замужества работала учительницей в церковно-приходской школе. Дед Курчатова по отцовской линии, сын крепостного, был казначеем Симского чугунолитейного завода, дед по матери – приходским священником.

В семье Игорь был вторым ребенком – пятью годами раньше родилась сестра Антонина, а в 1905 г. появился на свет младший брат Борис, впоследствии ученый-радиохимик. Для того чтобы дети могли получить образование, семья Курчатовых в 1908 г. переехала в Симбирск, где Игорь начал учиться в казенной гимназии. В 1912 г. Курчатовы были вынуждены перебраться в Крым, так как Антонина заболела горловой чахоткой. К сожалению, спасти ее не удалось, но семья так и осталась жить в Симферополе, где в 1920 г. Игорь окончил гимназию с золотой медалью.

Правда, медаль ему так и не выдали – ее просто не нашлось в условиях Гражданской войны, но зато той же осенью Курчатов стал студентом математического отделения Таврического университета (с 1925 г. Крымский университет), единственного высшего учебного заведения отрезанного от всей страны полуострова. Чтобы выжить в тогдашних условиях, приходилось подрабатывать воспитателем в детском доме, нарядчиком в автогараже, сторожем в кинотеатре, пильщиком дров на консервной фабрике… Лишь в 1922 г. студенту удалось устроиться на работу препаратором в физическую лабораторию университета. В 1923 г. он досрочно окончил университет, пройдя за три года четырехлетнюю программу.

Решив продолжить образование, Курчатов уехал из дому и был принят сразу на третий курс кораблестроительного

факультета Петроградского политехнического института. Однако жить было не на что, а найти работу в городе не удавалось – кругом царила безработица. Тогда один из профессоров порекомендовал смышленому студенту съездить в Слуцк (ныне Павловск), где магнитно-метеорологической обсерватории требовались сотрудники. Он так и сделал. А спустя несколько месяцев в журнале по метеорологии была опубликована первая научная работа Игоря, в которой он излагал результаты выполненного им исследования радиоактивности снега.

Летом 1924 г. Курчатов был отчислен из института (руководство вуза посчитало получение второго высшего образования «буржуазной» роскошью) и уехал в Феодосийский гидрометеорологический центр, воспользовавшись приглашением коллег по обсерватории. В Крыму Игорь исследовал поведение уровня воды в Черном и Азовском морях, а потом в течение года преподавал физику в Баку, в Азербайджанском политехническом институте. Первые исследования в области физики диэлектриков, получившие интенсивное развитие в дальнейшем, были начаты именно здесь, однако более чем скромное материально-техническое оснащение Бакинского института вынудило Курчатова осенью 1925 г. вернуться в Ленинград, в Физико-технический институт, руководимый А. Ф. Иоффе.

В ЛФТИ молодой ученый занимался исследованием электропроводности твердых тел, заложил основы учения о сегнетоэлектричестве, внес существенный вклад в изучение электрических свойств кристаллов. В 1934 г. за исследования по физике диэлектриков 30-летнему Курчатову была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. Здесь же, в Ленинграде, в феврале 1927 г. Игорь женился на Марине Дмитриевне Синельниковой, сестре своего старого товарища по Таврическому университету и коллеге в ЛФТИ.

В этот период Игорь стал увлекаться исследованиями в области ядерной физики. Уже в 1933 г. под его руководством в ЛФТИ были созданы высоковольтная установка и ускорительная трубка, с помощью которых получались пучки протонов энергией 350 тыс. электрон-вольт. Позже под его же руководством были созданы высоковольтные установки в Украине, в Харьковском физико-техническом институте. В 1939 г., опять-таки под руководством Курчатова, был введен в действие первый советский циклотрон в Ленинграде, в Радиевом институте, а двумя годами позже – в Ленинградском физтехе (газета «Правда» сообщила об этом 22 июня 1941 г.), и это был крупнейший по тем временам циклотрон в Европе. Наконец, экспериментальные исследования

по спонтанному делению урана в конце 30-х гг. проводились Г. Н. Флеровым и К. А. Петржаком также при активном участии Курчатова.

Физикам приходилось работать в непростой обстановке. Так, на сессии Академии наук СССР в 1936 г., где Курчатов выступал с сообщением об исследованиях в области ядерной изомерии, по воспоминаниям академика А. П. Александрова, ЛФТИ «критиковали за то, что в нем ведутся “не имеющие практической перспективы” работы по ядерной физике. Сейчас даже трудно представить себе, что это происходило всего лишь за 2–3 года до открытия деления урана и обнаружения вылета нейтронов при этом, когда всем физикам стало ясно, что возникла перспектива использования ядерной энергии». Курчатов же был в числе тех, кто уже тогда понимал значение исследований в области физики атомного ядра. Об этом говорят, в частности, его письма предвоенных лет в Академию наук СССР и в правительство. И лишь после того как осенью 1941 г. со страниц зарубежных научных журналов внезапно исчезли все сообщения по ядерной проблематике, стало ясно: тема засекречена, в США и Германии ведутся тайные разработки по созданию оружия массового уничтожения.

С началом Великой Отечественной войны намеченная Курчатовым программа научных работ была прервана, и вместо ядерной физики сотрудники его лаборатории включились в разработку систем защиты боевых кораблей Черноморского флота от магнитных мин. Впоследствии один из его коллег говорил: «Если бы не война, не прекращение в связи с нею исследований, ни в чем бы мы не отстали от США, а, вполне вероятно, имели бы цепную реакцию и раньше 1942 г. Ведь уже в 1939 г. мы в Ленинграде обсуждали все то, что Э. Ферми делал в 1942 г. в США».

В январе 1942 г. Курчатов прилетел в Казань, где тяжело и долго болел сыпным тифом и воспалением легких. За время болезни у него отросла густая черная борода, и он решил ее не сбривать. В ответ на шуточки сотрудников ученый, смеясь, говорил, что дал обет не бриться, пока не решит поставленную партией и правительством задачу. С тех пор за Игорем закрепилось прозвище Борода. В это время стало известно, что в блокадном Ленинграде погиб его отец, а мать, которую все-таки удалось эвакуировать, умерла уже в Вологде.

Осенью 1943 г. 40-летний Курчатов был избран действительным членом Академии наук СССР, а несколькими месяцами ранее решением Сталина он был поставлен во главе работ по созданию атомного оружия. Вначале было трудно

понять, почему на роль научного руководителя атомного проекта был выбран молодой ленинградский профессор. При принятии этого судьбоносного решения, конечно же, существенную роль сыграла рекомендация академика Иоффе. Позже, когда собранные Курчатовым сотрудники продемонстрировали высокие достижения в науке и технике, поняли, что это решение было единственно верным. И можно лишь благодарить судьбу за то, что на ключевом посту научного руководителя проекта оказался Курчатов. Все другие ученые могли хорошо справиться с решением какой-то отдельной части проекта, но навряд ли нашелся бы среди них еще кто-нибудь, способный столь же революционно подойти к задаче в целом.

Тщательная разработка «урановой проблемы» до войны дала возможность Бороде не только сформулировать основные задачи, но и задать в необходимых случаях дублирующие направления. Поначалу его упрекали в том, что он разбрасывается, предрекали, что он не успеет «собрать все силы в кулак» и т. д. Однако постепенно пришло понимание, что это единственно разумный метод организации работ, что в конечном счете большинство страхующих разработок не пропадает, а находит свое, иногда совершенно неожиданное применение. А разработка многих путей по каждому этапу в результате давала возможность выбора оптимального решения. Огромные научные силы были привлечены к делу Курчатовым – академические институты, институты авиационной, металлургической, химической промышленности и многие другие организации.

Для всех людей, вовлеченных в сферу бурной деятельности Бороды, он был эталоном преданного науке ученого с глубокими и разносторонними знаниями, образцом высокой требовательности к себе и своим коллегам. Вместе с тем он был удивительно доброжелательным человеком при всей своей внешней резкости и необходимой решительности. Глубоко уважал достоинство каждого, с кем его сталкивала жизнь. В конфликтных ситуациях никогда не переходил грани делового обсуждения, не позволял себе опускаться до скандалов или оскорблений и находил, как правило, приемлемые пути их разрешения. При этом он сам был скромным и обязательным, обладал блестящим чувством юмора и самоиронией.

По-видимому, одно из наиболее авторитетных и емких определений роли Курчатова в решении атомной проблемы высказал академик Александров: «Мне кажется, это был очень удачный выбор, определивший в конечном итоге успех всего дела. Действительно, рядом работали выдающиеся ученые, но, пожалуй, никто из них не мог так самоотверженно заниматься

работой столь крупного масштаба, так увлечь собственным интересом, так зажечь огромный коллектив людей. Работы в этой области для нашей страны были новыми, требовали нового стиля, создания крупных, хорошо организованных коллективов. И здесь Игорь Васильевич подходил как никто другой. Масштаб задачи был действительно потрясающий. Курчатов разворачивает непостижимо разностороннюю деятельность, вовлекая других в вихрь идей, расчетов, экспериментов. На основании тончайших измерений, лежащих на грани возможностей науки того времени, делает далеко идущие (и всегда правильные) прогнозы. Темп и напряженность поисков были на пределе человеческих возможностей. Это мог выдержать только Курчатов».

Работы по преодолению атомной монополии США начались в так называемой Лаборатории измерительных приборов № 2 АН СССР (ЛИПАН), ставшей впоследствии Институтом атомной энергии. В 1946 г. в пригороде Арзамаса в условиях строжайшей секретности был организован научный центр под условным названием КБ-11, известный ныне как Всероссийский НИИ экспериментальной физики (Арзамас-16). Здесь над созданием атомного оружия трудились ученые Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, И. В. Тамм, Л. Б. Зельдович, Д. А. Франк-Каменецкий и другие. За рекордно короткий срок цель была достигнута, и на рассвете 23 сентября 1949 г. состоялись испытания советской атомной бомбы. Физики, создатели бомбы, увидев ослепительный свет и грибообразное облако, уходящее в стратосферу, с облегчением вздохнули. Поставленную задачу они выполнили. Почти через четыре года – 12 августа 1953 г. – еще до восхода солнца над полигоном раздался еще один взрыв. Прошло успешное испытание теперь уже первой в мире водородной бомбы, после которого Борода заявил своему другу Александрову: «Это было такое чудовищное зрелище! Нельзя допустить, чтобы это оружие начали применять». Последующие эксперименты только укрепили его в убеждении о необходимости предотвращения ядерного конфликта и недопустимости распространения ядерного оружия по планете.

Об участии Курчатова в атомном проекте известно одновременно и много, и крайне мало, и дело здесь не только в том, что длительное время научные исследования в данной области были засекречены. Создание первых в СССР ядерных реакторов, атомного и водородного оружия, первой атомной электростанции, первого советского атомного ледокола «Ленин» (в конце 50-х гг.), активное участие в организации Объединенного института ядерных исследований в подмосковной Дубне, инициирование в 50-е гг. работ в области управляемого

термоядерного синтеза – в решении всех этих вопросов Курчатов проявил себя как яркий государственный деятель. В отличие от многих «засекреченных» советских ученых, работавших в оборонной области, он был депутатом Верховного Совета СССР и даже мог выезжать за рубеж. Поэтому в восприятии многих людей, особенно далеких от науки, эта сторона жизни Бороды и поныне заслоняет сделанное им в те же годы в теоретической и экспериментальной физике.

Еще в декабре 1946 г. в ЛИПАНе Курчатов лично запустил первый советский уран-графитовый реактор, подняв кадмиевый стержень регулировки цепной реакции. Так впервые на Евразийском континенте был осуществлен управляемый процесс цепного ядерного деления. В следующем, 1947 г., на этом реакторе удалось получить первые дозы не встречающегося в природе плутония, являющегося, подобно урану, ядерным горючим, притом в количествах, достаточных для изучения основных физических характеристик его ядра. Это позволило в июне 1954 г. ввести в строй первую в мире атомную электростанцию.

Следующее направление его деятельности касалось физики плазмы и управляемого термоядерного синтеза. Когда в начале 50-х гг. А. Д. Сахаров и И. Е. Тамм обратили внимание на возможность осуществления синтеза в термоядерной плазме, в стране развернулись сугубо секретные работы по проблеме магнитного термоядерного реактора. Закрытый характер им придавался в связи с ожидавшимся военным направлением исследований. И здесь Борода действовал традиционным для себя методом. С одной стороны, он «воспитывал» начальство и добивался принятия необходимых правительственных директив, с другой – вовлекал в эту работу талантливых молодых исследователей.

Игорь Васильевич умел удивительно конкретизировать и разделить на части сложнейшую задачу. Как только он убеждался, что какая-то часть задачи в принципе решена и не требует для завершения его прямого участия, он передавал ее другим и только время от времени проверял, как развивается дело. Однако требовательность Бороды к подчиненным от этого не уменьшалась, а становилась еще больше. Напряженный график его работы поражал – он внезапно появлялся то в одной, то в другой лаборатории или институте, постоянно звонил в любое время дня и ночи, невзирая на то, будний это день или выходной.

Курчатов работал на износ. Очень редко вырывался на какой-нибудь концерт, хотя очень любил серьезную музыку. Его жена, Марина Дмитриевна, заботилась о муже и даже не захотела взять

приемного ребенка (своих детей у них не было). Она говорила, что тогда не сможет достаточно сил и внимания уделять Игорю.

Однако жизнь Бороды, проходящая в непрерывной работе, не была эмоционально бедна. Напротив, каждый свой или чужой успех, встречу с друзьями Игорь Васильевич горячо и радостно переживал, щедро одаряя окружающих своим оптимизмом и жизнерадостностью. Но все время, даже в минуты отдыха и веселья, в нем шла глубокая внутренняя работа. Часто, услышав от собеседника что-то новое и перейдя к обсуждению совершенно других вопросов, он вдруг среди смеха и шуток высказывался по поводу ранее услышанного так, что становилось понятно, как глубоко внутренне переработана им эта информация.

Курчатов хорошо понимал важность развития всех отраслей науки, в том числе и биологии. Вместе с академиком Несмеяновым он обращался в правительство с представлением о необходимости развития ряда разделов этой науки в тот период, когда влияние шарлатана Лысенко на руководителей страны было еще очень сильно. Он частично решил эту задачу, создав в своем институте радиобиологический сектор и пригласив на работу многих ведущих специалистов в области генетики.

Игорь Васильевич умел предвидеть будущее науки и безошибочно определять важнейшие направления. Выдающийся физик, стратег, наделенный государственным умом, он всю свою жизнь отдал укреплению могущества страны. Имя Курчатова присвоено Российскому атомному научному центру и Белоярской атомной электростанции, 104-му элементу периодической системы Менделеева, кратеру на Луне, исследовательскому судну, городу в Курской области, улицам и площадям в Москве, Обнинске, Дубне, Сарове и других городах. Академия наук СССР учредила в его честь премию и золотую медаль. Академик Курчатов первым в стране был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда…

В апреле 1956 г. в составе правительственной делегации Курчатов посетил Великобританию. Поездка была очень напряженной, так как ему не раз пришлось выступать с докладами по проблемам атомной энергетики и управляемых термоядерных реакций, и он очень вымотался. Вскоре после возвращения Борода слег с инсультом. Он долго и тяжело болел, но во время болезни постоянно пытался включаться в работу, а через четыре месяца, как он говорил, «с клюкой», уже работал в полную силу. Его влекли Воронежская атомная электростанция, атомный ледокол, подводные лодки. В Институте атомной энергии был создан реактор МР для решения материаловедческих вопросов энергетики, началось энергичное создание

экспериментальных реакторов во многих регионах страны и за рубежом.

Но больше всего занимала Курчатова в это время многогранная и сложнейшая работа по получению регулируемой термоядерной реакции. По мнению ученого, термояд (как он его окрестил), представлялся ему работой, должен был обеспечить счастье человечества, создать для людей «неограниченную энергобазу». Напряженная работа не прошла даром – второй инсульт и опять невозможность заниматься любимым делом. Тем временем в Институте атомной энергии начинались новые направления исследований. Борода предложил сделать импульсный испытательный реактор и после обсуждения конструкции рекомендовал назвать его «Доуд-3». Когда его спросили, что значит это название, ученый ответил: «Значит то, что реактор нужно сделать до третьего удара» (инсульта).

Свой последний рабочий день – 6 февраля 1960 г., субботу, Игорь Васильевич Курчатов провел за пультом магнитной ловушки термоядерной установки «Огра». На следующий день, в воскресенье, его не стало. Это случилось в подмосковном санатории «Барвиха», куда гениальный ученый приехал навестить своего коллегу академика Ю. Б. Харитона. Смерть от паралича сердца на скамейке барвихинского парка была мгновенной. Последнее слово, которое произнес Курчатов в беседе с Харитоном за несколько секунд до конца, было «понимаю»…

Лао-цзы

Настоящее имя – Ли Эр (ок. VI–V вв. до н. э.)

Легендарный древнекитайский мыслитель, основоположник религиозно-философского направления даосизма – одной из трех религий, мирно сосуществующих в китайском обществе с VI–V вв. до н. э., автор трактата «Дао дэ цзин».

В давние времена где-то на самой дальней границе Китайской империи, у дороги, ведущей в неведомые страны Запада, произошло странное событие. Страж пограничной заставы вдруг увидел облако фиолетового цвета, двигавшееся в сторону границы. Наблюдательный страж оказался не простым охранником покоя великой страны, но мудрым, знающим человеком, хорошо разбиравшимся в тайных знаках небес. Он понял, что облако является божественным знамением чего-то необычайного, а именно пришествия Дао-женя – давно ожидаемого мудреца Дао, который должен возвестить о новом учении жизни.

И действительно, приблизившись, облако рассеялось, и перед стражем возник величественный старец, восседавший на черном быке. Мудрый охранник низко поклонился путнику, а тот молча передал ему некую книгу, излучавшую слабое сияние. Это была рукопись ставшей впоследствии священной «Книги о Дао и Дэ» («Дао дэ цзин»), в которой насчитывалось ровно пять тысяч знаков, что по объему равно примерно одному современному газетному листу. После этого таинственный мудрец проехал заставу, и больше его никто не видел.

Согласно другому преданию, к концу своей жизни философ

Лао-цзы разочаровался в современной ему действительности и отправился на Запад, намереваясь навсегда покинуть Китай. В пограничной области Ханьгу (территория современной провинции Хэнань) он был остановлен неким «стражем заставы» Инь Си, по просьбе которого написал или надиктовал пять тысяч слов. Так возник главный текст классического даосского трактата «Дао дэ цзин». Затем мудрец продолжил путь в Индию, где его проповедь привела к возникновению буддизма. По другим сведениям, Лао-цзы стал учителем и даже отцом или мистическим прототипом Будды (Гаутамы Шакьямуни), которого стали называть «желтолицым (хуан мянь) Лао-цзы». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Таковы древние китайские легенды, повествующие о «Книге пути», или «Книге Дао», автором которой был легендарный мудрец и философ Ли Эр, писавший под вымышленным именем Лао-цзы. Трактат представляет собой небольшую книгу, написанную необычным загадочным стилем и имеющую много интерпретаций. Основная идея произведения касается Дао, что обычно переводится как «путь» или «дорога», однако его общая концепция несколько туманна, поскольку «Дао дэ цзин» начинается словами: «Дао – слово, которое можно произнести, – не вечное Дао; имя, которым можно назвать, – не вечное имя». Тем не менее специалисты утверждают, что «Дао» примерно означает «природа» или «естественный порядок».

С самим именем основоположника даосизма также связано любопытное предание. Дело в том, что имя «Лао-цзы» переводится как «старец», а точнее, «старое дитя». По легенде он был зачат от проглоченной его матерью пятицветной жемчужины, в которой заключалась солнечная энергия. Ребенок пробыл в утробе 81 год (вот откуда взялось «старое дитя») и вышел на свет из левого подреберья матери. Кроме того, он оказался совершенно седым. Подобное чудо, видимо, должно было свидетельствовать о врожденной мудрости Ли Эра.

Слово «ли» обозначает дерево, в данном случае сливу, поскольку мать родила ребенка под сливовым деревом. А слово «эр» переводится как «ухо», что указывало на непомерную длину ушей будущего мудреца. Как бы там ни было, но именно Ли Эр, принявший имя Лао-цзы, стал автором и героем «Дао дэ цзина».

Все приведенное выше – лишь небольшая часть народного эпоса о жизни и творчестве Лао-цзы. Во всяком случае, достоверных исторических сведений о великом китайском мыслителе гораздо меньше, чем легенд о нем. Что и понятно, если иметь в виду, сколько веков назад происходили описываемые события.

В очень короткой биографии Лао-цзы, изложенной древним историком Сым Цянем, сообщается, что родился философ примерно в 579 г. до н. э. в царстве Чу на севере Китая, где традиционно было сильным влияние шаманизма. Фамилия мудреца была Ли, первое имя – Эр, второе – Дань. Далее историк пишет, что Ли Эр был историографом-астрологом, главным хранителем государственного архива Чжоуского царства – центрального из Срединных (исконно китайских) государств. Он был женат, имел сына по имени Цанг, ставшего впоследствии военачальником. Ли Эр немало прожил в столице династии Чжоу, городе Лояне, трудясь над официальными документами, беседуя с посетителями и гостями самых различных сословий. Впечатления от чтения древних книг, бесед с мудрыми людьми (есть предположение, что он встречался с Конфуцием) постепенно оформились в собственное восприятие природы мира, его естественных и божественных законов.

То, что Ли Эр служил в императорском архиве, – факт, говорящий о его высокой образованности. Именно здесь в 517 г. до н. э. будто бы и произошла знаменитая встреча двух философов, описанная историком: «Лао-цзы на вопросы посетившего его Конфуция о церемониале (играющем важную роль в конфуцианстве) отвечал: “Люди, о которых ты говоришь, уже давно истлели, и лишь их слова сохранились” и еще: “Я слышал, что хороший купец умеет так глубоко зарыть свои сокровища, словно их у него и нет. Доблестный и добродетельный должен по внешности казаться бесхитростным. Оставь, о друг, свое высокомерие, разные стремления и мифические планы: все это не имеет никакой цены для твоего собственного я. Больше мне нечего тебе сказать!” Конфуций отошел и сказал своим ученикам: “Я знаю, как птицы могут летать, рыбы плавать, дичина бегать… Но как дракон устремляется по ветру и облакам и подымается в небеса, я не постигаю. Ныне я узрел Лао-цзы и думаю, что он подобен дракону”».

Прожив долгую жизнь, архивариус Ли Эр пришел к мысли о необходимости отказаться от общественной деятельности. Он ясно видел признаки упадка государства, в котором стали преобладать правила и порядки зарождавшегося феодального строя, осудил захватнические войны, постоянно затевающиеся властолюбивыми правителями. Словом, ясно осознал, что государственная служба вступает в противоречие с естественными законами общества. Вот тогда-то Ли Эр верхом на быке и отправился в то самое путешествие, венцом которого была передача рукописи стражу пограничной заставы. Где и когда

закончил свои дни Лао-цзы, осталось для истории загадкой.

А вот учение легендарного мыслителя пережило века, став в Китае вторым по значению и популярности после конфуцианства. И все это благодаря тому самому трактату «Дао дэ цзин», главным героем которого является сам Лао-цзы. В трактате содержится основная суть философского учения, получившего название «даосизм» и принесшего заслуженную славу китайскому мудрецу.

Однако Лао-цзы не был тщеславен. Он не рассчитывал на дешевую славу среди подверженной непостоянству и стихийному мнению толпы. По всей вероятности, ощущая себя «отцом учения» и предчувствуя роль даосизма в дальнейшем развитии китайской философии, мудрец требовал от себя суровой и мужественной правды. Пожалуй, только этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что написанное им произведение и поныне занимает достойное место в философском наследии всего человечества.

Свое учение Лао-цзы называл Дао (Путем), подразумевая под ним мировой порядок, указующий «пути» человеческой деятельности. Вся природа – внешнее проявление Дао, и лишь перед человеком, освобожденным от всяких стремлений и желаний, раскрывается сущность Дао. Такое погружение в Дао и есть бессмертие. Дао есть независимое начало, отец и мать всего сущего, оно властвует над законами неба и животворит все твари. «Дао есть нить пустоты и несуществования, корень творения, основание духовного, начало неба и земли: нет ничего вне его, нет ничего такого сокровенного, что бы не заключалось в нем».

Отсюда проистекает признание ничтожества и суетности всего, что находится вне Дао: телесный мир – это лишь источник терзаний, болезней и смерти. Духовный же мир освобожден от страданий и болезней, это мир бессмертия. Человек, осознавший превосходство духовного мира, понимает, что «входить в жизнь – значит входить в смерть. Кто, пользуясь истинным просвещением, возвращается к своему свету, тот ничего не теряет при разрушении своего тела. Это значит облечься в вечность». При этом Лао-цзы, в сущности, не предписывал полного физического отстранения от жизни: он предлагал не бежать от мира, а лишь внутренне освободиться от него, поборов в себе страсти и творя всюду добро. Он проповедовал путь медленного восхождения от подножия к вершине, от плотских искушений, соблазна, богатства, изнеженности к нравственной чистоте и красоте.

Лао-цзы учил: «Предаваться роскоши – это все равно, что хвастаться наворованным», «Нет греха тяжелее страстей. Нет большего преступления, как признавать похоть вседоз-воленной». К худшим человеческим порокам мудрец относил гордость,

стремление к почестям и славе. Он проповедовал добродетель, любовь ко всему сущему, простоту и смирение. «Я имею три сокровища, которыми дорожу, – говорил Лао-цзы, – первое – человеколюбие, второе – бережливость, а третье – состоит в том, что я не смею быть впереди других».

Соблюдение Дао являлось необходимым требованием при управлении государством, при этом естественным строем с точки зрения мирового закона Лао-цзы признавал монархию. Он считал, что мудрый правитель должен быть примером добродетели для своего народа. Отсюда проповедь: «Если бы князья и цари блюли во всей чистоте Дао, то все существа сами собою соблюдали бы его, небо и земля слились бы, расточая освежающую росу, никто не приказывал бы народу, но он сам бы творил справедливое». Подобно всем великим Учителям, Лао-цзы считал войну преступным и противоестественным явлением, признавая при этом священное право государства на защиту: «Когда цари и князья заботятся об обороне, то сама природа сделается помощницей их».

У Лао-цзы можно встретить немало парадоксальных изречений, например: «Путь, что может быть путь, не есть вечный путь»; «Кривое – значит прямое»; «Великое остроумие похоже на глупость»; «Правдивые слова напоминают ложь»; «Кто говорит, тот не знает». Чтобы по достоинству оценить такую мудрость, надо понять тонкость мышления древнекитайских философов. Их целью являлась естественная жизнь, то есть жизнь, согласная с природой. Все искусственное, «сделанное людьми», не имело цены. Поэтому идеал мудреца – не совершенный, а истинный человек (чжэнь-жэнь), которого он описывал так:

> «Истинный человек древности:
> Не радуется жизни, не отвращается от смерти.
> Равнодушно уходит, равнодушно приходит.
> Не забывает о том, чем все начинается, не стремится к тому, чем все заканчивается.
> Следует естественному ходу вещей и не восстает против него.
> Не нарушает Дао чувством любви или ненависти.
> Своими действиями не стремится помогать росту неба».

Выражение «помогать росту» во времена древнего Китая было равнозначно выражению «совершать ненужное дело» и хорошо объясняется следующей притчей. Одному человеку, возделывавшему поле и с нетерпением ожидавшему всходов, казалось, что ростки слишком медленно поднимаются над

землей. Тогда он решил им помочь и подтянуть растения вверх. Когда сыновья пришли на поле, было уже поздно: все всходы погибли. Мудрец говорил в таком случае, что владелец поля «помог росту», то есть нарушил естественный ход вещей.

Другая особенность древнекитайского мышления касалась видимых вещей. Какие они на самом деле – не знает никто. Поэтому учитель говорил: «Всякий предмет является и тем, и этим, и ни тем, и ни этим». Ведь и палка, опущенная в воду, кажется кривой, а путь, по которому идет толпа, может оказаться ложным.

В отличие от обычного человека мудрец видит в парадоксах естественную гармонию мира. В этом отношении смелость Лао-цзы беспрецедентна, примером чему могут служить такие высказывания: «Тяжелое – основа легкого»; «Истинные слова не бывают приятны. Приятные слова не бывают истинны»; «Добрые не бывают спорщиками, спорщики не бывают добрыми».

Философия Лао-цзы пронизана и своеобразной диалектикой. «Из бытия и небытия произошло все; из невозможного и возможного – исполнение; из длинного и короткого – форма. Высокое подчиняет себе низкое; высшие голоса вместе с низшими производят гармонию, предшествующее подчиняет себе последующее». «Из несовершенного происходит цельное. Из кривого – прямое. Из углубленного – гладкое. Из старого – новое». «То, что сжимается, – расширяется; то, что ослабевает, – усиливается; то, что уничтожается, – восстанавливается». Однако Лао-цзы понимал диалектику не как борьбу противоположностей, а как их примирение. А отсюда делались и практические выводы: «Когда человек дойдет до неделания, то нет того, что бы не было сделано»; «Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным».

Даосизм придерживается точки зрения, что отдельный человек должен не бороться против Дао, а приспосабливаться к нему и работать с ним. Активное стремление получить или проявить власть не столько аморально, сколько глупо и бессмысленно. Дао нельзя победить. Каждый вместо этого должен стараться жить в согласии с ним. (Последователи Лао-цзы могут отметить, что вода, которая мягка, не имеет формы, спокойно течет в низкие места, подчиняется без сопротивления даже слабой силе, тем не менее является разрушительницей и с годами стачивает твердые скалы.) Для отдельной личности главное – простота и естественность. Насилия необходимо избегать так же, как жажды денег или славы. Человеку следует не стремиться изменить мир, но уважать его. Для правительств также обычно более мудрым курсом является неактивная политика. Проведение

новых законов или грубое усиление старых, как правило, делает положение вещей только хуже. Программы современных амбициозных правительств, их военные планы – все это противоречит духу даосской философии.

Из этих мыслей видна основная идея философии, или этики, Лао-цзы: это принцип бездействия, квиетизма. Всякое стремление что-либо сделать, что-либо изменить в природе или в жизни людей осуждается. Злом считает Лао-цзы и всякое знание: «Святой муж, управляющий страной, старается, чтобы мудрые не смели сделать что-нибудь. Когда все сделаются бездеятельными, то (на земле) будет полное спокойствие». «Кто свободен от всякого рода знаний, тот никогда не будет болеть». «Кто знает глубину своего просвещения и остается в невежестве, тот сделается примером всего мира». «Нет знания; вот почему я не знаю ничего». «Когда я ничего не делаю, то народ делается лучше; когда я спокоен, то народ делается справедливым; когда я не предпринимаю ничего нового, то народ обогащается…»

Уже во II в. н. э. Лао-цзы был обожествлен и стал одним из трех главных божеств даосского пантеона, именуемым «Лао-цзюнь» – «Господин Лао». Считается, что он восседает на самом высоком небесном «этаже» – в чертогах «Великой чистоты». Особый размах культ учителя Лао-цзы приобрел во время правления династии Тан (618–907 гг.), императоры которой носили фамилию Ли и считали его своим предком. В народных же верованиях он считается покровителем заклинателей, кузнецов, ювелиров, точильщиков и мастеров по изготовлению пиал и палочек для еды. Важнейшие атрибуты его иконографии – мантические символы Чжоу (триграммы, гексаграммы) и черный бык, верхом на котором он отправился на Запад.

Путь, или Дао, как его понимал Лао-цзы, надолго определил становление и развитие китайской философии. Учение даосизма провозгласило автономность, независимость человеческой личности, стихийность ее природы. Получалось, что никаких твердых норм поведения для Дао не существует. Такая «антиэтика» предполагала полное отрицание общественных институтов – государства, общества, принятой в нем морали. Для последователей даосизма эти институты, их принципы являлись только средством для подавления свободы личности.

Собственно, и само понятие «ценности» утрачивало всякий смысл. На первый взгляд, такая философия делала шаг назад по сравнению, например, с конфуцианством или европейскими идеалами, воплощенными Платоном, Эпиктетом, Сенекой. На самом же деле Дао, параллельно с античной мудростью, закладывало краеугольный камень того фундамента, на котором

впоследствии была построена вся европейская, и не только европейская цивилизация. Во всяком случае, идеи свободного творчества, независимых искусств обнаруживают прямую генетическую связь с идеями Дао – пути раскрепощения творческих сил, вольного парения фантазии художника.

Математически выверенная логика Дао переплавилась, как ни удивительно, в сферу эмоционального, чувственного, восприимчивого ко всем проявлениям иррационального сознания. Дао обозначило путь не столько прагматически мыслящего политика, сколько судьбу художника, не связанного с условностями общества. И если сегодня кто-то из начинающих талантов, возмутителей эстетических канонов заявляет о себе без всякого страха, то не в последнюю очередь он обязан своей свободой китайскому мудрецу Лао-цзы – мыслителю, разрушившему незыблемые границы творческой личности: «Высшее добро подобно воде. Добро, которое оказывает вода, приносит пользу всем существам, и она не борется с ними. Вода находится в тех местах, которыми гнушаются люди, поэтому она похожа на Дао».

На Западе «Дао дэ цзин» – гораздо более популярное произведение, чем труды Конфуция или любого из его последователей. Опубликовано сорок английских переводов этой книги – больше, чем любой другой, кроме Библии.

И хотя в самом Китае в целом доминирующей философией является конфуцианство, во многих случаях идеи Лао-цзы просто врастают в философию Конфуция и таким образом влияют на миллионы людей, которые не считают себя даосами. Даосизм оказывает значительное влияние и на развитие буддистской философии, особенно на дзен-буддизм.

Хотя лишь немного людей называют себя даосами. Нет ни одного китайского философа, кроме Конфуция, который оказал бы такое широкое и глубокое воздействие на человеческую мысль, как Лао-цзы.

Ленин Владимир Ильич

Настоящее имя – Владимир Ильич Ульянов (род. в 1870 г. – ум. в 1924 г.)

Основатель Российской коммунистической партии большевиков. Идейный и практический руководитель Октябрьского вооруженного восстания. Основатель и первый руководитель Советского государства.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин несомненно принадлежит к немногочисленным политикам, которым удалось резко изменить ход мировой истории. А вот в попытках решить вопрос о том, положительным или отрицательным было его обширное теоретическое и практическое наследие, до сих пор ломают копья историки, политологи и журналисты, соревнуясь в подборе радужных и черных красок для своей палитры.

Марксист, основатель большевизма – радикально-экстремистского течения в российской социал-демократии, идеолог советской власти как нового типа общественно-политического строя, основанного на государственности тоталитарного типа, Ленин своими культурологическими теориями, ставшими доктриной, получившей название «ленинизма», непосредственно повлиял на теорию и практику тоталитарной культуры России, Германии, Италии и ряда других стран мира, а также на аспекты всех социалистических и коммунистических учений XX в. Да, именно Ленин заложил основы тоталитарной культуры. Он первым начал превращать социализм Маркса и Плеханова из науки обратно в утопию, в

светскую религию.

В отличие от Плеханова, развивавшего идеи Маркса в ортодоксальном, «западническом» духе, предполагавшем приоритет экономики над политикой и идеологией, складывание объективных исторических условий для осуществления социалистической революции, относительную свободу революционера от партии, к которой он принадлежит, Ленин ставил во главу угла революцию, учитывая при этом национальные традиции социализма в России, ее крестьянский характер, общую социальную пассивность масс, гегемонию профессионально-революционного меньшинства, авторитет печатного слова, приоритет политики над экономикой, культурой, бытом. Он выступал за строгую партийность, выражавшуюся в жестком централизме, конспиративности, беспрекословной дисциплине, подчинении меньшинства большинству, подконтрольности всех сфер деятельности партийному руководству. Плеханов утверждал, что ленинские идеи носят характер политического заговора и основываются на традиционных для России принципах восточного деспотизма. Да, он не был настоящим марксистом, и совсем не с марксизма началось его увлечение революцией. В молодости Ленин находился под сильным влиянием народников и высоко ценил террор и терроризм. Как политик, он был, в первую очередь, азартный игрок – решительный, смелый и умный игрок, быстро учившийся на опыте.

Интересна оценка Ленина его соратником по Октябрьскому перевороту Троцким. Он усматривал в нем национальное русское начало, свободу от шаблона, фальши и условности, решимость мысли, отвагу в действии, революционный размах, утилитарность и аскетизм, интуицию действия, сметку, развернувшуюся до гениальности.

Ленин стал Лениным в значительной степени волею обстоятельств, но он умел использовать возможности и обращать обстоятельства к своей выгоде, а прежде умел разглядеть эту выгоду. Он исповедовал «научный подход» к революционной деятельности и в угоду «учению» изменял своему изумительному чутью. Но в то же время он постоянно корректировал свои теории и подгонял концепцию пролетарской революции под те обстоятельства, с которыми ему приходилось иметь дело на практике. Другими словами, порой просто притягивал за уши марксизм к тому, что делал.

Ни контрреволюционные мятежи, ни братоубийственная Гражданская война, ни безжалостная политика «военного коммунизма», ни сломанные судьбы миллионов людей – ничто не

могло заставить Ленина усомниться в истинности избранного пути. Выдающийся русский философ Н. Бердяев писал: «Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа… Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике… Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством».

Весьма интересную характеристику давал Ленину посол Франции в России М. Палеолог: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неутомимую логику, необыкновенную силу убеждения и уменье повелевать».

Генеалогическое древо семьи Ульяновых напоминает коктейль – столько там смешано кровей. По материнской линии прадед Ленина торговец-еврей Мойше Бланк был женат на шведке Анне Карловне Остедт; дед – крещеный еврей Александр Бланк – врач, сделал блестящую карьеру, дослужившись до статского советника, и был приписан к дворянству Казанской губернии, где купил имение Кокушкино и до 1861 г. имел крепостных крестьян. У них с женой А. Гросекопф, немкой по происхождению, было пятеро дочерей, одна из которых – Мария – стала матерью Володи Ульянова. По отцовской линии прадед был крепостным; дед – мещанином-портным. Только после 50 лет он женился на дочери крещеного калмыка, младше его почти на двадцать лет. У них родилось три сына и две дочери. Самый младший, Илья, – отец Владимира. Большую помощь в его образовании и становлении оказал зажиточный старший брат. В 1869 г. Ульяновы поселились в Симбирске, где в следующем году, 22 апреля, родился Володя, третий ребенок в семье.

Илья Николаевич прошел путь от рядового педагога до директора народных училищ. За свою деятельность он награждался орденами, получил чин действительного статского

советника (штатский генерал), ему было пожаловано дворянство. Мать, хоть и не кончала университетского курса, слыла весьма образованной женщиной. В семье росли трое сыновей и три дочери.

По воспоминаниям старшей сестры Владимира Ильича, Анны, в раннем возрасте у мальчика была слишком большая голова и слабые ноги, поэтому ходить он начал только в три года. Родителей огорчали его наклонности к разрушению.

Володя учился прекрасно, был первым учеником и не раз получал похвалы от директора гимназии Ф. Керенского, отца будущего премьер-министра России. И отец, и мать много сделали для создания в семье демократичной, гуманной обстановки. А вот друзей в гимназии у Володи было мало. Любимчик в семье, постоянно находившийся в центре внимания, захваленный и учителями, и родителями, считавшими его гением, – он рос самоуверенным, утверждая свое лидерство, не останавливался и перед грубым моральным давлением: уже в юности его отличала нетерпимость к иным взглядам.

В 1886 г. казавшееся прочным положение семьи пошатнулось – внезапно в 54 года умер отец, а в следующем году за участие в террористической организации был арестован старший брат Александр. Обращение матери к царю с просьбой о помиловании не дало результата, поскольку сам Александр отказался подавать таковое и был повешен. Это потрясло Владимира и подтолкнуло к выбору пути. А первые представления о нем сложились у 17-летнего юноши под влиянием идей народовольцев и книги Н. Чернышевского «Что делать?» Ее герои, профессиональные революционеры, привлекали его тем, что обладали правом решать судьбоносные вопросы за миллионы людей. Запали в душу Владимира и идеи Нечаева с его «Катехизисом революционера»: «Нравственно… все, что способствует делу революции». От теории было рукой подать до практики. В 1887 г. студент первого курса юридического факультета Казанского университета Владимир Ульянов за участие в студенческой сходке был исключен и выслан из Казани в Кокушкино. Просьбы матери о восстановлении сына в университете ни к чему не привели. Директор департамента полиции П. Дурново на ее прошение наложил резолюцию: «Едва ли можно что-нибудь предпринять в пользу Ульянова».

Теперь у Владимира было много свободного времени. Он много читал, занимался самообразованием и тогда же познакомился с марксизмом. Большое влияние на него оказал Н. Федосеев, молодой, но популярный марксист, составивший для просвещения будущих социал-демократов подробные списки-

программы: что читать и на что обращать внимание.

Однако об учебе Владимир не забывал: он успешно подготовился и сдал экстерном экзамены за курс Петербургского университета. В 22 года Ульянов стал юристом и был зачислен помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда. На этом поприще у него, правда, никаких успехов не было, вскоре он прекратил свою трудовую деятельность и больше нигде не работал. Его работой стала революция.

В 1894 г. Владимир приехал в Петербург и довольно быстро установил связи с марксистами города. Уже в следующем году он создал Союз борьбы за освобождение рабочего класса. По воспоминаниям людей, близко знавших Ульянова, он в то время не производил впечатления молодого человека. Бледность, хриплый голос, начинающееся облысение ассоциировались со зрелыми годами. Видимо, поэтому, а также за зрелость суждений 24-летнего Владимира стали называть «Стариком». Это была его первая партийная кличка. Потом их было множество: Ильин, Тулин, Карпов и другие. С 1901 г. Владимир Ульянов стал пользоваться псевдонимом Ленин и под этим именем прочно вошел в мировую историю. 20 декабря 1895 г. все члены Союза борьбы за освобождение рабочего класса были арестованы и сосланы. В. Ульянов был отправлен в Красноярский край, в село Шушенское. В 1898 г. там состоялась скромная свадьба Владимира и Надежды Крупской, тоже ссыльной, знакомой еще по Петербургу.

После окончания срока ссылки В. Ульянов по паспорту на фамилию Ленин, которая со временем станет окончательной его партийной кличкой, вместе с женой выехал за границу. Ему предстояла борьба за лидерство в Российской социал-демократической партии (РСДРП), созданной в 1898 г. С. Радченко. К этому времени Владимир Ульянов был уже известным революционером. Им были написаны крупные работы по анализу российской действительности с применением марксизма – «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России». В 1903 г. Ленин на II съезде РСДРП сознательно пошел на раскол социал-демократов. Внесенные им в программу партии и устав положения о диктатуре пролетариата, национализации собственности и обязательном участии в работе партии заставили большинство участников в знак протеста уйти со съезда. Оставшиеся же при выборах руководства разделились на большевиков – сторонников Ленина и меньшевиков – сторонников Плеханова. Хотя Ленин теперь присвоил себе право

выступать от имени большинства, на самом деле его сторонники представляли собой незначительную группу среди социал-демократии. Однако один из лидеров меньшевиков А. Потресов уже тогда отмечал: «Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем, ибо только Ленин представлял собою… редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, соединяющего фанатичную веру в движение, в дело с неменьшей верой в себя… Людовик XIV мог говорить: Государство – это я… Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия – это он, что он – концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал…»

Во время революции 1905–1907 гг. Ленин только раз посетил Россию. В декабре 1905 г. он провел в Таммерфорсе партийную конференцию, где дал своим сторонникам очередные указания. После этого Ленин покинул Россию и до 1917 г. проживал в Западной Европе, где ему приходилось постоянно доказывать свое право на лидерство в борьбе с Плехановым и Троцким.

Проживание Ленина и Крупской за границей было довольно неплохим. Крупская впоследствии вспоминала: «Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда». Ленин получал гонорары, правда, небольшие, за свое литературное творчество, присылала деньги мать. Неплохой источник к существованию давала партийная касса, которой он непосредственно распоряжался. Деньги в кассу в основном поступали от экспроприаций – ограблений, хотя они были запрещены IV съездом РСДРП. Руководили террористической организацией, добывающей деньги, товарищи Сталин и Камо (Тер-Петросян). Самой крупной их акцией стал захват 26 июня 1907 г. 340 тыс. рублей, перевозимых в банк в Тифлисе. Подобные деяния являлись фактически уголовной страницей партии Ленина. Из партийной кассы он получал порядка 350 франков, что по тем временам составляло среднюю зарплату европейского рабочего. Партийную кассу, а также и личный бюджет Ленина пополняло и весьма интересное меценатство. Миллионер Савва Морозов, долгое время жертвующий деньги большевикам, в мае 1905 г. покончил с собой, завещав М. Ф. Андреевой (партийная кличка Феномен) свыше 100 тыс. рублей. Его племянник фабрикант Н. Шмит при весьма загадочных обстоятельствах

покончил с собой в 1907 г. в тюрьме. Большая часть его имущества тоже перешла в партийную кассу. Сюда же поступали деньги от Горького, предпринимателя А. Ермасова и ряда других состоятельных людей.

Находясь в эмиграции, Ленин сумел превратить партию большевиков в партию профессиональных революционеров, своего рода орден – орудие захвата власти, прилагал усилия к сплочению интернациональных сил. Участвовал в международных социалистических конференциях в Циммервальде (август 1915 г.) и Кинтале (апрель 1916 г.). В конце лета 1915 г. Ленин выдвинул идею о том, что в эпоху империализма, в силу неравномерности развития капитализма, «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране».

Известие о Февральской революции 1917 г. застало его в Швейцарии, и он с группой товарищей тут же стал готовиться к отъезду. Но приезд в Россию был связан с большими трудностями: шла Первая мировая война. Вот тут-то и помогли немцы, которым прибытие в Россию революционера, постоянно выступающего за немедленное прекращение империалистической войны и превращение ее в гражданскую, было крайне выгодно. Английский посол Дж. Бьюкенен позднее писал: «Россия была лишь пешкой в той игре, которую играл Ленин. Для осуществления его мечты о мировой революции война, которую вела Россия против Германии, должна превратиться в гражданскую войну внутри страны: такой была отныне конечная цель его политики». Решение на проезд по территории Германии принималось на самом высоком уровне: генштаб, МИД, кайзер Вильгельм II. Мотивы, которыми руководствовалось германское правительство, позднее генерал Э. Людендорф изложил следующим образом: «…с военной точки зрения пропуск Ленина в Россию был оправдан: Россию необходимо было разбить любыми средствами». Кроме того, немцы выделили огромные средства для деятельности Ленина по захвату власти.

Прибыв в апреле 1917 г. через Германию, Швецию и Финляндию в Россию, Ленин тут же, в условиях сложившегося двоевластия – Временное правительство и Советы – стал готовить свою партию к захвату власти. В июне на I съезде Советов он от имени партии большевиков заявил свои претензии на власть. И уже 4 июня большевики пошли на путч. Эта затея тогда провалилась. Мало того, началось расследование связей Ленина с немцами, и 7 июля был выписан ордер на его арест как немецкого шпиона. Ленин вынужден был скрываться: вначале в Рязани, прячась вместе с Зиновьевым у рабочего Емельянова, затем в

Финляндии. Связь с партией он поддерживал через Сталина. В июле – августе он писал письма в ЦК с требованием готовить вооруженное восстание. Однако не все в партии были с ним согласны, и подготовка к восстанию шла крайне вяло. Тогда Ленин 1 октября нелегально прибыл в Петербург и взял это дело в свои руки: были созданы Политбюро и штаб восстания. Но и теперь ряд соратников – Каменев, Зиновьев, Троцкий – правда, по разным причинам, были против восстания. Доходило даже до того, что Ленин требовал исключить Каменева и Зиновьева из партии и расстрелять за медлительность в подготовке восстания Антонова-Овсеенко. Однако все уладилось. Английский историк Кратвелл дал одно из самых убедительных объяснений успехов Ленина в первые месяцы после возвращения в Россию: «Его удивительная способность сосредоточиться не была направлена только на идеализацию марксистского материализма, он искал и находил подходящие средства для достижения конкретной поставленной практической цели. Ленин – уникальное, единственное в своем роде явление среди революционеров. Он отличается от всех других тем, что удивительно сочетает в себе черты фанатика и генштабиста. Большевизм часто сравнивают с новой воинствующей религией. Если это так, то Ленина можно сравнить с Магометом или скорее даже с Лойолой. Ему удавалось одерживать верх благодаря глубоким знаниям, методичности и обезоруживающей логике, то есть качествам, редко встречающимся у русских».

Попытки Временного правительства Керенского, к этому времени уже очень слабого, противостоять большевикам успехами не увенчались. 25 октября переворот был совершен, и большевики оказались у власти. Правда, без помощи левых эсеров, самой многочисленной тогда партии, они вряд ли бы победили. На II съезде Советов сразу же был принят декрет «О мире», а по требованию левых эсеров – «О земле», по которому земля переходила крестьянам; создано правительство – Совнарком – во главе с Лениным и ВЦИК во главе с Каменевым. Через несколько дней после этих событий Горький сказал о Ленине: «Это не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата». Это соответствовало действительности: первое мероприятие Ленина по насаждению, как он говорил, диктатуры пролетариата – это подавление выступлений рабочих-железнодорожников. В знак протеста против этого со своего поста ушел Каменев, а его место занял Я. Свердлов. Были закрыты все небольшевистские газеты; для подавления любого недовольства создана ВЧК – «карающий меч революции» – во главе с Ф. Дзержинским. Охрану Кремля и

самого Ленина осуществляли только интернационалисты – латышские стрелки.

Сразу же после захвата власти Ленин начал переговоры с немцами, заключив с ними в марте 1918 г. позорный для России Брестский мир, по которому немцам отходил почти 1 млн кв. км российской территории, демобилизации подлежали армия и флот и выплачивалась огромная контрибуция. Такова была плата Ленина Германии за помощь в захвате власти.

Первым шагом Ленина по укреплению власти был разгон Учредительного собрания, отказавшегося признать навязываемую народу диктатуру пролетариата. Это собрание, которое должно было утвердить законную постоянную власть, основанную на демократических началах, грозило большевикам потерей их завоеваний в октябре 1917 г. Теперь можно было переходить к террору, главным орудием которого стала ВЧК. При этом необходимо было уничтожить буржуазию как класс. Во время обысков и реквизиций за короткий срок у населения изъяли два с половиной миллиарда золотых рублей, не считая украшений и драгоценных камней. Ценности уходили в заграничные банки – и на личные счета тоже. Они шли также на финансирование деятельности иностранных коммунистических партий.

В то же время происходила национализация промышленности и изъятие хлеба у крестьян – продразверстка. «Практически мы забираем все излишки хлеба, – писал позднее Ленин, – а временами… и часть хлеба, которая нужна была крестьянину, чтобы прокормить себя». «Ни один пуд хлеба, – учил вождь, – не должен оставаться в руках держателей. Объявить всех имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты врагами народа…» Ленин также предложил выделять часть конфискованного зерна доносчикам-информаторам. Хлеб – это власть. «Распределяя его, – говорил Ленин, – мы будем господствовать над всеми областями труда». Но крестьяне отдавать хлеб не хотели. Тогда вождь мирового пролетариата предложил «взять 25–30 заложников из числа богатых крестьян, которые отвечали бы жизнью за сбор и отгрузку зерна».

С лета 1918 г. Ленин начал избавляться от своих вчерашних союзников, которые помогли ему заполучить и удержать власть. Восстание в Москве левых эсеров, протестующих против политики большевиков, и взрыв в Леонтьевском переулке, приписанный анархистам, поставили под запрет эти партии. Теперь правящей осталась только одна – партия Ленина. Террор, хотя и негласно, продолжал расширяться. В июне были расстреляны император с семьей, затем его брат Михаил, а в Петропавловской крепости другие члены дома Романовых.

30 августа 1918 г. возле завода Михельсона прозвучало три выстрела, которые чуть не изменили ход событий. Это было покушение на Ленина. Одна пуля застряла в правой стороне шеи, другая – в левом плече. Хотя некоторые очевидцы видели стрелявшего мужчину, одетого в солдатскую шинель, в двух кварталах от места покушения была схвачена женщина, в сумочке которой обнаружили пистолет, – эсерка, политкаторжанка Фанни Каплан. Она была полуслепа, в стволе отсутствовал пороховой нагар, но именно ее объявили террористкой и на следующий день расстреляли. Это событие официально открыло дорогу «красному» террору. ЧК получила колоссальную власть: расстреливали камерами в тюрьмах, за спекуляцию, за то, что был офицером, за принадлежность к «богатым» классам. Инструкция Москвы гласила: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите… доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии». Имущество казненных конфисковывалось. Появились концлагеря.

В 1921 г. надежды на мировую революцию на штыках Красной Армии разбились. В это же время в стране назрел острый политический кризис, грозивший большевикам потерей власти. После Кронштадтского мятежа Ленин изменил курс, перейдя к нэпу. Через год он написал: «Мы должны вскоре вернуться к террору, как политическому, так и экономическому». А в 1923 г. страну поразил голод, особенно разгулявшийся на Волге. Под видом борьбы с ним началось наступление на церковь: церковные ценности изымали, многих священников расстреляли. Кроме того, шло постоянное подавление интеллигенции. В 1922 г. из страны были высланы крупнейшие философы XX в.: Бердяев, Булгаков, Ильин, Сорокин и многие другие. Ленин писал: «Выслать за границу немедленно… всех их – вон из России».

После Кронштадтского восстания начались аресты оппозиционеров. Летом 1922 г. прошел первый показательный политический процесс – против социал-революционеров, где было вынесено 14 смертных приговоров. Ходатайства Клары Цеткин, Максима Горького и других видных революционеров о помиловании Ленин отклонил; впрочем, приговоры были приведены в исполнение лишь после его смерти. Одновременно Ленин покончил с оппозиционными течениями и внутри собственной партии. На X партийном съезде весной 1921 г. было принято решение о запрете всех оппозиционных групп. После этого превращение руководства партии в бюрократический

аппарат значительно ускорилось. Теперь она перестала быть свободным объединением независимых, критически мыслящих революционеров.

2 марта 1919 г. в Москве открылся первый конгресс III Интернационала. С тех пор Коминтерн и Советское правительство были тесно связаны друг с другом. При жизни Ленина состоялись еще три конгресса Коминтерна (1920, 1921 и 1922 гг.), в работе первых двух он принимал активное участие. Второму конгрессу он представил 21 пункт руководящих указаний для всех коммунистических партий мира. Строжайшее подчинение, железная дисциплина и решительная борьба против социал-демократов являлись важнейшими требованиями. Наибольшие ожидания Ленин связывал с Германией. Предполагалось, что она станет трамплином для распространения коммунизма в мировом масштабе.

С 1921 г. у Ленина начали учащаться головные боли. Развивалась болезнь, сведшая в могилу его отца, – атеросклероз. В мае 1922 г. произошел первый приступ, но после него Ленин быстро оправился. В декабре же случилась неприятность: исчезли деньги основного капитала партии в швейцарском банке. Пропали и секретные документы из кабинета Ленина в Кремле. Тогда случился новый удар – его парализовало. Едва оправившись, он начал диктовать «Письмо к съезду», так называемое «политическое завещание», в котором дал оценку возможным своим преемникам, делая особый упор на то, почему они не могут стать таковыми. Это письмо открыло дорогу борьбе за власть после его смерти. А болезнь прогрессировала. 21 января 1924 г. случился третий удар – и жизнь Ленина оборвалась.

В трескучие морозы рабочие ломами и лопатами рыли котлован под первый мавзолей, куда вскоре положили набальзамированное тело вождя «мировой революции».

Однако его дело не пропало. Эстафету подхватил и понес «верный ученик» Сталин. В годы его правления партийная диктатура стала одной из самых жестоких в мировой истории бюрократических тираний. Сообразно политике Сталина ближайшие соратники Ленина были отстранены от власти, а большая их часть уничтожена в «чистках» 1930-х гг. Десятки миллионов людей погибли в результате осуществления идеи насильственного изменения хода истории. То, что вначале казалось стремлением к справедливости, обернулось массовой кровавой бойней. Таким образом, Ленин оказался главным «архитектором» самой страшной из тоталитарных систем, которые существовали в XX столетии.

Уинстон Черчилль писал о Ленине: «Ни один азиатский

завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан, не пользовался такой славой, как он. Его оружие – логика, его расположение души – оппортунизм. Его симпатии холодны и широки, как Ледовитый океан: его ненависть туга, как петля палача. Его предназначение – спасти мир; его метод – взорвать этот мир. Абсолютная принципиальность, в то же время готовность изменить принципам… Он ниспровергал всё. Он ниспровергал Бога, царя, страну, мораль, суд, долги, ренту, интересы, законы и обычаи столетий, он ниспровергал целую историю, структуру, такую, как человеческое общество. Он один мог вывести Россию из трясины. Русские люди остались барахтаться в болоте. Их величайшим несчастьем было его рождение, но их следующим несчастьем была его смерть».

Люмьер Луи, Люмьер Огюст

ЛЮМЬЕР ЛУИ
(род. в 1864 г. – ум. в 1948 г.)
ЛЮМЬЕР ОГЮСТ
(род. в 1862 г. – ум. в 1954 г.)

Французские промышленники и изобретатели аппарата для съемки и проецирования «движущихся фотографий» – первого пригодного к практическому использованию аппарата, названного ими «кинематографом». Режиссеры-постановщики первых в мире кинофильмов.

Кинематография родилась в конце XIX ст. Свое название новый вид искусства получил не случайно: греческие корни «кинема» и «графо», из которых составлено слово, означают «пишу движение». Кино фиксирует не мгновение, как, например, живопись, а череду мгновений: зритель смотрит «движущиеся картины». Оно дает возможность видеть движение, а значит, жизнь – вероятно, именно поэтому новое искусство сразу приняли и полюбили.

Самые ранние попытки записать движение относятся кXV–VIII тысячелетиям до н. э. В пещере Альтамира в испанской провинции Сантандер в 70-х гг. XIX в. были обнаружены рисунки первобытного человека – множество изображений животных. Среди них есть два диких кабана: первый у входа, другой – в глубине. У одного из них интересно передано движение: кроме четырех ног художник пририсовал кабану еще четыре, изображенные менее отчетливо. Другие части тела животного не

удвоены – значит, первобытный мастер изобразил восемь ног сознательно: он не исправлял рисунок, а пытался «записать» бег кабана. Любопытно, что точно так же передавали стремительность жизни некоторые живописцы XX в. Например, итальянский футурист Джакомо Балла в картине «Динамизм собаки на поводке» рисует уже не восемь ног, а гораздо больше.

В рождественские дни, а точнее, 28 декабря 1895 г., у входа в «Гранд-Кафе», что на бульваре Капуцинов в Париже, появилась афиша, приглашавшая посетить представление «кинематографа братьев Люмьер». Слово «lumiere» по-французски означает «свет». Судьба, можно сказать, позаботилась о том, чтобы у создателей зрелища, основанного на воспроизведении движения с помощью света, оказалась соответствующая фамилия.

Те, кого любопытство заставило заплатить один франк за билет, спустились по винтовой лестнице в нижний зал кафе. Здесь у одной стены было натянуто белое прямоугольное полотнище, а у противоположной – стоял на штативе ящик, напоминавший аппарат фотографа. В середине зала в несколько рядов стояли стулья. Когда зрители заняли места, свет в газовых рожках, освещавших помещение, померк, а экран осветился ярким трепещущим сиянием. Спустя несколько мгновений на белом прямоугольнике появилась проекция фотографии площади Белькур в Лионе. «Неужели нас обманули и заманили в этот зал только для того, чтобы позабавить картинками из волшебного фонаря?» Но не успели зрители так подумать, как лошадь на фотографии, запряженная в повозку, пошла на них, а вместе с ней задвигались прохожие и покатили экипажи. Зрители остолбенели от изумления: ведь то, что для наших современников стало обыденностью и что уже давно никого не удивляет, в конце XIX ст. увидели впервые! Между тем движущиеся картины сменяли одна другую…

Создателями кинематографа признаны братья Люмьер, вернее, один из них – Луи; другой – Огюст считал свой вклад в изобретение незначительным. Однако помимо них в той же Франции в это время было выдано 129 патентов на устройства для показа «движущихся картин». Если добавить к ним 50 английских патентов, а также работы изобретателей в других странах, то получается, что идея аппарата, который сумел бы запечатлевать «движущиеся картины» и показывать их публике, буквально витала в воздухе.

Уже в 1888 г. проходили экспериментальные и публичные демонстрации фильмов, но они носили случайный характер. Мало того, в том же 1895 г. было проведено большое количество сеансов движущейся фотографии, но их изобретатели, как

правило, не знали друг о друге. Все это послужило впоследствии причиной бесконечных споров о приоритете в кино. Почему же в этом споре победили братья Люмьер? Во-первых, их изобретение было более совершенным, а во-вторых – их публичные платные сеансы оказались наиболее успешны… с точки зрения коммерции. Кроме того, Люмьеры не были дилетантами в своем деле. Братья вместе со своим отцом руководили крупной фабрикой фотоматериалов в Лионе и занимались фотобизнесом всю жизнь…

У фотографа Антуана Люмьера, бывшего учителя рисования, было два сына: Огюст Мари Луи Николя родился в Безансоне 20 октября 1862 г., а Луи Жан – 5 октября 1864 г. Оба мальчика посещали Коммерческую и промышленную школу и параллельно работали на фабрике фотопластинок, принадлежавшей отцу. Они даже внесли несколько небольших изменений в процесс фотосъемки. Так, с 1880 г. стал применяться придуманный ими улучшенный тип сухих пластин. Повзрослев, Огюст и Луи не ограничились тем, что стали фабрикантами и удачными бизнесменами. Их интересы были гораздо шире: они обладали достаточными научными знаниями в области химии и без конца придумывали различные нововведения в технологии производства.

В 1894 г. Антуан Люмьер приобрел в Париже кинетоскоп Эдисона – «глазок» для просмотра кадров. Так братья познакомились с движущимися изображениями Томаса Эдисона и стали интересоваться проблемой световой проекции «движущихся фотографий». Впоследствии Луи вспоминал: «Я изобрел кино, потому что заболел гриппом и должен был в течение трех дней лежать в постели. От нечего делать я стал думать над этим проектом». Вместе с братом Огюстом он разработал аппарат, названный ими «кинематографом». Основным изобретателем был Луи, а брат только помогал ему и никогда не претендовал на «первородство».

Кроме технического изобретения, братьям принадлежит инициатива регулярного выпуска фильмов. Первая демонстрация кинематографического аппарата для съемки и проекции «движущихся фотографий» конструкции Люмьер состоялась в марте 1895 г. в одном из залов ассоциации содействия промышленности Франции, основанной самим Наполеоном Бонапартом. Был показан фильм «Выход рабочих с фабрики Люмьер». А первый платный киносеанс для публики, как мы уже знаем, состоялся в декабре того же года в парижском кафе. В тот день было продано всего 35 билетов, зато потом к братьям Люмьер выстраивались громадные очереди желающих увидеть

«кино». После такого успешного дебюта кинематограф быстро распространился по Европе.

Свой «кинематограф» для многократных публичных сеансов Огюст Люмьер заказал в мастерских, руководимых Жюлем Карпантье, автором конструкции лучшего фотоаппарата того времени. Выбрав такого поставщика, Люмьер обеспечил себе сотрудничество с выдающимся французским конструктором-механиком и нейтрализовал тем самым могучего конкурента.

Созданный под руководством Карпантье киноаппарат был легким, прочным и приводился в движение простой ручкой. Кроме того, он, как указывалось в первом патенте, мог служить для трех целей: съемки, проецирования на экран и печатания позитивов. Оператор, вооруженный кинематографом Люмьера, имел в своем распоряжении как бы «волшебный ящик», который мог превращаться по желанию в съемочное ателье, копировальную фабрику или проекционную камеру, действовавший где угодно, в любом помещении.

В этом заключалось его преимущество и над «кинетографом» – тяжелой машиной, не более транспортабельной, чем пианино; и над «кинетоскопом», который не был приспособлен для массовых представлений; и над примитивными проецирующими аппаратами Латама, Ле Роя, Складановского, плохо сконструированными и выпущенными всего лишь в нескольких экземплярах. Он был лучше и «фантаскопа» Армата и Дженкинса, который был не в состоянии осуществлять киносъемку, а также «хронофотографа» Марэ и Демени, который не давал удовлетворительной проекции.

Техническое совершенство аппарата и сенсационное содержание новых фильмов Люмьеров обеспечили им повсеместно триумфальный прием. Но братья не остановились на этом. Десятки операторов, обученных Огюстом Люмьером, распространили его аппарат по всему миру. Они и создали известность в большей части земного шара французскому слову «синематограф» (или его производным «синема», «сине», «кино» и т. д.), означавшему новый вид зрелища. Русский царь, английский король, австрийская императорская семья – все коронованные особы хотели видеть новый аппарат и этим создали ему большую рекламу.

Первый фильм братьев «Выход рабочих с фабрики Люмьер» носил почти рекламный характер – он убеждал зрителей в значительности предприятия их отца, показывая внушительное число служащих. Ворота распахнуты настежь. Впереди идут женщины, затянутые в корсеты, подметая юбками тротуар, в шляпах с лентами, подвязанными под подбородком. Потом идут

мужчины, большинство из них – владельцы велосипедов. Выходит около 100 человек. Последней прыгает и убегает собака. Потом привратница быстро закрывает ворота.

Еще в июне 1895 г., до организации публичного показа Люмьеры поразили участников Конгресса фотографических обществ, продемонстрировав им через 24 часа после съемки два фильма, отражавших отдельные эпизоды с их участием: «Прогулка участников конгресса по берегу Сены» и «Янсен, беседующий со своим другом Лагранжем, генеральным советником Роны». Можно себе представить удивление и радость моделей, узнавших себя на экране. Луи Люмьер оценил произведенное впечатление и понял его коммерческое значение. С тех пор он поручал своим операторам снимать сцены, в которых зрители могли бы себя узнать.

Неожиданно серия таких фильмов оказалась социальным документом, в котором была запечатлена жизнь одной богатой французской семьи в конце XIX в. Люмьер показывал картину прочного благополучия, и зрители видели себя на экране такими, какие они есть или какими хотели бы быть.

Часть этих семейных сцен была снята в чудесном имении Люмьера-отца, расположенном в Ла Сиота. Благодушным настроением проникнут «Завтрак младенца», в котором отец (Огюст Люмьер), без пиджака, и мать, в изящном шелковом корсаже, умиленно восхищаются гримасами ребенка, который ест кашу и размахивает вафлей. На переднем плане – поднос с серебряным сервизом для кофе и с бутылками ликера. Вся сцена снята крупным планом, чтобы дать зрителю возможность насладиться простотой и естественностью мимики всех трех исполнителей.

Два самых известных фильма братьев Люмьер – «Прибытие поезда» и «Политый поливальщик» – намечали пути дальнейшего развития кино. В «Прибытии поезда» паровоз, появляясь из глубины экрана, устремлялся на зрителей, заставляя их вскакивать с мест из боязни быть раздавленными. В этом фильме Луи Люмьер использовал все возможности, таящиеся в объективе с большим фокусным расстоянием. Сначала на экране появлялся общий план пустого вокзала и рабочий, проходящий с тележкой по перрону. Затем на горизонте возникала быстро растущая черная точка. Вскоре паровоз занимал почти весь экран, стремительно надвигаясь на зрителей. Вагоны останавливались у платформы. Толпа пассажиров – среди них мать Люмьера, в шотландской накидке, с двумя внуками – направляется к вагонам. Двери вагонов были открыты, пассажиры входили и выходили. Уже в этом фильме две невольные «кинозвезды»: молодой

крестьянин из Прованса, с палкой в руке, и очень красивая молоденькая девушка, одетая во все белое. Увидев аппарат, девушка останавливается в нерешительности, но, оправившись от смущения, проходит перед объективом, чтобы сесть в вагон. Крестьянин и девушка были сняты очень крупным планом, чрезвычайно четко. При этом планы не снимались отдельно, а являлись результатом своеобразного варианта «трэвел-линга» (съемки движения), при котором съемочная камера не перемещалась, а все объекты изменения точки зрения давали то же разнообразие планов, как и при современном последовательном монтаже.

Таким образом, движущийся поезд стал одним из символов кинематографа. В свое время появление железной дороги вызвало неоднозначные оценки у современников (заметим, что первый грузовой состав прошел в 1808 г., а первый пассажирский – Ливерпуль – Манчестер – 15 сентября 1830 г.). «Орудие божественной мести и страшного возмездия, возрождающее все дантовы муки», – так высказался о поезде Огюст Барбье в 1842 г. «Чудовищем, украденным человеком у господина Люцифера», назвал его Савиньен Лапуэнт в 1844 г. Интересно, что уже в то время такие же ассоциации с Люцифером, адом и потусторонним миром возникали в связи с «кинематографом». Так, Виктор Шкловский, описывая свои ранние впечатления от фильма про поезд, сообщал: «Казалось, что там, в стене, есть другая, движущаяся жизнь, скажем, почти загробный мир». Кстати, Фрейд истолковал путешествие во сне по железной дороге как умирание.

«Политый поливальщик» не обладал техническими достоинствами «Прибытия поезда». Секрет его успеха был заложен в сценарии. Сюжет был придуман одним из членов семьи Люмьер, а фильм снят в саду на их даче. Содержание его незатейливо: садовник поливает цветы из брандспойта, мальчик, очевидно сынишка садовника, наступает ногой на шланг, и вода перестает течь. Садовник рассматривает брандспойт, мальчик отпускает ногу, вода с силой бьет в лицо садовнику. Обнаружив виновного, садовник дает ему шлепков. Это был единственный игровой фильм в первой программе братьев Люмьер.

В 1895–1896 гг. братья сняли около пятидесяти коротких фильмов на разные темы, при создании которых было придумано множество способов киносъемки, используемых и по сей день. Эти фильмы, снятые с натуры, положили начало созданию кинохроники и превращению документального кино в средство массовой визуальной информации. Братья Люмьер уже в 1896 г. разослали по многим странам операторов с заданием снимать интересные кинокадры. Так, хроника дореволюционной России и

других стран изобиловала военными парадами, торжественными выходами царствующих особ, пожарами, стихийными бедствиями. Большое внимание операторы уделяли также этнографическим и экзотическим видовым съемкам.

Погоня за сенсационными событиями, которые несли в себе ту или иную степень социальной значимости и эмоционального заряда, придавала хронике оперативности и емкости. Информационная хроника 1900—1910-х гг. вырабатывала первые классические формы документального кино – короткометражный фильм и киножурнал. Во время Первой мировой войны репортажная хроника приобретала все большее значение, требуя от операторов умения не только запечатлеть само событие, но и постичь его социальную сущность.

Фирма Люмьеров выпустила около 1,5 тысяч фильмов, но ни Огюст, ни Луи не верили в великое будущее своего детища и упустили инициативу из рук. Не выдержав конкуренции с другими компаниями, в 1898 г. братья заявили, что снимать кино они больше не собираются. Они продолжали заниматься промышленным производством кино– и фотопленки, а также киноаппаратов. Несколько лет спустя они прекратили и их выпуск и продали свои патенты. Однако и после этого братья продолжали интересоваться кинематографом, проводили первые опыты в области объемного и цветного кино.

Когда в 1903 г. Луи Жан Люмьер решил заняться цветной фотографией, он ничего не знал о том, как устроена сетчатка глаза курицы. И при этом почти буквально повторил в своем новом изобретении важную особенность ее схемы. У курицы, как и у многих птиц, а также у некоторых видов черепах, природа поставила перед совершенно одинаковыми рецепторами сетчатки светофильтры – жировые клетки красного, оранжевого, зеленовато-желтого цветов, а также бесцветные. Люмьер же брал зерна крахмала, окрашивал их в красный, зеленый и синий цвета, после чего посыпал этим трехцветным порошком фотопластинку…

В 1919 г. он был избран членом Французской академии наук, а в 1946 г., за два года до смерти, передал Французской синематеке около 1800 лент, снятых им вместе с братом. Луи Жан Люмьер умер 6 июня 1948 г. в Бандоле, а его брат Огюст – 10 апреля 1954 г. в Лионе. После их смерти во Франции была учреждена премия имени братьев Люмьер, ежегодно присуждаемая авторам документальных фильмов.

С того момента как братья Люмьер показали свой первый фильм «Прибытие поезда» и перепуганные зрители вскакивали со своих мест, стараясь уклониться от надвигающейся на них с

экрана железной машины, прошло уже больше ста лет.

В феврале 2002 г. во Франции был показан уникальный фильм «Люмьер и компания», созданный французским телевидением к 100-летию кино. Режиссером киноальманаха, явившего зрителю уникальный кинематографический эксперимент, стала известный фотограф Сара Мун. Первая в истории кинокамера, которой Огюст и Луи Люмьер сняли то самое прибытие поезда, хранилась в Париже в Музее кино. На время эксперимента ее оттуда извлекли, созвали около сорока режиссеров с мировым именем и предложили им «игру». По ее условиям, все приглашенные должны были снять свои ролики этой исторической кинокамерой. Андрей Кончаловский, который также участвовал в этой затее, даже переспросил: «А она работает?» Продолжительность роликов должна была строго соответствовать времени демонстрации первого в мире фильма – 50 секундам. Как сумеет распорядиться этим коротким промежутком времени человек, который привык снимать масштабные полотна, наполненные идеями, сюжетом, диалогами, звуком? Черно-белое изображение, скорость съемки и проекции поставили мэтров мирового кино в то же самое положение, в котором пребывали основатели кинематографа. Единственным отличием Гринуэя, Линча, Вендерса, Лелуша, Кончаловского, Вонга, Леконта, Ангелопу-лоса и многих других от Люмьеров было то, что они снимали, имея за плечами опыт, наработанный киноискусством за сотню лет. Они обращались с самой камерой как с драгоценным экспонатом, понимая значительность момента. Забавным исключением стал только американский режиссер Спайк Ли, который узнал о том, что ему пришлось иметь дело с первым киносъемочным аппаратом, лишь после окончания работы.

Выбор режиссеров, приглашенных для участия в проекте, естественно, был неслучайным. Кино для них, в первую очередь, являлось «областью самовыражения». Им же предложили условия работы, выводившие их на отправную точку координат киноискусства, что позволило им создать нечто «абсолютно кинематографическое» по своей форме. Детская увлеченность процессом соседствовала в работе кинорежиссеров с профессионализмом и творческой сосредоточенностью на результате.

Так появились эти уникальные черно-белые немые ролики:

– плывут в страстном поцелуе мужчина и женщина Лелуша, не замечая нацеленных на них кинокамер всех времен (Лелуш);

– ссорятся между собой, на фоне небоскребов Нью-Йорка, рабочий, убирающий хлам в мусорную машину, и бездомная

женщина с коляской, набитой тем же мусором (Спайк Ли);

– у подножья высоких гор лежит мертвая собака со вспоротым животом, где копошатся черви и вьются мухи (Андрей Кончаловский);

– всплывают, словно из памяти, цифры на электронном табло вокзала – 1941 и 1945, на которые смотрит беременная женщина (Гринуэй);

– инопланетяне подглядывают в окно за тем, как полицейские арестовывают главу семейства (Дэвид Линч)…

Калейдоскоп сменяющихся роликов вызывает в душе ощущение чуда, где слились воедино все времена. Фильм Сары Мун, обильно снабдившей свое творение фотопортретами кинорежиссеров, – не только своеобразный новый опыт для творцов, но и игра эпохи, «когда постмодернизм еще не закончился». Киноальманах словно нанизан на вопросы, которые задаются автором всем участникам: «Умрет ли кино?», «Почему вы снимаете фильмы?». Идущие же затем ролики – это грустные, философские, забавные или слегка ироничные «ответы». Некоторые из них звучат как режиссерский манифест или ключ к пониманию всего кинопроекта. Но наиболее простым и верным с точки зрения оценки будущего кинематографа может служить высказывание кинорежиссера Джеймса Айвори. Отвечая на вопрос о «смерти кино», он сказал: «Тот факт, что через сто лет после братьев Люмьер мы снимаем на их камере, свидетельствует о том, что кино может рассчитывать на бессмертие». Так же, как и сами изобретатели этого чудесного зрелища.

Магеллан Фернан

(род. в 1470 г. – ум. в 1521 г.)

Выдающийся португальский мореплаватель, экспедиция которого совершила первое в истории кругосветное плавание, предполагавшее поиск западного пути к Молуккским островам. Этим было доказано наличие единого мирового океана и представлено практическое доказательство шарообразной формы Земли. Открыл все побережье Южной Америки к югу от Ла-Платы, обогнул континент с юга, открыл пролив, названный его именем, и Патагонскую Кордильеру; первым пересек Тихий океан.

Среди людей, совершивших глобальные перевороты в человеческом сознании и развитии человечества, немалую роль сыграли и путешественники. Самой яркой фигурой из них является португалец Фернан ди Магальяйнш, ставший известным всему миру под испанизированным именем Фернан Магеллан.

Будущий мореплаватель родился в 1470 г. в местности Саброза, в глухой северо-восточной провинции Португалии Траз ош Леонтиш. Его семья принадлежала к знатному, но обедневшему рыцарскому роду и пользовалась уважением при дворе. Недаром король Жуан II отца Фернана, Педру Руй ди Магальяйнша, назначил старшим алькальдом* важной в стратегическом отношении гавани Авейру.

Связи при дворе позволили алькальду в 1492 г. пристроить старшего сына пажом королевы Элеоноры. Таким образом, Фернан получил право воспитываться в королевской резиденции. Здесь, помимо рыцарских искусств – верховой

* Алькальд – судебный или муниципальный чиновник,

обладающий исполнительной властью. Основной его задачей было следить за сохранением общественного порядка.

езды, фехтования, соколиной охоты, – он овладел астрономией, навигацией и картографией. При португальском дворе эти предметы со времен принца Генриха Мореплавателя были обязательными для изучения юными придворными. Именно им приходилось отправляться в дальние морские экспедиции с целью завоеваний и открытия новых земель. Недаром за их уроками наблюдал сам король Мануэль, сменивший на троне Жуана.

Честолюбивый Фернан не на шутку увлекся мореплаванием. Стремясь оказаться подальше от дворцовых интриг, он в 1504 г. попросил короля отпустить его в Индию под руководством вице-короля Индии Франсишку ди Алмейда и, получив согласие, весной 1505 г. покинул Лиссабон.

Экспедиция Алмейды носила чисто военный характер и имела целью усмирение непокорных мусульманских правителей от Софалы до Ормуз и от Кочина до Баб-эль-Мандеба. Необходимо было стереть с лица земли мусульманские укрепления и вместо них заложить португальские крепости.

Магальяйнш участвовал в морских и сухопутных сражениях при Кильве, Софале, Момбасе, Каннануре, Каликуте, а также в разграблении этих городов и со временем превратился в доблестного воина, опытного и привыкшего к любым жестокостям и злоключениям своего сурового времени. Быстро приобрел он и репутацию храброго капитана, искусного в бою и мореплавании. Причем уже в эти годы забота о братьях по оружию стала одной из основных черт будущего пионера кругосветных плаваний.

В 1509 г. во время боев под Малаккой Магальяйнш сумел прославиться, почти в одиночку придя на помощь горстке своих соотечественников, подвергшихся нападению малайцев. Так же благородно он поступил и во время возвращения из Малакки в Индию. Во главе всего пяти человек Фернан поспешил на помощь португальской каравелле и помог одержать победу.

В самом начале 1510 г. карьере Магальяйнша-мореплавателя чуть было не пришел конец: при неудачном штурме Каликута он был тяжело ранен, причем вторично. Первая рана, полученная во время похода на Марокко, сделала его на всю жизнь хромым. Удрученный Фернан решил вернуться на родину.

Весной небольшая флотилия из трех кораблей отправилась из Кочина в Португалию. На борту одного из них находился и Магальяйнш. Однако домой в этот раз он так и не попал. В ста милях от индийского берега два судна наскочили на подводные камни опасной Падуанской мели и затонули. Офицеры и знатные

пассажиры решили на оставшемся корабле вернуться в Индию, бросив без воды и пищи на узкой песчаной мели своих безродных спутников, которым не было места на судне. Фернан отказался плыть с ними: знатность и высокий чин были своего рода гарантией того, что за оставшимися все-таки пришлют помощь. В конце концов так и случилось. Через две недели потерпевшие крушение были спасены и по прибытии в Индию всюду рассказывали о необычайной твердости их покровителя, сумевшего в тяжелых условиях пробудить в людях надежду и укрепить стойкость.

Магальяйнш еще некоторое время оставался в Индии. Документы свидетельствуют, что он смело высказывал свое мнение в тех случаях, когда другие капитаны молчали. Это, возможно, и стало основной причиной его разногласий с новым вице-королем Афонсу ди Альбукерки.

Летом 1512 г. Магальяйнш вернулся в Португалию. Об этом свидетельствует запись в платежном листе королевского двора, по которой ему назначалась ежемесячная королевская пенсия в 1000 португальских реалов. Через четыре недели она была увеличена почти вдвое, что свидетельствует о том, что заслуги доблестного капитана были признаны двором.

Во время войны с маврами Азаморы (современный Аземмур в Марокко) Фернан был назначен майором, т. е. получил весьма престижную и выгодную должность. В его полном распоряжении находились пленные и все захваченные трофеи. Пост предоставлял неограниченные возможности для личного обогащения, поэтому недостатка в недоброжелателях у Магальяйнша не было.

Через некоторое время его безосновательно обвинили в том, что он организовал нападение мавров на стадо и позволил угнать четыреста голов скота, получив за это немалые деньги. Через некоторое время обвинение было снято, но оскорбленный Фернан подал в отставку.

Оставшись без достаточных средств к существованию, известный своей доблестью воин надеялся на милость короля. Он просил Мануэля увеличить ему пенсию всего на двести португальских реалов. Но король не любил людей с твердым характером и, по словам хрониста Барруша, «…всегда питал к нему отвращение», а поэтому отказал. Возмущенный Магальяйнш в 1517 г. тайно покинул родину и перебрался в Испанию.

С этого момента и начинается история небывалого по тем временам морского похода вокруг Земли, шарообразность которой тогда только предполагалась. А заслуга его организации и осуществления целиком принадлежит Фернану Магальяйншу,

ставшему отныне Фернаном Магелланом.

Позже король Мануэль спохватился и с упорством, достойным лучшего применения, стал препятствовать Магеллану в осуществлении его планов. Однако ошибку исправить уже не удалось, и Португалия вторично после истории с Колумбом утратила шанс извлечь пользу из открытий своих великих сынов, недооценив их потенциальные возможности.

Храбрый, благородный и мужественный Магеллан не был заурядным воякой. Его перу принадлежит написанная еще в Португалии книга «Описание царств, берегов, гаваней и островов Индии». И конечно же он был способен к анализу ситуации и обладал необходимыми познаниями. Фернану наверняка были хорошо знакомы результаты плаваний Колумба и открытия Тихого океана – тогда его называли «Южное море» – испанцем Васко Нуньесом де Бальбоа. Эти знания давали пищу его пытливому уму для размышлений о существовании прохода из Атлантического океана в Тихий южнее пересеченного Бальбоа Дарьенского перешейка. Со временем оформилась и цель морского похода. Магеллан хотел достичь очень важных для испанцев и португальцев в экономическом отношении островов Пряностей (Молуккских островов), идя в западном направлении.

Известно, что еще в Португалии он внимательно изучал морские карты, завязывал знакомства с мореходами и много занимался проблемами определения географической долготы. Все это чрезвычайно помогло ему в реализации его идеи.

Согласно папской булле Inter cetera 1493 г. все новые территории, открываемые к востоку от линии демаркации, установленной в 1494 г., принадлежали Португалии, а к западу – Испании. Но способ исчисления географической долготы, принятый в то время, не давал возможности для четкой демаркации Западного полушария. Поэтому Магеллан, а также его друг и помощник, астролог и космограф Рюй Фалейру, считали, что Молуккские острова должны принадлежать не Португалии, а Испании.

В марте 1518 г. они представили свой проект в Совет Индий. После длительных переговоров он был принят, а испанский король Карлос I (он же император Священной Римской империи Карл V) обязался снарядить пять кораблей и выделить запасы на два года. В случае открытия новых земель компаньонам предоставлялось право стать их правителями. Они также получали 20 % от доходов. Причем права должны были передаваться по наследству.

Незадолго до этого знаменательного события в жизни Магеллана произошли серьезные перемены. Прибыв в Севилью,

он примкнул к колонии португальских эмигрантов. Один из них, комендант севильской крепости Алькасара, Дьогу Барбоза, ввел доблестного капитана в свою семью. Его сын Дуарти стал близким другом Фернана, а дочь Беатрис вышла за него замуж.

Очень не хотелось Магеллану оставлять молодую, горячо любящую его жену и недавно родившегося сына, но долг, честолюбие и стремление обеспечить семью настойчиво звали его в море. Не остановил его и неблагоприятный астрологический прогноз, сделанный Фалейру. А ведь именно из-за этого Рюй отказался от участия в экспедиции, и Магеллан стал единоличным ее начальником и организатором.

В Севилье были подготовлены пять кораблей – флагман «Тринидад», «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго». 20 сентября 1519 г. Фернан Магеллан попрощался на пристани с беременной Беатрис и новорожденным Родриго и приказал поднять якорь. Больше им не суждено было увидеться.

В списках маленькой флотилии числилось 265 человек: командиры и кормчие, боцманы, канониры, рядовые матросы, священники, плотники, конопатчики, бондари, солдаты и люди, не имевшие определенных обязанностей. Весь этот разношерстный многонациональный экипаж (в его составе помимо испанцев и португальцев находились также итальянцы, немцы, французы, фламандцы, сицилийцы, англичане, мавры и малайцы) нужно было держать в повиновении. А недовольство началось едва ли не с первых недель плавания. Агенты португальского короля проникли на корабли, а стараниями португальского консула в Севилье Алвариша трюмы частично были заполнены гнилой мукой, заплесневелыми сухарями и тухлой солониной.

26 сентября мореплаватели достигли Канарских островов, 3 октября взяли курс на Бразилию, а 13 декабря вошли в бухту Рио-де-Жанейро. Отсюда мореплаватели двинулись на юг вдоль южноамериканского побережья в поисках прохода в «Южное море», причем двигались только днем, чтобы в темноте не пропустить его. 31 марта 1520 г. корабли вошли в бухту Сан-Хулиан у берегов Патагонии для зимовки.

Вскоре Магеллану пришлось отдать приказ о сокращении рациона. Однако часть экипажа воспротивилась такому решению и начала требовать возвращения в Испанию, но получила решительный отказ. Тогда во время празднования Пасхи главари мятежников, воспользовавшись тем, что основная часть экипажей сошла на берег, захватили три корабля.

Магеллан решил применить силу и хитрость. Несколько верных ему людей он отправил на «Викторию» с письмом к

мятежному казначею Луису де Мендосе. Его закололи во время чтения письма, а экипаж не оказал никакого сопротивления. На следующий день два мятежных капитана, Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена, попытались вывести свои корабли из бухты, но путь им преградили «Тринидад», «Сантьяго» и отбитая у мятежников «Виктория». «Сан-Антонио» сдался без сопротивления. Командовавший им Кесада был тут же арестован, а через некоторое время был пленен и Картахена.

По приказу Магеллана мертвое тело Мендосы было четвертовано, Кесаде отрубили голову, а Картахену и предателя-священника Педро Санчеса де ла Рейна оставили на берегу. Однако мятежные матросы не пострадали. Им была дарована жизнь, главным образом потому, что они были необходимы для судовых работ.

Вскоре эскадра, потерявшая при рекогносцировке «Сантьяго», двинулась дальше на юг. Однако предательства на этом не закончились. 1 ноября, когда эскадра уже шла искомым проливом, позже названным Магеллановым, кормчий Иштебан Гомиш, воспользовавшись тем, что его корабль оказался вне пределов видимости с остальных судов, захватил «Сан-Антонио» и сбежал в Испанию. Магеллан так никогда и не узнал о предательстве, как не узнал и того, какую роковую роль сыграл Гомиш в судьбе его семьи. Прибыв в Испанию, дезертир обвинил своего генерал-капитана в измене королю. В результате Беатрис с детьми была подвергнута домашнему аресту и дознанию. Ее лишили казенного пособия и оставили в жестокой нужде. Ни она, ни ее сыновья не дожили до возвращения экспедиции. А Гомиш за «выдающиеся заслуги, оказанные флотилии Магеллана», был удостоен королем рыцарского звания.

28 ноября корабли Магеллана вышли в океан, по которому еще не плавал ни один европеец. Погода, к счастью, оставалась хорошей, и мореплаватель назвал океан Тихим. Пересекая его, он прошел не менее 17 тыс. км и обнаружил много мелких островов, но неточные исчисления не позволяют отождествить их с какими-либо конкретными точками на карте. Бесспорным считается лишь открытие в начале марта 1521 г. двух обитаемых островов, Гуама и Рота – самых южных из группы Марианских островов. Магеллан назвал их Разбойничьими. Островитяне похитили у мореплавателей лодку, и генерал-капитан, высадившись с отрядом на берег, сжег несколько туземных хижин.

Почти четыре месяца продолжалось это плавание. Несмотря на отсутствие характерных для этого района ураганов, людям пришлось очень несладко. Они были вынуждены питаться сухарной пылью, смешанной с червями, пить гнилую воду, есть

воловьи кожи, древесные опилки и корабельных крыс. Эти твари казались им чуть ли не деликатесом и продавались по полдуката за штуку.

Экипаж замучила цинга, многие умерли. Но Магеллан продолжал уверенно вести эскадру вперед и как-то на предложение вернуться заявил: «Мы будем идти вперед, хотя бы пришлось съесть всю воловью шкуру».

Наконец 15 марта 1521 г. экспедиция оказалась вблизи острова Самар (Филиппины), а через неделю, двигаясь по-прежнему на запад, прибыла к острову Лимасава, где раб Магеллана, малаец Энрике, услышал родную речь. Это означало, что путники находятся где-то вблизи островов Пряностей, т. е. почти выполнили свою задачу.

И все же генерал-капитан стремился дойти до заветных островов. Однако он решил на некоторое время задержаться, чтобы обратить филиппинцев в христианство.

7 апреля 1521 г. флотилия бросила якоря у острова Себу, где находился крупный порт и резиденция раджи. Искренне религиозный Магеллан настаивал, чтобы островитяне приняли христианство без расчета на какие-либо материальные выгоды, но, сам того не желая, убедил туземцев, что на благожелательное отношение со стороны могущественного испанского короля они могут рассчитывать лишь в том случае, если отрекутся от старой веры и будут поклоняться кресту.

14 апреля властитель Себу Хумабон решил креститься. Хитрый раджа, именовавшийся теперь Карлосом, заручился поддержкой Магеллана против своих недругов-язычников и, таким образом, в один день подчинил себе всех, кто оспаривал его власть. Кроме того, Хумабон заручился обещанием, что когда Магеллан вернется на Филиппины во главе большого флота, то сделает его единоличным правителем всех островов в награду за то, что раджа принял христианство первым. Более того, к повиновению начали приводить и правителей близлежащих островов. Однако вождь одного из таких островов, Мактана, по имени Силапулапу, не желал подчиниться Карлосу-Хумабону. Тогда генерал-капитан решил применить силу.

27 апреля 1521 г. шестьдесят вооруженных мужчин в латах, с несколькими небольшими орудиями, сели в лодки и отправились на Мактан. Их сопровождали несколько сот воинов Хумабона. Однако удача отвернулась от испанцев. Магеллан недооценил противника, не вовремя вспомнив историю завоевания Мексики Кортесом, когда горстка испанцев сумела овладеть целой страной. В битве с воинами Мактана его закаленные в битвах спутники потерпели поражение, а сам генерал-капитан сложил

голову. Во время отступления к лодкам туземцы настигли его в воде. Раненный в руку и ногу, и без того хромой Магеллан упал. Дальнейшее красноречиво описал хронист экспедиции Антонио Пигафетта: «Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех пор, пока не погубили наше зерцало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, посмотреть, успели ли мы все погрузиться в лодки…»

Последующие события свидетельствуют о правоте Пигафетты, назвавшего Магеллана «истинным вождем». Видимо, лишь он мог держать в узде эту алчную свору, готовую в любой момент на предательство.

Его преемники не смогли удержаться на завоеванных позициях. Первым делом они с лихорадочной поспешностью доставили на корабли выменянные товары. Потом один из новых вожаков бездумно оскорбил малайца Энрике, и тот склонил Хумабона к предательству. Часть испанцев раджа заманил в ловушку и приказал уничтожить, а за оставшегося в живых капитана «Консепсьон» Хуана Серрау потребовал выкуп. Видя в нем соперника, временно назначенный командиром флотилии Жуан Карвалу бросил товарища и велел поднимать паруса.

В живых осталось около ста двадцати человек. На трех кораблях они на ощупь, часто меняя курс, все же добрались до Молуккских островов, по дороге уничтожив изъеденную червями «Консепсьон». Здесь они, не думая о возможной опасности со стороны местного населения, где испанцев не слишком любили, и трудностях пути на родину, бросились скупать пряности. Наконец «Виктория» под командованием Эстебана Элькано покинула Молукки, а тяжелогруженый «Тринидад» остался для ремонта. В конце концов его экипаж, сделавший неудачную попытку добраться до Панамы, оказался в плену. Долгое время его члены томились в тюрьмах и на плантациях, сперва на Молуккских островах, а затем на островах Банда. Позже их отправили в Индию, где они жили подаянием и находились под неусыпным надзором властей. Лишь пятерым в 1527 г. посчастливилось вернуться на родину.

А «Виктория» под командованием Элькано, старательно обходя пути следования португальских кораблей, пересекла южную часть Индийского океана, обогнула мыс Доброй Надежды и через острова Зеленого Мыса 8 сентября 1522 г. прибыла в испанскую гавань Сан-Лукар. Из ее экипажа в живых осталось всего 18 человек (по другим данным – 30).

На родине морякам пришлось несладко. Вместо почестей им

досталось публичное покаяние за один «потерянный» день (в результате движения по часовым поясам вокруг земли). С точки зрения церковников, это могло случиться только в результате нарушения постов.

Элькано, правда, почестей удостоился. Он получил герб, изображающий земной шар с надписью «Ты первый объехал вокруг меня», и пенсию в пятьсот дукатов. А о Магеллане никто и не вспомнил.

Истинную роль этого замечательного человека в истории оценили потомки, и, в отличие от Колумбовой, она никогда не оспаривалась. Его плавание произвело революцию в представлении о Земле. После этого путешествия полностью прекратились какие-либо попытки отрицания шарообразности планеты, было доказано, что мировой океан един, получены представления об истинных размерах Земли, окончательно установлено, что Америка является самостоятельным континентом, найден пролив между двумя океанами. И недаром Стефан Цвейг в своей книге «Подвиг Магеллана» писал: «Лишь тот обогащает человечество, кто помогает ему познать себя, кто углубляет его творческое самосознание. И в этом смысле подвиг, совершенный Магелланом, превосходит все подвиги его времени».

Макиавелли (Макьявелли) Никколо

(род. в 1469 г. – ум. в 1527 г.)

Итальянский политический мыслитель и государственный деятель, историк, поэт и первый военный писатель. Создатель политической доктрины сильной государственной власти.

Автор книг «Государь» (1513 г.), «История Флоренции» (1520–1525 гг.) и др.

Эпоха, в которую жил Никколо Макиавелли, являлась, по мнению другого великого человека – Карла Маркса, – эпохой, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености… Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем того времени». Другой известный немецкий философ Гегель, характеризуя этого мыслителя, отметил: «Гигантов равных не дали народы».

Политические доктрины этого человека пережили века, став своеобразным политическим барометром для любой эпохи, в том числе и современной. Они оказались настолько живучи, что породили даже такое понятие, как «макиавеллизм». Его знаменитая книга «Государь» создала своему автору славу виртуоза политической интриги. Она стала настольной у многих диктаторов, среди которых был не только современник Макиавелли Чезаре Борджиа, послуживший прообразом главного героя «Государя», но и такие авторитарные личности, как Ришелье, Наполеон, Муссолини, Гитлер, Сталин. Согласно

понятию «макиавеллизм», правитель как общественный деятель должен руководствоваться моралью силы, но не моралью религии. Отсюда – мораль силы становилась образцом циничности и аморальности в политике. Исходя из этого, Макиавелли приписывали принцип «цель оправдывает средства», хотя уже в XX в. некоторые философы считали, что неверно сводить «макиавеллизм» лишь к этому, да и сам принцип имеет более позднее, иезуитское происхождение, а автор «Государя» его никогда не формулировал. «Макиавелли, – писал о нем Стендаль, – это не злой гений, не демон и не трусливый жалкий писака. Это явление, и не просто итальянское явление, а явление европейское, явление XVI века. Он кажется ужасным, но он таков в свете представлений о морали XIX в.».

Судя по биографии, Никколо Макиавелли никогда «макиавеллистом» не был. Именно это делает его фигуру довольно противоречивой. Его мировоззрение нужно рассматривать в связи с расстановкой политических сил в Италии XIV–XV вв. Жизнь и творчество Макиавелли свидетельствуют о том, что сам он был сторонником республиканского правления, а не диктатуры. «Делая вид, что он дает уроки королям, – писал Рене Декарт, – он преподает великие уроки народам. “Государь” Макиавелли – это книга республиканцев. Макиавелли был порядочным человеком и добрым гражданином, но, будучи связанным с домом Медичи, он был вынужден, когда его отечество угнеталось, скрывать свою любовь к свободе». Действительно, только исходя из обстановки того времени, в силу военной слабости Италии Макиавелли хотел видеть во главе государства сильного лидера. «“Государя”, – отмечал Ж.-Ж. Руссо, – надо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности». Макиавелли был патриотом и выражал гуманистические ценности, но его «Государь» еще долго будет служить учебником для тех, кто стремится к власти.

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 г. во Флоренции в обедневшей, но принадлежавшей к древнему роду семье нотариуса Бернардо Макиавелли и его жены донны Бартоломео. Он был вторым сыном. Отец и мать были людьми весьма образованными. У отца имелась неплохая библиотека, а набожная мать сочиняла гимны и канцоны, которые исполнялись в церковном хоре. В семилетнем возрасте Никколо поступил в

грамматическую школу, а через год продолжил образование уже в городской школе. Хорошее, в основном домашнее, образование воспитало в нем любовь к классической греко-римской литературе. В течение всей жизни его спутниками были книги Цицерона, Плутарха, Аристотеля, Геродота, Фукидида, Тита Ливия. И конечно же настольными книгами с юных лет стали произведения Петрарки и Данте, многие отрывки из которых он заучивал наизусть.

Университетское образование оказалось ему не по карману, но это обстоятельство также сыграло свою положительную роль, освободив юношу от влияния схоластической науки. Он уже достаточно успел прочитать и осознать, чтобы сохранить независимость суждений. Никколо жил в атмосфере «золотого века» Флоренции при режиме Лоренцо Медичи, наблюдал важнейшие политические события того периода: вторжение в 1494 г. в Италию французского короля Карла VIII, изгнание семейства Медичи из города, установление республики. На смену Медичи пришел доминиканский монах Джироламо Савонарола. Фанатичный проповедник, впервые громко заговоривший о несправедливости и греховности папского двора и прежних правителей, в то же время начисто лишил жизнь флорентийцев красоты и веселья. При нем Никколо не занимал в республике никаких постов: видимо, сказывалось его аристократическое происхождение. Только после свержения и казни Савонаролы в 1498 г. он начал свою официальную политическую деятельность. Его избрали на должность секретаря Второй канцелярии, а затем – секретаря Совета Десяти, являвшегося правительством молодой республики. Секретарь – это довольно скромный пост, но он был очень удобен для наблюдений, обеспечивая широкую осведомленность о состоянии дел. 29-летний Никколо пришелся ко двору новым властям. Он уже успел завоевать авторитет как юрист, ему покровительствовал пожизненный глава исполнительной власти республики Пьеро Содерини.

Предметом занятий Макиавелли были внешние сношения и оборона. Ему давали сложные дипломатические поручения при дворах французского короля, римского императора, итальянских князей, Папы Римского. Он совершил множество внутренних и 23 зарубежных поездки. За 14 лет и пять месяцев службы Макиавелли написал более четырех тысяч служебных писем, отчетов, докладных записок, рекомендаций, в которых давал точную политическую оценку европейских событий. Доклады дипломата свидетельствовали о его незаурядной наблюдательности и таланте аналитика в подходе к различным межгосударственным отношениям. Этот богатый опыт послужил

хорошей основой его позднейших трудов в области политической теории, государства и управления, военного дела.

Вместе с тем ответственный государственный служащий отнюдь не стал чопорным чиновником и скучным моралистом. Никколо обладал живым непосредственным характером, любил хорошую одежду, особенно заботился о наряде, когда представлял республику перед зарубежными правительствами. Галантный и остроумный, он был душой различных посольских приемов.

Макиавелли сравнительно поздно женился – в 33 года, избрав супругой Мариетту Корсини. Он всегда был хорошим семьянином, заботился о своей «семейной команде» и уделял много внимания шести детям.

В 1502 г. произошла встреча Макиавелли с герцогом Романьи Чезаре Борджиа, возросшая власть которого очень беспокоила флорентийцев. Жестокий и своевольный, не признающий никаких норм морали Борджиа, однако, был воспринят флорентийским дипломатом как решительный и умный политик. Отнюдь не идеализируя его, Макиавелли внимательно присматривался к его методам подчинения и объединения разрозненных итальянских областей. Всякий раз встречаясь с этим беспринципным правителем, он пытался найти в нем черты государственного деятеля, которые могли бы дать материал для психологических обобщений.

Казалось, ничто не предвещало краха политической карьеры Макиавелли. Он был на виду, его ценили, уважали, с ним считались высшие должностные лица Европы. Все изменилось в 1512 г., когда Флорентийская республика, поддержавшая Францию, потерпела поражение от образованной папой Юлием II Священной лиги, которая в союзе с Испанией выступала против французов. К власти во Флоренции вновь вернулись Медичи, и Макиавелли вынужден был покинуть государственную службу. За ним следили, а затем, в 1513 г., по обвинению в заговоре арестовали. Его пытали ударами плетью, но в конце концов признали невиновным. Из заключения Макиавелли освободился лишь благодаря закону об амнистии, объявленному в связи с избранием на папский престол Льва X. Но бывшему правительственному секретарю не разрешили жить во Флоренции, и он вынужден был уехать в свое загородное имение. Попытки вернуться к активной политической деятельности успехом не увенчались.

Потрясение, испытанное Макиавелли после увольнения и крушения республики, которой он служил столь верно и ревностно, побудило его взяться за перо. Он не мог долго

оставаться в бездействии. Лишенный возможности заниматься своим любимым делом – политикой, Макиавелли создал в этот период работы значительной литературной и исторической ценности. Главный его шедевр, «Государь», был написан в 1513 г., а издан уже посмертно – в 1532 г. Первоначально автор озаглавил книгу «О княжествах» и посвятил ее Джулиано Медичи, брату папы Льва X, однако после смерти того посвящение было обращено к Лоренцо Медичи. Это сочинение можно считать первым в истории практическим сборником советов главе государства. По мнению Макиавелли, формы государства, их эволюции и смена определяются борьбой народа и аристократии. «Массы не хотят, чтобы ими командовали и угнетали их, – писал он, – а знать стремится властвовать и порабощать народ». Поэтому лучшая форма правления – смешанная, состоящая из монархии, аристократии и демократии. Эта форма, по сути – республика, является наиболее устойчивой, поскольку в ней согласуются интересы и стремления борющихся социальных групп. Но Италия раздроблена, и ее объединению мешают феодальное дворянство и католическая церковь. Для выхода из бедственного положения нужен был принцепс – глава государства, диктатор. Вот такому принцепсу Макиавелли и дает практические советы.

Поступки основателей государств должны оцениваться по их результатам, по их отношению к благу государства, а не с точки зрения морали. «Пусть государь делает то, что нужно, чтобы победить и удержать, а средства всегда будут сочтены достойными, и каждый их одобрит». Государства создаются и сохраняются не только при помощи военной силы, но и при использовании хитрости, обмана, коварства. Для укрепления и расширения государства правитель должен уметь решиться на великие, виртуозные злодейства, подлости и предательства. «Опыт наших дней свидетельствует, – писал Макиавелли, – что великие дела творили как раз те князья, которые не считались с обещаниями, а действовали хитростью и обманом». Далее следовало: лучше внушать страх, чем любовь, поскольку любят государей по своему усмотрению, боятся – по усмотрению государей; слово свое князь должен держать только тогда, когда это ему выгодно, иначе он может быть обманут сам; правитель, неспособный к жестокостям, не может удержать власть: от наказаний страдают отдельные лица, милосердие ведет к беспорядку, порождающему грабежи и убийства, от которых страдает все население; при этом следует или никого не обижать, или нанести один удар, а затем успокоить людей и возвратить им уверенность в безопасности; лучше убить, чем грозить, поскольку

грозя – создаешь и предупреждаешь врага, а убивая – отделываешься от него окончательно; правитель должен быть скупым, а не щедрым, поскольку скупость наполняет казну, не обременяя подданных, а щедрости на всех не хватит, и она ложится тяжестью на народ; в политике нельзя колебаться, поскольку средний путь опасен; полководца, выигравшего войну, надо удалить, а победу присвоить; нельзя посягать на собственность людей, поскольку «быстрее забудут гибель отца, чем потерю наследства»; если надо казнить много людей, необходимо это доверить одному человеку, а затем казнить его самого.

При всем этом сам государь с виду должен казаться носителем нравственных и религиозных добродетелей: совершать необычные поступки и военные походы, награждать и карать так, чтобы запомнилось; защищать интересы слабого соседа; заботиться о развитии ремесел и науки; устраивать массовые праздники; участвовать в собраниях граждан, сохраняя достоинство и величие. Для успешного правления государь должен окружить себя способными и лояльными министрами, однако следует всячески остерегаться льстецов, стараясь любыми способами от них избавиться. При этом Макиавелли указал и на причины, по которым государи лишались власти: вражда с народом, неспособность обезопасить себя от происков знати и соперников, отсутствие собственного войска. По его мнению, правитель, пренебрегающий военным ремеслом, рискует лишиться власти. Но войско должно быть своим, а не наемным… «Наемники, – писал Макиавелли, – честолюбивы, распущены, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусоваты с врагом, вероломны и нечестивы, в мирное время они разоряют тебя не хуже, чем в военное – неприятель». Давая эти советы, писатель отметил: «Государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы».

Политическими идеалами пронизаны все произведения великого флорентийца, включая даже театральные пьесы «Мандрагора» и «Клиция». В своем историческом труде «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли сосредоточил внимание на республиканских формах правления, попытавшись дать формулировку вечных законов политической науки, полученных в результате изучения истории. А его «Историю Флоренции» В. Гюго назвал «шедевром». Это сочинение отличается драматизмом повествования. В нем рассматривается история города-государства от зарождения итальянского средневековья до начала французских вторжений в конце XV в. Здесь все проникнуто духом патриотизма и решительностью

найти рациональные, а не сверхъестественные причины исторических событий. Макиавелли показывает необходимость общего согласия для укрепления государства и неизбежность его разложения при нарастании политических распрей. Восемь книг «Истории Флоренции» в 1525 г. были преподнесены автором папе Клименту VII Медичи.

Перу Макиавелли принадлежит и «Искусство войны», и новелла «Бельфагор», и ряд стихотворных произведений. Интересна судьба его литературных сочинений. В 1546 г. среди «отцов» Триденского собора был распространен мемориал, в котором указывалось, что «Государь» написан рукою «сатаны», а в 1559 г. все произведения Макиавелли были включены в первый «Индекс запрещенных книг».

Закончив свои литературные труды, Макиавелли попытался вернуться к политической деятельности. Но лишь в 1526 г., когда над Италией возникла угроза порабощения испанцами, о бывшем секретаре Совета Десяти власти вспомнили вновь, призвав его для организации обороны Флоренции. Его план обороны стен города был принят, но попытки объединить усилия итальянских государств окончились неудачей. В 1527 г. в Риме уже хозяйничали испанцы, а во Флоренции была восстановлена республика. Но мечта Макиавелли вновь заняться политической деятельностью не сбылась. Республика отказалась от его услуг. Мало того, его перестали замечать. Этого он пережить уже не мог. Дух его был сломлен, здоровье подорвано. 21 июня 1527 г. Никколо Макиавелли скончался. Его похоронили в церкви Санта-Кроче, рядом с могилами Данте, Микеланджело, Галилея, Россини. В 1787 г. на его могиле был установлен памятник, на котором высечена эпитафия: «Имя его выше всяких похвал».

Мао Цзэдун

(род. в 1893 г. – ум. в 1976 г.)

Председатель ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) (с 1943 г.), один из ее основателей. Руководитель КНР (1949–1976 гг.). Одна из наиболее ярких политических фигур XX в.

Наряду с Марксом, Энгельсом и Лениным Мао Цзэдун считался одним из столпов марксистской политической мысли. Великий Кормчий, вождь и учитель, творец «культурной революции», один из самых кровавых тиранов, проповедник третьей мировой войны как средства для победы мировой революции, кумир молодых экстремистов 1960—1970-х гг. – так вкратце можно охарактеризовать эту личность. Отличительными чертами его были беспощадность и целеустремленность. 27 лет он руководил глубокой трансформацией огромной нации. Его смело можно назвать архитектором революционных перемен в стране, политика которого совершенно изменила Китай. Один из аспектов этой трансформации – перевод экономики от капитализма к социализму. Но в отличие от Маркса и Ленина главной силой на этом пути Мао видел не рабочих, а крестьян. Официальный орган КПК, газета «Женьминь Жибао» писала: «Маркс и Энгельс создали теорию научного социализма. Ленин и Сталин развили марксизм, разрешив ряд проблем пролетарской революции в эпоху империализма, разрешив вопросы теории и практики осуществления диктатуры пролетариата в пределах одной страны. Товарищ Мао Цзэдун развил марксизм-ленинизм, разрешив ряд проблем пролетарской революции в современную

эпоху, разрешив вопросы теории и практики осуществления революции и предотвращения реставрации капитализма в условиях диктатуры пролетариата. Таковы три великие вехи в истории развития марксизма».

Мао родился 26 декабря 1893 г. в деревне Шаошань в южной провинции Хунань. Отец его был крестьянином. Накопив за годы военной службы денег, он стал мелким торговцем, перепродавая городским купцам рис, скупленный у крестьян. Родители Мао не были грамотными, однако мать, будучи глубоко верующей, сумела привить сыну буддийские убеждения.

Школу мальчик стал посещать с восьми лет. Он показал себя толковым учеником и пристрастился к чтению старинных китайских романов, но через пять лет школу пришлось оставить. Надо было помогать отцу в поле и вести денежные счета. В 14-летнем возрасте, по древней китайской традиции, отец женил Мао на девушке старше его на шесть лет. Правда, с женой он жить отказался, и о дальнейшей ее судьбе ничего не известно. Но случай этот очень повлиял на мировоззрение Мао: в зрелом возрасте он ни во что не ставил традиции и выступал за полное женское равноправие.

Отец зря надеялся со временем передать свое дело сыну: тот не захотел этим заниматься и убежал из дому. В 17 лет он вновь поступил в школу в Дуншане и здесь, наряду с романами, увлекся жизнеописаниями знаменитых полководцев: Наполеона, Петра Великого, Вашингтона. Больше всех ему нравился Наполеон. Возможно, именно в нем Мао видел образец для подражания, но до талантливого военачальника ему было очень далеко. Нескладного переростка, да еще плохо одетого, помещичьи дети встретили насмешками и относились к нему с презрением. Самолюбивый Мао ушел из школы, не проучившись в ней и года.

В 1911 г. в Китае произошла революция, свергнувшая цинскую монархию и установившая республику. Большую роль в этих событиях сыграл «Объединенный союз» Сунь Ятсена, вошедший затем в Национальную партию – гоминьдан. Гоминьдановцы стояли на национально-демократических позициях, поскольку в это время ведущие страны мира стремились к разделу Китая на сферы влияния. Национальные идеи захватили и Мао. В 1911 г. он вступил в армию и здесь впервые познакомился с идеями социализма. Однако через полгода Мао оставил службу, некоторое время жил дома, помогая отцу, а в 1913 г. поступил в педагогическое училище. Учился он очень хорошо, его сочинения как образцы выставляли на обозрение всем учащимся. Юноша все больше увлекался философией древнекитайских мудрецов, пробовал сочинять

стихи. Мао мечтал о карьере человека умственного труда, поскольку считал, что «чистоплотнее всех на свете интеллигенты, а рабочие и крестьяне – люди грязные».

Его очень интересовали в это время исторические описания событий в Китае, политическая и военная история Запада. А в просветительском журнале «Новая молодежь», где он одно время работал, Мао познакомился со взглядами марксистов. Однако с 1918 г. настоящим его увлечением стал анархизм. Он изучал труды П. Кропоткина, свел знакомства с деятелями анархизма, переписывался с ними и даже пытался создать в Хунани анархистское общество. Мао верил в необходимость децентрализации управления в Китае и вообще склонялся к безвластной структуре общества.

Переболев анархистскими взглядами, он устроился помощником заведующего библиотекой Пекинского университета профессора Ли Дачжао, который создал марксистский кружок и приобщил к работе в нем своего пылкого помощника. Он также отдал ему в жены свою дочь Ян Кан-хуэй, которую позже на глазах у малолетнего сына Аньина пытали и казнили гоминьдановцы. Всего Мао был женат четыре раза. Надо отметить, что отцовские чувства у него были атрофированы, он не принимал в судьбе десяти детей никакого участия, и, между прочим, все его сыновья окончили жизнь трагически. Однако все это будет позже, а пока он получил должность директора начальной школы. Но попасть на учебу в университет Мао так и не удалось. Для него это было унижением, и с тех пор он стал с презрением относиться к интеллигенции.

В 1921 г. состоялся первый съезд КПК, делегатом на котором был и Мао. Через два года, исходя из решений Коминтерна, он начал активно выступать за сближение с гоминьданом, и вскоре работа на два фронта обеспечила ему прочное положение в обеих партиях. Ярый трибун быстро стал любимцем китайской молодежи, а после назначения на должность руководителя крестьянским движением начался быстрый рост карьеры Мао Цзэдуна.

Однако полного единения с гоминьдановцами не получилось. Пришлось оставить город и отправиться в деревню. Молодому Мао, которому не очень нравилась кропотливая пропагандистская работа, это пришлось по душе: куда интереснее была полная опасности партизанская практика и вдохновенные речи перед доверчивыми крестьянами, готовыми пойти за тобой на штурм любых крепостей. Раньше других он понял необходимость соединения крестьянской войны с войной пропагандистской и весь период национально-освободительной борьбы действовал

именно в этом направлении.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Мао уже стал признанным лидером компартии. Но таких выдвиженцев было немало. Стать первым в КПК ему помог Великий поход Китайской Красной Армии. В 1934 г. войска гоминьдана окружили Мао, и он во главе 100-тысячной армии двинулся в глухие, безопасные районы Северного Китая. По пути от голода, болезней и в вооруженных стычках погибла половина его сторонников. Но Мао уже тогда понимал: тот, кто командует армией, командует и в партии – и тактика им была выбрана верная. Избегая военных столкновений с политическими противниками и японскими войсками, оккупировавшими половину Китая, и сохраняя таким образом свои силы, Мао одновременно готовил тысячи молодых пропагандистов и агитаторов. В результате весь район Шэньси-Ганьсу-Нинся, где базировались коммунисты, стал огромной школой практического марксизма.

В жизни Мао политическая борьба, конечно, занимала основное место. Но не настолько, чтобы забыть о решении личных проблем. Он очень любил свою вторую жену, всю жизнь ее вспоминал, но это не помешало ему еще тогда, когда она находилась в тюрьме, увлечься предводительницей крестьянского отряда Хэ Цзынчжень. У нее от Мао родилось пять дочерей. Все они были отданы на воспитание в крестьянские семьи накануне начавшегося в 1934 г. Великого похода.

Хэ не вынесла тягот партизанской жизни. После ранения у нее начались психические расстройства. В 1937 г. Мао отправил жену на лечение в Москву и вскоре бросил ее ради актрисы Лань Пин – «Голубая ряска». Через некоторое время она сменила имя на Цзян Цин – «Речная лазурь».

Среди соратников Мао его измена Хэ Цзынчжень вызвала осуждение. Вопрос о разводе и женитьбе вождя на подозрительной шанхайке даже рассматривался на заседании Политбюро. Но Мао заявил, что свою личную жизнь будет устраивать по собственному разумению, и настоял на своем. Однако Цзян Цин, чья репутация оказалась, мягко говоря, под сомнением, долгое время была вынуждена вести жизнь тихой и скромной домашней хозяйки.

В 1949 г. война со сторонниками Чан Кайши завершилась победой, враги бежали на о. Тайвань, а многие перешли на сторону победителей. С ворот на площади Тяньань-мэнь перед бойцами народно-освободительной армии Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики. В ту пору уже сложился культ Мао, и в этом деле он обнаружил подлинное мастерство, чему в немалой степени способствовали

его прекрасные актерские качества. Он с удовольствием работал над созданием образа вождя: мог часами, например, не выражая никаких чувств, сидеть в кресле, делая вид, что поглощен заботами государственного деятеля. Жил он в этот период в пещере, носил залатанную одежду, ел скудную пищу, работал по ночам, демонстрировал свою близость к простому люду и при этом постоянно повторял, что «народ – это чистый лист бумаги, на котором можно писать любые иероглифы». Он блестяще умел манипулировать сознанием масс, привлекать на свою сторону одних и силой заставлять служить себе других, широко использовал при этом традиционный прием выдвижения кадров, когда сначала кого-либо наказывали, а затем неожиданно повышали в должности. Так воспитывалась личная преданность вождю.

Особое внимание Мао как председатель Центрального народного правительства в те годы уделял внешней политике страны. В декабре 1949 г. он посетил СССР, где вместе с премьером Чжоу Эньлаем провел переговоры со Сталиным и подписал перед возвращением в Китай в феврале 1950 г. китайско-советский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи».

В 1950–1953 гг. в корейской войне китайцы победили США, потеряв при этом около миллиона человек, однако для огромной страны это были не столь ощутимые потери. У Мао же позже появилась своя трактовка вопросов войны и мира. «Мы не должны бояться войны, – говорил он. – Мы не должны бояться атомной войны… Мы можем потерять более чем 300 млн человек. Ну и что из этого?.. Пройдут годы, и мы увеличим численность населения даже больше, чем было до того». В другом выступлении Мао заявил: «Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен…»

В послевоенное время Китай, в котором в это время трудились советские специалисты, начал активно развиваться, и уже к концу 1950-х гг. Мао находился во главе огромного, влиятельного государства с неплохой промышленной базой. Земля в нем принадлежала крестьянам, чей жизненный уровень был значительно выше, чем до революции. И все бы было хорошо, но Великим Кормчим завладела наивная мечта: он хотел, вопреки объективным факторам, форсировать развитие Китая и в короткий срок превзойти в экономическом и военном отношении СССР и США, а значит, и все государства мира. В 1957 г. Мао заявил, что через 15 лет КНР может перегнать Англию по производству основных видов промышленной продукции. Тогда

же родился лозунг «Три года упорного труда – 10 тысяч лет счастья», а уже в следующем году начался «большой скачок». Страна превратилась в грандиозный полигон для испытания на практике идей Мао Цзэдуна. В каждом дворе ставили домны, на выплавку стали пустили даже чугунные сковородки. Одновременно проводилась сплошная коммунизация аграрного сектора, начались гонения на «правые» элементы, вылившиеся в подавление интеллигенции. В связи с критикой в адрес Мао был репрессирован ряд видных деятелей КНР.

Кроме того, уничтожались как «московские агенты» многие коммунисты, обучавшиеся в свое время в СССР. Террор внутри страны дополнялся агрессивной внешней политикой. Мао решительно выступил против разоблачения культа личности Сталина, против всей политики хрущевской оттепели. С этого времени отношения между СССР и КНР стали портиться и вылились в прямое военное столкновение на Дальнем Востоке.

В августе 1960 г. Советский Союз в спешном порядке отозвал из Китая всех своих специалистов. После этого крепкую и, как считалось, нерушимую дружбу двух стран сменили годы глухой вражды. Мао не хотел быть «младшим братом», тем более после того, как свергли с пьедестала его кумира и соратника Сталина. Он смело заявил

Москве: «Вы – ревизионисты! Мы с вами не согласны, мы – истинные продолжатели дела Ленина – Сталина!» Газета «Женьминь Жибао» тогда писала: «Величайший урок истории диктатуры международного пролетариата состоит в том, что в первом социалистическом государстве – Советском Союзе – партийное и государственное руководство узурпировано ревизионистской кликой и осуществляется реставрация капитализма. То же самое произошло и в некоторых других социалистических странах. Именно обобщив исторический опыт диктатуры международного пролетариата, наш великий вождь Председатель Мао Цзэдун поднял сотни миллионов масс на проведение этой беспрецедентной в истории Великой пролетарской культурной революции. Это самая надежная гарантия того, что наша партия и наша страна никогда не изменят свой цвет. Это величайший вклад, который сделал товарищ Мао Цзэдун теоретически и практически в дело международного пролетариата».

«Большой скачок» закончился полным провалом: отношения с СССР были на грани краха, в самом Китае от голода умерло свыше 20 млн человек. Потрясенный итогом, Мао взял всю ответственность за ошибки на себя. А в 1959 г., когда на сессии Всекитайского собрания народных представителей 2-го созыва

делегатам предстояло переизбрать председателя Китайской Народной Республики, Мао Цзэдун сам уступил этот высокий пост Лю Шаоци. Вождю был выгоден этот шаг: он ушел под влиянием неблагоприятной ситуации, решив выждать своего часа. Ведь после провала «большого скачка» и «народных коммун» Мао остался не только председателем партии, но и харизматическим вождем китайской революции. Он и не думал уступать область внутренней политики Лю Шаоци или другим руководителям, не собирался и отказываться от особого положения в партии и государстве: он всего лишь хотел возвыситься еще больше, стать императором.

Когда же Лю Шаоци действительно стал вести себя как глава государства и все реже обращался к Мао за советом и указаниями, тот возненавидел его. Он не мог примириться с тем, что в Китае появился второй председатель. Иногда Мао Цзэдуна одолевали сомнения в правильности и эффективности своих планов, но он считал, что следует продолжать их пропаганду, чтобы не остудить энтузиазм масс. И чем хуже становилось положение в стране, тем сильнее раздувался культ Мао Цзэдуна, тем громче звучали слова о его мудрости. Мао следовал той традиции, которая утверждала, что император никогда не ошибается. Он лишь может быть обманут чиновниками, которых и следовало винить, если мудрые советы императора не приносили успеха.

В 1962–1964 гг. экономика Китая начала восстанавливаться. Однако в 1965 г. Мао поднял вопрос о наличии в руководстве КПК лиц, идущих по капиталистическому пути – ревизионистов. Это в 1966 г. положило начало «культурной революции», которая продолжалась 10 лет, под лозунгом – «Огонь по штабам!». По стране прокатилась новая волна репрессий интеллигенции, из рядов КПК были исключены даже верные сторонники политики Мао, в том числе Лю Шаоци. Многие партийные руководители, смещенные со своих постов, кончали жизнь самоубийством.

Особенность «культурной революции» заключалась в том, что проводилась она меньшинством, хоть и возглавляемым лидером партии, против большинства в руководстве ЦК КПК. Для подавления оппозиционных сил Мао Цзэдун и его сторонники использовали политически незрелую молодежь, из которой формировались штурмовые отряды хунвэйбинов – «красных охранников». С августа 1966 г., сотни тысяч юных участников этой организации буквально наводнили всю страну, объявив беспощадную войну «старому миру». Хунвэйбины писали в своем манифесте: «Мы – красные охранники Председателя Мао, мы заставляем страну корчиться в судорогах. Мы рвем и уничтожаем

календари, драгоценные вазы, пластинки из США и Англии, амулеты, старинные рисунки и возвышаем над всем этим портрет Председателя Мао. Мы являемся стражами, защищающими красную власть, ЦК партии. Председатель Мао – наша опора».

Основными принципами «культурной революции» являлись критика, сомнение в честности людей, находившихся у власти, и доктрина «права на протест». А ее целью, несомненно, было закрепление «культа личности» Мао Цзэдуна, вездесущий образ которого красовался теперь во всех общественных местах и частных домах. Хунвэйбины разгромили многие книжные магазины в Пекине, Шанхае и других городах; отныне они могли торговать исключительно произведениями Мао. «Маленькую красную книжечку» – собрание высказываний председателя Мао («Цитатник») – можно было видеть в руках буквально каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка в Китае. Резко возросли тиражи изданий его работ: за один только 1966 г. было издано 3 млрд «Цитатников» Мао Цзэдуна на многих языках мира. «То, что мыслимо – осуществимо, – философствовал вождь. – Чем дольше затягивается период равновесия в обществе, тем сильнее будет надвигающийся кризис. И для того, чтобы в результате кризиса не пасть на дно, чтобы он не стал неуправляемым, надо спровоцировать кризис самому, чтобы руководить его ходом». «Без разрушения нет созидания. Разрушение требует выяснения истины, а выяснение истины и есть созидание». «Бедность – это хорошо, – учил он, устраивая очередное «большое потрясение». – Бедный человек – самый революционный человек». И еще: «Всякий, кто стремится поживиться за чужой счет, обязательно кончает плохо!»

Занятия в школах и вузах по инициативе Мао Цзэдуна были прекращены, для того чтобы ничто не препятствовало учащимся проводить «культурную революцию». Профессоров, школьных учителей, деятелей литературы и искусства, государственных работников выводили на «суд масс» в шутовских колпаках, избивали, глумились над ними якобы за их «ревизионистские действия», а в действительности – за независимые суждения о положении в стране, за критические высказывания о внутренней и внешней политике КНР. В декабре 1966 г. наряду с отрядами хунвэйбинов появились отряды цзаофаней (бунтарей), в которые вовлекались молодые, обычно неквалифицированные рабочие, учащиеся, служащие. Они должны были перенести «культурную революцию» на предприятия и в учреждения, преодолеть сопротивление рабочих хунвэйбинам. Однако рабочие по призыву комитетов КПК, а иногда и стихийно давали отпор бесчинствующим хунвэйбинам и цзаофаням, добивались

улучшения материального положения, отправлялись в столицу для предъявления своих претензий, прекращали работу, объявляли забастовки, вступали в сражения с погромщиками.

В начале 1967 г., когда было официально объявлено об установлении военного контроля над партийными и государственными органами, эра хунвэйбинов подошла к концу. Они выполнили свою миссию, и с ними быстро и безжалостно расправились. Активистов, около 7 млн человек, сослали на физические работы в отдаленные провинции в соответствии со следующим указанием Мао: «Образованных молодых людей крайне необходимо направлять в деревню, чтобы крестьяне-бедняки и низшие середняки могли перевоспитывать их». Судьба остальных так и осталась неизвестной.

После смерти Мао вину за все эти «ошибки» возложили на так называемую «четверку» – последнюю жену вождя Цзян Цин, «подозрительную шанхайку», и его ближайшее окружение. Сам он якобы лишь следил за развитием событий, благосклонно принимая восторженное поклонение миллионов юнцов в полувоенной форме. В это трудно поверить. Вряд ли председатель не знал, что происходило на самом деле. Правда, есть свидетельства, что в 1970-е гг. он действительно горько сожалел о содеянном и пытался исправить зло. С 1972 г. режим в стране несколько смягчился. Активизировался процесс восстановления деятельности комсомола, профсоюзов, федерации женщин. X съезд КПК, проведенный в августе 1973 г., санкционировал все эти меры, а также одобрил реабилитацию части партийных и административных кадров. Мао отмежевался от Цзян Цин, хотя окончательно и не порвал с этой женщиной. Поговаривали, что в последние годы жизни он просто опасался своей не в меру ретивой жены. Известно, что Мао не допускал ее к себе. Цзян Цин должна была подавать специальную письменную просьбу для встречи с мужем.

Скорее всего, это объяснялось тем, что подозрительность вождя постепенно приняла маниакальные формы. Он боялся заговоров, покушений, опасался, что его отравят, и потому во время своих поездок останавливался только в специально построенных для него домах. Не раз он со своей многочисленной свитой, с наложницами и охранниками неожиданно покидал отведенную ему резиденцию, если она казалась ему подозрительной. Мао остерегался купаться в сооруженных для него местных бассейнах, боясь, что вода в них может быть отравлена. Исключением был лишь бассейн в бывшей императорской резиденции Чжуннаньхай. Во время поездок Мао часто менял маршрут, сбивая с толку железнодорожное

начальство и путая графики движения поездов. Вдоль пути его следования выставляли многочисленную охрану, на станции не пускали никого, кроме местных боссов и работников службы безопасности.

Последние годы жизни Мао прожил затворником на территории Чжуннаньхай, предпочитая коротать дни и ночи в павильоне с бассейном, почти не снимая заношенного махрового халата. Иногда он все же появлялся на людях, шокируя гостей заявлениями, что скоро встретится с Марксом. Единственным человеком, который постоянно находился при нем, была миловидная молодая особа Чжан Юйфэн, некогда работавшая проводницей правительственного поезда. Только она скрашивала жизнь старика, мучившегося черной меланхолией, вплоть до самой его смерти 9 сентября 1976 г.

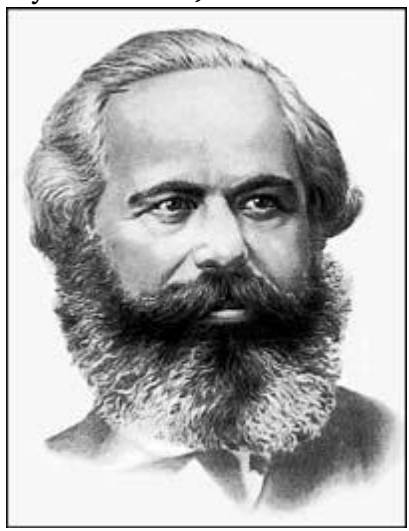
Как всегда бывает в странах с тоталитарным режимом, кончина вождя всколыхнула всю страну. Во всех бедах Китая обвинили уже упоминавшуюся «четверку». А через два года Дэн Сяопин объявил на пленуме ЦК о курсе реформ и внешней открытости. Китай перевернул новую страницу в своей исторической летописи.

Однако Мао не забыли. Его имя в стране до сих пор в почете. Китайцы не стали проклинать свое прошлое. Они разумно отделили хорошее от плохого. Существует даже специальная статистика: 70 % деяний Мао считаются хорошими, а 30 % – плохими. К последним относятся «большой скачок» и «культурная революция».

Повороты истории бывают крайне неожиданными. Поэтому трудно предсказать, кого из политических фигур, слывущих сегодня кумирами, не проклянут завтра их соотечественники. Но имя Мао, набальзамированное тело которого покоится в Доме памяти на площади Тяньаньмэнь, по всей вероятности, со временем мифологизируется и будет в сознании китайцев стоять в одном ряду с первопредком Цинь Шихуанди, древними правителями Яо и Шунем, философами Лао-цзы и Конфуцием.

Маркс Карл

(род. в 1818 г. – ум в 1883 г.)



Немецкий мыслитель, экономист, философ, создатель учения, получившего название по его имени.

Коммунистические воззрения стары, как мир. Своими корнями они уходят в добиблейские времена. И пока на свете существует социальная несправедливость, вера в светлое коммунистическое будущее не исчезнет никогда. Наиболее значительным из всех социалистических мыслителей был Карл Маркс. Он создал стройную систему мысли, получившую название «марксизм». Почти не признанные при жизни основные социальные и политические идеи Маркса получили широкое распространение после его смерти. Они оказали значительное влияние на социальную мысль и историю общества конца XIX и всего XX в. Еще в конце XX в. почти половина населения земного шара проживала в странах, режимы которых называли марксистскими. «Учение Маркса вечно, потому что оно верно», – говорил В. И. Ленин. И действительно, его идеи пережили своего создателя.

Сам Маркс характеризовал свою концепцию как материалистическое понимание истории и утверждал, что ключом к постижению человеческой культуры и истории является производственная деятельность. Труд – это инструмент самосозидания человека. История – не результат случайности, не плод деятельности великих личностей или влияния сверхъестественных сил, а творение человеческой деятельности в

целом, и ее развитие подчиняется вполне определенным законам. Все же идеи – и политические, и философские, и религиозные – вторичны. Большое внимание, особенно в главном труде Маркса – «Капитале», уделено первичному накоплению капитала, создавшему буржуазию, теории прибавочной стоимости, организации власти буржуазии, конкуренции. Маркс выдвинул положение

о неизбежной гибели капитализма и переходе к коммунизму в результате пролетарской революции. Считая, что такая революция произойдет в индустриальных странах Западной Европы и будет насильственной, он в то же время предполагал, что такие страны, как Великобритания и США, могли бы перейти к социализму и мирным путем. Указывая, что не намерен писать «рецепты для кухни будущего», Маркс все же набросал грубыми штрихами свою концепцию посткапиталистического общества – коммунизма, а также указал, что для перехода от капитализма к коммунизму нужен особый переходный период и государство этого периода может быть только революционной диктатурой пролетариата. Основные положения своей теории социализма он изложил в работе «Критика Готской программы» (1875 г.). В этом сочинении со всей полнотой проявились социально-философские взгляды выдающегося мыслителя.

В центре одного из старейших городов Германии – Трира (прирейнская Пруссия) – на улице Брюкконштрассе, № 10 стоит типичный бюргерский домик в стиле барокко.

1 апреля 1818 г. его арендовал адвокат средней руки, Генрих Маркс, и здесь же 5 мая родился его второй сын, которого нарекли именем Карл. Через полтора года семья Маркс переселилась в другой дом, в котором Карл прожил с родителями до 1835 г., до окончания гимназии.

Дед Карла служил раввином в Лемберге (Львове), а затем переехал в Трир. Отец, Генрих (Гиршель), был широко образованным человеком. На его мировоззрение большое влияние оказали идеи эпохи Просвещения и философия Канта. Чтобы не потерять должность, отец в 1824 г. крестился по лютеранско-евангельскому обряду. Мать Карла, Генриетта Пресбург, также происходила из семьи раввинов и приходилась четвероюродной сестрой поэту Генриху Гейне.

В маленьком городе, где все были соседями, потомок раввинов Генрих Маркс был вхож в дом прусских аристократов фон Вестфаленов. Тайный советник Людвиг фон Вестфален являлся сыном секретаря герцога Брауншвейгского Филиппа Вестфалена, получившего дворянство еще в 1724 г. Он сыграл особую роль в формировании мировоззрения юного Карла

Маркса, привив ему любовь к античности, Шекспиру и романтизму, познакомив с идеями утопического социализма Сен-Симона. Тайному советнику очень нравился живой и сообразительный сын адвоката Маркса, и Карл часто играл с его детьми – маленьким Эдгаром и его старшей сестрой Женни. Когда Карлу исполнилось 17 лет, и он еще не решил, кем станет, однако уже абсолютно точно знал: жениться он хочет только на Женни фон Вестфален. Да и сама Женни очень хотела стать его женой. Но ей уже исполнилось 22 года, и многочисленные аристократические родственники вовсю искали для нее подходящую пару. Людвиг фон Вестфален вряд ли мечтал заполучить в зятья молодого человека с неопределенными видами на будущее. Он как будто чувствовал, что брак с Карлом принесет его дочери много страданий и нищету. Генриху Марксу дочь фон Вестфалена нравилась, но он очень сомневался, что родственники невесты согласятся на брак Женни с его сыном. Карл, получивший за свой африканский темперамент прозвище Мавр, страстно убеждал родителей в серьезности своих намерений, но все было бесполезно. Однако молодые люди любили друг друга и решили соединиться во что бы то ни стало. Они обручились тайно, не предполагая, что между помолвкой и свадьбой пройдет долгих семь лет.

Маркс-старший надеялся, что сын получит университетское образование и станет серьезным ученым. В 1835 г., по окончании гимназии, Карл поступил в Боннский университет. Спустя год отец направил его в более престижный Берлинский университет, где юноша проучился четыре года. Здесь он отошел от романтических взглядов под влиянием философии Гегеля, а затем Фейербаха. Много времени Карл проводил в компании левых гегельянцев во главе с Бруно Бауэром, стремившимся обратить мировоззрение Гегеля против сложившихся в обществе взглядов на религию, философию и политику. Представив докторскую диссертацию (посвящена Людвигу фон Вестфалену) о различиях между натурфилософией Демокрита и Эпикура, Маркс в апреле

1842 г. получил степень доктора философских наук. В это время он начал сотрудничать в кельнской «Рейнской газете» – оппозиционном издании, основанном рейнскими промышленными либералами, – и вскоре стал ее редактором с ежегодным жалованием в 500 талеров.

К этому времени уже не было в живых отца Карла (он умер в 1838 г.). Спустя четыре года за ним последовал и Людвиг фон Вестфален. Все эти годы Женни, которую в обществе называли «самой красивой девушкой в Трире», «королевой балов», с

завидным упорством последовательно отказывала всем потенциальным женихам. Она ждала своего суженого. И Карл ни на минуту не забывал о своей «зачарованной принцессе». Еще в Боннском университете он написал три тетради сонетов и других стихов, посвященных Женни. «Моя невеста выдержала самые тяжелые… бои ради меня. Отчасти со своими аристократическими родственниками, для которых “Бог на небе” и “Господин в Берлине” (другими словами – император) примерно равнозначные идолы. Отчасти так же с моей собственной семьей», – писал Маркс. 19 июня 1843 г. состоялась их свадьба. Карл не ошибся, выбрав Женни спутницей жизни. Она стала не просто женой, она была его соратницей, бесконечно преданной их общему делу. Женни переписывала его статьи, встречалась с его товарищами, собирала архив, а еще талантливо одалживала деньги, когда семья находилась на грани банкротства. Некоторые современники Маркса утверждали, что без Женни он никогда не стал бы тем, кем стал.

Женитьба не превратила оппозиционного редактора Маркса в почтенного буржуа, и вскоре власти, после публикации статьи о бедственном положении виноделов долины Мозеля, закрыли газету. По свидетельству Ф. Энгельса, это заставило Маркса перейти от чистой полемики к изучению экономики и далее – к социализму. Он написал серьезную работу с решительной критикой гегелевского оправдания современного немецкого государства, но больших денег она не принесла. Лишившись основного дохода, семья стала испытывать острейшую нужду. Женни была в это время на четвертом месяце беременности, однако Карл принципиально отказывался от какой-либо помощи со стороны семейства Вестфаленов. Удивительно, но жена покорно согласилась с его решением. Единственное, что молодожены согласились принять в «дар» от матери Женни, – экономку Елену Демут. Она вела хозяйство, распределяла деньги, которые Маркс брал взаймы. Когда ему стали отказывать кредиторы, деньги пришлось просить Женни. Позже Елена ухаживала за их детьми, стала лучшей подругой для Женни и постоянным партнером Карла за шахматной доской.

Не найдя работы в Германии, Маркс с семьей в том же 1843 г. переехал в Париж. Этому переезду способствовали также его интерес к проблемам социализма и перспектива издания журнала, соединяющего немецкую теорию с французскими политическими идеями. Париж был идеальным местом для начинающего социалиста. Вскоре Маркс познакомился с представителями социалистического и демократического движений. Здесь начал выходить «Немецко-французский

ежегодник». Опубликовав в нем две статьи, Маркс вскоре порвал с другом и соредактором журнала А. Руге, увлекшись коммунистическими идеями и общением с немецкими и французскими рабочими. За лето он написал несколько работ, известных как «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В сентябре того же года Маркс познакомился с Энгельсом. Это знакомство затем переросло в крепкую дружбу, продолжавшуюся почти 40 лет. Благодаря своему отцу, компаньону текстильной фирмы в Манчестере, Энгельс снабжал Маркса практическими сведениями о капиталистическом производстве и оказывал постоянную финансовую поддержку. Без этой материальной помощи, а также его духовной и творческой поддержки Марксу, возможно, и не удалось бы осуществить свои научные исследования. Многие труды они написали в соавторстве. В короткий срок появились работы «Святое семейство», содержавшее критику Б. Бауэра, и «Немецкая идеология». Но в этом дуэте Маркс, бесспорно, играл первую скрипку.

Осенью 1844 г. Маркс с семьей был вынужден покинуть Париж. И тогда, и впоследствии их преследовало одно и то же: долги и ссуды, которые они не могли вовремя вернуть, бесконечные письма с просьбами о помощи, которые им приходилось рассылать. Последующие три года семья прожила в Брюсселе. Здесь вышла работа Маркса с критикой взглядов Прудона «Нищета философии», здесь же он стал организовывать международную сеть комитетов для связи между немецкими, французскими и английскими коммунистами и социалистами и для обмена информацией. В 1847 г. во время поездки в Англию он встретился с лидерами «Лиги справедливых» – полулегальной группы, в которую входили главным образом немецкие эмигранты-ремесленники, и вступил в члены этой организации. В этом же году на основе Лиги был образован международный Союз коммунистов, поручивший на своем 2-м конгрессе Марксу и Энгельсу составить программу организации, которая получила название «Манифест Коммунистической партии». Провозглашенный в нем девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на протяжении всего XX в. оставался ведущим в объединении коммунистов всего мира, а знаменитая фраза из предисловия «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» превратилась в реальность, и призрак обрел вполне материальную оболочку. Идеи, изложенные в «Манифесте», были воплощены в жизнь, но то, как они воплощались и к каким результатам приводили, ужасало большинство цивилизованного человечества.

«Манифест» был только составлен, как начались революции

во Франции, Италии, Австрийской империи. Маркс был выслан из Бельгии и вернулся в Париж по приглашению либерального правительства Франции. К марту 1848 г. революция достигла Пруссии и вынудила Фридриха Вильгельма IV даровать народу парламент, свободную прессу и созвать ассамблею для принятия конституции. Тогда же Маркс выехал в Кельн и начал активную журналистскую деятельность, издавая вместе с Энгельсом «Новую рейнскую газету». После поражения революции Маркс был отдан под суд, а затем выслан из страны. Он вернулся в Париж, однако его пребывание там оказалось недолгим. В июле 1849 г. он был выслан и из Франции. Теперь его путь лежал в Англию. В Лондоне Маркс прожил до конца жизни.

Первые годы жизни в Лондоне были отмечены глубокой хронической бедностью: Маркс не только не имел необходимых средств к существованию, но и не умел распоряжаться деньгами, когда они появлялись. В одном из писем к Энгельсу он писал: «Моя жена больна, моя маленькая Женни больна. У меня нет денег ни на врача, ни на лекарства. Восемь дней я кормил семью хлебом и картофелем – диета, не слишком подходящая в условиях здешнего климата. Мы задолжали за квартиру. Счета булочника, зеленщика, молочника, торговца чаем, мясника – все не оплачены». Было отчего впасть в отчаяние.

Вскоре по прибытии в Англию у супругов родился четвертый ребенок, а затем еще два малыша. Из семерых детей Маркса до взрослого возраста дожили только три дочери. Два сына умерли еще малолетними. Особенно тяжелым ударом для семьи была смерть девятилетнего Эдгара. Но, переживая эту смерть, Маркс совершенно не интересовался судьбой другого своего сына – Фредерика, рожденного от экономки Елены Демут. Подлинная реакция Женни на это не известна, однако Маркс официально отрекся от ребенка. Верный ему Энгельс назвал отцом себя. У Женни хватило выдержки сделать вид, что она верит в это. Мальчика отдали на воспитание в чужую семью, для чего Энгельс оформил нужные документы, а затем платил алименты на содержание Фредерика. Некоторый просвет в море финансовых трудностей обозначился в 1856 г., когда благодаря небольшому наследству семья смогла переехать в новый дом. Только последние десять лет жизни Марксу уже не нужно было заботиться о хлебе насущном. Проданная Энгельсом доля в бизнесе обеспечила Марксу приличное содержание.

По прибытии в Лондон Маркс присоединился к Союзу коммунистов и возобновил журналистскую деятельность. Регулярным источником средств к существованию тогда были статьи в радикальной американской газете «Нью-Йорк дейли

трибьюн». Им было написано почти 500 статей. В этот период он временно отошел от активной политической деятельности и посвятил себя изучению экономики. Целыми днями Маркс просиживал в читальном зале библиотеки Британского музея, где собирал нужные материалы. Наряду с изучением политической экономии, социальной философии, права и других социальных наук Маркс осваивал огромный фактический материал различных научных дисциплин (вплоть до математики, агрохимии и минералогии). В 1867 г. на свет появился первый том главного его труда – «Капитала». Второй и третий тома, отредактированные Энгельсом, были опубликованы уже после смерти Маркса, а четвертый, отредактированный К. Каутским, вышел только в 1902 г. По признанию самого Маркса, «Капиталу» он принес в жертву здоровье, счастье и семью.

В 1864 г. Маркс начал энергичную деятельность по созданию Международного товарищества рабочих, более известного как I Интернационал. В течение восьми лет он был самым влиятельным человеком Генерального совета этой организации, откликаясь на важнейшие события политической жизни: поддерживал стремление Польши к независимости и идею ирландского Гомруля – программы самоуправления Ирландии, призывал к сокращению рабочего дня, выступал в поддержку Парижской коммуны и за передачу земли в общественную собственность. Стремясь к объединению рабочего движения разных стран, он вел борьбу с прудонистами, лассальянцами и бакунистами. Эта борьба привела, в конечном счете, к ослаблению организации, особенно после переезда ее штаб-квартиры в Нью-Йорк. К этому времени секции Интернационала действовали в большинстве стран Европы и в США. Однако в 1876 г. Интернационал был распущен, и Маркс выдвинул в качестве основной политической задачи создание пролетарских партий в отдельных странах.

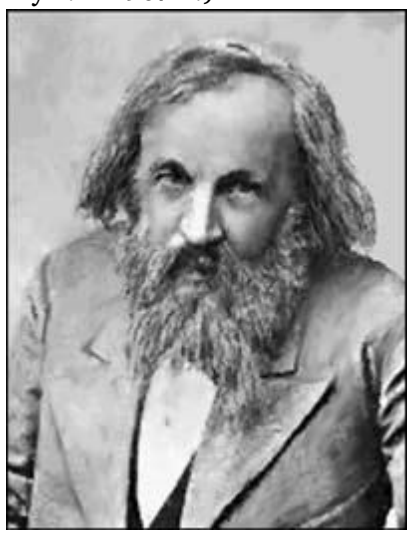
К этому времени здоровье Маркса очень пошатнулось: его мучили фурункулез, болезни печени и глаз, а в 1873 г. он перенес инсульт. Творческие способности мыслителя ослабли, однако он продолжал работать над «Капиталом», следил за развитием немецкой социал-демократии, особенно за деятельностью Ф. Лассаля. В 1881 г. Маркса постиг тяжелый удар: от рака печени умерла Женни. Врачи запретили ему идти на кладбище и заставили лежать дома. Хоронил Женни Энгельс. Он произнес надгробную речь и оплатил похороны. А через два года умерла старшая дочь Маркса. Эти утраты лишили его всякого желания продолжать жить. 14 марта 1883 г. он скончался и был похоронен рядом с женой на Хайгетском кладбище в Лондоне.

После смерти Маркса многие его произведения были

подготовлены к печати и опубликованы Энгельсом. Взгляды основателя марксизма легли в основу социалистического движения и государственной политики многих стран. Они остаются достаточно влиятельными и в наши дни.

Менделеев Дмитрий Иванович

(род. в 1834 г. – ум. в 1907 г.)



Великий русский химик и педагог, разносторонний ученый, интересы которого простирались в области, физики, экономики, сельского хозяйства, метрологии, географии, метеорологии, воздухоплавания. Открыл периодический закон химических элементов – один из основных законов естествознания.

В середине февраля 1869 г. в Петербурге было пасмурно и морозно. Под ветром поскрипывали деревья в университетском саду, куда выходили окна квартиры Менделеевых. Еще в постели Дмитрий Иванович выпил кружку теплого молока, затем встал и пошел завтракать. Настроение у него было чудесное. В этот момент ему в голову пришла неожиданная мысль: сопоставить химические элементы с близкими атомными массами и их свойства. Недолго думая, на клочке бумаги он записал символы хлора и калия, атомные массы которых довольно близки, и набросал символы других элементов, отыскивая среди них подобные «парадоксальные» пары: фтор и натрий, бром и рубидий, йод и цезий…

После завтрака ученый закрылся в своем кабинете. Он достал из конторки пачку визитных карточек и стал на их обратной стороне писать символы элементов и их главные химические свойства. Через некоторое время домочадцы услышали доносившиеся из кабинета возгласы: «У-у-у! Рогатая. Ух, какая рогатая! Я те одолею. Убью-у!» Это означало, что у Дмитрия Ивановича наступило творческое вдохновение. В течение всего

дня Менделеев работал, лишь ненадолго отрываясь, чтобы поиграть с дочерью Ольгой, пообедать и поужинать. Вечером 17 февраля 1869 г. он набело переписал составленную им таблицу и под названием «Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве» послал ее в типографию, сделав пометки для наборщиков и поставив дату.

…Так был открыт периодический закон, современная формулировка которого такова: «Свойства простых веществ, а также формы и свойства соединений элементов находятся в периодической зависимости от заряда ядер их атомов». Менделееву тогда было всего 35 лет.

А родился гениальный ученый 27 января 1834 г. в Тобольске и был последним, семнадцатым по счету ребенком в семье директора местной гимназии Ивана Павловича Менделеева. К тому времени в семье Менделеевых из детей остались в живых два брата и пять сестер. Девять детей умерли еще в младенческом возрасте, а троим из них родители даже не успели дать имена. В год рождения Мити его отец ослеп и покинул службу, перейдя на мизерную пенсию. Основная тяжесть забот о семье из 10 человек легла на плечи матери, Марии Дмитриевны, происходившей из старинного тобольского купеческого рода Корнильевых.

От своего брата, жившего в Москве, Мария Дмитриевна получила доверенность на управление принадлежавшим ему небольшим стекольным заводом, и семья Менделеевых переехала в место его нахождения – в село Аремзянское в 25 км от Тобольска. Здесь Митя и провел дошкольные годы. Рос он на лоне природы, не зная стеснений, играл со сверстниками, детьми местных крестьян, по вечерам слушал сказки няни о сибирской старине и рассказы старого солдата, доживавшего у них свой век, о героических походах А. В. Суворова.

В 7-летнем возрасте Митя поступил в гимназию. В доме Менделеевых тогда бывало много интересных людей. Учителем Дмитрия был сам П. П. Ершов, автор знаменитого «Конька-Горбунка», школьным товарищем – сын Анненковых Владимир, большим другом дома считался декабрист Н. В. Басаргин… Братья и сестры Менделеева подрастали и разъезжались из родного дома. Ко времени окончания Митей гимназии скончался отец, сгорел в Аремзянском стекольный завод. Уже ничто не удерживало Марию Дмитриевну в Тобольске. На свой страх и риск она решила отправиться в Москву, чтобы сын мог продолжить образование.

Так в 1849 г. Менделеев оказался в Москве в доме брата матери В. Д. Корнильева. Хлопоты о поступлении в Московский университет не увенчались успехом, поскольку выпускники

Тобольской гимназии могли учиться лишь в Казанском университете. На следующий год, после неудачной попытки поступить в Петербурге в Медикохирургическую академию, Дмитрий, благодаря ходатайству одного из друзей его отца, преподававшего в Главном педагогическом институте, был зачислен туда на естественно-математический факультет на казенное обеспечение. Его педагогами стали известнейшие ученые того времени – А. А. Воскресенский (химия), М. В. Остроградский (высшая математика), Э. Х. Ленц (физика).

Учеба Дмитрию вначале давалась нелегко. На первом курсе он умудрился по всем предметам, кроме математики, получить неудовлетворительные оценки. Но на старших курсах дело пошло по-другому – среднегодовой балл Менделеева был равен четырем с половиной (из пяти возможных). Он окончил институт в 1855 г. с золотой медалью и мог остаться в нем преподавателем, однако состояние здоровья заставило его уехать на юг – врачи подозревали у Дмитрия туберкулез, от которого умерли две его сестры и отец.

В августе 1855 г. Менделеев приехал в Симферополь, но занятия в местной гимназии были прекращены в связи с продолжавшейся Крымской войной. Осенью того же года он переехал в Одессу и преподавал в гимназии при Ришельевском лицее, а в следующем году – вернулся в Петербург, сдал магистерские экзамены, защитил диссертацию «Удельные объемы» и получил право читать лекции по органической химии в университете. В январе 1857 г. Дмитрий Иванович был утвержден приват-доцентом Санкт-Петербургского университета.

Следующие несколько лет прошли в научных командировках за границей (Париж, Гейдельберг, Карлсруэ), где приват-доцент Менделеев встречался с иностранными коллегами, участвовал в первом Международном съезде химиков. В эти годы он занимался исследованиями в области капиллярных явлений и расширения жидкостей, и одним из результатов его работы стало открытие температуры абсолютного кипения. Вернувшись из-за границы в 1861 г., 27-летний ученый за три месяца написал учебник «Органическая химия», который, по оценке К. А. Тимирязева, был «превосходнейшим по ясности и простоте изложения, не имеющим себе подобного в европейской литературе».

Однако это были трудные времена для Менделеева, когда, как он писал в дневнике, «пальто и сапоги шиты в долг, всегда хочется есть». Видимо, под давлением обстоятельств он возобновил знакомство с Феозвой Никитичной Лещевой, с которой был дружен еще в Тобольске, и в апреле 1862 г. женился. Падчерица знаменитого П. П. Ершова, Физа (как ее звали в

семье), была старше мужа на шесть лет. По характеру, склонностям, интересам она не составила своему супругу гармоничной пары. Словно предчувствуя это, молодой ученый, перед тем как идти под венец, предпринимал попытку отказаться от суженой, но его старшая сестра Ольга Ивановна, жена декабриста Н. В. Басаргина, имевшая на него большое влияние, решила пристыдить брата. Она написала ему: «Вспомни еще, что великий Гете говорил: “Нет больше греха, как обмануть девушку”. Ты помолвлен, объявлен женихом, в каком положении будет она, если ты теперь откажешь?»

Менделеев уступил сестре, и эта уступка повлекла за собой затянувшиеся на много лет и мучительные для обоих супругов отношения. Конечно, выяснилось это не сразу, и после венчания молодожены в самом радужном настроении отправились в свадебное путешествие по Европе.

В 1865 г. Менделеев защитил докторскую диссертацию «О соединении спирта с водой», после чего был утвержден профессором Санкт-Петербургского университета на кафедре технической химии. Спустя три года он приступил к написанию учебника «Основы химии» и сразу столкнулся с трудностями систематизации фактического материала. Обдумывая структуру учебника, он постепенно пришел к выводу, что свойства простых веществ и атомные массы элементов связывает некая закономерность. К счастью, молодой ученый не знал о многих попытках его предшественников расположить химические элементы по возрастанию их атомных масс и о возникающих при этом казусах.

Решающий этап его раздумий наступил 17 февраля 1869 г., именно тогда и был написан первый вариант периодической системы. Об этом событии ученый впоследствии высказался так: «Я над ней [системой], может, двадцать лет думал, а вы думаете: сидел и вдруг… готово».

Отпечатанные листки с таблицей элементов Дмитрий Иванович разослал отечественным и зарубежным коллегам и с чувством выполненного долга уехал в Тверскую губернию для обследования сыроварен. До отъезда он еще успел передать Н. А. Меншуткину, химику-органику и будущему историку химии, рукопись статьи «Соотношение свойств с атомным весом элементов» – для публикации в журнале Русского химического общества и для сообщения на предстоящем заседании общества.

Сделанный 6 марта 1869 г. Меншуткиным доклад сначала не привлек особого внимания специалистов, и президент общества, академик Н. Н. Зинин заявил, что Менделеев делает не то, чем следует заниматься настоящему исследователю. Правда, через

два года, прочтя статью Дмитрия Ивановича «Естественная система элементов и применение ее к указанию свойств некоторых элементов», Зинин изменил свое мнение и написал автору: «Очень, очень хорошо, премного отличных сближений, даже весело читать, дай Бог Вам удачи в опытном подтверждении Ваших выводов».

Периодический закон стал тем фундаментом, на котором Менделеев создал свой самый знаменитый учебник «Основы химии». Книга выдержала восемь изданий при жизни автора, а последний раз была переиздана в 1947 г. По словам зарубежных ученых, все учебники химии второй половины XIX в. были построены по одному образцу, и «заслуживает быть отмеченной лишь единственная попытка действительно отойти от классических традиций – это попытка Менделеева, его руководство по химии задумано по совершенно особому плану». По богатству и смелости научной мысли, оригинальности освещения материала, влиянию на развитие и преподавание неорганической химии этот труд Дмитрия Ивановича не имел равного в мировой химической литературе.

Менделееву после открытия своего закона предстояло сделать еще многое. Причина периодического изменения свойств элементов оставалась неизвестной; не находила объяснения и сама структура периодической системы, где свойства повторялись через семь элементов у восьмого. Не все элементы автор разместил в порядке возрастания атомных масс; в некоторых случаях он больше руководствовался сходством химических свойств.

Самым же важным в открытии периодического закона было предсказание существования еще не известных науке химических элементов. Под алюминием Менделеев оставил место для его аналога «экаалюминия», под бором – для «экабора», а под кремнием – для «экасилиция». Так он назвал еще неоткрытые химические элементы и даже присвоил им соответствующие символы.

Следует сказать, что не все зарубежные коллеги сразу оценили значение открытия Менделеева. Уж очень многое оно меняло в мире сложившихся представлений. Так, немецкий физико-химик В. Оствальд, будущий лауреат Нобелевской премии, утверждал, что открыт не закон, а принцип классификации «чего-то неопределенного». Немецкий химик Р. Бунзен, открывший в 1861 г. два новых щелочных элемента, рубидий и цезий, говорил, что Менделеев увлекает химиков «в надуманный мир чистых абстракций». Профессор Лейпцигского университета Г. Кольбе в 1870 г. назвал открытие Менделеева

«спекулятивным»…

Однако вскоре пришло время триумфа. В 1875 г. французский химик Л. де Буабодран открыл предсказанный Менделеевым «экаалюминий», назвал его галлием и заявил: «Я думаю, нет необходимости настаивать на огромном значении подтверждения теоретических выводов господина Менделеева». Спустя четыре года шведский химик Л. Нильсон открыл скандий: «Не остается никакого сомнения, что в “скандии” открыт “экабор”… Так подтверждаются нагляднейшим образом соображения русского химика, которые не только дали возможность предсказать существование скандия и галлия, но и предвидеть заранее их важнейшие свойства».

В 1886 г. профессор Горной академии во Фрайбурге немецкий химик К. Винклер при анализе редкого минерала аргиродита обнаружил еще один элемент, предсказанный Менделеевым – «экосилицит», и назвал его германием. В то же время предугадать существование группы благородных газов Менделеев не смог, и им поначалу не нашлось места в периодической системе. В результате открытие аргона английскими учеными У. Рамзаем и Дж. Релеем в 1894 г. сразу же вызвало бурные дискуссии и сомнения в периодическом законе и периодической системе элементов. После нескольких лет раздумий Менделеев согласился с присутствием в предложенной им системе «нулевой» группы химических элементов, которую заняли другие благородные газы, открытые вслед за аргоном. В 1905 г. ученый написал: «По-видимому, периодическому закону будущее не грозит разрушением, а только надстройки и развитие обещает, хотя как русского меня хотели затереть, особенно немцы».

За четыре года до открытия периодического закона Дмитрий Иванович обрел относительное спокойствие в семейных делах. В 1865 г. он купил в Московской губернии недалеко от Клина имение Боблово. Теперь он мог каждое лето отдыхать там с семьей и заниматься агрохимией, которой тогда увлекался. На имеющихся 380 десятинах земли Менделеев проводил технико-экономические опыты, организовав на научной основе применение удобрений, техники, рациональных систем землепользования и за пять лет удвоив урожаи зерновых.

В 1867 г. Менделеев стал заведовать кафедрой общей и неорганической химии физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, а в конце года ему предоставили долгожданную университетскую квартиру. В мае следующего года в семье родилась любимая дочь Ольга… Но в конце 1870-х гг. отношения между Дмитрием Ивановичем и его женой Феозвой Никитичной испортились вконец. Менделеев

чувствовал себя в семье одиноко и отчужденно. «Я – человек, не Бог, и ты – не ангел», – писал он жене, признавая свои и ее слабости. Действительно, наделенный от природы холерическим темпераментом, Дмитрий Иванович был человеком вспыльчивым и раздражительным. Все, что отвлекало его от работы, легко выводило его из себя. И тогда малейший – с точки зрения окружающих – пустяк мог вызвать у него бурную вспышку: Менделеев кричал, хлопал дверью и убегал к себе в кабинет. Новые осложнения в семейную жизнь внесла тяжелая болезнь жены. К тому же после 14 лет брака у Феозвы Никитичны уже не было сил переносить ни тяжелый нрав мужа, ни его любовные увлечения. Она уехала с детьми в Боблово, предоставив супругу полную свободу при условии, что официальный брак не будет расторгнут.

В это время Менделеев был страстно влюблен в Анну Ивановну Попову, дочь донского казака из Урюпинска, посещавшую школу рисования при Академии художеств и периодически уезжавшую за границу. По возрасту Анна годилась ученому в дочери – была моложе его на 26 лет. Поскольку жена не соглашалась на развод, а расторжение брака по суду было в то время очень трудным делом, товарищи Менделеева серьезно опасались возможной трагической развязки: в их ближайшем окружении уже два человека покончили жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Тогда ректор университета А. Н. Бекетов взял на себя посредничество, съездил в Боблово и получил согласие Феозвы Никитичны на официальный развод с мужем. В 1881 г. брак наконец был расторгнут, и Дмитрий Иванович уехал в Италию к своей возлюбленной. В мае того же года они вернулись в Россию, а в декабре у них родилась дочь Люба, которая фактически была незаконнорожденной.

Дав согласие на развод, консистория запретила Менделееву венчаться в течение ближайших шести лет. Кроме того, по условиям развода все профессорское жалованье уходило на содержание первой семьи, а новая семья жила на деньги, которые ученый зарабатывал написанием научных статей и учебников. Однако в апреле 1882 г. вопреки решению консистории священник Адмиралтейской церкви Санкт-Петербурга за 10 тыс. рублей обвенчал Менделеева и Попову, за что был лишен духовного звания.

В этот период ученый продолжал свои исследования в области метеорологии, воздухоплавания, сопротивления жидкостей. Работал в Италии и Англии, изучал растворы, осуществил полет на воздушном шаре «Русский», наблюдая солнечное затмение. А в 1890 г. профессор Петербургского

университета Д. И. Менделеев подал в отставку в знак протеста против притеснения студенчества.

Следующие пять лет Менделеев был консультантом Научно-технической лаборатории Морского министерства, планировал принять участие в экспедиции на Север, создал проект ледокола. В это время он изобрел новый вид бездымного пороха (пироколлодий) и организовал его производство. Кроме того, он возглавлял большую экспедицию по изучению промышленности Урала, участвовал в работе Всемирной выставки в Париже, разрабатывал программу экономического преобразования России. В последних крупных работах «Заветные мысли» и «К познанию

России» ученый суммировал свои идеи, связанные с общественной, научной и экономической деятельностью.

В 1892 г. Менделеев был назначен хранителем, а затем управляющим созданной им Главной палаты мер и весов, где проводил исследования и опыты до конца жизни. В 1895 г. ученый ослеп, но продолжал работать: деловые бумаги ему зачитывали вслух, распоряжения он диктовал секретарю. Профессор И. В. Костенич в результате двух операций удалил катаракту, и вскоре зрение вернулось…

У Менделеева было трое детей от первого брака – Маша, Володя и Ольга (все умерли еще при жизни Дмитрия Ивановича) и четверо от второго – Люба, Ваня, Василий и Мария (Мария Дмитриевна впоследствии стала директором музея своего отца), которых он безумно любил. Один эпизод особенно ярко характеризует силу отеческой любви знаменитого ученого. В мае 1889 г. он был приглашен Британским химическим обществом выступить на ежегодных Фарадеевских чтениях. Такой чести удостаивались наиболее выдающиеся химики. Менделеев собирался посвятить свой доклад учению о периодичности, которое уже завоевывало всеобщее признание. Это выступление должно было стать для него поистине «звездным часом». Но за два дня до назначенной даты он получил из Петербурга телеграмму о болезни Василия. Ни минуты не раздумывая, ученый решил немедленно возвращаться домой, а текст доклада «Периодическая законность химических элементов» прочитал за него Дж. Дьюар.

Старший сын Менделеева Владимир стал флотским офицером. Он с отличием окончил Морской кадетский корпус, совершил плавание на фрегате «Память Азова» вдоль дальневосточных берегов Тихого океана. В 1898 г. Владимир вышел в отставку, чтобы посвятить себя разработке «Проекта поднятия уровня Азовского моря запрудою Керченского пролива», но спустя несколько месяцев скоропостижно скончался. В

следующем году отец опубликовал «Проект…» и с глубокой горечью написал в предисловии: «Погиб мой умница, любящий, мягкий добродушнейший сын-первенец, на которого я рассчитывал возложить часть своих заветов, так как знал неизвестные окружающим высокие и правдивые, скромные и в то же время глубокие мысли на пользу родины, которыми он был проникнут». Кончину Владимира Дмитрий Иванович переживал очень тяжело, что заметно сказалось на его здоровье.

Дочь Менделеева и Поповой – Любовь Дмитриевна – в 1903 г. вышла замуж за Александра Блока – знаменитого русского поэта «Серебряного века», с которым она была дружна с детства и который посвятил ей «Стихи о Прекрасной Даме». Люба и Александр часто встречались в подмосковном имении деда Блока, расположенном недалеко от Боблово, вместе с местной молодежью ставили спектакли, в которых Блок был главным актером, а часто и режиссером. Люба окончила Высшие женские курсы и играла в драматических кружках, а затем в труппе В. Мейерхольда и в театре В. Комиссаржевской. После смерти мужа она занималась историей и теорией балетного искусства и давала уроки актерского мастерства знаменитым балеринам Г. Кирилловой и Н. Дудинской.

В письме Блока невесте есть такие строки об ее отце: «Он давно все знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает… Ничего отдельного или отрывочного у него нет – все неразделимо».

«…Сам удивляюсь, чего я только не делывал на своей научной жизни. И сделано, думаю, недурно», – писал Дмитрий Иванович Менделеев за несколько лет до смерти. Он умер 20 января 1907 г. в Петербурге от паралича сердца и был похоронен на Волковом кладбище, недалеко от могил своей матери и старшего сына. Еще при жизни всемирно известный ученый получил свыше 130 дипломов и почетных званий от русских и зарубежных академий и научных обществ. В России были учреждены Менделеевские премии за выдающиеся достижения в области химии и физики. Сейчас имя выдающегося ученого-энциклопедиста носят: Всесоюзное химическое общество, ВНИИ метрологии, Санкт-Петербургский химико-технологический институт, подводный хребет в Северном Ледовитом океане, действующий вулкан на Курилах, кратер на Луне, научно-исследовательское судно для океанографических исследований, 101-й химический элемент и минерал – менделеевит.

Микеланджело

Полное имя – Микеланджело Буонарроти (род. в 1475 г. – ум. в 1564 г.)

Величайший итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт Высокого Возрождения.

«Он до сих пор посредством своих творений влияет на наше видение самих себя. Руки этого величайшего скульптора продолжают лепить наш мир», – так писал американский публицист Пол Расселл о гении эпохи Возрождения Микеланджело. Его долгая жизнь совпала не только с порой яркого расцвета гуманистической культуры Ренессанса, но и со временем ее заката, явив миру «великого скульптора, великого живописца, великого архитектора и великого поэта», который верил в безграничные возможности человека.

Микеланджело Буонарроти родился 6 марта 1475 г. в небольшом городке Капрезе, неподалеку от Флоренции. Он был потомком знатного, но обедневшего рода и свои детские годы провел в Сеттиньяно, в небольшом имении отца – подесты (главы местного самоуправления) Людовика Леонардо Буонарроти. В 1485 г. Микеланджело переехал во Флоренцию, где поступил в латинскую школу Франческо да Урбино. Но мальчик, который терпеть не мог зубрежку латыни и греческого, считал, что в ней он лишь «тратит понапрасну время». Недаром, как писал Дж. Вазари, «изучению грамматики он предпочитал посещение церквей, где копировал картины: часто он убегал из школы, чтобы посмотреть, как работают живописцы; и он охотнее проводил

время с теми, кто рисует, нежели с теми, кто учится».

Отец мальчика, полагавший, что занятие искусством «недостойно древнего рода Буонарроти», противился художественной карьере сына. Микеланджело все же удалось переубедить его и в 1488 г. он поступил в мастерскую известного живописца Доменико Гирландайо. Здесь юноша прошел хорошую школу рисунка и в совершенстве изучил перспективу и анатомию. Однако творчество наставника было абсолютно чуждо молодому художнику, с юных лет стремившемуся к выражению героических идеалов в искусстве. Особое внимание в эти годы Микеланджело уделял изучению наследия мастеров прошлого Джотто и Мазаччо, которые «культивировали монументальную, пластическую, весомую форму и чей скупой художественный язык был лишен каких-либо внешних прикрас». В своих ранних рисунках, выполненных пером, начинающий художник копировал отдельные фигуры с их фресок, придавая им больше мужественности и суровости. Объем формы, ее впадины и выпуклости воссозданы в этих работах с таким мастерством, что уже здесь явственно ощущается рука прирожденного скульптора.

В 1489 г. Микеланджело перешел в художественную школу, основанную Лоренцо Великолепным, где под руководством Бертольдо ди Джованни начал обучаться скульптуре. Страстный поклонник античного искусства, Бертольдо привил любовь к античности и своему ученику. Микеланджело с большим почтением относился к утонченному, изысканному искусству учителя, но избрал собственный творческий путь.

С 1490 г. в течение двух лет Микеланджело жил в палаццо Медичи. Лоренцо Великолепный, выделивший его среди учеников основанной им школы, стал настоящим покровителем молодого художника. В доме Медичи Микеланджело познакомился с прославленными итальянскими поэтами и гуманистами – Анджело Полициано, Марсилио Фичино, Джованни Пико делла Мирандола – и приобщился к философии флорентийского неоплатонизма, согласно которой человек «для достижения гармонии должен был стремиться к точности, ясности и особой упорядоченности художественного языка». Их гуманистические воззрения были близки Микеланджело, которого уже «с юных лет привлекало все по-настоящему значительное и нравственно чистое».

Одни из наиболее ранних скульптурных работ – рельефы «Мадонна у лестницы» и «Битва кентавров» – свидетельствовали не только о незаурядном мастерстве, но и о яркой творческой индивидуальности молодого автора. Микеланджело удивительно чувствовал материал. «Камень сам работает на тебя. Он уступает

тебе, сдается перед твоим мастерством и твоей любовью», – говорили ему учителя. Глядя на творения Микеланджело, зритель ни на секунду «не утрачивает ощущение веса и объема камня, из которого резец скульптора как бы извлекает фигуры, наделяя их жизнью и движением».

Со смертью Лоренцо Медичи Микеланджело лишился могучего покровителя. Он покинул Флоренцию и после краткого пребывания в Венеции отправился в Болонью, где создал несколько скульптурных произведений, в которых отдал дань увлечению творчеством известного скульптора Якопо делла Кверча (статуи Ангела, Петрония и Прокла). В Болонье молодой художник тщательно изучал творения Данте, Боккаччо и Петрарки. Именно под впечатлением канцон Петрарки Микеланджело создал свои первые стихи. Он писал их не по заказу, а, что называется, для души. Стихосложение стоило ему больших усилий, он нередко переделывал написанное до девяти раз, часто бросал начатое стихотворение. Некоторые варианты сонетов десятилетиями лежали нетронутыми, и затем мастер возвращался к ним, чтобы коренным образом переработать. Помимо сонетов он писал и эпиграммы, мадригалы и восьмистишия. Поэт посвящал и дарил их своим друзьям – Себастьяно дель Пьомбо, Виттории Колонна, Донато Джаннотти и др. С годами Микеланджело, вставший на путь религиозных исканий, сосредоточил свои размышления на вечных вопросах – о жизни и смерти, о любви и страдании, о добре и зле, о Боге и спасении своей души. Его стихи (а их сохранилось около 300) поражают философской глубиной, где каждое слово отточено и совершенно так же, как и скульптуры мастера.

Проходит правда нищей и бездомной,
За что народ и чтит ее как раз;
Как солнце в небе – зрак ее огромный,
Как злато – плоть, и сердце – как алмаз;
Ее огонь встает из ночи темной
Со всех концов, хоть лишь в одном погас;
Пред взором зеленея изумрудом,
Она враждебна козням и причудам.

(Пер. А. Эфроса)

В 1496 г. скульптор переехал в Рим, где на него сильнейшее впечатление произвели античные памятники. Их пластика научила его приемам художественного обобщения, оказав тем самым немалое влияние на творческую манеру.

Художнику, оторванному от цеха, пришлось самостоятельно искать сильных покровителей и богатых заказчиков, иначе его творческая деятельность была бы обречена. Мрамор для статуй и перевозка материала стоили слишком дорого, чтобы можно было идти на риск, не имея твердых заказов. В Риме такими покровителями для Микеланджело стали кардинал Риарио, покупавший скульптору мрамор, и банкир Якопо Галли, который всячески помогал художнику. Последний, владевший знаменитой коллекцией антиков, приобрел у Микеланджело не дошедшие до нас статуи Аполлона и Купидона, а также созданную в Риме статую Вакха – наименее самостоятельное из произведений скульптора. К работам первого римского периода относится и «Пьета». В ней автор с необычайным искусством объединил две перекрещивающиеся фигуры – Марию и мертвого Христа, которого она держит на коленях, – в одну неразрывную группу. Поверхность мрамора была настолько тщательно отполирована, что приобрела «какой-то драгоценный характер». «Пьета», предназначенная для украшения капеллы, стала образцом безупречного мастерства молодого Микеланджело и одним из самых оригинальных и совершенных его творений.

Первые пять лет XVI в., которые Микеланджело провел во Флоренции, стали для него временем особого творческого подъема. В эти годы он создал статую библейского героя Давида, которая была призвана символизировать свободу республики. Автор изобразил своего героя обнаженным, придавая наготе тот этический смысл, каким она обладала в античной скульптуре. Его Давид, уверенный и в то же время как бы сомневающийся, готовый к действию и одновременно расслабленный, юный, но с мощным телосложением, вошел в историю как новый тип мужской красоты. А в статуе Мадонны, украсившей алтарь церкви Нотр-Дам в Брюгге, скульптору удалось достичь той особой компактности композиции, которая «всегда была предметом зависти у современных ему художников». Здесь он шел вслед за прославленным живописцем Леонардо да Винчи, который был гениальным мастером композиции. Микеланджело, являясь полной противоположностью Леонардо по своим политическим убеждениям и художественным пристрастиям, все же не избежал благотворного влияния этого художника, о чем свидетельствуют его произведения флорентийского периода, в том числе два мраморных тондо (круглых рельефа).

К этим годам относятся и самые ранние из дошедших до нас живописных творений мастера. Первое из них – знаменитая «Мадонна Дони», выполненная на рубеже 1503–1504 гг. В этом удивительном произведении Микеланджело реализовал свое

понимание живописи, которое сформулировал однажды, отвечая на вопрос гуманиста Варки: «Я говорю, что живопись, как мне кажется, считается лучше тогда, когда она больше склоняется к рельефу, и что рельеф считается лучше, когда он больше склоняется к живописи. И потому мне всегда казалось, что скульптура – светоч живописи и что между ними та же разница, что между солнцем и луной».

С 1505 г. началась борьба Микеланджело с папой Юлием II, который вначале поручил мастеру выполнение своей гробницы, а затем отказался от своего решения. В осуществлении этого проекта, который должен был превзойти своими размерами и богатством все гробницы мира, Микеланджело видел широкие творческие возможности. Но замыслы художника, которые он пытался осуществить в течение многих лет, так и не реализовались в полной мере. Целый год он потратил на титаническую работу над бронзовой статуей, которая должна была увенчать этот монумент. Но чуть ли не сразу после окончания она была переплавлена на пушки. С невероятными трудностями гробница была завершена лишь в 1545 г., но то, что она представляет собой, – бесконечно далеко от первоначального проекта автора. Это был один из тех редких случаев, когда Микеланджело вышел из борьбы не победителем, а побежденным.

На протяжении всей своей долгой жизни скульптору постоянно приходилось преодолевать препятствия, но он почти всегда добивался осуществления задуманного. Так, например, уже на склоне его дней, борьба с Антонио да Сангалло и его приверженцами при работе над проектом собора св. Петра закончилась победой Микеланджело. Сила характера этого человека была поистине легендарной. По утверждению маркизы Виттории Колонна, «как человек Микеланджело не уступал своим творениям». Подобно всем великим, этот мастер имел множество врагов и недоброжелателей, тем более что зачастую сам давал для этого повод. Неуживчивый, мнительный, саркастичный, он легко терял самообладание и выходил из себя. Папа Лев X утверждал, что Микеланджело «страшен, с ним нельзя иметь дело», а Себастьяно дель Пьомбо, друг художника, говорил мастеру: «Вы всякому внушаете страх, даже папе».

Микеланджело, осознавая свой трудный характер, признавался, что все его несчастия проистекали «от неумения владеть самим собою». Но нетерпимый и резкий по отношению к подхалимам, хвастунам и невеждам, он до конца жизни был предан тем, кого любил и уважал. «Не родился еще такой человек, который, подобно мне, был бы столь склонен любить людей», «ни одна человеческая страсть не осталась мне

чуждой», – писал скульптор. Мастер был по-настоящему добр к своим ученикам, помощникам и слугам, щедро одаривал их своими произведениями и золотыми дукатами, и они не чаяли в нем души.

Современников поражали скромность и непритязательность Микеланджело в быту, его пуританский, даже аскетичный образ жизни. Он был неприхотлив в еде, мало спал, избегал шумного общества, роскошным нарядам предпочитал простую добротную одежду. Этот человек обладал редкостным трудолюбием, богатейшей творческой фантазией, ясным глубоким умом и добрым сердцем. Недаром современники великого мастера называли его «divino» – «божественным», «неземным». Друг художника Берни сказал о нем проще, но не менее выразительно: «Он говорит вещи, вы же говорите слова».

В 1508 г. Микеланджело приступил к росписи потолка Сикстинской капеллы. Это произведение, над которым он самозабвенно трудился около четырех лет, потребовало от него огромного напряжения духовных и физических сил. «Я не забочусь ни о здоровье, ни о земных почестях, живу в величайших трудах и с тысячью подозрений», – писал он в одном из писем. Рассказ о художнике, лежавшем дни напролет на жестких подмостках и с трудом вытиравшем капающую на лицо краску, со временем перерос в легенду. Роспись потолка Сикстинской капеллы – одна из величайших вершин не только творчества Микеланджело, но и всего ренессансного искусства. Здесь живописный язык мастера достигает абсолютной зрелости. Это гимн человеку, его духовной мощи, физической энергии и безграничным творческим возможностям. Те чувства, которые испытывает человек после посещения Сикстинской капеллы, пожалуй, наилучшим образом выразил Гете, записав в своем дневнике: «Я не ощущаю вкуса к природе, так как я не могу на нее смотреть такими большими глазами, как Микеланджело».

Одной из самых замечательных композиций росписи является сцена «Сотворение Адама». Незабываемое впечатление оставляют две протянутые руки, соединяющие духовные миры человека и Бога. Так никогда и не соприкоснувшись на фреске, они стали символом дарованной и обретенной жизни.

Большой этап жизненного пути великого мастера (1520–1533 гг.) связан с работой над гробницами Медичи. Это было время, когда все ощутимее становились сигналы о надвигавшемся кризисе культуры Возрождения. В Италии шла война. Рим был разграблен испанскими войсками. С 1528 г. Микеланджело, стоявший во главе флорентийских отрядов самообороны, принимал деятельное участие в укреплении города, который

также подвергся нападению испанских и папских войск. После капитуляции Флоренции в 1530 г. он был вынужден скрываться, опасаясь мести папы Климента VII. Но тот, будучи заинтересованным в завершении работ в капелле Медичи, даровал ему прощение. Статуи, украсившие саркофаги и получившие название «Утро», «День», «Вечер» и «Ночь», были выбраны Микеланджело «как символ быстротекущего времени, приближающего человека к смерти». Но каждая из них, воплощая определенный характер и оттенок настроения, имела различное смысловое наполнение. Для искусства XVI в. это было абсолютно ново и необычно. Работая над гробницами капеллы Медичи, мастер тщательно готовился к воплощению своих замыслов. В каменоломнях Каррары он сам выбирал нужные ему сорта камня. Используя для статуй желтоватый мрамор, близкий к цвету слоновой кости, Микеланджело прибегал к разнообразным техническим приемам обработки камня, достигая нужных ему пластических эффектов.

По мере приближения к пятидесятилетнему возрасту у Микеланджело все чаще стали проявляться признаки усталости. «Если я проработаю день, – писал он в 1523 г. – то я должен отдыхать четыре». Все чаще мастер говорил о том, что он слаб и стар. «Я стар, и смерть отняла у меня все помыслы молодости. И тот, кто не знает, что такое старость, должен терпеливо ждать ее прихода, ибо раньше он этого испытать не может», – писал он в письме Луке Мартини. Тема гробницы была внутренне сродни его душевному состоянию, поскольку перекликалась с мыслями о смерти, которые в это время не покидали художника.

Над гробницами Медичи Микеланджело трудился со свойственной ему энергией и напором, и одновременно успел создать несколько не дошедших до нас живописных полотен, выполнил статую Христа для римской церкви Санта-Мария Сопра Минерва, а также великолепную статую Аполлона (1532 г.), хранящуюся в Барджелло. В этой незаконченной фигуре чувствуется «какая-то особая интимность и не совсем обычная для Микеланджело мечтательность». Возможно, на ее создание Микеланджело вдохновило знакомство с Томмазо Кавальери. В этом красивом благородном юноше, принадлежавшем к знатной римской семье, художник увидел живое воплощение собственного идеала прекрасного. Их дружба продолжалась тридцать два года, и Микеланджело посвятил Томмазо многие свои сонеты, а также подарил ряд рисунков на античные темы («Титий», «Вакханалия детей», «Ганимед» и др.). Отношения между ними были чисто платоническими. Но когда в 1623 г. микеланджеловские поэмы, посвященные Кавальери, были опубликованы, племянник

великого скульптора изменил в них некоторые фрагменты, носящие откровенную гомосексуальную направленность. При жизни Микеланджело современники двояко толковали его сексуальность. Так, Аретино писал другу: «Хоть талант твой божественный, к мужскому полу ты неравнодушен». А Дж. Вазари утверждал, что Микеланджело был «женат на своем искусстве». Так или иначе, но Томмазо, на руках которого он и умер, был ему роднее кровных близких.

С 1536 по 1541 г. Микеланджело работал над огромной фреской «Страшный суд» для алтарной стены Сикстинской капеллы. С первого взгляда это произведение, имеющее самостоятельное значение в ансамбле, потрясает своей динамикой и огромным монументальным размахом. Но еще при жизни мастера оно вызвало резкую критику в контрреформационных кругах. Говорили, что подобная фреска, в обилии изображающая обнаженные фигуры, более подходит для украшения бани, нежели для папской капеллы. Даже знаменитый Эль Греко, посетив Рим в 1570 г., предложил сбить фреску и написать новую композицию, утверждая при этом, что «хороший человек был Микеланджело, но он не умел писать».

С годами слава непревзойденного скульптора становилась все шире, заказы следовали один за одним. Герцог Козимо уговаривал его возвратиться во Флоренцию, король Франции внес на его имя деньги в римский банк на тот случай, если Микеланджело пожелает ваять или писать для него, а турецкий султан приглашал художника в Константинополь, предлагая выслать за ним целый эскорт. «Где бы ни задумывалось крупное произведение искусства – «Матерь Божья утоли моя печали» для короля Португалии, надгробие для одного из отпрысков Медичи в Милане, герцогский дворец во Флоренции – к Микеланджело обращались за советом, обсуждали с ним намеченный проект и имена художников, которые могли бы выполнить работу» – так писал об этом периоде жизни мастера И. Стоун в своем романе «Муки и радости».

Последние двадцать лет своей жизни Микеланджело мало занимался скульптурой и живописью. Глубокий старец, он на 45 лет пережил своего старшего современника Леонардо да Винчи и на 44 года – Рафаэля, который был моложе его. Один за другим умирали родственники, друзья, сверстники, а он продолжал жить, жить в новом и чуждом ему мире, где у власти стояли люди, которым светская культура Возрождения была чужда. Все более углубляясь в мир личных трагических переживаний, состарившийся мастер находил отдушину в лирике и архитектуре, которые более подходили для воплощения его

возвышенных чувств, нежели скульптура и живопись.

В последние годы жизни Микеланджело более всего занимался архитектурой. Специального архитектурного образования у него не было, но он с легкостью одолел инженерные и технические проблемы и подошел к этой новой для него профессии как скульптор. Уже современники великого мастера признавали, что выдвинутые им архитектурные идеи «открывают новую главу в истории итальянского зодчества». Действительно, в своих архитектурных творениях Микеланджело решительно порвал с классическими канонами. Еще в 1520-е гг. им был создан проект Лауренцианы, первой публичной библиотеки в Западной Европе. В ее основу была положена динамическая форма, где «вестибюль с его учащенным тревожным ритмом» словно принуждает подняться по лестнице, «подобной потоку лавы», в читальный зал, где царят спокойствие и тишина.

Все остальные архитектурные работы относятся к последнему периоду жизни мастера, когда в 1546 г. он был назначен главным архитектором собора св. Петра. Работая над его проектом, Микеланджело до последнего мгновения вносил коррективы в деревянную модель (которая долгое время оставалась без аттика, фасада и купола), стараясь создать гармоничное «тело» всего здания. Его второй крупной архитектурной работой было оформление Капитолийского холма, с которым связаны многие исторические события и легенды Древнего Рима. Уже в глубокой старости мастер осуществил еще два проекта – строительство церкви Сан Джованни и арки «Порта Пиа». В последней из этих работ Микеланджело смело порвал с традицией. Непохожая на триумфальные римские арки и средневековые ворота, «Порта Пиа» соединяет в себе настолько необычные детали, что ей трудно подыскать близкую аналогию в античной и ренессансной архитектуре. Создав подобное творение, мастер словно в «последний раз бросил вызов классицистам всех времен и всех мастей».

Но, будучи прирожденным скульптором, Микеланджело так и не смог полностью отказаться от камня. Страдая от старческой бессонницы, он брал среди ночи молот и резец и при свете свечи принимался за работу. Те немногие скульптуры, которые ваятель выполнил в последние годы жизни, раскрывают только одну тему – тему страданий и смерти Христа («Положение во гроб», «Оплакивание Христа»). Чем старше становился Микеланджело, тем чаще его посещали мысли о смерти. «Если жизнь нам нравится, то поскольку смерть есть дело рук того же мастера, она не должна нам не нравиться», – говорил он. Готовя себя к

неизбежному уходу, Микеланджело уже в 1547 г. приступил к выполнению скульптурной композиции «Положение во гроб» для собственной гробницы.

Самым последним скульптурным произведением Микеланджело и наиболее трагичным по своему замыслу является композиция «Пьета Ронданини», над которой он работал за неделю до смерти. Почувствовав недомогание, старый мастер был вынужден лечь в постель. 18 февраля 1564 г. его не стало. Незадолго до смерти он приказал уничтожить все находящиеся в доме рисунки, чтобы грядущие поколения не ощутили «пот его работы». Точно так же много лет назад он сжег все этюды, наброски и картоны, созданные в процессе работы над росписью потолка Сикстинской капеллы.

По словам Бернини, будучи уже на смертном одре, Микеланджело сказал, что «он раскаивается в двух вещах: он не сделал для спасения своей души все то, что обязан был сделать, и, во-вторых, он должен умереть тогда, когда он только начал читать по слогам в своей профессии». Римляне не хотели отдавать тело великого мастера флорентийцам, поэтому агенты Козимо Медичи похитили его ночью и под видом тюка с товаром доставили во Флоренцию. Прах прославленного скульптора и поныне покоится в церкви Санта-Кроче.

Часто Микеланджело приходилось слышать от современников о своей эпохе, что «это гиблое время для художника, потому что человеческий разум исчерпал свои возможности. Все, что можно было узнать, уже узнали, все, чего можно было достичь, достигнуто, все, что мыслимо изобрести, изобретено». Но скульптор возражал им: «Это совсем не правда. Человеческий разум рождается вновь всякое утро, вместе с восходом солнца. Человечество придумает машины, предложит идеи, которые пока непостижимы для нас. Человеческий разум никогда не заставят склониться, его работу не остановят, он будет крепнуть и развиваться, пока не угаснет солнце». И гениальное искусство Микеланджело на века стало подтверждением неисчерпаемых возможностей человеческого разума:

Я словно б мертв, но, миру в утешенье,
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и, значит, я не прах,
И смертное меня не тронет тленье…

Моцарт Вольфганг Амадей

Полное имя – Иоганн Хризостом Вольфганг Теофил Моцарт (род. в 1756 г. – ум. в 1791 г.)

Выдающийся австрийский композитор, клавесинист, органист, дирижер, один из величайших представителей мировой музыкальной классики. Творческое наследие Моцарта составляют более 600 произведений, охватывающих практически все жанры музыкального искусства.

Моцарт обладал мощным универсальным даром музыканта, который проявился с раннего детства. Современники называли его «богом музыки», но этот звучный титул ничего не дал композитору: ни должной славы и понимания его творчества (они пришли лишь спустя столетия), ни богатства, ни долгих лет жизни. Он умер, не дожив до тридцати шести лет. Но как фантастично много успел создать этот гений – 20 опер, полсотни симфоний, десятки концертов, сонат, месс…

27 января 1756 г. в небольшом альпийском городе Зальцбурге родился мальчик, которого назвали Вольфгангом. Отец новорожденного, Леопольд Моцарт, происходивший из семьи простого переплетчика, был довольно известным скрипачом, органистом, педагогом и работал в качестве придворного музыканта и камердинера у зальцбургского вельможи графа Турна. Зальцбург представлял собой в то время столицу маленького княжества, во главе которого стоял архиепископ.

Вольфганг (или Амадео – как звучало это имя по-итальянски) был седьмым ребенком в семье, однако почти все его братья и

сестры умерли в младенчестве и в живых осталась только Мария-Анна, или, как ласково звали ее домашние, Наннерль, которая была старше Моцарта на 4,5 года. Со временем отец стал учить дочь игре на клавесине, но все чаще к инструменту подходил маленький Вольфганг. К великому изумлению родителей, малыш, которому едва исполнилось 3,5 года, по слуху безошибочно повторял все пьески, которые разучивала сестра.

Однажды 4-летний Моцарт сидел за столом и что-то старательно выводил на нотной бумаге. При этом он погружал в чернильницу не только перо, но и пальцы. На вопрос отца о том, что он делает, мальчик ответил, что пишет концерт для клавесина. Леопольд взял лист и увидел выведенные нетвердым почерком ноты, измазанные кляксами. Сначала ему показалось, что это детская шалость, но, когда он внимательно рассмотрел написанное, у него из глаз потекли слезы радости. «Смотрите, – обратился он к окружающим, – как здесь все правильно и со смыслом!»

Вскоре дети настолько хорошо овладели техникой игры на клавесине, что в январе 1762 г. отец принял решение совершить с ними концертную поездку. Для начала они отправились в Мюнхен, где выступили при дворе курфюрста Баварского, да так успешно, что Леопольд Моцарт принялся хлопотать об отпуске для поездки в столицу…

Выступления Вольфганга и Наннерль в Вене носили сенсационный характер. Они играли в гостиных вельмож и даже перед королевской семьей, неизменно вызывая восторг публики. Однако такая жизнь была чрезвычайно тяжела для детей, которые играли и импровизировали практически без отдыха по 4–5 часов подряд. Особенно изнурительно это было для хрупкого организма маленького Моцарта. В конце концов тяжелая скарлатина обоих детей положила конец венским триумфам.

По возвращении домой отец позаботился о том, чтобы занятия брата и сестры (причем не только музыкой, но и обычными школьными предметами) шли строго и планомерно. Летом 1763 г., снова испросив отпуск у архиепископа, Леопольд предпринял с детьми более длительную концертную поездку, конечной целью которой был Париж. Маленький ростом, одетый в лиловый атласный камзол с миниатюрной шпагой на боку и треуголкой под мышкой, в парике, Вольфганг смело подходил к клавесину и с милой непринужденностью отвешивал направо и налево поклоны. Он виртуозно исполнял свои и чужие сочинения, читал с листа незнакомые произведения с такой легкостью, как будто они были ему давно известны, импровизировал на заданные темы, чисто и безошибочно играл трудные пьесы на

клавиатуре, накрытой платком. Кроме того, в Париже он много сочинял. В начале 1764 г. вышли из печати его первые четыре сонаты для скрипки и клавесина. На титульном листе было обозначено, что они написаны 7-летним мальчиком.

Ободренный успехами во Франции, Леопольд Моцарт весной 1764 г. повез детей в Лондон. Там Вольфганг познакомился с И.-К. Бахом, сыном великого композитора. Мастерская игра Баха на клавесине произвела на мальчика большое впечатление. Несмотря на разницу в возрасте, они вскоре стали большими друзьями, нередко импровизировали на одну и ту же музыкальную тему одновременно на двух инструментах, немало удивляя всех, кому приходилось их слышать. Там же, в Лондоне, Моцарт написал еще 6 сонат для клавесина и взялся за сочинение симфонии. В течение года, проведенного в Англии, музыкальное развитие ребенка заметно продвинулось вперед. По дороге домой Леопольд решил заехать в Голландию и Фландрию. Они побывали в Гааге, Генте, Роттердаме, Амстердаме, и повсюду успех был огромный – детям устраивали восторженные овации, осыпали их лестными похвалами.

Все это, казалось, легко могло вскружить головы юным артистам, но ничего подобного не произошло. Этому в немалой степени способствовал отец. Опытный педагог, он хорошо сознавал, что, как ни велика музыкальная одаренность его учеников, без упорного, настойчивого труда серьезных результатов им не достигнуть. «Дети мои одарены таким талантом, – писал в одном из своих писем Леопольд, – что, помимо родительского долга, я бы всем пожертвовал ради их воспитания. Каждая потерянная минута – потеряна навеки… Но вы знаете, что дети мои привыкли к работе. Если бы что-либо могло отвлечь их от работы – я бы умер с горя».

В конце 1766 г. семья Моцарта с триумфом вернулась в родной Зальцбург, пробыв за границей почти 3,5 года. Тотчас же по возвращении домой отец возобновил с детьми занятия на клавесине и скрипке. Кроме того, они серьезно изучали музыкальную композицию, арифметику, историю и географию. Вольфганг также осваивал латынь и итальянский язык, знание которых в те времена для музыканта было обязательным.

В 1767 г. Вена готовилась к придворным торжествам по случаю бракосочетания юной эрцгерцогини Марии-Иозефы с неаполитанским королем. Желая воспользоваться благоприятным моментом, Леопольд выехал с семьей в столицу Австрии. Но поездка оказалась неудачной – в Вене свирепствовала страшная эпидемия оспы. Пришлось спешно вывозить детей из города и бежать в Моравию. Но было уже поздно: и брат, и сестра заболели

оспой в тяжелой форме. У Вольфганга были поражены глаза, ему грозила слепота. Лишь через 10 дней зрение стало восстанавливаться.

Только в январе следующего года семья вернулась в Вену, но интерес к игре Моцартов со стороны столичной публики теперь заметно остыл. Мало кто приглашал их в свои салоны, и только благодаря хлопотам друзей Леопольда детям удалось выступить при дворе. Сочинения Вольфганга понравились императору Иосифу II, и он выразил желание услышать одно из его новых произведений на сцене Венского оперного театра. Однако тамошние музыканты посчитали чудо-ребенка серьезным конкурентом и всячески препятствовали его продвижению. Поэтому венскому зрителю так и не суждено было увидеть оперу по пьесе «Притворная простушка» – по городу поползли слухи о том, что якобы все сочинения Моцарта написаны его отцом, который, желая сделать сыну карьеру, выдает свои работы за его творения. Театр отказал юному композитору в постановке. Это было поражением, но Вольфганг и не думал отчаиваться. По его возвращении в Зальцбург архиепископ, близко к сердцу принимавший успехи и огорчения, приказал музыкантам своей капеллы разучить и поставить оперу, отвергнутую Веной.

В 1770 г. Леопольд Моцарт повез сына в турне по Италии. Программы, с которыми выступал 14-летний подросток, поражали обширностью и сложностью. В них демонстрировалась не только техника игры на клавире, но и замечательное композиторское мастерство мальчика, присущий ему дар импровизации. В Болонье Вольфганг выдержал сложный экзамен по композиции, и местная Филармоническая академия избрала его своим членом. В свою очередь дирекция Миланского театра заказала ему оперу «Митридат, царь Понтийский», которая была сыграна 20 раз подряд при переполненном зале. Не меньший успех имела двумя годами позже и вторая опера Моцарта «Лючио Силла». Однако постоянного места в Италии юному музыканту получить не удалось.

В это время в Зальцбурге умер архиепископ, снисходительно относившийся к частым отлучкам Леопольда Моцарта. Его место занял граф Иероним Колоредо, не терпевший оперной музыки. Он полагал, что подчиненные ему музыканты не должны тратить время на такое неблагочестивое занятие, как сочинение опер, да еще для заграничных театров. Моцартам было приказано спешно вернуться домой, и в марте 1773 г. Вольфганг навсегда покинул Италию. Счастливая пора детства, полного разнообразных впечатлений, блестящих успехов и радужных надежд на будущее, осталась позади. Начинался новый этап жизни.

Моцарт был обречен на прозябание в маленьком захолустном городке. Все тяготило здесь 17-летнего юношу: и рабская зависимость от грубого и деспотичного архиепископа, и чванство местной аристократии, и косность обывателей. В Зальцбурге не было ни оперного театра, ни открытых концертов, ни встреч с интересными образованными людьми. Отлучаться без дозволения из города и тем более писать для кого-либо оперы юному Моцарту строжайше запрещалось. День его начинался в приемной архиепископа, где он с другими слугами ожидал приказаний, а вечером следовало выступление в качестве клавесиниста или скрипача в закрытом концерте.

Но серьезные занятия композицией продолжались. Теперь Вольфганг писал главным образом инструментальную музыку: симфонии и сонаты, веселые дивертисменты, приветственные серенады для исполнения на открытом воздухе. Именно в эти годы постепенно формировался неповторимый моцартовский стиль. Богатые художественные впечатления сочетались в его произведениях со все более заметным проявлением творческой индивидуальности.

По приказанию архиепископа юноше приходилось сочинять много церковной хоровой музыки. Была в этом и положительная сторона: подобные произведения тут же разучивались и исполнялись, что было неплохой подготовкой для создания в будущем величественных хоровых оперных сцен… Но все же после итальянских триумфов сочинять одни лишь мессы юному гению было скучно. Лишь через пять лет с великим трудом ему удалось добиться разрешения уехать из Зальцбурга. Оставив придворную службу, Моцарт поселился в Мангейме, где познакомился с семьей переписчика нот Вебера и приобрел несколько верных и надежных друзей среди любителей искусства.

Но тяжелое материальное положение, унижение, ожидания в приемных, поиски протекции – все это вынудило молодого композитора вернуться в родной город. Архиепископ принял обратно своего бывшего музыканта, но настрого запретил ему публичные выступления. Тем не менее в 1781 г. Вольфгангу удалось получить отпуск для постановки в Мюнхене новой оперы «Идоменей». После успешной премьеры, решив больше не возвращаться в Зальцбург, он подал заявление об увольнении и получил в ответ поток ругательств и оскорблений. Чаша терпения была переполнена – композитор окончательно порвал с зависимым положением придворного музыканта и поселился в Вене, где и прожил до самой смерти.

В столице Моцарта ждали новые испытания. Аристократические круги отвернулись от бывшего вундеркинда, и

те, кто еще недавно платили ему золотом и овациями, теперь считали творения музыканта чрезмерно трудными для восприятия. В 1782 г. состоялась премьера его новой оперы «Похищение из сераля» и летом того же года он женился на Констанции Вебер.

Жизнь композитора в Вене складывалась нелегко. Частые выступления в салонах богачей и в открытых концертах, утомительные частные уроки, срочное сочинение произведений «на случай», постоянная неуверенность в завтрашнем дне – все это незаметно подтачивало и без того некрепкое здоровье 30-летнего Моцарта. «Я завален работой и очень устаю, – жаловался он в письме к отцу. – Все утро, до двух часов, даю уроки, затем мы обедаем… Только вечером могу заниматься композицией, но от нее, к несчастью, то и дело отрывают приглашения играть в концертах. Даю три абонементных концерта в зале Тратверна… Кроме того, я дал еще два концерта в театре; можете судить, сколько мне предстоит работы по композиции и по игре. Ложусь спать в 12 часов ночи, встаю в 5 часов утра…»

«От такой работы я не заржавею, не правда ли? – горько шутил Моцарт. – Мой первый концерт 17 марта прошел прекрасно; зала была полна; новый концерт (для фортепиано с оркестром) очень понравился; теперь его разыгрывают повсюду». В это время Вольфганг подружился с Иосифом Гайдном, под влиянием которого его музыка обрела новые краски и родились его первые чудесные квартеты. Но кроме блеска, ставшего уже его визитной карточкой, в сочинениях Моцарта все чаще проявляется более трагическое, серьезное начало, свойственное человеку, познавшему жизнь во всей ее полноте.

Композитор все дальше и дальше уходил от требований, которые ставили перед покорными сочинителями музыки салонные вельможи и богачи-меценаты. В этот период появилась его опера «Свадьба Фигаро», не получившая одобрения публики. По сравнению с легкими творениями Сальери и Паизиелло произведения Моцарта казались современникам запутанными и сложными.

В этой связи интересно мнение о Моцарте немецкого музыканта Диттерсдорфа, одного из его удачливых соперников и друзей, которое тот высказал в разговоре с императором Иосифом: «Вне всякого сомнения, он один из величайших гениев, и до сих пор я не встречал другого композитора с таким ошеломляющим богатством идей. Хотел бы я, чтобы он не был столь богат идеями. Он не дает слушателю перевести дыхания. Ибо едва слушатель успевает заметить одну прекрасную идею, как наступает следующая, еще более прекрасная, и вытесняет

предыдущую. И так далее, так что в конце концов слушатель не может вспомнить ни одну из этих красот». Действительно, слух публики был не настолько развит, чтобы воспринимать необычно богатый моцартовский аккомпанемент, его виртуозную инструментовку, острые и новые гармонии… Кроме того, первое исполнение произведения часто так и оставалось единственным, и это еще больше усложняло восприятие непривычной музыки.

Бедствия и лишения все чаще заглядывали в дом композитора: молодые супруги не умели экономно вести хозяйство. В этих тяжелых условиях рождалась опера «Дон Жуан» (1787 г.), которая принесла автору мировой успех. Рассказывают, что накануне первого представления «Дон Жуана» увертюра еще не была написана, а Моцарт беззаботно проводил вечер среди друзей. Наконец его почти силой усадили за работу; он писал всю ночь «при помощи вина и рассказов жены», так как в любую минуту был готов заснуть. Утром увертюра была сдана переписчику, а вечером сыграна с листа с большим блеском.

Нередко случалось так, что, записывая одно, гениальный композитор в то же самое время придумывал другое. Он никогда не сочинял за роялем, а, по выражению жены, писал ноты «как письма». Скорость, с которой он работал, иллюстрирует следующий факт. Однажды в Вену приехала знаменитая скрипачка Стриназакки, которая по примеру почти всех заезжих артистов обратилась к Моцарту с просьбой написать арию для ее концерта. Вольфганг обещал, но, к ужасу артистки, за сутки перед выступлением работа еще даже не была начата. Композитор, успокоив ее, сел к столу, и вскоре ария была готова. Утром Стриназакки ее разучила, а вечером в театре сыграла с громадным успехом. Сам Моцарт исполнил партию фортепиано – по нотам. Но императору, смотревшему в бинокль, показалось, что на пюпитре перед автором лежит лист чистой нотной бумаги. Он призвал его в ложу и приказал показать новую арию. Моцарт протянул лист девственной чистоты: всю свою партию он сымпровизировал.

После премьеры «Дон Жуана», состоявшейся в Праге, австрийский император был вынужден пойти на некоторые уступки. Вольфгангу предложили занять место придворного музыканта вместо недавно скончавшегося Глюка. Однако это почетное назначение принесло композитору немного радости. Венский двор относился к нему как к заурядному сочинителю танцевальной музыки и заказывал менуэты, лендлеры, контрдансы для придворных балов… А ведь в последние годы жизни великий композитор сочинил три симфонии (ми-бемоль мажор, соль минор и до мажор), а также оперы «Так поступают

все», «Милосердие Тита» и «Волшебную флейту».

Внезапная смерть настигла Моцарта 5 декабря 1791 г. в Вене во время работы над заупокойной мессой – грандиозным произведением для хора, солистов и симфонического оркестра. Накануне к нему обратился одетый в черное незнакомец, который предложил написать реквием и заплатил щедрый аванс. Окруженный мрачной таинственностью заказ породил у мнительного композитора мысль, что это произведение он создает к своим похоронам. Позже загадка была раскрыта: некий граф Штуппах развлекался тем, что покупал у авторов различные композиции, переписывал их и выдавал за свои собственные. Потеряв в тот год жену, граф задумал почтить ее память исполнением реквиема, а заодно и присвоить очередное чужое сочинение. С этой целью он послал к Моцарту своего управляющего, который и вел переговоры с композитором. Однако на возбужденное воображение усталого, измученного постоянными невзгодами и тревогами гения эти странные обстоятельства подействовали угнетающе.

Безвременная кончина «царя музыки» от «острой сыпной лихорадки» глубоко потрясла современников. Моментально распространилась молва о том, что он был отравлен ртутью. Однако для этих слухов не было серьезных оснований. Уже в наше время ученые пришли к выводу, что непосредственной причиной смерти композитора стала стрептококковая интоксикация в сочетании с почечной недостаточностью. Бронхопневмония и кровоизлияние в мозг лишь ускорили трагический конец. По мнению медиков, подобное состояние могло вызвать бред и привести умирающего к мрачным мыслям об отравлении. Впрочем, есть и другие версии. Ученики композитора многое приписывали фантазиям Констанции, остро нуждавшейся в деньгах. Трагическая, во вкусе века романтика с заупокойной мессой по самому себе могла послужить хорошим подспорьем при распродаже творческого наследия мужа.

Хлопоты по погребению композитора взял на себя друг и меценат Моцарта, его собрат по масонской ложе барон Готфрид ван Свитен, который занимал, говоря сегодняшним языком, пост министра культуры империи. Однако при новом императоре барон быстро терял свое влияние и как раз в день смерти Моцарта был отрешен от всех своих должностей. Ван Свитен и заказал похороны по третьему разряду. Потрясенная смертью мужа вдова заболела и на кладбище не присутствовала. Таким образом, Моцарт был погребен в общей могиле, которая была впоследствии утеряна. В дальнейшем богач барон обвинялся в невероятной скупости, приведшей к тому, что могила гения так и

осталась неизвестной до сего дня.

Но в похоронах Моцарта ничего необычного для того времени не было. Это определенно не были «похороны нищего», поскольку именно такая процедура применялась к 85 % умерших граждан империи. Впечатляющие (хотя и по второму разряду) похороны Бетховена в 1827 г. проходили уже в другую эпоху и, кроме того, отражали резко возросший социальный статус музыкантов, за что всю жизнь боролся сам Моцарт. Надо сказать, на протяжении ряда поколений тяжелые упреки предъявлялись Констанции в связи с ее отсутствием на кладбище Св. Марка. Однако и это было тогда в порядке вещей – при отпевании дозволялось присутствовать одним мужчинам, а панихиды обряд не допускал. Памятник же не был установлен по той причине, что участки на кладбище использовались многократно. И нет ничего странного, а тем более зловещего в том, что место захоронения великого композитора неизвестно…

Вдова Моцарта еще долгие годы терпела нужду, но в 1809 г. она вторично вышла замуж за давнего и преданного друга дома, фон Ниссена, который усыновил двоих ее детей и дал им образование. Старший сын композитора, Карл, почти всю жизнь прожил в Италии и даже плохо говорил по-немецки. Он был мелким чиновником государственного контроля и отличался необыкновенной простотой и скромностью. Младший сын, родившийся всего за полгода до смерти отца, посвятил себя музыке. Но хотя он и звался Вольфганг-Амадей, с именем отца на него не перешел его гений. Старший сын женат не был, младший тоже умер бездетным, и с ними прекратил свое существование род Моцарта.

Наполеон I

Настоящее имя – Наполионе ди Буонапарт (род. в 1769 г. – ум. в 1821 г.)

Французский император, политический деятель и гениальный полководец. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. Внес огромный вклад в теорию и практику военного искусства.

Сегодня его имя ассоциируется с безмерным честолюбием, с деспотической властью, с жестокими и кровавыми войнами, с ненасытной жаждой завоеваний, оно рождает в памяти ужасы

Сарагосы, грабеж порабощенной Германии, вторжение в Россию. Но оно же напоминает о смелости и отваге, проявленных во многих сражениях, о таланте, умевшем дерзать, о государственном деятеле, нанесшем сокрушающие удары по старой Европе.

«Моя жизнь чужда злодейства; не было за все мое правление ни одного действия, за которое я мог бы ответить на суде, говорю это без стыда, но даже с некоторой для себя честью, – писал о себе узник острова Св. Елены. – …В жизни моей, конечно, найдутся ошибки, но Арколь, Риволи, пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Йена, Фридланд – это гранит: зуб зависти с этим ничего не поделает».

Полководческий гений Наполеона, благодаря которому он в течение 20 лет оказывал огромное влияние на ход политической и военной жизни в Европе, признавался не только

современниками, но и последующими поколениями. В частности, французский писатель Стендаль писал о нем: «Этот человек, наделенный необычайными способностями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел. Он был скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастья, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению».

Будущий французский император родился 15 августа 1769 г. в корсиканском городе Аяччо в семье мелкопоместного дворянина Карло-Марии Буонапарте и Летиции Рамолино. Это произошло спустя три месяца после завоевания Корсики французами. Семья была небогата и многодетна, и отец, стремясь дать сыновьям образование за казенный счет, в декабре 1778 г. отвез двух старших – Жозефа и Наполеона – во Францию.

После недолгого пребывания в колледже Отена Наполеон был помещен на стипендию в Бриеннское военное училище, где и пробыл пять лет. Мальчик отличался замкнутостью и нелюдимостью. Сверстники корсиканца не любили, смеялись над его маленьким ростом, акцентом, буйным нравом. Поэтому Наполеону приходилось свое положение утверждать в драках, где ему не было равных. Свободное время мальчик проводил за книгами и учился очень хорошо. Любимыми его предметами были математика, география и история. В октябре 1784 г. Наполеон поступил в Парижскую военную школу, избрав специальностью артиллерию. Но проучиться здесь ему удалось только один год. В связи со смертью отца юноша, сдав заочно экзамен за весь курс и получив чин младшего лейтенанта, вынужден был вернуться домой – помогать семье.

Это было время, когда назревали революционные события в Париже. Бурлила политическая жизнь и на острове: под руководством Паоли продолжалась борьба корсиканцев против французов. Все попытки Наполеона сблизиться с Паоли окончились неудачей. В 1791 г. ему присвоили чин лейтенанта, а через два года из-за острого конфликта с корсиканскими сепаратистами он с семьей вынужден был бежать с Корсики во Францию. Мать с младшими детьми обосновалась в Марселе, а сам Наполеон вскоре получил назначение в Ниццу командиром батареи.

Отсчет его военной славы начался с осады Тулона, захваченного мятежниками-роялистами при поддержке англичан. План осады разработал капитан Бонапарт (именно так изменил произношение своей фамилии Наполеон с 1796 г.), помощник начальника артиллерии республиканской армии, осаждавшей

город. Умело расположенные батареи позволили уже на четвертый день осады штурмовать город и овладеть им. Эта была первая победа молодого полководца. В 24 года он стал бригадным генералом и начальником артиллерии Альпийской армии.

Но фортуна переменчива. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июня) 1794 г. героя Тулона за связи с якобинцами уволили из армии и арестовали. Однако один из членов Директории Баррас взял бригадного генерала к себе в помощники, а 5 октября 1795 г. Наполеон силой артиллерии решительно подавил мятеж роялистов в Париже. Его произвели в дивизионные генералы и назначили начальником парижского гарнизона, командующим внутренними войсками.

Однажды летом 1795 г. генерал Бонапарт появился в доме Терезии Тальен, слывшем наиболее влиятельным парижским политическим салоном. Здесь он познакомился с одной из частых его посетительниц. Это была 32-летняя креолка Мари-Жозефина Таше де ла Пажери, в замужестве виконтесса Богарне, вдова генерала, сложившего голову на гильотине в 1794 г. Житейский опыт Наполеона к этому времени был невелик, в особенности в том, что касалось женщин, и новая знакомая показалась ему необыкновенной, обворожительной, истинным воплощением аристократизма. На Жозефину же Наполеон произвел впечатление неловкого, легкомысленного юноши. Однако оставаться и только вдовой Богарне было невозможно: у нее были дети – сын и дочь, их надо было воспитывать, а денег, которые она так любила, не хватало даже на самое необходимое. Замужество с революционным генералом прочно страховало бы ее, жену казненного аристократа, от преследований нового режима.

В марте 1796 г. Наполеон женился на Жозефине. Причем их брачный контракт был полон сознательных неточностей: ради жены, которая была на 6 лет старше Бонапарта, были неправильно указаны годы рождения «молодых»: жених прибавил себе 2 года, невеста убавила 4 – и разница исчезла. Но хотя Наполеон и был увлечен всецело захватившим его сильным чувством, он ни на минуту не забывал о предстоящем ему испытании. Впервые ему было доверено командование армией: победить или погибнуть – другого быть не могло. Через три дня после свадьбы он уже мчался на юг, в расположение французской армии.

Итальянская кампания стала для него, по сути, первым серьезным опытом сражения с крупной иностранной армией. В течение двух недель в шести сражениях французы разбили австрийские войска и вошли в Милан. К июню от австрийцев

была полностью очищена Ломбардия, а их последний оплот – Мантуя – капитулировал в феврале 1797 г. Теперь Наполеон двинул свои войска в сторону Вены. Входе кампании он перекроил карту Италии, создав Цизальпинскую республику, сформировал ряд марионеточных правительств и разграбил итальянские художественные ценности, финансируя за счет этого военные операции Франции. 17 октября 1797 г. между Австрией и Францией был подписан мирный договор, причем переговоры о мире вел сам Наполеон.

После триумфа Итальянской кампании, которая превратила его в блестящего военачальника и героя, Буонапарте тут же убрал из имени и фамилии лишние буквы, дабы уже ничего не напоминало о его корсиканском происхождении.

Теперь его мечты простирались к владычеству над Францией, а там, смотришь, и над всем миром.

Соединение тонкого политического расчета и полуфантастического замысла породило в голове Наполеона план похода в далекий Египет, завоевав который, считал он, можно победить Англию. Через год после победоносной итальянской кампании, в мае 1798 г., Наполеон отправился в новый поход. В июне он захватил Мальту, а через месяц высадился в Александрии. Вместе с армией в Египет прибыли ученые, исследователи и художники, положив тем самым начало новой науки египтологии. В битве у пирамид французы разгромили мамлюков, и Наполеон стал фактическим правителем Египта. С присущей ему мудростью он гарантировал сохранение исламских законов, носил чалму и посещал мечеть, что вызывало восторг местного населения.

Несколько месяцев он ничего не ведал о делах в Европе, а когда из случайной газеты узнал, что Англия, Австрия и Россия начали новую войну против Франции, спешно вернулся в Париж, чтобы уже через месяц свергнуть Директорию и стать полновластным диктатором Франции.

Наполеон изменился. Еще в Италии и Египте он поверил в свое великое предназначение. Если раньше ему нужна была только Жозефина, «одна или вдвоем с Парижем», как сказал русский поэт, то теперь он говорил по-другому: «У меня только одна страсть, только одна любовница – это Франция. С ней я сплю. Она мне никогда не изменяла, свою кровь и богатства она отдает мне».

Жозефина тем временем все свои усилия направляла на то, чтобы роскошью, богатством и великолепием Тюильрийский дворец затмил все дворцы европейских монархий. Теперь здесь был создан двор – двор первого консула. День рождения

Наполеона Бонапарта был объявлен национальным праздником. А у госпожи Бонапарт появились четыре фрейлины, конечно же из старинных аристократических семей. Вместо слов «гражданин» и «гражданка» вернулись обращения «мадам» и «месье». И теперь у власти стоял уже не гражданин Бонапарт, а Наполеон. Неслыханно: по имени ведь зовут только королей, а этот ловкач, играя в республику, заложил новую династию.

В мае 1800 г. началась новая итальянская кампания. Перейдя через Альпы, в битве у Маренго Наполеон разгромил австрийскую армию, превосходившую его силы почти в два раза. Северная Италия вновь стала французской. В это же время он начал преобразования во внутренней и экономической политике страны. Был принят свод гражданских законов, известный как Кодекс Наполеона; заключен конкордат с Папой Пием VII, по которому католицизм стал государственной религией; проведена административная реформа с учреждением подотчетных правительству префектов департаментов и назначением в города и деревни мэров; создана система средних школ-лицеев и высшие учебные заведения – Нормальная и Политехническая школы; учрежден государственный банк для хранения золотого запаса и эмиссии бумажных денег; реформирована система сбора налогов.

Экономическая политика Бонапарта была направлена на обеспечение первенства французской буржуазии на европейском рынке. Для этого же вводилась континентальная блокада Англии, к которой должны были присоединиться все зависимые от Франции государства. 1796–1809 гг. – период наибольшего расцвета физических и духовных сил Наполеона. Он один делал то, что едва ли было под силу сотне людей. Первый консул мог довольствоваться двумя-тремя часами сна в сутки, а при необходимости мог не спать даже по трое суток. Между тем военные действия продолжались, и всегда Наполеон действовал неожиданно для противника, захватывая инициативу в свои руки: 20 октября 1805 г. французы разгромили австрийцев при Ульме, 2 декабря – русско-австрийские войска при Аустерлице.

Чем больше ширилась слава Бонапарта и утверждалась его власть, тем сильнее цеплялась Жозефина за звание жены Наполеона. В то время как он, уже не любя ее, с каждым годом все чаще изменял ей. Они поменялись ролями: равнодушие Жозефины, некогда так мучавшее Наполеона, сменилось безудержной страстью стареющей женщины. Особенно страшилась она того, что какая-нибудь из многочисленных фавориток, родив сына, займет ее место.

Но Бонапарт сумел умиротворить Жозефину, с которой в это время еще не мог, да и не хотел расставаться. Он дал ей все

требуемые заверения и, чтобы полностью успокоить, предложил выдать замуж ее дочь Гортензию за своего младшего брата Луи, а потом усыновить детей от этого союза. В этом изобретательном варианте политического брака было учтено все, кроме взаимной склонности сторон. Брак Гортензии и Луи был несчастливым, и супруги вскоре фактически разошлись. Но это случилось позже, а пока Бонапарту удалось заглушить подозрения жены.

В декабре 1804 г. по постановлению сената он был провозглашен императором Франции. На серебряных монетах, выпущенных после этого события, было обозначено: «Французская республика. Император Наполеон I». Жозефина стала императрицей, братья Жозеф и Луи – принцами императорского дома. Им полагались теперь собственные дворцы и дворы.

Наполеон же все дальше и дальше отдалялся от супруги и находил утешение в обществе многочисленных любовниц, которые не могли отказать новоиспеченному императору Франции.

Варшавская зима 1807 г. навсегда осталась в памяти Наполеона. После тяжелых переходов по петляющим среди бескрайних лесов вязким дорогам залитые светом гостиные, звуки полонеза, естественная для полек французская речь, восхищение, восторженные ожидания… В эту зиму в его жизнь вошла 19-летняя жена престарелого польского графа Мария Валевская. И 38-летний Наполеон почувствовал, что его могут любить не потому, что он император, а ради него самого. Вторая встреча Наполеона и Валевской состоялась в Вене спустя два года. Этому предшествовало ее письмо, в котором она спрашивала, хочет ли он ее видеть. Наполеон отправил ответ, в котором просил приехать как можно скорее, уверяя ее в полной преданности и любви. Мария Валевская приехала. А через некоторое время оказалось, что она ждет от него ребенка.

Вначале Наполеон был счастлив: наконец-то у него будет наследник императорской короны, продолжатель династии. Однако в судьбу еще не родившегося ребенка вмешалась большая политика. Императора стали одолевать суетные мысли: примет ли французский народ в качестве наследника престола сына польской графини? Не оскорбит ли это чувства французского величия? Эти сомнения возвращали

Наполеона к тешившей его тщеславие и ставшей уже привычной мысли: только принцесса одной из старейших европейских императорских династий может быть матерью наследника его славы и престола.

Он простился с Валевской торопливо, почти холодно, объяснив наспех, что неотложные государственные дела требуют

его возвращения в Париж. О будущем не было сказано ни слова. Вскоре у Марии родился сын, который вошел в историю под именем графа Валевского, министра иностранных дел Второй империи. Однако дальше этого он не пошел, поскольку Наполеон III – племянник великого императора – не склонен был поощрять успехи прямого потомка основателя династии. Граф Валевский должен был отойти в сторону. Он затерялся в толпе мелкой придворной знати и умер в 1868 г.

Наполеон, вернувшись в Париж, сразу позабыл и о сыне, и о женщине, без которой, как ему недавно казалось, нет жизни. По-видимому, он был даже доволен, что не поддался сантиментам и непростительной слабости. Пора было увенчать здание империи блистательным браком.

В 1808 г. Наполеон поручил своему министру Талейрану довести до сведения русского царя, что он собирается развестись с Жозефиной и просит руки одной из великих княжон, «чтобы укрепить деяния и династию императора новым брачным союзом». Великая княжна Екатерина, единственная достигшая брачного возраста, была не прочь стать французской императрицей, но Александр I никогда не согласился бы принести свою любимую сестру в жертву Минотавру. Одна только мысль о том, что русская великая княжна заменит в постели Наполеона потаскушку Жозефину, приводила его в негодование. Поэтому он поспешно обручил Екатерину с мелким немецким князьком герцогом Ольденбургским. Венский двор, наоборот, с готовностью отозвался на такие же намеки Талейрана. А родословная не очень красивой Марии Луизы Австрийской вполне устраивала французскую сторону.

15 декабря 1809 г. Наполеон развелся с Жозефиной, и 1 апреля 1810 г. в Сен-Клу состоялся торжественный акт оформления гражданской свадьбы с Марией Луизой, а на следующий день в Лувре – церковная церемония. В связи с этим во всей империи прошли большие торжества, но ни народ, ни армия, ни даже послушная во всем элита не одобряли этого брака. Французской императрицей снова стала «австриячка», принцесса из дома Габсбургов. Разве для того была казнена Мария Антуанетта, чтобы через 15 лет ее племянница, носящая почти то же имя, взошла на французский трон? В этом браке было нечто оскорбительное для французской нации.

Политически «австрийский брак» не дал и не мог дать тех преимуществ, на которые рассчитывал Наполеон. Он не укрепил престижа династии ни внутри страны, ни вне ее. По-видимому, первое время император был поглощен новой, многое изменившей в его жизни ситуацией. Вполне вероятно, что

женитьба на юной девушке придала новые силы начинавшему стареть Наполеону.

Но это длилось недолго. Мария Луиза была абсолютно равнодушна к мужу. Она беспрекословно выполняла его требования, добросовестно исполняла супружеские обязанности, но и только. В марте 1811 г. она родила Наполеону сына, которому отец уже уготовил трон римского короля. Однако даже долгожданное отцовство не принесло Наполеону счастья, он чувствовал себя еще более одиноким, чем раньше.

Уже после Аустерлица сам император говорил: «Для успеха в военном деле есть свое время; я буду пригоден еще лет шесть, после чего я сам должен остановиться». Но он не останавливался. В конце июня 1812 г. войска Наполеона перешли русскую границу. А дальше было Бородино, бегство из Москвы, гибельная переправа через Березину. Почти полмиллиона французских солдат погибли в России – «Великая армия» практически прекратила свое существование. И когда в декабре 1812 г. в Варшаве Станислав Потоцкий спросил у Бонапарта: «Ваше величество! Как все это могло произойти?» – император ответил: «От великого до смешного только один шаг».

В 1813 г. Наполеон все еще воевал в Европе. В мае он нанес неожиданный удар по силам союзников у Лютцена, в октябре состоялась знаменитая «битва народов» под Лейпцигом. В сражениях при Сен-Дизье, у Бриенна, при Шампобере французский император вновь проявил недюжинный талант военачальника. И все-таки в апреле 1814 г., после того как русские войска заняли Париж, произошло его падение. Бонапарт подписал договор, сохранявший за ним звание императора и предоставлявший ему в пожизненное владение остров Эльбу, туда он тот час же и отправился.

Однако обязательства, принятые по договору Фонтенбло, выполнены не были. Наполеон был разлучен с женой Марией Луизой и с сыном. В Париже опасались будущего Наполеона II, и, чтобы сделать невозможным появление на троне продолжателя династии Бонапартов, было решено сына французского императора превратить в австрийского принца. Отца ему должен был заменить дед, император Франц, во дворце которого и воспитывался будущий герцог Рейхштадтский.

Но окончательно великий полководец, государственный деятель, человек необыкновенной судьбы Наполеон Бонапарт сошел с исторической сцены в июле 1815 г. после неудавшейся попытки вернуть власть в результате военного переворота. Шесть лет после этого на затерянном в океане скалистом острове Св. Елены еще теплилась жизнь человека, пережившего свою славу.

Это была растянувшаяся на долгие месяцы агония узника, обреченного на медленную смерть. Он умер в полном одиночестве 5 мая 1821 г. от рака желудка.

Нет сомнений в том, что Бонапарт был гениальным человеком. Однако во Франции того времени жили и другие не менее одаренные люди. Среди них, например, был Массена, признаваемый военными авторитетами гораздо более способным полководцем, чем император, а также Моро, как стратег нисколько не уступавший Наполеону. Но лишь у Бонапарта была удивительная способность гипнотизировать массы, вселять в них ничем непоколебимое доверие к себе, почти всегда доходившее до самоотрешения, до потери инстинкта самосохранения. Этой своей способностью император умело пользовался, именно в ней и таился секрет его блестящих побед. Бонапарт постоянно рисковал жизнью, рисковал и выигрывал. Так было до рокового похода в Россию, где счастье отвернулось от него. Постоянные удачи, которые он всегда очень умело декорировал, создали ему популярность среди народа, и он умело воспользовался ею, чтобы взобраться на такую высоту, о какой в начале жизни и мечтать не смел.

Нобель Альфред

Полное имя – Альфред Бернхард Нобель (род. в 1833 г. – ум. в 1896 г.)

Шведский промышленник и гениальный изобретатель, вошедший в историю как человек, «совместивший несовместимое». Изобрел и производил разнообразные взрывчатые вещества и участвовал в движении пацифистов. Основатель Нобелевской премии.

Династию Нобелей без преувеличения можно считать явлением в мировой истории. Плодами трудов этих одаренных людей и поныне пользуется все человечество. Их деятельность не знала государственных и национальных границ, они оставили свой след в развитии многих европейских государств, США и России. Генеалогическое древо рода Нобелей, начавшееся в XVIII в., включает в себя 62 имени, причем практически каждый из них был чем-то знаменит. Многие представители семейства прославили свой род техническими открытиями и изобретениями, которые становились основой их обширной промышленной деятельности.

Альфред Бернхард – одна из самых одаренных и противоречивых личностей в династии Нобелей. Деятельный талант изобретателя и предпринимателя причудливо переплетался в нем с меланхолическим темпераментом поэта и созерцательностью философа. Историю его жизни нельзя свести только к событиям и датам. Не менее интересна история его внутренней, духовной жизни, которую так же, как и написанную

им в юности поэму, можно назвать «Загадкой».

Альфред родился в Стокгольме 21 октября 1833 г. в семье Эммануэля Нобеля и Андриетты Альцель. Материальное положение молодой семьи было трудным. Изобретательство Эммануэля не давало достаточных средств к существованию, и супруги вынуждены были постоянно менять место жительства, подыскивая все более дешевые квартиры. За год до рождения Альфреда квартал, в котором находился их дом, был полностью уничтожен пожаром. Андриетта с двумя детьми в последний момент успела спастись, но семья лишилась всего, что имела. А тем временем кредиторы наседали со всех сторон, и в 1833 г. Нобель вынужден был объявить себя банкротом. Его имя появилось в списках несостоятельных должников, которые ежегодно публиковала стокгольмская налоговая полиция. Чтобы избежать тюремного заключения, он бежал сначала в Финляндию, а затем – в Россию.

Альфред был болезненным и тщедушным, и заботливая мать всеми силами пыталась отгородить его от жестокого внешнего мира. Он не мог играть со своими сверстниками, редко выходил из дома. В школу Альфред по причине слабого здоровья пошел только в восемь лет, но, проучившись в ней один год, переехал с матерью к отцу, который к тому времени устроился в Петербурге.

Там Эммануэль поручил его образование нескольким учителям, приходившим на дом. Занятия эти дали хорошие результаты: кроме шведского, Альфред свободно владел русским, немецким и английским языками, прекрасно знал мировую историю, а знания в химии, полученные им от известного русского ученого, профессора Н. Зинина, очень пригодились ему в последующей практической деятельности. Нужно заметить, что Альфреда, как и его отца, мало интересовал диплом об образовании. Он больше придавал значение получению знаний непосредственно от специалистов и путем практических экспериментов. Кроме того, стесненное материальное положение семьи также не позволяло задумываться об университетском образовании. Эммануэль, который всю свою молодость провел в странствиях, счел, что лучшим способом дальнейшего обучения сына станет путешествие по свету. Оно началось в 1851 г., ив течение трех лет Альфред побывал в США, Англии, Франции, Италии и Германии. Можно с полной уверенностью сказать, что именно с этого момента началось его восхождение к вершинам научной карьеры, которое не прекращалось в течение всей жизни. Юноша неустанно наблюдал, изучал, постигал, накапливая факты и впечатления, по-прежнему оставаясь болезненным и мечтательным молодым человеком, стремящимся к одиночеству.

Нобель довольно долго пробыл в Париже, изучая химию в лаборатории профессора Пелуза, знаменитого своим открытием нитритов и синтезом органических кислот путем гидролиза. Здесь же он познакомился с изобретателем нитроглицерина итальянцем Асканио Собреро и немецким химиком Юстасом фон Либихом, открывшим хлороформ.

Встреча с Собреро стала для Нобеля исходным пунктом на пути к его первому серьезному научному открытию. И хотя пальма первенства в изучении нитроглицерина, бесспорно, принадлежит итальянцу, Альфред оказался первым человеком, который понял все возможности этого вещества, а через несколько лет организовал его промышленное производство. Изобретя нитроглицерин, Собреро даже не подозревал, что ему можно найти какое-то практическое применение. Лишь спустя некоторое время он попытался использовать его в терапевтических целях, введя в обиход как эффективное средство против сердечных заболеваний.

Вернувшись в Россию, Нобель стал проводить свои эксперименты с нитроглицерином. После серии удачных опытов Альфред в 1863 г. заявил патент на «изготовление и использование взрывчатых веществ». А спустя два года новое вещество официально было признано эффективным средством для проведения взрывных работ. Нобель получил разрешение на его производство и, найдя необходимых инвесторов, основал предприятие «Нитроглицерин АБ». Оно стало первой в мире компанией, занявшейся промышленным производством нитроглицерина.

Предпринимательская деятельность Нобеля стала набирать обороты. Но наряду с достижениями оставалась проблема безопасности производства, перевозки и хранения готового продукта. И Альфред неустанно работал над ее решением. Он ставил бесконечные опыты, пытаясь найти материал, который можно было бы пропитать нитроглицерином и который при этом не поддавался бы воздействию кислот, не взрывался и не самовозгорался. Изобретатель смешивал в различных пропорциях кизельгур (кремнистую осадочную породу) и нитроглицерин, пока не получил довольно плотную массу, абсолютно не чувствительную к ударам и резким перепадам температуры. Ее взрывная сила достигала лишь 25 % от взрывной силы нитроглицерина, но это все равно было мощнее пороха в 5 раз. Главное, что полученный продукт можно было легко перевозить.

Свое открытие Нобель назвал динамитом (от греческого слова dynamis – сила).

Поначалу шахты отказывались его использовать. Но после

того как рекламные испытания на немецких шахтах подтвердили хорошие качества этого взрывчатого вещества, оно было запатентовано в 1876 г. сначала в Англии, а потом и в Швеции. Чтобы продвинуть динамит на потребительский рынок, Альфред превратился в коммивояжера или, как его называли современники, в «самого прославленного европейского бродягу».

Его деловая активность не знала границ: «Моя родина везде, где я действую, а действую я везде». Его заводы были разбросаны по всему миру: в Норвегии, Германии, Финляндии, Франции, США, Шотландии, Испании, Португалии, Венгрии и других странах. Особенно большим было нобелевское предприятие в Шотландии. Оно ежегодно производило около 2,5 тыс. тонн динамита и нитроглицерина. Говорят, что на его открытии Нобель пошутил: «Итак, господа, я построил завод, обреченный на успех, так как даже самые халатные директора не смогут его разорить». Материальное положение «динамитного» предпринимателя к этому времени стало уже довольно прочным и солидным. В 1873 г. он приобрел прекрасный особняк в Париже, который обставил с большим вкусом. В нем была устроена лаборатория и зимний сад с оранжереями, в которых росли его любимые орхидеи.

В это время Нобель вел странную двойную жизнь. Чаще всего этот одержимый изобретатель проводил свои дни в тиши лаборатории, отгородившись от суеты парижской жизни. Но иногда уединение надоедало «одинокому отшельнику» и он стремился к общению с людьми. В такие периоды двери его дома широко распахивались. Он устраивал бесконечные приемы, на которых бывали не только инженеры и директора заводов, но и герои газетных хроник и городских сплетен. Альфред проявлял себя как радушный хозяин и утонченный собеседник, свободно поддерживавший разговор на многих европейских языках.

Иногда он шокировал общество какими-нибудь нелепыми или даже непристойными высказываниями. Бывали случаи, когда он буквально огорошивал присутствующих бредовыми идеями или мистификациями. Так, шведскому исследователю Арктики, барону Норденшельду он с самым серьезным видом рассказал о том, что два гигантских кратера на полюсах возникли из-за того, что Земля вращается. Королю Швеции он как-то поведал свой план создания Института самоубийств… Такого рода фантазии, которые он повторял неоднократно, свидетельствовали о навязчивой идее, преследовавшей этого слабого здоровьем человека всю жизнь.

Подобные эмоциональные всплески были, видимо, для него своеобразной разрядкой и в то же время еще более обостряли его

переживание по поводу своего одиночества. Ведь после всех этих званых обедов и вечеров Альфред оставался наедине с собой в большом пустынном доме. Недаром он еще в юности предсказал, что ему будет суждено окончить свои дни в окружении наемных людей, среди которых не будет ни одного дорогого ему человека. Скорее всего, именно этим можно объяснить столь характерные для Нобеля перемены настроения: от экзальтированного веселья до глубочайшего отчаяния. Вместе с тем ему были не чужды и простые человеческие радости. Помимо излюбленного хобби – орхидей, он питал большую страсть к лошадям и имел превосходную конюшню.

Достигнув 40 лет, Нобель имел все основания гордиться своей жизнью. Он успел совершить замечательные открытия, основал много предприятий, жил в любимом городе и проводил научные изыскания в собственной лаборатории. Изобретатель был богат и знаменит и мог считать себя счастливым и независимым. И в то же время он, не переставая быть меланхоликом, тяготился одиночеством. Однажды результатом невеселых размышлений стало объявление, данное Нобелем в одной из венских газет: «Господин средних лет, богатый и образованный, ищет компаньонку, женщину из среднего сословия, которая владела бы английским и французским языками и могла бы исполнить обязанности секретаря». Благодаря этому объявлению в жизни Альфреда появилась женщина, ставшая впоследствии его другом и советчиком, хотя их отношения могли сложиться совсем по-другому…

Дочь рано скончавшегося австрийского фельдмаршала, графиня Берта Кински происходила из знатного рода и была высокообразованной и талантливой личностью. Некоторое время пообщавшись с Нобелем, она была буквально очарована его манерами, научными познаниями и вниманием: «Он умел говорить так увлекательно, что, слушая его речь, я невольно замечала, что ловлю каждое его слово. Величайшим удовольствием было беседовать с ним, причем не важно, на какую тему – о мире или о людях, об искусстве или о жизни, или о сложных метафизических проблемах… Он считал себя отвратительным и был убежден, что не способен вызвать никакой симпатии; он очень боялся того, что на него обратят внимание из-за денег. Возможно, поэтому он до сих пор не женился».

Девушка сразу же понравилась «одинокому отшельнику», причем настолько, что он оставил свою сдержанность и спросил напрямик, свободно ли ее сердце. Оно оказалось несвободным. И хотя Альфред признавался, что не может без нее жить, Берта через некоторое время вышла замуж за своего возлюбленного,

барона фон Зуттера, и уехала в Вену. На этом и закончился их несостоявшийся роман, но дружественные отношения продолжались многие годы. Можно только сожалеть о том, что Берта не стала госпожой Нобель. Более подходящей для него спутницы жизни трудно себе представить. И если бы ему тогда удалось создать с ней семью, это могло бы положительно повлиять на его судьбу, сделав ее счастливей. Позднее в его жизни появилась еще одна молодая женщина – очаровательная продавщица цветочного магазина Софи Хесс, которая самоуверенно называла себя «мадам Нобель», хотя более чем кто-либо другой, была далека от этого титула.

Тем временем предпринимательская деятельность Нобеля продолжала расширяться. Но ему все меньше нравилась роль торгового агента и делового человека. Он желал уединиться в своей лаборатории и заняться научными изысканиями, чтобы выпустить на рынок новое взрывчатое вещество. Изобретатель бился над получением такого материала, который бы не ухудшал взрывные свойства нитроглицерина. Вскоре он запатентовал свое открытие, которое назвал пластичным динамитом. Затем Альфред перебрался в более просторную лабораторию в небольшом французском городке Севран. Именно здесь в 1887 г. он изобрел еще один новый продукт – баллистит, или «взрывчатый порох Нобеля». Его основу составляли те же вещества, что и в пластическом динамите, но в состав был добавлен еще один компонент – камфара.

Однако баллистит принес впоследствии «динамитному королю» не только коммерческий успех, но и немало неприятностей. И первой из них стало обвинение его в шпионаже. Дело в том, что по соседству с французской лабораторией Нобеля находился пороховой завод, на котором производился бездымный порох. И шведского изобретателя обвинили в том, что он выбрал это место не столько для проведения собственных исследований, сколько для того, чтобы получить сведения о засекреченных разработках, которые могли ему пригодиться. Поскольку же он продал свое изобретение Италии, которая в то время была членом Тройственного Союза, направленного против Франции, это не могло не вызвать подозрения в том, что он тем самым способствовал передаче промышленных секретов противнику.

Еще одна скандальная история была связана с сооружением Панамского канала. И хотя спекуляции на поставках нитроглицерина и динамита для его строительства осуществлял французский компаньон Нобеля Поль Барб, имя и репутация самого изобретателя и хозяина предприятий были скомпрометированы. Против Барба также было выдвинуто

серьезное публичное обвинение, но он в 1890 г. умер, и тогда виновным в растрате 4,6 млн франков был объявлен Нобель. Положение его во Франции приобрело угрожающий характер. В прессе против него была развернута яростная кампания. В результате изобретателя заключили в тюрьму, его завод в Онфлёре закрыли, а склад баллистита опечатали. Ему пришлось вступить в борьбу с «нечестными и несправедливыми судьями», полицией и финансовыми спецслужбами. Поняв, что вряд ли из нее он выйдет победителем, Нобель вынужден был покинуть Францию.

Но более всего предпринимателя беспокоили не столько политические обвинения, сколько понесенные в связи с ними финансовые потери. Чтобы привлечь новые средства, Альфред прибегнул к выпуску облигаций. Наряду с этим он заново сформировал совет директоров, очистив его от сообщников Барба. Однако бесконечные административные препятствия и финансовые проблемы изматывали уже немолодого Нобеля и он все чаще приходил в отчаяние и устало признавался: «Меня уже тошнит от всех этих историй со взрывчатыми веществами. Я непрестанно сталкиваюсь с катастрофами, ограничительными законами, с бюрократической волокитой, педантами и прочим отребьем… Я мечтаю об отдыхе и о том, что когда-нибудь наконец получу возможность посвятить все свои силы и все свое время моим исследованиям… Больше всего мне хочется удалиться от дел, от любых дел». А в своем небольшом рассказе «Патентная зараза», который больше напоминал памфлет, Нобель подчеркивал: «Денежная сторона дела, как правило, оставляет меня равнодушным…»

Однако к высказываниям Нобеля подобного рода не стоит относиться однозначно. В частности, его слова о том, что он равнодушно относится к денежной стороне дела, вовсе не означали полного безразличия к ней, ведь Нобель был прежде всего финансистом. То же самое можно сказать и о его отношении к коммерческим делам. Здесь нельзя быть полностью уверенным в том, на самом ли деле он не любил заниматься ими или только делал вид, что они его не интересуют, чтобы создать о себе легенду. Впоследствии его биографы писали: «Если Нобель и был заинтересован в чьем-то мнении о нем, то прежде всего речь должна идти о мнении потомков. Он хотел, чтобы его имя помнили и после смерти. Прекрасным доказательством тому может служить учреждение Нобелевской премии. Образ “финансиста не по собственной воле” в интерпретации Нобеля выглядит несколько неестественно и вымученно, как, впрочем, и образ “торговца оружием, ратующего за мир”. В личности Нобеля,

в ее многочисленных проявлениях легко обнаруживается причудливое смешение искренности и позерства, мечты и прагматизма, щедрости и эгоизма, которое свойственно неуравновешенным людям вроде Нобеля».

Эта оценка не лишена оснований, и тому есть немало документальных подтверждений. В частности, после своего отъезда из Франции Нобель едет в Швецию, потом посещает заводы в Италии и Кюммеле, где находится достаточно долгое время, заключая сделки и решая разные технические вопросы. И такие деловые поездки были главным занятием последнего десятилетия его жизни.

В 1889 г. Нобель купил в Сан-Ремо восхитительную виллу, надеясь, что итальянский климат окажет благотворное влияние на его серьезно пошатнувшееся здоровье: кроме постоянных мигреней его начали беспокоить бронхи, сердце, хронический насморк и появившиеся признаки цинги. Однако жизнь в Сан-Ремо он явно не считал уходом на покой. Хотя итальянское Средиземноморье и располагало к спокойствию и отдыху, Нобель и там производил всевозможные испытания, а в те периоды, когда он не уединялся в своей лаборатории, разъезжал по своим заводам.

В 60 лет он выглядел измученным человеком – густая седая борода на осунувшемся усталом лице, сутулая осанка и излишняя нервозность в поведении. Из-за плохого зрения он начал носить очки. Сам себя он считал «бесполезной думающей машиной, единственной в своем роде из-за ее неповторимости». Но, несмотря на это, продолжал вместе со своими помощниками работу над очередным изобретением – «прогрессивно взрывающимся бездымным порохом».

В это время Нобель заинтересовался конструированием огнестрельного оружия. Но кроме этого он сделал и немало других изобретений: усовершенствовал многие бытовые приборы, разработал глушители для ружей и пушек, а также придумал новый способ закаливания металла и получения каучука. Круг его научных интересов в эту пору чрезвычайно разнообразен: оптика, биология, физиология, химия. Он произвел также ряд опытов с целью создания искусственных заменителей шелка и кожи. Его увлекла идея аэрофотосъемки для нужд картографии. Неудивительно, что к концу жизни Нобель был автором 350 патентов.

Изобретатель проявлял живейший интерес к открытиям других ученых. Он познакомился с устройством телефона и телеграфа, выделил средства на путешествие шведа С. Эндрэ к Северному полюсу и даже мечтал о запуске воздушного шара. По

поводу этого избытка идей и интересов сам Нобель говорил: «Если среди тысячи идей, которые возникают у меня в течение года, хотя бы одна хороша, я удовлетворен полностью».

И все-таки, как ни хорошо жилось Нобелю в Сан-Ремо, в конце жизни он решил найти себе новое место жительства, где мог бы беспрепятственно проводить и внедрять в производство свои исследования. Взор его все чаще обращался к Швеции, и вскоре он вернулся на родину. В Бьёркборне изобретатель купил замок, а неподалеку от него приобрел за 1,3 млн крон старый металлургический завод и организовал на его территории лабораторию. Лето и осень 1896 г. Нобель провел на заводе и лишь после смерти старшего брата Роберта решил обратиться к врачам. Парижские специалисты поставили диагноз: «острая форма грудной жабы», по иронии судьбы прописали нитроглицерин и порекомендовали вернуться в Сан-Ремо. Они осторожно намекнули Нобелю, что пришло время позаботиться о приведении в порядок всех своих дел. Но он уже давно подготовился к смерти. Еще с тех пор, как случайно прочитал в парижской газете некролог… на самого себя.

Газетчики перепутали его с братом Людвигом, который скончался в 1888 г. Эта небрежность репортеров привела к тому, что Нобель вдруг увидел плоды своей деятельности такими, какими их представляли другие люди. Его изобретения вдруг превратились в орудие уничтожения, а сам изобретатель – в «торговца смертью». Возможно, этот некролог, а также пацифистская деятельность его подруги – Берты фон Зуттер – и послужили толчком для его серьезных размышлений о войне и мире. В отличие от Берты он считал, что «просто требовать разоружения – это значит поставить себя в глупое положение». В споре с ней Альфред утверждал, что лишь научная и правящая элита должны решать вопросы войны и мира, убежденно заявляя: «Мои заводы и лаборатории, возможно, смогут положить предел войнам скорее, чем ваши конгрессы». А в одной из бесед он высказал предположение, что «в тот день, когда две армии будут в состоянии уничтожить друг друга в одну секунду, все цивилизованные нации в ужасе отшатнутся от войны и расформируют армии».

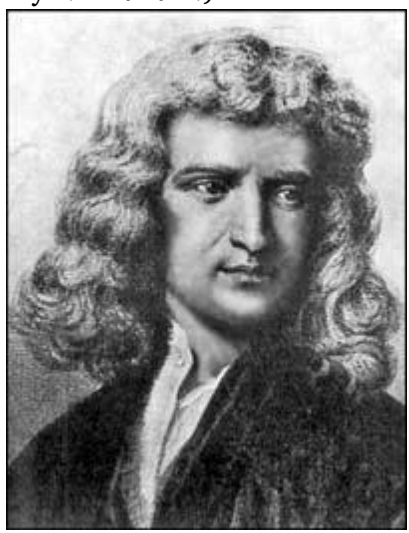
Стремясь приблизить это время, Нобель составил завещание, в котором все свои средства передавал в фонд, организованный для «вручения премии тем, кто за прошедший год внес наиболее существенный вклад в науку, литературу или дело мира и чья деятельность принесла наибольшую пользу человечеству». Так, после некролога на самого себя Альфред собственноручно воздвиг себе памятник.

Гениальный изобретатель и промышленник скончался в Сан-Ремо 10 декабря 1896 г. от кровоизлияния в мозг. Через некоторое время его тело было доставлено в Стокгольм и похоронено на Северном кладбище рядом с прахом родителей.

После смерти Нобеля на его счету оказалось 33,2 млн шведских крон. Капитал был рассеян по миру, так что финансовые проблемы наследства пришлось улаживать в девяти странах в течение 3,5 лет. Наконец, в июне 1900 г. король Оскар II согласился утвердить положение о Нобелевском фонде, который должен был отвечать за наследство. К тому моменту оно оценивалось в 60 млн фунтов стерлингов (по современному курсу). Впоследствии деньги фонда были вложены в прибыльные промышленные и аграрные предприятия, целевые займы, часть их хранится в виде государственных облигаций. Доход от них и дает возможность выплачивать ежегодные премии, носящие имя великого изобретателя.

Ньютон Исаак

(род. в 1643 г. – ум. в 1727 г.)



Английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики, член (с 1672 г.) и президент (с 1703 г.) Лондонского королевского общества. Автор многих фундаментальных трудов. Разработал дифференциальное и интегральное исчисления. Открыл дисперсию света, исследовал интерференцию и дифракцию, развивал корпускулярную теорию света, высказал гипотезу, сочетавшую корпускулярные и волновые представления. Построил зеркальный телескоп, открыл закон всемирного тяготения, обосновал теорию движения небесных тел, создав основы небесной механики.

Рождественской ночью 1642 г. по старому летоисчислению (4 января 1643 г. по новому) в небольшом родовом имении Вулсторп в самом центре Англии появился на свет очень слабый маленький мальчик. Спустя много лет он приоткроет завесу над многими тайнами, волновавшими человечество, а каждое его высказывание станет предметом тщательного анализа ученых. Но пока об этом никто не знает. Быть может, поэтому слуги и не спешат звать из соседней деревни мудрую целительницу – они уверены: новорожденный хозяин умрет через несколько часов…

Целую неделю жизнь младенца висела на волоске. Исаак, сам того не ведая, вступил в схватку со смертью, и противостояние закончилось его полной победой. Чудесное выживание маленького Ньютона еще раз подтвердило старое поверье о том, что дети, рожденные после смерти отца, обладают особой

жизненной силой, которую они способны не только использовать сами, но и передавать другим. Это событие стало первым доказательством исключительности ребенка, которого, впрочем, судьба не баловала. Когда Исааку исполнилось два года, его горячо любимая мать Анна Эйскоу вышла замуж за настоятеля церкви Барнабе Смита и уехала с ним в соседнюю деревушку. Это событие произвело на мальчика гнетущее впечатление и в немалой степени способствовало формированию его замкнутого характера.

После отъезда матери Исаак перешел на попечение бабушки, которая всеми силами пыталась скрасить его безрадостное существование: подолгу рассказывала внуку об окружающей природе, растениях и животных, читала сказки. Но мальчик не испытывал теплых чувств к своей прародительнице и часто, слушая ее истории, с тоской вглядывался в шпиль колокольни церкви Северного Уитэма, невдалеке от которой жила его мать со своей новой семьей. Исаак ощущал себя полным сиротой, и его сердце наполнялось глухой ненавистью к отчиму, отнявшему у него самое дорогое. В такие минуты Ньютон страстно желал отомстить Барнабе и даже собирался сжечь его дом.

Несмотря на то что в окрестностях проживало много родственников, Исаак чувствовал себя одиноким. Он так и не сдружился со своими кузенами и кузинами, которые осознавали его умственное превосходство. Ньютон раздражал детей: он постоянно выигрывал в шашки и другие игры, требующие сообразительности, придумывал новые развлечения, компенсирующие его телесную немощь.

Когда Исааку исполнилось десять лет, произошло то, о чем он мечтал: умер ненавистный отчим и мать с двумя дочерьми и сыном вернулась домой. Последующие два года стали самым счастливым временем в жизни мальчика: он ни на шаг не отходил от Анны и даже помогал ей ухаживать за своими сводными сестрами и братом.

В 1655 г. Ньютона отправили учиться в бесплатную грамматическую школу в Грэнтэме, весьма почтенное учреждение с трехвековой историей. Исаака поселили в доме аптекаря Кларка, в котором проживало еще трое его приемных детей: два мальчика одних с Исааком лет и маленькая девочка – первая любовь будущего ученого. Впоследствии она так вспоминала о Ньютоне: «Сэр Исаак всегда был тихим, разумным мальчиком. Он никогда не играл с мальчиками во дворе и не участвовал в их грубых развлечениях. Он старался оставаться дома, даже среди девочек, и часто делал маленькие столики, чашечки и другие игрушки…»

Отношения же с ее братьями Артуром и Эдуардом у Ньютона не сложились: он им не понравился, а Исаак, в свою очередь, не собирался добиваться ничьей симпатии и часто провоцировал своих оппонентов. Несмотря на физическую слабость, он обладал сильным духом, который способствовал его победам в многочисленных драках. Кроме того, постоянное соперничество подвигло Исаака на новый подвиг – чтобы доказать свое превосходство, он решил во что бы то ни стало обойти всех учеников класса в успеваемости. И он в короткие сроки стал лучшим учеником школы. Теперь обучение из тягостной повинности превратилось в душевную потребность. Для Исаака наступило счастливое время открытия у себя новых способностей и пристрастий. Его всерьез увлекла возможность что-то изобретать и конструировать. Так, он мог свободно сделать деревянные часы. Мечтой Ньютона в то время было воспроизвести в дереве и ткани недавно построенную в Грэнтэме ветряную мельницу. Исаак облазил сооружение сверху донизу, разобрался во всех механизмах и уже через две недели водрузил свое детище на крыше аптекарского дома. Ньютон с удовольствием отметил, что мельничка работает и при слабом ветре. Но теперь пред ним стояла новая задача – сделать так, чтобы она работала и в полный штиль. Для этого ему удалось приспособить мышь, пойманную им в силок собственной конструкции. Одна за другой последовали новые технические игрушки Ньютона: небольшая коляска, колеса которой вращались при помощи механизма, приводимого в действие седоком; лампадки, сделанные из гофрированной, медленно сгорающей бумаги; а также модель солнечных часов.

Дом аптекаря, наполненный склянками с различными жидкостями, немало способствовал и занятиям химией. Ньютон увлекся странными реакциями, происходящими при смешивании разных веществ, и, к большому неудовольствию Кларка, постоянно экспериментировал.

Кроме всего прочего, Исаака привлекало рисование. Через короткое время в доме не осталось чистых стен: всевозможные птицы, звери, корабли и люди появлялись в самых неподходящих местах. Вся мансарда также была увешена картинками Ньютона в самодельных рамах.

Несколько лет учебы в школе стали для Ньютона временем замечательных открытий, годами познания себя и первых опытов. Но в 1659 г. Анна Эйскоу вызвала сына домой. В семье не хватало мужчины, и она искренне надеялась на то, что Исаак станет подлинным хозяином своего достояния: имений, земель и скота. Но вопреки ожиданиям матери молодой человек не проявлял ни малейшего интереса к хозяйствованию, был рассеян и часто

ссорился с родственниками и слугами, внося сумятицу в привычный уклад жизни обитателей Вулсторпа. Ньютон был рад, когда его оставляли в покое и позволяли удалиться в свою «студию», где он, забившись в угол, часами что-то мастерил и делал пометки в рабочем блокноте. Естественно, подобное поведение возмущало Анну. Исаака понимал лишь мастер Стокс, его грэнтэмский учитель, который всем доказывал, какой непростительной ошибкой будет для молодого Ньютона похоронить свой талант в деревенской глуши. Он настаивал на возвращении Исаака в школу и обещал подготовить его к поступлению в университет. В итоге Анна сдалась. Ньютон вернулся в Грэнтэм и поселился у Стокса.

Он с увлечением принялся за учебу: штудировал Библию, грамматику, геометрию, древнюю историю, древнегреческий язык, много читал, постоянно делая пометки в своих записных книжках, в которых было много рисунков, набросков телескопов, оптических экспериментов, алхимических символов, подробностей анатомического строения человека и животных. Огромное впечатление в то время произвела на Ньютона книга Дж. Уилкинса «Математическая магия». Он жадно искал другие сочинения писателя. Следующей стала книга «Открытие нового мира на Луне», направленная на защиту Коперниковой системы.

Большой интерес проявлял Ньютон и к вопросам, связанным с созданием универсального языка и новой фонетической системы, различными системами стенографии, передачей информации посредством секретных шифров. Кроме того, Исаак предпринял попытку создать полную классификацию вещей и понятий – и даже составил каталог, разделенный на 16 рубрик. В блокнотах, которые Ньютон именовал «Садом», можно встретить и другие записи: проект реформы фонетической системы, первые черновики полного словаря английского языка, вечный календарь, астрономические таблицы, решения несложных геометрических задач. Многие записи указывают на то, что в это время Ньютон окончательно понял: знание – реальная и необоримая сила, которая дает власть над вещами и людьми. Отныне его целью стало овладение знаниями и познание истины.

В 1661 г. Исаак поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. Несмотря на то что Ньютон принадлежал к состоятельной семье, в учебное заведение его зачислили как «сабсайзера» – беднейшего студента, получавшего право на учебу прислуживая. Через некоторое время он стал «сайзером», однако это ничего не изменило в его положении «отверженного». Впрочем, сложившаяся ситуация сыграла весьма положительную роль в его судьбе. В отличие от других студентов, прожигающих

жизнь в многочисленных тавернах, Исаак усердно учился. В 1664 г. он стал «сколером» (школяром) и впервые получил стипендию. Ньютон с головой ушел в учебу и часто проводил за письменным столом ночи напролет, забывая о сне и еде. В его кембриджских блокнотах появился анализ теории Декарта – в молодом ученом проснулась страсть к математике. Исаак постоянно экспериментировал с кривыми, осями и центрами, постепенно приходя к все новым и новым открытиям. Крупнейшим достижением Ньютона в 1664–1665 гг. стала разработка биномиального разложения для какого угодно целого положительного показателя.

Молодой ученый сразу же нашел применение своему открытию: записал ряды для выражения сегмента и сектора круга, синуса, арксинуса, логарифмической функции. С помощью рядов Ньютон мог теперь изучать свойства функций, делать приближенные вычисления. Следует отметить, что в алгебре ряды были не менее важны, чем десятичные дроби в арифметике.

В 1665 г. Ньютон получил ученую степень бакалавра. Его влекли новые горизонты, неведомые тайны, и он чувствовал себя способным решить проблемы, которые веками волновали человечество.

Последующие два года, во время эпидемии чумы, Ньютон находился в Вулсторпе. Это время стало наиболее продуктивным в его научном творчестве: именно тогда сложились те идеи, которые впоследствии привели его к созданию дифференциального и интегрального исчислений, к изобретению зеркального телескопа (собственноручно изготовленного им в 1668 г.); здесь Ньютон провел опыты над разложением света и открыл закон всемирного тяготения. Надо сказать, мысли о том, что у материи существует некоторая притягательная сила, сосредоточенная в центре Земли, давно посещали ученого. Яблоко, упавшее на его глазах в траву (а не на голову, как гласит легенда), заставило его задуматься над увиденным, как он задумывался над всем, что его окружало. В результате Исаак вывел закон, который вовсе не снизошел на ученого как некое божественное озарение. Чтобы прийти к нему, Ньютону необходимо было смести завалы старой аристотелевской философии, принять философию «механическую», а затем в чем-то отвергнуть и ее, сделать правильные умозаключения из сопоставления земных и небесных движений, разработать теорию и неоднократно подтвердить ее совпадением рассчитанных и реальных небесных явлений. В то же время ученому необходимо было противостоять неизбежной критике картезианцев и других философов-современников.

В 1668 г. Ньютону была присвоена степень магистра, а спустя год он получил должность профессора почетной лукасианской физико-математической кафедры. Молодой ученый усердно готовился к лекциям. Их основной темой стали многочисленные опыты ученого в области оптики. Он трудился над изготовлением и усовершенствованием зеркального телескопа. В 1671 г. ему удалось создать новую модель – больших размеров и лучшего качества. Демонстрация телескопа произвела на современников такое сильное впечатление, что в 1672 г. Ньютон был избран в Лондонское королевское общество. Новые звания улучшили и материальное положение ученого, что, в свою очередь, способствовало развитию его таланта. Исаак мог позволить себе покупать интересующие его книги, инструменты, ставить необходимые опыты.

В работе «Новая теория света и цветов» (1672 г.) Ньютон высказал свои взгляды о «телесности света» (корпускулярную теорию света). Эта работа вызвала бурную полемику среди ученых. Отвечая на их возражения, Ньютон выдвинул гипотезу, сочетавшую корпускулярные и волновые представления о свете. Затем он развил ее в сочинении «Теория света и цветов», в котором описал опыт с кольцами Ньютона[3] и установил периодичность света. Многолетние оптические исследования Ньютона нашли отражение в его фундаментальном труде «Оптика», увидевшем свет в 1704 г. К этому времени он уже являлся президентом Лондонского королевского общества.

В «Оптике» наряду с опытами по дисперсии и дифракции света Ньютон, по существу, первым измерил длину световой волны. Труд завершался специальным приложением – «Вопросами», где Ньютон высказал свои взгляды на многие физические явления. В частности, излагая здесь свои мысли о строении вещества, он ввел понятие не только атома, но и молекулы.

В 1687 г. произошло одно из главных событий в жизни Ньютона. Его книга «Математические начала натуральной философии» (кратко «Начала»), ставшая вершиной творчества ученого, была представлена Королевскому обществу. В ней он обобщил результаты, полученные его предшественниками (Г. Галилеем, И. Кеплером, Р. Декартом, Р. Гуком), и свои собственные исследования и впервые создал единую стройную систему земной и небесной механики, которая легла в основу всей классической физики. Кроме того, Ньютон впервые рассмотрел основной метод феноменологического описания любого физического воздействия посредством силы. Затем он сформулировал три свои знаменитые «аксиомы, или законы

движения»:

– закон инерции;

– закон пропорциональности количества движения силе;

– закон равенства действия и противодействия.

В своей книге Ньютон также изложил теорию движения небесных тел, объяснил особенности движения Луны, теорию приливов и отливов; предложил свою теорию формы

Земли. Таким образом, в «Началах» была впервые дана общая схема строгого математического подхода к решению любой конкретной задачи земной или небесной механики. Следует отметить, что математика была для Ньютона главным орудием в физических изысканиях. Ученый неоднократно подчеркивал, что по существу математика является частью естествознания.

Разработка дифференциального и интегрального исчислений явилась важной вехой в развитии математики. Большое значение имели работы Ньютона по алгебре, интерполированию и геометрии. Благодаря ему алгебра окончательно освободилась от геометрической формы; и его определение числа не как собрания единиц, а как отношения длины любого отрезка к отрезку, принятому за единицу, явилось важным этапом в развитии учения о действительном числе.

К 1695 г. Ньютон уже являлся признанным гением, знаменитым ученым, к мнению которого прислушивались не только английские, но и иностранные коллеги.

Однако, кроме научного таланта, Исааку были присущи порядочность и серьезное отношение к делу. Именно эти качества послужили основанием для назначения Ньютона смотрителем Монетного двора. Кроме того, ему была поручена перечеканка всех английских монет. Судьба предоставила великому ученому шанс оставить свой след не только на научном, но и на общественном поприще. Как всегда, Исаак составил строгий план действий и в первую очередь навел порядок среди работников Монетного двора. Затем он решил стать подлинным хозяином на новом месте и досконально разобраться во всех процессах, превращающих золотые и серебряные слитки в конце пути в звонкие монеты. Шаг за шагом он разобрался не только в технологии изготовления денег, но и совершенно точно определил методы, которыми пользовались фальшивомонетчики и прочие авантюристы. Вооруженный подобными знаниями, профессор раскрыл деятельность более 100 аферистов и предал их справедливому суду. Деятельность Ньютона постепенно принесла успех – поток фальшивых монет стал иссякать. Наряду с чеканкой новых монет эта сторона работы ученого сыграла огромную роль в стабилизации экономики Англии в один из

сложных периодов ее истории. В 1699 г. в качестве благодарности от правительства Ньютон получил пожизненное высокооплачиваемое звание директора Монетного двора, что еще более укрепило его положение: теперь он вращался в самых влиятельных кругах Лондона, определявших государственную, финансовую и экономическую политику страны.

Такие же твердость духа и талант, как в борьбе с фальшивомонетчиками, Ньютон проявил и на посту президента Лондонского королевского общества (с 1703 г.). С присущей ему обстоятельностью он вначале тщательно изучил его историю, перелистал все протоколы заседаний и только после этого принялся за преобразования. Первое, что он сделал, – стал лично вести все заседания. Ученый обратил внимание на то, что в ходе совещаний много времени тратилось на пустую болтовню, поэтому следующим шагом Ньютона стало написание работы «Схема укрепления королевского общества», в которой он четко сформулировал, какого типа дискуссии должны проводиться на заседаниях. К 1710 г. в деятельности Общества наметился явный прогресс: количество членов возрастало (в том числе и за счет молодых талантов), повышался научный уровень заседаний, регулярно показывались опыты. Все это свидетельствовало о том, что англичане, благодаря смелым инициативам и твердости характера Ньютона, уверенно выходили на передовые позиции в мировой науке.

Современники высоко оценили достижения Ньютона. В 1705 г. он был удостоен дворянского титула. К когда-то бедному сабсайзеру пришли слава и богатство. В Лондоне ученый пользовался всеобщим уважением. Его называли не иначе как «доктор Ньютон», что свидетельствовало тогда о величайшей респектабельности. Несмотря на то что общественная жизнь Ньютона была у всех на виду, он всегда ревниво охранял от окружающих подробности личной жизни. Он никогда не был женат и не имел детей, а свои привязанности оставлял в тайне, будучи по натуре молчаливым и скрытным.

На склоне лет, находясь на вершине богатства и славы, Ньютон несколько смягчился, стал более общительным. Со всех сторон к нему стекались ученики и посетители, встречавшие самый радушный прием. В последние годы за ученым стала замечаться склонность к сентиментальности. Казалось, он хотел облагодетельствовать всех, кто нуждался в его помощи. Так, Ньютон помогал устроить жизнь практически всех родственников и никогда никому не отказывал в поддержке.

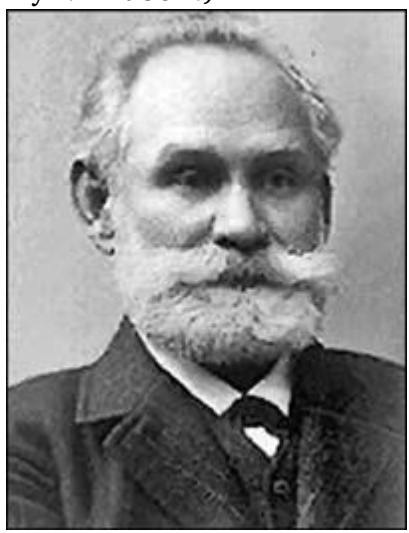
«Я не знаю, чем кажусь миру, – говорил ученый. – Но самому себе я кажусь похожим на ребенка, играющего на берегу моря и

радующегося, когда ему удалось найти цветной камешек». Именно таким большим и беззаботным ребенком он и оставался до конца своей жизни. Появившись на свет слабым и тщедушным, Ньютон постоянно пекся о своем здоровье. В результате свой первый зуб он потерял только в 85 и никогда не носил очки. И лишь в последние пять лет жизни Ньютона стали одолевать различные болезни. Он списывал их на свой почтенный возраст и, стараясь не беспокоить окружающих, продолжал работать и даже принимал участие в заседаниях королевского общества. Сердце великого ученого перестало биться 20 марта 1727 г., он был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Об Исааке Ньютоне говорили: «Превосходивший умом человеческий род». Действительно, гениальность этого ученого была безграничной. Вся жизнь его была посвящена высокому делу служения науке. И спустя сотни лет сложно представить цивилизацию без выдающихся открытий Ньютона.

Павлов Иван Петрович

(род. в 1849 г. – ум. в 1936 г.)



Выдающийся российский физиолог, биолог, врач, педагог. Создатель учения о высшей нервной деятельности, крупнейшей физиологической школы современности, новых подходов и методов физиологических исследований. Академик Петербургской АН (с 1907 г.), академик РАН (с 1917 г.), академик АН СССР (с 1925 г.), почетный член 130 академий и научных учреждений. Четвертый лауреат Нобелевской премии в мире (1904 г.) и первый в области естественных наук. Автор классических трудов по физиологии кровообращения и пищеварения.

«Если какой-либо человек достигает таких значительных успехов, как Павлов, и оставляет после себя наследство столь значительное как по величине полученных данных, так и в идейном отношении, то мы естественно заинтересованы узнать, как и каким образом он это совершил, чтобы понять, каковы же были психофизиологические особенности этого человека, которые обеспечивали ему возможность таких достижений? Конечно, он всеми был признан гением», – так говорил современник великого ученого, член-корреспондент Польской Академии наук, физиолог Ю. Конорский.

Сам же Павлов, чистосердечно причисляя себя к «маленьким и средним», не раз повторял: «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Гений – это высшая способность концентрировать внимание… неотступно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с ним же вставать! Только думай, только

думай все время – и все трудное станет легким. Всякий на моем месте, поступая так же, стал бы гениальным». Но если бы все было так просто – мир бы состоял из одних гениев. А их по-прежнему каждый век рождаются единицы.

Да и кто мог представить, что мальчик Ваня, появившийся на свет в старинном русском городе Рязани 26 сентября 1849 г., достигнет невиданных высот в физиологии – науке, столь далекой от устремлений его родителей. Отец, Петр Дмитриевич Павлов, выходец из крестьянской семьи, был в ту пору молодым священником одного из захудалых приходов. Правдивый и самостоятельный, он часто не ладил с начальством и жил небогато. Высокие нравственные качества, семинарское образование, которое для жителей провинциальных городишек тех времен считалось значительным, снискали ему репутацию весьма просвещенного человека. Мать, Варвара Ивановна, также происходила из духовной семьи, но никакого образования не получила. В молодости она была здоровой, веселой и жизнерадостной, но частые роды (она родила 10 детей) и переживания, связанные с безвременной смертью некоторых из них, подорвали ее здоровье. Природный ум и трудолюбие сделали ее умелой воспитательницей своих детей, и они боготворили ее, наперебой старались чем-нибудь помочь: наколоть дров, истопить печь, принести воды.

Иван Петрович вспоминал о своих родителях с чувством нежной любви и глубокой благодарности: «А подо всем – всегдашнее спасибо отцу с матерью, приучившим меня к простой, очень невзыскательной жизни и давшим возможность получить высшее образование». Иван был первенцем в семье Павловых. Он охотно играл с младшими братьями и сестрами, с малых лет помогал отцу в огороде и саду, а при постройке дома выучился немного столярному и токарному делу. На протяжении многих лет садоводство и огородничество являлись существенным подспорьем семьи Павловых, в которой кроме своих детей воспитывались и племянники – дети двух братьев отца.

Грамоте Иван обучился к восьми годам, но в школу поступил с запозданием на три года. Дело в том, что однажды, раскладывая для просушки яблоки на высоком помосте, он упал на каменный пол и сильно ушибся, что имело тяжелые последствия для его здоровья. Он потерял аппетит, стал плохо спать, похудел и побледнел. Домашнее лечение заметного успеха не принесло. И тогда мальчика взял к себе крестный – игумен Троицкого монастыря, расположенного близ Рязани. Чистый воздух, усиленное питание, регулярные гимнастические занятия вернули Ивану здоровье и силу. Опекун мальчика оказался добрым,

умным и весьма образованным по тем временам человеком. Он много читал, вел спартанский образ жизни, был требователен к себе и к окружающим. Под его руководством Иван приобрел недюжинную силу и выносливость, даже забавлялся кулачными боями. Но больше всего он любил игру в городки, которая требовала внимательности, ловкости, точности и учила сохранять спокойствие. Дома отец также соорудил для сыновей гимнастические снаряды, чтобы «вся лишняя сила в пользу шла, а не на баловство».

Вернувшись в Рязань осенью 1860 г., Иван поступил в Рязанское духовное училище сразу во второй класс. Спустя четыре года он успешно окончил его и был принят в местную духовную семинарию, где дети священников получали определенные льготы. Здесь Павлов стал одним из лучших учеников и даже давал частные уроки, пользуясь репутацией хорошего репетитора. Именно тогда Иван очень полюбил педагогическое дело и был счастлив, когда мог помочь другим в приобретении знаний.

Годы учения Павлова были отмечены бурным развитием передовой общественной мысли в России. И Иван зачастил в публичную библиотеку. Однажды ему попалась статья Д. Писарева, где были слова «Всемогущее естествознание держит в руках ключ к познанию всего мира». В семинарии твердили о бессмертии души и загробной жизни, а в литературе призывали отказаться от слепой веры и изучать важнейшие жизненные проблемы. После увлекательной монографии отца русской физиологии И. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и популярной книги английского ученого Дж. Льюиса «Физиология обыденной жизни» Павлов «заболел рефлексами», стал мечтать о научной деятельности.

Окончив шестой класс семинарии в 1869 г., Павлов решительно отказался от духовной карьеры и стал готовиться к вступительным экзаменам в университет. В 1870 г. он уезжает в Петербург, мечтая поступить на естественное отделение физико-математического факультета. Но так как семинария не давала достаточных знаний по математике и физике, Иван был вынужден избрать юридический факультет. И все-таки он добился своего: спустя 17 дней после начала занятий по специальному разрешению ректора его перевели на физико-математический факультет. Правда, из-за этого он лишился стипендии. В этот первый год ему пришлось очень туго, а потом в университет поступил его брат Дмитрий, который с присущей ему хозяйственностью наладил их нехитрый студенческий быт. Спустя год естественное отделение пополнилось еще одним Павловым –

Петром. Все братья стали учеными: Иван – физиологом, Дмитрий – химиком, а Петр – зоологом, но только для старшего серьезная научная работа, непрерывная и всепоглощающая, стала смыслом жизни.

Учился Иван весьма успешно, обращая на себя внимание профессоров. Невысокий, кряжистый, с густой каштановой бородой, отпущенной для солидности, он был на редкость серьезен, вдумчив, трудолюбив и страстно увлечен учебой. На втором году обучения ему назначили обычную стипендию (180 руб. в год), на третьем году он уже получал так называемую императорскую стипендию (300 руб. в год). На естественном отделении в это время сложился отличный преподавательский коллектив факультета, где среди профессоров факультета были выдающиеся химики Д. Менделеев и А. Бутлеров, знаменитые ботаники А. Бекетов и И. Бородин, известные физиологи Ф. В. Овсянников и И. Цион. Под влиянием последнего Павлов решил посвятить себя изучению физиологии животных, а также химии. Илья Фадеевич не только мастерски излагал самые сложные вопросы, поистине артистически ставил опыты, но и виртуозно владел хирургической техникой. Он мог прооперировать собаку, даже не сняв белоснежных перчаток и при этом не запятнав их и капелькой крови. Идя по стопам учителя, Павлов, будучи левшой, научился блистательно оперировать двумя руками. Очевидцы говорили, что, когда он становился к столу, «операция заканчивалась, не успев начаться».

Исследовательская деятельность Павлова началась рано. Будучи студентом четвертого курса, Иван под руководством Ф. Овсянникова исследовал нервы в легких лягушки. Затем совместно с однокурсником В. Великим под руководством Циона он выполнил первую научную работу о влиянии гортанных нервов на кровообращение. Результаты исследования были доложены на заседании Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, после чего Павлов стал регулярно посещать заседания, общаться на них с Сеченовым, Овсянниковым, Тархановым и другими физиологами, участвовать в обсуждении докладов. А его научную работу по физиологии нервов поджелудочной железы совет университета удостоил золотой медали. Правда, увлеченный исследованиями студент практически забыл, что на носу выпускные экзамены. Пришлось писать прошение, чтобы остаться «на второй год». В 1875 г. Павлов блестяще окончил университет, получил ученую степень кандидата естественных наук и продолжил обучение в Медико-хирургической академии, поступив сразу на третий курс, но «не с целью сделаться врачом, а с тем, чтобы впоследствии, имея степень доктора медицины,

быть вправе занять кафедру физиологии». Ему шел тогда 26-й год.

С радужными надеждами выходил молодой ученый на дорогу самостоятельной жизни. И. Цион, занявший оставленную Сеченовым должность заведующего кафедрой физиологии в Медико-хирургической академии, пригласил его в качестве своего ассистента. Поначалу все складывалось для И. П. Павлова удачно. Но вскоре его учитель вынужден был уйти из академии, и Павлов счел нужным отказаться от должности ассистента, предложенной ему новым руководителем кафедры профессором И. Ф. Тархановым. Таким образом, он лишился не только прекрасного места для научной работы, но и заработка. Продолжая учебу, Иван стал ассистентом профессора К. Н. Устимовича на кафедре физиологии ветеринарного отделения.

За время работы в лаборатории (1876–1878 гг.) Павлов самостоятельно выполнил ряд ценных работ по физиологии кровообращения. В этих исследованиях впервые проявились зачатки его гениального научного метода изучения функций организма в их естественной динамике в ненаркотизированном целостном организме. В результате многочисленных опытов Павлов научился измерять давление крови у собак, не усыпляя их наркозом и не привязывая к опытному столу. Он разработал и осуществил свой оригинальный метод вживления хронической фистулы мочеточников в наружный покров живота. За работы, сделанные за время учебы, Павлов получил вторую золотую медаль, а окончив Академию в декабре 1879 г. – диплом лекаря с отличием. Летом же он на с трудом сэкономленные деньги по рекомендации Устимовича побывал в Бреславле, где познакомился с работами видного физиолога профессора Р. Гейденгайна. Исследования Павлова по физиологии кровообращения привлекли внимание физиологов и врачей. Молодой ученый становился известным в научных кругах.

В 1879 г. Павлов принял заведование физиологической лабораторией при клинике С. Боткина, куда знаменитый русский клиницист пригласил его еще в декабре 1878 г. Тогда формально Ивану Петровичу предложили занять должность лаборанта, на деле же он должен был стать руководителем лаборатории. Павлов охотно принял это предложение, потому что незадолго до этого было закрыто ветеринарное отделение Медико-хирургической академии и он лишился работы и возможности проводить опыты. Здесь молодой ученый работал до 1890 г., достиг выдающихся результатов в области изучения физиологии кровообращения и пищеварения, принимал участие в разработке некоторых актуальных вопросов фармакологии, совершенствовал свое

незаурядное экспериментальное мастерство, а также приобрел навыки организатора и руководителя коллектива научных работников.

Двенадцатилетняя работа в трудных условиях практически нищей физиологической лаборатории была вдохновенной, напряженной, целеустремленной и исключительно плодотворной, хотя и сопровождалась острой материальной нуждой и лишениями в личной жизни. Павлов стал видной фигурой на поприще физиологии не только у себя на родине, но и за ее пределами.

Выстоять в это трудное время Ивану Петровичу помогла жена. С Серафимой Васильевной Карчевской, слушательницей Педагогических курсов, Павлов познакомился в конце 1870-х гг. Их объединяла не только любовь, но и общность духовных интересов, близость взглядов. Они были привлекательной парой. Серафима Васильевна признавалась, что ее притягивала «та скрытая духовная сила, которая всю жизнь поддерживала его в работе и обаянию которой невольно подчинялись все его сотрудники и приятели». Любовь на первых порах целиком поглотила и Ивана Петровича. По свидетельству брата Дмитрия, молодой ученый некоторое время был больше занят сочинением писем к любимой девушке, чем лабораторными делами.

В 1881 г. молодые люди поженились, несмотря на то что родители Павлова были против этого брака, так как намеревались женить своего первенца на дочери состоятельного петербургского чиновника. После женитьбы и проявилась полная беспомощность Ивана Петровича в житейских делах. Супруга взяла на себя всю тяжесть семейных забот и на протяжении многих лет безропотно переносила все неприятности и неудачи, которые в ту пору сопутствовали ему. Своей верной любовью она, бесспорно, немало способствовала поразительным успехам Павлова в науке. «Искал в товарищи жизни только хорошего человека, – писал Павлов, – и нашел его в моей жене, терпеливо переносившей невзгоды нашего допрофессорского житья, всегда охранявшей мое научное стремление и оказавшейся столь же преданной на всю жизнь нашей семье, как я лаборатории». Материальные лишения вынудили молодоженов некоторое время жить у брата Ивана Петровича – Дмитрия, который работал ассистентом у знаменитого русского химика Д. И. Менделеева и имел казенную квартиру, и у своего приятеля Н. Симановского. Было в семейной жизни Павловых и горе: в младенчестве умерли два первых сына.

Иван Петрович всецело был предан любимому делу. Нередко свои мизерные заработки он тратил на покупку подопытных животных и прочие нужды исследовательской работы в

лаборатории. Особенно тяжелое материальное положение семья испытала в период, когда Павлов готовил диссертацию на степень доктора медицинских наук. Серафима Васильевна неоднократно умоляла его ускорить защиту, справедливо укоряя, что он все время занимается оказанием помощи своим ученикам по лаборатории и совсем забросил собственные научные дела. Но Павлов был неумолим; он стремился получить все более значительные и достоверные научные факты для своей докторской диссертации и не помышлял об ускорении ее защиты. Со временем материальные невзгоды остались в прошлом, особенно после присуждения ученому Варшавским университетом премии им. Адама Хойнацкого (1888 г.).

В 1883 г. Павлов блестяще защитил докторскую диссертацию о центробежных нервах сердца. Он установил, что существуют особые нервные волокна, влияющие на обмен веществ в сердце и регулирующие его работу. Этими исследованиями было положено начало учению о трофической нервной системе. В июне 1884 г. Иван Петрович был командирован в Лейпциг, где в течение двух лет работал совместно с известными физиологами К. Людвигом и Р. Гейденгайном. Заграничная поездка обогатила Павлова новыми идеями. Он установил личные контакты с видными деятелями зарубежной науки.

Возвратившись на родину с солидным научным багажом, Иван Петрович начал читать лекции по физиологии в Военно-медицинской академии (так к этому времени была переименована Военно-хирургическая академия), а также врачам клинического военного госпиталя и с энтузиазмом продолжил исследования в убогой лаборатории при клинике Боткина. Она помещалась в маленьком, совершенно не приспособленном для научной работы ветхом деревянном домике, изначально предназначавшемся не то для дворницкой, не то для бани. Недоставало необходимого оборудования, не хватало денег на покупку подопытных животных и на другие исследовательские нужды. Но все это не мешало Павлову развить здесь кипучую деятельность.

За годы работы в лаборатории в полной мере проявились колоссальная трудоспособность, неукротимая воля и неисчерпаемая энергия ученого. Он сумел заложить крепкий фундамент своих будущих исследований физиологии пищеварения: обнаружил нервы, регулирующие секреторную деятельность поджелудочной железы, и поставил свой ставший классическим опыт с мнимым кормлением собак. Павлов считал, что эксперименты на животных необходимы при разрешении многих сложных и неясных вопросов клинической медицины. В

частности, он стремился выяснить свойства и механизм терапевтического действия новых или уже применяемых в медицине лекарственных препаратов растительного и иного происхождения.

О результатах своих исследований Павлов регулярно сообщал на страницах отечественных и зарубежных научных журналов, на заседании физиологической секции Общества естествоиспытателей Санкт-Петербурга и на съездах этого же общества. За выслугу лет в 1887 г. его произвели в надворные советники, а три года спустя назначили на должность профессора фармакологии в Томском, а вслед за этим и в Варшавском университетах и, наконец, в самой Военно-медицинской академии. Это место ученый занимал в течение пяти лет, до перехода на кафедру физиологии, которой он бессменно руководил три десятка лет, успешно сочетая блестящую педагогическую деятельность с интересной, хотя и ограниченной по масштабам научно-исследовательской работой. Его лекции и доклады пользовались исключительным успехом. Иван Петрович завораживал аудиторию своей страстной речью, неожиданными жестами, пылающим взглядом. Американский ученый Дж. Б. Келлог, побывав на одном из докладов, сказал, что не доведись Павлову стать известным физиологом, из него вышел бы превосходный драматический актер. Но лучшим красноречием Павлов считал язык фактов.

В 1890 г. был открыт Императорский Институт экспериментальной медицины, созданный на базе Пастеровской станции при материальной поддержке известного мецената – принца А. Ольденбургского. Именно он пригласил Павлова для организации отдела физиологии, которым ученый затем бессменно руководил 46 лет. В основном здесь были выполнены классические работы Павлова по физиологии главных пищеварительных желез, принесшие ему мировую славу. Метод фистул, разработанный Павловым, был крупнейшим достижением и позволял исследовать работу желез при разных условиях и составе пищи. Операция не нарушала нормальных связей организма со средой и в то же время позволяла проводить длительные наблюдения.

Все свои исследования Павлов проводил на собаках. Подопытное животное выхаживалось после операции не менее тщательно, чем больной человек. Так, при изучении столь важного органа, как поджелудочная железа, и создании маленького желудка для чистоты эксперимента ученому в течение полугода понадобилось три десятка собак, ни одна из которых не погибла. Наглядным доказательством правоты идей

ученого стал пес Дружок, прославившийся на весь мир. Это была настоящая научная победа Павлова, за которой последовала целая серия блестящих экспериментов. Ученый рассказал о своих опытах, наблюдениях и приемах работы в книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез» (1897 г.). За этот труд Иван Петрович стал четвертым лауреатом Нобелевской премии за выдающиеся достижения в области изучения физиологии пищеварения (1904 г.). До него этой награды удостаивались исключительно врачи. Работа физиолога была оценена как «принесшая наибольшую пользу человечеству». Она обессмертила имя Павлова и прославила российскую науку.

По инициативе Ивана Петровича перед зданием института был поставлен памятник собаке – дань уважения верному другу, помощнику и полноправному соратнику по работе. Надпись у его подножия гласит: «Пусть собака, помощник и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства. Иван Павлов».

Нельзя не отметить одну особенность жизненного пути Павлова: почти все его достижения в науке получали официальное признание государственных учреждений России значительно позже, чем за рубежом. Иван Петрович стал профессором только в 46 лет, а академиком – лишь три года спустя после присуждения ему Нобелевской премии, хотя до этого был избран членом академий ряда стран и почетным доктором многих университетов. Ученый никогда не получал никакой государственной помощи и всегда остро ощущал нужду в постоянных сотрудниках. Так, в отделе физиологии Института экспериментальной медицины у него работало всего два штатных научных сотрудника, в лаборатории Академии наук – лишь один, да и тому Павлов платил из личных средств. Влиятельных царских чиновников раздражал его демократизм. Вокруг ученого плелись всевозможные интриги: на него постоянно натравливали знатных дам-ханжей, вопивших о греховности научных опытов над животными; защиты диссертаций сотрудников Ивана Петровича зачастую проваливались; его учеников с трудом утверждали в званиях и должностях; при переизбрании на пост председателя Общества русских врачей его кандидатуру забаллотировали, несмотря на то что на этом посту Павлов проделал большую работу.

Но своим авторитетом, выдающимися научными достижениями, удивительным темпераментом Павлов как магнитом притягивал к себе молодых энтузиастов науки. Многие российские и зарубежные специалисты работали под

руководством талантливого физиолога без денежного вознаграждения. Иван Петрович был душой лаборатории. Им была введена новая форма научной работы – «коллективное думание», которое теперь величают «мозговой атакой или штурмом». На введенных ученым коллективных чаепитиях по средам требовалось «распустить фантазию» – творческий процесс происходил на глазах у всех. Так складывалась павловская научная школа, которая вскоре стала самой многочисленной в мире. Павловцы выполнили почти полтысячи работ, написав только около сотни диссертаций. Страстный садовод, Иван Петрович не зря называл своих питомцев «отсадками». Его ученики Э. Асратян, Л. Орбели, К. Быков, П. Анохин со временем стали академиками, возглавили целые области физиологии, создали самостоятельные научные школы.

Павлов вовсе не был похож на ученого сухаря. К науке он относился увлеченно, с азартом. Его супруга вспоминала: «Он любил всякую работу. Со стороны казалось, что данная работа для него самая приятная, настолько она его радовала и веселила. В этом и заключалось счастье его жизни». Серафима Ивановна назвала это «кипением сердца». Павлов походил на маленького ребенка, постоянно придумывал различные соревнования, веселые штрафы и поощрения для сотрудников. И отдыху Иван Петрович предавался с таким же упоением. Начав коллекционировать бабочек, он превратился в отменного энтомолога; выращивая овощи, стал селекционером. Во всем Павлов предпочитал быть первым. И не дай бог, если на «тихой охоте» кто-то собирал на один гриб больше него – соревнование начиналось сначала. А уж в спорте за ним не могли угнаться даже молодые. Персональной машине Павлов до старости предпочитал пешие «пробежки» и езду на велосипеде, на турнике и в любимой игре – городки – не знал себе равных.

Когда всем казалось, что ученый уже достиг самой вершины, он вдруг сделал крутой поворот от изучения пищеварения к психике. Его увещевали: не поздно ли в пятьдесят три года браться за новую проблему, но Павлов был непреклонен и переключил всех сотрудников на исследование нервной системы. Он «полез в собачью душу», потому что «психическое» слюноотделение мешало чистоте опытов. Ученый понимал, что психика не исчерпывается низшими безусловными рефлексами. «Чужак в неврологии» провел революционный эксперимент (ставший ныне классическим) с голодной собакой, которая должна была реагировать на звук колокольчика, который ассоциировался с едой. Если собака видит пищу (безусловный раздражитель) и при этом слышит звон колокольчика (условный

раздражитель), то при многократном повторении комбинации «пища + колокольчик» в коре головного мозга собаки устанавливается новая рефлекторная дуга. После этого слюна выделяется, стоит только собаке услышать звонок колокольчика. Так Иван Петрович открыл условные рефлексы (термин введен самим Павловым). Безусловные рефлексы одинаковы у всех животных вида, а условные – различны.

Такая система сигналов, формирующаяся в коре больших полушарий головного мозга, – первая сигнальная система – есть и у животных и у человека. Но человек обладает еще одной системой сигнализации, более сложной и более совершенной. Она выработалась у него в процессе тысячелетнего исторического развития, и именно с ней связаны коренные различия между высшей нервной деятельностью человека и любого животного. Павлов назвал ее второй сигнальной системой. Она возникла у людей в связи с общественным трудом и связана с речью.

Для чистоты проведения экспериментов по выработке условных рефлексов в 1913 г., благодаря субсидии московского мецената К. Леденцова, было построено специальное здание с двумя башнями, названными «башнями молчания». В них первоначально были оборудованы три экспериментальные камеры, а в 1917 г. вступили в строй еще пять. С помощью разработанного метода изучения условных рефлексов Павлов установил, что в основе психической деятельности лежат физиологические процессы, происходящие в коре головного мозга. Исследования им физиологии высшей нервной деятельности (1-й и 2-й сигнальных систем, типов нервной системы, локализации функций, системности работы больших полушарий и др.) оказали большое влияние на развитие физиологии, медицины, психологии и педагогики.

Только в 1923 г. Павлов решился выпустить в свет труд, который так и назвал «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Павловское учение о высшей нервной деятельности – это не просто блестящая страница, вписанная в историю науки, – это целая эпоха.

Февральскую революцию Павлов принял с энтузиазмом, считая, «что выборное начало должно лежать в основе как всего государственного строя, так и отдельных учреждений». К Октябрьскому перевороту он отнесся резко отрицательно, фрондируя по отношению к новым властям, даже надевал царские ордена, которые никогда не носил при старом режиме, как, впрочем, и мундир, а в его кабинете висел писанный маслом портрет принца Ольденбургского в военном сюртуке с генерал-

адъютантским аксельбантом и императорской короной сверху.

В 1922 г., в связи с отчаянным материальным положением, ставившим под сомнение дальнейшее проведение исследований, Павлов обратился к Ленину с просьбой перенести свою лабораторию за границу. Но тот ответил отказом, мотивировав это тем, что Советская Россия нуждается в таких ученых, как Павлов. Было издано специальное постановление, в котором отмечались «исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира»; специальной комиссии во главе с М. Горьким поручалось «в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников»; соответствующим государственным организациям предлагалось «отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд» и «предоставить Павлову и его жене специальный паек». От последнего пункта Иван Петрович отказался: «Я не приму все эти привилегии, пока они не будут предоставлены всем работникам лаборатории».

В 1923 г. Павлов посетил США и по возвращении открыто высказался о пагубности коммунизма: «На тот социальный эксперимент, который коммунисты проводят в стране, я не пожертвовал бы даже лягушачьей лапки». Когда в 1924 г. из Военно-медицинской академии в Ленинграде стали увольнять тех, у кого было «непролетарское происхождение», Павлов отказался от своего почетного места в Академии, заявив: «Я тоже сын священника, и если вы выгоняете других, то я тоже уйду!» В 1927 г. он оказался единственным, кто проголосовал против назначения партийных функционеров в Академию. Профессор написал письмо И. В. Сталину, в котором были такие строки: «В свете того, что вы делаете с русской интеллигенцией, деморализуете ее и лишаете ее всяких прав, – мне стыдно называть себя русским».

И все же Павлов не покинул родину, отказавшись от лестных предложений Шведского и Лондонского королевских обществ. В последние годы жизни он стал более лоялен к власти и даже заявлял, что в стране происходят явные изменения к лучшему. Этот перелом произошел, по всей видимости, в результате увеличения государственных ассигнований на науку. В Институте экспериментальной медицины была закончена постройка «башни молчания». К 75-летию ученого физиологическая лаборатория Академии наук была реорганизована в Физиологический институт Академии наук СССР (ныне носящий имя Павлова), а к его 80-летию в Колтушах (под Ленинградом) начал работать специальный научный институт-городок (единственное в мире

научное учреждение такого рода), прозванный «столицей условных рефлексов». Осуществилась и давняя мечта Павлова об органической связи между теорией и практикой: при институтах были образованы клиники нервных и психических заболеваний. Все руководимые им научные учреждения были оснащены новейшим оборудованием. В десятки раз выросло число постоянных научных и научно-технических сотрудников. Кроме обычных, крупных бюджетных средств ученому ежемесячно отпускали значительные суммы для расходования по личному усмотрению. Началось регулярное издание научных трудов лаборатории Павлова.

Г. Уэллс в 1934 г. отметил, что «репутация Павлова способствует престижу Советского Союза». Избранный членом многочисленных научных обществ, академий, университетов, Иван Петрович в 1936 г. был признан Всемирным конгрессом физиологов старшиной физиологов всего мира (princeps physiologorum mundi).

Гениальному ученому шел 87-й год, когда он сам поставил себе диагноз: отек коры головного мозга (это подтвердилось при вскрытии). Но умер Иван Павлович 27 февраля 1936 г. от пневмонии. Смерть ученого явилась полной неожиданностью для всех. Несмотря на преклонный возраст, он был физически очень крепок, горел кипучей энергией, неослабно творил, с энтузиазмом строил планы дальнейших работ. Накануне Павлов побывал в Англии, где руководил организацией и проведением XV Международного конгресса физиологов, посетил родную Рязань. Однако годы давали себя знать, Иван Петрович уже был не таким, как прежде: имел нездоровый вид, быстро уставал и чувствовал себя неважно. Тяжелым ударом для Павлова оказались болезнь и быстрая смерть младшего сына Всеволода. Но от лечения Иван Петрович упорно отказывался, тщательно регистрируя все симптомы заболевания. После очередной простуды, переросшей в пневмонию, спасти жизнь великого ученого не смогли лучшие медицинские силы страны.

Павлов говорил своим сотрудникам, что будет жить не меньше ста лет, причем лишь в последние годы жизни оставит лаборатории, чтобы написать мемуары о виденном на своем долгом жизненном пути. Наверное, это единственное, что ему не удалось…

Известный американский физиолог У. Кеннон писал: «В учении Ивана Петровича Павлова меня всегда поражали два явления. Необычайный примитивизм эксперимента и возможность именно с помощью этого примитивизма увидеть насквозь всю бездну человеческой психики и установить основные

принципы ее работы. С одной стороны – такое-то число капель слюны за такое-то число минут, а с другой – краеугольные камни физиологии высшей нервной деятельности. Аналог Павлову в физикохимии – Фарадей, обосновавший электродинамику с помощью кусочка железа, проволоки и магнита. Оба, конечно, – гении без всяких оговорок, проникшие в природу вещей с помощью по-детски наивных способов. В этом – их величие и бессмертие. Знамена физиологии всех стран склонились к его ногам. На всех континентах земного шара знают имя Павлова, знают даже дети, знают его портрет – человека с белой бородой, хитрого и умнейшего русского мужика».

Паскаль Блез

(род. в 1623 г. – ум. в 1662 г.)

Французский религиозный философ, писатель, математик и физик, один из величайших умов XVII ст., вошедший в историю науки как классический пример отроческой гениальности. Один из основоположников гидростатики, автор работы по теории воздушного давления, арифметике, теории чисел, алгебре, теории вероятностей, создатель арифмометра.

Паскаль – это Гоголь в науке. Та же безмерная талантливость, необыкновенная творческая щедрость и тот же духовный надлом, мистические кошмары, яд которых отравлял мозг, то же перечеркивание самого себя, которого не мог вынести его гений. Его жизнь – одна из самых ярких и трагических в истории естествознания.

Первый математический трактат Паскаля «Опыт теории конических сечений» содержал одну из основных теорем проективной геометрии – теорему Паскаля. В 18-летнем возрасте он изобрел счетную машину – «бабушку» будущих арифмометров. Юный конструктор записал, не зная еще, что мысль его на века обгоняет свое время: «Вычислительная машина выполняет действия, более приближающиеся к мысли, чем все то, что делают животные». Машина принесла ему популярность. Оценить его формулы и теоремы могли лишь считанные люди, а тут – подумать только – машина считает сама! Это мог оценить любой смертный, и вот уже толпы людей торопятся в Люксембургский сад, чтобы поглазеть на чудо-машину, о ней пишут стихи, ей

приписывают фантастические возможности. Блез Паскаль стал знаменитым человеком.

Круг математических интересов ученого был весьма разнообразен. Он нашел общий алгоритм для нахождения признаков делимости любого целого числа на любое другое целое число (трактат «О характере делимости чисел»), способ вычисления биномиальных коэффициентов, сформулировал ряд основных положений элементарной теории вероятностей («Трактат об арифметическом треугольнике», опубликованный в 1665 г., и переписка с П. Ферма). В этих работах Паскаль впервые точно определил и применил для доказательства метод математической индукции. Его труды, содержащие изложенный в геометрической форме интегральный метод решения ряда задач на вычисление площадей фигур, объемов и площадей поверхностей тел, явились существенным шагом в развитии анализа бесконечно малых величин. Теорема Паскаля о характеристическом треугольнике послужила одним из источников для создания Г. Лейбницем дифференциального и интегрального исчисления.

Вместе с Галилеем и Стевином Паскаль считается основоположником классической гидростатики: он установил ее основной закон, принцип действия гидравлического пресса, указал на общность основных законов равновесия жидкостей и газов. В конце жизни он вел полумонашеский образ жизни в обители Пор-Руаяль-де-Шан, вступив в энергичную полемику по вопросам религиозной этики, плодом которой стали «Письма к провинциалу» – шедевр французской сатирической прозы.

Блез Паскаль родился в Клермоне 19 июня 1623 г. в богатой дворянской семье, главой которой был его отец Этьен Паскаль, выбранный королевский советник, а позднее второй президент палаты сборов, знаток математики и астрономии. В Блезе проявились как лучшие духовные и ментальные качества представителей его дворянского рода, так и такие черты вырождения, как эмоциональная неуравновешенность и слабое здоровье. С раннего детства Блез остался без матери: Антуанетта Бегон умерла, не дожив до тридцати лет. На руках у Этьена Паскаля остались, кроме трехлетнего Блеза, две дочери: шестилетняя Жильберта и годовалая Жаклин.

Почти все, что мы знаем о гениальном ученом, известно со слов его старшей сестры Жильберты (в замужестве – Перье), перу которой принадлежит небольшой по объему, но умно и талантливо написанный биографический очерк под названием «Жизнь господина Паскаля». Уже в самом начале своего труда она отмечает, что ее брат с ранних лет обнаружил свою

незаурядность. Совсем еще малыш, он, рассуждая о «высоких материях», производил на окружающих впечатление крохотного взрослого человека и поражал, как пишет сестра, своими «краткими ответами, весьма точными, а еще более – вопросами о природе вещей». Такое начало подавало блестящие надежды, но одновременно внушало тревогу, «ибо по мере того, как он становился взрослее, возрастала и сила его рассуждений, далеко превосходившая его телесные силы».

В 1631 г., когда маленькому Паскалю было восемь лет, семья переехала в Париж. Отец продал по тогдашнему обычаю свою должность и вложил значительную часть своего небольшого капитала в Отель де Билль. Теперь у него было много свободного времени, и Этьен усиленно занялся умственным развитием сына. Он и сам много занимался математикой и любил принимать у себя в доме таких же любителей точных наук. Но Блез оказался столь любознателен и охоч до знаний, что отцу пришлось сдерживать его порывы, «ибо, – как пишет Жильберта Перье, – главным правилом его воспитания было, чтобы ребенок всегда оставался выше того, что изучал», иначе говоря, чтобы предмет изучения не отравлял его ум и душу своей чрезмерной сложностью.

Так, заметив с некоторых пор у Блеза интерес к геометрии, отец строго-настрого запретил ему заниматься этой наукой, спрятал все книги, имевшие отношение к ней, и поощрял только совершенствование в латыни. Но умный и заботливый отец не учел, что запретный плод сладок, а его гениальный ребенок может обойтись и без книг по геометрии. Находясь в своей комнате, он угольком рисовал прямо на полу геометрические фигуры, называя их чисто по-детски: окружности – колечками, прямые линии – палочками и т. д. Играя, он придумывал для себя аксиомы и теоремы, и сам же их доказывал.

Однажды Этьен Паскаль, войдя в комнату сына, увидел на полу расположение фигур и вычисления, свидетельствовавшие о том, что Блез вплотную подошел к решению тридцать второй теоремы Евклида. Жильберта Перье так описывает этот знаменательный день в жизни своего брата: «Когда он занимался, отец случайно вошел к нему в комнату, так что брат этого не услышал. Он был так поглощен своими занятиями, что долго не замечал прихода отца. Трудно сказать, кто был больше поражен – сын, увидев отца, строго запрещавшего ему такие занятия, или отец, увидевший сына погруженным в такие вещи». Как выяснилось, 12-летний Блез заново открыл начала евклидовой геометрии. Математические проблемы, над решением которых древние геометры бились несколько тысячелетий, юный Блез

постиг играючи за несколько дней!.. Пораженный отец дал Блезу Евклидовы «Начала», позволив читать их в часы отдыха. Мальчик прочитал Евклидову «Геометрию» сам, ни разу не попросив объяснения.

Собрания, проходившие в доме Паскаля и у некоторых из его приятелей, носили характер настоящих ученых заседаний. Раз в неделю математики, примыкавшие к кружку Этьена Паскаля, собирались, чтобы читать сочинения членов кружка, предлагать разные вопросы и задачи. Иногда читались записки, присланные заграничными учеными. Деятельность этого скромного частного общества или, скорее, приятельского кружка заложила основы будущей славной Парижской академии.

С 16-летнего возраста молодой Паскаль также стал принимать деятельное участие в занятиях кружка. Он был уже настолько силен в математике, что овладел почти всеми известными в то время методами, и был одним из членов, наиболее часто представлявших новые сообщения. И если в присылаемые из Италии и Германии задачи и теоремы вдруг закрадывалась какая-либо ошибка, Паскаль одним из первых замечал ее.

В это время Паскаль написал весьма примечательный трактат о конических сечениях, т. е. о кривых линиях, получающихся при пересечении конуса плоскостью, – эллипсе, параболе и гиперболе. От него, к сожалению, уцелел лишь отрывок, однако родственники и приятели Паскаля утверждали, что «со времен Архимеда в области геометрии не было сделано подобных умственных усилий» – отзыв хотя и несколько преувеличенный, но явно вызванный удивлением необычайными способностями автора.

Однако усиленные занятия подорвали и без того слабое здоровье одаренного юноши. Но окончательно оно расстроилось во время напряженных работ над изобретенной им арифметической машиной.

В 1639 г. Этьен Паскаль был назначен интендантом и «уполномоченным Его Величества в Верхней Нормандии для обложения и взимания налогов, а также других дел», и чуть позже дети присоединились к нему в Руане. Чтобы облегчить отцу трудоемкие финансовые расчеты, Блез придумал машину, способную складывать и вычитать, а также переносить цифры в следующие разряды и высчитывать общие суммы. Сконструировав за несколько лет около 50 образцов арифметической машины, Блез в 1649 г. получил королевскую привилегию на свое изобретение – «Паскалево колесо». Машина в своем окончательном виде помещалась в небольшом продолговатом

ящике и была проста в работе. Жильберта подытожила труд брата, сказав, что он «свел к механизму науку, существовавшую целиком в человеческом уме». С этого времени имя изобретателя стало известно не только во Франции, но и за ее пределами.

Блез трудился, не зная сна и отдыха, безумно уставал и, в конце концов, вновь подорвал свое и без того хрупкое здоровье. И никто не остановил его, не сказал, что жизнь дороже всякой машины. Перегрузки, писала сестра, «вызвали у него недомогания, от которых он так и не избавился, и он говаривал нам, что с восемнадцати лет у него не было ни одного дня без страданий». Паскаля то и дело донимали жестокие головные боли и рези в желудке, из-за которых он иногда по нескольку дней отказывался от пищи…

Казалось, что его жизнь складывалась по известному принципу: кому много дано, с того много спросится. С той же великой страстью и глубиной, с какой он бился над разрешением научных и технических вопросов, он пытался постигнуть главные законы бытия, смысл жизни и таинство смерти. Особенно часто он задумывался над вопросами веры, досконально изучал Библию и труды христианских авторов.

В этот период Этьен, вывихнувший бедро, некоторое время лежал прикованным к постели. За ним ухаживали два брата-лекаря, ревностные последователи аббата де Сен-Сирана, бывшего одно время духовным руководителем обители Пор-Руаяль. Аббат был первым представителем во Франции теологии Корнелия Янсена, проповедавшей, что «в силу своей изначальной греховной испорченности человек может спастись, лишь опираясь на благодать, которая, однако, снизойдет только на избранных». Как движение, янсенизм стремился реформировать католическую церковь и восстановить в правах учение Августина о предопределении и благодати. Под влиянием янсенистов Паскаль духовно преобразился. Родные, увлеченные его пылом, вскоре также стали ревностными христианами. Мало того, его младшая сестра Жаклин решила стать монахиней, что же касается самого Блеза, то, продолжая заниматься научными экспериментами, он еще не был готов удалиться от мира…

В 1643 г. один из способнейших учеников Галилея, Э. Торричелли, исполнил желание своего учителя и предпринял опыты по подъему различных жидкостей в трубках и насосах. Торричелли установил, что причиною подъема как воды, так и ртути является вес столба воздуха, давящего на открытую поверхность жидкости. Таким образом, был изобретен барометр и явилось очевидное доказательство весомости воздуха.

Паскаль с энтузиазмом принялся за дальнейшие

эксперименты, пытаясь обобщить выводы Торричелли. Он использовал трубки различных форм, заполнял их различными жидкостями и устраивал публичные демонстрации. В 1647 г. Паскаль вернулся в Париж, встречался с Рене Декартом и опубликовал «Новые опыты, касающиеся пустоты». В конце года он попросил своего зятя, Флорена Перье, провести барометрические испытания у подножия и на вершине горы Пюи-де-Дом, возвышавшейся над Клермон-Ферраном. Эти знаменитые эксперименты, проведенные лишь в сентябре 1648 г., открыли путь систематическим исследованиям в области гидродинамики и гидростатики, которые разрушили старые представления о том, что природа «боится» пустоты. В ходе этих экспериментов Паскалю удалось сделать ряд изобретений (в частности, шприца и гидравлического пресса) и внести усовершенствования в конструкцию барометра. Гидравлический пресс действовал на основе физического закона, впервые сформулированного ученым и носящего его имя: «При действии поверхностных сил давление во всех точках внутри жидкости одинаково».

По тем открытиям, которые были сделаны Паскалем относительно равновесия жидкостей и газов, следовало ожидать, что из него выйдет крупнейший экспериментатор того времени. Но его опять подводило здоровье.

Физическое и психическое состояние Блеза нередко внушало отцу серьезные опасения, и с помощью друзей дома он не раз убеждал сына развлечься, а не посвящать свою жизнь исключительно научным занятиям. Врачи же были более категоричны и вообще запретили ему всякого рода занятия. Но этот живой и деятельный ум не мог оставаться праздным: не будучи более занят ни науками, ни делами благочестия, Паскаль начал искать удовольствий и, наконец, стал вести светскую жизнь, играть и развлекаться. Первоначально все это было умеренно, но постепенно он вошел во вкус и стал жить, как все светские люди. Он завязывал дружеские связи с родовитыми людьми, немало часов проводил в изысканных салонах, соперничая в красноречии и остроумии с молодыми аристократами, вел переписку с тщеславной шведской королевой Кристиной и т. д. и т. п. «То было время, употребленное наихудшим образом, – не осуждая брата напрямую, с грустью писала об этом периоде его жизни Жильберта Перье, – хотя милосердие Божие оберегло его от пороков, а все же то был мирской дух, весьма отличный от Евангельского».

Однако осенью 1651 г. умер отец Паскаля. За этим незамедлительно последовал уход в монастырь Пор-Руаяля Жаклин, младшей сестры Блеза, красавицы, талантливой

поэтессы, одаренной добродетелями нежного сердца и живого ума. Потеряв опору, которую он находил в религиозной сердечности сестры и размеренном образе жизни под контролем отца, Паскаль полностью, до физического и нервного истощения, окунулся в свои математические изыскания, лишь время от времени появляясь в свете. Однако при этом он высказывал сестре-монахине мысли о возможной своей женитьбе.

Но в ноябре 1654 г. Паскаль пережил сильнейшее потрясение, оказавшее большое влияние на его дальнейшую судьбу. В экипаже, запряженном четверкой лошадей, он ехал в Нейи. Проезжая мост, передняя пара лошадей сорвалась и рухнула в воду, а коляска чудом задержалась у самого края пропасти. Когда к ней подбежали, Паскаль был без сознания. Чудесное спасение от, казалось бы, неминуемой гибели и последовавшее за ним мистическое переживание произвели на религиозно экзальтированного ученого глубочайшее впечатление – он окончательно распрощался со светской жизнью. В этом его горячо поддержала Жаклин, которой были так неприятны рассуждения брата о женитьбе. В начале 1655 г. Блез на некоторое время тоже переселился в Пор-Руаяль, где вел непомерно строгую аскетическую жизнь, много молился, глубоко изучал Библию и труды отцов Церкви.

Однажды ночью, мучимый жесточайшей зубной болью, ученый стал вдруг думать о свойствах так называемой циклоиды – кривой линии, обозначающей путь, проходимый точкой, катящейся по кругу. За одной мыслью последовала другая, образовалась целая цепь теорем, которые он стал записывать с необычайной быстротой. Все исследование было закончено в восемь дней, причем Паскаль писал сразу начисто, не переписывая. Только что исписанные листы тотчас сдавались в набор, и две типографии едва поспевали за ним.

Таким образом явилась в свет его последняя научная работа. Это замечательное исследование о циклоиде приблизило Паскаля к открытию дифференциального исчисления, т. е. анализа бесконечно малых величин, но все же честь этого открытия досталась не ему, а Лейбницу и Ньютону. Будь Паскаль более здоров духом и телом, он, несомненно, довел бы свою работу до конца. В его трудах мы видим уже вполне ясное представление о бесконечных величинах, но, вместо того чтобы развить его применительно к математике, ученый отвел большое место бесконечному лишь в своей апологии христианства.

Паскаль не оставил после себя ни одного цельного философского трактата, тем не менее в истории философии он занимает вполне определенное место. Как философ он

представляет собой своеобразное соединение скептика и пессимиста с искренно верующим мистиком; отголоски его философии можно встретить даже там, где их менее всего ожидаешь. Многие из его блестящих мыслей повторяются в несколько измененном виде не только Лейбницем, Руссо, Шопенгауэром, Львом Толстым, но даже таким противоположным по взглядам Паскалю мыслителем, как Вольтер. Так, например, известное положение Вольтера, гласящее, что в жизни человечества малые поводы часто влекут за собою огромные последствия, явно навеяно чтением паскалевских «Мыслей».

Его труд «Мысли» часто сопоставляют с «Опытами» Монтеня и с философскими сочинениями Декарта. У Монтеня Паскаль заимствовал несколько идей, передав их по-своему и выразив их своим сжатым, отрывочным, но в то же время образным и пламенным слогом. С Декартом Паскаль согласен лишь по вопросу об автоматизме, да еще в том, что признает, подобно Декарту, наше сознание непреложным доказательством нашего существования. Но исходная точка Паскаля и в этих случаях отличается от декартовской. На аксиому Декарта: «мыслю, следовательно, существую» Паскаль отвечает: «Я сочувствую ближним, стало быть, я существую, и не только материально, но и духовно».

Паскаль, столь много размышлявший о смерти, почувствовал ее приближение в феврале 1659 г., когда здоровье его сильно ухудшилось. Но Бог, в которого он так страстно верил, отпустил ему еще три года жизни. В это время он продолжал свои философские занятия, пытаясь понять место человека во Вселенной, тоскуя о трагичности и хрупкости человеческого бытия: «Я не знаю, кто меня послал в мир, что такое я. Я в ужасном и полнейшем неведении. Я не знаю, что такое мое тело, чувства, душа, что такое та часть моего “я”, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о самой себе и все-таки знает себя не больше, чем все остальное».

В эти годы он сознательно обрек себя на неимоверно трудную жизнь, поступая во всем так, как велит ему совесть. Насколько это возможно для больного (иногда способного передвигаться лишь на костылях) человека, он старался обходиться без чьей-либо помощи: сам застилал свою постель, обедал вместе со слугами на кухне, сам относил посуду. Сестра Жильберта, живущая с мужем и детьми в Клермоне, то и дело приезжала в Париж, чтобы поухаживать за своим горячо любимым братом. Но Блеза ее хлопоты тяготили. Больше всего ему не нравилось, что сестра старалась кормить его повкуснее, – привычку к вкусной еде он считал греховной…

Теперь своим главным долгом Блез считал помощь бедным людям. Получивший когда-то свою долю отцовского наследства, он усердно занимался благотворительностью и постепенно сам залезал в долги. Но богатство, по его мнению, лишь тем и хорошо, что его можно раздать неимущим. Он приютил в своем доме семью бедняков и разрешил им пользоваться теми же благами, что и он. После его смерти стал известен такой факт: однажды на улице он встретил бездомную девочку, которую затем через посредника пристроил в семью священника и оплачивал ее содержание. При этом девочка ни в коем случае не должна была знать, кто является ее благодетелем. Вот еще одно нравственное убеждение Блеза Паскаля: «Добрым является лишь тот твой поступок, о котором никто не знает…»

Между тем его физические страдания были так сильны, что Блезу хватало выдержки лишь на то, чтобы не кричать от боли. Последние месяцы жизни он почти не вставал с постели. Но именно в это время он стал еще самоотверженнее, еще сильнее боялся кого-то стеснить и все энергичнее протестовал против того, чтобы за ним ухаживали, как за маленьким ребенком. Но он во многом и был ребенком, этот 39-летний человек – одновременно мудрый и наивный, постоянно кающийся в грехах и чистый душой. Недаром один из священников, навещавших его во время болезни, неизменно повторял, говоря о Блезе: «Это ребенок, он кроток и послушен, как ребенок».

Блез Паскаль умер, не дожив и до сорока лет. Последние дни он провел в полубессознательном состоянии, содрогаясь от боли. Уже приняв причастие, он со слезами на глазах сказал: «Да не покинет меня Бог вовеки…» – и после этого окончательно потерял сознание. Агония длилась еще сутки. В ночь с 18 на 19 августа 1662 г. мучения Паскаля прекратились навсегда.

Пастер Луи

(род. в 1822 г. – ум. в 1895 г.)

Выдающийся французский химик, открывший явление молекулярной и кристаллической дисимметрии и основавший тем самым стереохимию. Заложил научные основы управления процессами виноделия и пивоварения. Основатель современной микробиологии и иммунологии, открывший природу брожения, этиологию многих инфекционных заболеваний, существование анаэробных бактерий, опроверг теорию самопроизвольного зарождения жизни. Разработал метод профилактической вакцинации против куриной холеры, свиной краснухи, сибирской язвы и бешенства. Создал метод предохранения пищевых продуктов от порчи (пастеризация). Ввел методы асептики и антисептики. Основал и возглавил Научно-исследовательский микробиологический институт (впоследствии Пастеровский институт), награжден многими орденами и медалями за достижения в области науки. Один из сорока «бессмертных» Французской Академии наук.

Однажды на улицу, где жил французский микробиолог Луи Пастер, пришло письмо, где вместо имени адресата стояло: «Тому, кто совершает чудеса». Почтальон без колебаний доставил письмо по адресу – Пастеру. «Беспримерной по своим плодам» назвал его деятельность К. Тимирязев, подчеркивая, что «этот гений экспериментального метода отличался трудолюбием, упорством в труде, почти превышающим всякое вероятие». Каждое новое поколение ученых может учиться у Пастера

страстности, целеустремленности в работе, высокому чувству долга, любви к человечеству, умению трудиться и создавать ценности, увеличивающие нашу власть над природой, улучшающие жизнь людей.

27 декабря 1822 г. в городке Доль, на востоке Франции, в семье бывшего наполеоновского солдата Жана Жозефа Пастера, который по примеру своих крепостных предков стал кожевенником, после четырех дочерей наконец-то родился мальчик. Ребенка назвали Луи. Все свое сознательное детство он провел в маленьком домике в предместье Арбуа и считал этот город родным. Луи почти ничем не выделялся среди своих сверстников, разве что наблюдательностью и умением хорошо рисовать. Друзья даже дали ему соответствующее прозвище – Художник, и впоследствии многие говорили, что если бы он не увлекся научными изысканиями, то обязательно стал бы известным портретистом. Отказавшись от копирования картин углем, Луи уже в 12 лет написал пастелью «профессиональный» портрет матери, ставший первым в его коллекции. Рисование он не оставлял и в зрелые годы.

Отцу не очень нравилось это увлечение сына, которому тот уделял слишком много времени в ущерб школьным занятиям: Пастер-старший видел Луи преподавателем или даже заведующим коллежем. Но тогда мальчик особого пристрастия к наукам не питал, предпочитая поудить рыбу или поиграть со школьным товарищем Жюлем Верселем.

И вдруг все изменилось в один момент (такие «вдруг» позже с Пастером случались постоянно). Раз и навсегда влюбившись в книги, он больше не расставался с ними никогда, впитывая все новые и новые знания как губка. Учителя стали отмечать, что Луи старается всему найти объяснение, докопаться до причины, постичь суть предмета. И если он в чем-то был убежден, то тратить время на переубеждение было бесполезно. Директор Арбуазского коллежа и знакомый семьи капитан Барбье убедили Жана Жозефа Пастера отправить сына в парижский пансион Барбе, питомцы которого подготавливались в лицее Сен-Луи к поступлению в святая святых Франции – Эколь Нормаль – старейшую в стране школу. Но Луи, выросший в атмосфере любви, так тосковал по родным, что даже заболел. Он вынужден был вернуться под отчий кров и завершить образование неподалеку от родного города – в Безансонском коллеже Франш-Конте, где получил степень бакалавра гуманитарных и математических наук. Луи привлекала профессия педагога, и еще до окончания коллежа он получил разрешение на преподавание. Но позже Пастер все-таки вернулся в Париж и успешно окончил

лицей. При этом он успевал еще слушать лекции в Сорбонне и посещать библиотеки, а в конце 1843 г. четвертым по конкурсному списку был зачислен на факультет естественных наук в Эколь Нормаль, которая открывала дорогу к преподавательской и научной карьере.

Прослушав в Сорбонне лекции знаменитого химика Ж. Б. Дюма, Луи всерьез увлекся химией, которая заняла с тех пор первое место в его мыслях и сердце. Все свое время он посвящал любимому предмету и физике, и если бы мог, то и ночевал бы в лабораториях. Однако в студенческие годы гениальность Пастера еще не проявилась, а один из его преподавателей даже вспоминал о нем как о «посредственности» в химии. Тем не менее, когда в 1843 г. он блестяще окончил Эколь Нормаль и должен был уехать преподавать физику в лицей города Турнон, знаменитый профессор Балар, преподававший у него химию, дошел до министра просвещения, чтобы оставить Луи в своей лаборатории. Его поразили в 23-летнем Пастере огромная работоспособность и умение сосредоточиться. Великий первооткрыватель бора разглядел в своем студенте задатки ученого с большой буквы. Взяв его к себе простым препаратором и предоставив ему возможность работать с профессором О. Лораном, Балар не ошибся. Увлеченный опытами, Луи часто забывал об отдыхе и сне. За короткое время Пастер сумел выполнить очень большую научную работу и получить степень доктора наук (1847 г.), подготовив и блестяще защитив две докторские диссертации: одну – по физике («Исследование явлений, относящихся к свойствам жидкостей вращать плоскость поляризации»), другую – по химии («Исследование мышьяковистых соединений калия, натрия и аммиака»).

Это был прорыв в новую область науки и вдруг… всегда далекий от политики Пастер был захвачен революционными событиями 1848 г. и настолько почувствовал себя гражданином республики, что даже вступил в Национальную гвардию. Правда, толку от него как от солдата было немного, а без лаборатории он жить не мог и вскоре вновь стал корпеть над своими кристаллами.

Уже в 26 лет Пастер был знаменитым химиком. Его привычка выискивать причины и суть любых явлений оказалась бесценной при кропотливом изучении крошечных кристаллов солей виноградной кислоты. Он то впадал в уныние, то вновь воспарял духом. Пастер открыл, что существует не два, а четыре вида виннокаменной кислоты; заметил, что в природе есть масса странных комбинаций, на вид совершенно одинаковых, но представляющих зеркальное отражение одна другой. Он упорно

изучал симметрию молекул органических веществ и открыл гемиэдрию кристаллов винной и виноградной кислот и их солей, их оптическую пассивность. Это положило начало новой науке – стереохимии, химии в пространстве, учению о группировке атомов в молекуле и о законах, управляющих этими группировками. Позже Пастер установил, что оптическая изомерия характерна для многих органических соединений, но при этом природные продукты, в отличие от синтетических, представлены только одной из двух изомерных форм.

Открытие молодого ученого получило признание, знаменитый французский физик Жан-Батист Био помог ему опубликовать статью «Исследование о зависимости между формой кристаллов, их химическим составом и направлением их вращательной способности» и сделать доклад в Академии наук. Это был первый шаг к головокружительной карьере и вдруг… Пастера назначили профессором физики в Дижон. Он писал своему другу Ш. Шапюи: «Я физически не могу здесь ничего делать, я уеду в Париж препаратором…» Но пока наставники хлопотали о переводе его в Эколь Нормаль или Сорбонну, Луи так же неожиданно перевели профессором химии в университет Страсбурга. Оказалось, что сюда его привело Провидение. Именно здесь в январе 1849 г. он познакомился с Мари, дочерью ректора университета Огюста Лорана, через три дня понял, что не может без нее жить, а через 15 дней сделал ей официальное письменное предложение. Они прожили в счастливом браке 46 лет. Жена во всем поддерживала Луи. Ничто не омрачало их супружества, кроме смерти, унесшей трех малолетних дочерей и помиловавшей лишь младших: сына и дочь.

Свои поездки в Париж Пастер называл паломничеством. Он делал доклады в Академии наук, и почтенные ученые мужи с вниманием и восхищением слушали его. Профессор Био дал такую характеристику работам молодого ученого: «Это так хорошо, как только может быть. Вы вносите ясность во все, чего касаетесь!» А Дюма предсказал своему ученику создание в будущем школы Пастера. Луи думал только о своих кристаллах, посвящал им все время и даже с молодой женой говорил лишь о них.

К 1852 г. в Париже не было уже химика, не знакомого с работами Пастера. Ученому предлагали кафедру в Эколь Политехник, место консультанта в Эколь Нормаль, уговаривали выставить свою кандидатуру в члены-корреспонденты Академии наук (причем и физики, и химики хотели видеть его в своих секциях). Но Луи отказался от всех должностей и регалий, он был полностью поглощен новой проблемой – получением

виноградной кислоты из винного камня. Для решения этого вопроса он был готов ехать на край света. Пастер побывал в Лейпциге, Цвишау, Дрездене, Фрейбурге, Вене, однако поиски закончились тем, что в 1853 г. он сам искусственно синтезировал кислоту в своей лаборатории. Мари писала свекру: «Луи всегда несколько чересчур увлекается своими опытами. Вы знаете, что опыты, которые он задумал в этом году, должны дать нам, если они будут удачными, нового Ньютона или Галилея».

Вскоре Пастер был назначен профессором химии и деканом научной части университета в Лилле, и здесь он увлекся изучением микробов. Студенты просто молились на своего блестящего преподавателя, а лилльские предприниматели не жалели денег на обустройство его лаборатории. Ведь Пастер терпеливо исследовал свойства поставляемых ими удобрений, а затем по просьбе отчаявшегося богатого винокура Биго занялся его «большими неприятностями с брожением». До него ни один химик на свете не изучал процессы, превращающие сахар в алкоголь. Обнаружив в серой вязкой свекольной массе множество шариков (дрожжи), которые были во много раз меньше самого мелкого кристалла, он испытал уже знакомый зуд первооткрывателя и понял, что займется этой проблемой. Его лаборатория стала похожей на кабинет алхимика. С помощью специально сконструированного аппарата он обнаружил, что кишащий палочками больной сок кроме дрожжей всегда содержит в себе молочную кислоту, но не содержит алкоголя. Крошечные палочкообразные существа, портящие вино, оказались живыми «ферментами», вызывающими молочнокислое брожение. Так Пастер – химик и физик – впервые столкнулся с увлекательной областью биологии – физиологией.

В маленькой, очень скромной лаборатории в Лилле в 1857 г. Пастер сделал замечательное открытие. Он доказал, что брожение – это биологическое явление, что всякое брожение (спиртовое, уксусное и др.) является результатом жизнедеятельности особых микроскопических организмов – дрожжевых грибков. Разгадка явления брожения имела огромное значение не только для французского виноделия, терпевшего большие убытки от болезней вина и пива, но и сыграла исключительную роль в развитии биологической науки, в сельском хозяйстве и промышленности. Своими же опытами по культивированию и искусственному изолированию микроорганизмов Пастер сделал первые шаги к созданию бактериологической техники.

Казалось, что они с женой уже основательно обустроились в Лилле, как вдруг в один прекрасный день Пастер получил

назначение на должность директора научного кабинета в Эколь Нормаль. Вернувшись в Париж, ученый вступил в открытую полемику с королем химиков Либихом, родоначальником химической теории брожения, и сумел доказать, что причина процесса кроется в живых организмах. На протяжении дискуссии Пастер сделал еще одно очень важное открытие. Он обнаружил организмы, для которых кислород не только не нужен, но и вреден. Эти так называемые анаэробные бактерии (1861 г.) вызывают, в частности, маслянокислое брожение и приводят к прогорканию вина и пива и порче продуктов. Открытие анаэробиоза навело Пастера на мысль, что организмам, которые обитают в среде, лишенной кислорода, брожение заменяет дыхание. Эти его исследования наголову разгромили теорию самозарождения организмов (жизни), владевшую умами ученых еще со времен Аристотеля. Чтобы рассказать о заслугах Пастера как основоположника научной микробиологии, надо написать целую книгу. В научном споре с французским ученым Ф. Пуше он многочисленными опытами неопровержимо доказал, что все микроорганизмы возникают путем размножения. Там, где микроскопические зародыши убиты и проникновение их из внешней среды невозможно, где нет и не может быть микробов, там не бывает ни брожения, ни гниения. Надо сказать, что в это время Пастер находился на грани провала, и, если бы не известная теперь колба с причудливо изогнутым, словно лебединая шея, горлом, придуманная Баларом для «удержания» бактерий, находящихся в воздухе, он бы дискуссию проиграл.

В 1865 г. ученый предложил способ сохранения пищевых продуктов с помощью тепловой обработки. Так, например, если вино сразу после брожения подогреть, не доводя до точки кипения, а потом плотно закупорить, то посторонние микробы туда не проникнут и напиток не испортится. За это открытие Пастера прозвали «винным доктором». А метод сохранения продуктов, получивший высшую награду за исследования по вину на Всемирной выставке 1867 г., называется теперь пастеризацией и широко используется в пищевой промышленности. Активная же борьба Пастера за стерилизацию инструментов в больницах имела другое важное последствие: на основе его метода медик Листер из Эдинбурга разработал принципы антисептики во врачебной практике. Это позволило врачам путем использования определенных веществ (карболовой кислоты, сулемы и др.), убивающих гноеродные бактерии, предупреждать заражение ран. Луи Пастеру же потребовалось 13 лет и тысячи опытов для завершения своих работ по брожению и гниению, чтобы с полной убежденностью объявить миру об универсальном законе участия

микроскопических существ во всех видах брожения.

Всю свою дальнейшую жизнь Пастер посвятил изучению микроорганизмов и поискам средств борьбы с возбудителями заразных болезней животных и человека. О своем научном преображении сам он говорил, что «упорство в научном исследовании приводит к тому, что я люблю называть инстинктом истины». Возможно, именно этот инстинкт, никогда не подводивший Пастера, привел его к самым важным для человечества открытиям.

Его теория, опровергшая идею самозарождающейся жизни, вызвала бурное возмущение церкви, которая расценила это как посягательство на ее святые устои. В устрашение студентам, вставшим на защиту своего педагога, Пастера и директора изгнали из Эколь Нормаль. Но правительству было абсолютно невыгодно терять прославленного ученого, и его назначили профессором кафедры химии в Сорбонне.

Пастер, принесший своими открытиями миллионные доходы государству только от торговли вином, мечтал о собственной, хорошо оборудованной лаборатории. Но ему еще более двадцати лет пришлось ждать необходимого для работы. За это время ученый не раз доказал, что способен репродуцировать гениальные идеи и найти им достойное применение на благо страны и людей.

В 1865 г. судьба в образе старого профессора Дюма снова постучалась в его дверь. Он предложил Пастеру превратиться в… лекаря шелковичных червей. После целого ряда неудач и разочарований ему в конце концов удалось выяснить точную причину заболеваний червей. Ими были бактерии – паразитирующая пебрина и грибок флашерия. На решение этой проблемы потребовалось 15 лет (с небольшими перерывами). В результате чего он опубликовал фундаментальный труд и научил жителей, как определять и сортировать здоровых червей и как отделять их от соприкосновения с зараженными листьями, испачканными испражнениями больных червей. Работа Пастера по заболеваниям тутового шелкопряда имела большую коммерческую ценность. Как говорили жители южной Франции, где развито шелководство, за это ему следовало бы поставить памятник из чистого золота, но и из этих прибылей он не получил ни франка для своей лаборатории.

Во время этой работы в 1868 г. с Пастером произошло несчастье – кровоизлияние в мозг. Левую половину тела частично парализовало. К нему примчались все: начиная от старых учителей и заканчивая студентами и вовсе незнакомыми людьми. И лишь Дюма, заметив блеск в глазах Луи, сказал: «Он будет жить, и он еще многое сделает для науки, для Франции, для

человечества. Вот увидите!» У Пастера и впрямь было огромное желание жить, ведь его ждала неоконченная работа. Он вернулся к научным исследованиям, жалуясь, что «продуктивность мозга значительно снизилась».

В это время Пастер наконец-то стал получать признание и от научной общественности. Он стал президентом Французского химического общества. За вклад в снижение смертности рожениц и гангренозных больных в 1873 г. Пастер был избран членом Французской медицинской академии. Но, несмотря на его многочисленные научные победы, многие биологи и врачи долго «не прощали» Пастеру его химического образования, ведь он вторгся в «заповедную» область живого, победил болезни, с которыми не справлялись врачи. Даже выдвигая его в состав академии, ученые мужи сумели уколоть Пастера: они избрали его не за успехи в изучении микроорганизмов, а за его ранние работы по стереохимии. А через два года за услуги, оказанные науке и родине, ученому присудили Национальную премию – пожизненную пенсию в размере 12 тыс. франков ежегодно (в 1883 г. увеличилась до 26 тыс. франков).

Казалось, что теперь можно было бы спокойно почивать на лаврах, но перед 50-летним Луи Пастером вдруг возникла очередная проблема, требовавшая его срочного вмешательства, – сибирская язва, а значит, и другие инфекционные заболевания. Благодаря предыдущим исследованиям ученого стали возможными уничтожение микроорганизмов и контроль микробного заражения. Эти работы Пастера показали ошибочность распространенного в медицине того времени взгляда, согласно которому любые болезни возникают либо внутри организма, либо под влиянием испорченного воздуха (миазмов). Однако, он не удовлетворился открытием причины возникновения этих болезней. Он искал надежный способ борьбы с ними. И нашел! Способ этот – прививки, в результате которых в организме создается невосприимчивость к определенному заболеванию (иммунитет).

Пастер первым в мире сформулировал и блестяще обосновал на опытах идею создания искусственного иммунитета. Ученый доказал, что болезни, которые теперь называют заразными, могут возникать только в результате заражения – проникновения в организм из внешней среды микробов, и что инфекции, вызванные стафилококком, стрептококком и пневмококком, можно предотвратить, вводя в организм ослабленные микроорганизмы. Луи Пастер создал первые вакцины против холеры у кур, сибирской язвы и рожи.

За сегодняшними успехами в области вакцинопрофилактики

стоит огромная работа Пастера – человека, наделенного лучшими качествами, которыми природа может одарить исследователя: талантом и преданностью своему делу. Во время этой работы рядом с ученым было четыре высококлассных специалиста-медика: Ру, Шамберлен, Жубер и Тюилье. Беспредельно верящие в гениальность своего руководителя, они умудрялись разными способами выполнять сумасшедшие опыты, на которых он настаивал. Пастер создал мировую научную школу микробиологов, многие из его учеников впоследствии стали крупнейшими учеными. Ученый говорил своим последователям: «Быть уверенным, что открыл важный научный факт… напрягать все силы, чтобы самому разрушить плоды своих трудов, и не провозглашать полученного результата, пока не испробовал всех ему противоречащих гипотез, – да, это тяжелый подвиг». Он призывал молодежь учиться, любить свой народ и человечество: «Скажите себе сначала: что сделал я для своего образования? Затем, по мере того как вы будете продвигаться в жизни: что сделал я для своей страны?»

И если за успешную вакцинацию животных Пастеру были благодарны крестьяне, то за методику профилактических прививок от бешенства – все человечество. Интересно, что над этой проблемой ученый работал практически «вслепую»: возбудитель бешенства – фильтрующийся вирус – был даже не видим в микроскоп (его обнаружили лишь в 1903 г.). Однако Пастер считал: «Вовсе не обязательно нам видеть возбудителя болезни – важно знать, что он существует, и установить, где именно обитает. Мы будем выделять этот яд, не думая о том, как он мог бы выглядеть под микроскопом, если бы нам удалось его увидеть. В этом есть даже некоторая доля поэзии: пусть наша незнакомка так и останется незнакомкой, лишь бы она полюбила нас…»

При разработке вакцины против бешенства Пастер использовал особым образом высушенный мозг зараженных бешенством кроликов. Многочисленные опыты на животных дали положительные результаты, но испытать это средство на людях ученый никак не мог решиться. Сначала Пастер даже подумывал о том, чтобы привить ослабленный яд бешенства всем собакам во Франции. Но потом он понял, что это невозможно и четырнадцать прививок надо делать не собакам, а людям, укушенным бешеной собакой. В лабораторию Пастера начали приходить письма с просьбой прислать вакцину для лечения. Но Пастер все никак не мог решиться, опасаясь смертельного исхода для человека. Он даже хотел ввести вакцину себе.

И тут случай положил конец его колебаниям. 6 июля 1885 г.

одна убитая горем женщина привезла к Пастеру из Эльзаса своего сына Жозефа Мейстера, искусанного бешеной собакой два дня назад. Мальчик был обречен на неминуемую смерть. Пастер ценой невероятных моральных мучений решился испробовать на нем свою прививку. Трудно дался ему этот опыт. Он проводил ночи без сна, надежда сменялась отчаянием, пока не были сделаны все прививки. Но как он был счастлив, когда ребенок остался жив и здоров! Его научное предвидение оправдалось, и путь к спасению сотен и тысяч жизней был открыт. Люди поверили Пастеру. Теперь укушенные страдальцы со всех концов света стали стекаться в лабораторию этого волшебника на улице д'Юльм.

Так, 13 марта следующего года на улицах Парижа появилось 19 искусанных смоленских крестьян, которые повторяли только одно слово – «Пастер». Ученый пошел на большой риск, ведь со времени трагедии прошло две недели. Он решил удвоить русским прививки – делать их утром и вечером. Умерло три человека, а остальные выжили и выздоровели. И сами, не веря в свое спасение, славя Пастера, отбыли на родину. Там их встретили как воскресших из мертвых.

Весь мир признал новое открытие ученого. Его лаборатория на время превратилась в фабрику по производству вакцин. В разных странах появились пастеровские станции, делающие прививки против бешенства. Первая из них открылась в Одессе 12 июня 1886 г., и здесь работали такие выдающиеся русские ученые, ученики Пастера, как Илья Ильич Мечников и Николай Федорович Гамалея.

Восторженные почитатели Пастера со всего мира перечислили два с половиной миллиона франков на строительство лаборатории для ученого, а обезумевшая от восторга Франция признала его своим достойнейшим сыном и наградила орденом Почетного легиона. Но даже теперь государство не пошло на уступки, и Пастеру пришлось покупать землю под строительство. Ученому и его последователям еще долго пришлось вести борьбу за признание нового способа предупреждения заразных болезней. Пастера упрекали в том, что он опровергает научные взгляды, существовавшие столетиями, подвергали сомнению его опыты. Достаточно было одной неудачи, чтобы получить обвинение в том, что он своими прививками заражает и убивает людей. Все это не могло не отразиться на его здоровье, и, когда в Париже в 1886 г. все же было начато столь долгожданное строительство, Пастера настиг второй инсульт с расстройством речи. Теперь он все больше времени вынужден был проводить вне лаборатории.

Торжественное открытие первоклассного Пастеровского института – нового храма науки на улице Дюто – состоялось 14 ноября 1888 г. В большом зале библиотеки нового института собралось множество народа. Пастер пришел в сопровождении всей семьи, взволнованный и бледный, с красными от бессонницы глазами и измученным, утомленным лицом. Он уже с трудом говорил. В гулкой тишине зала раздавались слова великого ученого: «В мире борются два противоположных закона: один – закон крови и смерти, который каждый день придумывает все новые способы войны, который заставляет людей быть постоянно готовыми идти на поля сражения, и второй закон – закон мира, труда и благоденствия, который ставит себе целью избавить человечество от преследующих его несчастий. Этот второй закон, которому подчиняемся все мы, стремится даже во время жестоких войн спасти многочисленные жертвы этих войн». Пастер старался скрыть от посторонних слезы горечи и старческого бессилия, непрестанно навертывавшиеся на глаза, – работать в институте, названном его именем, он был уже не в состоянии.

27 декабря 1892 г. в Сорбонне состоялось празднование 70-летнего юбилея Пастера. Он был настолько растроган, что голос изменил ему и ответную речь зачитал сын. Это были проникновенные слова старого ученого, дожившего до апогея своей славы. Он вспоминал весь пройденный путь и всех тех, кого уже не было рядом в столь знаменательный день, но кто помог ему пройти этот путь. Он говорил о юношах, пришедших в науку, и завещал им свою самоотверженную любовь к ней и свое безмерно критическое отношение к собственным трудам. Отныне Пастер жил только радостью от чужих достижений.

Тяжелейший приступ уремии и третий инсульт унесли жизнь великого ученого 28 сентября 1895 г. в Вильнев л'Этане, куда он уехал на отдых. Рядом с ним в последние часы были верная мадам Пастер, родные и ученики.

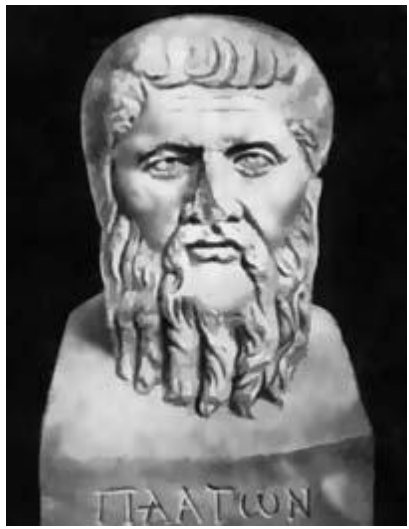
Дух гения, совершившего переворот в химии, микробиологии, медицине, хирургии и гигиене, продолжает жить и по сей день. На всех континентах появились институты, носящие имя Пастера. На принципе вакцинации, разработанной ученым, основана вся теория и практика борьбы с заразными болезнями человека, животных и растений. Руководствуясь основными ее положениями, его последователи сумели разработать вакцины против таких страшных заболеваний, как тиф, дифтерия и полиомиелит. Но Пастер был первым. Его величие не только в открытиях, имеющих для человечества огромное значение. Вся его жизнь и деятельность – необыкновенно яркий пример беззаветного служения науке и упорства в достижении высоких

целей. Достижения же Пастера отражены скупыми словами на мемориальной доске у входа в его первую лабораторию на улице д'Юльм:

ЗДЕСЬ БЫЛА ЛАБОРАТОРИЯ ПАСТЕРА
1857 год Брожение
1860 год Самопроизвольное зарождение
1865 год Болезни вина и пива
1868 год Болезни шелковичных червей
1881 год Инфекция и вакцины
1885 год Бешенство

Платон

Настоящее имя – Аристокл (род. в 427 г. до н. э. – ум. в 347 г. до н. э.)



Древнегреческий философ-идеалист, родоначальник европейской философии. Основоположник школы платонизма. Создатель учения – первой классической формы объективного идеализма и жанра литературного и философского диалога. Автор многих философских трудов.

Платон стал первым, кто возвел философию в ранг «царицы всех наук» и сделал ее одной из наиболее влиятельных на общественную жизнь. Вот уже более двух тысячелетий сочинения великого афинского мудреца комментируют лучшие умы Запада и Востока, на его идеях построено множество нравственных, социальных, культурных и политических теорий, его авторитет непререкаем для философа любого толка – от закоренелых марксистов до субъективных идеалистов. Это точно выразил Цицерон в «Тускуланских беседах»: «Если бы Платон и никакого не приводил довода – я так высоко ценю его, что он убедил бы меня одним своим авторитетом».

Платон (Аристокл) родился в 427 г. до н. э. на острове Эгина, а детство и юность провел в Афинах, участвовавших в то время в кровопролитной Пелопонесской войне. Семья Аристокла (прозвище Платон – Широкоплечий – было дано ему в молодости за мощное телосложение) была знатной и древней. Со стороны его отца, Аристона, род восходил к последнему из царей Аттики – Кодру; мать, Периктиона, была в кровном родстве с мудрецом и

законодателем Афин Солоном. Но ни сам Платон, ни его родные братья Главкон и Адимант, ни его сводный брат Антифонт не занимались государственными делами и не стремились занять важный пост в управлении полисом. Все они любили книги, стихи, дружили с философами.

Существует легенда о том, что Периктионе еще до рождения сына однажды ночью явился призрак бога Аполлона, возвестивший о грядущем появлении на свет избранного божеством ребенка. А когда Платон родился и его отнесли в святилище, чтобы принести за него жертву богам, в храм слетелся рой пчел, наполнивший рот младенца нектаром. Этот эпизод сродни словам слепца Гомера, написавшего о мудром сладкоречивом старце Несторе: «Речь у него с языка стекала, как сладкий мед».

По традиции Платона, богатого наследника, отдали в обучение известным тогда учителям. Словесную науку он постигал с Дионисием, музыку с Драконтом, гимнастикой занимался с Аристоклом из Аргоса. Как писал историк Олимпиадор, «таковы были три предмета обучения в Афинах – словесность, музыка и палестра, и не без цели, ибо знание словесности развивало разум, музыка смягчала душу, а занятия в палестре и гимнасии укрепляли тело против праздной похоти». Кроме того, учился юноша у живописцев и трагиков, поскольку те считались наставниками всей Эллады. В молодости он сам не чуждался спутниц Аполлона – муз, сочиняя дифирамбы Дионису, увлекаясь комедиями Аристофана и трагедиями Софокла и сочиняя на них эпиграммы.

В 408 г. до н. э. двадцатилетний Платон собрался участвовать в соревновании как автор трагедии. Однако волею судьбы его дарованию трагика так и не дано было увидеть свет. Случайно перед театром Дионисия он услышал Сократа, полемизирующего с группой афинян. Встреча эта перевернула всю привычную жизнь молодого человека. Согласно легенде, сила сократовского слова настолько потрясла его, что после первого же разговора с ним Платон сжег свою трагическую тетралогию и примкнул к последователям знаменитого философа. Сократ с радостью принял нового ученика. Незадолго до этой встречи ему приснилось, что с его колен слетает в небо прекрасный лебедь: сон этот был истолкован как грядущая слава его питомца. Предсказание исполнилось: Платон стал не менее знаменит, чем его учитель.

Надо сказать, что с философией Платон был знаком еще до встречи с Сократом. Есть свидетельства, что он учился у Кратила, последователя Гераклита, утверждавшего, что в одну реку нельзя

войти дважды. Правда, Платон недолго пробыл в школе Кратила, а впоследствии высказывался о его учении с очевидной иронией.

На смену увлечению изящными искусствами пришла философия. Вместе с учителем Платон бродил по афинским улицам, постигая искусство «майовтики» – науки нахождения истины и следования ей. Сократ стал для Платона не просто учителем, но «даром небес», самой судьбой. Он дал Платону то, чего ему так не хватало: твердую веру в существование истины и высших ценностей жизни, которые познаются через приобщение к благу и красоте трудным путем внутреннего самосовершенствования. Годы ученичества обернулись для начинающего философа дорогой длиною в жизнь. Они было буквально пронизаны поиском истины, смысла жизни, постоянной ориентацией на идеальный образ человека, который воплощал саму справедливость. Девять лет не расставался Платон с любимым учителем, философия которого наложила яркий отпечаток на последующее мировоззрение Платона.

Но когда в Афинах установилась тирания, возглавляемая двоюродным братом Платона Критием, Сократ был казнен в афинской тюрьме (399 г. до н. э.). После смерти учителя Платон перебрался в Мегару к Евклиду (философу, а не математику), у которого на первых порах собрались ученики Сократа. Настоящему философу, по старинной традиции, полагалось набираться мудрости у тех, кто хранил ее с древнейших времен. Поэтому Платон отправился в длительное путешествие, посетив сначала Сицилию и Сиракузы, побывал в Северной Африке, в Кирене, откуда был родом математик Феодор, дававший когда-то уроки математики Сократу. Он также посетил Египет, где беседовал со жрецами, у финикиян учился искусству магии, в Иудее познакомился с религиозным учением древних евреев, а в Вавилоне изучал астрономию.

Это путешествие, полное приключений и знаменательных встреч, продлилось десять лет и завершилось опять-таки на Сицилии, в Сиракузах, где правил Дионисий I Старший. Здесь Платон сблизился с родственником тирана Дионом и оказал на его воззрения огромное влияние, за что и попал в немилость к правителю. Зная жестокость и вероломство Дионисия, Дион решил немедленно отправить философа домой. На корабле спартанского посла Поллида Платон отплыл из Сиракуз, не подозревая, что тот получил тайный приказ убить его, когда судно выйдет в открытое море, или, в крайнем случае, продать в рабство. Возможно, Платону так и пришлось бы провести в неволе остаток жизни, если бы житель Эгины, Анникерид, случайно не повстречал Поллида и не узнал в невольнике известного

философа. Он выкупил его за 20 или 30 мин и немедленно отпустил на свободу.

Существует версия, что друзья Платона хотели вернуть Анникериду потраченные им деньги, но тот благородно отказался. Тогда друзья вручили их Платону. Так он неожиданно стал обладателем солидной суммы и, вернувшись в Афины после долгих лет странствий, купил на северо-западной окраине города в шести стадиях от главных, Дипилонских, ворот дом с садом Академа, где и поселился. Умудренный опытом Платон еще дважды (в 367 и 361 гг. до н. э.) по просьбе Диона побывал при дворе сиракузских тиранов в надежде, что новый правитель Дионисий Младший легче подвергнется его влиянию и он таким образом воплотит в жизнь свою мечту о философе на троне и о государстве, управляемом мудрым и справедливым царем. Но эта миссия не удалась.

Возможно, общение с Дионом вдохновило его по возвращении в Афины создать первую философскую школу, получившую впоследствии название «Академия», где он преподавал до самой смерти. Она располагалась в роще древнего героя Академа и была под его покровительством. Здесь когда-то находилось святилище богини мудрости Афины, и земля эта, по преданию, была подарена герою легендарным царем Тесеем. Так, в 387 г. до н. э. возникла платоновская Академия, просуществовавшая до окончания эпохи античности. Здесь, по замыслу 40-летнего философа, должны были воспитываться истинные мудрецы, предназначение которых – управление государством. Молодые дарования овладевали дотоле неведомыми науками – диалектикой, аналитикой, методологией, философией, индуктивным и дедуктивным способами познания.

Вскоре вокруг Платона собрались многочисленные ученики. Часть из них пришла в Академию для изучения наук, но большинство – для получения общего образования и подготовки к политической деятельности. Это были юноши из состоятельных фамилий. Впоследствии школа Платона стала крупным центром развития греческой математики, в изучении которой основатель Академии видел острую необходимость. С годами, когда произошло его сближение с пифагорейцами, развивавшими математическое естествознание, взгляд Платона на математику укрепился еще больше.

Приобщившись к мудрости других народов, Платон вырос в глазах современников и как наставник молодежи, и как личность. С одной стороны, он отказался от сократовской иронии и обычая бродить по улицам и базарам, затевая разговоры с первым встречным, а с другой – не принял и важной надменности

пифагорейцев с их строгими правилами не допускать к себе посторонних. Общительность и доброжелательность сократовского ученика были так притягательны, что в его Академию приходили не только мужчины, но и женщины, переодевшиеся в мужское платье. С тех давних пор академические занятия превратились в наилучший способ овладения как науками, так и искусством.

Разочаровавшись в своей попытке изменить стиль правления сиракузских тиранов, Платон, по словам философа Диогена Лаэртского, «более делами государственными не занимался, хотя из сочинений его видно, что он был государственным человеком». Остаток жизни он посвятил философским и научным занятиям в Академии и работе над своими знаменитыми «Диалогами». Платон был первым крупнейшим философом, сочинения которого почти полностью дошли до нас. Его наследие включает 34 диалога (хотя некоторые и считаются неподлинными), «Апологию Сократа» и 13 писем. Все сочинения поделены на девять тетралогий, которые наглядно демонстрируют развитие философии Платона. Их авторство и хронологию долго и тщательно исследовали, начиная еще с эпохи эллинизма, породив в буквальном смысле слова необозримую специальную литературу, посвященную «платоновскому вопросу».

Свои философские взгляды Платон излагал не в форме трактатов, а в жанре драматических диалогов, основателем которых он считается. Написаны они чрезвычайно живо и изящно. Со времен Платона прошли тысячелетия, но люди по сути своей изменились мало, и истина по-прежнему рождается в споре. Философ разрабатывал теорию красноречия и подчеркивал, что риторика, как и всякое подлинное искусство, есть творческая деятельность. Он считал, что оратор должен не гоняться за чужими мнениями, а сам постигать истину того, о чем он собирается говорить или писать; правильная, истинная, точная речь должна исходить из подлинного определения своего объекта, предмета речи. По мнению Платона, искусство оратора во многом зависит от способности, охватив все общим взглядом, возвести к единой общей идее разрозненные объекты речи и разделить все на виды, на естественные составные части. Он также очень ценил умение возводить частное к общему и из общего получать частное: «Тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего определить свой путь в нем и уловить, в чем признак каждой его разновидности».

Форма диалога казалась Платону наиболее подходящей для представления своих философских умозаключений. Часть из них написана в драматической форме и являет собой блестящие

сцены из интеллектуальной жизни Афин. Действующие лица – это философы с ярко очерченными характерами: Сократ, софисты, поэты, рапсоды, политики. Труды Платона в равной степени принадлежат и древнегреческой философии, и литературе (особенно «Федр», «Пир», «Федон»). Их прекрасный стиль, выдержанная композиция, живые, полные неожиданных поворотов и напряжения диалоги, а также поэтическое воображение и полет мысли стали образцом, нашли многочисленных подражателей и оказали огромное влияние как на европейскую философию, так и на литературу.

В диалогах раннего периода («Хармид», «Лахес», «Эвтифрон», «Критон», «Протагор», «Горгий», «Менон» и др.), так называемых сократических, главную роль играет Сократ. Свои философские изыскания Платон начал с утверждения, что существовавшие до сих пор греческие философские теории не могут быть истинными, поскольку они противоречат друг другу. Дифференцируя этические понятия вместе со своими собеседниками, он указывает, какие определения не следует принимать за истинные, разбивает аргументы противника, возобновляет попытки создать собственные верные определения, но ни одна из них его не удовлетворяет, и, в конце концов, философ оставляет вопросы открытыми. И здесь еще нет речи об идеях.

Диалоги среднего периода представляются наиболее зрелыми в художественном отношении («Кратил», «Пир», «Федон» и первая книга «Государства»). Их отличают четкость композиции и поэтическое вдохновение. Платон формулирует в них принципы своего идеализма, выразителем которого он делает Сократа.

Произведения позднего периода называют платоническими («Парменид», «Теэтет», «Федр», остальные книги «Государства»), и они уже содержат модифицированное учение об идеях. Сократу в них отводится лишь роль слушателя. А в некоторых диалогах этого периода («Законы», «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей», «Критий») он и вовсе не появляется. Изменяется стиль платоновских сочинений, а язык изобилует частицами и фразеологическими оборотами.

И все же к учению об идеях Платона привела дорога, указанная Сократом, который учил, что обязательно нужно уяснить для себя, чем является каждая вещь, о которой говорится, и дать ей определение. В сократовских этических дефинициях согласно Платону заключалась вечная истина. Они являются «образцами» для мира вещей. Платон распространил эти черты неизменности и «образцовости» на все понятия. Например, предметами понятия «прекрасное» не могут быть прекрасные вещи, ибо они изменчивы и разнородны. Следовательно, должно

существовать непостигаемое напрямую, единое и неизменное «прекрасное в себе» – идея прекрасного. Так как все вещи бывают высшими или низшими, то в мире идей тоже есть иерархия – от низших до все более всеохватных и высших идей, а на вершине – главная – идея добра-красоты. Существует также два мира: познаваемый чувствами, бренный и изменчивый (вещи), и познаваемый разумом, вечный и неизменный (идеи). Идеи поистине существуют, вещи же только «являются», они – тени идеи. Платон также говорит о том, что трудно связать мир идей с миром чувственно воспринимаемых предметов.

Философ четко разграничивает четыре вида сущего: беспредельное – материя; предельное – идеи; смешанное – мир явлений – и причина этого смешения – ум, живущий в душе. Мир, по Платону, как и человек, обладает не только телом, но и душой, а мировая душа является тем самым связующим звеном между миром идей и миром явлений. Ум, который в «Тимее» философ называет демиургом, формирует из пассивной материи мир явлений, который представляется лишь отражением мира идей. «Тимей» – один из самых прославленных и чаще всего комментируемых платоновских диалогов.

Платон приходит к выводу, что на идеях покоится все познание, из них состоит и такая наука, как математика. Плохим геометром оказался бы тот, кто вносил бы в математические отношения чувственное восприятие, т. е. только то, что можно увидеть или пощупать руками. Следовательно, мы обладаем идеями, исходящими не от изменчивой природы, а от духа. Они несут в себе печать вечной истины.

В «Тимее» также с особой яркостью отразились мистические воззрения философа. Платоновская космология изображает драму возникновения мира. Знакомясь с ней, человек приходит к познанию первоначальной силы, благодаря которой возникает бытие: «Трудно найти создателя и отца этой Вселенной. Но и найдя его, невозможно выразиться на языке, понятном для всех». Платон знал, что подразумевается под этой невозможностью. Он имел в виду идею Бога. Творец не присутствует в чувственно постигаемом. Благодаря чувствам мы можем видеть одну природу. Только тот может приблизиться к Богу, кто пробудит в себе божественное. Познание и есть воскресение, освобождение Бога.

Так же, как Платон различал два мира, он различал и два рода познания: чувствами и умом. При помощи чувств мы познаем окружающий нас действительный мир. Идеи же воспринимаются умом, который Платон называл «оком души». Чувственному и дискурсивному познанию Платон

противопоставил познание интуитивное. Много внимания уделил он проблеме души и обоснованию ее бессмертия (знаменитая теория анамнеза). С одной стороны, Платону дорог мир чувственный, созерцательный, с другой – он более чем неравнодушен к области идеального, той единственной реальности, которую душа может познать только умозрительно.

Согласно учению Платона, душа, обреченная на блуждание во тьме, т. е. в оболочке телесного, в сфере чувственных иллюзий, в определенный момент вырывается из темницы и устремляется в совершенно иные измерения и пространства. Как же описывает Платон странствия души до ее заключения в темницу тела? В трактате «Федр» душа представлена в образах двух крылатых лошадей, запряженных в одну упряжку. Одна – белая, стремящаяся к славе, величию, добру, символизирует наши благородные устремления, жажду красоты и совершенства. Другая лошадь темная, уродливая: у нее короткая шея, налитые кровью глаза, спутанная грива. Она склонна к буйству и с трудом повинуется узде. Это наши низменные инстинкты, порождающие зло и несправедливость.

Есть у этой символической пары и возница, который олицетворяет лучшее в человеке, – разум, управляющий двумя крылатыми существами. Следуя за божественными устремлениями, мы можем вознестись к небесным сферам, Абсолюту, где царствуют вечные идеи, красота и справедливость. Большинство человеческих душ лишь на короткий миг способно заметить подлинную мудрость. Под тяжестью земных материальных сил они постоянно теряют крылья и падают вниз. Но если вспомнить о том, где, в каких высотах находилась ранее душа, то можно снова подняться на вершину собственного величия. Платон представляет земную жизнь как место изгнания, переходное состояние, а смерть – как дверь в сферы искупления и возмездия. Вместе с орфиками и пифагорейцами он провозглашает бессмертие души. Бессмертие души было наиболее вдохновенной темой его рассуждений о мистицизме и важнейшим новаторским принципом платоновской веры по отношению к предшествующей эллинской традиции.

Как верный ученик Сократа, Платон уделял особенно большое внимание этическим вопросам. Его деятельность в Академии, которая стала школой будущих политиков и юристов, три его путешествия в Сиракузы и два величайших произведения – «Государство» и «Законы» – свидетельствуют, что одну из главных задач своей жизни он видел в работе по исправлению государственного устройства. В этих трудах философ полнее всего представил теорию идеального государства, которое

должно служить идеям мира и справедливости. Согласно Платону, идеальная государственная система обладает чертами нравственной и политической организации и направлена на решение важных задач: защиту государства от врагов, осуществление материального обеспечения граждан, развитие духовной культуры общества. В соответствии с тремя основными функциями государства (управление, защита и производство материальных благ) философ делит население на три касты: правящие мудрецы-философы, воины и простой народ. Справедливое устройство общества должно обеспечить их гармоничное сосуществование. А закон обязан это гарантировать, ибо «ничто так не способствует людской добродетели, как законодательство».

В книге «Государство» – родоначальнице всех позднейших социальных утопий – ярко сказалась аристократическая ограниченность взглядов Платона. Философ, считая коммунистический строй наиболее благоприятным для создания высшего типа человеческой жизни, требует введения его только для двух высших господствующих сословий, которых должен содержать и кормить народ – земледельцы, ремесленники, торговцы. И все же Платона можно считать одним из первых философов, который в систематической форме представил свое понимание государства.

Платон во многом был первым. Именно он два с половиной тысячелетия назад, в IV в. до н. э., в диалогах «Тимей» и «Критий» привел семейное предание – легенду о загадочной стране атлантов, которая будто бы располагалась в Атлантическом океане, между Европой, Африкой и Америкой. Заметьте, о противолежащем материке Платон написал за восемнадцать столетий до Колумба. А в свое доказательство философ привел удивительные для того времени слова: «Вы [греки] храните память только об одном потопе, а ведь их было много до этого».

Академия Платона была союзом мудрецов, служивших Аполлону и музам. Его дом назывался «домом муз» – «мусейоном». Здесь был дан толчок стремительному развитию философии. Двадцать лет не отходил от учителя Аристотель. Во многом он пошел дальше Платона, но в идеалистической диалектике, ставшей вершиной античной диалектической мысли, подняться выше его не сумел. И к той форме диалектики, которая развивалась Платоном, всерьез вернется только Гегель в начале XIX века.

А любимейшим учеником Платона был Филипп Опунтский, который собственноручно переписал огромное сочинение «Законы», оставленное учителем перед смертью в черновом виде

на восковых дощечках. Философ еще при жизни назначил своим преемником в Академии племянника Спевсиппа, сына своей сестры Потоны. Легенда гласит, что незадолго до кончины Платон увидел во сне, будто превратился в лебедя, летает с дерева на дерево и доставляет много хлопот птицеловам. Это было истолковано так: Платон останется неуловим для тех, кто захочет его толковать, ибо птицеловам подобны толкователи, старающиеся выследить мысли древних авторов, неуловим же он потому, что его сочинения допускают самые разные толкования: и физическое, и этическое, и теологическое, и множество иных.

Умер Платон в 347 г. до н. э. в восьмидесятилетием возрасте, по преданию, в день своего рождения. Его похоронили в саду Академии.

Платон говорил, что страсть к славе – это последнее одеяние, которое мы сбрасываем с себя, умирая, но эта страсть проявляется в нашей последней воле, в похоронах и надгробиях. Его завещание оказалось крайне скромным. Выполнить последнюю волю философа надлежало племяннику Спевсиппу и еще шести душеприказчикам. За свою долгую жизнь он приобрел всего два небольших имения, оставив одно своему ближайшему родичу Адиманту, а другое – на усмотрение друзей. Денег было всего три мины, да еще две серебряные чаши, золотой перстень и золотая серьга. После смерти хозяина остались четыре раба, а рабыню Артемиду он отпустил на волю по завещанию. И еще в нем была приписка – «долга никому не имею». В Академии перс Митридат, будущий царь, воздвиг статую Платона с надписью: “Митридат персидский, сын Водобата, посвящает музам этот образ Платона, работу Силаниона”. Афиняне же поставили памятник философу недалеко от его Академии.

Платон совершил грандиозный переворот в философии. Он подошел к бытию так, как никто раньше не подходил, попытавшись увидеть его внешние и внутренние причины. В теории философии такой метод получил название диалектического. Если иметь в виду, что до этого в этой области господствовал вначале физический метод познания (до Сократа), а затем эпический (Сократ), то станет понятно, какое значение имела диалектика для последующего развития философской мысли. С платоновского истолкования бытия как идеи начинается метафизика. На ней впоследствии стала строиться вся западная философия. Идеализм из философского понятия превратился в главенствующее мировое учение, по которому все бытие находится в идее. Метафизика, идеализм, платонизм – понятия, по сути, равнозначные.

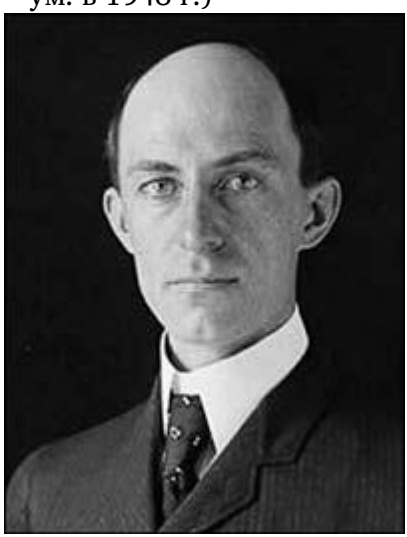
Значение Платона и его влияние на мировую философию

оказалось настолько огромным, что отнюдь не преувеличенно звучат слова английского философа и математика XX в. Альфреда Норта Уайтхеда: «Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет собой лишь ряд примечаний к Платону».

Райт Уилбер, Райт Орвилл

РАЙТ УИЛБЕР
(род. в 1867 г. – ум. в 1912 г.)

РАЙТ ОРВИЛЛ
(род. в 1871 г. – ум. в 1948 г.)



Американские изобретатели, авиаконструкторы и летчики. Первыми в мире совершили полет на созданном ими самолете с двигателем внутреннего сгорания, а также первый полет на самолете с пассажирами на борту. Разработанные ими принципы управления воздушным судном оставались главными законами пилотажа в течение последующих 50 лет.

Идея авиации – одна из самых древних в истории человечества. В мифах, преданиях, исторических хрониках можно найти свидетельства о множестве предпринятых в разные века попытках человека осуществить свою давнюю мечту – подняться в небо и лететь подобно птице. Но все это были дилетантские предприятия, которые основывались скорее на энтузиазме, чем на расчете, а потому они неизменно заканчивались неудачей.

Прямыми предшественниками всех современных самолетов следует считать игрушечные аэропланы Пено, которые он строил с 1871 г. и запускал с помощью резиновых моторчиков. Эти модели были первым зримым доказательством того, что аппараты тяжелее воздуха вообще способны летать. Впрочем, прошло еще 30 лет, прежде чем удалось создать самолет, способный поднять в небо человека. В конце XIX ст. в разных странах было сделано несколько попыток сооружения больших аэропланов с мощными двигателями. В 1894 г. огромный самолет с размахом крыльев 31,5 м и весом около 3,5 т попытался поднять в воздух известный изобретатель станкового пулемета Хайрам Максим. Но при первой же попытке машина разбилась. Максим, потративший на свой опыт 20 тыс. фунтов стерлингов, к сооружению самолетов больше не возвращался.

Известный американский ученый Самюэль Лэнгли, получив от правительства США 50 тыс. долларов, построил несколько больших летательных аппаратов, которые, однако, также неизменно разбивались при каждой попытке поднять их в воздух. Во Франции подобными экспериментами и с тем же успехом занимался в конце 1890-х гг. инженер Клеман Адер. Истратив на его аппараты около 500 тысяч франков, французское правительство в конце концов отказало изобретателю в дальнейших субсидиях. В целом путь, избранный этими изобретателями, оказался тупиковым.

Дальнейшее развитие воздухоплавания пошло по дороге, которую указал Отто Лилиенталь. В то время как другие безуспешно уделяли все внимание моторному полету, немецкий изобретатель поставил перед собой цель постигнуть прежде всего секрет безмоторного парящего полета. Вместо дорогостоящих машин он строил легкие планеры и упорно работал над их совершенствованием. Однако в августе 1896 г. во время одного из своих полетов, подхваченный резким порывом ветра, Лилиенталь упал с высоты 15 м и сломал позвоночник. В тот же день он умер. В зарождающемся авиастроении на несколько лет установилось глухое затишье…

Утро 17 декабря 1903 г. на побережье Атлантического океана выдалось пасмурным и холодным. Порывистый ветер с океана

уныло свистел в щелях дощатого сарая, где братья Уилбер и Орвилл Райт заканчивали последние приготовления к полету своей крылатой машины. Наспех перекусив, братья распахнули широкие двери сарая. Вдали за песчаной косой мыса у поселка Китти Хок, штат Северная Каролина, неугомонно рокотал прибой. Первое желание было – закрыть двери и погреться у жаровни, потому как ветер донимал вовсю. Однако братьям хотелось побыстрее испытать свое творение, и неунывающий весельчак Орвилл, взглянув на старшего, Уилбера, прочитал в его глазах согласие. Тогда он потянул за шнурок, и над сараем на высоком шесте взвился небольшой флаг. Это был условный сигнал.

Вдали, на песчаной дюне, где размещалась небольшая спасательная станция, сигнал был замечен, и братья, не дожидаясь прихода помощников, сами вытащили из сарая свой аэроплан.

Рядом с сараем возвышалась деревянная вышка, от которой Орвилл и Уилбер строго против ветра уложили деревянный рельс длиною около 40 метров. Помощники не сразу сообразили, для чего это было сделано. Но вот братья водрузили на рельс двухколесную тележку на велосипедных втулках, а на нее установили аэроплан. Дальше Уилбер с помощниками поднял на вышку подвешенный на блоке довольно тяжелый груз, а потом от него, опять же через блоки, протянул веревку к тележке. Вся эта конструкция напоминала катапульту и предназначалась для взлета: ведь у самолета не было колес, а для посадки снизу были приспособлены деревянные полозья.

Уилбер помог запустить двигатель, и, пока тот прогревался, Орвилл улегся рядом с ревущим мотором в пилотскую люльку и еще раз приноровился к рычагам управления. Наконец он поднял вверх руку – «Готов». Тогда старший брат отпустил рычаг тормоза. Груз на вышке сорвался со стопора, заскрипели блоки. Аэроплан вместе с тележкой тронулся с места и, набирая скорость, устремился по рельсу вперед. Уилбер, пробежав несколько шагов, выпустил крыло и застыл на месте. Помощники тоже с напряженным вниманием следили за разбегом и вдруг увидели, как аэроплан оторвался от тележки и взмыл в воздух. Он летел неуверенно, словно едва оперившийся птенец, то взмывая на 3–4 метра вверх, то опускаясь к самой земле. Но летел!

Наконец самолет клюнул носом и опустился полозьями на песок. Уилбер щелкнул секундомером и взглянул на циферблат. Полет продолжался всего 12 секунд: «Правда, очень недолго, если сравнить его с полетом птиц. Но это был первый случай в мировой истории, когда машина, несущая на себе человека, поднялась собственной силой на воздух, в свободном полете

прошла известное горизонтальное расстояние, нисколько не уменьшая своей скорости, и, наконец, спустилась на землю без повреждений». И хотя «известное расстояние» равнялось всего лишь 37 м, именно с него начался победный путь летающих аппаратов тяжелее воздуха…

Уилбер Райт родился 16 апреля 1867 г. близ Милвилла, штат Индиана, а его брат Орвилл – 19 августа 1871 г. в Дейтоне, штат Огайо. Их отец, Мильтон Райт, был епископом протестантской Объединенной братской церкви, и семье приходилось часто менять место жительства в штатах Айова, Индиана и Огайо. Отец поощрял интерес сыновей к науке и технике, что позднее, несомненно, им помогло. Мать, Сюзанна Райт, как утверждали современники, имела талант механика и характеризовалась окружающими как человек, «способный починить что угодно». В общем, с наследственностью у братьев было все в порядке.

Уилбер и Орвилл были единственными в семье Райт, кто не получил образования в колледже. Уилбер сильно пострадал во время игры в хоккей как раз накануне экзаменов и три последующих года восстанавливал здоровье. Все это время он ухаживал за больной матерью, которая в 1889 г. умерла от туберкулеза. На следующий год Орвилл, который интересовался печатным делом, предложил Уилберу создать типографию. В своей мастерской братья выпускали не только книги, но и периодические издания. Кроме того, они постоянно совершенствовали печатные станки и вскоре начали их продавать. Разработка типографских станков стала лишь одной из областей применения изобретательских способностей Райтов.

В 1892 г., с приходом в США моды на велосипеды, они основали собственное предприятие вначале по продаже и ремонту, а позднее и по выпуску двухколесных машин. Кроме того, они изобрели механизм автоматического смазывания велосипедных колес и систему освещения. Предприятие было успешным, но в 1896 г. братья свернули бизнес, намереваясь посвятить себя авиации, мода на которую сменила велосипедную лихорадку. Накопленные средства позволили им быть самостоятельными в своих изысканиях, в отличие от большинства пионеров авиастроения, работавших на государственные или спонсорские деньги.

Кроме финансирования, велосипедный бизнес дал братьям и необходимый инженерный опыт. В своей мастерской они организовали лабораторию, где приступили к изучению отчетов о попытках создания аппаратов тяжелее воздуха. Данные были в целом малоутешительными. Лучом надежды был О. Лилиенталь, чьи успешные полеты на планерах давали надежду на прогресс.

Его теоретические работы и практика полетов содержали ценнейший опыт в области теории полета, и в частности в разработке профилей крыла.

Считается, что именно отчеты Лилиенталя за 1895 г. об успешных полетах вдохновили братьев на дальнейшие изыскания в области авиастроения. Узнав о гибели ученого, они решили продолжить его работы. В мае 1899 г. братья Райт обратились в Смитсоновский институт с просьбой предоставить всю возможную информацию о публикациях в области аэродинамики, поскольку публичная библиотека Дейтона уже не могла удовлетворить их потребности. Присланный список книг и статей включал также труды профессора С. Лэнгли. Он имел успешный опыт создания моделей самолетов и в то время работал над полноразмерным аппаратом. Уверенность профессора в успехе создания крылатых машин тяжелее воздуха воодушевила братьев. Неудивительно, что через некоторое время их дороги пересеклись.

Итак, братьям Райт предстояло понять, почему модели самолетов летали, а полноразмерные аппараты не могли оторваться от земли. Первая проблема была в «тяговооруженности» – для самолета, который был в два раза тяжелее своей модели, нужен был в 8 раз более мощный и одновременно легкий двигатель. Таких двигателей в то время попросту не существовало. Кроме того, в дополнение к проблеме мощного и одновременно легкого двигателя оставалась нерешенной проблема эффективного винта – ранние образцы были чудовищно громоздкими устройствами, имели большой вес и низкий КПД. И еще одним, пожалуй, главным препятствием была существовавшая на то время система управления аэропланом. Все ранние опыты ее создания строились на основе довольно умозрительного предположения о так называемой «присущей» устойчивости самолета, т. е. предполагалось, что машина летит сама, а пилот при необходимости вмешивается в управление, балансируя своим телом. Именно неэффективность балансирной системы управления погубила Лилиенталя, когда порыв ветра перевернул его планер и пилот не смог компенсировать поворот своим весом. Кроме того, ранние экспериментаторы, например Адер, слишком увлекались подражанием живой природе, пытаясь копировать крылья птиц или летучих мышей. Для самолета явно требовалась иная конструкция.

После многих лет, потраченных на осознание и осмысление этих проблем (что уже было достижением), братья Райт приступили к конструированию своей летающей машины. Важным фактором, который был необходим для достижения

успеха, они считали опыт пилотирования, которого не имело абсолютное большинство экспериментаторов. Они строили машины и сами их разбивали. Уилбер по этому поводу говорил: «Если вы ищете безопасности, то лучшее для вас – сидеть на заборе и смотреть на птичек. Но если вы действительно хотите научиться, то должны построить аппарат и на практике изучить, как им управлять».

К 1899 г. братья Райт решили главную проблему – проблему управления. Собственно говоря, это было их важнейшим изобретением, которое сделало бы их имя знаменитым, независимо от дальнейших успехов. Возможно, это вообще самое гениальное изобретение в авиации. Братья пришли к идее управления аппаратом с помощью аэродинамических поверхностей. В данном случае они спроектировали систему, скручивавшую консоли крыла с помощью системы тросов.

Для проверки эффективности своего изобретения Уилбер и Орвилл построили небольшую модель планера и опробовали варианты установки горизонтального оперения впереди или сзади. Результаты обнадежили и подтвердили возможность полного управления самолетом с помощью плоскостей. Воодушевленные успехом, в 1900 г. братья создали полноразмерный планер, испытания которого показали удовлетворительные характеристики управляемости, но недостаточную подъемную силу крыльев. Причем это обстоятельство не позволило как следует опробовать систему управления. Собственно, планер летал только вниз со склона песчаной дюны. Другой вариант, построенный к следующему году, был больше и в целом удачнее. На нем изобретатели выполнили несколько сотен полетов. Особенностью этого планера было то, что для увеличения подъемной силы они изменили угол атаки крыла. Это привело к пониманию важности правильного подбора профиля плоскостей.

Зимой 1902 г. Уилбер и Орвилл сконструировали в своей лаборатории «ветряной туннель» – аэродинамическую трубу, в которую воздух нагнетался с помощью вентилятора. Для своего времени это было выдающееся изобретение. С его помощью они определили оптимальный профиль крыла, достигли успеха, опробовав для этого более 200 профилей, и полностью сконцентрировались на доводке системы управления. Построенный в конце 1902 г. планер стал первым полностью управляемым летательным аппаратом тяжелее воздуха – он имел систему управления по крену, тангажу и рысканию. Это событие по значимости было не меньшим, чем сам полет на самолете.

Итак, к 1903 г. планер был готов, оставалось лишь найти

силовую установку. Однако проблема состояла в том, что таковой в готовом виде не было – ее предстояло создать самим. Это была далеко не тривиальная задача в то время, когда даже автомобили являлись редкостью. Для создания легкого и мощного бензинового двигателя Уилбер и Орвилл привлекли талантливого механика Чарли Тейлора. Требовалось построить двигатель мощностью 8–9 лошадиных сил, весивший не более 180 фунтов. Вскоре они успешно решили и эту задачу, а заодно сделали еще одно важное изобретение – эффективный пропеллер: легкий, с правильно подобранным профилем, в отличие от просто посаженных под углом друг к другу пластин, как это было у других экспериментаторов.

Так на основе удачного планера был создан первый успешный самолет, получивший название «Flyer-1». Прибыв на мыс Китти Хок, выбранный ими для проведения летных испытаний еще в 1900 г., братья обнаружили там конкурента – старого знакомого, профессора Лэнгли, возившегося со своим аэропланом. Профессор провел два неудачных испытания своего аппарата и уехал, предоставив братьям Райт полный простор для работы. Наконец, 17 декабря 1903 г. был брошен жребий: Орвилл выиграл первенство у старшего брата и отправился в первый в мире полет на аппарате тяжелее воздуха. После семи лет напряженного труда успех был достигнут!

Вернувшись домой, в Дейтон, братья были полны решимости усовершенствовать самолет – малая мощность двигателя и сложность в управлении были очевидны. К северо-востоку от города, в степи, они создали свой испытательный центр (ставший фактически первым авиационным полигоном в мире), в котором могли дорабатывать конструкцию самолетов и одновременно их испытывать. Сейчас на этом месте находится авиабаза ВВС США Райт-Паттерсон. Уже к 1904 г. появился «Flyer-2», способный выполнять в воздухе замкнутый круг и восьмерки, а на следующий год был готов «Flyer-3», который мог держаться в небе до получаса (до тех пор, пока хватало горючего), – он стал первым самолетом в мире, готовым к практической эксплуатации.

С 1905 г. братья сконцентрировали всю свою энергию на коммерческой стороне своего предприятия. Они разослали информацию о самолете не только военному ведомству США, но и правительствам Британии, Франции, Германии и России. Время шло, но предложений не поступало: кто-то считал их проходимцами, кто-то надеялся, что если аэроплан смогли сделать два механика-велосипедиста из провинции, то смогут и они сами. Однако настойчивость изобретателей была вознаграждена: в конце 1907 г. был подписан контракт с

Корпусом связи Армии США на поставку одного самолета, а в начале следующего года группа бизнесменов из Франции купила еще один.

Однако заказчиков в первую очередь интересовала возможность доставки людей и грузов по воздуху. Было решено наскоро адаптировать «Flyer-3» для перевозки пассажира, установив на нем еще одно сиденье и более мощный двигатель. После проведения испытания этого варианта опять же на мысе Китти Хок братья разделились – Уилбер отправился продвигать самолет во Францию, которая была технологическим лидером того времени, а Орвилл остался в США. Демонстрационные полеты Уилбера в Европе в 1908–1909 гг. прошли с огромным успехом. Однажды, чтобы доказать надежность своего аппарата, изобретатель совершил «смертельный» трюк: на высоте 90 м, которая тогда казалась громадной, так как французские самолеты летали над самой землей, Райт выключил мотор, спланировал и отлично посадил самолет с остановленными винтами. В другой раз, 18 декабря 1908 г. он установил мировой рекорд высоты полета – 110 м, а31 декабря, как бы оповещая весь мир о том, что человечество наконец-то приобрело крылья, Уилбер совершил ошеломляющий по тем временам полет: за 2 часа 20 минут 30 секунд он пролетел расстояние в 124,7 км!

Орвилл в это время демонстрировал самолет американским военным, выполняя полеты в Форт-Мейере, штат Вирджиния. Во время одного из них самолет потерял винт и разбился, при этом погиб пассажир – лейтенант Томас Селфридж. Райт выжил, но сломал ногу и надолго выбыл из строя. Вскоре он с сестрой Кэтрин присоединился к триумфальному шествию Уилбера по Европе. Однако, несмотря на успех за океаном, собственное военное ведомство оказалось более перспективным заказчиком, и вскоре братья вернулись в Штаты доводить аэроплан до требований военных. Он получил название «Military Flyer» и стал первым военным самолетом в истории. Тогда же Уилбер выполнил первый публичный полет у себя на родине, перед более чем миллионом зрителей Нью-Йорка.

С ростом количества заказов рос и бизнес. Братья Райт основали авиастроительные фабрики и летные школы по обе стороны Атлантики и, будучи хорошими бизнесменами, позаботились о защите прав. Они запатентовали систему управления как основу своего изобретения. Однако публичные выступления давали возможность свободно копировать их идеи. Началась эпоха судебных исков, отнимавших массу времени и сил. Наиболее сильным противником был Глен Кэртис, который в качестве защиты использовал самолет профессора Лэнгли, к тому

времени уже покойного, любезно предоставленный Смитсоновским институтом. Кэртис восстановил его и совершил несколько успешных полетов, пытаясь оспорить приоритеты братьев по ряду вопросов. Суд, впрочем, признал притязания Кэртиса необоснованными и оставил иск без удовлетворения.

Тем не менее жизнь в условиях постоянного стресса стала невыносимой. Авиационный бизнес был опасным, деньги в основном поступали от публичных выступлений, которые не обходились без жертв. Уилбер и Орвилл все это принимали близко к сердцу, к тому же в 1911 г. «Flyer» был уже далеко не лучшим самолетом.

В 1912 г. Уилбер заболел брюшным тифом и 30 мая умер. Орвилл, прокляв предпринимательство, спустя четыре года продал компанию и удалился на родину, в Дейтон, где стал заниматься любимым делом – изобретательством. Он работал над вопросами аэронавтики, в частности, его интересовала идея беспилотных самолетов, а также конструировал бытовые приборы, детские игрушки и т. д. Впрочем, слава создателя первого самолета давала свои преимущества – Орвилл занимал пост члена правления NACA (ставшего потом NASA), был одним из руководителей фонда Гугенхейма, поощрявшего развитие авиационных технологий, да и просто сам помогал известным и безвестным изобретателям в продвижении своих идей.

После окончания Первой мировой войны Смитсоновский институт начал истеричную кампанию, в которой всячески преувеличивал заслуги своего бывшего руководителя, профессора Лэнгли, и преуменьшал достижения братьев Райт. Друзья Орвилла, как могли, отстаивали честь изобретателей, но силы были неравны. Расстроенный Орвилл, и так пострадавший в сражениях с большим авиационным бизнесом, отправил свой бесценный «Flyer», на котором был совершен исторический полет в декабре 1903 г., в Британию, в Лондонский музей науки.

Позднее, в конце 1930-х гг., знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг пытался выступить посредником в этом конфликте, но безуспешно. И только в 1942 г. друг и биограф семьи Райт, Фрэд Келли, уговорил руководство института признать правду (в общем-то она была очевидна, и институт выглядел несолидно со своими нелепыми претензиями). Тогда же Орвилл направил послание в Лондон с просьбой вернуть самолет назад, и после окончания войны «Flyer» был возвращен, а затем установлен в Дейтонском музее, на родине братьев Райт. Но изобретатель не дожил до этого момента, он умер 30 января 1948 г. от сердечного приступа, когда ремонтировал дверной замок в своем доме.

Склодовская-Кюри Мария

(род. в 1867 г. – ум. в 1934 г.)

Выдающийся физик и химик, одна из создателей учения о радиоактивности. Совместно с мужем Пьером Кюри открыла радий и полоний (1898 г.). Дважды лауреат Нобелевской премии – за исследование радиоактивности (1903 г.) и за исследование свойств металлического радия (1911 г.).

Однажды Мария Склодовская записала в своем дневнике: «Жизнь нелегка, но что поделаешь – надо иметь упорство, а главное – верить в себя. Надо верить, что ты родился на свет ради какой-то цели, и добиваться этой цели, чего бы это ни стоило». Пожалуй, в этих словах и скрыт удивительный секрет успеха выдающегося ученого, женщины, которая еще при жизни была удостоена всевозможных почестей и прославилась на весь мир. Гениальность и невероятное везение дважды лауреата Нобелевской премии были несомненны для окружающих, но только Мария знала, какой титанический труд и сила воли стоят за каждым научным открытием…

Мария Склодовская родилась 7 ноября 1867 г. в Варшаве в многодетной учительской семье. Когда девочке исполнилось 11 лет, ее мать умерла от туберкулеза. Всю заботу о детях взял на себя отец, которому приходилось совмещать преподавание физики и математики в гимназии с нелегкой ролью главы семьи. Однако он с честью справлялся с этими обязанностями и не только помог детям пережить тяжелый период, но и сделал все для того, чтобы каждый из них в полной мере мог радоваться

жизни. Любовь к отцу и ощущение душевной близости с ним Мария Склодовская сохранила на всю жизнь. Один за другим дети оканчивали гимназии – и все с золотыми медалями. Не стала исключением и Мария, которая с самого детства росла любознательной и в гимназии была первой ученицей. Уже тогда она ощутила притягательную силу науки и работала лаборантом в химической лаборатории своего двоюродного брата. Однажды, увидев девочку за работой, друг семьи, великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев, предсказал Марии большое будущее, если она продолжит свои занятия. Продолжать учебу было самой заветной мечтой Марии, но на пути к ее осуществлению стояли два препятствия: бедность семьи и запрет на прием женщин в Варшавский университет. Поэтому сразу по окончании гимназии Мария стала подрабатывать частными уроками. И в дождь, и в снег она бегала по Варшаве от одного ученика к другому, но прекрасно понимала всю бесперспективность своего положения «репетиторши» и поэтому стала искать хоть какой-нибудь выход. Вместе с сестрой Броней они разработали план: Броня уезжает в Париж и получает медицинское образование, а Мария в течение пяти лет работает гувернанткой и регулярно высылает ей деньги. Когда сестра окончит обучение, то вызовет Марию к себе и, в свою очередь, поможет ей.

Имея на руках отличные характеристики, Мария без труда нашла место гувернантки в семье богатых помещиков. Три долгих мучительных года она провела в далекой от дома провинции среди чужих людей. Большую часть дня девушка занималась со своими маленькими учениками, а в свободное время много читала, решала алгебраические и тригонометрические задачи, выполняла задания по физике и химии. Склодовская окончательно убедилась в том, что ни одна из наук не привлекает ее так, как физика и математика. Часто Мария закрывала глаза и представляла, как она будет учиться в Сорбонне, где сам воздух пропитан знаниями, где преподают биологию, социологию, химию и ее любимую физику.

Одиночество девушки порой становилось невыносимым. Иногда ей казалось, что мечтам не дано осуществиться и время остановилось. Усилием воли она заставляла себя продолжать работу и исправно высылала сестре деньги в Париж. За три года, проведенных в деревне, с ней произошло только одно значительное событие, которое, впрочем, принесло Марии дополнительную порцию боли и разочарований: между ней и сыном хозяев вспыхнула любовь. Но родители жениха воспротивились заключению неравного брака. Пережив личную

драму, Мария еще более замкнулась в себе. Спустя некоторое время она вернулась в Варшаву, где продолжила работать гувернанткой.

В 1891 г. из Парижа пришло долгожданное письмо, в котором Броня с радостью сообщала о том, что у Марии появилась возможность стать студенткой Сорбонны. Собрав свои скудные сбережения, она выехала в столицу Франции. Девушка была счастлива: наконец на горизонте забрезжили очертания ее самой сокровенной мечты. До Парижа Склодовская несколько суток ехала в вагоне четвертого класса, проведя всю дорогу на складном стульчике. Но эти неудобства казались ей сущими пустяками – ведь впереди Сорбонна и новая, увлекательная жизнь. Прибыв в Париж, Склодовская поступила в университет на факультет естественных наук. Мария занималась со страстью и завидным упорством. А по вечерам возвращалась в скромную квартирку сестры и зятя на улице Германии, которую Броня с отменным вкусом обставила вещами, купленными на распродажах. Здесь царили мир и взаимопонимание, собирались большие компании соотечественников, которые за чашкой чая вспоминали родину, пели и играли на фортепиано. Однако, несмотря на любовь, которой ее окружили родственники и новые друзья, Мария вскоре начала страдать из-за того, что не могла уединиться и поработать в тишине. Под предлогом, что ей далеко – да и дорого – ездить в университет, она сняла небольшую комнатку поблизости от Сорбонны, где могла спокойно заниматься.

Потекли трудные месяцы. По воспоминаниям дочери Марии, Склодовская «обрекла себя на спартанское существование, где не было места человеческим слабостям». Комната, в которой жила девушка, почти не отапливалась, в ней не было ни освещения, ни воды. Чтобы заплатить за жилье, купить тетради и книги, она жила в режиме строжайшей экономии: никогда не пользовалась омнибусами, а чтобы не тратить деньги на керосин, занималась в библиотеках. На протяжении многих недель ее дневной рацион составляли лишь чай и хлеб с маслом, а порой – только пучок редиски или немного вишен. Бывало, что от недоедания Мария теряла сознание прямо на лекциях. Несмотря на это, девушка продолжала упорно заниматься: шаг за шагом она прошла курс математики, химии, физики, освоила технику исследований. Ей казалось, что свою жажду знаний она не сможет утолить никогда. Склодовская не понимала тех, кто считал науку «сухой областью». «Я отношусь к тем, – писала она спустя много лет, – кто убежден в великой красоте науки. Ученый в своей лаборатории – не только специалист. Это также и ребенок, стоящий перед

явлениями природы, которые поражают его, как волшебная сказка. Мы должны суметь рассказать другим об этих чувствах. Мы не должны мириться с мнением, что весь научный прогресс сводится к механизмам, машинам, зубчатым передачам, хотя и они сами по себе тоже прекрасны».

Подобное упорство и любовь к науке не могли не принести свои плоды: в 1893 г. Склодовская стала первой среди лиценциатов физического факультета, а спустя год – и среди лиценциатов математического.

Через некоторое время в жизни Марии произошло одно из самых знаменательных событий: в гостях у своих знакомых она встретила Пьера Кюри. Известный французский физик был умным и благородным человеком, так же, как и Склодовская, глубоко преданным науке. Посвятивший свою жизнь научному призванию, он нуждался в подруге, которая «могла бы жить той же мечтой, что и он, – мечтой научной». Пьер Кюри показался Марии очень молодым, хотя ему тогда уже было 35 лет. «Меня поразило выражение его ясного взгляда и легкий оттенок непринужденности в осанке его высокой фигуры. Его речь, несколько медленная и обдуманная, его простота, улыбка, одновременно серьезная и юная, внушали доверие», – вспоминала позднее М. Кюри.

Сблизившись на почве общих интересов, молодые люди стали встречаться. Все больше и больше они проникались взаимной симпатией, которая переросла в глубокое чувство. Для 27-летней Марии, уже давно не питавшей иллюзий насчет своей личной жизни, эта неожиданно пришедшая любовь казалась волшебным чудом. 25 июля 1895 г. они поженились. Отныне супруги везде были вместе: в лабораториях, на лекциях, при подготовке к экзаменам и в минуты отдыха. Они были счастливы, понимали и любили друг друга, не забывая о любимом деле. Даже рождение дочери Ирен не могло помешать Марии продолжить заниматься наукой. Молодая женщина успевала и вести хозяйство, и ухаживать за малышкой, и трудиться в лаборатории мужа. Кроме того, Мария Кюри приступила к работе над диссертацией, заинтересовавшись открытием урановых излучений А. Беккереля – материалом совершенно новым и неизученным. Принимая решение взяться за разработку этой темы, Мария не представляла, что попала в самый эпицентр научных интересов XX века.

В сырой и холодной мастерской, служившей складом и машинным залом, Кюри начала свои исследования. Тщательное изучение разнообразных материалов подтверждало правоту Беккереля, считавшего, что чистый уран обладает большей

радиоактивностью, чем любое его соединение. И хотя об этом говорили результаты сотен опытов, супруги подвергали исследованиям все новые и новые вещества. Ученые обратили внимание на то, что два урановых минерала – хальколит и смоляная руда Богемии – гораздо радиоактивнее, чем уран и торий. Вывод напрашивался сам собой: в них содержится неизвестный химический элемент (возможно, и не один) с еще более высокой степенью радиоактивности. Чтобы найти новое вещество, Пьер Кюри оставил все исследования, над которыми работал ранее, и присоединился к жене. В июне 1898 г. супруги Кюри сообщили о существовании нового радиоэлемента, предложив назвать его «полонием» (в честь родины Марии), а в декабре того же года заявили об открытии радия, который назвали так за неиссякаемую способность к излучению («радиус» в переводе с латыни – луч).

Однако ученые не обольщались насчет относительно быстрого успеха, так как основная работа была впереди: чтобы доказать всему миру правильность своих предположений, необходимо было выделить эти химические элементы, определить их атомный вес. Здесь Кюри столкнулись с колоссальной проблемой: даже в наиболее радиоактивных продуктах присутствовали лишь следы новых элементов, а это значило, что для их выделения придется обработать тонны сырья. Они знали, какими методами можно было добиться желаемых результатов, но исследования требовали больших материальных затрат, кроме того, необходим был персонал и соответствующее помещение, а ничего этого у Кюри не было. Быть может, кто-нибудь другой на их месте и опустил бы руки, но у супругов и в мыслях не было останавливаться. Они обратились к одному из австрийских физиков с просьбой помочь им приобрести по доступной цене отходы урановой руды и параллельно с этим начали поиск подходящего помещения для предстоящей работы. Руководство Сорбонны отказало в помощи, и супруги поместили свою мастерскую по соседству с университетом – в старом заброшенном сарае с дощатыми стенами, асфальтом вместо пола и стеклянной крышей, протекавшей во время дождя. Впоследствии М. Кюри скажет, что именно в этих убогих «хоромах» «прошли лучшие и счастливейшие годы нашей жизни, всецело посвященные науке».

Пока ученые осваивали свои новые владения, пришли добрые вести из Австрии: по ходатайству Венской Академии наук австрийское правительство дало указание директору рудника отправить в Париж несколько тонн отходов урановой руды. Вскоре заветные мешки с материалом были в «лаборатории».

Первое время супруги совместно трудились над химическим выделением радия и полония. Однако постепенно они пришли к выводу, что целесообразно разделить обязанности. Мария продолжала обработку руды, чтобы получить чистые соли радия, а Пьер ставил опыты по уточнению свойств нового материала.

В сарае не было вытяжных шкафов, а при работе выделялись вредные газы, поэтому Марию чаще можно было видеть во дворе, окруженную клубами дыма. Зимой же и в непогоду она трудилась в сарае при открытых окнах. «Мне приходилось обрабатывать в день до двадцати килограммов исходного вещества, – вспоминала Кюри, – и в результате весь наш сарай был заставлен большими сосудами с осадками и растворами: это был изнурительный труд – переносить мешки, сосуды, переливать жидкости и часами перемешивать железным прутом кипящую массу в чугунном котле». Однако, несмотря на тяжелые условия работы, ученые чувствовали себя счастливыми и жили поглощенные одной заботой, словно зачарованные. В 1902 г., спустя четыре долгих года с того дня, как супруги Кюри объявили о вероятном существовании радия, им удалось выделить один дециграмм этого элемента, тем самым получив его официальное признание.

Ученые мечтали о новой лаборатории, где смогли бы продолжить знакомство со своим детищем, но судьба не торопилась воплотить их мечту в жизнь. Однако даже в условиях, которые оставляли желать лучшего, они узнавали все новые и новые подробности о радии. Оказалось, например, что он испускает не только лучи: каждый грамм этого металла выделяет в час теплоту, достаточную, чтобы растопить такое же количество льда. Если же в стеклянную трубку поместить маленькую щепотку солей радия и запаять ее, а через несколько дней перегнать из нее воздух в другую герметичную трубку, то она начнет светиться в темноте зеленовато-голубым светом. Этими исследованиями заинтересовались многие ученые, среди них такие, как Эрнст Резерфорд, Фредерик Содди, Уильям Рамзай. Кроме того, на новый элемент обратили внимание многие врачи, поскольку у него было обнаружено еще одно свойство: радиевое излучение вызывало ожоги человеческого тела. Пьер Кюри добровольно подверг свою руку воздействию радия в течение нескольких часов: кожа сначала покраснела, затем образовалась рана, на лечение которой ушло более двух месяцев. После этого супруги Кюри провели ряд опытов по облучению животных. Результаты были ошеломляющими: разрушая больные клетки, радий помогает излечить рак кожи – болезнь, против которой медицина была бессильна.

В 1904 г. радий, с помощью которого ученые надеялись

победить рак, стали добывать промышленным способом – был построен первый завод по его получению. Несмотря на постоянные финансовые трудности, супруги Кюри отказались от патента на производство радия, подарив миру свое уникальное открытие бескорыстно. Очень быстро о французских физиках-новаторах узнали почти во всех уголках земного шара. В 1903 г. Мария и Пьер по приглашению Королевского общества побывали в Лондоне, где им была присуждена одна из высочайших наград – медаль Дэви. Почти одновременно с этим событием супруги Кюри совместно с Анри Беккерелем были удостоены Нобелевской премии за открытие в области радиоактивности. Впервые такую премию по физике получила женщина. Это была вершина их научной славы! Почетная и престижная награда Шведской Академии наук положила конец их денежным затруднениям.

Наконец у Марии и Пьера Кюри появилась надежда, что предстоящие годы работы будут не такими тяжелыми, как предыдущие. Жизнь, казалось, налаживалась и открывала перед учеными новые перспективы. Супругов радовала не только любимая работа, но и лад и спокойствие в семье. К этому времени они уже воспитывали двух дочерей – старшую Ирен и младшую Еву, которых нежно любили. Но этот счастливый период жизни продлился совсем недолго. 19 апреля 1906 г. Пьер погиб страшной и нелепой смертью, попав под колеса конного экипажа. Мария потеряла единомышленника, мужа, отца своих маленьких детей. «Его любовь была превосходным даром, верная и самоотверженная, полная ласки и заботы. Как хорошо было быть окруженной этой любовью, и как горько было потерять ее!» – писала она в своих воспоминаниях. Прошло много лет, прежде чем Мария стала приходить в себя от пережитого горя. «По существу, она так никогда и не утешилась и не смирилась», – вспоминала ее старшая дочь Ирен Жолио-Кюри.

Мария Кюри заменила мужа в должности профессора Парижского университета, став первой женщиной-профессором во французской высшей школе. Для тех лет, когда даже не помышляли о том, чтобы женщина могла занять должность преподавателя в высшем учебном заведении, эта инициатива была очень смелой. В Сорбонне она читала первый и в то время единственный в мире курс радиоактивности. Одновременно с преподаванием М. Кюри справлялась с заведованием лабораторией и с воспитанием дочерей, одна из которых была еще младенцем. Присматривать за девочками ей помогал отец Пьера, который долгие годы жил вместе с ними. Однако в 1911 г. он умер, что явилось для нее еще одним тяжелейшим ударом. В 1910 г. кандидатура Марии Кюри была выдвинута в Академию

наук, но потерпела неудачу: антифеминисты подняли яростную кампанию против ее выдвижения. Впоследствии она стала членом многих иностранных академий наук, но так и не была избрана в Академию наук Франции.

В этот мрачный период жизни особенно ценной для Марии Кюри стала вторая Нобелевская премия по химии, присужденная Академией наук в Стокгольме. Спустя годы такую же награду получила и ее дочь Ирен.

Несмотря на то что работа оставляла мало времени для отдыха и развлечений, интересы Марии не ограничивались наукой. Она любила поэзию, много стихотворений знала наизусть. По воспоминаниям дочери, Кюри с удовольствием проводила время в загородных прогулках, ей нравилось работать в саду. «Она любила природу и умела наслаждаться ею, но только не созерцательно. В саду она занималась цветами, в горах любила ходить, останавливаясь, конечно, иногда, чтобы отдохнуть и полюбоваться пейзажем. Но ей не доставило бы никакого удовольствия провести день в кресле перед великолепной панорамой…»

Мария Кюри не любила светских приемов и старалась как можно реже бывать на них. Ирен вспоминала: «…тот факт, что мать не искала светских связей, иногда считают свидетельством ее скромности… Я полагаю, что это скорее как раз обратное: она очень верно оценивала свое значение и ей нисколько не льстили встречи с титулованными особами или с министрами. Мне кажется, она была очень довольна, когда ей довелось познакомиться с Редьярдом Киплингом, а то, что ее представили королеве Румынии, не произвело на нее никакого впечатления».

В 1914 г. сбылось то, о чем не раз мечтали супруги Кюри: в Париже на улице Пьера Кюри завершилось строительство Института радия. Казалось бы, теперь Мария могла с головой окунуться в любимую работу, однако в ее планы, словно вихрь, ворвалась война. Кюри решила, что не может оставаться в тиши кабинетов, если где-то гибнут люди.

С той же энергией, с какой она в свое время обрабатывала тонны руды, Мария взялась за решение труднейшей задачи – организации рентгеновского обследования раненых не только в тыловых госпиталях, но и в полевых условиях. Кюри создала первую передвижную рентгеновскую установку, оснастив необходимым оборудованием обыкновенный автомобиль. Затем по аналогии были созданы еще несколько десятков машин. Шутливо прозванные на фронте «кюричками», они появлялись всюду, где шли ожесточенные бои. Часто Мария сама обследовала раненых, переезжая из одного походного госпиталя в другой.

После войны М. Кюри продолжила исследования, отдавая много сил развитию крупного исследовательского центра – Института радия.

Осенью 1933 г. ее здоровье резко ухудшилось, а через несколько месяцев выдающегося ученого не стало. Она умерла 4 мая 1934 г. от тяжелого заболевания крови, вызванного длительным воздействием на организм радиоактивных веществ, став первым человеком на Земле, погибшим от смертоносных лучей радия.

Вся жизнь Марии Склодовской-Кюри – это гимн науке, которую она любила и без которой не мыслила своего существования. Она искренне верила, что только наука и ее созидательная сила способны спасти человечество, избавив его от войн и страданий. Женщина, ставшая первой исследовательницей ядерных излучений, надеялась, что «извлечет из новых открытий больше блага, чем зла».

Сталин Иосиф Виссарионович

Настоящее имя – Иосиф Виссарионович Джугашвили (род. в 1879 г. – ум. в 1953 г.)

Руководитель Советского государства (1924–1953 гг.). Генеральный секретарь ЦК КПСС (с 1922 г.). Организатор форсированной индустриализации страны и насильственной коллективизации в сельском хозяйстве. Инициатор массового террора и репрессий. Герой Социалистического Труда (1939 г.), Герой Советского Союза (1945 г.), маршал (1943 г.), генералиссимус (1945 г.), дважды кавалер высшего ордена Победы.

Мало найдется людей, которые ничего не знали бы или, по крайней мере, не слышали об этом человеке. Почти 30 лет он держал в своих руках судьбы людей, проживавших на 1/6 части земли. От него во многом зависела мировая политика. По его повелению совершались и великие дела, и страшнейшие преступления. Его имя и сегодня произносят кто с любовью и восхищением, кто с уважением, кто с ненавистью. Под руководством этого государственного и политического деятеля советская страна пережила индустриализацию, коллективизацию и раскулачивание, террор и «чистки» 1930—1950-х гг., ужасы Великой Отечественной войны и радость победы в 1945 г.

Долгое время биография Сталина была тайной за семью печатями. Находясь под влиянием культа его личности, люди видели в нем настоящего небожителя, ведь после смерти Ленина Сталин как продолжатель его учения и преемник стал идеологом построения социализма в отдельно взятой стране.

Сталин – одна из самых масштабных фигур не только в истории СССР, но и всего мира. Ряд государственных деятелей бывших социалистических стран стали его идейными последователями – ярыми сталинистами, создателями тоталитарных режимов, подобных сталинскому. С геополитической точки зрения это крупнейший евразиец-практик; с идеологической – выдающийся деятель мирового социализма; с государственной – создатель мощнейшего в истории мира тоталитарного государства. Все это делает Сталина, несомненно, знаковой фигурой XX ст. Одновременно он – один из самых загадочных людей в истории человечества, о котором сложено сотни противоречивых легенд.

Большинство событий жизни вождя, особенно в ее ранний период, окутано завесой тайны. Уже на детских фотографиях лицо Сосо – так ласково называла его мать – поражает выражением глубокой внутренней сосредоточенности. Сосредоточенности недоброй. В юности – взгляд тигра – скрытая угроза и осознанность чего-то, что не поддается человеческому разумению. В зрелом возрасте и старости – глаза прищурены. Они не выдают ни мысли, ни чувства. Душа закрыта, как будто ее хозяин боится выдать что-то такое, что представляет серьезную угрозу для него самого.

По официальным данным, зафиксированным в любом справочном издании, Иосиф Джугашвили родился 21 декабря 1879 г. в небольшом городке Гори Тифлисской губернии. Но в метрической книге горийского Успенского собора значится 6 декабря 1878 г. Такая же запись фигурирует и в ряде других документов раннего периода жизни. Причина же, по которой с 1922 г. в анкетах появилась новая дата, никому не известна.

Все лучшее в детские годы будущего вождя было связано с матерью, перенесшей после смерти двух сыновей всю свою любовь на младшего. Трудно сказать, почему Екатерина Геладзе из села Гамбареули вышла замуж за сапожника Виссариона Джугашвили. Он был горазд выпить, а пьяный – часто бил жену и сына. Кроме того, Виссарион все время завидовал сотоварищам по ремеслу, в основном евреям, более умелым, а потому и более зажиточным, и тем самым заложил в душе Сосо зачатки антисемитизма.

По словам дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, ее отец был очень привязан к своей матери. Уже став во главе государства, он писал ей короткие, но полные нежности письма, звал к себе, но мать не ехала. Только через много лет она переселилась во дворец наместника Кавказа, правда, сама заняла в нем лишь одну комнату. С сыном Екатерина Геладзе

встретилась за время его правления всего раз, в 1935 г., и именно тогда сказала ему: «Лучше бы ты стал священником».

Будучи очень набожной, в 1888 г. мать отдала Иосифа учиться в школу при православной общине в Гори. Через шесть лет ей удалось добиться для него стипендии. Еще пять лет Сосо проучился в духовной семинарии. Он рос строптивым и нелюдимым, видел мало ласки: даже мать частенько поднимала на него руку. Отец же вообще оставил семью и погиб где-то в пьяной драке. Сверстники не жаловали Сосо. Он был тщедушен, с рябым от перенесенной оспы лицом. Кроме того, мальчик имел и физические дефекты. По данным «Медицинской истории И. В. Сталина», у него были «сращивание пальцев левой ноги» и «атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба в шестилетнем возрасте». Сосо дразнили, что усиливало его грубость и ненависть к окружающим. Однако уже в семинарии у него появились друзья, которые, почувствовав в нем скрытую силу, во всем ему подчинялись. Были у Иосифа и враги, но сгруппировавшиеся вокруг него ученики быстро отбили охоту трогать их лидера.

В Тифлисе, где находилась семинария, проживало много ссыльных русских революционеров. Некоторые семинаристы общались с ними, но Сосо поначалу больше увлекали стихи. В 1895–1896 гг. журнал «Иверия» опубликовал семь стихотворений юного поэта. Однако вскоре это увлечение сменилось другим. Сосо стал запоем читать марксистскую литературу и вскоре сказал сверстникам: «Бога нет, они обманывают нас». Это, однако, не мешало ему отлично учиться. Революционные идеи все более захватывали юношу. Чтобы покинуть стены семинарии, он не явился на экзамен и был отчислен.

Иосиф быстро стал профессиональным революционером. Еще в семинарии он руководил марксистским кружком и вступил в социал-демократическую организацию «Месамедаси», а позже стал членом Тифлисского комитета недавно созданной РСДПР и активно занимался распространением нелегальной литературы. После первомайской демонстрации 1900 г., одним из организаторов которой он был, Джугашвили перешел на нелегальное положение, а через год вынужден был перебраться в Баку. Здесь он стал известен под именем Коба – впоследствии его постоянной партийной кличкой. Иосиф так назвал себя в честь своего любимого литературного героя из книги А. Казбеги «Отцеубийца».

5 апреля 1905 г. молодой революционер впервые был арестован. В дальнейшем это случалось с ним не единожды. В ссылке он побывал в Сольвычегодске и Туруханске. В

Сольвычегодске у хозяйки дома, где квартировал Джугашвили, от него родился сын, о котором он никогда открыто не вспоминал.

За время революционной деятельности Кобе пришлось пять раз бежать из ссылки. Удачные побеги и способность в самых рисковых ситуациях выходить сухим из воды породили легенду о том, что Сталин был агентом царской охранки (возможно, по заданию партии). Однако подтвердить или опровергнуть это, как и многие другие факты раннего периода деятельности Кобы, нет возможности, так как большинство документов в более поздние годы были уничтожены.

Будучи на свободе, он продолжал агитационную работу, писал листовки. Вместе с друзьями детских лет Камо и Цинцадзе, вопреки решению IV съезда РСДРП, занимался организацией «эксов» – изыманием ценностей на нужды революции из почтовых вагонов, банков, попросту – грабежами. Знаменитое похищение денег Государственного банка на Эриванской площади в Тифлисе 26 июня 1907 г. – дело их рук. Камо тогда был арестован, Сталина не тронули.

В 1902 г. (по другим сведениям – в 1904 г.) Коба женился. Первой его женой была Екатерина Сванидзе – деревенская девушка из селения Диди-Лило. По одной версии, этот брак устроила мать Иосифа. По другой – знакомство состоялось через ее брата Александра, одного из друзей-семи-наристов Джугашвили. Они тайно повенчались, поскольку церковный брак в среде революционеров не приветствовался. Като была хорошей женой. Она, по словам друга семьи Иосифа Иремашвили, «глядела на мужа как на полубога». Девушка слыла искусной портнихой – среди ее клиенток была сама жена губернатора, но если появлялась необходимость, становилась прачкой и даже разносила ленинскую «Искру». Их брак во всех отношениях был счастливым, но в 1909 г. Екатерина умерла от тяжелой болезни.

Много лет Коба был вдовцом, однако после революции понял, что необходимо обзавестись семьей. В близких отношениях он находился с профессиональным революционером Аллилуевым, у которого подрастала дочь Надежда. Молоденькая Надя вскоре влюбилась в сурового Джугашвили. Но этому браку не суждено было стать радостным. Самоубийство Аллилуевой в ночь на 9 ноября 1932 г. потрясло и Сталина, и страну. Причины назывались разные: оскорбительное поведение мужа на банкете в честь 7 ноября, психическая неуравновешенность, ужас перед действиями руководителя страны. Предполагали даже убийство. Но правду она унесла с собой в могилу, а предсмертную записку жены Иосиф сжег.

Несомненно, эти две смерти оказали сильное влияние на

образ мыслей и действия Сталина. Много лет спустя он сказал о Екатерине: «Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла – и вместе с ней умерли последние теплые чувства к людям». Поступок же Надежды он воспринял как предательство, очень переживал случившееся, хотя и скрывал это. Только однажды в минуты откровенности с горечью сказал Буденному: «Какая нормальная мать оставит детей на сиротство?.. И меня обездолила. Я, конечно, был плохим мужем. Мне некогда было водить ее в кино».

Не принесли радости Сталину и его дети. От двух браков их было трое: от Екатерины – сын Яков; от Надежды – Василий и Светлана. Как известно, нелюбимый отцом Яков погиб в немецком концлагере, безосновательно обвиненный в предательстве. Василий спился. Любимица Светлана, отличавшаяся неуравновешенностью характера, уже после смерти отца бежала в США, попросив политического убежища, там издала мемуары и вышла замуж. В 1982–1984 гг. она жила в СССР, сохраняя американское гражданство, а затем навсегда вернулась в Штаты.

Но обратимся к политической биографии Иосифа Джугашвили. Сразу же после Февральской революции он покинул Туруханский край и прибыл в Петроград, где вскоре стал членом Исполнительного комитета Петроградского совета. Впервые соприкоснувшись с государственной властью, он, вероятно, начал подумывать об укреплении своего положения. Скрытность, гибкость в использовании ситуации, несомненный актерский и режиссерский таланты помогли Иосифу в осуществлении поставленной сверхзадачи.

К активной политической деятельности вернулся подпольщик с богатым опытом революционной борьбы, широко известный среди революционеров. Джугашвили успел побывать в Таммерфорсе и Стокгольме, куда ездил для участия в I и IV съездах РСДПР. Свои статьи он стал подписывать Коба Сталин, взяв традиционный для большевистской среды псевдоним, подчеркивающий его «стальной» характер.

В декабре 1906 г. в Таммерфорсе он познакомился с Лениным. Того очень заинтересовал грузинский приверженец его курса, который сам пытался писать теоретические работы, являвшие собой перепевы ленинских идей. Владимир Ильич называл Кобу «чудесным грузином». Неудивительно, что в апреле 1917 г. с подачи большевистского вождя он вошел в ЦК партии и в Бюро ЦК (будущее Политбюро). Наравне с Лениным, Зиновьевым и Каменевым Джугашвили стал одним из четырех главных вождей партии. Утверждение о том, что во время

Октябрьского восстания Сталин находился в стороне от основных событий, противоречит свидетельствам очевидцев, которые подчеркивают, что в революционные дни Сталина постоянно видели рядом с Лениным. Во время переворота вождь в целях безопасности находился на конспиративной квартире и руководил оттуда, Сталин же был связующим звеном между ним и остальными заговорщиками.

И в тот момент, и позже Коба был для Владимира Ильича надежной опорой в любых непредвиденных ситуациях. Недаром он уже на следующий день после взятия власти включил его в состав Совета Народных Комиссаров председателем по делам национальностей. Примечательно, что рабочее место нового наркома находилось в кабинете Ленина.

Позже, не без настоятельных рекомендаций Ульянова (большинство членов ЦК Кобу не любили, а Троцкий насмехался над ним и постоянно жаловался на его действия), Сталин занимал высокие посты и выполнял ответственные задания. В 1918 г. он руководил продовольственными делами на юге России и с помощью чрезвычайных мер добился отправки большого количества продовольствия в Петроград. В Царицыне Сталин провел реорганизацию воинских частей на фронте и «железной беспощадной метлой» расправился с недовольными и ненадежными «элементами» в тылу. После возвращения он был назначен членом Реввоенсовета

Республики, а через месяц – членом ВЦИК. В 1919 г. вместе с Ф. Дзержинским расследовал причины сдачи Перми 3-й армией, затем был откомандирован в Петроград, которому грозила сдача войскам Н. Юденича. Он организовывал разгром Деникина на южном направлении. Везде Сталин действовал быстро и безжалостно, не щадя ни своих, ни тем более чужих.

Судя по всему, Ленин испытывал к Кобе личные симпатии. Он даже предлагал ему жениться на своей младшей сестре Марии Ильиничне. По словам Троцкого, вождь ценил в Сталине «характер: твердость, выдержку, настойчивость, отчасти хитрость как необходимое качество в борьбе». Видимо, эти качества и стали причиной назначения Кобы в 1922 г. Генеральным секретарем партии. Этот пост Сталин сумел превратить в плацдарм для окончательного захвата власти в государстве. Судя по «завещанию», в конце жизни Ленин осознал недостатки своего выдвиженца, но вряд ли он мог предположить, чем лично для него может обернуться доверие к Сталину. Уже после первого инсульта, случившегося с Ильичом в марте 1922 г., Генсек, с безмолвного согласия остальных «вождей», постепенно начал отстранять Ленина от власти. Под предлогом заботы о его

здоровье были ограничены посещения. Ленину не разрешали работать и даже читать газеты. Фактически последний год жизни он не принимал участия в государственных делах и умер в страшных мучениях: преемник отказал Надежде Крупской даже в морфии, чтобы облегчить последние минуты жизни мужа.

Постепенно Сталин забрал все бразды правления в свои руки.

Знаменитая же история с «ленинским завещанием» («Письмом к съезду»), скрытым от рядовых членов партии, выглядит таким образом. Комиссия по приему бумаг Ильича, возглавляемая Каменевым, который поддерживал Сталина в борьбе против Троцкого (и тоже не предполагал, что будет расстрелян «другом», с которым шел плечом к плечу с 1917 г.), воспользовалась нечеткостью формулировки и довела завещание до сведения делегатов XIII съезда партии (май 1924 г.) не на пленарном заседании, а по делегациям, в переложении и с обширными смягчающими комментариями членов комиссии. Таким образом Сталин стал официальным главой СССР.

Каменев был далеко не единственным человеком, с которым Сталин был близок, которому многим был обязан, но который слишком много знал о его прошлом и потому был уничтожен. В этом «черном списке» – сотни имен. Но Сталиным двигало не только стремление к абсолютной власти и неуемная подозрительность, временами переходящая в паранойю. Если бы он ограничился лишь своими соратниками и большевиками из «ленинской гвардии», счет шел бы на тысячи. Однако режим диктатора, якобы имевший благую цель укрепления мощи Советского государства, стоил стране многих миллионов жизней и в конечном итоге доказал возможность построения социалистического общества только с помощью террора, насилия и страха.

Можно много говорить о направлениях, по которым проводились репрессии и планомерное уничтожение советского народа – об этом написаны тысячи исследований. Достаточно сказать, что лишь за период 1936–1938 гг. было арестовано более 5 млн человек. Только в одной Москве в некоторые дни за измену родине и буржуазный национализм расстреливали по тысяче приговоренных. После 1956 г. из сталинских лагерей вышло не более 10–15 % узников, остальные погибли от нечеловеческих условий и издевательств лагерной администрации. Это на их костях была осуществлена знаменитая индустриализация аграрной державы. Но, надо отметить, что в это же время авторитет СССР в мире стремительно возрос. Страна стала полностью электрифицированной, смогла догнать и перегнать в производстве стали и промышленных товаров такие государства,

как США и Великобритания, вырос общий уровень жизни советских граждан. И в этом одна из основных заслуг Сталина, а точнее, его легендарного образа, чрезвычайно повлиявшего на мировоззрение людей, всегда готовых идти за вождем. Его недаром называли «отцом народов», хоть он и стал гением тоталитаризма.

Еще одна неприглядная веха в жизни нового вождя – раскулачивание крестьян во время принудительной коллективизации 1929–1932 гг. 3,5 млн человек подверглось этой унизительной процедуре, хотя большинство из них были отнюдь не богачами. Людей ссылали в северные и восточные районы страны, выбрасывали из вагонов зимой в необжитых местах с суровым климатом, без одежды и продовольствия. В результате произошло резкое падение сельскохозяйственного производства, приведшее к небывалому голоду, особенно в районах Южной Украины, Среднего Поволжья, Северного Кавказа и в Казахстане – там, где хлеба хватало всегда. В 1932–1933 гг. здесь погибло, по официальным подсчетам, до 8 млн человек. Наиболее популярная версия относительно этих событий – искусственно вызванный голодомор, ведь в это же время по приказу Сталина в Западную Европу было продано 28 млн центнеров зерна, отобранного у умирающих людей.

Менее известно, что от деятельности Сталина страдали граждане и других государств, причем отнюдь не враждебных Советскому Союзу. Он уничтожил множество коммунистов иностранных компартий, имевших вес в обществе. Репрессиям в основном подвергались политэмигранты, бежавшие в СССР в надежде на более справедливый режим. Это были польские, финские, австрийские, югославские, венгерские, итальянские, немецкие коммунисты, объявленные шпионами. Были уничтожены руководители компартий Индии, Кореи, Мексики, Турции, Ирана, Монголии. Среди погибших оказались даже такие видные деятели коммунистического движения, как соратник Ленина Х. Раковский, Б. Кун, М. Горкич и др. Какие цели преследовал в этом случае Сталин, остается загадкой, но этим он нанес огромный урон делу распространения коммунизма, подорвал доверие к СССР со стороны «левых» на Западе и в конечном итоге способствовал приходу фашистов к власти в Германии.

Также загадочны отношения Сталина с Гитлером. Два создателя государств нового типа на первых порах явно симпатизировали друг другу и без труда находили общий язык. Подписание Пакта о ненападении 23 августа 1939 г. – явное тому свидетельство. Результатом стало начало Второй мировой войны

– оккупация Польши Германией. Но Сталина это не волновало, ведь он в благодарность за невмешательство получил немалые земли: Западную Украину, Западную Беларусь, страны Прибалтики и Бессарабию. Сам же Генсек «подарил» Гитлеру сидевших в лагерях немецких и австрийских коммунистов, которые были вывезены в Германию и в большинстве своем уничтожены.

Сталин был настолько уверен в лояльности Гитлера, что не верил Черчиллю и донесениям собственных разведчиков о том, что Германия готовится к нападению на СССР, и рассматривал их как провокацию. Даже тогда, когда немецкие самолеты уже бомбили Киев и Севастополь, он не мог поверить в случившееся. Это – первая версия. По второй, после подписания пакта Сталин сам лихорадочно готовился к войне, собираясь напасть на Германию, чтобы, став освободителем Европы, распространить свое влияние на другие страны, но опоздал.

В течение нескольких дней после начала войны вождь находился на подмосковной даче в Кунцево. Причина такого его поведения неизвестна: то ли он растерялся, то ли, как свидетельствуют некоторые современники, лежал в постели с жесточайшей ангиной. Есть даже предположение, что он читал и правил какой-то роман, подготовленный к опубликованию.

30 июня к Сталину прибыли члены Политбюро. На экстренной встрече был создан Государственный комитет обороны (ГКО), который возглавил он сам. 19 июля Генсек занял пост наркома обороны, а 8 августа был назначен еще и Верховным Главнокомандующим. Началось противостояние двух самых мощных армий в истории человечества. Стремясь скорее перейти в контрнаступление, Сталин издал знаменитый приказ № 227 с требованием «Ни шагу назад!» Была использована практика, которую Троцкий применял во времена Гражданской войны: за линией фронта разместили заградительные отряды, которые стреляли по своим в случае несанкционированного отступления. И люди шли в бой, нередко без оружия, живой стеной перекрывая дорогу врагу, со словами «За Родину! За Ленина! За Сталина!»

Под Москвой гитлеровская армия впервые споткнулась. Но немцы уже заняли некоторые пригороды, и правительство готовилось к эвакуации. Были заминированы крупные, имеющие стратегическое значение объекты, среди которых почему-то оказался и Большой театр. Однако в последний момент Сталин все же отказался покидать столицу и заявил, что она сдана не будет. Он знал, что генералу Панфилову был направлен приказ: или немцы в Москву не войдут, или того ждет расстрел за предательство. 7 ноября на Красной площади прошел

готовившийся в большом секрете легендарный военный парад, с которого войска уходили прямо на фронт.

С этими страшными днями связано еще одно неординарное событие. Митрополиту гор Ливанских Илие, молившемуся о спасении России, явилась в столпе огня Богородица и приказала: «Должны быть открыты по всей стране храмы и духовные монастыри. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город иконой Казанской Божьей Матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен и далее везти ее в Сталинград…» Как только Сталину об этом доложили, он распорядился, чтобы все было исполнено в точности. Есть свидетельства, что в это время он, революционер-атеист, яро молился.

Божьей ли помощью, смертями ли и верой людей, но Москву отстояли. Немцы не вошли в блокадный, полумертвый от голода и болезней Ленинград. В Сталинградской битве генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса постигла страшная катастрофа. Красная Армия перешла в наступление и 2 мая 1945 г. заняла Берлин. 24 июня был проведен первый Парад Победы изможденных, но не побежденных советских войск.

Теперь Сталин стал признанным героем не только у себя в стране, но и за рубежом. Высокую оценку ему давали все политические деятели, с которыми ему довелось сталкиваться во время военных и послевоенных конференций. Даже Черчилль заявил: «Большое счастье для России, что в годы тяжелейших испытаний ее возглавлял гений, непоколебимый полководец И. В. Сталин». «Отец народов» же восстанавливал страну, находил средства для финансирования развития стран социалистического лагеря и создавал все новые концлагеря, на этот раз не только для инакомыслящих и неугодных режиму, но и для людей, насильно угнанных на работы в Германию или побывавших в фашистском плену, – они были объявлены шпионами и врагами СССР. Но даже на этом неприглядном фоне народ боготворил своего вождя.

В конечном итоге руководитель Советского Союза смог переиграть всех своих и почитателей, и врагов. Безусловная победа сталинской дипломатии усилила вес СССР на международной арене. Но одновременно с этим она негативно повлияла на развитие социалистических стран, перестраивавшихся под методы правления и экономику СССР, а значит, вводивших в практику государственного регулирования тоталитарные методы. Фултонская речь Черчилля и маккартизм в США положили начало «холодной войне», советскому «железному занавесу» и гонке вооружений, терзавших человечество несколько

десятилетий. В эти годы в СССР под руководством Сталина были заложены основы ракетно-ядерного потенциала, позволившего через небольшой промежуток времени достичь военно-стратегического паритета с США и первыми проложить дорогу в космос.

Но огромное напряжение военных лет привело к резкому ухудшению здоровья вождя. Его мучили гипертония и атеросклероз сосудов головного мозга, однако перейти на щадящий режим работы он не хотел и по-прежнему проводил в Кремле по 13–15 часов в день без «отпусков» и «выходных». Боясь отравления, Сталин отказывался даже от лекарств, прописываемых врачами.

1 марта 1953 г. со Сталиным случился удар. Возможно, ему можно было помочь, но страх перед тираном не позволил охранникам войти в комнату, из которой не доносилось ни звука. Когда же он был обнаружен на полу, немой и недвижимый, только охранники и прислуга предприняли какие-то попытки помочь ему. Вызванные по телефону Берия и Маленков заявили, что Хозяин (так они его неофициально называли) просто спит и не следует его тревожить, в результате врачи на помощь вовремя не пришли. Недаром в разговоре с Маленковым Берия заявил: «Я его убрал», а Василий Сталин кричал, что отца убили, за что его и заперли в психбольницу «лечиться от алкогольной зависимости».

5 марта 1953 г. в свою последнюю минуту, как свидетельствует Светлана Аллилуева, Сталин «вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью… Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты… и тут он поднял вдруг левую руку (которая двигалась) и указал ею куда-то наверх, как бы пригрозил всем нам». То, что хотел передать этим жестом Сталин, также останется тайной.

Смерть Сталина оказалась такой же кровавой, как и его жизнь. В день, когда народ прощался с ним – Великим Хозяином, Отцом народов, Вождем, – тысячи людей погибли в безумной давке. До 1961 г. его забальзамированное тело находилось в мавзолее рядом с телом Ленина, а затем, по указанию Н. Хрущева, было захоронено возле Кремлевской стены.

Фарадей Майкл

(род. в 1791 г. – ум. в 1867 г.)

Выдающийся английский ученый, физик и химик, основоположник учения об электромагнитном поле, открывший электромагнитную индукцию – явление, которое легло в основу электротехники, а также законы электролиза, названные его именем.

Майкл Фарадей стал знаменитым при жизни. На многие десятилетия вперед он предугадал развитие научной мысли. Вместе с тем ученый был настолько противоречивой фигурой, что даже последователи считали его гениальные открытия следствием недостаточности образования и подчас сомневались в точности проведенных им экспериментов из-за «странностей» характера ученого. Фарадей, идя в науке своим особым путем, в полном противоречии с господствующим научным мировоззрением, нередко находил закономерности и видел взаимные соотношения там, где никто до него их не признавал и не мог увидеть…

Фарадей прожил тихую, аскетическую жизнь ученого, который мог сказать: «Я никогда не имел ни студента, ни ученика, которые бы мне помогали, и я всегда готовил и делал свои опыты собственными руками, работая и думая в одно и то же время. Мне кажется, я не смог бы работать в компании или думать вслух, или объяснить мои мысли раньше времени». Он никогда не обсуждал свои идеи с кем бы то ни было, он публиковал их, зная что если они имеют ценность, то войдут в

историю, если нет – будут забыты. Квартира при Королевском институте и лаборатория – вот все, что ему было нужно для жизни и счастья.

Будущий гениальный ученый родился на окраине Лондона 22 сентября 1791 г. в бедной, но дружной семье. Его отец, Джеймс Фарадей, был кузнецом, а мать – дочерью земледельца. Эта трудолюбивая, мудрая, хотя и необразованная женщина дожила до времени, когда ее сын добился успехов и признания, и по праву гордилась им. Все Фарадеи были людьми труда – скромными и честными. Они принадлежали к небольшой религиозной секте зандеманов, получившей свое название по имени ее главы Роберта Зандемана, и, таким образом, не были связаны с официальной англиканской церковью. Это в известной мере обуславливало независимость и самостоятельность их убеждений.

Когда маленький Майкл достиг школьного возраста, его отдали в начальную школу. Курс, пройденный ребенком, был очень узок и ограничивался только обучением чтению, письму и началам счета. Уже с 13 лет он начал работать разносчиком книг, а потом стал учеником переплетчика в магазине мистера Джорджа Рибо. Наниматель этот был весьма любопытный: из троих его рабочих один стал великим ученым-экспериментатором, другой – знаменитым комедиантом, а третий – преуспевающим профессиональным певцом. А ведь чтобы выучиться на переплетчика, в то время требовалось семь лет.

Все это время Фарадей упорно занимался самообразованием – прочитал всю доступную ему литературу по физике и химии, повторял в устроенной им домашней лаборатории опыты, описанные в книгах, с 1810 г. посещал по вечерам и воскресеньям частные лекции по физике и астрономии. Деньги (по шиллингу на оплату каждой лекции) он получал от брата Роберта. На этих занятиях у Фарадея появились новые знакомые, которым он писал много писем, чтобы выработать ясный и лаконичный стиль изложения, кроме того, он также старался овладеть приемами ораторского искусства.

Майкл целенаправленно формировал свою личность и развивал свои способности. В 1812 г. он начал слушать лекции по химии, с которыми в Королевском институте перед широкой публикой выступал сэр Хэмфри Дэви. Чтение подобных лекций крупнейшими английскими учеными было одним из источников доходов института. Дэви в то время уже завоевал мировую известность своими трудами по химии и электричеству. Но, как пошутил однажды Дэвис Гильберт, тогдашний президент Лондонского королевского общества, «из всех открытий, когда-

либо сделанных Дэви, самым большим было открытие Майкла Фарадея».

По окончании ученичества, в октябре 1812 г., Майкл поступил в переплетную мастерскую французского иммигранта Де ля Роша. На этот раз с хозяином не повезло – он оказался настоящим самодуром, и юноша чувствовал себя на новом месте крайне неуютно. Пытаясь вырваться на волю, он обратился к Дэви, выразив желание заняться научной работой. Знаменитый химик скептически отнесся к решению сына кузнеца стать ученым и посоветовал ему не бросать выгодное переплетное дело. На замечание Майкла о возвышенных переживаниях людей науки сэр Хэмфри улыбнулся и заметил, что «опыт скоро рассеет его иллюзии».

Однако судьба была благосклонна к Фарадею. Через некоторое время при проведении химического опыта Дэви поранил глаз и ненадолго лишился возможности читать и писать. Тогда он вспомнил о недавнем разговоре и пригласил Майкла на временную должность личного секретаря. Во время совместной работы ученый поразился познаниями юноши и решил все же предоставить ему место в институте. В ответ на ходатайство сэра Хэмфри главный администратор института Пипис ответил: «Пусть он моет посуду. Если он чего-нибудь стоит, то начнет работать. Если же откажется, то значит, никуда не годится».

К счастью, мыть посуду Майклу не пришлось: освободилось место ассистента и Дэви рекомендовал его на эту должность. В начале 1813 г. молодой человек приступил к работе и с головой окунулся в исследовательскую деятельность: то он извлекал сахар из репы, то получал сероуглерод, о чем с восторгом писал своим друзьям. Но в основном Майкл помогал Дэви доводить до конца опасные опыты с соединениями хлора и азота. «Фарадей был смел и вместе осторожен, – писал о нем французский химик Жан Дюма. – Это был истый химик, ничего не боявшийся, но всегда бывший настороже».

С этого времени и начался творческий путь ученого-самоучки, который продолжался более 50 лет в стенах Королевского института, созданного в начале XIX в. Бенджамином Румфордом. Здесь Фарадей сформулировал основной закон электромагнитной индукции, открыл законы электролиза и дискретность электрического заряда, первым изучил свойства диэлектриков и формы газового разряда, открыл пара– и диамагнетизм и магнитную анизотропию, обнаружил вращение плоскости поляризации в магнитном поле, ввел в науку одно из основных физических понятий – понятие поля, создал технологию сжижения газов, сочетая одновременно низкие

температуры и высокое давление, изобрел вольтметр, электродвигатель, трансформатор…

Вскоре Майклу пришлось прервать научные занятия: в октябре 1813 г. вместе с Дэви он отправился в длительное путешествие по Европе, которое заняло более полутора лет. В то время на континенте бушевали политические страсти. Англия находилась в состоянии войны с Францией, но для знаменитого химика император Наполеон сделал исключение: два англичанина спокойно путешествовали по охваченным войной городам Европы, ставили опыты, беседовали с единомышленниками. В письмах Фарадея того времени нет почти ничего, кроме личных переживаний, описания впечатлений от стран, ландшафтов и встреч с учеными.

Иностранцы по достоинству оценили скромность и талант начинающего химика. Ж. Дюма писал: «Фарадей навсегда оставил о себе память как о человеке необыкновенно симпатичном, чего не сумел снискать себе его повелитель: Дэви вызывал удивление, но любили Фарадея». Эта поездка ввела в большой мир и большую науку бывшего переплетчика, который до того ни разу не выбирался за пределы Лондона, и предоставила ему возможность приобрести «себе самых преданных друзей в Париже, в Женеве, в Монпелье». Вернувшись в Англию, в январе 1816 г. Фарадей сделал свой первый публичный доклад и в течение года еще 5 раз выступал по частным проблемам химии. В 1817 г. он опубликовал шесть, а в следующие два года – 37 статей и заметок.

В период с 1816 по 1821 г. Майкл в основном занимался химией и сделал в этой области несколько важных открытий, за что был вскоре избран членом Королевского общества. Но до этого он решил задачу «превращения магнетизма в электричество»: заставил двигаться рамку с током внутри подковообразного магнита, что фактически означало создание прототипа электромотора. Предположение, что проводник с током будет двигаться в магнитном поле, высказывалось Дэви и вице-президентом Королевского общества Уильямом Волластоном, который в то время был очень заметной фигурой в науке. Вскоре Фарадей самостоятельно открыл эффект вращения, который в действительности оказался совершенно не похожим на то, что ожидали увидеть маститые ученые. Волластон повел себя как джентльмен и не выдвинул никаких претензий, но Дэви был чрезвычайно недоволен. Этот трудный опыт в области человеческих отношений Фарадей переживал очень тяжело.

К этому же времени относится и другое важное событие в жизни технического смотрителя Королевского института

Фарадея: «Среди воспоминаний и событий 1821 г. я выделяю одно, которое более чем все остальные послужило источником чести и счастья. Мы поженились 12 июня 1821 г.». Сарра Бернард, дочь лондонского ювелира, которую он знал еще девочкой, стала верным другом и спутницей Майкла. Они прожили вместе 45 лет. Друг семьи Фарадей, ученый Джон Тиндаль, писал: «Никогда, я думаю, не было более мужественной, более чистой и более постоянной любви…»

С 1821 по 1831 г. в дневниках Фарадея почти нет записей об электромагнитных проблемах, хотя он делал несколько безуспешных попыток вызвать ток с помощью магнитов. В это же время американский ученый Джозеф Генри в Нью-Йорке сконструировал мощные электромагниты, и вскоре было обнаружено явление изменения их полярности при быстром переключении питающих проводов. Используя новую технику и действуя чисто эмпирически, Фарадей смог 17 октября 1831 г. обнаружить явление электромагнитной индукции: возникновение в цепи электрического тока при изменении внешнего магнитного поля. Успех принес опыт, кажущийся сейчас тривиальным: вокруг металлического кольца обвивалось два отдельных витка провода. По одному из них, соединенному с батареей, пропускался электрический ток. Целью ученого было выяснить, не возникнет ли ток в «мертвом» проводе под воздействием «живого».

С прикладной точки зрения, Фарадей фактически построил модель первой динамо-машины, которая через столетие полностью изменит облик Земли. Но эта сторона вопроса абсолютно его не интересовала. В течение последующих 25 лет он целенаправленно изучал только две вещи: способ, каким электрические и магнитные силы передаются в пространстве, и связь между этими силами и материей. Начиная с первой серии «Экспериментальных исследований по электричеству», представленной Фарадеем Королевскому обществу в ноябре 1831 г., эта работа с перерывами продолжалась вплоть до 1855 г., когда появилась последняя, 30-я серия.

Хотя Фарадей и называл себя «скептиком относительно теорий», на самом деле в своих сериях «Экспериментальных исследований…» он постепенно выстраивал стройную теоретическую концепцию. К сожалению, она воспринималась большинством современников как чудачество великого экспериментатора. Взгляды Фарадея казались слишком наивными, несмотря на то что они вели его сквозь лабиринты разнородных фактов и помогали находить правильные варианты постановки опытов, приводящих к открытиям.

Через 20 лет Джеймс Максвелл первым счел нужным серьезно

проанализировать теоретические высказывания Фарадея. Оказалось, что его формулировки просто и естественно переводятся на язык соответствующей математики.

В 1825 г. Майкл Фарадей был назначен директором лаборатории Королевского института, а спустя два года получил здесь же профессорскую кафедру.

В электромагнетизме Фарадей сделал три замечательных открытия, причем любого из них в отдельности было бы достаточно, чтобы его имя осталось в науке. Первое – уже упоминавшееся открытие электромагнитной индукции. Второе – открытие диамагнетизма, т. е. свойства всех без исключения веществ в природе приобретать во внешнем магнитном поле компоненту намагниченности против направления поля. До этого реакция на магнитное поле наблюдалась на протяжении сотен лет, но лишь у ограниченного числа веществ – парамагнетиков, которые относительно сильно намагничиваются по полю. Кстати, слова «парамагнетик», «диамагнетик», а также всевозможные производные от них были введены Фарадеем, который вообще уделял большое внимание адекватной терминологии (им были предложены термины «анод», «катод», «электрод», «электролит», «электромагнетизм», «положительное и отрицательное электричество» и т. д.). И наконец, третье открытие – вращение плоскости поляризации света в магнитном поле.

В каждом случае Фарадей устанавливал факт взаимодействия между сущностями, до того не связанными между собой. Нужно сказать, что ему сильно повезло. Ведь в своих экспериментах он действовал слепо, заранее не зная, на каком уровне, при каких интенсивностях полей можно ожидать появления новых эффектов. Более того, он не имел надежных представлений об их характере. В таких условиях открытия обычно делаются случайно и, в соответствии с законами вероятности, один раз в жизни. Но, как видно, к гению эти соображения не относятся. Теория вероятности – для обычных людей.

Удивительно, сколь оригинальны и просты были опыты, с помощью которых Фарадей обнаруживал фундаментальные факты. Например, использовался такой прибор: соленоид, плавающий в воде, и магнитные стрелки, наколотые на пробки, которые, свободно двигаясь на поверхности жидкости, вычерчивали направления линий магнитного поля. При этом пробки спокойно проплывали сквозь соленоид, наглядно демонстрируя непрерывность силовых линий.

Исследование Фарадеем природы магнитных линий – кроме всего прочего, еще и поразительный пример мужества и упорства. К 50 годам ученый стал страдать тяжелым недугом. При

отменном физическом здоровье из-за переутомления он терял память. Болезнь прогрессировала, и в 1840 г. Фарадей был вынужден полностью прекратить научные исследования. Только спустя четыре года он снова смог приступить к работе. Ученый постепенно отказывался от различных обязанностей, которые уже не мог выполнять параллельно, он не скрывал и не стыдился своего недуга, а всячески пытался использовать для работы малейшую возможность.

В 1848 г. Фарадей открыл явление вращения плоскости поляризации света, распространяющегося в прозрачных веществах вдоль линий напряженности магнитного поля (эффект Фарадея). Сам первооткрыватель (взволнованно написавший, что он «намагнитил свет и осветил магнитную силовую линию») придавал этому открытию большое значение. И действительно, оно явилось первым указанием на существование связи между оптикой и электромагнетизмом. Убежденность в глубокой взаимосвязи электрических, магнитных, оптических и других физических и химических явлений стала основой всего научного миропонимания гениального ученого.

В 1855 г. болезнь вновь заставила Фарадея прервать работу. Он снова стал катастрофически терять память. Ему приходилось записывать в специальный журнал все, вплоть до того, куда и что он положил перед уходом из лаборатории, что он уже сделал и что собирался делать далее. Чтобы продолжать работать, он должен был отказаться от многого, в том числе и от посещения друзей. Последнее, от чего он отказался, были лекции для детей, которые он читал в Королевском институте с 1826 г. Одна из самых известных его лекций называлась «История свечи с точки зрения химии». Позже она была издана отдельной книгой и стала одним из первых научно-популярных изданий в мире.

Феномен личности Фарадея уникален, поскольку ученый мыслил точно, как математик, не владея формальным математическим аппаратом. Факты, которые он установил, стали фундаментом электромагнитной теории. Открытия Майкла Фарадея завоевали признание во всем научном мире, его именем были впоследствии названы законы, явления, единицы физических величин и т. д. (фарада, фарадей, число Фарадея, цилиндр Фарадея и др.).

Великий физик умирал в одиночестве. Детей у него не было, свою любимую жену и верную спутницу Сарру Бернард он уже похоронил, да и сам превратился в старика, который с трудом мог написать хотя бы строчку. Фарадей сознавал свою беспомощность и очень страдал от этого. Из дома он выходил все реже и реже. И не принимал никого, кроме своего ученика и

преемника Д. Тиндаля. Но ученый знал точно: все в жизни, что он должен был сделать, он сделал. К 1867 г. его научные открытия получили признание 97 академий наук, он также был обладателем целой коллекции научных титулов, однако не счел нужным получить хотя бы одно ученое звание. Верный себе Фарадей отказался и от дворянского титула, произнеся при этом следующую фразу: «Благодарю. Но я хочу называться просто: Майкл Фарадей».

Гениальный ученый спокойно и тихо скончался 25 августа 1867 г., сидя за письменным столом в своем лондонском доме. Несмотря на то что у него уже не было сил для серьезных дел, светлое состояние души не оставляло его до конца. Еще в 1861 г. он писал другу: «Я благодарен, что в процессе того, как способности и другие вещи в этой жизни покидают меня, добрая надежда остается со мной. Это позволяет размышлять о смерти спокойно и без страха. Чего же бояться, если среди подарков Бога нам дан свыше еще этот мир в душе? Именно этот, невыразимый словами дар в Его излюбленном сыне, – есть основание для надежды, и в нем опора для тех, кто, как ты и я, влачится здесь, внизу к концу нашего жизненного пути».

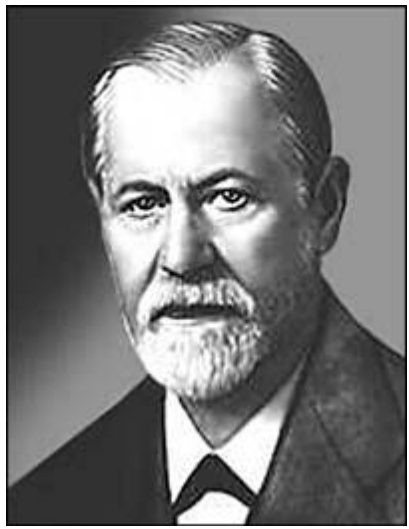
Уже в XX в., в 1938 г., в Лондоне был найден документ со следующей надписью: «Новые воззрения, подлежащие хранению в запечатанном конверте в архивах Королевского общества». Письмо было написано Майклом Фарадеем и содержало в себе суть открытия, сделанного Герцем спустя 55 лет после смерти великого английского ученого. Речь шла о существовании электромагнитных волн. Фарадей писал: «…я хочу, передавая это письмо на хранение в Королевское общество, закрепить открытие за собой определенной датой и, таким образом, иметь право, в случае экспериментального подтверждения, объявить эту дату датой моего открытия. В настоящее время, насколько мне известно, никто из ученых, кроме меня, не имеет подобных взглядов».

Один из биографов гениального естествоиспытателя писал: «Мало людей, кто действительно вполне довольствуется мыслью, что потомки, а не современники должны судить о результатах конкретной жизни, ориентированной на научную работу. Фарадей был таким…»

Похороны великого ученого были незаметными, в соответствии с его желанием присутствовали только ближайшие родственники и друзья. На могиле Фарадея – простой камень. Но нация справедливо определила место его захоронения – Вестминстерское аббатство, рядом с могилами Ньютона и Максвелла.

Фрейд (Фройд) Зигмунд

Настоящее имя – Сигизмунд Шломо Фрейд (род. в 1856 г. – ум. в 1939 г.)



Выдающийся австрийский врач-психиатр, психолог, развивший теорию психосексуального развития индивида. Основатель психоанализа и философско-антропологической и психологической концепции – фрейдизма. Профессор Венского университета (1902 г.), организатор Венского психоаналитического общества и Первого международного психоаналитического конгресса в Зальцбурге, почетный гражданин Вены (1908 г.), почетный доктор Университета Кларка (1909 г.). Награжден литературной премией Гете (1930 г.). Член Королевского общества медиков (1936 г.). Автор многих научных трудов по неврологии, психиатрии и психоанализу.

Имя Зигмунда Фрейда – одно из самых громких и скандальных в XX в. И не только потому, что этот австрийский врач-психиатр стал создателем глубинной психологии и психоанализа. Это был человек бесстрашный, ибо смелость, с которой он выдвинул свои революционные идеи, более свойственна философам и мыслителям, чем практическим врачам и медикам академического толка. Сам Фрейд говорил, что он «принадлежит к тому сорту людей, которые нарушили покой мира». И действительно, одно то, что в историю мировой мысли вошло само понятие «фрейдизм», свидетельствует об огромном влиянии отца психоанализа на умы людей в самых различных странах мира. Да и в самой жизни Фрейда было немало

моментов, которые никак не назовешь ординарными, характерными для благопристойного ученого буржуа.

Сигизмунд Фрейд родился 6 мая 1856 г. в Австро-Венгрии в небольшом моравском городке Фрайберге (теперь Пршибор, Чехия) в семье торговца шерстью Якоба Фрейда. Якоб, женатый третьим браком на Амалии Натансон, ко времени рождения сына, старшего из восьмерых детей в этой семье, был уже дедом. В прошлом ортодоксальный еврей, теперь он почти не придерживался религиозных обычаев и слыл, по утверждению домочадцев, «законченным свободомыслящим», т. е. человеком с либерально-просветительскими взглядами. Когда Сигизмунду исполнилось четыре года, семья в связи с материальными затруднениями была вынуждена переехать в Вену, где Фрейд и прожил всю жизнь. Район, где он рос, больше напоминал гетто, и мальчик осознал свою принадлежность к преследуемому меньшинству. (Даже став выдающимся ученым, Фрейд никогда не забывал об этом и в своих работах часто возвращался к теме антисемитизма.)

Сизигмунд всегда блестяще учился. И хотя вся семья ютилась в тесной квартирке, родители отвели ему собственную комнату. У него даже была лампа с масляным фитилем, которой он пользовался во время занятий, остальные же домочадцы довольствовались свечами. При этом его братьям и сестрам не позволялось даже музицировать, когда он делал уроки, чтобы не нарушать тишину. Фрейд получил классическое образование: изучил греческий и латынь, читал великих поэтов, драматургов, философов – Шекспира, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше. Из-за его пристрастия к чтению в книжной лавке стремительно росли долги, что, надо сказать, не вызывало сочувствия у стесненного в средствах отца. Сигизмунд великолепно владел немецким языком и даже получал призы за литературные победы, а также бегло говорил на французском, английском, испанском и итальянском языках.

Гимназию Фрейд окончил в семнадцать лет с отличием. Он хотел стать генералом или министром, но как еврею ему были доступны лишь медицина, юриспруденция и коммерция. Медицину Сигизмунд выбрал без особого желания, хотя и был увлечен трудами Дарвина. Таким образом, в 1873 г. он поступил на медицинский факультет Венского университета. Он несколько раз менял специализацию, так как все никак не мог решить, какой же профессии себя посвятить, и проучился в результате полных восемь лет. Фрейд мечтал стать знаменитым и уже в студенческие годы внес в науку свою лепту, описав новые свойства нервных клеток у золотых рыбок, а также подтвердив существование яичек

у самцов угря. Следует отметить, что еще одним открытием будущего врача стала возможность лечения многих заболеваний посредством кокаина. Начав врачебную практику, Зигмунд (имя он сменил в 22 года) испытывал действие вещества на себе и своих близких, не подозревая, что это наркотик. Он даже пробовал вылечить кокаином одного из своих друзей, Эрнста Фляйшль-Марксов, от морфиевой зависимости. Однако вскоре было доказано разрушающее действие наркотика на организм человека, Эрнст умер, а в медицинских кругах Вены за Фрейдом закрепилась репутация авантюриста. Он перестал использовать кокаин в лечебной практике, но сам не прекратил принимать этот наркотик, причем это никак не отразилось ни на его психическом состоянии, ни на здоровье.

Еще во время учебы Зигмунд испытал на себе влияние знаменитого психолога Эрнста Брюкке, возглавлявшего Институт физиологии при Венском университете. Идею ученого о том, что живые организмы представляют собой динамические энергетические системы, подчиняющиеся законам физической Вселенной, Фрейд воспринял со всей серьезностью, и позднее она получила развитие в его взглядах на динамику психического функционирования.

После получения степени доктора медицины в 1881 г. молодой врач занял должность в Институте анатомии мозга и проводил сравнительные исследования мозга взрослого человека и плода. Его никогда не привлекала практическая медицина, однако вскоре ему пришлось оставить свою должность и заняться частной практикой невропатолога: пациентами его в основном были люди, страдающие от неврозов. Причин перехода к лечебной деятельности было несколько: научная работа оплачивалась крайне низко, атмосфера антисемитизма не давала возможности для карьерного роста, а Фрейд влюбился, и для свадьбы требовались деньги.

1885 г. был поворотным в карьере Зигмунда. Он наконец-то получил исследовательскую стипендию и в течение четырех месяцев стажировался в Париже в клинике Саль-петриер у известного невролога Жана Шарко. Этот специалист, изучая причины и лечение истерии, использовал внушение под гипнозом и мог как индуцировать, так и подавлять сопутствующие ей симптомы. Шарко считал, что причины функциональных психических расстройств следует искать не в анатомии, а в психологии. Фрейд очень заинтересовался его исследованиями: лекции врача и клинические демонстрации лечения произвели на него сильное впечатление. И хотя позже Фрейд отверг применение гипноза как терапевтического метода, в Вену он

возвратился не неврологом, а психопатологом. Проблемы психологии навсегда вошли в круг его научных интересов.

В следующем году Фрейд женился на Марте Бернайс, очаровательной девушке из бедной еврейской семьи. До свадьбы они были помолвлены четыре года и, несмотря на то что жили поблизости, встречались крайне редко. В основном влюбленные общались при помощи писем, из которых видно, что Зигмунд был страстным и ревнивым женихом. У Фрейдов родилось трое сыновей и три дочери. Самая младшая, Анна, последовала в будущем по стопам отца и со временем стала талантливым детским психоаналитиком. Доктор Фрейд был счастлив в браке, но и тут не обошлось без скандалов. Венское общество смаковало слухи о том, что он поддерживает любовные отношения с сестрой Марты – Минной, которая часто сопровождала его в поездках, тогда как жена сидела с детьми, а позже с неменьшим энтузиазмом следило за отношениями Фрейда с его лучшим другом, отоларингологом Вильгельмом Флиссом. Поводом для столь живого интереса послужили толкуемые двояко строки в одном из писем, адресованных Флиссу: «Я с огромным нетерпением ожидаю нашу следующую встречу… Жизнь моя тосклива… Только встреча с тобой может заставить меня вновь почувствовать себя лучше». Примечательно, что их отношения прекратились после того, как Фрейд отверг теорию Вильгельма о всеобщей бисексуальности, а потом заявил, что она была выдвинута им самим. Впоследствии доктор задумал написать на эту тему большой научный труд и даже утверждал: «В любом сексуальном акте участвует четыре самостоятельные личности».

И все же гораздо больше доверия вызывают слова немецкого писателя С. Цвейга о личной жизни Фрейда: «70 лет в том же городе, более 40 лет в том же доме. А дома прием больных в том же самом кабинете, чтение в том же самом кресле, литературная работа за тем же письменным столом. Отец семейства из шести человек детей, лично без всяких потребностей, не знающий иных увлечений, кроме увлечения своим призванием и своей привязанностью… Каждый день – как двойник другого дня: раз в неделю лекции в университете, раз в неделю, по средам, духовное пиршество в кругу учеников, по примеру Сократа, раз, по субботам, карты».

Вскоре после женитьбы Фрейд начал сотрудничать с Иозесом Брейером, одним из самых знаменитых венских врачей, который достиг некоторых успехов в лечении пациентов-истериков благодаря применению метода свободного рассказа больных о своих симптомах и проблемах. Вместе с Брейером Фрейд предпринял исследование психологических причин истерии и

продвигался все дальше в изучении способов ее лечения. Совместная работа двух врачей завершилась изданием книги «Исследования истерии» (1895 г.), в которой они пришли к выводу, что причиной появления истерических симптомов являются подавленные вспоминания о трагических событиях. Иногда 1895 г. называют официальной датой рождения психоанализа, хотя в действительности до этого знаменательного события было еще далеко.

Отношения с Брейером прервались практически сразу после выхода книги. Причина, по которой коллеги столь внезапно стали непримиримыми врагами, до сих пор не ясна: одни биографы Фрейда видят ее в эдиповом комплексе (еще не описанном) самого Фрейда; другие же просто говорят о несовпадении взглядов на роль детской сексуальности в этиологии истерии. Так или иначе, но утверждения Фрейда о том, что в основе любого вида истерии и других психических заболеваний лежат проблемы, связанные с сексуальностью, привели к тому, что в 1896 г. его исключили из Венского медицинского общества. К этому времени он только начал разрабатывать то, что позднее назовут теорией психоанализа. Более того, его оценка собственной личности и работы, по наблюдениям его друга и первого биографа Э. Джонса, была такова: «У меня довольно ограниченные способности или таланты – я не силен ни в естественных науках, ни в математике, ни в счете. Но то, чем я обладаю, пусть и в ограниченном виде, вероятно, развито очень интенсивно».

Четыре года безвременья, «продуктивного одиночества» потребовалось Фрейду, чтобы наконец осознать, что в центре психической жизни человека стоит не сознание, как говорили классики психиатрии, а что-то другое, скрытое от взора врачей. Четыре года – и он сравнил психику человека с айсбергом, ничтожно малая часть которого выступает над поверхностью воды, совершив тем самым переворот в изучении разумной личности, назвав ее неразумной.

Еще в 1896 г., после смерти отца, Фрейд начал анализировать свои сновидения и практиковать самоанализ в течение получаса перед сном ежедневно. Его выдающийся труд «Толкования сновидений» (1900 г.) основан именно на этом анализе. Однако до славы и признания еще было очень далеко. Трудно поверить, но вначале этот шедевр был проигнорирован психиатрическим сообществом Вены, а сам автор за свой труд получил лишь скромный авторский гонорар в размере 209 долларов. За восемь последующих лет на территории страны было продано лишь 600 экземпляров книги: сочинение ошеломило не только простых читателей, но и ученых-коллег, на молодого австрийского врача

обрушился град насмешек, словно подтверждая библейское изречение «нет пророка в своем отечестве». Но пока австрийцы насмехались, книгу перевели в более прогрессивных странах – России, Америке, Франции и Англии. Все большую популярность завоевывал и психоанализ как особый подход к душевным процессам, как метод лечения невротических заболеваний и как теоретическое направление психологии.

Взлет Фрейда был словно запрограммирован. В течение пяти лет его престиж возрос настолько, что он вошел в число врачей, пользующихся мировой известностью. Уже в 1902 г. было основано общество «Психологические среды», которое посещали только избранные интеллектуальные последователи Фрейда. В 1908 г. эта организация была переименована в первое в мире Венское психоаналитическое общество. Многие из коллег Фрейда, бывшие его членами, стали впоследствии известными психоаналитиками, каждый в своем направлении: Э. Джонс, Ш. Ференци, А. Адлер и О. Ранк (последние двое позже возглавили собственные конкурирующие между собой научные школы). Отдельную нишу среди единомышленников З. Фрейда занимают его любимые ученики: Карл Густав Юнг и Лу Андреас-Саломе. С Юнгом по неизвестной причине они стали непримиримыми соперниками, хоть и отзывались одобрительно на людях о теориях друг друга; а Саломе была не только последовательницей и близкой подругой его семьи, но и первой женщиной, признанной профессиональным психоаналитиком, написавшей, в частности, несколько работ совместно с Анной Фрейд.

Период 1901–1905 гг. стал особенно творческим и продуктивным. Фрейд опубликовал несколько работ, в том числе «Психопатологию обыденной жизни», «Три эссе о сексуальности» и «Юмор и его отношение к бессознательному». Он выдвинул предположение о том, что дети рождаются с сексуальными побуждениями, а их родители предстают в роли первых сексуальных объектов. Общественный резонанс последовал незамедлительно: Фрейда снова заклеймили, на этот раз как страдающего сексуальными извращениями, непристойного и безнравственного человека, посягнувшего на святая святых – отношения отцов и детей.

В 1909 г. произошло событие, выведшее наконец психоаналитическое движение из состояния общественной изоляции и проторившее ему путь к мировому признанию. Г.-С. Холл пригласил ученого в Университет Кларка (США) прочитать цикл лекций по разработанной им психосексуальной теории. Лекции, в сокращенном виде превратившиеся в учебник «Лекции по введению в психоанализ» (опубликован в 1920 г.), были

приняты на ура, а Фрейд был награжден почетной степенью доктора. В то время он уже вел обширную практику во многих странах мира, пациенты (в том числе очень знаменитые и влиятельные люди) стремились попасть к нему на прием.

Будущее врача выглядело многообещающе. Но постоянные проблемы и переживания отравляли его жизнь. В 1919 г. Фрейд в связи с послевоенной разрухой потерял все свои банковские сбережения и оказался на грани банкротства; через год умерла его 26-летняя дочь София. Но наиболее тяжелым испытанием стало для него пребывание на фронте двух сыновей. Отчасти под влиянием военного лихолетья и новой волны антисемитизма в 64 года Фрейд и создал свою теорию об универсальном человеческом инстинкте – стремлении к смерти, об Эросе и Танатосе, жизни и смерти, борющихся друг с другом за людские души. Однако, невзирая на пессимизм относительно будущего человечества, он продолжал четко формулировать свои идеи во все новых и новых книгах: «По ту сторону принципа удовольствия», «Я и Оно», «Будущее одной иллюзии», «Цивилизация и недовольные ею», «Новые лекции по введению в психоанализ», «Очерк психоанализа» (опубликован посмертно). Фрейд проявил себя как исключительно одаренный писатель, за что был награжден одной из самых престижных в мире премий по литературе – премией Гете.

Первая мировая война оказала огромное влияние на жизнь и представления Фрейда. Работа в клинике с солдатами, многие из которых страдали психическими расстройствами, расширила его понимание разнообразия и тонкости психопатологических проявлений. Усиление антисемитизма в 1930-е гг. тоже оказало огромное влияние на его взгляды о социальной природе человека.

К 75-летию ученого в «Интернациональном Психоаналитическом издательстве» вышло «Избранное» – основные работы Фрейда по психоанализу, плод всех его размышлений.

Еще опираясь на первые опыты, Зигмунд Фрейд разработал «катарсический» метод лечения неврозов, который позволил установить феномен психического сопротивления пациентов раскрытию вытесненных воспоминаний и существованию у них внутрипсихического фактора цензуры. Это послужило для него толчком к созданию динамической концепции личности в единстве сознательного и бессознательного факторов. Согласно этой концепции истоки психического сопротивления могут лежать в сферах межличностного взаимодействия людей, в отношениях личности (Я – Эго) с окружающим миром, потери человеком смысла существования и т. д. Тем самым Фрейдом

была показана связь внутреннего состояния личности с внешним социокультурным миром, а психология, как наука о внутреннем мире человека с единственным методом самонаблюдения, включила в себя и изучение культурных внешних явлений, а также особенностей реального взаимоотношения людей. Разнообразные аспекты этнокультурных стереотипов в совокупности с другими факторами в поведении людей составили предмет изучения психоанализа.

Поведенческая теория, объясняющая появление и функционирование различных видов психических нарушений в различных культурах, используется в антропологии и в настоящее время. Еще одним важным аспектом психоанализа стало положение Фрейда о том, что энергия влечений (по форме – в основном сексуального характера), не находя прямого выхода, так как блокирована культурой, ее нормами, обретает окольные выражения в патологиях или бессознательных формах. Например, ученый полагал, что сновидения – «ворота в бессознательное» (он обозначал бессознательное латинским словом «Ид»), что «неврозы нормального человека» выполняют защитные функции, так как в них вытесненные антисоциальные желания получают символическое удовлетворение. Таким образом, в каждом из людей идет борьба между «принципом удовольствия», т. е. стремлением удовлетворить свои скрытые желания, и «принципом реальности», т. е. невозможностью удовлетворить их. Вытесненные в область бессознательного импульсы ищут себе окольные пути выхода, отсюда неврозы, истерия, немотивированная жестокость, склонность к насилию и другие отклонения в поведении человека.

Положение о динамическом соотношении Ид (бессознательного), Эго (реального положения вещей) и Супер-эго (морально-этических предпочтений человека) Фрейд дополнил разработкой стадий психосексуального развития («Три эссе о сексуальности»). Согласно им эротические желания (либидо) заложены в человеке практически с рождения. Сексуальность проходит у ребенка ряд стадий. Первая – аутоэротизм, нарциссизм. В ней эротические побуждения человека направлены на его собственное тело. Впоследствии Фрейд разделил этот период еще на ряд этапов (оральный, анальный, генитальный). В более поздний период развития эротические влечения в связи с полом раздваиваются, принимают специфические формы выражения. У мальчиков эротический импульс направлен на мать (при этом отец воспринимается как нежелательный соперник, к нему появляется враждебное бессознательное чувство), у девочек – на отца (враждебность она испытывает к матери).

Подобную особенность взаимоотношений людей Фрейд назвал комплексами Эдипа или Электры (царь Эдип – герой греческой мифологии, который убил отца, чтобы жениться на своей матери; Электра – героиня греческой мифологии, которая помогла своему брату Оресту отомстить за отца, убив мать). Эти комплексы – явление, универсальное для всех людей, они составляют основу для психоаналитической концепции индивидуального развития человека от детства до взрослого состояния. Одновременно с анализом стадий психосексуального развития Фрейд разработал положение о замещении, трансформации сексуального влечения в иные формы, получившее название «сублимация» (вытеснение). Несколько позже он использовал это понятие для анализа художественного творчества и объяснения ряда культурных феноменов.

В конце 1920-х гг. Фрейд окончательно сформулировал основные постулаты своей теории. А тем временем ситуация в Европе становилась все более тревожной. В 1933 г. к власти в Германии пришли фашисты, и в результате аншлюса Австрия была присоединена к немецкому лагерю. Гонениям подверглись многие талантливые ученые и писатели, в том числе и Фрейд, ставший постоянной мишенью для нападок гитлеровцев. Среди первых книг, публично сожженных на кострах в Берлине, находились и его произведения. Эти события ученый прокомментировал с горьким сарказмом: «Какой прогресс! В Средневековье сожгли бы меня самого, теперь же они довольствуются сожжением моих книг». Реальность оказалась еще трагичнее: в 1938 г. у Фрейда был отобран паспорт, конфискованы имущество, рукописи произведений, огромнейшая библиотека. Сам он как еврей попал в гетто (хотя доктор и не посещал синагогу, но являлся членом организации «Бней Брит» – «Сыны Завета» и обожал собирать еврейские шутки). Только ценой выкупа в 100 тыс. шиллингов, собранных коллегами и благодарными пациентами, ему была сохранена жизнь, и он смог эмигрировать в Англию. Тем не менее душевные мучения Фрейда на этом не прекратились: в Освенциме и Майданеке погибли четыре его сестры, а по дороге в Лондон он узнал, что дочь Анна попала в гестапо. Только чудом ей удалось воссоединиться с семьей, но это стоило ее отцу остатков подорванного здоровья.

В Лондоне знаменитого австрийского психиатра ожидал восторженный прием. К сожалению, жизнь Фрейда уже подходила к концу. Однако работал он так же напряженно, как и в молодости. Итогом всего одного года, прожитого в эмиграции, стал начатый еще в Вене труд «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» (остался не оконченным) –

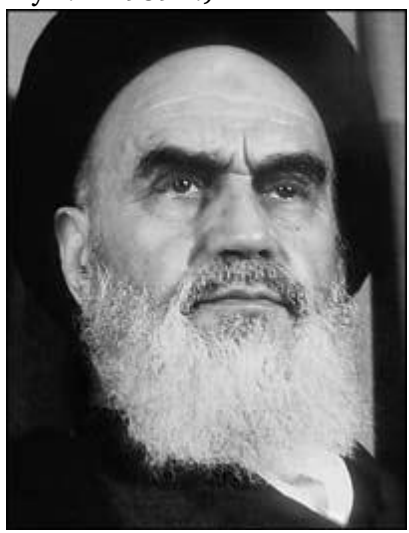
пронзительный и наиболее философский взгляд Фрейда на психологический мир еврейства. В своих же исследованиях он переключился с личных травм на групповые и очень хотел выпустить на эту тему новую монографию. Сделать это ему было не суждено.

Еще с 1923 г. Фрейд, выкуривавший в день по 20 кубинских сигар, страдал раковой опухолью глотки и челюсти, но упорно отказывался от лекарственной терапии, за исключением небольших доз аспирина. Он перенес 33 тяжелейшие операции, которые должны были остановить рост опухоли, вынужден был носить неудобный протез, заполнявший свободное пространство между носовой и ротовой полостями, и поэтому временами не мог говорить. Его постоянно мучили сильнейшие боли, которые с каждым днем становились все невыносимее. 23 сентября 1939 г., незадолго до полуночи, Фрейд умер после того, как выпросил у своего друга доктора Макса Шура инъекцию смертельной дозы морфия, прекратившей его страдания.

Спустя более чем 60 лет после смерти в представлении многих людей ученый все еще остается такой же противоречивой фигурой, как и при жизни. Работой над проблемой восстановления психологического здоровья Фрейд создал теорию, объясняющую поведение не только больного, но и здорового человека. Она приобрела в мире столь широкое распространение, что многие люди до сих пор убеждены, что «психология – это и есть Фрейд». Войдя во все учебники по психологии, психотерапии и психиатрии, теории Фрейда оказали огромное воздействие не только на науки о психологии человека и его мышлении, но и на философию, социологию, литературу и искусство. Тем значимее наследие великого австрийца, объединившего сумму знаний, в которых синтезируется весь внутренний и внешний опыт человечества.

Хомейни Рухолла Мусави

(род. в 1900 г. – ум. в 1989 г.)



Духовный руководитель Исламской Республики Иран (1973–1989 гг.), аятолла (с конца 1950-х гг.), великий аятолла (1961 г.)

Хомейни смело можно отнести к числу людей, изменивших ход истории и сознание человечества на исходе XX в. С его именем тесно связана активизация исламского фундаментализма, охватившая мусульманские страны в конце XX – начале XXI в. Он сумел доказать, что потенциал религии в нашем мире отнюдь не исчерпан и что скрытая энергия, дремлющая в сердцах людей, может в один прекрасный (или далеко не прекрасный) день быть разбужена и под лозунгом «Молчание для мусульманина – измена Корану!» перевернуть кажущийся незыблемым порядок вещей. И тогда вряд ли у кого хватит мощи, чтобы остановить распространение новой волны ислама.

Хомейни считал, что духовенство не может быть вне политики, указывая: «Клянусь Аллахом, что ислам в целом – это политика». «Пророк ислама, – говорил он, – восстал ради Бога единого во враждебном окружении… Пророк сам написал четыре письма четырем правителям – Ирана, Рима, Египта и Абиссинии. В этих четырех письмах, содержание которых идентично, он приглашал четырех правителей принять ислам и единобожие. Это был первый шаг, с которого начались попытки донести правду ислама до всего мира, до всех империй, и представить народам ислам в истинном свете». Идея о необходимости принять эту эстафету проходила красной нитью через все проповеди и

выступления Хомейни. На вопрос о том, какова его политическая платформа, он как-то ответил, что это «шахада» – исламское исповедание веры. Через десять лет коммунизм исчезнет с лица земли. Ислам же продолжит победное шествие». Похоже, пророчество сбывается.

Хомейни был готов распространять ислам даже с применением оружия. Еще в 1937 г., после паломничества в Мекку, он отправился в иракский город Наджеф, где познакомился с деятельностью воинствующей организации «Ихван аль-Муслимин» – «Братья мусульмане». Сблизившись с руководством этой организации, он, спустя десятилетия, во время арабо-израильских конфликтов неизменно стоял на стороне боевых арабских организаций «Аль-Фатх» и «Хамаз». Они получали от Хомейни щедрую финансовую помощь. Не без его участия появились и действуют отряды «Хезболла».

Биография Хомейни для Запада полна загадок и белых пятен. «Жизнь аятоллы, – писала американская газета “Нью-Йорк тайме”, – была настолько туманна, так обросла мифами и слухами, что долго спорили, а то и вовсе не знали, кто были его предки, каково его настоящее имя и дата рождения». Все это возникло не на пустом месте. В Иране одновременно в ходу три календаря. По одному из них аятолла родился в 1320 г., по другому – в 1281 г., по третьему – в 1902 г. Ясность в этот вопрос внес сам Хомейни. Выступая в марте 1963 г. в кумской мечети Азам, он обронил: «В нынешнем году мне исполнится 63 года». Достоверно известны только день, месяц и место его появления на свет: 24 сентября в городе Хомейне, к югу от Тегерана. Отсюда его фамилия. При рождении мальчика нарекли Рухоллой, что означает «дух Аллаха». Второе, родовое имя Мусави перешло к нему от отца, Мустафы Мусави, и означало, что по отцовской линии его род через святого имама (светского и духовного главу общины) Мусу Казема восходит к самому пророку Мухаммеду. Рухолла был шестым сыном в семье. Его отец и дед были учеными-богословами, причем весьма авторитетными. Отец получил образование в известном шиитском центре Наджефе и стал ведущим священнослужителем Хомейна. Рухолле на роду было написано стать богословом.

Мальчику не было и пяти месяцев, когда погиб его отец. Он был убит родственниками одного из жителей города, казненного по указанию Мустафы за нарушение поста в месяце Рамазане. Воспитанием сына занялась мать, которая привила ему дух непримиримости к врагам ислама, она же дала ему и начальное образование. Матери не стало, когда Рухолле исполнилось 15 лет. Через четыре года юноша покинул родной дом, чтобы продолжить

образование в медресе в г. Араке. Еще через три года для продолжения образования он переехал в г. Кум, слывущий «шиитским Ватиканом». Здесь помимо исламских дисциплин он увлекся трудами Аристотеля и особенно Платона. Через много лет именно его «Республику» аятолла Хомейни положит в основу морали своей исламской республики.

По окончании курса Рухолла начал преподавать в самом престижном религиозном учебном заведении Ирана – Центре исламских исследований Файзийе в Куме, и в неполные 27 лет получил богословское звание муджтахида – ученого-богослова, имеющего право выносить самостоятельные решения по важным вопросам мусульманского права.

В 1925 г. молодой человек женился на Батул-Ханум, десятилетней дочери своего учителя в медресе, одного из самых богатых и влиятельных религиозных деятелей. Этим он улучшил свое материальное положение, хотя и его самого никак нельзя было назвать бедным. Сам Рухолла вел простую, скромную и даже аскетическую жизнь, но принадлежащие ему и его братьям наделы, на которых трудилось около 3 тыс. крестьян-арендаторов, приносили солидные доходы. Правда, почти все они уходили на выплату стипендий талибам – ученикам Хомейни. В семейной жизни Рухолла также выступал в образе благочестивого мусульманина. Жена родила ему восьмерых детей, трое из которых умерли в детстве. Пятеро – два сына и три дочери – воспитывались в духе мусульманских обычаев и традиций. Иранцам также очень импонировало, что молодой богослов показал себя достойным соотечественником Саади и Омара Хайяма – он писал стихи, которые печатал под псевдонимом Хафиз.

В этот же период началось противостояние Хомейни и шахского двора. К прегрешениям шаха перед мусульманами он относил, прежде всего, его прозападную ориентацию. Шах провел закон, согласно которому женщинам разрешалось ходить без чадры, поощрялось ношение европейской одежды, запрещались многие религиозные церемонии, был принят ряд мер по реквизиции земельной собственности шиитского духовенства и установлен контроль над доходами священнослужителей, включая пожертвования и наследование имущества верующих. Правда, сам шах и его двор не отказывали себе в роскоши. И тогда, в 1925 г., талиб-слушатель медресе публично заявил: «Иран примирится сам с собой лишь с исчезновением династии Пехлеви». Эти дерзкие слова в тот раз остались без последствий.

Хомейни был уже начинающим преподавателем медресе в Куме, когда туда пожаловали шах с супругой. Это была их первая

встреча. Аятолла Бафки тогда сделал резкое замечание шахине за то, что она вошла в храм с непокрытой головой, и тотчас получил от шаха удар хлыстом по лицу. В воцарившейся гробовой тишине раздался голос Хомейни, призвавшего своего учителя Бафки дать достойный отпор обидчику, но у того на это не хватило смелости. А молодой преподаватель с этого момента встал в открытую оппозицию шаху.

В 1930-е гг. ему пришлось столкнуться с репрессивными действиями режима, постаравшегося подчинить себе духовенство. Тогда были запрещены все лекции в медресе, однако он продолжал подпольно преподавать и подготовил сотни последователей, которые, подобно своему учителю, стали связывать все беды и невзгоды страны с монархией.

Следующее столкновение Хомейни с шахом произошло в 1946 г., когда членами шиитской организации «Федаян-а ислам» был убит крупный иранский историк Ахмед Кесрави, выступавший против шиитства. Не видевшие в этом греха муллы во главе с Хомейни попросили о встрече с шахом, чтобы молить о помиловании убийцы. Пехлеви согласился принять только Хомейни. Тому объяснили, что он должен ожидать появления государя стоя и сесть только по его повелению. Однако, когда шах вошел, Хомейни уже сидел и даже не подумал встать. Мало того, во время беседы монарх был вынужден пойти на уступки и помиловать преступника.

Противостояние Хомейни шахскому режиму встречало поддержку в среде духовенства, торговцев, ремесленников и крестьян. Они видели в нем не просто священника, а человека, на которого снизошла благодать Божья, прямого потомка пророка. А по канонам ислама только прямые потомки пророка полномочны управлять мусульманами. Мухаммед Реза Пехлеви и весь его род таковыми не являлись и, следовательно, не имели права на господство в стране. Отсюда вытекало, что они незаконно узурпировали власть и потому должны быть низвергнуты. Такова была логика Хомейни и его единоверцев.

В конце 1950-х гг. Хомейни стал аятоллой – религиозным деятелем высшего ранга. С 1962 г. его отношения с властью особенно обострились. В октябре он выступил против шахского законопроекта, разрешавшего представителям других религий, «неверным», избираться в органы государственной власти. При этом избранный мог принять присягу на любой священной книге, а не только на Коране. Хомейни направил шаху и правительству ноты протеста и опубликовал специальное послание всем верующим. Он заявил: «Вы намерены лишить Коран его официального статуса и… открыть путь врагам, предающим

ислам и Иран». Для него самого и его последователей происшедшее являлось святотатством. Кумское духовенство объявило законопроект противоречащим духу и букве иранской конституции и основным принципам шариата. Сразу же закрылись базары и большинство предприятий. Шах дрогнул, но не сдался. В январе 1963 г., обвинив Хомейни в невежестве и мракобесии, он повелел провести в Тегеране «парад эмансипированных женщин», так называемую «белую революцию», предусматривавшую предоставление избирательных прав женщинам, проведение аграрной реформы, а затем дополненную рядом других, не менее кардинальных преобразований буржуазного типа. Но оппозиция во главе с Хомейни упредила шаха волной демонстраций и забастовок. Шах отступил. Однако Хомейни тут же выступил с прямым призывом к свержению шахского режима вооруженным путем.

Аятолла становился слишком опасен. Его дважды арестовывали, чтобы заставить молчать, но тщетно. Расправу предотвратило решение высшего духовенства возвести его в ранг «великого аятоллы», который носили менее десяти шиитских религиозных деятелей и который обеспечивал свободу от юрисдикции шахского режима. Кроме того, новый духовный сан давал Хомейни возможность претендовать на роль руководителя шиитской общины Ирана. Вскоре произошло новое столкновение с властью: Хомейни публично осудил мошенничество на парламентских выборах. Это привело к 8-месячному домашнему аресту. Затем последовало новое выступление аятоллы – на сей раз против предоставления американским военным статуса дипломатической неприкосновенности. Чаша терпения шаха переполнилась, и он пошел на крайние меры. 4 ноября 1964 г. в дом Хомейни ворвались десантники, которые отвезли его в столичный аэропорт, а оттуда на транспортном самолете ВВС Ирана – в Анкару. Спустя 11 месяцев аятолла получил разрешение перебраться в Ирак. Здесь он читал лекции в религиозном учебном заведении и продолжал разработку своей концепции «подлинного толкования» ислама и роли исламского лидера. Много внимания Хомейни уделял разработке нового, «исламского правления». Учитывая это, власти Ирана добились от Ирака лишения Хомейни вида на жительство, и он вынужден был переселиться во Францию.

Все 14 лет, проведенные в изгнании, Хомейни руководил исламской революцией в Иране. Вокруг него на общей идейной платформе объединились десятки миллионов людей из самых разных социальных слоев. Выдвинутый им лозунг «справедливого исламского строя» привлекал всеобъемлющим характером,

благодаря чему каждый мог видеть в нем воплощение собственных представлений об обществе равенства и справедливости. Им было написано более 20 книг по исламской теологии, большинство которых посвящено критике шахского режима за деспотизм и разрушение исламской культуры. К 1978 г. Хомейни превратился из бесплотного символа революции в ее реального вождя и молчаливо согласился на то, чтобы его именовали имамом. Это был беспрецедентный случай в истории иранского шиизма.

В августе 1978 г. Хомейни издал фетву (воззвание) о свержении шаха. Безуспешно испробовав различные средства борьбы с революцией, Пехлеви разрешил аятолле вернуться на родину, но тот отказался сделать это, пока шах остается у власти. Магнитофонные кассеты с записью посланий Хомейни постоянно поступали в Иран и прокручивались в тысячах мечетей и на бесчисленных городских базарах. 16 января 1979 г. под давлением коммунистов, либералов и шиитов шах вынужден был бежать.

1 февраля 1979 г. Хомейни вернулся из Парижа в Тегеран. Но уже в ночь с 9 на 10 февраля неожиданно для него самого в столице началось вооруженное восстание, вызванное нападением шахской гвардии «бессмертных» на учебную базу ВВС. В городе начались бои. Положение на улицах полностью вышло из-под контроля представителей ислама, которые в это время вели переговоры с военным командованием. Однако эти события с еще большей силой выявили способность Хомейни обращать себе на пользу свои же упущения: военные приняли решение о нейтралитете вооруженных сил в происходящем, о поддержке требований народа и отводе войск в казармы. 12 февраля Хомейни и его сторонники уже держали в своих руках все рычаги управления. Иранское радио сообщило о победе исламской революции и о предоставлении верховной власти «высшему богословскому авторитету, законоведу, знатоку Корана и всех почитаемых мусульманами книг, уважаемому всеми верующими так, что его мнение воспринимается беспрекословно». Аятолла Хомейни стал первым духовным лидером Исламской Республики Иран (ИРИ). Эпоха светской государственности в стране закончилась. «Тиранию короны» сменила «тирания тюрбана».

Лидеру исламской революции, аятолле-революционеру облик нового Ирана виделся следующим образом: «Вся нация – начальники и подчиненные, религиозные деятели и студенты, работодатели и рабочие – все будут братьями и равноправными. Совершенно очевидно, что между ними будет господствовать братство, не будет конфликтов по поводу постов, рангов,

богатства и т. п. Имущество всех и каждого будет чистосердечно предоставлено в распоряжение всех и каждого». Все это, конечно, оставалось благими намерениями. Став высшим духовным наставником и фактическим правителем ИРИ, Хомейни, однако, отказался занять официальный пост. Вокруг его имени складывались легенды, в которых он был наделен сверхъестественными способностями. Сам аятолла жил в Куме, в полутораэтажном доме, вернее, в комнате, лишенной всякой мебели. Постель на полу и книги – вот и все, что ему было нужно. Здесь, сидя на ковре в окружении приспешников, он принимал посетителей, в том числе и иностранные делегации. Сюда же по четвергам прибывал премьер-министр, а в остальные дни – другие официальные и неофициальные лица. День был расписан по минутам: молитва до рассвета, чтение Корана, скудный завтрак, обязательный дневной сон и опять молитвы.

Тем временем в стране появилось множество общественных и политических организаций, ассоциаций, групп, придерживающихся самых различных взглядов на будущее социальное и политическое устройство Ирана. Хомейни открыто не поддерживал ни одну из них. Действуя подобным образом, он во всех перипетиях ожесточенной внутриполитической борьбы всегда оказывался в наиболее выгодной для себя позиции, позволявшей ему неизменно фигурировать в роли «отца нации», незапятнанного и безупречного, уставшего от интриг, ведущихся вокруг него, но отнюдь не ответственного ни за одну из них. При таком положении вещей авторитет и полномочия имама с самого начала почти никто не оспаривал.

С момента победы исламской революции в стране началась охота за сторонниками прежнего режима. Повсеместно возникли революционные комитеты и трибуналы, которые, не раздумывая, ставили к стенке сотрудников шахской охранки, армейских офицеров, участвовавших в расстреле демонстраций, чиновников, предпринимателей, представителей интеллигенции, которые хоть и не питали симпатий к шаху, но и не выступали против него.

Досталось и «эмансипированным» женщинам. Те, кто осмелился сбросить чадру, подвергались публичным издевательствам, пыткам и казням. По мусульманской традиции их забивали камнями. Все население страны было превращено в добровольных осведомителей органов безопасности. Родители должны были доносить на детей, дети – на родителей, а все вместе – на родственников. Осведомительство рассматривалось как исполнение национального и религиозного долга. Страну охватила волна репрессий, направленная против сторонников либеральных сил и коммунистов. Даже президент Бана Садр,

уличенный в недостаточной приверженности политике аятоллы, был лишен своего поста и бежал в Париж.

Не забыл Хомейни своего главного врага – шаха. Тот нашел пристанище в США. Аятолла потребовал выдачи беглеца. Когда же американцы отказались, Хомейни объявил США «Великим Сатаной», изгнал из Ирана 85 тыс. американцев и приказал разгромить американское посольство, что и было сделано находившимися под его влиянием студентами. В результате погрома 90 человек были взяты в заложники, в их числе находились обслуживающий персонал, дети, жены дипломатов. Эти действия привели Иран к длившейся несколько лет международной изоляции. Пленники были освобождены только через два года.

В это же время исламские власти приступили к национализации банков, страховых компаний, ряда предприятий тяжелой промышленности. Меджлис (Парламент) принял решение об аграрной реформе. Однако дела не ладились. Осенью 1979 г. разразился экономический кризис. В ряде городов прошли народные выступления, в ходе которых главным виновником случившегося фигурировало правительство, но никак не Хомейни. Нешуточные волнения потрясли и провинции, населенные азербайджанцами, курдами, иранскими арабами и другими народностями. Их явно не устраивала обещанная аятоллой перспектива оказаться в ситуации, когда «нет арабов и неарабов, турок и персов, есть только ислам и единство на основе ислама». Никто не хотел терять свое национальное лицо.

Также почти сразу выяснилось, что далеко не все партии и организации, даже не все духовенство поддерживают идею исламского правления. Все стали требовать для себя места под солнцем и причитавшийся кусок пирога. Это вызывало особое беспокойство у аятоллы. 2–3 декабря 1979 г. референдум утвердил «исламскую конституцию». Хомейни стал де-юре пожизненным и всевластным правителем Ирана. Сразу же после референдума имам разгромил остатки либеральных сил. Всего же за годы его правления было казнено около 50 тыс. иранцев, а 140 тыс. находилось в заключении. Весной 1980 г. по всей стране началась санкционированная Хомейни «великая исламская культурная революция», поставившая на грань уничтожения всех деятелей культуры, чьи взгляды хотя бы минимально отличались от взглядов шиитов. Тогда же после обширного инфаркта имам вместе с семьей поселился в пригороде Тегерана на улочке Шахида Хасана.

Болезнь заставила Хомейни задуматься над проблемой преемственности власти. С большим трудом ему удалось

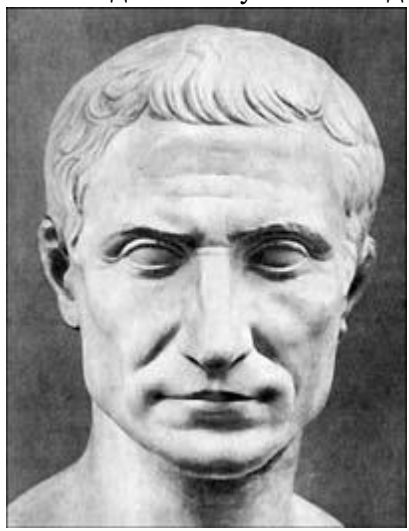
добиться признания своим преемником аятоллы Хосейна Монтазери, не обладавшего, кстати, и долей той популярности, которой пользовался сам имам. В ходе войны с Ираком, начавшейся в 1980 г. и продолжавшейся 10 лет, Хомейни начал негласно налаживать связи с внешним миром – нужно было оружие. Оно поступало даже из Израиля и США, которые Хомейни продолжал неустанно проклинать. В ходе этой войны Иран потерял около миллиона человек. В июле 1988 г. имам удивил не только иранцев, но и весь мир, выступив с заявлением, в котором без всяких предварительных условий высказался за прекращение военных действий и начало переговоров с Ираком. «Принять это решение, – сказал он, – было гораздо тягостнее, чем проглотить яд».

Эта война сильно сказалась на взглядах иранского лидера. Судя по всему, политик в нем поборол ученого-богослова. Сразу после окончания военных действий Хомейни заявил, что власть государства не может быть ограничена рамками божественного предписания. Теперь он считал, что государственное управление должно быть превыше религиозных обязанностей, включая молитвы, посты и паломничество. Государство может наложить запрет на все, что противоречит его интересам, ибо власть правительства важнее «исламского закона».

Эти идеи, однако, Хомейни не удалось применить на практике. Вскоре он перенес еще два инфаркта и скончался 3 июня 1989 г. Его похоронили на кладбище Бехеште-Захра, куда стекаются люди со всех концов страны и из-за границы. Над гробницей построена мечеть, которая, благодаря мощным прожекторам, видна издалека даже ночью. Своим наследникам Хомейни оставил четки и молитвенный коврик, а последователям – идеи, благодаря которым он и после смерти остается духовным лидером мусульман.

Цезарь Гай Юлий

(род. в 102 или 100 г. до н. э. – ум. в 44 г. до н. э.)



Римский полководец, государственный и политический деятель, писатель. Пожизненный диктатор (44 г. до н. э.). Автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданской войне».

«Пришел, увидел, победил» – эти слова, однажды сказанные Юлием Цезарем, как нельзя лучше характеризуют великого полководца. Действительно, практически все его военные походы и государственные дела заканчивались триумфом. С неизменным достоинством и обаянием он покорял как врагов на поле брани, так и женские сердца. О мужестве и героизме Цезаря, его упорстве в достижении целей слагались легенды, а талант, ум и манеры заслужили справедливое восхищение современников. Военный и политический гений сочетался в нем с выдающимся мастерством писателя. Вплоть до XIX в. полководцы учились у Цезаря военному искусству, а Суворов и Наполеон считали знание его трудов обязательным для каждого офицера. Цезарь достиг всего, к чему стремился, и оставил неизгладимый след в истории. Об этом военачальнике нам каждый год напоминает летний месяц июль, названный в его честь.

Гай Юлий Цезарь родился 13 июля 100 г. до н. э. (по некоторым данным, в 102 г. до н. э.) в знатной патрицианской семье. При появлении мальчика на свет его матери сделали операцию, которая позднее стали называть кесаревым сечением. Ребенок воспитывался в атмосфере уважения к предкам: считалось, что по мужской линии Юлии ведут свой род от

Аскания-Юла – сына троянского героя Энея и внука богини Венеры. В этом наверняка была доля истины: в течение жизни Провидение неоднократно вмешивалось в дела Цезаря. Так или иначе, знатное и божественное происхождение было ему на руку – оно вполне оправдывало честолюбивые замыслы и устремления полководца.

Мать Цезаря, Аврелия, очень серьезно относилась к образованию сына. Он быстро выучился читать и писать, прекрасно владел не только родной латынью, но и греческим языком, ему были привиты вкус и любовь к хорошей литературе. Все это способствовало развитию писательского таланта будущего героя. Большое внимание уделялось и физическому воспитанию ребенка. По словам Светония, Цезарь «был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые». Привлекательная внешность, потрясающее личное обаяние, ум и природная хитрость стали своеобразным залогом его будущих побед на политической и военной аренах.

Неподдельное восхищение юноши вызывал муж его тетки Юлии – Гай Марий, который пользовался огромной популярностью у простого народа. Позднее Цезарь поплатился за свою приверженность Марию. Когда в 82 г. до н. э. установилась диктатура Суллы, он был отстранен от должности жреца Юпитера. Кроме того, Сулла потребовал его развода с Корнелией, дочерью Цинны, соратника Мария. Молодой человек ответил решительным отказом и был вынужден скрываться от гнева всесильного диктатора. Мать и друзья помогли ему получить прощение Суллы, который, подчеркнув недальновидность заступников, предрек, что в Цезаре скрывается несколько Мариев.

Будущий полководец решил не играть с судьбой и отправился в Азию, где за храбрость при взятии Митилены получил высокую воинскую награду – венок из дубовых листьев. Будучи в Вифинии, он познакомился с царем Никомедом. Их любовная связь получила широкую огласку и стала предметом сплетен, а за Цезарем на всю жизнь закрепилось оскорбительное прозвище «царица Вифинии». Надо сказать, молодой человек был достаточно свободных нравов и подобные нападки его ничуть не смущали и не могли помешать достичь небывалых высот в жизни.

Смерть Суллы в 78 г. до н. э. дала Цезарю возможность вернуться в Рим. Он с головой окунается в светскую жизнь, занимается литературой, ухаживает за женщинами и все больше и больше залазит в долги. Следует отметить, что Цезарь по своей природе был щедр, не скупился на подарки и взятки, преследуя свои интересы.

Однако праздная жизнь не могла удовлетворить деятельную

натуру молодого человека. Он затеял судебный процесс против сторонника Суллы Гнея Долабеллы, обвиняя его в вымогательствах в провинции. Хотя Цезарь проиграл дело, однако сумел выгодно продемонстрировать ораторское искусство. Свое красноречие он проявлял в любом споре, судебном деле, продумывая выступления до мельчайших подробностей и внимательно подбирая аргументы. Защитительные речи молодого человека имели огромный успех, а своей вежливостью и ласковой обходительностью он снискал популярность в народе. Многочисленные обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни также способствовали постепенному росту его влияния в государстве.

Цезарь рано понял, что внешний лоск часто маскирует истинные намерения и помыслы политических деятелей, а удачная речь может даже врагов обратить в друзей. Поэтому для совершенствования своих навыков он отправился на остров Родос, к известному ритору Аполлонию Молону, у которого учился Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами. Здесь Цезарь трудился над красотой слога, упражнялся в навыках построения краткого обращения и достиг в этом небывалых успехов, так что его часто сравнивали с самим Цицероном, который, надо сказать, всегда относился к полководцу с подозрением. Он был одним из первых, кто посчитал деятельность Цезаря внушающей опасения и распознал под маской ласковости и веселости смелый и решительный характер. Цицерон говорил, что в помыслах и образе действия Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но, – добавлял он, – когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя».

Возвращаясь домой с Родоса, Цезарь попал в плен к пиратам, которые потребовали выкуп в 20 талантов. В ответ полководец рассмеялся и предложил поднять цену до 50 талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди пиратов с одним другом и несколькими слугами. Несмотря на это, Гай Юлий вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать своим тюремщикам, чтобы те не шумели. Около 40 дней пробыл он у пиратов, и все это время относился к ним так, словно они были его телохранителями, без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Цезарь писал поэмы и речи и выступал перед пиратами, найдя в их лице благодарных слушателей. Однако как только был

выплачен выкуп и его освободили, он тут же снарядил корабли против морских разбойников, захватил их в плен и казнил. Обиды Цезарь никому не прощал.

В 73 г. до н. э. Цезарь стал военным трибуном и служил в Киликии, где под началом Лукулла участвовал в войне против Митридата VI Евпатора. Спустя год он получил должность жреца понтифика. С этого момента начинается его неуклонное восхождение. Благодаря любви народа, который искренне верил в его добрые намерения, Цезарь быстро продвигался по служебной лестнице. Следует отметить, что полководец отличался довольно прогрессивными взглядами и смело воплощал в жизнь любые нововведения, чем неоднократно шокировал почтенную публику. Так, на похоронах своей жены Корнелии он выступил с проникновенной надгробной речью. Дело в том, что произносить надгробные речи на похоронах старых женщин у римлян считалось обычаем, а вот выступать на похоронах молодых было не принято. Таким образом, выступление полководца не только основало новую традицию, но и привлекло к нему дополнительную симпатию как к человеку кроткого и благородного нрава.

После похорон он отправляется в Испанию и все чаще задумывается о будущем. По словам Светония, Цезарь сокрушался перед статуей Александра Македонского, что пока ничего особенного не достиг…

По возвращении в Рим Гай Юлий женился на Помпее, дальней родственнице Гнея Помпея, и в 65 г. до н. э. стал эдипом. В новой должности Цезарь много сил отдавал украшению и благоустройству столицы, забывая порой о себе и своем собственном жилище, находящемся на грязной улочке. Расположение к себе народа он укреплял и устройством многочисленных игр и состязаний. Так, однажды полководец нанял за свой счет для боя 320 пар гладиаторов.

В 63 г. до н. э. Цезарь был избран на должность главного жреца великого понтифика, что принесло ему новые хлопоты. Надо отдать должное недюжинному уму полководца и его умению с честью выходить из затруднительных ситуаций, извлекая выгоду из любого дела. Когда его жена была уличена в связи с Клодием, который во время праздника пробрался к ней в женском платье, и весь Рим, затаив дыхание, ждал развязки судебного процесса, только Цезарь сохранял спокойствие. Он развелся с Помпеей, заявив, что на его жену не должна падать даже тень подозрения, и… не выступил против Клодия. Этим он показал, что не желает копаться в грязи. Клодий был оправдан и стал преданным другом Цезаря.

В конце претуры Цезарь по жребию получил в управление Испанию. Прибыв на место, он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим 20 когортам еще 10, он выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, а также некоторых других племен, которых покорил, и стал серьезно подумывать о присвоении им римского гражданства. Достигнув успеха на военном поприще, Цезарь проявил талант и в решении гражданских дел: установил согласие в управлении городами и уладил споры между землевладельцами и должниками. Согласно его хитроумному предписанию, должники ежегодно выплачивали землевладельцам лишь две трети дохода, оставляя треть себе. Таким образом, полководец в очередной раз добился всеобщего одобрения. Уезжая из провинции, Цезарь был уже очень богатым человеком. Не забыл он и о своих воинах, позволив обогатиться и им.

Военные операции в Испании принесли Цезарю титул императора, а сенат назначил ему триумф. Но полководец отказался от такой почести: в то время консульство было для него важнее. С этой целью он примирил двух противников – Помпея и Красса, уговорив их в 60 г. до н. э. заключить тайное соглашение (1-й триумвират). Как отмечает Плутарх, под видом человеколюбивого поступка Цезарь совершил настоящий государственный переворот и был первым, кто пожал плоды триумвирата: заручившись поддержкой обоих товарищей, полководец победил на выборах в консулы.

Уже в должности консула и согласно договоренности о сотрудничестве он поддержал проект о награждении ветеранов Помпея, чем опять-таки «убил двух зайцев»: с одной стороны, заручился поддержкой Помпея, а с другой – симпатией и благодарностью воинов.

В это же время Цезарь заключил брак с Кальпурнией, дочерью Луция Пизона, которого он провел в консулы в 58 г. до н. э. Этим военачальник укрепил свои тылы: ведь вскоре ему предстояло отправиться в Галлию, назначенную ему в управление. Надо сказать, женщины сыграли в жизни Цезаря видную роль. Он был неисправимым сердцеедом. Среди его любовниц были и царицы (Клеопатра – царица Египта), и патрицианки, и рабыни. Но с помощью замужних женщин, а точнее – их мужей, Цезарь все чаще добивался своих целей. Так, его любовницами побывали и жена Красса – Тертулла, и жена Гнея Помпея – Муция. За любовные похождения злые языки прозвали Цезаря «мужем всех жен и женой всех мужей».

В Галлии во всем блеске раскрылся полководческий гений Цезаря. Война здесь длилась менее 10 лет, но в это время

военачальник взял с бою более 800 городов, покорил 300 народов, сражался в открытом бою более чем с 3 млн врагов, из которых перебил 1 млн и столько же взял в плен. Благодаря ему эта населенная воинствующими племенами страна превратилась в источник золота, рабов и солдат для Рима. Кроме того, Цезарь с интересом изучал Галлию и позже описал свои наблюдения в знаменитых «Записках о галльской войне». Это произведение, а также «Записки о гражданской войне» дают право назвать Цезаря крупнейшим римским писателем. Для его книг характерна продуманная ясная композиция, простое, непринужденное повествование, точный язык, конкретность образов и тонкая характеристика как отдельных лиц, так и целых народов (особенно галлов).

В своих войсках Цезарь знал по имени каждого центуриона и с неизменным уважением относился к воинам, чем снискал к себе огромную любовь в армии. Привязанность воинов к Цезарю и их увлеченность своим полководцем были так сильны, что солдаты, в других походах не отличавшиеся особой отвагой, под его предводительством неудержимо бросались вперед и презирали всякую опасность ради славы своего вождя. По мнению современников, этому в немалой степени способствовало умение Гая Юлия настроить воинов перед боем на нужный лад удачной краткой речью. Так или иначе, но солдаты Цезаря проявляли в сражениях чудеса мужества и героизма, предпочитали смерть позорному плену.

Цезарь всячески старался поддерживать этот пыл, осыпая отличившихся в сражениях наградами и почестями. Кроме того, воины видели, что полководец никогда не присваивал завоеванные сокровища, не находился во время боя в шатре, а подвергался всем опасностям наряду с солдатами, не склоняя голову ни перед какими трудностями. Во время походов Цезарь вел себя как простой воин: спал под открытым небом, активно занимался физическими упражнениями и ел из общего котла. Гай Юлий с детства привык к верховой езде и был превосходным наездником: умел скакать, опустив поводья и заложив руки за спину. Кроме того, он мог, сидя на лошади, диктовать письма сразу нескольким секретарям.

С 58 по 51 гг. до н. э. Цезарь захватил всю Галлию, два раза переправлялся через Рейн и дважды высаживался в Британии. Для стратегии полководца были характерны умение правильно определить направление главного удара, использование разногласий в лагере противников и разгром их по частям, искусная организация быстрых маршей (например, в Галлии в ходе одной из операций его войско за неделю прошло около

200 км), умелое маневрирование на коммуникациях противника (в 49 г. до н. э. в Испании Цезарь одержал победу на Илерде, не вступая в сражение, одним превосходством в маневрировании), организация совместных действий армии и флота. Характерными чертами тактики Цезаря являлись детальное изучение противников, психологии и способностей их полководцев, тщательная разработка замысла сражения. Следует отметить, в военных действиях он никогда не руководствовался эмоциями, а действовал лишь в соответствии с голосом разума. Кроме того, Цезарь использовал принцип внезапности и учитывал особенности рельефа местности. Ему принадлежит заслуга в создании резерва и разработке принципов его использования. Полководец широко применял и совершенствовал фортификацию (строительство дорог, мостов, укрепленных лагерей, систем сооружений при осаде крепости). Так, при осаде Алезии (52 г. до н. э.) Цезарь за 40 дней возвел вокруг города две мощные укрепленные линии, а затем вынудил противника сдаться.

В результате удачных, хорошо спланированных военных действий Цезарь приобрел небывалый политический престиж на родине, командовал огромной могущественной армией и был вполне готов к силовому захвату власти в Риме.

После гибели Красса и смерти Юлии, жены Помпея и дочери Цезаря, соперничество между двумя оставшимися участниками триумвирата усилилось. Опасаясь могущества Цезаря, сенат потребовал от него сложить оружие… Полководец стремился к единоличной власти, но нельзя сказать, что его не посещали сомнения. 12 января 49 г. до н. э. он все еще колебался, но внезапно ему явилось видение: неведомый человек дивного роста и красоты сидел и играл на свирели. На эти звуки сбежались многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. У одного из них таинственный призрак вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу.

«Вперед, – воскликнул тогда Цезарь, – вперед, куда зовут нас знаменья богов и несправедливость противников. Жребий брошен». Итак, полководец с войсками перешел Рубикон – реку, отделявшую его от Италии, – и захватил Рим. Ему предстояло еще несколько битв с армией Помпея. Но в 48 г. до н. э. в сражении при Фарсале Цезарь нанес своему противнику сокрушительное поражение. Такие же победы ожидали его и в Египте, при разгроме Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, и в Испании, в сражениях с сыновьями Помпея.

В ходе гражданской войны Цезарь проявил милосердие по отношению к противоборствующим согражданам и призывал к

этому солдат своей армии. Всех противников он по возможности прощал и помогал тем, кто нуждался в его поддержке. Характеризуя стратегию и тактику полководца, Наполеон впоследствии писал: «Правила Цезаря были те же, коими руководствовались Александр и Ганнибал: держать свои силы в совокупности, не иметь уязвимых мест, устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх, который они внушали, а также политические средства для обеспечения верности союзников и удержании в повиновении покоренных ими народов».

В августе 46 г. до н. э. Цезарь вернулся в Рим и в течение одного месяца с присущим ему размахом отпраздновал четыре триумфа. Спустя два года он был провозглашен пожизненным диктатором, получил титул «отца отечества» и стал для своих соотечественников практически полубогом: повсюду воздвигались его статуи, ему оказывались особые почести. Теперь, находясь на вершине славы, полководец смог целиком отдаться реформаторской деятельности: провел реформу календаря, издал законы о римском гражданстве, об управлении в городах, ужесточил наказания за уголовные преступления, упорядочил налоговую систему, обеспечил землей своих солдат-ветеранов.

Несмотря на все достижения Цезаря, в сенате усиливалось недовольство им. Этому способствовали и чрезмерные почести, оказываемые диктатору льстецами и завистниками. Цезарь сделался нетерпелив и раздражителен. В обществе стали ходить слухи о его стремлении к царской власти. В результате возник заговор с целью убийства полководца, во главе которого стояли Гай Кассий и Марк Юний Брут, якобы внебрачный сын диктатора.

15 марта 44 г. до н. э., вопреки уговорам жены и предостережениям друзей, Цезарь отправился в сенат. Вероломно напав на полководца, убийцы нанесли ему 23 удара мечами, и лишь одна рана оказалась смертельной.

Интересно, что возмездие настигло всех убийц Цезаря, ни один из них не умер своей смертью. Очевидно, легенда о божественном происхождении полководца имела серьезные основания. Спустя семь ночей после его гибели на небе появилась яркая комета, которая засияла и исчезла. Весь год после его смерти солнечный свет был бледным, солнце всходило тусклым и давало мало тепла. Так боги скорбели о смерти своего великого потомка…

Чаплин Чарли

Настоящее имя – Чарлз Спенсер Чаплин (род. в 1889 г. – ум. в 1977 г.)

Выдающийся американский киноактер, режиссер, сценарист, продюсер, автор музыки к своим фильмам, живая легенда и символ кинематографа. Исполнитель 80 ролей в фильмах. Владелец «Киностудии Чаплина», фирмы «Чарлз С. Чаплин фильм корпорейшн», совладелец фирмы «Юнайтед Артисте». Обладатель рыцарского звания ордена Британской империи, ордена Почетного легиона, двух специальных премий «Оскар» (1972 г.), Международной премии Мира от Всемирного Совета Мира за «выдающийся творческий вклад в дело мира и дружбы между народами» (1954 г.).

Автор мемуаров «Моя биография» (1964 г.) и альбома «Моя жизнь в фильмах» (1974 г.).

В истории кино нет никого, кто стал бы так дорог миру, как Чарли Чаплин. «Малейший жест Чаплина так легко вызывает человеческие эмоции, что его по истине можно назвать “киноволшебником”», – писал историк кино Льюис Джекобе. Не одно десятилетие киноведы всего мира горячо спорят, в чем секрет гениальности актера, почему черно-белые немые кадры по-прежнему находят отклик и заставляют трепетать сердца людей. И если провести опрос зрителей всех возрастных категорий и попросить их назвать лучшего артиста с момента основания кинематографа, большинство ответит: «Чарли Чаплин», ибо такие таланты рождаются раз в столетие. В кино пришли звук, цвет,

спецэффекты; тысячи талантливых актеров становились и переставали быть кумирами, а этот «маленький человечек» утиной походочкой уверенно переступил порог XXI века. Его печальные глаза глядят с экрана, словно вопрошая: «Неужели в обществе ничего не изменилось? Неужели моя боль, мои неудачи, мои обиды, мое одиночество преследуют вас до сих пор? Если вы мне сочувствуете, значит, вам по-прежнему приходится бороться с сильным озлобленным миром, чтобы сохранить человеческое достоинство». И как прав этот гениальный провидец, появившийся на свет еще в конце XIX в.!

«Пятнадцатого числа сего года прошлого месяца жена мистера Чарлза Чаплина родила прелестного мальчика. Мать и сын чувствуют себя хорошо», – сообщила в мае 1889 г. лондонская газета «Мэгнит». Это бесспорное свидетельство точной даты рождения будущего великого артиста было найдено в конце 1980-х гг. Сам же Чаплин праздновал свой день рождения 16 апреля.

В его биографии много таких непроверенных фактов, одни он придумывал сам, как, например, рождение во Франции, другие не всегда верно определяли его биографы.

Маленький Чарли родился в восточной части Лондона, Ист-Энде. Его отец был комическим певцом, баритоном-эксцентриком. Он рано оставил семью и вскоре умер от алкоголизма. Мать, урожденная Ханна Хилл, была родом из полуирландской-полуеврейской семьи. В 16 лет она ушла из дому и поступила танцовщицей в оперетту. От первого брака у нее было трое сыновей, но из них один лишь Сидней, который был на четыре года старше Чарлза, жил вместе с ней. Выйдя замуж за Чаплина, она выступала с ним в комическом дуэте и была неплохой актрисой мюзик-холла, талантливой имитаторшей, мимисткой, многому научившей сына.

Чарлз впервые вышел на сцену в пять лет. Это случилось при трагических обстоятельствах, когда его мать внезапно потеряла голос прямо во время представления. Ребенок запел популярную песенку. «Не успел я пропеть и половины песенки, как на сцену дождем посыпались монеты. Я прервал пение и объявил, что сначала соберу деньги, а уж потом буду петь. Моя реплика вызвала хохот. Директор вышел на сцену с платком и помог мне поскорее собрать монеты. Я испугался, что он оставит их себе, – вспоминал впоследствии Чаплин. – Мой страх заметили зрители, и хохот в зале усилился… Зрители хохотали, аплодировали и снова начали бросать мне деньги. А когда мать вышла на сцену, чтобы увести меня, ее встретили громом аплодисментов. Таким было мое первое выступление и последнее выступление матери. Когда в судьбу человека вмешивается злой рок, он не знает ни

жалости, ни справедливости. Так случилось и с матерью. Голос к ней не вернулся». Это вызвало у миссис Чаплин сильное нервное расстройство. Она часто лечилась в психиатрической больнице и не могла прокормить своих сыновей. Бедность сменилась нищетой. Дети бродяжничали, питались отбросами, спали на скамейках, жили в приютах. Ханна вместе с Сиднеем и маленьким Чарлзом была вынуждена отправиться в работный дом. Потом детей перевели в Хэнуэллский приют для сирот и бедных детей, им пришлось испытать унижения, наказания, розги…

До десяти лет Чарли учился в школе, но настоящей школой для него стала улица. «Половина моего детства, – вспоминал он, – прошла среди шлака и мусора закопченных пустырей». Жизнь лондонских улиц была разнообразна и поучительна: быт, нравы, типы и характеры людей остались в памяти мальчика навсегда и воплотились в созданных им кинокартинах.

В шестнадцать лет Сидней получил место горниста на пассажирском корабле и ушел в плавание, а мать вновь отправили в психиатрическую больницу. Чарли продавал газеты, клеил игрушки, работал в типографии, в стеклодувной мастерской, в приемной врача и так далее, но у него была заветная мечта – стать артистом. С раннего детства он вместе с братом Сиднеем зарабатывал на жизнь, давая представления на грязных тротуарах Лондона. С 1897 г. Чарли танцевал в сабо в детском ансамбле клокданса «Восемь ланкширских парней», затем в маленьких театральных труппах. Пытаясь выжить, он осваивал новые эстрадные профессии: певца, клоуна, акробата, танцора, музыканта (скрипка и виолончель).

Ангажементы в захудалых труппах принесли подростку постоянный заработок и поездки по стране. Особой популярностью в его исполнении пользовался мальчик-газетчик («Джим, любовь Кокни») и смышленый грум Билли («Шерлок Холмс»). А работы в фешенебельном Вестэндском театре и «Цирке Кейси» принесли Чаплину первое признание как актеру комедийного амплуа.

Когда Сиднею посчастливилось попасть в труппу пантомимы Фреда Карно, он пристроил в нее и талантливого 17-летнего братишку – «тщедушного, бледного, печального юношу». Здесь Чарли обучали тщательно выверять жесты, владеть лицевыми мускулами, акробатическими движениями, доводя все до графической точности, как того требовала пантомима. Неотъемлемыми элементами фарсов «Футбольный матч», «Похитители сосисок», «Уроки бокса», «Вечер в Лондонском клубе» были пинки, пощечины, летящие торты и предметы. Но в спектаклях Карно строго соблюдались лучшие традиции

пантомимы, а в безмолвной подаче событий и чувств рождалось непревзойденное мастерство будущего великого актера. Труппа беспрерывно гастролировала по городам Англии, Франции и США. В Париже, впервые увидев «первого комедийного короля экрана» Макса Линдера, юный Чаплин почувствовал интерес к кинематографу.

Чарли не было и 18 лет, когда он впервые влюбился в певицу Хетти Келли из группы «Американские дурочки Берта Кутса». Позже он вспоминал: «Внезапно меня пленили два огромных озорно блеснувших карих глаза, которые принадлежали стройной козочке с правильным овалом лица, чарующе полными губами и красивыми зубами. Меня словно током пронзило». Он пригласил ее на свидание и повел в роскошный ресторан «Трокадеро» в Вест-Энде, растратив целых три фунта, накопленных за последний год, – гигантскую сумму для недавнего обитателя нищих кварталов и воспитанника сиротского приюта. Спустя всего три дня Хетти охладела к своему пылкому кавалеру. Чарли даже был согласен жениться, но оказалось, что любимой всего пятнадцать лет. Его сердце было разбито. По сути, Чаплин так никогда и не оправился от этого удара: «Хотя я и встречался с нею всего пять раз, это короткое знакомство произвело на меня неизгладимое впечатление». До конца своих дней он остался неравнодушен к несовершеннолетним девушкам, что чаще всего заканчивалось скандалами. На протяжении последующих сорока лет модель отношений с женщинами не претерпела у Чаплина почти никаких изменений. Он успел трижды жениться и развестись, обзавестись двумя детьми и всемирной славой, но так и не смог совместить любовь и секс под крышей собственного дома. Они вообще плохо совмещались. И за сексом он по-прежнему ходил в бордели. А ради любви по-прежнему, бывало, караулил с бьющимся сердцем у чужого подъезда.

В октябре 1912 г. группа артистов отбыла в турне по Америке. Чаплин собирался купить аппарат, чтобы снимать их спектакли, но не смог осуществить эту идею из-за отсутствия денег. Вскоре кинематограф сам раскрыл двери перед талантливым юношей. Руководство голливудской кинокомпании «Кистоун», специализировавшейся на выпуске комедий, трижды предлагало артисту работу на киностудии. Но только в 1914 г., во время второго турне по США, Чаплин подписал устроивший его контракт, решившись уйти из театра Карно. Голливуд встретил его неприветливо, как чужеродный элемент. С ним никто не хотел работать. И только глубокий интерес к искусству кино заставил Чаплина остаться на киностудии.

Герой первой картины, «Зарабатывая на жизнь», был злобен,

коварен, жаден. Фильм не имел успеха, и Чаплин с согласия режиссера Лермана со временем сменил маску. В картине «Детские автогонки в Венисе» (1914 г.) впервые появился привычный для нас Чаплин: узенький котелок, разбитые башмаки, утиная походка. Образ не то безработного, не то бродяги постепенно шлифовался в фильмах «Необыкновенное затруднительное положение Мейбл», «Между двумя ливнями» и других, но только после десятого фильма на этой студии, «Мейбл за рулем», актер сделал окончательный выбор персонажа. Так появился вначале Джони, а затем – Чарли (во Франции его звали Шарло, в Испании – Карлито, в Германии – Карлшен).

За год работы на студии Чаплин сделал 35 комических фильмов, начал сам писать сценарии и стал режиссером, чем закрепил свое положение. Так, всего за три дня он придумал сюжет и план одночастевой комедии «Двенадцать минут любви» и снял ее. Почти еженедельно выходила новая картина, и Чаплин стал ведущим актером фирмы. По реакции зрителей он понял, что «обладает способностью вызывать не только смех, но и слезы». Слава и радовала, и пугала Чаплина, его «не оставляла мысль, что мир сошел с ума, что в славе этой есть что-то ненастоящее».

В 1915 г. актер ушел из «Кистоун», где от него требовали любой ценой вызвать смех у зрителя. Он подписал контракт со студией «Эссеней», руководство которой предоставило ему полную свободу действий и право выпуска фильмов по собственным сценариям, да и платили там гораздо больше. За год Чаплин снялся в 16 фильмах, на которые толпами валили зрители. Их прокат приносил фирме огромные прибыли. Среди них была и картина «Бродяга», ставшая первым чаплиновским шедевром. Здесь окончательный вид приобрел персонаж Чарли – странный жалкий оборванец, который умел среди беззаботной клоунады неожиданно посмотреть в зал такими грустными глазами, что смех замирал и сердца зрителей распахивались ему навстречу. Разве можно было отказать в сочувствии такому трогательному в своем одиночестве, такому смешному в своих попытках подражать солидным людям герою, которому так хотелось сохранить человеческое достоинство в неравной борьбе с сильным и озлобленным миром?

Чаплин продолжил работу в фирме «Мьючуэл», где за год поставил и сыграл в 12 фильмах, затем подписал контракт с «Ферст нейшнл» и создал для них девять фильмов. В октябре 1923 г. он первым из актеров создал собственную фирму «Чарлз С. Чаплин фильм корпорейшн» и «Киностудию Чаплина». На ней он проработал 35 лет. За эти годы самая скромная в мире

киностудия стала самой знаменитой в Голливуде. Чарли взошел на вершину: мировая слава и деньги, самые большие в мире кино, пришли к нему. В 1920 г. на страницах прессы было отмечено, что Чаплин уже превзошел славой Магомета и Наполеона, сравнился с Христом, но скоро обгонит и его. Если это и было преувеличением, то очень небольшим.

Начав самостоятельную работу, Чаплин резко сократил количество фильмов. Но в картинах этого периода доминировал уже не трюк, а мысль, показ социальной среды и внутреннего мира героя. В фильмах «Полиция», «Скиталец», «Работа», «Банк», «Завербованный», «Солнечная сторона» пустого, бездумного человечка, задиру и драчуна постепенно вытеснял трогательный, вечно несчастный, влюбленный во все прекрасное бездомный скиталец. Чарли был бродягой и полицейским, отцом семейства и беглым каторжником – словом, рядовым американцем, терпящим насилие, маленьким человеком, живущим в вечном страхе, но нежным, добрым и сострадающим. Уже в фильмах «Бродяга» и «Банк» появились драматические и трагические нотки, получившие сильное звучание в дальнейшем творчестве Чаплина. А вот картины «Иммигрант» (1917 г.), «Собачья жизнь», «На плечо» (обе в 1918 г.) стали прямым откликом актера на события американской действительности, критиковали многие пороки.

Придуманная актером маска создавала не шутовской, а реалистический образ, в корне изменив все искусство кинокомедии. Многим было не по душе это новаторство, они мечтали, чтобы «Чаплин кончился, истощился». Он постоянно испытывал сильный прессинг со стороны власть предержащих, но с поражающим упорством продолжал работать, не идя ни на какие уступки. В шестичасовом фильме «Малыш» (1921 г.) актер впервые осуществил свое желание снять произведение большой формы. Эта мелодрама о безработном стекольщике и его приемыше проникновенно выразила мечту чаплиновского героя о счастье. Особенно трогательно было внешнее сходство маленького героя с большим, создающее слитный образ.

В картинах «Скиталец» и «Малыш» счастливая мелодраматическая развязка свидетельствует о том, что Чаплин еще не расстался с некоторыми иллюзиями. Но уже в «Пилигриме» (1923 г.) за комедийным сюжетом скрывается гневное обвинение ханжеской Америке. Артист показал, что никаких перспектив у «маленького человечка» нет. Реакционные круги негодовали, а у зрителей творчество мастера получало все большее признание.

На смену лирико-драматическим комедиям пришел фильм «Парижанка» (1923 г.) со своей драматической сатирой. Во

вступительных титрах к нему говорится: «Человечество состоит не из героев и предателей, а из простых мужчин и женщин». Персонажи фильма впервые не были разделены на героев и злодеев. Это не абстрактные носители добра и зла, а самые обыкновенные люди. Сатирическое разоблачение окружающего их мира достигает здесь таких масштабов, что камерная драма поднимается до высот трагедии. Но фильм с горьким концом (самоубийство героя) не имел успеха у американского зрителя, так как живо напоминал о действительности.

Последней поэтической сказкой Чаплина стал фильм «Золотая лихорадка» (1925 г.). Сцена из него «Муки голода» стала классикой кинематографии. Картина имела колоссальный успех на всех экранах мира и заняла первое место в десятке лучших фильмов года. Однако и это не спасло актера, которому не могли простить «Парижанку» и «Пилигрима». Травля Чаплина была развязана во время съемок фильма «Цирк». Поводом к ней послужил развод актера со второй женой Лиллитой Мак-Мюррей, а «целью» было объявлено укрепление нравственности. Только общественное мнение спасло его от высылки из страны. Разразившийся судебный процесс, ставший предвестником сексуальной революции, состарил его на 20 лет и обошелся в 625 тыс. долларов.

Первой женой Чаплина была 16-летняя актриса Милдред Харрис. В коротком промежутке времени между первым и вторым браком у Чарли был бурный роман с Пегги Хопкинс Джойс, успевшей побывать пять раз замужем и заработать во время бракоразводных процессов 3 млн долларов. Газетные сплетни в то время связывали имя Чаплина с Тельмой Моран Конверс, Лайлой Ли, Анной К. Нилссон, а также художницей и писательницей Клэр Шеридан, кузиной У. Черчилля. Ему приписывали связи с Мэрион Дэвис, Кэрол Ландис, Хейди Ламарр и даже великой затворницей Гретой Гарбо, а также с десятками безвестных и не всегда совершеннолетних дебютанток. Ходили слухи о помолвке Чарли с известными американскими актрисами Мэй Коллинз и Клэр Виндзор. В Берлине Чаплин познакомился со знаменитой польской актрисой Полой Негри, которая обладала ослепительно яркой внешностью. Но роман «короля комедии» с «королевой трагедии» продлился только пять недель. На пресс-конференции актер вдруг заявил, что «слишком беден, чтобы жениться». Сама же Пола говорила: «Теперь я понимаю, что никогда не смогла бы выйти за него замуж. Он слишком темпераментен, изменчив, словно ветер. И все драматизирует. В любви же обожает эксперименты». Беда заключалась в том, что в свои тридцать лет Пола была слишком стара для 35-летнего Чарли. Для

«экспериментов в любви» ему больше подходили юные девушки. И как только Чаплин выпутывался из очередных любовных сетей, тут же попадал в новые, не менее скандальные. Третьей женой актера стала Полет Годдар. Чаплин прославил ее ролями в «Новых временах» и «Великом диктаторе», после чего они по-хорошему расстались. И хотя она продолжала сниматься еще долго, это были вершины ее кинокарьеры.

Но все похождения актера никогда не мешали его работе. На фоне современной американской жизни с ее контрастами бедности и богатства в следующем фильме Чаплина – «Огни большого города» (1931 г.) – разворачивается рассказ о трогательной любви бродяги к слепой девушке. Это уже была история о гибели всех и всяческих иллюзий и о бескорыстии человеческих отношений. В конце фильма герою остается только невысказанная надежда на личное счастье. Этот шедевр чаплинского искусства едва не стал его последней работой из-за отказа руководства «Юнайтед Артисте» распространять фильм. Сохранить творческую независимость и донести до зрителей свои произведения ему помогла лишь единодушная поддержка деятелей кино многих стран мира.

Фильм «Новые времена» (1936 г.) явился логическим продолжением рассказа о судьбе «маленького человечка», впервые ставшего на путь протеста. Картина начинается с весьма символичного показа стада овец, гонимого на бойню, и сменяется огромной толпой людей, которая вливается в метро, а затем устремляется в ворота завода. Эта и многие другие сцены фильма показывали, что «мир стал местом больших скоростей, безработицы, голода, бунтов и угнетения». Они потрясали зрителя, но не устраивали хозяев киноиндустрии, и потому самые острые места из фильма были вырезаны.

Когда Великий немой заговорил, для «Бога кинематографа», как называли Чаплина, наступили сумерки. Начало звуковой эры в истории кино он воспринял как конец киноискусства в целом. Своей статье 1935 г. он дал паническое название «Самоубийство кино». Статья следующего года с оптимистическим заголовком «Будущее немого кино» выражала надежду, что его искусству поможет выжить принципиальная наивность, простота, общедоступность, массовость и универсальность.

Чаплин медленно и достойно отступал под натиском звукового кино. Он долго не решался дать голос Чарли, так как это могло бы изменить весь облик героя. «Это бы убило мою 20-летнюю работу над образом», – говорил актер. Но в картине «Великий диктатор» (1940 г.) Чарли в облике маленького парикмахера (он же играл и диктатора), одетого в солдатскую

форму, все же заговорил, призывая людей сражаться за свою свободу. В этом фильме Чаплин перешел от социальных проблем к политическим. Маленький человек стал большим – борцом против голиафов империализма. Его Чарли боролся на экране, а Чаплин в жизни. На него обрушилась новая волна травли, возглавляемая германским посольством.

Как ни странно, великого американского режиссера и актера соединяла какая-то странная, почти мистическая связь с далекой Россией. Чтобы побыть наедине с выдающейся балериной Анной Павловой, он заказывал в Лондоне целый ресторан. В пустом зале Чарли играл для Павловой на рояле «Умирающего лебедя», а она надевала котелок и изображала «маленького бродяжку». В Голливуде Чаплин встречался с Эйзенштейном, творчество которого глубоко почитал, а фильм «Иван Грозный» считал высшим достижением в историческом жанре. Когда Гитлер напал на СССР, Чаплин первым призвал Америку помочь русским, которые, истекая кровью под Москвой, защищали не только свою большевистскую столицу, но и американскую демократию тоже. Это требовало немалого мужества, ведь хотя США и числились в стане антигитлеровской коалиции, в стране хватало сторонников нацизма, причем и на весьма высоких постах. Ему поаплодировали и тут же взяли на заметку, а на горизонте возникла 22-летняя «девушка для вечеринок» Джоан Бэрри.

Потом уже высказывались версии, что она была нанята одной из нацистских организаций США, а то и вовсе сотрудничала с ФБР: слишком уж настойчиво рвалась Бэрри к Чаплину в постель. Впрочем, это не аргумент: к нему, уже разменявшему шестой десяток, в любовницы все еще рвались очень многие. Но она, крупная, пышногрудая, совсем не похожая на подростка, однако чертовски соблазнительная, прорвалась. С помощью довольно щедрой суммы он попробовал прекратить тяготившие его отношения. Но через полтора года она вернулась и заявила, что беременна. Сперва ее даже посадили в тюрьму. Но затем противники актера опомнились и извлекли на свет давнишний закон, по которому Чаплина можно было признать виновным «в распространении проституции путем перемещения морально сомнительных лиц из штата в штат». Наказание – до 23 лет тюрьмы. И началось: «Чаплин швырнул за решетку мать своего ребенка!», «Грязный еврейский извращенец», «Похотливый советский прихвостень»… Ему припомнили все.

Человека, сделавшего Голливуд и кино синонимами, составившего славу и гордость Америки, не говоря уже о миллионах долларов налогов в казну, судили с упоением. Соединенные Штаты купали его в дерьме, но, как ни странно,

оправдали. А после рождения ребенка Бэрри анализ крови подтвердил непричастность Чаплина к отцовству.

И вот в разгар этой мерзкой истории Чаплин встретил главную любовь своей жизни. Когда режиссер искал замену для героини в фильме «Призрак и действительность», он познакомился с 17-летней Уной О'Нил, дочерью известного драматурга, и снова влюбился. Чаплин вдруг понял, что не нужно ее снимать – она должна быть его женой и рожать детей. Уну не смутило ни то, что газеты именовали ее жениха «опасным распутным негодяем» и «похотливым прихвостнем», ни разница в 38 лет, ни громкие бракоразводные процессы, ни существование двоих сыновей – Чарльза и Сиднея от брака с Лиллитой Мак-Мюррей. Новобрачным удалось обмануть репортеров, зарегистрировать брак в 1944 г. в тихом маленьком селении под Санта-Барбарой. Уна стала ему верной женой и матерью восьмерых детей и оказалась его «сказочной принцессой». Они, без сомнения, были счастливы на протяжении 40 лет их совместной жизни. Уна во всем поддерживала своего гениального мужа.

Если сильные мира сего надеялись, что сумели испугать Чаплина, то они глубоко ошиблись. Философский фильм «Месье Верду» (1947 г.) имел подзаголовок «комедия убийств», однако это самая горькая из всех чаплиновских картин, в которой ожесточившийся «маленький человечек» ради денег стал женоубийцей. Слова героя на суде: «Одно убийство делает человека злодеем, а миллион убийств делают из него героя. Масштабы все оправдывают» – заклеймили лживость, двуличие и хищничество не только американского общества.

Теперь прощения Чаплину уже не было: его обвинили в антипатриотизме, вспомнив и поддержку сражающейся России. К тому же американцев раздражало, что «лучший их актер комедии» и «мировой клоун» не желал принимать американского гражданства. «Делом Чаплина» занималась Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Обвинений набралось на 400 страниц. Чаплина собирались вызвать на заседание, но он пустил слух, что явится на него босиком. Чтобы не попасть в глупое положение, конгрессмены отказались от этой затеи. Но и сам Чаплин объявил «войну Голливуду». И пока она шла, он снял фильм о поэтической любви, о доброте и взаимопомощи. Более трех лет режиссер работал над сценарием фильма «Огни рампы» (1952 г.), в котором дебютировала очень похожая на отца Джеральдина. Этот фильм стал гимном великой любви к человеку и к жизни, а также последней чаплиновской картиной, снятой на студиях Голливуда.

В 1952 г. Чаплин объявил, что уезжает «в длительный отпуск», и покинул Америку, понимая, что назад может уже не вернуться. Действительно, едва пароход отплыл от берегов, Чарли принесли радиограмму, в которой говорилось, что въезд в Соединенные Штаты ему закрыт. Актер признавался, что «никогда не думал, что удар будет таким сокрушительным».

Зато Европа встретила Чаплина, который объявил себя «гражданином мира», как подлинного триумфатора. Он был принят английской королевой, его приглашали президенты Франции и Италии, министры искали с ним встречи, его награждали орденами, его приглашали литераторы, художники, ученые, его приветствовали на улицах. Какой это был контраст после обид и оскорблений в Америке! Но для постаревшего актера этот поток восторгов уже был в тягость.

Погостив в Лондоне, семья Чаплина, в которой было уже четверо детей и ожидался пятый, решила поселиться в тихой и уютной Швейцарии. Они купили большой дом близ местечка Корсье-сюр-Вевев с участком и садом на берегу Женевского озера. Через год Чаплин сдал американскому консулу обратную визу в Америку, а Уна отказалась от американского гражданства.

Последнюю свою картину «Графиня из Гонконга», в которой приняли участие четверо его детей, великий актер снял в 1966 г. в Англии. Главные роли в ней сыграли Марлон Брандо и Софи Лорен, а сам он взял себе крохотную роль старого стюарда. Но картина оказалась неудачной и провалилась в прокате, а ее создатель навсегда распрощался с кино. Отныне он погрузился в мир воспоминаний, работал над мемуарами и, как никогда раньше, уделял время своей большой семье. Его жизнь была счастливой и безбедной. Покидая Америку, Чаплин перевел в швейцарские банки 8 млн долларов, к концу жизни его капитал приблизительно оценивался более чем в 40 млн долларов.

Почти все дети великого Чарли так или иначе связали свою судьбу с кинематографом, но самой знаменитой стала Джеральдина. Именно ей довелось в 1992 г. сыграть собственную бабушку, мать Чарли, в картине «Чаплин».

Книгу воспоминаний Чаплина тоже можно отнести к числу его шедевров. Она вышла в Лондоне в 1964 г. и в ней не видно желания «подвести черту», напротив – она полна творческих планов, словно ее автору была суждена вечная жизнь… В ней он писал: «Мне выпало на долю быть любимцем всего мира, меня любили и ненавидели. Да, мир дал мне все лучшее и лишь немного самого плохого… И лишь за последние двадцать лет я узнал, что такое счастье. Судьба подарила мне замечательную жену… Я гляжу на ее изящную, стройную фигурку, на гладко

зачесанные волосы, в которых уже поблескивает несколько серебряных нитей, и к моему сердцу вдруг приливает волна любви и счастья оттого, что она такая, какая есть, и к глазам подступают слезы».

Спустя двадцать лет Америка решила примириться с гением, подарившим ей свои талант и славу. В 83 года вместе с женой Чаплин опять пересек океан. Он и не надеялся, что когда-нибудь вернется. Но он вернулся, и его встречал Лос-Анджелес, пестревший огромными плакатами с надписью «Хэлло, Чарли!» Принимая специальный «Оскар» Киноакадемии за «неоценимые заслуги в области киноискусства» и самую долгую овацию в истории вручения этой награды, он сиял, как ребенок, и чуть не плакал. Штаты устроили ему настоящий праздник. Он простил американцев, как детей, которые нашалили, и был счастлив.

В 1975 г. тяжелобольной Чаплин предстал в инвалидном кресле перед королевой Елизаветой, чтобы быть удостоенным Рыцарского креста и титула баронета. Оркестр вдруг затих, а потом одинокий пианист, солдат Уэльской гвардии, заиграл сочиненную Чаплиным знаменитую композицию из «Новых времен» – «Смайл» («Улыбайся»): «Пусть сердце твое разбито – улыбайся!»

Чарли Чаплин умер 25 декабря 1977 г. в окружении близких, всеми почитаемый и любимый.

Возможно, только сегодня приходит осознание истинных масштабов его творчества. Чаплин создал героя – не «маску», не яркого, но проходного персонажа с котелком и тросточкой, не «маленького человечка», а титана, донкихота XX и XXI вв., защитника низов, идальго-простолюдина, сражающегося отнюдь не с ветряными мельницами. Этот лиричный, мягкий и грустный образ прежде всего всечеловечен, внеидеологичен, и в этом главная причина его невероятного успеха во все времена, во всех странах и при всех режимах. Чарли сражается с большими и сильными врагами и побеждает их, но не для того, чтобы получить над ними власть, а для обретения свободы от них. Он просто человек, который хочет жить. Это целостная философия индивидуальной свободы. В этом и состоит эпохальное открытие гениального актера и режиссера.

Ну а секрет фантастического таланта и небывалого долголетия его фильмов так и не раскрыт, как и не рассказана до конца история Чарли Чаплина. Ведь у нее не может быть конца, как не было его в старых немых фильмах. В них бродяга Чарли, заставив всех вдоволь посмеяться и погрустить, уходил по дороге куда-то в глубь кадра. Он всегда уходил не прощаясь, и его история продолжается, пока продолжается кино…

Черчилль Уинстон

Полное имя – сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (род. в 1874 г. – ум. в 1965 г.)

Величайший политик и государственный деятель XX в., премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955 гг.). Лауреат Нобелевской премии (1953 г.) в области литературы. Один из участников «Большой тройки» – глав держав антигитлеровской коалиции, инициатор «холодной войны», во многом благодаря которому современный мир является таким, каков он есть.

Можно по-разному относиться к успехам и неудачам выдающейся личности. Но, как известно, только время все расставляет по своим местам. Сэр Уинстон Черчилль и при жизни заслужил репутацию одного из самых знаменитых людей XX в., однако с годами его слава как великого государственного деятеля умножилась стократно. Он был не только умным и тонким политиком, этот человек опередил свое время намного дальше, чем кто бы то ни было из его современников. Не все, например, знают, что Черчилль был инициатором разработки новой конструкции танка, одним из первых осознал значение авиации, еще в 30-е гг. проявил интерес к ракетам. По его приказу летчики стали разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы сбить с толку радары немцев. Он высказал идею создания трубопровода под Атлантическим океаном, изобрел навигационный прибор для пилотов. Черчилль был и самым высокооплачиваемым журналистом своего времени, писателем, лауреатом Нобелевской

премии по литературе 1953 г.

Черчилль вошел в историю Великобритании как самый яркий политик XX в., находившийся у власти в течение правления шести монархов – начиная с королевы Виктории и до ее праправнучки Елизаветы II. Он успел поучаствовать в боях в Судане и присутствовал при испытаниях атомной бомбы, ставшей главной угрозой послевоенного мира. Черчилль был прекрасным дипломатом, художником и даже садовником в своем поместье Чартвелл. Его картины периодически выставлялись в Королевской академии, а в 1958 г. там прошла персональная выставка его работ. Черчилль был одним из лучших ораторов своего времени. Именно ему принадлежит термин «железный занавес», ставший емкой характеристикой послевоенной политической ситуации. А еще этот обаятельный англичанин был одним из самых остроумных людей своего времени. Однажды леди Астор заявила ему: «Если бы мне пришлось выйти за вас замуж, я бы подсыпала вам яда», на что Уинстон ответил: «Если бы я был вашим мужем, я бы принял этот яд».

Черчилль обладал неуемным честолюбием, безудержным стремлением к власти. При этом доминантой его политического портрета была приверженность демократии и ненависть к диктатуре. Давно стал хрестоматийным его знаменитый афоризм: «Демократия – самая ужасная форма правления, но ничего лучшего человечество не придумало». Не менее знаменито и следующее высказывание: «В политике, как и на войне, убивают. Только не один раз». Он знал, о чем говорил. Подтверждением этого афоризма служит вся его жизнь.

Отец будущего политического деятеля, лорд Рандольф Черчилль, был третьим сыном седьмого герцога Мальборо, ведущего свою родословную от нормандских соратников Вильгельма Завоевателя. Однако большинство биографов считают, что первым герцогом Мальборо был ярый роялист Джон Черчилль, юрист из графства Дорсет. Его сын воевал на стороне короля Карла I во время английской буржуазной революции и в 1643 г. женился на девушке, происходившей из семьи сэра Фрэнсиса Дрейка, прославившегося в XVI в. пиратскими экспедициями и грабежом испанских владений в Вест-Индии.

Мать Уинстона Дженни Джером была дочерью крупного предпринимателя из Нью-Йорка и слыла одной из самых красивых и блестящих светских женщин Великобритании. По словам своего сына, «это была принцесса, фея. Она сверкала и излучала свет, подобно звезде».

Родители Черчилля много времени уделяли светским удовольствиям: они страстно любили верховую езду и не

пропускали ни одного бала. Мальчик появился на свет семимесячным во время одного из таких балов 30 ноября 1874 г., в комнате для переодевания во дворце герцогов Мальборо, в графстве Оксфордшир. Родители не на шутку беспокоились за его жизнь. Уинстон рос слабым, долгое время сильно заикался и шепелявил. Судя по всему, он не мог рассчитывать на блестящую карьеру. К тому же во всех аристократических школах мальчик учился плохо, не желая заниматься древними языками, математикой и философией. Любимым его занятием была игра в солдатики, с которыми он разыгрывал целые сражения.

В 1887 г. будущий «величайший англичанин XX в.» поступил в привилегированное учебное заведение в Харроу. Это было нарушением фамильных традиций, поскольку все Черчилли учились в Итоне. Однако и здесь его ожидали постоянные упреки учителей за феноменальную небрежность, опоздания и потерю книг. Через год, памятуя об увлечении сына солдатиками, отец решил отдать его в знаменитое военное училище в Сэндхерсте. Ни на что другое, по его мнению, Уинстон был не способен. Но перед самым поступлением юный сорванец умудрился свалиться с дерева и получил тяжелое сотрясение мозга. Три дня он пролежал без сознания, потом несколько месяцев без движения, а окончательно оправился только через год. После двух неудачных попыток, с третьего захода, Уинстон все же поступил в военную школу.

В 1895 г. юношу постигло большое горе. Умерли его отец и няня. Он стал главой одной из ветвей рода Черчиллей и сразу столкнулся с серьезными проблемами – оказалось, что родители промотали все состояние. При этом мать продолжала бездумно тратить деньги, упрекая в расточительности сына.

В этом же году будущий премьер закончил учебу двадцатым по успеваемости среди 130 учеников и получил назначение в 4-й гусарский полк. Ему страстно хотелось принять участие в военных действиях. Поэтому, когда на Кубе началась война, он через влиятельных друзей отца добился командировки на остров. Ему была поручена проверка боеприпасов у сражавшихся там испанских войск. Кроме того, он должен был направлять статьи в лондонскую газету «Дейли грэфик». Из этой поездки Уинстон вывез увлечение сигарами, которые через много лет станут неотъемлемой деталью образа знаменитого политика. Здесь же он пристрастился к послеобеденному отдыху, которому следовал на протяжении всей жизни.

Вернувшись с острова, Черчилль получил назначение в Индию. Однако при высадке в Бомбее он вывихнул плечо и до конца жизни мог пользоваться правой рукой лишь ограниченно.

Это не помешало, однако, молодому человеку страстно увлекаться поло и даже одерживать победы в соревнованиях между полками. С 1897 г. Уинстон подрабатывал в Индии в качестве военного корреспондента и освещал боевые действия против афганских племен патанов и африди, сопротивлявшихся вторжению англичан. Эту кампанию он описал в книге «Малакандская полевая армия», которая принесла ему некоторую известность.

В этом же году состоялось и первое политическое выступление Черчилля: партии консерваторов нужны были хорошие ораторы, и один из родственников предложил Уинстону попробовать свои силы на собрании консерваторов в Бате. Речь его была принята хорошо, а в газете «Морнинг пост» появилось сообщение о «приходе на политическую сцену новой фигуры».

Однако военные приключения привлекали Уинстона гораздо больше. В 1898 г. он отправился в Судан для участия в кампании против исламской армии Махди. В сентябре во главе отряда улан молодой офицер сразился с 12 дервишами и обратил их в бегство, лично убив пятерых. Позже эту атаку он описал в книге «Речная война», тираж которой разошелся мгновенно. В этом же году в качестве военного репортера Черчилль отправился в Южную Африку, где шла война между англичанами и бурами. Через две недели Уинстон попал в плен, чудом бежал, спрятавшись в вагоне между тюками шерсти, которые направлялись в Восточную Африку. Через двое суток он благополучно покинул бурскую территорию и оказался в Мозамбике. В Англию отважный корреспондент вернулся героем.

В 1900 г. 25-летний Черчилль был избран в парламент от избирательного округа Олдэм. В парламенте его приняли как почетного члена консервативной партии, однако менее чем через три года Уинстон перешел в ряды оппозиционной либеральной партии, утратив при этом всю свою популярность. Формальной причиной перехода были разногласия с лидером консерваторов Дж. Чемберленом по вопросу о протекционизме. В 1906 г. Черчилль был вновь избран в парламент, теперь уже по спискам либеральной партии, от Манчестерского избирательного округа. В то время он считался одним из самых ярких ораторов. Свою государственную деятельность Уинстон начал заместителем министра колоний, в 1908 г. возглавил министерство торговли, а спустя два года стал министром внутренних дел.

На одной из встреч с избирателями Черчилль познакомился с 23-летней Клементиной Хозьер, представительницей знатного и богатого семейства, проживавшего в шотландском городе Данди. В августе 1908 г. он сделал ей предложение, а через месяц они

поженились. И хотя Клементину никак нельзя было назвать первой большой любовью 34-летнего министра, их брак оказался исключительно счастливым. По словам Черчилля, эта женщина, обладавшая как внешними, так и внутренними достоинствами, внесла в его жизнь спокойствие, умиротворенность и стала верной спутницей на всю жизнь.

Умная, красивая, образованная, она смогла укротить необузданный и эгоцентричный характер своего мужа. Давая советы юным девушкам, Клементина любила повторять: «Никогда не принуждайте мужа соглашаться с вами. Вы добьетесь большего, если будете спокойно придерживаться своих убеждений». В результате Уинстон часто советовался с женой по поводу своих политических шагов, был примерным семьянином и не изменял жене. Политика всегда интересовала Черчилля больше, чем женщины. Клементине не на что было жаловаться, кроме пристрастия мужа к армянскому коньяку и игре в казино.

То, что жизнь существует и вне политики, Черчилль понял, приобретя старинное поместье Чартвелл. Из сооруженного во времена Генриха VII дома открывался великолепный вид, достойный кисти художника. Однако и работы здесь предстояло немало: балки были изъедены червями, все вокруг заросло. С присущим ему азартом Уинстон взялся за обустройство усадьбы. Он вырубил и сжег заросли, почистил пруд, сам клал кирпичи. Жена, прекрасно понимавшая, какой это огромный труд – превратить Чартвелл в уютное гнездышко, мужественно выполняла самую неблагодарную работу.

В октябре 1911 г. Черчилль получил назначение, о котором давно мечтал. Он стал первым лордом адмиралтейства, т. е. военно-морским министром. На этом посту он стремился модернизировать армию за счет создания авиации, в том числе морской. Во время Второй мировой войны это сыграло решающую роль в защите британских городов от немецких бомбежек. Глава военного ведомства частенько сам летал на самолетах и гидропланах, чем повергал жену в панику.

После поражения английских войск под Галлиполи, в конце 1916 г. Черчилль был вынужден покинуть свой пост в кабинете министров. После краткого пребывания в должности канцлера герцогства Ланкастерского он отправился во Фландрию, в действующую армию, в качестве командира батальона фузилеров Королевского шотландского полка. Здесь он впервые увидел, насколько эффективным может быть применение на поле боя танков; впоследствии, став военно-морским министром, Черчилль распорядился начать разработку новых типов вооружений.

Вскоре Черчилля отозвали для консультаций в Англию, а

летом 1917 г. в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа он был назначен министром военного снабжения. Благодаря его энергичному руководству выпуск военной продукции значительно увеличился. К концу войны Уинстон восстановил свое положение одного из первых лиц в государстве и после упразднения министерства в 1918 г. был назначен на посты военно-морского министра и министра авиации, которые занимал до 1921 г.

В 1917 г., когда к власти в России пришли большевики, Черчилль стал одним из самых ярых противников их режима. По поводу возвращения Ленина в Россию через Германию он говорил, что «храброе русское сердце было побеждено с помощью немецких денег». А когда в марте 1919 г. правительство Ллойд Джорджа приняло решение о выводе британских войск из России, выступил с протестом. Военный министр не хотел уступать «Ленину и его банде» и с маниакальным упорством поддерживал белогвардейцев, что вызывало недовольство премьера.

Звездный час Черчилля наступил в 1940-х гг. Этому предшествовал ряд важнейших политических событий.

Палата общин вынесла вотум недоверия кабинету Невилла Чемберлена, в 1938 г. подписавшего Мюнхенский пакт, который позволил Германии оккупировать Чехословакию. Недальновидный премьер считал, что этим он обеспечивает мир Великобритании. Однако через год, когда была захвачена Польша и началась Вторая мировая война, стало ясно, чего можно ждать от Гитлера. Британия сразу же объявила войну Германии, а Черчилль вновь был назначен первым лордом адмиралтейства. На этом посту он быстро снискал популярность у сограждан благодаря нескольким удачным военным операциям на море, в частности хорошо организованному нападению на немецкое судно «Альтмарк», скрывавшееся в норвежских фьордах. На его борту находилось около 300 английских пленных, которые были благополучно освобождены. Осуществляя руководство военными операциями, министр одновременно не оставлял работу над рукописью книги по истории англоязычных народов.

После провала военной операции в Норвегии кабинет министров во главе с Чемберленом был вынужден окончательно уйти в отставку. Король Георг VI понимал, что Черчилль лучше кого бы то ни было способен руководить страной в минуту страшной опасности. Монарх вызвал его в Букингемский дворец и 10 мая 1940 г. назначил премьер-министром. С этого момента он стал тем Черчиллем, без которого уже никогда не обойдется ни один учебник истории, – жестким, хитрым, умным политиком, гению которого Англия обязана тем, что заплатила за участие во Второй мировой войне столь малую, по сравнению с другими

странами, цену.

В своей первой речи на новом посту Черчилль сказал: «Мне нечего предложить вам, кроме крови, пота и слез. Вы спросите: какая у нас цель? Я отвечу одним словом – Победа! Победа любой ценой, победа, несмотря ни на что, победа, каким бы долгим и тяжким не был путь к ней. Без нее нам не выжить… без нее не будет Британской империи и всего, что она олицетворяет. Если мы не победим, то должны будем распрощаться с нашим образом жизни… Мне дано теперь право требовать помощи от всех вас, и я говорю вам: приходите все и вместе пойдем к победе».

Вскоре на английские города стали падать бомбы, превращая их в груды дымящихся развалин. Недаром Дувр, с которого начались налеты, получил название «Адское месиво». Но королевские военно-воздушные силы, когда-то предусмотрительно созданные Черчиллем, сумели защитить небо своей страны.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Черчилль ненавидел коммунизм, но в борьбе с нацизмом готов был взять в союзники кого угодно. Он выступил с заявлением, что Лондон окажет Москве техническую и экономическую помощь. Во время войны отношения Черчилля со Сталиным стали довольно тесными, по многим вопросам их точки зрения совпадали.

Многие факты свидетельствуют о том, что об обустройстве послевоенного мира Черчилль стал задумываться задолго до окончания военных действий в Европе. Он понимал, что после победы СССР избавится от двух сильных врагов – Германии и Японии – и станет величайшей сухопутной державой и смертельным врагом всего свободного мира. Поэтому, не ослабляя опасного союзника в военном отношении, он стремился подготовить почву для того, чтобы после войны политические шансы СССР влиять на ход событий были минимальными. Этой цели были подчинены и открытие знаменитого «второго фронта», и стремление западных союзников захватить как можно большую территорию в Европе.

Кульминацией этой политики стало его выступление 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже (г. Фултон, штат Миссури) по поводу вручения ему диплома почетного доктора. В присутствии президента Трумэна он, настаивая на необходимости укрепления англо-американского союза, произнес знаменитую фразу, ставшую призывом к началу холодной войны: «От Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике, поперек всего мира опустился железный занавес… Я хорошо узнал наших русских друзей и союзников по войне и глубоко убежден, что они уважают только силу, и нет ничего, что внушает им меньше уважения, чем

слабость, особенно военная слабость». Кроме того,

19 сентября в Цюрихе Черчилль призвал к созданию Соединенных Штатов Европы. Вместе с тем, когда речь заходила об объединении Германии, он был убежден в том, что путь решения этой проблемы лежит через соглашение с СССР.

Сразу после войны, в июле 1945 г., на выборах победили лейбористы и Черчилль распрощался с креслом премьер-министра. Свою историческую миссию знаменитый политик выполнил. В начале следующего года король вручил ему почетный орден «За заслуги», которым до него были награждены только двое. Черчилль с благодарностью принял его, а вот от ордена Подвязки отказался, сказав, что не имеет на него права, так как избиратели оказали предпочтение лейбористам.

Правда, в 1951 г. лидер тори в очередной раз привел свою партию к победе и снова получил пост премьер-министра, пообещав стране «мир и величие». Спустя три года, после инсульта, у него отнялась вся левая сторона тела, но уже через четыре месяца премьер снова был в строю. Однако силы были уже не те.

В апреле 1955 г., после того как вся Англия торжественно отметила 80-летие Черчилля, великий политик подал в отставку с поста премьер-министра. По этому поводу в резиденции главы правительства был устроен пышный прием, на который прибыли королева Елизавета II и герцог Эдинбургский. Королева предстала в великолепном наряде, сверкая прекрасными бриллиантами. Черчилль надел все свои награды. По окончании приема галантный, как всегда, Уинстон вышел, чтобы придержать дверцу королевской автомашины. На следующее утро он в последний раз собрал кабинет министров, выпил чаю с членами своей команды и уехал в свое поместье Чартвелл. Его пребывание у власти завершилось в лучших английских традициях.

Некоторое время Черчилль еще посещал парламент. Потом, когда ему трудно стало переносить сырой климат родины, он перебрался за границу. Греческий миллионер Онассис предоставил в его распоряжение виллу на Французской Ривьере и свою яхту.

Его ум по-прежнему отличался остротой и ироничностью. В 82 года, в ответ на реплику пришедшего к нему фотографа о том, что тот надеется сфотографировать его в следующем году, экс-премьер заметил: «А почему бы и нет? Ведь вы выглядите весьма молодым и вполне здоровым!» На вопросы журналистов о том, как ему удалось прожить так долго, патриарх европейской политики ответил: «Я никогда не стоял, когда можно было сидеть, и никогда не сидел, когда можно было лежать». До конца дней он

был полон энергии.

В начале января 1965 г. Черчилль простудился и слег. Спустя две недели у него произошло кровоизлияние в мозг и он впал в беспамятство, а 24 января скончался. Официальная Англия устроила бывшему премьеру прощание, которое по пышности и торжественности было равно похоронам королей. Церемония длилась несколько дней и закончилась погребением останков Черчилля на скромном кладбище старинной приходской церкви в Бладоне, где в свое время были похоронены его отец и мать.

«Величайший англичанин XX в.» был отцом единственного сына и четырех дочерей. Рандольф Черчилль родился в 1911 г. Политический деятель из него не вышел, он пробовал свои силы на парламентском поприще. Попытки реализовать себя в журналистике были несколько более успешными. Он занимался составлением обширной пятитомной биографии Черчилля, которая несомненно привлекает к себе огромное внимание, поскольку интерес к личности его знаменитого отца не ослабевает.

В ряде случаев репутация «великого старика» подвергается сомнению. В Великобритании много шума наделала вышедшая в 1993 г. книга профессора истории Джона Чармли «Черчилль: конец славы». По его мнению, «твердая антигитлеровская позиция Уинстона Черчилля истощила силы Британии… стоила ей колоний, поставила в зависимость от Соединенных Штатов и вынудила отдать Восточную Европу на милость другого демагога – Иосифа Сталина». Чармли считал, что Англии стоило заключить мир с Германией и Черчилль мог это сделать еще в июле 1940 г. На это внук премьера справедливо заметил: «Если бы кто-нибудь из этих так называемых историков пережил тяготы нацистской оккупации, то у них бы, наверное, сложился несколько иной взгляд на вещи».

Чингисхан

Настоящее имя – Тэмуджин или Темучин (род. ок. 1155 г. – ум. в 1227 г.)

Основатель и великий хан Монгольской империи (1206 г.). Организатор и предводитель опустошительных походов в Азию и Восточную Европу, которые привели к установлению в завоеванных странах многолетнего татаро-монгольского ига.

У многих народов, испытавших ужас перед монгольскими ордами, образ Чингисхана запечатлелся в целом ряде страшных легенд. Согласно одной из них, император вовсе не умер, а спит в серебряном гробу, ожидая своего часа. Другая гласит, что великий завоеватель сам определил время своего пришествия и должен воскреснуть в конце XXII в. Незаурядная личность хана до сих пор порождает множество споров. Одни считают его кровожадным тираном, другие – талантливым политиком и миротворцем. Так или иначе, этот человек сумел, преодолев все преграды на своем пути, переломить ход истории и оказать колоссальное воздействие на последующее развитие цивилизации.

Чингисхан (настоящее имя – Тэмуджин или Темучин) родился около 1155 г. в семье Есугея-баатура и красавицы Оэлун. Род по отцу, как повествуют древние источники, имел божественное происхождение и восходил корнями к легендарной прародительнице монголов Алангуа, которая зачала сыновей от таинственного светло-русого человека, являвшегося к ней каждую ночь через дымовое отверстие. По преданию, мальчик появился на свет с комком запекшейся крови в руке в час победы его отца

над предводителем татар Тэмуджином, в честь которого и назвали первенца.

Есугей был довольно богатым человеком. Его улус (родоплеменное объединение, населявшее определенную территорию, подвластное вождю или хану) насчитывал около 40 тысяч юрт и объединял несколько монгольских племен. Кроме того, Есугей имел большие стада и собственное войско, отличался силой, мужеством, военным мастерством, совершал многочисленные набеги и всегда возвращался домой с хорошей добычей. Первыми впечатлениями маленького Тэмуджина стали сборы отца и его дружинников в дорогу, а также постоянные распри в монгольских племенах, в которых с конца XII ст. шел процесс разложения родоплеменного строя и становления раннефеодальных отношений. Однако внутренние проблемы были только частью беды: главными врагами монголов являлись найманы, занимавшие территории в предгорьях Алтая, и меркиты, которые хозяйничали на берегах Байкала. Немало хлопот доставляли и набеги маньчжуров, приобретавшие все более угрожающие размеры. Противостоять неприятелю степняки могли только объединенными силами, но это было возможно лишь под руководством смелого и решительного вождя, умеющего мыслить масштабно, а такого среди них не находилось.

Когда Тэмуджин подрос, отец повез его в соседнее племя на помолвку с десятилетней девочкой Бортэ. По монгольскому обычаю свадьбы играли через пять-шесть лет после помолвки. Оставив сына погостить у будущих родственников, Есугей отправился домой. Ночью он встретил в степи у огня группу людей и, только подъехав ближе, разглядел, что это его извечные враги – татары. Бежать было поздно, а по степным законам надо поужинать вместе с ними. По пути домой Есугей почувствовал недомогание. С каждой минутой ему становилось все хуже и хуже. Храбрый воин прекрасно понимал, что произошло: в угощение был подмешан яд. С трудом добравшись домой, он отправил своего приближенного привезти сына обратно. Умирая, Есугей завещал родным отомстить за него коварным татарам.

Так, в 12 лет Тэмуджин стал главой рода, что, впрочем, не давало ему никаких привилегий. Соплеменники, уважавшие Есугея, отнюдь не собирались церемониться с его женами и детьми. Особенно отличились тайчиуты – одно из племен улуса. Однажды они бросили Оэлун и еще одну жену покойного Есугея посреди степи с детьми, горсткой женщин-прислужниц и небольшим стадом. Изгои еле добрались до реки Онон, где разбили лагерь. Отныне они были вынуждены бороться за выживание собственными силами и порой питались лишь дикими

яблоками, чесноком и различными кореньями.

Суровая жизнь заставила Тэмуджина быстро повзрослеть, сделала его рослым и широкоплечим юношей. Сдержанный, волевой и целеустремленный, он верховодил среди братьев: родного Хасара и сводных – Бектера и Бельгутая, что не нравилось Бектеру, который постоянно с ним ссорился.

Однажды Тэмуджин поймал большую рыбу, а сводные братья отняли ее. Тогда он подговорил Хасара помочь ему расправиться с обидчиками. Они подстерегли Бектера, когда он один пас коней, и пронзили его стрелами. Это был первый случай в жизни будущего императора, когда он утвердил свое превосходство и убрал с дороги соперника. По монгольским обычаям убийство брата требовало наказания. Тайчиуты, понимавшие, что подросший Тэмуджин рано или поздно отомстит им за мать, решили воспользоваться моментом. Они явились к стану Оэлун и стали требовать выдачи преступника. Но юноша не собирался сдаваться и убежал. Через 15 дней голод заставил Тэмуджина сдаться на милость врага. Тайчиуты не убили его, а подвергли изощренной пытке: надели на шею большую и тяжелую деревянную колодку. Невыносимые мучения продолжались в течение нескольких лет, пока случай и добрый человек из прислуги не помогли пленнику бежать. Юноше удалось найти свою семью, а через некоторое время он женился на суженой, забрал ее к себе и по законам племени стал в нем править.

Горький опыт подсказывал Тэмуджину, что необходимо подумать о будущем и искать союзников для сражений с неприятелями. Он отправился к побратиму отца Ван-хану, самому могущественному из тогдашних правителей, преподнес ему в подарок дорогую соболью шубу (приданое Бортэ) и попросил взаймы войско. Ван-хан дал свое согласие. Прекрасно вооруженные дружинники пришлись как нельзя кстати: воспользовавшись отсутствием хозяина, меркиты напали на его семью и похитили Бортэ. Чтобы восстановить честь рода и вернуть любимую жену, Тэмуджин выступил в поход против обидчиков. Вместе с Джамухой, возглавившим объединенное войско, они через несколько месяцев настигли врага. Под покровом ночи союзники пробрались в неприятельский лагерь, нашли Бортэ и устроили кровавую резню. Оставшиеся в живых меркиты были взяты в плен.

После этого ночного сражения Тэмуджин и Джамуха осуществили еще несколько удачных набегов. Походная жизнь сдружила молодых людей, они стали андами – названными братьями. Однако оба, мечтая о безграничной власти над соплеменниками, чувствовали друг в друге соперника, что

заставило побратимов вскоре расстаться. Но перед этим Тэмуджин привлек на свою сторону многих богатых сородичей Джамухи, которые искренне симпатизировали потомку Есугая и провозгласили его ханом. Это произошло в 1180 г., когда будущему завоевателю исполнилось всего 25 лет.

Успешные военные операции против вражеских племен принесли молодому хану известность среди обитателей степей. С каждым днем число его сторонников возрастало. За несколько лет, миром или войной, Тэмуджин объединил вокруг себя многие племена и довел численность собственной армии до 20 тыс. человек, что позволило ему осуществить давнюю мечту – отомстить за гибель отца.

В 1202 г. он пошел войной на своих кровных врагов. В жестоком сражении возле урочища Улхуй-Шилугельчжит татары были разбиты, а их вожди казнены. На совете монголы решили полностью истребить татар – исконных губителей монгольских отцов и дедов, оставив в живых лишь малолетних мальчиков, из которых можно будет сделать воинов, преданных хану.

Через год наступил черед кереитов. В кровопролитном сражении, длившемся три дня и три ночи, они были разбиты наголову, а пленных Тэмуджин постановил раздать «во все концы», то есть фактически превратить их в прислугу для своих воинов.

Теперь на его пути к господству над всеми монгольскими степями остались только племя найманов и Джамуха со своими сторонниками, которые к тому времени провозгласили его гурханом – владыкой над другими ханами. Побратим будущего «завоевателя Вселенной» примкнул к главе найманов, Таян-хану, видевшему в Тэмуджине большую опасность.

Таян-хан решил действовать хитростью и обратился к онгутам с предложением напасть на Тэмуджина. Однако те, прекрасно осведомленные о возрастающем могуществе хана, предупредили его о готовящемся нападении, поэтому Тэмуджин в начале лета 1204 г. во главе 45 тыс. всадников выступил первым. Перед походом было совершено жертвоприношение белому священному знамени с девятью хвостами, в котором, по поверьям монголов, обитал дух Суль-дэ – хранителя войска и покровителя воинов.

Во время решающей битвы Джамуха предательски оставил Таян-хана. Войско последнего было уничтожено, погиб и сам хан. С этих пор Джамуха, от которого отвернулись последние сторонники, перестал представлять опасность для Тэмуджина. Однажды неудачливого гурхана доставили к нему, и он, ни на минуту не задумываясь, приказал казнить своего побратима.

Жизнь, преподнеся хану немало уроков, заставила придерживаться четких принципов: не оставлять врага за спиной и не «греть змею на груди».

Расправившись с последним соперником, Тэмуджин в 1205 г. решил вторгнуться в западные районы сильного тангутского государства Си-Ся, существовавшего уже около 200 лет. Были разграблены округа Шачжоу и Гуачжоу, в том числе мощная крепость Лигили и город Клин-Лоши. С богатой добычей в виде всякого скарба и невольников монголы ушли в свои степи. Это нападение на тангутов положило начало их многолетней борьбе с Тэмуджином.

За несколько десятилетий молодой хан из неопытного воина, просившего взаймы солдат, превратился во всеми уважаемого талантливого полководца, который умел ставить цели и добиваться их, отличался силой воли, мужеством, храбростью и рассудительностью. Завоевательные походы принесли ему определенный достаток и вес среди соплеменников. Тэмуджин был вполне готов стать во главе большого народа – ему верили и были готовы подчиниться.

Весной 1206 г. у истоков реки Онон собрался великий курултай – съезд степной знати, на котором авторитетного воина провозгласили Чингисханом, что в переводе означает – «великий хан» или «владыка», то есть повелитель всех монгольских, тюркских и маньчжурских племен. С этого момента у него началась новая жизнь, полная государственных забот: пришло время подумать не только о завоевательных походах, но и об устройстве огромной империи, на территории которой проживало около одного миллиона монголов.

С приходом Чингисхана к власти мелкие стычки между племенами за табуны и стада стали уходить в прошлое. Появился единый народ, жизнь которого регламентировалась сводом законов (Ясой), у которого была общая территория и государственный строй, а во главе стоял правитель, и именно ему принадлежала заслуга осуществления всех перемен.

В области внутренней политики Чингисхан сосредоточил усилия на объединении племен и централизации управления созданным государством, которое он поделил на 95 военно-административных районов, каждый из которых был обязан выставлять в случае необходимости тысячу воинов с тысячником во главе. Тысячники управляли территорией округа и получали жалованье. Высшие должности в государстве и армии были закреплены за преданными Чингисхану людьми. Невоенные, в свою очередь, были закреплены за тысячниками и сотниками. Они не имели права покидать свой округ и менять род

деятельности. Данные о принадлежности того или иного человека заносились в особые книги. Своим родственникам и сподвижникам Чингисхан приказал учиться грамоте, а поскольку письменности у монголов не было, велел использовать письмо уйгуров. Большой заслугой великого хана стало учреждение почтовой ямской службы, для обслуживания которой было выделено большое число людей и лошадей. Позаботился правитель и о собственной безопасности – его надежной опорой стала 10-тысячная гвардия привилегированных воинов.

Благодаря Чингисхану монгольская армия превратилась в одну из сильнейших армий мира со строгой иерархией. Самая большая военно-административная единица включала 10 тыс. воинов и называлась туменом (тьмой), в ее состав входили тысячи, сотни и десятки воинов с соответствующими командирами. Дисциплина и взаимовыручка были поразительными, что способствовало многочисленным победам в захватнических походах.

Великая Яса покончила с произволом, бесправием и неразберихой, царившей среди монголов до прихода к власти Чингисхана. Отныне жестокие нормы регламентировали поведение людей и в походах, и в быту, а за многие провинности полагалась смертная казнь (например, если один воин бежал с поля боя, казнили всю десятку; смерть ожидала также предателя, неверную жену или мужа-прелюбодея, вора или скупщика краденого и т. п.). Подобного кодекса монгольская практика еще не знала. Чингисхан сурово, но справедливо правил своей империей. Некоторые соотечественники обвиняли его в жестоких казнях преступников, но если принять во внимание законы времени, а также необходимость держать в подчинении некогда разрозненную массу людей, то можно сделать вывод, что строгость правителя была вполне оправданна. Посмотрев, например, на публичную казнь вора, каждый сам для себя решал, будет ли он красть, и в большинстве случаев люди старались придерживаться норм, установленных великим ханом.

Что касается внешней политики, то единственной целью Чингисхана являлось расширение владений. Огромная орда (около 300 тыс. конников), находившаяся под его началом, была управляема и готова начать завоевательные походы. Иной жизни в те времена у воинственного народа не могло быть. Предводитель действовал сообразно общепринятым нормам, по праву сильного насаждая свои порядки на захваченных землях.

Самым важным для великого хана было покорение Китая. Сначала он обезопасил восточную границу, захватив тангутское государство Си-Ся (походы 1207 и 1209 гг.), раскинувшееся на

территории Восточного Туркестана и Сибири. Затем в течение трех лет вел непрерывное наступление на самого могущественного соседа – империю Цзинь в северной части Китая. В 1215 г. монгольские силы захватили Пекин. Еще два года потребовалось на то, чтобы окончательно сломить сопротивление китайцев. Далее взор Чингисхана устремился на Хорезм – центр восточной культуры эпохи. Монгольские орды совершили переход через Тянь-Шань, овладели Бухарой, Самаркандом, а также столицей Хорезма – Ургенчем. Население безжалостно уничтожалось, жизнь сохранялась только тем, кто вступал в войско монголов.

В 1221–1223 гг. полки монголо-татар потянулись на запад. Преодолевая пустыни и горы, они один за другим покорили Афганистан, Индию, Иран, Азербайджан, Армению и Грузию. Через Северный Кавказ один из лучших полководцев Чингисхана Субедей вышел к замерзшему Керченскому проливу и направился в Крым, где разгромил Судак – первый город средневековой Европы, подвергшийся монгольскому набегу. Пройдя через Перекоп и Северное Приазовье, армия Чингисхана привела в ужас половцев, а 31 мая 1223 г. на реке Калке, недалеко от устья Дона, одержала победу над объединенными русско-половецкими силами.

Совершив первый разведывательный поход в Восточную Европу, армия монгольского владыки отошла за Волгу, чтобы спустя несколько лет вернуться и поработить славянские народы.

Масштабы завоеваний Чингисхана были огромны. Практически каждое сражение приносило успех монголам во многом благодаря стратегии, разработанной полководцем (разведка, внезапное нападение, расчленение сил противника, устройство засад с использованием спецотрядов, ловушки, маневрирование и т. д.). В зависимости от характера боевых действий гибко менялись способы их ведения, например в конницу были введены новые силы, необходимые для осады городов с применением катапульт, метательных машин, сосудов с кипящим маслом и горящей смолой. Изменялись даже русла рек, чтобы оставить осажденных жителей без воды. Все это позволяло считать монголо-татар самым коварным и непредсказуемым врагом.

Утверждая свое господство, Чингисхан повсюду сеял смерть, но вместе с тем он сделал все для того, чтобы поднять свой народ на новую ступень развития. Покоряя народы, стоящие значительно выше монголов в общественно-политическом, научном и культурном отношении, он старался воспользоваться их достижениями. Так, письменность и делопроизводство он

позаимствовал у уйгуров, технические открытия почерпнул у китайцев, архитектуру – у хорезмцев, ремесла – у народов Закавказья.

К 1225 г. его империя стала одной из сильнейших в мире, но деятельный полководец не останавливался на достигнутом. Последние полтора года жизни он провел в походе против восставших тангутов и умер во время осады их столицы Чжунсина 29 августа 1227 г.

В своем завещании Чингисхан назначил наследником третьего сына от Бортэ – Угэдэя. Отныне право на престол у ордынцев получали только прямые наследники великого хана, деятельность которого создала все предпосылки для дальнейшего расцвета монгольского народа. Через несколько лет его внук хан Батый раздвинет пределы империи и создаст собственное государство – Золотую Орду.

Без сомнения, Чингисхан и его потомки оставили значительный след в истории: уничтожили одни народы, положили начало формированию других. По мнению некоторых ученых, монголы дали многим народам основы государственности, веротерпимости, законопослушания, теорию военного искусства, налоговую систему, почтовую связь и прочее.

Современники называли Чингисхана Потрясателем Вселенной и приписывали ему силы сверхъестественного существа. Нынешнее поколение называет его самой выдающейся личностью второго тысячелетия.

Шекспир Уильям

(род. в 1564 г. – ум. в 1616 г.)

Великий британский драматург, поэт, актер. Автор 37 законченных драм, двух поэм, 154 сонетов и лирических стихотворений. Непревзойденный мастер комедии, трагедии и исторической драмы. Обогатил искусство драмы новыми, неизвестными до него художественными принципами.

Судьба Уильяма Шекспира, величайшего из когда-либо живших и ныне здравствующих драматургов, непохожа на судьбу таких выдающихся писателей, как Гете, Бальзак, Пушкин, Тургенев, Толстой, Достоевский, Ибсен, – словом, тех писателей нового времени, чей жизненный путь известен до мельчайших подробностей. Уникальные шедевры Шекспира «Гамлет» и «Отелло», «Король Лир» и «Макбет», «Ромео и Джульетта» и «Много шума из ничего» давно стали классикой и завоевали заслуженную всемирную славу. Уже на протяжении четырех веков эти и многие другие его бессмертные творения радуют и волнуют читателей и зрителей.

Однако личность самого автора отнюдь не столь открыта для нас, как его творческое наследие. Специалисты по-прежнему много спорят о человеке по имени Шекспир, ведут долгие дискуссии в попытках установить «настоящего» автора шекспировских пьес. Был ли в действительности Уильям Шекспир драматургом или это имя – псевдоним, используемый с целью скрыть личность автора? Однозначного ответа на этот вопрос нет до сих пор, поскольку почти не сохранилось никаких документов,

приоткрывающих завесу над реальной жизнью драматурга. Подтвержденных фактов его биографии гораздо меньше, чем хотелось бы иметь о такой выдающейся личности. Несравнимо больше известно о любом из его знаменитых современников, нежели о нем самом. Сведения же о жизни и деятельности Уильяма Шекспира восстанавливались по крупицам, главным образом за счет непрямых свидетельств. Они неоднозначны и противоречивы. Неудивительно, что эта скудость информации породила множество легенд и гипотез.

С давних времен существует так называемая традиционная точка зрения на личность Шекспира, которой придерживаются биографы-ортодоксы. Она заключается в том, что знаменитый драматург был не кем иным, как Уильямом Шекспиром, родившимся на свет 26 апреля 1564 г. в Стратфорде-на-Эйвоне (Стратфорд-он-Эйвон). Его отец Джон Шекспир занимался тем, что шил перчатки из лайки и торговал шерстью. По всей видимости, в юности Уильям занимался в Новой королевской школе Стратфорда, где изучал латынь и другие науки. Вопрос об образовании Шекспира среди исследователей всегда был спорным. Те из них, кто не считает уроженца Стратфорда автором гениальных литературных произведений, неоднократно заявляли о недостаточности его образования. По их мнению, человек, обучавшийся лишь в грамматической школе и не имевший университетского образования, не мог написать столь талантливые и сложные произведения, свидетельствующие об обширных познаниях их автора, а также о его огромном словарном запасе. И действительно, статистика подтверждает, что словарь Шекспира превышал 15 тыс. только основных слов, в то время как словари Гюго, Готье и Тэна достигали девяти тысяч. Поистине «головокружительно роскошество его метафор и сногсшибательны эпитеты…» Сторонники «официальной» версии полагают, что «отсутствие документа об образовании у Шекспира еще не означает отсутствия самого образования». В исследовании «Шекспир: немного латыни, еще меньше греческого» биограф-ортодокс Т. У. Болдуин замечает: «Если Уильям Шекспир получил такое образование, какое давала грамматическая школа в его время или близкое к тому, то литературно он был образован ничуть не хуже, чем любой из его современников. По крайней мере, нет необходимости ссылаться на какие-то чудеса, объясняя то знание классической литературы и ее приемов, которое обнаруживает Шекспир. Грамматическая школа в Стратфорде могла дать все, что требовалось. Чудо заключается в чем угодно, только не в этом, – это старое как мир чудо гениальности».

Нельзя с уверенностью сказать, как долго Шекспир занимался

в грамматической школе. Вероятнее всего, он не закончил обучения: стесненные жизненные обстоятельства вынудили Джона Шекспира забрать сына из школы. Но даже если Уильям и получил школьное образование, совсем скоро он столкнулся с необходимостью зарабатывать себе на жизнь. Версию о том, что в юности Шекспир был подмастерьем, поддерживает большинство из самых ранних исследователей-шекспироведов. Так, Николас Роу писал, что отец принял своего старшего сына Уильяма в «собственное дело». Будучи подмастерьем, Шекспир в основном проводил свои дни среди пахнувшего кожей товара, производившегося в отцовской мастерской. Но привлекательный юноша, каким был Уильям, находил время и возможности и для других, более увлекательных занятий. В 18-летнем возрасте он начал ухаживать за Энн Хетеуей, старшей дочерью фермера из соседнего селения Шотери. Очень скоро Уильям соблазнил ее, а возможно, она сама обольстила юношу. Во всяком случае, не достигнув совершеннолетия, Шекспир женился на Энн, которая была значительно старше его – что называется, «девицей не первой молодости». Вскоре в семье родилась дочь, которую назвали Сьюзен, а затем, менее чем через два года – двойня, мальчик и девочка. Шекспир назвал своих близнецов Гамнетом и Джудит в честь соседей Сэдлеров, с которыми он поддерживал дружеские отношения. Таким образом, еще не будучи совершеннолетним, Уильям Шекспир уже был женат и имел троих детей. После смерти единственного сына Гамнета мужская линия Шекспиров пресеклась.

Следующий период жизни великого драматурга, вплоть до 1592 г., исследователи называют «утраченными годами», так как нет ни одного документального свидетельства, которое хоть как-то проливало бы свет на жизнь Уильяма Шекспира в это время. Именно об этих годах существует немало легенд. Основная их масса основывается на местных стратфордских преданиях. Одно из них, автором которого является Николас Роу, повествует: «В селении Шекспир оставался еще некоторое время, пока из-за одной выходки, в которой он был повинен, ему не пришлось оставить и свой родной край, и тот образ жизни, к которому он привык… По несчастью, как это нередко случается с молодыми людьми, он попал в дурную компанию; и молодые люди из этой компании, часто промышлявшие браконьерской охотой на оленей, неоднократно склоняли его совершать вместе с ними набеги на охотничий заповедник, принадлежавший сэру Томасу Люси. За это сей джентльмен преследовал его судебным порядком, по мнению Шекспира, пожалуй, излишне сурово, и, чтобы отомстить за это дурное обращение, Шекспир написал

балладу, направленную против Т. Люси. И хотя эта, возможно, его первая, проба пера утрачена, говорят, баллада была настолько злобной, что судебное преследование против него возобновилось с новой силой, и Шекспир был вынужден оставить на некоторое время свое дело и свою семью в Уорикшире и укрыться в Лондоне». Предание это очень понравилось публике, так как наделяло недосягаемого, загадочного Шекспира чертами живого, реального человека. С. Шенбаум, автор еще одного серьезного труда о жизни и творчестве Уильяма Шекспира, писал: «В толпе великих теней его фигура достаточно безжизненна. Но поместите его на фоне питомника в Чарлкоте или заповедника в Фулбруке на исходе ночи, когда опасный лунный свет бледно освещает траву, и вы получите нечто реальное. Кража, поимка, наказание, побег – все это связано с подлинной жизнью».

Существуют и другие версии «браконьерской» истории, но так или иначе, незадолго до 1592 г. Уильям Шекспир действительно уехал в Лондон. Время появления его в столице безнадежно теряется в «провале утраченных лет», однако многочисленные легенды восполняют и этот пробел. Первые предположения о начале «лондонского» периода жизни Шекспира возникли в конце XVII в., более чем через полвека после смерти великого драматурга. Исследователи писали о том, что вскоре после приезда в Лондон Шекспир был принят в «существовавшую тогда труппу, сначала на весьма низкую должность; однако замечательный ум и природная склонность к драматическому искусству дали ему возможность отличиться если не как выдающемуся актеру, то хотя бы как превосходному автору». Со временем Уильям Шекспир стал пайщиком этой театральной труппы, наиболее выдающейся в стране на тот момент.

Свои главные произведения Шекспир написал для общедоступного народного театра. К концу XVI в. Лондон мог гордиться прекрасно поставленным театральным делом, хотя в те времена театр считался развлечением сравнительно низкого сорта. Достаточно сказать, что в пределах Лондона городские власти не разрешали строить театры и давать публичные представления. Буржуа-пуритане видели в театрах источник разложения нравов и одну из причин распространения эпидемий чумы. Их строили за городской чертой, там, где находились всякого рода злачные места и такие развлечения, как загоны для травли медведя и арены для петушиных боев.

Хотя актеров жаловали при дворе и приглашали туда давать представления, драма отнюдь не считалась высоким искусством. Признавался авторитет древнеримских драматургов – Сенеки, Теренция и Плавта. Современные авторы, писавшие для театров, в

широких кругах уважением не пользовались. Зрители не интересовались, кто сочинил ту или иную популярную пьесу, так же, как теперь публика, как правило, не знает имен сценаристов, пишущих для кино.

Первые издания пьес Шекспира вышли вслед за поэмами и были анонимными. Фамилия автора не указывалась, что в те времена было обычным делом. Авторского права еще не существовало, и, продав пьесу театру, писатель переставал быть собственником своего произведения. Оно принадлежало театру, и автору не платили за повторные исполнения пьесы, не получал он ничего и за публикацию своего произведения. Так, гонорар Шекспира за «Гамлета» составил, по-видимому, не более десяти фунтов стерлингов. Даже если учесть, что стоимость денег тогда была намного весомее, то едва ли можно считать такую плату достаточной за пьесу, признанную впоследствии едва ли не самой популярной в мировом репертуаре. Естественно, что литературным трудом обеспечить собственное существование Шекспир не мог. Жил он на доходы от участия в актерском товариществе, в общую кассу которого вложил все свои средства. Часть этих денег пошла на аренду земельного участка, на котором был построен театр, и на постройку самого здания; другая – на оплату текущих расходов по организации представлений. Доход же театра состоял из денег, которые платили зрители за просмотр представления. В основном эти средства шли на покрытие театральных расходов, а остаток делился между актерами-пайщиками.

Впервые фамилия Шекспира появилась на титульном листе издания пьесы «Бесплодные усилия любви». Произошло это лишь в 1597 г. Вскоре после этого один из критиков назвал Уильяма Шекспира «наипревосходнейшим» драматургом, как в трагедии, так и в комедии. Несмотря на это, еще довольно долго имя Шекспира оставалось известным лишь узкому кругу литераторов и актеров. Достаточно сказать, что чиновник, плативший за спектакли при королевском дворе, писал фамилию автора «Комедии ошибок», «Венецианского купца» и «Отелло» с ошибками.

Около двадцати лет прожил Шекспир в Лондоне. За это время им было написано тридцать семь пьес, 154 сонета, а также несколько поэм. Непревзойденный мастер, он и в комедиях («Укрощение строптивой», 1593 г., «Сон в летнюю ночь», 1596 г., «Много шума из ничего», 1598 г.), и в трагедиях («Гамлет», 1601 г., «Король Лир», 1605 г., «Макбет», 1606 г.), и в исторических драмах («Ричард III», 1593 г., «Генрих IV», 1597–1598 гг.) сумел создать яркие, живые, наделенные сильными

эмоциями характеры. Исследователь жизни и творчества английского драматурга А. Аникст считает, что «Шекспир принес в драму важные новые художественные принципы, которых до него вообще не было в искусстве. Характеры героев в древней драме обладали лишь одной какой-нибудь важной чертой. Шекспир создал героев и героинь, наделенных чертами духовно богатой живой личности. Вместе с тем он показал характеры своих героев в развитии. Эти художественные нововведения обогатили не только искусство, но и понимание природы человека».

Пожалуй, никто из поэтов не обладал таким уникальным чувством драматизма, как Шекспир. Да и вообще, его исключительный поэтический дар не имел себе равных. Он был истинным мастером слога, блестяще владел формой. «От сонетов Шекспира веет огнем живых чувств… В строгую форму сонета Шекспир внес живую мысль, подлинные, напряженные, горячие чувства… Сонеты Шекспира проникнуты пафосом жизнеутверждения, горячим призывом к продолжению жизни. Они, как и все его творчество, устремлены вперед, в будущее», – писал еще один исследователь творчества драматурга М. Морозов. Шекспировский дар «выражать во фразе мысль» уникален. До сих пор поэта часто цитируют, даже те, кто никогда не читал и не видел пьес гениального автора. Трудно найти человека, которому бы не были знакомы слова из знаменитого монолога Гамлета: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос…»

За время, что Шекспир прожил в Лондоне, он не только приобрел некоторую известность, но и стал более чем состоятельным человеком. Денежное вознаграждение за свои блестящие успехи в искусстве Шекспир благоразумно вкладывал в дома, землю, десятую часть своих доходов добровольно жертвовал церкви. Капитал он предпочитал помещать в основном в родном Стратфорде, где и провел последние годы жизни. В окружении семьи он жил в прекрасном, каменном доме под названием «Нью-Плейс» – самом большом в городе. Незадолго до смерти Шекспир составил завещание, в котором упомянул, помимо своей родни, простых людей, стратфордских соседей, а также коллег, своих «собратьев», наиболее ценимых им в труппе «слуг его величества короля». Он пренебрег упоминанием лишь знатных лордов, хотя одному из них в молодые годы и посвятил две поэмы. В 1616 г. Шекспир умер и был похоронен в алтаре церкви Св. Троицы. На надгробной плите можно разобрать следующие слова:

Друг, ради господа,

не рой останков, взятых сей землей;
нетронувший блажен в веках,
и проклят – тронувший мой прах.

Несколько свидетелей конца XVII в. утверждают, что Шекспир сам придумал эту эпитафию и распорядился высечь ее на своей могильной плите.

При жизни положение Уильяма Шекспира не было ни почетным, ни уважаемым. Его общественное признание в то время не идет ни в какое сравнение с тем, как к драматургу стали относиться полтораста лет спустя. В середине XVIII в. его признали классиком. Возник и развился подлинный культ Шекспира, а в начале XIX в. его провозгласили величайшим поэтом.

Серьезное изучение жизни и творчества самого знаменитого литературного гения началось в XVIII в. Первое почетное место в ряду литераторов и ученых, занимавшихся исследованием материалов об английском драматурге, принадлежит драматургу Николасу Роу. Он создал первое связное жизнеописание Шекспира, легшее в основу всех последующих биографий, а также издал собрание его сочинений. Вслед за ним изучением жизни и творчества великого поэта занимались Эдмунд Мэлон, Джеймс Холиуэл-Филипс, Эдмунд Чемберс и многие-многие другие. Помимо бесчисленной армии исследователей-ортодоксов, в которую входили такие столпы шекспироведения, как А. Аникст и М. Морозов, существует не менее многочисленный лагерь скептиков, полагающих, что под именем Уильяма Шекспира скрывался совершенно иной человек. На сегодняшний день насчитывается больше пяти десятков претендентов на авторство гениальных пьес и сонетов. Среди них Фрэнсис Бэкон, самый известный из «кандидатов», а также граф Оксфорд, граф Дерби, граф Ретленд, лорд Стрендж, королева Елизавета I, Мария Стюарт и многие другие. У каждой из этих версий авторства были и есть свои сторонники, которые приводят всевозможные доводы, стараясь доказать собственную правоту. Основные аргументы скептиков таковы: Шекспир не мог быть знаком с жизнью и интригами королевского двора, чтобы с такой тщательностью отобразить их. Аристократам же эта жизнь была хорошо известна, однако предстать в роли драматурга ни один из них не мог – «уж больно низменным считалось это занятие». К тому же уроженец Стратфорда никогда не был в Италии, в то время как действие многих его драм происходит именно в этой стране. И главное – после смерти Шекспира не было обнаружено ни одной рукописи,

а в его завещании не сказано ни слова о литературном наследии. Эти и другие доказательства позволили скептикам сделать вывод о том, что Уильям Шекспир из Стратфорда был малограмотным торговцем и его образование, деятельность и образ жизни «не дают возможности принять его за великого писателя Уильяма Шекспира».

Первые «сенсационные открытия» относительно авторства шекспировских произведений появились еще во второй половине XVIII в. В 1769 г. Герберт Лоренс впервые предложил «кандидатуру» Фрэнсиса Бэкона как «настоящего автора произведений, приписываемых Шекспиру». Потом, в середине XIX в. появилась журнальная публикация английской учительницы Делии Бэкон, которая снова поставила под сомнение авторство знаменитых произведений. С маниакальным упорством она искала доказательства того, что под именем Шекспира творил ее знаменитый однофамилец.

Еще одной популярной гипотезой является так называемая оксфордская версия, согласно которой «настоящим» автором пьес Шекспира был Эдвард де Вер, семнадцатый граф Оксфорд. Противники этого предположения утверждают, что Эдвард де Вер не мог быть гениальным драматургом, поскольку скончался в 1604 г., и потому для драм Шекспира, написанных в 1605–1613 гг., следует «искать» иного автора. В качестве такового был предложен драматург Кристофер Марло. Создатель этой версии американец К. Гофман утверждал, что Марло не был убит в потасовке 1593 г., а скрылся и продолжал писать пьесы, одна лучше другой, которые актер Шекспир передавал труппе, сохраняя тайну авторства. Противники же «марловианской» версии заявляют, что смерть Кристофера Марло документирована весьма обстоятельно.

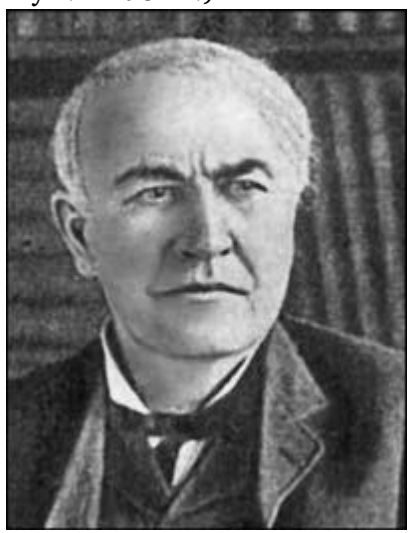
Дискуссии о «настоящем» авторе шекспировских пьес достигли своего апогея в начале XX в. В спор вступили не только профессиональные биографы – историки, филологи, театральные критики, но и исследователи-любители, чьи ряды множились за счет журналистов, сибаритов-аристократов, отставных офицеров и даже народных комиссаров. Все они желали оставить свой след в исследовании «шекспировского вопроса».

Интерес к личности и творчеству величайшего поэта и драматурга не угасает и сейчас. Неслучайно недавний опрос британского общественного мнения определил Уильяма Шекспира как самого знаменитого англичанина тысячелетия. И не так уж важно, кем он был на самом деле – знатным аристократом или торговцем из скромного городка, ведь, как сказал когда-то Николас Роу, «дух этого человека должно искать в

его произведениях». А они, уникальные творения непревзойденного гения, и по прошествии стольких веков неизменно волнуют нас. А посему нельзя не согласиться со словами Ю. Буйды, который сказал о Шекспире: «Он был, есть и останется тем, кого англосаксонские филологи почтительно именуют Nobody или даже Nothing, каковые понятия англосаксонские богословы почтительно используют лишь применительно к Богу».

Эдисон Томас Алва

(род. в 1847 г. – ум. в 1931 г.)



Величайший американский изобретатель и предприниматель, организатор первой промышленно-исследовательской лаборатории США. Автор свыше 1000 изобретений в области электротехники, лауреат Нобелевской премии (1915 г.).

Томас Эдисон поставил более 5 тыс. различных опытов в поисках материала, из которого можно было бы изготовить лампу накаливания. Все испробованные им материалы моментально сгорали, помощники Эдисона впали в отчаяние, но сам он не терял спокойствия и уверенности в окончательном успехе. Как-то после очередного эксперимента один из сотрудников воскликнул: «Опять неудача!» На это хозяин вполне серьезно ответил: «Это не неудача. Нам удалось установить, что этот материал не годится. Выяснив, какие материалы нам не подходят, мы найдем то, что нам нужно…»

В 1914 г., когда Эдисону было 67 лет, его лаборатория в Нью-Джерси сгорела дотла. Было уничтожено оборудование стоимостью 2 млн долларов (по ценам того времени), а также записи и результаты труда всей его жизни. На следующее утро, обходя дымящиеся руины, изобретатель сказал своему сыну: «Несчастье принесло нам пользу. Сгорели все наши ошибки. Слава Богу, мы можем начать все сначала!..»

Предки Эдисона по отцовской линии были состоятельными мельниками в Голландии. В 1730 г. некоторые из членов семейства эмигрировали в Америку, где прадед Эдисона стал

одним из директоров Банка США. Его отец, Самуил Эдисон, родился в 1804 г. В молодости он учился ремеслу портного, но затем стал вести торговые дела.

Мать его была родом из Шотландии, так что в жилах Эдисона текла отчасти и кельтская кровь. Она получила прекрасное воспитание и до замужества была учительницей в одной из канадских школ, где пользовалась известностью благодаря своей образованности и даровитости. Именно от матери Томас унаследовал свои замечательные умственные способности, а отец наградил его здоровой, выносливой натурой и способностью к изнурительному труду.

Эдисон родился 11 февраля 1847 г. в небольшом поселке Майлан, расположенном в американском штате Огайо. В то время дела у отца шли неплохо, и семейство проживало в сравнительном достатке. Когда Томасу исполнилось семь лет, семья переехала в Порт-Гурон, штат Мичиган. Здесь мальчик пошел в школу, однако вскоре его оттуда забрали, так как учитель считал его пустоголовым мечтателем, «который никогда ничего не добьется». После этого мать, которая всю жизнь питала к сыну самую нежную любовь, начала учить его дома: «Мать создала меня, понимала меня, потакала моим увлечениям». Она развила в нем потребность к познанию окружающего мира и то стремление учиться, которое отличало Томаса с 10-летнего возраста.

Уже тогда он читал серьезную научную литературу, причем не только по естествознанию и технике. В 12 лет, получив доступ в общественную библиотеку Детройта, он поставил перед собой задачу перечитать подряд все находившиеся в ней книги и смело начал с нижней полки, где ему встретились сочинения Ньютона, Юра и Буртона. Нисколько не обескураженный, он продолжал этот невероятный труд, пока не прочитал подряд столько книг, сколько там умещалось. Любимыми его произведениями на всю жизнь остались «Труженики моря» и «Отверженные» Гюго, ибо, по его словам, ничто более из прочитанного не доставило ему такого удовольствия.

Детство Тома закончилось рано. Отец не имел в то время достаточных средств, чтобы обеспечить сыну дальнейшее образование, и предпочел, по старому американскому обычаю, вместо высшей школы отправить его в «школу жизни». Он устроил Томаса так называемым «поездным мальчиком» на ближайшей железной дороге, где молодой Эдисон продавал пассажирам газеты, сласти и разные мелочи. Том быстро разобрался в тонкостях ведения бизнеса и так толково повел его, что вскоре торговля расширилась и ему пришлось даже взять себе

помощников. В течение четырех лет, пока юный предприниматель занимался этим делом, у него ежегодно оставалось до 500 долларов, которые он отдавал своим родителям.

Задумавшись над перспективой расширения бизнеса, 12-летний Эдисон написал письмо президенту Союза американской прессы. В нем он предложил 10 долларов в месяц за сведения о событиях, представляющих какой-либо интерес для пассажиров железнодорожной линии, связывающей Чикаго с Детройтом. Одновременно с этим он заключил с дирекцией дороги формальный контракт, по которому ему разрешалось в багажном вагоне поезда поставить маленький печатный станок.

В составе поезда был старый товарный вагон, где помещалось курительное отделение, которое, однако, давно не использовалось по назначению из-за плохой вентиляции и непрезентабельного вида. В этой полутемной конуре Эдисон и устроил свою типографию. Он был издателем, редактором и наборщиком своей маленькой газеты, носившей громкое название «Вестник большой соединительной ветви». Листок наполнялся разными известиями и слухами из местной железнодорожной жизни; содержал сведения о новых назначениях служащих и несчастных случаях, а также рассказывал о главных событиях на фронте – американская междоусобная война была в то время в самом разгаре. Газета продавалась по три цента за экземпляр и давала Тому достаточно средств не только для существования, но и для пополнения своих знаний. Особенно усердно он занимался в это время химией.

Эдисон достал книгу «Качественный анализ» Фрезениуса, приобрел в рассрочку разные химические препараты и посуду и открыл в своей передвижной типографии химическую лабораторию. Эта маленькая лаборатория в вагоне, бегущем со скоростью 30 миль в час, стала в какой-то мере прообразом той знаменитой мастерской в Менло-Парке, в которой впоследствии родилось столько гениальных изобретений Эдисона. Но тряска в этой импровизированной лаборатории привела к печальным последствиям. Как-то раз на особо крутом повороте упала и разбилась банка с фосфором, который тут же воспламенился. Огонь моментально охватил внутренность вагона. Прибежал испуганный кондуктор и, недолго думая, выбросил из окна не только все химические реактивы, но и знаменитую типографию, а вслед за ними и самого молодого экспериментатора.

Так печально кончились два первых предприятия Эдисона. С большим трудом собрал он разбросанные около железнодорожного полотна остатки оборудования и перенес их в подвал родительского дома, где и продолжил свои научные

занятия.

Вскоре ему попалась интересная книга о принципах работы телеграфа, и вместе со своим товарищем Джеймсом Бардом он устроил телеграфное сообщение между собственным подвалом и домом друга. Вскоре он возобновил свою издательскую деятельность и стал выпускать маленькую газету, у которой были и подписчики, и сотрудники. Но тут его постигло новое несчастье. Напечатанная в газете статья оскорбила одного из ее читателей, и тот сбросил злополучного издателя с моста в реку. К счастью, умевший плавать Эдисон остался жив.

Неистощимая энергия и разнообразная деятельность 14-летнего мальчишки, который помимо всех своих работ еще находил время для постоянного, теперь уже систематического чтения самых серьезных книг, не может не поражать. Однако юноша в это время все еще настойчиво искал свой путь. Наконец счастливый случай, как это часто бывает на свете, направил его на ту дорогу, которая привела его к настоящей деятельности, где он проявил во всем блеске свои необычные дарования.

Однажды Том спас от неминуемой смерти ребенка начальника маленькой станции близ Порт-Гурона: он выхватил малыша прямо из-под колес паровоза, рискуя при этом собственной жизнью. Этот поступок прославил его во всем городе, а отец ребенка, желая хоть как-нибудь отблагодарить героя, предложил научить его работе на телеграфном аппарате. Эдисон с восторгом ухватился за эту идею, и они договорились о том, что каждый вечер, после окончания продажи газет, Том будет приезжать к нему на товарном поезде и по ночам они смогут заниматься. Эдисон с энтузиазмом принялся за дело и быстро выучился работать на аппарате.

Через пять месяцев после первого урока 16-летний Эдисон получил приглашение поступить на место телеграфиста в Порт-Гуроне с жалованием 25 долларов в месяц и с особой платой за ночную работу. Так «поездной мальчик» превратился в телеграфиста.

Следует отметить, что неудержимое стремление доходить до сути каждого явления и приобретать новые знания постоянно вредило Эдисону в его службе на телеграфе. Как ни парадоксально, но она шла бы у него с большим успехом, если бы он не был так талантлив. Главные неудачи Тома происходили от того, что он постоянно увлекался новыми опытами, в то время как ему нужно было выполнять рутинную работу. И хотя он готов был работать днем и ночью, эта чисто механическая работа имела в его глазах второстепенное значение. Для развлечения, отдыха и кутежей у него не было ни желания, ни времени, поэтому

заработанные деньги он либо раздавал нуждающимся товарищам, либо тратил на покупку книг и разных приборов.

В качестве телеграфиста Томас работал во многих городах, вводя различные усовершенствования в конструкцию телеграфного оборудования, но нигде не мог задержаться надолго, пока однажды один знакомый не составил ему протекцию. Эдисон был рекомендован директору телеграфной компании Бостона как человек, подходящий для работы на очень важной нью-йоркской линии. Эдисон приехал к новому месту работы, когда ему было 20 лет. Тут он первым делом устроил свою обязательную мастерскую, в которой и проводил все свободное время. Спустя два года Том решил попытать счастья в Нью-Йорке и в течение трех недель бегал по телеграфным конторам в поисках работы. Однако даже выданных ему удостоверений о произведенных в Бостоне успешных опытах над внедренной им системой двойной телеграфной передачи оказалось недостаточно, чтобы обратить на себя внимание руководителей Западной компании – одного из самых больших и солидных предприятий нью-йоркской связи.

Вывела из нужды и стала началом его дальнейшей блестящей карьеры счастливая случайность. Однажды Эдисон зашел в фирму, специализировавшуюся на доставке телеграфных отчетов о состоянии рынка драгоценных металлов. Как раз в это время ее руководитель безуспешно бился над своим аппаратом, который никак не хотел работать. Томас предложил свои услуги и взялся привести его в порядок. Вскоре капризный прибор «ожил», а мастер тут же получил работу. Спустя месяц он оформил патент на изобретение, и через некоторое время вся контора, где он числился механиком, работала на телеграфных аппаратах его конструкции. Этот первый успех принес Эдисону известность, и ему предложили должность с большим жалованьем в престижном предприятии – «Компании Западного Телеграфного Союза» с условием, что компания всегда будет первым покупателем его изобретений. Тяжелые дни борьбы за выживание остались в прошлом, и дальнейшая карьера «самородка» представляла собой ряд блестящих успехов. Было ему в то время всего 23 года.

Теперь в распоряжение Эдисона были предоставлены значительные капиталы. Он окончательно переселился в Нью-Йорк, где устроил большую электрическую мастерскую, в которой работало до трехсот человек. Она состояла из трех отделений и двух лабораторий. В первое время в ней изготавливались телеграфные аппараты и другие электрические приборы, но потом сфера деятельности ее заметно расширилась. Эдисон превратил мастерскую в центр, в котором разрабатывалось

множество разнообразных изобретений. Это был один из самых плодотворных периодов его жизни. Открытия следовали одно за другим, и директор американского патентного бюро образно говорил, что «дорога в контору привилегий не успевала остывать под шагами этого молодого человека».

Как только гениальные способности Эдисона получили признание, тотчас же нашлась акционерная компания, которая купила у него не только все уже завершенные и оформленные, но и еще не законченные и даже все будущие его изобретения.

До 1876 г. Эдисон работал в Нью-Йорке. Здесь же произошло еще одно очень важное событие в его жизни – в 1873 г. он женился на одной из своих сотрудниц. В то время Томас был занят опытами над автоматическим телеграфным аппаратом, а в числе работниц, которые трудились над новой машиной, была одна очень красивая девушка, мисс Мэри Стилвел. Будучи серьезной и внимательной, она практически не отрывала глаз от работы. Как-то раз Эдисон долго наблюдал за ней. Под пристальным взглядом хозяина молодая девушка наконец убрала руки с клавиатуры прибора и подняла на него глаза. По лицу Эдисона пробежала улыбка, и он спросил ее: «Какого же вы мнения обо мне, малышка? Нравлюсь ли я вам?» Поскольку смущенная девушка не знала, что ответить, изобретатель тут же сделал ей предложение: «Я не шучу, но вы не спешите, хорошенько подумайте, поговорите с матерью и дайте мне ответ, когда будет удобно – хоть во вторник на будущей неделе». В назначенный день девушка ответила согласием.

Вскоре после этого один из приятелей Эдисона, уходя с работы поздно вечером, заметил свет в окне его лаборатории. Он зашел и поинтересовался у сидящего в задумчивости изобретателя, не хочет ли он составить ему компанию и отправиться домой. Поначалу Томас ответил отрицательно, но, когда узнал, что уже за полночь, встрепенулся: «Да, нужно идти домой. Ведь я сегодня женился». Однако, несмотря на такое увлечение работой, доходящее до самозабвения, семейная жизнь изобретателя сложилась счастливо. Он был хорошим мужем и нежно любил своих детей.

В 1876 г. Эдисон переселился со своим семейством в Менло-Парк, уединенное местечко в четырех милях от Нью-Йорка. Здесь он устроил свои знаменитые мастерские и лабораторию, где была сделана большая часть его гениальных изобретений.

На одни приборы для своих бесчисленных опытов и наблюдений Эдисон затратил более 100 тыс. долларов. Сложнейшие станки и механизмы в мастерских приводились в движение паровой машиной. Сознавая, как важны хорошие

помощники и исполнители в его работе, Томас постарался собрать здесь самых искусных в США мастеров и механиков. При больших средствах, умелом подборе работников и гениальном уме Эдисона, направлявшем все дело, неудивительно, что его мастерские стали генератором изобретений, следовавших одно за другим: лампа накаливания, электросчетчик, кинетоскоп, кинокамера, щелочной аккумулятор, электрический стул, тостер и многое другое.

Особенно интересна история с изобретением фонографа. В 1878 г. в офис известного американского технического журнала вошел молодой человек и поставил на стол перед издателями небольшую машину. Не говоря ни слова, он повернул несколько раз ручку и изнутри донесся голос: «Здравствуйте! Как поживаете? Как вам нравится фонограф?» Прибор таким образом говорил сам за себя и наглядно демонстрировал все возможности нового изобретения, о котором тогда много писалось, но мало кто его видел. Молодым человеком, принесшим машину, был сам Эдисон.

Аппарат этот был действительно замечательный и оригинальный, его сфера применения в будущем обещала быть очень широкой, однако пока он далеко не удовлетворял требованиям самого изобретателя. Лишь спустя 10 лет Эдисон достиг совершенства в его конструкции. К 1888 г. все изобретения и открытия ученого были внедрены в промышленное производство, а сам Эдисон стал собственником многих предприятий, приносивших ему все новые и новые миллионы. В 1915 г. его научные заслуги были отмечены присуждением Нобелевской премии.

Все это было достигнуто в результате огромного труда. По рассказам его сотрудников, их хозяин работал в среднем по 18 часов в сутки, а спал чаще всего прямо сидя в кресле. Воспоминания современников рисуют этого гениального изобретателя человеком простым, неприхотливым в быту, вызывающим всеобщую симпатию: «Эдисон выше среднего роста с темными волосами, со значительной проседью; он не носит бороды, и у него свежее лицо совсем молодого человека, что составляет замечательный контраст с его сединами. Под массивным высоким лбом сверкают поразительные глаза, которые, кажется, пронизывают вас насквозь, особенно когда он задумывается.

У Эдисона от природы общительный характер, и он чрезвычайно приятный собеседник; особенно он любит разговаривать с людьми, которые интересуются его изобретениями и понимают их. Благодаря его добродушию и

простоте, у него много друзей и знакомых; он обладает особым юмором и не прочь при случае подшутить над своими друзьями… он хороший семьянин, нежный отец и муж; домашние его уже привыкли к его несколько оригинальному образу жизни, когда он по несколько дней не показывается домой и пропадает в своей лаборатории».

Богатство и слава не отложили на нем заметного отпечатка, и всемирно известный миллионер-изобретатель оставался для своих старых товарищей тем же Томом, которого они знали в прежние времена. Эдисон терпеть не мог напыщенности, разных показных церемоний и торжественных обедов с хвалебными речами. Как-то раз, приглашенный на обед в знаменитый нью-йоркский ресторан «Дель-монико», он крайне удивил его хозяина, ограничившись за весь вечер лишь чашкой чая. В другой раз он и вовсе отказался от публичного обеда, говоря, что «и за сто тысяч долларов не согласен просидеть два часа, выслушивая славословия». Его не привлекала личная известность, поскольку «достоинства человека определяются его делами, а не тем, что о нем говорят».

В конце 1880-х гг. Эдисон перенес свои мастерские в Левелин-Парк, близ Нью-Йорка. За несколько лет до этого еще в Менло-Парке, он похоронил свою первую жену и остался с двумя маленькими детьми на руках. Перед своим переездом он женился во второй раз на мисс Минни Миллер – дочери известного заводчика из Огайо.

Устроенные в Левелин-Парке лаборатории и физические кабинеты по своему оснащению не имели себе равных в то время. Механические мастерские были снабжены самыми совершенными машинами и приспособлениями, при помощи которых за короткое время можно было изготовить как самые большие, так и самые крошечные и тонкие механизмы. Именно здесь Томас начал производство своего наиболее известного изобретения – электрической лампочки. Интересно, что американские банкиры отказались финансировать этот проект. Тогда Эдисон самостоятельно собрал 90 % необходимого капитала: «Уолл-стрит оказалась не способна оценить перспективы нового бизнеса… Я вынужден был заниматься производством сам». Впоследствии фабрики, производящие лампочки, легли в основу конгломерата «Дженерал Электрик».

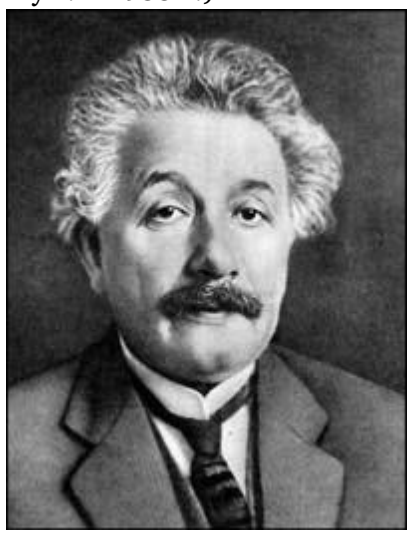
Летом 1889 г. Эдисон посетил Парижскую всемирную выставку, где представил на суд публики свой новый фонограф. Сам изобретатель своим простым обращением и скромностью покорил сердца парижан не меньше, чем его знаменитое изобретение. Однако в ученом мире «делец-самородок» всегда

был сам по себе. Его никогда не признавал научный истеблишмент, а он, в свою очередь, не признавал его. Томас жил непоколебимой верой в каждое свое изобретение, утверждая, что «проблема других изобретателей в том, что после нескольких неудач они бросают начатое. Я же никогда не сдаюсь, пока не добьюсь желаемого». Когда у него появлялась новая идея, он обнародовал ее на пресс-конференции и только после этого шел в лабораторию, чтобы экспериментально подтвердить свою догадку. Таким был его метод подстегивания самого себя, а заодно и получения необходимой финансовой поддержки для своих исследований.

Великий изобретатель прожил 84 года и умер 18 октября 1931 г. в Уэст-Ориндже. Как это обычно и бывает, только после смерти гения потомки определились с тем местом, которое он по праву занял в мировой истории: «Томас Эдисон – один из тех больших умов, которые, появляясь в известные периоды времени среди человечества, отмечают собой целые новые эры в развитии известной отрасли науки или техники. К нему нельзя вполне применить то мерило, которым обыкновенно пользуются при оценке многих выдающихся людей. По своей особой умственной силе и почти сверхчеловеческим дарованиям люди, подобные ему, стоят особняком, представляя собой поразительные феномены в развитии человеческого мозга… Если верно, что гений – неистощимая способность к труду до самых мелких подробностей, то Эдисон по своей деятельности подходит к этому определению».

Эйнштейн Альберт

(род. в 1879 г. – ум. в 1955 г.)



Американский физик-теоретик, немец по происхождению. Один из создателей современной физики, внесший значительный вклад в создание квантовой механики, развитие статистической физики и космологии, автор теории относительности, философ, гуманист. Лауреат Нобелевской премии (1921 г.).

В конце 1999 г. журнал «Time», подводя итоги уходящего века, назвал Альберта Эйнштейна «человеком столетия» и опубликовал на обложке портрет человека, который внес наибольший вклад в развитие цивилизации за «отчетный период». По мнению редакции, XX в. запомнится людям главным образом стремительным развитием науки и техники, ставшим возможным благодаря работам великого физика. «Time» утверждал, что имя Эйнштейна стало синонимом человеческого гения, и, судя по результатам опроса, большинство читателей журнала разделяли это мнение.

Эйнштейна не зря считают самым выдающимся ученым и мыслителем XX в., перевернувшим мировоззрение человечества. Его отличали «способность видеть в известном то, чего не замечали другие, и стремление к логической простоте». Он предложил совершенно новое понимание пространства, времени и гравитации. Он был не только великим ученым, но и незаурядным философом. Эйнштейновские шутки и афоризмы не менее известны, чем его научные труды. Например, что такое относительность, он доступно и с юмором объяснял так:

«Подержите руку на горячей плите минуту – и минута покажется часом. Посидите рядом с симпатичной девушкой час – и он покажется минутой». За его открытиями стояла новая мировая философия: твердо отрицая атеизм, Эйнштейн верил в «бога Спинозы, проявляющего себя в гармонии всего сущего».

Ученый, по его собственному признанию, обладал «страстным чувством социальной справедливости и социальной ответственности». Свою известность он использовал для борьбы за идеи пацифизма и либерализма. Стремясь к установлению гармонии в мире, Эйнштейн не был идеалистом; рассуждая о несовершенстве человеческой природы, не опускался до цинизма. Он был гуманистом по отношению к человечеству в целом: «Человек существует для других – в первую очередь для тех, от улыбок и благополучия которых полностью зависит наше счастье, затем для тех многих, незнакомых нам, с судьбами которых нас связывают узы сочувствия. Сотню раз каждый день я напоминаю себе, что моя внутренняя и внешняя жизнь основываются на труде других, живущих и умерших, и я должен прилагать усилия к тому, чтобы отдавать в той же мере, что получил и получаю…»

Альберт Эйнштейн родился 14 марта 1879 г. в старинном городе Ульме (ныне земля Баден-Вюртемберг в Германии), в семье Германа Эйнштейна и Паулины Кох. Его предки поселились в Швабии около 300 лет назад, и ученый до конца жизни сохранил мягкое южногерманское произношение, даже когда говорил по-английски.

Вырос он в Мюнхене, где у его отца и дяди было небольшое электрохимическое предприятие. Альберт был тихим, рассеянным мальчиком, который питал склонность к математике, но терпеть не мог школу с ее механической зубрежкой и казарменной дисциплиной. По настоянию матери он занимался музыкой и стал впоследствии превосходным скрипачом, хотя всю жизнь играл исключительно ради удовольствия. В унылые годы, проведенные в мюнхенской гимназии Луитпольда, Эйнштейн самостоятельно читал книги по философии, математике, научно-популярную литературу. Большое впечатление произвела на него идея о космическом порядке, и в 12-летнем возрасте мальчик решил посвятить себя решению загадки «огромного мира», а его идеалами на этом пути всегда оставались «доброта, красота и истина».

После того как в 1895 г. дела отца пришли в упадок, семья переселилась в Милан. Альберт остался в Мюнхене, но вскоре оставил гимназию, так и не получив аттестата, и присоединился к родственникам. Шестнадцатилетнего Эйнштейна поразила та атмосфера свободы и культуры, которую он нашел в Италии.

Несмотря на глубокие познания в математике и физике, приобретенные главным образом путем самообразования, и не по возрасту самостоятельное мышление, юноша к этому времени так и не выбрал себе профессию. Однако отец настоял на том, чтобы сын избрал инженерное поприще, надеясь, что это поможет поправить финансовое положение семьи.

В 1895 г. Альберт отправился в Цюрих, в Федеральное высшее политехническое училище, для поступления в которое не требовалось свидетельства об окончании средней школы. Не обладая достаточной подготовкой, он провалился на экзаменах по французскому языку и истории, но понравился директору училища, который и посоветовал ему поступить в последний класс кантональной школы в Аарау, в 20 милях к западу от Цюриха, чтобы все-таки получить аттестат зрелости. Спустя год Эйнштейн без проблем поступил на педагогический факультет Цюрихского политехникума. Здесь одним из его учителей был превосходный математик Герман Минковский (впоследствии именно он придал специальной теории относительности законченную математическую форму), так что Эйнштейн мог бы получить солидную математическую подготовку, однако большую часть времени он работал в физической лаборатории, а в остальное время самостоятельно читал классические труды Г. Кирхгофа, Дж. Максвелла, Г. Гельмгольца и др.

Летом 1900 г. Альберт получил диплом учителя физики и математики, а в 1901 г. стал гражданином Швейцарии. Профессор физики Г.-Ф. Вебер, приверженец старых порядков, не оставил своевольного студента на своей кафедре, поэтому Эйнштейну пришлось некоторое время преподавать физику в Шаффгаузене и давать частные уроки.

Только в июле 1902 г., с помощью бывшего однокурсника Марселя Гроссмана, Альберту удалось устроиться на должность эксперта третьего класса в Бернском федеральном бюро патентов. Он прослужил патентоведом семь с лишним лет – по октябрь 1909 г. В это время у Альберта усилился интерес к физике, которая увлекла его еще в годы учебы. Постоянный контакт с передовыми технологиями, новыми конструкторскими решениями будил научное воображение, рождал творческие идеи. Раскрепощению мысли способствовал и круг друзей, талантливых молодых людей, образовавших содружество, в шутку названное «Академия Олимпия».

В 1903 г., несмотря на категорическое возражение родителей, Альберт женился на своей университетской подруге Милеве Марич, сербке по происхождению, которая стала свидетельницей его первых шагов в мир науки. От этого брака у него было два

сына (Ханс-Альберт и Эдуард). Альберт и Милева были совершенно разными людьми. Для Эйнштейна физика всегда была на первом месте. Второе место было где-то очень далеко от первого, и вот оно-то и было отдано жене. Их семейная жизнь сложилась неудачно. Рождение детей не сделало семью более крепкой, и с началом Первой мировой войны они разъехались, а в 1919 г. развелись. Несмотря на это, Эйнштейн отдал жене и сыновьям денежное вознаграждение от полученной им в 1921 г. Нобелевской премии. Сразу же после развода с Милевой Альберт женился на своей двоюродной сестре Эльзе Лёвенталь, у которой было две дочери от первого брака.

Бернский период в жизни Эйнштейна по научной плодотворности историки нередко сравнивают с «чумными годами», проведенными Исааком Ньютоном в Вулсторпе. Здесь, в Берне, в 1905 г. в престижном немецком ежемесячнике «Annalen der Physik» одна за другой вышли в свет четыре научные работы молодого ученого, совершившие переворот в физике. Первая раскрывала теорию броуновского движения, вторая – «Новое определение размеров молекул» – была принята в качестве докторской диссертации Цюрихским университетом, и вскоре Альберт стал доктором наук.

Сенсацией, вызвавшей в научной среде ожесточенные споры, стала статья, в которой излагалась двойственная природа света. Эйнштейн утверждал, что свет представляет собой одновременно и поток электромагнитных волн, и поток частиц (фотонов). Эта удивительная идея получила всеобщее признание только через 20 лет. Четвертая работа знаменитой серии статей под заголовком «К электродинамике движущихся тел» формулировала специальную теорию относительности. Она подводила итог многолетней упорной работы молодого ученого над проблемой пространства и времени (хотя написана была всего за 6 недель).

В этой теории Эйнштейн дерзнул перенести принцип относительности механических процессов, сформулированный еще Галилеем, на оптические и другие физические явления. Вопреки закону сложения скоростей ученый утверждал, что скорость света не зависит от скорости движения его источника, т. е. декларировал постоянство скорости света. В более широком плане это означало равноценность систем координат относительно друг друга. По сути, новая теория разрушала прежние представления об основах мироздания (правда, в той части, где события происходят со скоростями более низкими, чем скорость света). Относительный же мир Эйнштейна соответствовал световым скоростям, создавал новую механику, отличную от механики Ньютона.

Так Эйнштейн стал известным ученым, и весной 1909 г. его назначили экстраординарным профессором теоретической физики Цюрихского университета, а в начале 1911 г. пригласили возглавить кафедру в немецком университете в Праге. Летом следующего года Альберт возвратился в Цюрих и стал профессором созданной специально для него кафедры математической физики в политехникуме, где он когда-то учился сам.

В 1914 г. Эйнштейн был избран членом Прусской академии наук и приглашен в Германию на должность профессора Берлинского университета и одновременно директора Физического института кайзера Вильгельма (ныне Институт Макса Планка). В течение последующих 19 лет он читал здесь лекции, вел семинары, регулярно участвовал в работе коллоквиума, который во время учебного года раз в неделю проводился в Физическом институте.

Однажды на лекции Эйнштейна спросили, как делаются великие открытия. Он ненадолго задумался и ответил: «Допустим, что все знают о чем-то, что это невозможно сделать. Однако находится один невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие».

После нескольких лет напряженной работы ученому удалось в 1915 г. создать общую теорию относительности, выходившую далеко за рамки специальной теории, в которой движения должны быть равномерными, а относительные скорости постоянными. Общая теория относительности охватывала все возможные движения, в том числе и происходящие с переменной скоростью. Господствовавшая ранее механика, берущая начало из работ Исаака Ньютона, становилась частным случаем, удобным для описания движения при относительно малых скоростях. Эйнштейну пришлось заменить многие из введенных Ньютоном понятий. Так, например, по Ньютону, тела притягивают друг друга, даже если их разделяют огромные расстояния, причем сила притяжения распространяется мгновенно, а ее мерой служит гравитационная масса. Что же касается движения тела под действием этой силы, то оно определяется инерциальной массой тела, которая характеризует способность тела ускоряться под действием данной силы. Альберта заинтересовало, почему эти две массы совпадают.

Он произвел так называемый «мысленный эксперимент». Если бы человек в свободно падающем лифте уронил ключи, то они не упали бы на пол: лифт, человек и ключи падали бы с одной и той же скоростью и сохранили бы свои положения относительно друг друга. Так происходило бы в некой

воображаемой точке пространства вдали от всех источников гравитации. Затем Эйнштейн расширил картину, распространив ее на свет. Если луч света пересекает кабину лифта «горизонтально», то выходное отверстие находится на большем расстоянии от пола, чем входное, так как за то время, которое требуется лучу, чтобы пройти от стенки к стенке, кабина лифта успевает продвинуться на какое-то расстояние. Наблюдатель в лифте увидел бы, что световой луч искривился. Для ученого это означало, что в реальном мире лучи света искривляются, когда проходят на достаточно малом расстоянии от массивного тела.

Предложенная Эйнштейном общая теория относительности заменила ньютоновскую теорию гравитационного притяжения тел пространственно-временным математическим описанием того, как массивные тела влияют на характеристики пространства вокруг себя. Согласно этой точке зрения, тела не притягивают друг друга, а изменяют геометрию пространства – времени, которая и определяет движение проходящих через него тел. Как однажды заметил коллега Альберта, американский физик Дж. А. Уилер, «пространство говорит материи, как ей двигаться, а материя говорит пространству, как ему искривляться».

В тот период Эйнштейн работал не только над теорией относительности. Например, в 1916–1917 гг. вышли его работы, посвященные квантовой теории излучения. В них ученый рассмотрел вероятности переходов между стационарными состояниями атома (теория Нильса Бора) и выдвинул идею индуцированного излучения. Эта концепция стала теоретической основой современной лазерной техники.

Хотя и специальная, и общая теории относительности были слишком революционны, чтобы принести автору немедленное признание, вскоре они получили ряд подтверждений. Одним из первых было объяснение прецессии орбиты Меркурия, которую не удавалось полностью понять в рамках ньютоновской механики. Английской экспедиции под руководством астрофизика Эддингтона удалось наблюдать звезду, скрытую за кромкой Солнца во время полного затмения в 1919 г. Этот факт свидетельствовал о том, что лучи света искривляются под действием гравитационного поля планеты.

Когда сообщения экспедиции Эддингтона облетели весь мир, к Эйнштейну пришла всемирная слава. Относительность стала привычным словом, и уже в 1920 г. ее автор был приглашен на должность профессора Лейденского университета (Нидерланды) – мирового центра физических исследований. Однако в Германии он подвергался нападкам из-за своих антимилитаристских взглядов и революционных физических теорий. Некоторые

коллеги Эйнштейна, среди которых было несколько антисемитов, называли его работы «еврейской физикой» и утверждали, что полученные им результаты не соответствуют высоким стандартам «арийской науки». В это время ученый оставался убежденным пацифистом и активно поддерживал миротворческие усилия Лиги Наций. Он был сторонником сионизма и приложил немало усилий к созданию Еврейского университета в Иерусалиме в 1925 г.

В 1921 г. Эйнштейну была присуждена Нобелевская премия по физике «за заслуги перед теоретической физикой, и особенно за открытие закона фотоэлектрического эффекта». «Закон Эйнштейна стал основой фотохимии так же, как закон Фарадея – основой электрохимии», – заявил на представлении нового лауреата С. Аррениус из Шведской королевской академии. Эйнштейн в Стокгольме присутствовать не смог, так как задолго до торжественного мероприятия запланировал на это время выступление в Японии, и поэтому свою Нобелевскую лекцию прочитал лишь через год после официальной церемонии награждения.

В середине 1920-х гг. обнаружились значительные расхождения между физиками, работающими в области квантовой механики. Эйнштейн не мог примириться с тем, что закономерности микромира носят лишь вероятностный характер (известен его упрек, адресованный Бору, в том, что тот верит «в Бога, играющего в кости»). Альберт не считал статистическую квантовую механику принципиально новым учением, а рассматривал ее как временное средство, к которому приходится прибегать до тех пор, пока не удастся получить полное описание реальности. На Сольвеевских конгрессах 1927 и 1930 гг. разгорелись жаркие, полные драматизма дискуссии между Эйнштейном и Бором по поводу интерпретации квантовой механики. Ученый не смог убедить ни Бора, ни его молодых коллег – Гейзенберга и Паули. С тех пор он следил за работами «копенгагенской школы» с чувством глубокого недоверия. Статистические методы квантовой механики казались ему «невыносимыми» с теоретико-познавательной точки зрения и не удовлетворяли его эстетически.

Начиная с 1930 г. Эйнштейн проводил зимние месяцы в США, в Калифорнии. В Пасаденском технологическом институте ученый читал лекции, в которых рассказывал о результатах своих исследований. В начале 1933 г. Эйнштейн находился в Пасадене и после прихода Гитлера к власти никогда более не ступал на немецкую землю. В марте того же года он заявил о своем выходе из Прусской академии наук.

С октября 1933 г. Эйнштейн стал профессором физики в новом Институте фундаментальных исследований, который был создан в Принстоне, штат Нью-Джерси, и спустя семь лет получил американское гражданство. В годы, предшествующие Второй мировой войне, ученый пересмотрел свои пацифистские взгляды, чувствуя, что только военная сила способна остановить нацистскую Германию. Он пришел к выводу, что для «защиты законности и человеческого достоинства» придется «вступить в битву» с фашистами.

В августе 1939 г. по настоянию нескольких физиков-эмигрантов Эйнштейн обратился с письмом к президенту Франклину Д. Рузвельту, в котором сообщал о том, что в Германии, по всей вероятности, ведутся работы по созданию оружия массового уничтожения. Он указывал на необходимость поддержки со стороны правительства США исследований по расщеплению урана. Позднее ученый жалел об этом письме и говорил: «Если бы я знал, что угроза неоправданна, я бы не участвовал в открытии этого ящика Пандоры. Потому что мое недоверие к правительствам не ограничивалось только Германией». Хотя Эйнштейн не принимал непосредственного участия в исследованиях и ничего не знал о создании американской ядерной бомбы вплоть до ее применения в Хиросиме в 1945 г., его имя настойчиво связывали с приходом ядерного века.

После окончания Второй мировой войны, потрясенный ужасающими последствиями использования атомной бомбы против Японии и все ускоряющейся гонкой вооружений, Эйнштейн стал горячим сторонником мира, считая, что в современных условиях война представляла бы угрозу самому существованию человечества. На торжественном заседании сессии ООН в Нью-Йорке в 1947 г. он заявил об ответственности ученых за судьбу планеты, а в 1948 г. выступил с обращением, в котором призывал к запрещению ядерного оружия. Незадолго до смерти он поставил свою подпись под воззванием Бертрана Рассела, обращенным к правительствам всех стран и предупреждающим их об опасности применения водородной бомбы, а также выступал за свободный обмен идеями и ответственное использование науки на благо человечества.

Среди многочисленных почестей, оказанных Эйнштейну, было и предложение стать президентом Израиля, последовавшее в 1952 г., от которого он, однако, отказался.

Помимо Нобелевской премии, он был удостоен множества других наград, был почетным доктором нескольких университетов и членом ведущих академий наук и научных

обществ мира.

Последние 22 года жизни великий ученый провел в Принстоне. По свидетельствам окружающих, жизнь для Эйнштейна превратилась в спектакль, который он смотрел с некоторым интересом, поскольку никогда не был раздираем трагическими эмоциями любви или ненависти. Все его мысли были направлены за пределы этого мира, в мир явлений. Эйнштейн жил с женой Эльзой, ее дочерью Марго и личным секретарем Хелен Дукас (позже к нему переехала его сестра Майя) в простом двухэтажном доме, каждое утро ходил пешком в институт, где работал над своей единой теорией поля и беседовал с коллегами. В часы отдыха играл на скрипке и плавал на лодке по озеру. В Принстоне он стал местной достопримечательностью. Его знали как физика с мировым именем, и в то же время он был для всех добрым, скромным, приветливым и несколько эксцентричным человеком.

18 апреля 1955 г. Эйнштейн умер во сне в Принстонской клинике от аневризмы аорты. Рядом на столе лежало его последнее незаконченное заявление: «К чему я стремлюсь – так это только к служению моими ничтожными возможностями правде и справедливости, рискуя никому не угодить». В тот же день его тело было кремировано, а пепел развеян друзьями в месте, которое должно навсегда остаться неизвестным. Он и после смерти хотел быть гражданином мира, «никогда полностью не принадлежавшим своей стране, своему дому, своим друзьям и даже своей семье».

Томас Манн на смерть Эйнштейна написал: «…он был человеком, который в самый критический момент, опираясь на свой ставший уже мифическим авторитет, противостоял року. И если сегодня весть о его смерти у всех народностей, всех цветов и религий вызывает единодушную скорбь и оцепенение, то в этом выражается нерациональное чувство, что само его существование могло предотвратить катастрофу. В Альберте Эйнштейне умер спаситель чести человечества, чье имя никогда не будет забыто».

Янг Джерри

Настоящее имя – Чих Юану (род. в 1968 г.)

Директор и один из основателей американской интернет-компании «Yahoo!», удачно сочетающий в себе ученого и бизнесмена. Созданное им программное обеспечение для организации информационных ресурсов Интернета по категориям за короткое время превратило его в мультимиллиардера.

Чуть больше 10 лет назад мало кто мог предположить, что невинное увлечение «киберпространством» перерастет в революцию. Тогда только что зарождавшийся Интернет привлекал редких пользователей персональных компьютеров, а следовательно, был демократической средой обитания избранных. Обживая Сеть, они формировали свои законы и правила. Одна из главнейших целей – не-коммерциализация – была для всех чуть ли не самым святым обязательством. День за днем хобби по имени «Интернет» обрастало полезной информацией, к которой можно было добраться из любой точки планеты. Но однажды настал момент, когда поиск необходимых данных стал настолько затруднительным, что поставил под сомнение целесообразность их получения из Сети.

В 1994 г. на помощь своим неудовлетворенным единомышленникам подоспели два аспиранта Стэнфордского университета Джерри Янг и Дэвид Фило. Их посетила до безумия простая идея – сделать каталог любимых ресурсов. Дело пошло, и некоммерческий ресурс, размещенный на сервере их учебного заведения, трансформировался в большой проект со странным

именем «Yahoo!» и одноименную компанию.

Самый заметный из всех «иеху», душа, идеолог и отец-основатель компании «Yahoo!» – Джерри Янг родился на Тайване в 1968 г. и был старшим из двух сыновей в семье беженцев из коммунистического Китая. Отец умер, когда Чих Юану (как звали тогда Джерри) было два года, и с того момента мать, преподаватель английского языка и литературы в университете столичного Тайбэя, растила детей одна. Ее убивала мысль, что когда-нибудь ее мальчиков призовут в тайваньскую армию, и поэтому она решила перебраться в США. Этот план осуществился в 1978 г., после того как Соединенные Штаты возобновили дипломатические отношения с Китаем.

Несмотря на профессию матери, единственным английским словом, которое знали Джерри и его брат, ступив на калифорнийскую землю, было слово «ботинок». Но они оказались смышлеными детьми и, по счастью, достаточно юными, чтобы с легкостью освоить чужой для них язык. «Поначалу над нами много смеялись. Я не знал даже, что за лица изображены на бумажных деньгах! – с улыбкой вспоминал впоследствии Янг. – Зато на экзаменах по математике в школе мы опережали всех. К концу третьего года мы с братом перешли из коррекционной группы по английскому языку в продвинутую».

Юноша блистал и в старших классах – притом, что он вовсе не был помешан на зубрежке. Он играл в сборной школы по теннису, а в последний год учебы его избрали президентом ученического совета. Одновременно Джерри усиленно готовился к поступлению в колледж.

Неудивительно, что он выиграл стипендии во всех трех вузах, куда направил документы, а ведь среди них были и такие именитые, как университеты Беркли и Стэнфордский. Янг выбрал последний, поскольку это давало ему возможность оставаться поближе к дому. Кроме того, этот колледж был единственным, где не требовалось выбирать профилирующий предмет в первый же год обучения. Это было важно для Джерри, который хотя и мечтал о карьере инженера, но не исключал для себя возможности в будущем увлечься чем-то еще, например историей или правом. А возможно, и бизнесом…

Головокружительный темп обучения, взятый в школе, Янг продолжил и в Стэнфорде. За четыре года он умудрился получить степень не только бакалавра, но и магистра по электротехнике. По окончании университета одаренный выпускник поступил в аспирантуру. Параллельно он много работал, в том числе и в качестве подборщика книг в университетской библиотеке. Этот опыт, по его словам, очень помог ему впоследствии, поскольку

именно в библиотеке он впервые узнал, как нужно систематизировать информацию.

Своего партнера по бизнесу Джерри встретил, уже учась в аспирантуре. Дэвид Фило на два года старше Янга. Он вырос в Луизиане и получил степень бакалавра в Тьюланском университете, а затем поступил в аспирантуру Стэнфорда. У будущих компаньонов нашлось много общих интересов. Как и Янг, Дэвид был спортивным болельщиком и гением в области математики и инженерного дела. Но по-настоящему сблизиться им помогла шестимесячная поездка в Японию в 1992 г., которая была организована в рамках студенческого обмена.

Оба приятеля сумели использовать эти полгода не только для учебы и знакомства с незнакомой культурой, но и для приобретения важнейших связей. Прежде всего, в Киото Янг встретил Акико Ямазаки, японку по происхождению, выросшую в Коста-Рике, на которой в 1997 г. женился. Она тоже окончила Стэнфорд и работала в Кремниевой долине. Кроме того, друзья познакомились там с Шриниджей Шринивасон, еще одной выпускницей Стэнфорда, которая специализировалась на изучении проблем искусственного интеллекта и методов организации информации. Позднее она присоединилась к «Yahoo!» в качестве главного редактора. Поэтому неудивительно, что несколько лет спустя первое зарубежное отделение фирмы Янга и Фило было открыто не где-нибудь, а именно в Японии. Сегодня японские пользователи обеспечивают пятую часть общего трафика компании.

Когда аспиранты вернулись в Калифорнию, их коллеги по Стэнфорду вовсю обсуждали последнюю новинку – программу «Мозаика», самый первый, еще очень примитивный браузер, который позволял разыскивать необходимую информацию в новорожденной всемирной компьютерной сети. Вдруг оказалось, что компьютер может стать чем-то вроде окна в огромный мир информации, и Янг с Фило немедленно решили «заглянуть» в него.

Интернет покорил друзей сразу и навсегда. Первый проект, который был создан Янгом при участии Фило, позволял при помощи «Мозаики» и самодельного программного обеспечения собирать и регулярно обновлять статистические данные об игроках Национальной баскетбольной лиги. Джерри в тот период также попробовал свои силы в веб-дизайне. Первый созданный им сайт был посвящен любимым борцам сумо.

Где-то с конца 1993 г. Джерри и Дэвид стали замечать, что чем богаче и обширнее становятся ресурсы всемирной компьютерной сети, тем труднее рядовому пользователю

ориентироваться в ней и находить что-то действительно полезное. К тому же аспирантам, как будущим ученым, хотелось иметь полную информацию об исследованиях, проводившихся в других университетах. Так друзья приступили к созданию программного обеспечения, которое помогло бы организовать содержимое Интернета по категориям. В результате в Сети появился сайт, которой был назван незатейливо: «Jerry's Guide to the World Wide Web» (Путеводитель Джерри по WWW) и был размещен на компьютере, стоявшем в трейлере во дворе университета.

Веб-первопроходцы собирали коллекцию ссылок на любимые страницы. Всемирная «паутина» тогда была куда менее запутанной, так что перечислить все достойные, на их взгляд, ресурсы труда не составило. Однако со временем Сеть росла. Пришлось разбить коллекцию на отдельные категории, их – на разделы, разделы – на подразделы и т. д. Постепенно росло и количество посетителей. Если сначала кроме основателей страничкой пользовались только соратники по Стэнфорду, то затем ее начали посещать и люди, не имевшие никакого отношения к университету. О сборнике ссылок узнавали из e-mail переписки, а также из обычного, повседневного общения. Адрес их сайта в буквальном смысле слова пошел по рукам.

В конце концов Джерри решил избавиться от старого названия, так как в создании страницы принимал участие и Дэвид. Янг решил назвать ее «Путеводитель Дэвида и Джерри по WWW», чем очень разозлил Фило – тот не хотел ставить свое имя на безликое нечто. В результате друзья взялись за словарь и после бессонной ночи остановились на слове «yahoo». Выбор был сделан не случайно. Во-первых, слово должно было начинаться на УА, поскольку в то время это была очень популярная аббревиатура, обозначавшая словосочетание «yet another» (и еще один). К примеру, так назывался их любимый компилятор языка С – YACC («Yet Another C Compiler»). Во-вторых, это словечко было настоящим вызовом всем посетителям: «yahoo» на русский переводится как «иеху» (ударение на втором слоге) – отвратительные существа из романа Д. Свифта «Путешествия Гулливера». Конечно, при желании «Yahoo!» можно было воспринимать и как аббревиатуру – «Yet Another Hierarchical Officious Oracle» (в вольном переводе – «И еще один дружеский путеводитель»). Как бы то ни было, но выбор был сделан.

Творение стэнфордских аспирантов неожиданно, в том числе и для них самих, стало очень популярным. Вскоре их виртуальный почтовый ящик уже ломился от писем с изъявлениями благодарности и пожеланиями от многочисленных

пользователей. В один прекрасный день друзья вдруг обнаружили, что работают над совершенствованием своего детища почти круглые сутки и что компьютерная сеть университета уже не справляется с нагрузками из-за огромного числа обращений к серверу. В конце 1994 г. Янг осознал, что они создали нечто значительное.

Тогда же он окончательно забросил свою докторскую диссертацию. Злые языки утверждают, что Джерри только и ждал возможности сбросить с себя бремя учебы в аспирантуре. Однако, по словам самого Янга, решение оставить Стэнфорд далось ему очень тяжело. «Но, с другой стороны, – рассуждал он, – закончи я диссертацию, какие бы последствия это имело? Может быть, 100 человек в мире прочитали бы ее. А поняли бы, возможно, пятеро из них… В то же время привлекательность «Yahoo!» заключается в том, что миллионы людей знакомятся с тем, что мы производим. И для меня это что-то вроде наркотика…»

Конечно, проект «Yahoo!» был не одинок. Существовали и конкуренты – WebCrawler в Вашингтонском университете, Lycos в университете Карнеги-Меллон, платная поисковая система InfoSeek и другие. Но у «Yahoo!» было существенное преимущество – в то время как поиском и индексацией сайтов у конкурентов занимались роботы-спайдеры, на сервере Янга это делали исключительно люди. Каталог создавался людьми и для людей. Благодаря этому пользование системой значительно упрощалось – не нужно было мудрить над сложным запросом, можно было просто воспользоваться удобной и понятной иерархической системой категорий и дойти до единственного нужного сайта, а не проверять десятки тысяч адресов, выданных из базы данных поисковика. Конкуренты, имевшие похожую иерархическую систему (EINet Galaxy, World Wide Web Virtual Library), в конце концов сдались и ушли с арены – деньги на этом в то время еще заработать было нельзя. К концу 1994 г. «Yahoo!» стал безусловным лидером среди каталогов с иерархической организацией.

Даже порвав с аспирантурой ради своего электронного детища, Янг не был уверен, что на этом можно сделать какой-то бизнес. Друзья обдумывали и другие идеи – к примеру, продавать через Интернет учебники. Заметим, что это было за два года до появления проекта Amazon.com.

Пока Джерри и его партнер пребывали в нерешительности, в фургончик на территории студенческого городка в Стэнфорде, где они жили, зачастили гонцы из компаний, известных сейчас как MCI WorldCom, AOL, Netscape. Оказалось, что их привлекли слухи о том, что молодые хозяева «Yahoo!» ищут финансовую

«крышу». Стали захаживать и другие гости – предприниматели, готовые вложить средства в развитие нарождающегося сетевого бизнеса.

Эти визиты помогли друзьям понять, что они – хорошо ли, плохо ли – уже начали свое дело. С помощью еще одного студента из Стэнфорда – Тима Брэйди был составлен примитивный бизнес-план, и в марте 1995 г. «Yahoo!» была зарегистрирована как компания. Брэйди, ставший вице-президентом, был записан в списке ее сотрудников под номером три. Вместе они начали серьезные поиски источников финансирования. Янг позже вспоминал: «Мы искали не столько деньги, сколько еще одного партнера, который мог бы помочь нам в тех аспектах бизнеса, в которых мы не разбирались. И имел бы навыки, которых у нас не было».

Как раз в это время Марк Андрессен, один из основателей Netscape Communications (и разработчик двух самых популярных WWW клиентов), предложил Янгу переместить свою систему на более мощные компьютеры Netscape. В результате у «Yahoo!» появился свой домен – yahoo.com, и каталог переехал на 10 станций Silicon Graphics Indy. Примерно в это же время проект получил и первого инвестора: благодаря поддержке известного инвестиционного фонда «Seqouia Capital» Янг и Фило обзавелись офисом и наняли энергичную команду web-серверов, средний возраст которых был около 25 лет. Темпы роста каталога стали увеличиваться. В день добавлялось до 1000 страниц.

Это была лишь первая веха на пути коммерческого успеха «Yahoo!» Далее последовала череда других инвесторов, а 12 апреля 1996 г. неизвестная на фондовом рынке компания выпустила свои акции. При номинальной цене в 12 долларов за штуку к концу первого же дня они продавались уже по 33 доллара. Это был невероятный успех.

Руководители компании были и одними из первых, кто стал применять традиционную рекламу в прессе и на телевидении для повышения популярности электронного ресурса. Они были настоящими пионерами в своей области, но именно их самоотверженный труд и позволил создать то, что мы имеем сегодня. Кроме того, Янг с самого начала считал, что не за горами время, когда поисковые Интернет-серверы заполнят рынок. Поэтому корпорация «Yahoo!» постепенно преобразовывалась в компанию, занимающуюся поставкой информации.

Фирма старалась создать себе репутацию высококлассной компании, чтобы избавиться от имиджа, который неизменно ассоциировался с технологиями поиска, и потому главный упор делался на поставку информации средствами Web. «Мы

стремимся стать ведущей компанией, поставляющей по-настоящему сетевую информацию. Поэтому работаем над образом компании, каналами распространения и информационным наполнением, – говорил Янг. – Содержание – это то горючее, которое поможет Internet к сегодняшним 30 млн пользователей добавить еще сотни миллионов. Без обширной клиентуры и без доходов от рекламы, которые должны сопутствовать этому росту, Internet будет спотыкаться так же, как это делают другие средства информации. Наш подход состоит в том, чтобы совершить поворот к предпринимательству в сфере средств массовой информации, плохо приспособленных к индивидуальным нуждам».

Для участия в проекте Янг пригласил еще одного партнера – человека, имевшего четкое представление о ведении бизнеса. К моменту выхода на фондовый рынок бывший президент фирмы «Intermec» из Сиэтла, Тим Кугл, был обладателем 3 % акций компании «Yahoo!», а в руках у каждого из «родителей» проекта остались пакеты по 10 %. Однако в то время стоимость 10-процентного пакета оценивалась уже приблизительно в 43 млн долларов.

С того момента как Кугл пришел в компанию, прошло совсем немного времени, а «Yahoo!» из обычного «поисковика» превратилась в мощный Интернет-портал, предлагающий пользователям самый широкий спектр услуг – от предоставления бесплатных электронных почтовых ящиков до возможности участия в Интернет-аукционах.

На сайте появились ежеминутно обновляющиеся новости, сводки погоды, котировки биржевых акций и компьютерные обзоры. Пользователям все это понравилось, и они стали задерживаться на yahoo.com дольше, чем прежде. Со временем появились электронная почта, игры, интерактивные карты и пр. «Yahoo!» стала новатором и в рекламной практике – так же, как посетители находили интересующую их информацию, так и рекламодатели получили возможность размещать свою рекламу на интересующих их страницах. Это сразу увеличило отдачу от рекламных кампаний, позволило поднять расценки на услуги для них, а «Yahoo!» стала одной из первых Интернет-компаний, получивших прибыль.

Это, кстати, выгодно отличает ее от многих WWW-компаний, для которых главным источником дохода является рост курса акций. Многочисленных рекламодателей привлекает не только раскрученный брэнд, но и то, что возможности «Yahoo!» позволяют делать рекламу более адресной. Когда пользователь при помощи поисковой системы компании Янга пытается

отыскать какую-либо информацию, анализ его запроса помогает определить, какая реклама была бы ему наиболее интересна. Грубо говоря, если человек ищет в Сети что-нибудь о компьютерах, то и рекламу ему подберут соответствующую. Понятно, что эффект рекламы от этого возрастает в несколько раз. «Yahoo!» способна также оценить интерес пользователей к тому или иному баннеру, точно подсчитав, сколько раз по нему «кликнули» мышкой. А за такую информацию рекламодатели нередко готовы платить отдельно.

Джерри Янг – классический молодой бизнесмен и ученый в одном лице. В его жизни трудно найти то, чем могут поживиться досужие журналисты. В голове у него «глобализация информационного пространства», «капитализация интернет-стартапа», «человеческий капитал как важнейший фактор успеха». Он занят тем, что неустанно ездит из страны в страну, распространяя свое детище по всему миру. Во время путешествий он открывает для себя удивительные вещи. Так, например, оказалось, что в разных странах существуют разные законы в отношении «печатного» слова. Недавно, к примеру, был случай, когда французы пробовали судиться с «Yahoo!» из-за того, что на его он-лайн аукционе были выставлены для продажи предметы с фашистской символикой, что является преступлением на территории Франции. По этому поводу Джерри заявил: «Требование блокировать доступ на основе национальности посетителей очень наивно», – и призвал сторону, подавшую иск, совместно с «Yahoo!» выработать «приемлемое решение».

На недавней лекции в Гонконгском университете Янг много говорил о соперничестве, потенциальной неудаче и необходимости быть готовым к ней. У него гибкое молодое тело без типичных для американцев недостатков, вызванных слишком долгими пребываниями в машине или спортзале, свободная жестикуляция академического стиля; простая одежда яппи и белая футболка, виднеющаяся сквозь расстегнутый ворот; у него по-китайски слегка гнусавый голос и безупречный английский с академически-деловым словарем. Янг уже давно не популист: ни анекдотов, ни двусмысленностей. Знаменитый стэнфордский трейлер остался в прошлом.

На пике Интернет-бума компания «Yahoo!» оценивалась – страшно подумать – в 100 млрд долларов. А после марта 2000 г. начался всеобщий спад. Хайтек-компании перестали чувствовать себя сыром в масле и задаваться вопросом: «Как бы еще заработать?». На смену ему пришел вопрос: «Как бы выжить?». Но, несмотря на то что «Yahoo!» изрядно потеряла в цене (осенью прошлого года стоимость компании оценивалась «всего» в 8 млрд.

долларов), одна акция компании на начало 2003 г. стоила 20 долларов. Тоже, впрочем, неплохо.

Сегодня «Yahoo!» – самый посещаемый портал, на который хоть единожды, но все же заходил каждый из 210 млн нынешних пользователей. В свою очередь, для многих граждан «киберконтинента» «Yahoo!» – это страница в Интернете номер один (число посещений – более 31 млн в месяц). Компания имеет офисы в Европе, Азии, в Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Канаде и США. А оба ее основателя – аспиранты, когда-то не дотянувшие несколько месяцев до защиты диссертации, вошли в Клуб Миллиардеров, возглавляемый недосягаемым Биллом Гейтсом.

По большому счету, богатство Джерри Янга, как и его бизнес, – виртуальное, оно все «на бумаге». Конечно, у него есть карманные деньги и дом в Сан-Хозе, стоимостью в 1,9 млн. долларов. Но главное то, что ввело Джерри в форбсовский список миллиардеров, – это рыночная цена его акций. И даже если предположить, что его акции по какой-либо причине упадут в цене до нуля, он не прыгнет с верхнего этажа небоскреба. Для него в мире мало что переменится. Янг найдет себе работу. Он будет получать шестизначную зарплату, а Голливуд купит историю его жизни…

Богатство Джерри, таким образом, – это его имидж. Почему он не успокаивается на достигнутом, не изымает деньги из оборота и не отправляется на «заслуженный отдых» куда-нибудь на Карибские острова? А потому что не в деньгах счастье. «Yahoo!» стало проекцией его личности. Каждый раз, когда мы набираем в командной строке браузера: http://www.yahoo.com, а теперь еще и сайт покупки билетов, многочисленные аукционы, hot-mail и т. д., мы как бы набираем его номер телефона и говорим: «Привет, Джерри, что новенького? Ничего, если я побеспокою тебя еще разок, очень нужно?» – «О чем речь, – говорит Янг, – пользуйтесь на здоровье, для того и поставлено».

notes

Примечания

1

Лишь в третьем и четвертом браке у Пьеро да Винчи родились дети. Включая Леонардо, их было 12.

2

Третьего февраля по новому стилю.

З

Ньютона кольца – интерференционные полосы равной толщины в форме колец, расположенные концентрически вокруг точки касания двух поверхностей (двух сфер, плоскости и сферы и т. д.). Впервые описаны Ньютоном в 1675 г.